С. РАДЗИЕВСКАЯ

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

С. РАДЗИЕВСКАЯ

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

С. Радзиевская

С. РАДЗИЕВСКАЯ

ПОВЕСТИ

РАМ И ГАУ

ОСТРОВ МУЖЕСТВА

БОЛОТНЫЕ РОБИНЗОНЫ

И РАССКАЗЫ

ДЖУМБО

ДВА ВОЛЧОНКА

ВИТЮК

КРАСНАЯ ЛЕНТОЧКА

ВЫДРА ПОЛЬСКОГО КОРОЛЯ

ТИГРЕНОК ГУЛЬЧА

БЕЛОЕ ПЕРЫШКО

КАЗАНЬ · ТАТАРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО · 1981

Р2
Р15

Р $\frac{70802-341}{М132(03)-81}$ 160—81

ПРЕДИСЛОВИЕ

Группа археологов обнаружила однажды в горах большую пещеру, а в ней — остатки древнего костра. Спрессованный слой пепла оказался очень мощным. Исследуя его, ученые установили поразительный факт: огонь в пещере был зажжен во времена палеолита, древнего каменного века, и горел непрерывно в течение нескольких тысячелетий! Пожалуй, ни один костер на Земле не горел так долго. Наши далекие предки, еще не научившись добывать огонь, сумели приручить его, они словно изловили упавшую с неба жар-птицу и уже не выпустили ее из рук. К одному из таких первых очагов и приводит Софья Борисовна Радзиевская героев своей повести «Рам и Гау», которой открывается эта книга.

Приручение огня... Невольно возникает чувство благодарности к автору, который так живо, так достоверно воссоздал наше далекое прошлое, когда человеческие ступни протаптывали самые первые тропы, а хриплые крики превращались в слова, когда появились первые робкие проблески того, что сегодня мы именуем человечностью. Становится понятным, почему мы до сих пор подолгу, как зачарованные, смотрим на огонь, на пламя ночного костра — прошлое не забыто, оно живет в нашем подсознании, а объясняется это, по-видимому, тем, что очень долгим и мучительным был путь к первому общему очагу.

Имя Софьи Борисовны Радзиевской известно целым поколениям юных читателей: первые ее произведения были опубликованы еще в начале 30-х годов. «Рассказы о животных», «За лесными сокровищами», «Тигренок Гульча», «Голубой храбрец», «За золотом», «Джумбо», «Для вас, ребята», «Пум», «Лесная быль», «Полосатая спинка» — некоторые из

этих книг с удовольствием читают не только дети, но и взрослые.

Неутомимая путешественница, участница многих научных экспедиций, энтомолог по специальности С. Радзиевская вводит в свои произведения множество представителей животного мира, человеческие судьбы на страницах ее книг неотделимы от жизни нашей матери-природы. Бабочки и лягушки, рыбы и птицы, домашние животные и дикие звери проходят перед глазами читателя, открывая свои сокровенные тайны. Жизнь этих персонажей полна глубокого смысла, драматизма и абсолютно достоверна. Читая книги С. Радзиевской, мы словно совершаем путешествие в пространстве и времени — от маньчжурских сопок до арктических островов, от нижнего палеолита до наших дней. И весь этот красочный художественный мир озарен одним солнцем, имя которому — человечность, гуманизм.

В настоящее юбилейное издание — Софье Борисовне Радзиевской в 1982 году исполняется 90 лет — вошли кроме повести «Рау и Гау» ее приключенческие повести «Болотные робинзоны», «Остров мужества» и ряд рассказов.

М. Скороходов

РАМ И ГАУ

Глава 1

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С ОГНЕМ

Солнце близилось к закату, но определить это было трудно: низкие, свинцовые тучи сплошь застилали небо. Все чаще и чаще вспыхивали молнии, но грома еще не было слышно: гроза надвигалась откуда-то издалека. Стояла мертвая, зловещая тишина, и от этого становилось страшнее, чем если бы уже загремел гром. Так чувствовали все: птицы примолкли, не взлетали над травой насекомые, в глубине леса затаились, выжидали звери.

На лесной поляне одиноко стоял огромный дуб. Когда-то молния опалила его верхушку и сожгла верхние ветки, но сила жизни одолела: новые, молодые побеги пробились сквозь толстую кору и веселым кольцом окружили верхние обугленные сучья.

Кусты орешника раздвинулись, и на поляну вышло странное существо. Короткие, немного согнутые ноги поддерживали сильное туловище, огромные челюсти выдавались вперед, как у обезьяны, а маленькие глаза, глубоко спрятанные под нависшими бровями, блестели настороженно и сердито.

Но это была не обезьяна: сутулая фигура крепко стояла на ногах, а длинные руки не опирались о землю по-обезьяньему. В одной руке странное существо держало камень с грубо заостренным краем, в другой — тяжелую дубину.

Озираясь и останавливаясь на каждом шагу, существо сделало несколько осторожных шагов в сторону дуба. Оно глубоко втягивало воздух широкими ноздрями плоского носа, стараясь уловить запахи, несущие опасность. Но неподвижный воздух ничего не сказал ему. Существо сердито оскалилось, оглянулось и издало приглушенный, отдаленно напоминающий членораздельные звуки, крик. Тотчас же кусты орешника опять шевельнулись: такие же сутулые мохнатые фигуры молча скользнули в густой траве и сбились вокруг своего предводителя в тесную кучу.

Их было около пяти десятков, мужчин и женщин, некоторые матери несли на руках малышей, более взрослые дети сами бежали с ними рядом и, видимо, чем-то сильно напуганные, жались к матерям на бегу. На всех не было и признаков одежды, мужчины и женщины одинаково мохнаты. Только у одного мужчины в шапке коротких волос блестела седина.

По всему было видно: люди спасались от какой-то опасности, но теперь, потеряв надежду избежать ее, решились встретиться с врагом лицом к лицу.

Лес, простиравшийся на сотни километров, не имел ни скал, ни возвышенностей, на которых удобно было бы принять бой. Нельзя было спастись и на деревьях: враг, преследовавший их, умел выжидать, пока истощенные жертвы сами свалятся ему в пасть. Обезьянолюди — первые люди на Земле — понимали это. Они остановились и ждали. Здесь, на поляне под дубом, встретить врага лицом к лицу и дать ему отпор было легче, чем в зарослях. Страшный саблезубый тигр преследовал бродячую орду. И не один уже раз, притаившись где-то рядом, выхватывал то женщину, то ребенка, а вчера унес молодого сильного мужчину. Орда должна была погибнуть целиком или принять бой. Она решилась.

Вождь орды, вышедший на поляну, продолжал распоряжаться. Еще несколько странных лающих звуков, и все дети и матери собрались у старого дуба. Мужчины и некоторые женщины образовали вокруг них кольцо. В руках они держали заостренные камни и дубины. Один, самый коренастый и сильный мужчина, опустил на землю огромный грубо обколотый камень. Положив камень на землю, так чтобы можно было сразу нагнуться и схватить его, мужчина глубоко вздохнул и пошевелил широкими мохнатыми плечами. Казалось удивительным — как мог человек долго нести такую тяжесть! Это был настоящий великан по сравнению с остальными: темные волосы, покрывающие его тело, были длиннее и гуще, чем у других людей, а на груди и плечах они свисали длинными прядями, точно грива. Глаза совсем прятались под мохнатыми бровями и блестели оттуда по-звериному. Урр звали этого силача.

Предводитель был менее силен, но более ловок в движениях, и его камень был заострен лучше, чем у других.

— Гау! — тихо позвал силач и показал на темнеющее небо и на кусты. Предводитель кивнул головой и сердито зарычал. Обоим было понятно: если тигр дождется темноты, отражать нападение станет труднее. Но тут же Гау пригнулся и застыл, сжимая в руках камень и дубину.

В том месте, откуда люди только что вышли, кусты орешника дрогнули и раздвинулись. Огромный тигр не торопясь вышел на поляну и остановился. Детский голос тихо вскрикнул и умолк.

Тигр много дней преследовал бегущую орду и привык смотреть на нее, как на свою законную добычу. Сейчас он еще не успел проголодаться и не особенно торопился. Ему просто захотелось осмотреть свою будущую еду. Но что-то в поведении людей заставило его насторожиться. Их неподвижность и мертвое молчание не нравились зверю. Тигр потянулся, хлестнул себя хвостом по полосатым бокам и вызывающе заревел. В ту же минуту яркий свет молнии разорвал тучи и упал на ревущую пасть, острые белые клыки и красный дрожащий язык.

Люди не выдержали. Они тоже закричали, завыли, зарычали звериным рыком, в котором не было ничего человеческого. Они махали палицами и камнями, рвались навстречу зверю, в отчаянии жаждая последней битвы.

В первую минуту тигр смутился и попятился от такого рева. Но в следующую неожиданный вызов тех, кого он уже считал своей добычей, разгорячил его кровь. Тигр с ответным ревом припал к земле и, вдруг распрямившись, взлетел на воздух. В полете сверкнуло его белое брюхо. Миг — и он подмял под себя сразу нескольких человек и тут же вскочил на ноги, держа в пасти еще живое, бьющееся тело... Но вот с земли поднялся залитый кровью Урр с камнем в руках. Огромная глыба взлетела в воздух и опустилась на золотистый затылок. Послышался ясно различимый даже в общем реве хруст, и тигр упал, роняя захваченную добычу.

Наверное, люди закричали от радости еще громче, чем кричали от ярости и боли. Но этого крика никто не услышал: в то же мгновение яркая молния осветила раскрытые рты, раздался удар грома, и люди в ужасе попадали на землю, закрывая головы руками.

Гроза подкралась и забушевала так внезапно, будто только к этому времени и готовила все свои силы. На этот раз молния до корня расколола старый дуб. Когда люди подняли головы, на поляне было светло как днем. Вершина дуба лежала на земле, разбитая на куски; ствол, оставшийся на корню, пылал ярким пламенем, как огромная свеча. При свете ее виден был тигр, неподвижный, с раздробленной головой, и уползавшие в разные стороны люди. От страха они готовы были опрометью кинуться во мрак, окружавший поляну, но громкий крик Гау остановил их. Боязливо и неохотно собрались они вокруг него. Яркий свет пожара казался страшнее темноты. Однако привычка к послушанию была сильнее: вернулись все, кто убежал в темноту, подползли раненые. Три трупа остались лежать около убитого тигра. Вздрагивая, люди со страхом оглядывались на жарко разгоревшийся костер. Гроза уже унеслась дальше, едва смочив землю дождем.

Между тем мрак за кустами орешника наполнился движением, там скользили подозрительные тени. Они ссорились и огрызались. Иногда самые нетерпеливые высовывались из кустов, но тотчас отскакивали в темноту: за убитым тигром следовала его свита — гиены и волки.

Низкий лоб Гау наморщился, волосатая рука приподняла дубину, готовясь к удару. Он скалил зубы и, вздрагивая, оборачивался к огню при каждом треске падавшей ветки. Орда примолкла, настороженно ловя каждое движение своего предводителя, и вдруг... Гау еще раз повелительно крикнул и решительно шагнул в сторону огня. Ближе, ближе... Удивительное чувство охватило его тело, ослабило страшное напряжение мышц.

Люди повиновались. Они приближались к огню, дрожа и отскакивая, когда падала, рассыпая искры, горящая ветка. Но вот на землю с треском рухнула верхняя половина пылавшего ствола. Раздались крики и вопли разбегавшихся людей. Сам Гау не выдержал и отскочил, роняя дубину, а один из молодых, перебежав освещенную поляну, кинулся в кусты. Страшный предсмертный крик тотчас же разъяснил его судьбу, и люди снова бросились к костру так близко, как только можно было стоять, не обжигаясь: в эту минуту огонь показался не так страшен, как звери, скрывавшиеся в темноте.

Костер горел ровнее, тепло делало свое дело. Прошло немного

времени, и люди, осмелев, накинулись на тушу тигра. Они торопливо резали острыми камнями и рвали теплое мясо. Враг превратился в добычу. Трупы убитых немного оттащили в сторону: людей своей орды не ели, но и похорон не ведали. Насытившись, тут же садились на согретую землю, опускали голову на руки и засыпали, наслаждаясь теплом и безопасностью.

Силач Урр долго зализывал рваную рану на руке и наконец тоже задремал, опершись на свой камень. С ним Урр никогда не расставался, и много раз уже люди побеждали разъяренного зверя только благодаря этому страшному оружию. По силе Урр мог бы стать предводителем орды — не было человека, который хоть минуту устоял бы перед ним даже в шуточной борьбе. А в гневе с ним никто и не пробовал спорить: все помнили, как однажды в битве он вырвал у противника руку так легко, как иной вырывает пучок волос. Первым Урр ни с кем не заводил ссоры, а предводителя Гау любил нежно и во всем слушался. Для орды был счастьем его мирный нрав.

За спиной Урра примостилась сгорбленная маленькая фигурка. В тонких длинных руках она держала грубо сделанный кожаный мешок. Человечек опустил мешок на землю, потер утомленные руки, но тут же, испуганно оглянувшись, снова прижал его к груди. В мешке глухо звякнули, ударяясь друг о друга, камни, грубо оббитые в рубила или еще только приготовленные для этого.

Мук был самый старый человек орды. На голове и тощих плечах его давно серебрилась седина. Хитрость заменяла ему недостающую силу: от всякой опасности он успевал спрятаться за спину силача Урра. Ночью, во сне, он прижимался к той же надежной спине, никогда не расставаясь с драгоценным мешком. Добродушный Урр всегда охотно готов был защитить маленького старика.

Засыпавшие люди вдруг всполошились: послышалось их недовольное угрожающее ворчанье, наморщенные гневом лбы, оскаленные челюсти обратились в одну сторону. Мук был виновником переполоха. Он устал не меньше других и все же не мог заснуть. Яркий свет огня так заманчиво отражался на гранях камней, которые он вынул из мешка и разложил на земле, что старик не удержался. Забыв об усталости, он погрузился в любимое занятие: зажал камень между подошвами ног и с увлечением ударял по нему другим, поправляя и заостряя его режущий край.

Заостренные камни были очень нужны всем людям орды. Но сейчас, раздраженные, они хотели спать. Чья-то волосатая лапа протянулась и больно стукнула нарушителя тишины. Мук взвизгнул, роняя камень, одним прыжком подскочил к Урру и прижался к нему, ища защиты. Урр и сам недовольно зарычал на него, однако поднял руку и легким взмахом отстранил подскочившего Дамма, самого сердитого из людей орды. Толчок как будто бы легкий, но Дамм отлетел в сторону, точно его сдуло ветром. Недовольно скаля зубы и потихоньку огрызаясь, он убрался на свое место: с Урром ссориться не приходилось.

Мук, вздрагивая и что-то бормоча, осторожно подобрал драгоценные камни, сунул их в мешок и затих, возвратившись к Урру. Урр тоже зарычал на него, но Мук не боялся великана.

Через минуту на поляне все снова успокоились.

Люди проснулись перед самым рассветом. Было холодно. Костер уже не бушевал: догорали последние толстые сучья дуба, языки огня были почти незаметны в свете наступающего дня.

Гау вскочил первым и растерянно оглянулся. Где же веселый пляшущий огонь? Где дерево, ветки которого он разжевывал с хрустом, точно медведь, грызущий кость оленя?

Долго бы простоял он у костра в необычном раздумье, но жалобная воркотня людей заставила его очнуться. В эту ночь, согретые непривычным теплом, люди спали так крепко, что не заметили, как ночные воры — волки и гиены — утащили трупы убитых тигром людей и даже расколотые и высосанные кости самого тигра. Орда хотела есть, пора было отправляться за добычей.

Покидая место стоянки, люди орды обычно больше к нему не возвращались. Имущество отсутствовало, в оседлости не было нужды. И теперь матери схватили на руки детей, мужчины вскинули на плечи дубинки — голод гнал их вперед на поиски еды.

А Гау медлил. Голос огня притягивал его, словно звал остаться...

Но люди ворчали все громче. Урр перешел поляну и, углубившись в кусты орешника, в недоумении оглянулся.

— Гау,— позвал он.

И Гау медленно повернулся, решительно раздвинул кусты. Смутная мысль на этот раз осталась недодуманной. Тихий голос огня замер в отдалении...

Глава 2

ПИРШЕСТВО

Люди орды только с виду были неуклюжи. На самом деле они двигались ловко и бесшумно, ни один звук не ускользал от их внимания, широко расставленные ноздри ловили запахи леса, сильные руки держали наготове страшные дубины и заостренные камни. Женщины и дети отстали от охотников, они не мешали выслеживать крупную дичь, но готовы были присоединиться к дележу добычи. В ожидании они не теряли времени: черви, ящерицы, съедобные корни — все шло в дело, наполняло голодные желудки. Малыши, только выучившиеся бегать, уже усердно искали и тащили в рот все живое, что удавалось схватить.

Яркая бабочка села на цветок, медленно открывая и закрывая крылышки, и тут же ее схватила маленькая рука. Мальчуган уже потащил ее в рот, мать остановила, оборвала яркие крылышки. Мальчик сердито пискнул, запихал в рот и крылышки, подавился, выплюнул. Другой малыш пронзительно завизжал и тут же кувыркнулся в траву от крепкого шлепка рассерженной матери: на охоте кричать не полагалось. Тихо хныча, он протянул руку: на пальце крутилась глубоко вонзившая в него жало пчела. Мать ловко вытащила жало из пальца, а обезвреженную пчелу сунула в рот малышу. Тот не отказался, успокоился и вскоре повеселел, но пчел стал обходить стороной.

Дети, подражая осторожной походке матерей, озирались, ожидая каждую минуту от матери помощи и защиты. А матери, держа грудного детеныша в одной руке и тяжелую палицу в другой, искали пищи для себя и детей, готовые отразить опасность, откуда бы она ни появилась.

Вот деревья словно расступились, и довольно глубокий ручей пересек дорогу. Старшая из женщин остановилась, тихий радостный возглас — и все устремились к воде. Это была хорошая находка: в мелкой прозрачной воде из песчаного дна тесными рядами выдавались спинки ракушек-беззубок, вкусная еда. Их вытаскивали горстями, камнями разбивали створки, ели сами, разжевывали и засовывали в рот малышам. Вода была очень холодна, но люди орды не обращали на это внимания: холодное мясо насыщает не хуже, чем теплое.

Один мальчик, лет восьми, угрюмо держался в стороне, только издали с завистью поглядывал на лакомую добычу. Матери присели в ряд вдоль всей ракушковой отмели, каждая ела и кормила своего малыша, не заботясь о других.

Раму на отмели не осталось места. Он тихо проскулил и кончил чуть заметным ворчаньем. За более громкий протест он получил бы хорошего тумака, но не место на отмели. Рам обошел женщин, спустился в ручей, прошел несколько шагов по прозрачной воде и тихо вскрикнул от радости: за изгибом ручья оказалась новая отмель, еще лучше первой, песок так и набит спинками ракушек. Воровато оглянувшись, Рам присел и торопливо выкинул на берег кучу ракушек, крупных, как блюдечки, сложенные попарно. Он дробил их камнем и глотал розовое мясо, почти не разжевывая, торопясь, пока какая-нибудь из женщин не догадается заглянуть за изгиб ручья. Наконец он почувствовал, что набит едой по самое горло. Теперь это случалось с ним не часто: его мать утащил саблезубый тигр в самом начале своей охоты за людьми. Мужчины отважно защищали орду в случае опасности, но голоден ли отдельный ребенок — до этого им дела не было. Рама оттесняли от лучшей еды матери, кормившие собственных детей, а о нем заботиться было некому. Но на этот раз ему повезло, даже есть больше не хотелось. Рам некоторое время забавлялся: разбивал и разбрасывал все новые раковины, а под конец развалился и незаметно заснул на мягкой траве, пузатый и лохматый, точно маленький смешной медвежонок. Он спал так крепко, что не услышал, как женщины собрались уходить. Они уже подняли на руки детей, но вдруг тихий звук, точно шипенье змеи, заставил их остановиться. Матери, сжимая в руках дубинки и камни, приготовились защищать жизнь детей.

Однако тревога оказалась напрасной: из-за кустов вынырнул молодой Ик, славившийся быстрым бегом. Еще несколько коротких звуков, взмах руки — и женщины поняли: мужчины нашли стадо оленей, их надо загнать на обрыв, и в испуге они разобьются, падая вниз на камни у реки. Свежее горячее мясо, истекающее кровью, еще лучше ракушек. И женщины радостно заспешили за Иком. Рама никто не позвал, никто о нем не вспомнил.

Ик вел женщин уверенно, словно шел по протоптанной тропинке с отметками. Они бежали долго и неслышно, не выказывая и признаков

усталости. Наконец Ик остановился. За кустами, невидимые неопытному глазу, ждали охотники орды: их было мало, чтобы как следует окружить стадо оленей, поэтому они и вызвали женщин. Вскоре дикие крики огласили лес. Вся орда подхватила этот вой. Олени заметались в испуге. Крики неслись с трех сторон, оставался один путь — к реке, и обезумевшее от ужаса стадо понеслось по нему. Передние пытались задержаться на крутом обрыве, но задние, не видя обрыва, напирали на них. В несколько минут все было кончено: олени ринулись с утеса, разбиваясь внизу о прибрежные камни.

Раздались крики торжества: люди, как обезьяны, карабкались по крутому склону вниз, старались скорее добраться до лежащей на камнях добычи. Мужчины были голоднее и злее женщин: с самого утра они, не зная передышки, охотились на крупного зверя. Теперь они кричали от радости: добычи было много, гораздо больше, чем требовалось. Но это не беда, лишь бы не слишком мало.

Пиршество было в самом разгаре, когда к нему присоединились и матери, тащившие детей. Они не нуждались в проводниках: звериное чутье уверенно провело их по лесу.

Загнав богатую добычу, орда оставалась около нее, пока хватало пищи, затем отправлялась на новые поиски.

Опьяненные дымящимся мясом, люди пировали. Гау также резал, жевал и глотал огромные куски. Но наморщенный лоб показывал, что его занимает еще что-то, кроме еды. Солнце перевалило за полдень, и уже явственно ощущался вечерний холод. Можно было расположиться на ночлег тут же, на ближних деревьях, или на выступе скалы, для защиты от зверей, но Гау вдруг так ясно вспомнил яркие языки пламени на поляне. Он не думал, что костер мог угаснуть за день, он представлял себе его горящим и всем телом стремился к веселому теплу. И вот с резким криком Гау вскочил на ноги и взмахнул рукой. Это был привычный сигнал к походу, и его всегда слушались беспрекословно. Но поход — это поиски пищи, а чего же было искать сейчас, когда все рты жуют и руки по локоть засунуты в мясо? Наморщенные лбы, оскаленные челюсти, сдержанное глухое рычанье ясно показывали: орда готова взбунтоваться. Но Гау крикнул еще повелительнее, взмахнул дубиной. За ним поднялась страшная фигура Урра. Волосы на его голове и плечах взъерошились, точно грива. Урр без рыка, молча оскалил зубы, сверкнули клыки. Медленно перекатывая тяжелый камень в страшных лапах, Урр поводил маленькими горящими глазами, точно спрашивал: «С кого начинать?» Люди поднялись, медленные, взбешенные, не сводя глаз с окровавленных кусков мяса, покрывающих берег. И тут случилось опять непонятное: Гау, криками и жестами, приказал им взять мясо с собой. Нести куда-то мясо, когда его можно съесть тут, на месте?

Люди недоумевали. Но воля к сопротивлению была сломлена. В пологом месте берега они выбрались наверх и, нагруженные, потрусили по лесу вслед за непонятным вожаком.

Гау тоже перекинул через плечо жирную четверть оленины, придерживая ее рукой, вооруженной камнем. Палицу он нес в свободной правой руке.

Орда неохотно следовала за ним.

Глава 3

ПЕРВАЯ ОХОТА РАМА

Рам проснулся не скоро. Испуганный тишиной, он вскочил, кинулся за излучину ручья и завыл от страха. Но, увидев, что его покинули, тотчас же умолк. Он твердо знал закон — не подавать голоса, чтобы не приманить врага.

Первым движением мальчика было бежать, догонять орду, но обоняние подсказывало, что женщины ушли давно, бежать одному по лесу, полному опасностей, страшно. Было холодно, вспомнилась поляна и ярко горящий, так приятно согревающий костер.

Поэтому его вторым движением было бежать к костру. Наморщив лоб и оскалив зубы, Рам поднял с земли крепкую палку, напился из ручья, припадая ртом к прозрачной воде, встал, не вытирая воды, струившейся с подбородка, и окаменел: перед ним на кольцах хвоста, как на подставке, качалась большая змея. Ее маленькие злые глаза смотрели на мальчика не мигая.

От змеиного взгляда каменеют птицы и маленькие зверьки. Но Рам был человек. Он очень испугался, но помнил: бежать нельзя, змея догонит. Значит, надо бороться. Тихо, тихо он поднял палку и резким ударом хлестнул ею змею сбоку так, как однажды при нем сделала его мать. Змея, извиваясь, упала на тропинку. Она шипела и крутилась на одном месте. И тут Рам, первый раз в жизни, испытал восторг битвы: он прыгал и хлестал змею еще и еще, много раз, пока она не перестала шевелиться. А затем нашел большой камень, с трудом поднял его и размозжил змее голову. Мальчуган не удержался и громко вскрикнул от радости, но тут же опомнился и опасливо оглянулся: кто знает — что там притаилось в чаще? Однако змею нельзя оставить: ведь это еда и еще какая вкусная! И, схватив добычу у самой головы, Рам, почти не скрываясь, побежал... Куда? К костру, там он уже чувствовал себя в относительной безопасности, бедный покинутый человеко-звереныш.

Ходить одному по лесу еще не приходилось. Опасна была встреча не только с дикими зверями, но и с чужой ордой: всякий чужак для любой орды — дичь, пища. Рам видел тому немало примеров... Дорога до поляны показалась мальчику очень длинной, он бежал, не останавливаясь, оглядывался, но змею держал в руках крепко.

Наконец за поворотом открылась поляна. Рам чуть не вскрикнул, увидав маленькие и далеко не такие яркие, как ночью, языки огня. Он сел, положил около себя змею и смотрел на костер, пока не заболели глаза. Его жизнь наполняли три занятия: поиски еды, еда и сон, главным образом — первое. А теперь, просто удивительно, еды оказалось столько, что искать ее вовсе не нужно и... что даже есть не хочется. Спать тоже не хотелось. Это было что-то совсем новое. Маленький дикарь даже испытывал от этого беспокойство: как будто что-то надо сделать, а что — он не знает.

И вдруг Раму стало скучно. Вспомнились дети орды. Они не всегда обижали его, когда были сыты — играли... Рам сердито поддал ногой валявшуюся около костра ветку. Она подскочила и, перелетев через

костер, упала по другую его сторону. Проворно обежав костер, Рам опять подкинул ветку ногой. На этот раз она упала прямо в огонь, вспыхнула и загорелась. Сухие листья затрещали, огненными искорками поднялись над костром. Языки огня стали ярче. Раму понравилось. Он покидал в костер все валявшиеся около него ветки. Расхрабрившись, отбегал к краю поляны, заходил даже за кусты орешника, разыскивая там валежник. Все, что попадалось, тащил в костер. Тяжелые куски, уставая, он бросал на полдороге, хватал и тащил другие. Так на поляне накопилась порядочная куча валежника, но и в костер Рам накидал столько, что он разгорелся ярким пламенем. Каждую валежину Рам бросал в костер с размаху и, когда искры взвивались, весело скалил зубы. Смеяться по-человечески он не умел.

Когда орда появилась на поляне, измученный Рам упорно тащил из лесу тяжелую корягу; он охал и сердито ворчал, напрягаясь изо всех сил; тащил ее, держа за верхушку, и растопыренные сучья цеплялись за каждую веточку орешника. Рам сам не понимал, откуда берется у него такое страшное упорство: он плакал, рычал и тянул, обдирая себе руки.

Наконец он вырвал корягу из гущи орешника и подтащил ее к костру. Последним усилием всунул ее в огонь и сердито отвернулся. Костер надоел ему, он устал, он хотел есть. Змею он съел уже давно.

Люди орды робко и радостно окружили костер. Он опять горел ярко, ярче, чем утром, когда они уходили. Почему? Об этом никто не задумался. Никто не подумал также, почему хнычет голодный Рам? Его не было с ними у реки — этого также не заметили. Только Ик, маленький и проворный, внимательно следил за тем, как Рам тащил свою последнюю корягу, и тут же, схватив большую ветку, размахнулся и бросил ее в огонь. Ветка вспыхнула и затрещала. Ик отскочил и громко завопил от радости и испуга. Люди подхватили его крик, прыгали и скакали вокруг огня, но очень близко к нему не подходили. На рычанье зверей в темнеющем лесу отвечали задорными криками, кривлялись и махали руками. Звери к костру не подойдут — побоятся. Это они уже поняли, однако подбросить в огонь еще топлива больше никто не догадался.

Мяса было вдоволь. Его крошили острыми рубилами и просто рвали сильными, как у зверей, зубами. Недоеденное валялось под ногами. Рам тоже ухватил жирный кусок оленины, он рвал и глотал его, настороженно озираясь: надежнее было бы оттащить его в кусты, но там, под ветвями, уже густела темнота. Впрочем, бояться не стоило: все были сыты, отнимать у него мясо, когда его так много, никому не придет в голову.

Маа, самая молодая и смелая из женщин, веселилась больше всех. Она кричала и прыгала при каждом взлете искр. Перекувыркнувшись от восторга, с размаху налетела на Гау, стоявшего у огня. Гау обернулся и посмотрел на нее, на его грубом лице мелькнуло подобие человеческой улыбки. Он поднял руку и положил на плечо Маа. Но тут в толпе людей раздалось злобное ворчанье, и Кха, храбрый охотник,

прыгнул к огню, грубо оттолкнул Гау и стал между ним и Маа. Он рычал и скалил зубы. Нападение было так неожиданно, что Гау зашатался и упал бы в костер, если бы Урр одним скачком не оказался около него. Рывком он отбросил падавшего Гау от костра, повернулся и, схватив Кха поперек туловища, поднял над головой. Если б Кха попробовал сопротивляться, разъяренный Урр ударом о землю прикончил бы его на месте. Но Кха отлично понимал это. Ярость его угасла так же внезапно, как и появилась. Он покорно висел в руках Урра и тихо, жалобно стонал. Гнев великана смягчился. Он еще несколько секунд продержал побежденного в воздухе и, угрожающе рыча, отшвырнул его, но не ударил о землю смертельным ударом. Однако и этого было достаточно. С жалобным воем Кха оттащился на несколько шагов и растянулся на земле. Кровоподтеки вздулись на его боках — следы железных пальцев Урра.

Люди покричали, поволновались, но стоны Кха стихли, и на него перестали обращать внимание. Темнело. Все устали от сытости и веселья. Разнеженные теплом, люди засыпали сидя, с куском мяса во рту. Сам Гау немного походил, ощетинившись, оскалил зубы, порычал, но тут же отвлекся костью, полной жирного мозга. Грозный вождь и сегодня забыл выставить сторожей: охватив руками колени, он положил на них голову и заснул вместе со всеми. Костер пылал, тучи искр взлетали в языках пламени и падали вниз. К счастью, стояла тишь, иначе не миновать бы пожара.

Гиены и волки давно уже привыкли следовать по пятам орды. Им все годилось: разгрызенные кости, обрывки шкур, перепадало и мясо при обильной охоте. Трусливо и завистливо они выглядывали из кустов, но непонятная сила огня удерживала их на расстоянии. Наконец, пламя начало меркнуть, наступил их час. Крадучись, они окружили поляну, ползли вместе с ночными тенями, которых не отгонял уже тускнеющий свет. Грызню между собой они отложили до отступления в кусты; здесь надо было соблюдать тишину. И звери молча скалились и щетинили загривки, перехватывая друг у друга куски и кости, разбросанные на поляне. А люди, всегда такие чуткие, продолжали спать, точно заколдованные чудесным теплом.

Костей и мяса оленей могло хватить на всех волков и гиен. Но вдруг, уже на рассвете, громкий детский крик всполошил орду. Люди вскочили, хватаясь за камни и палицы, натыкаясь друг на друга в тумане начинающегося утра. Огромная гиена вырвала ребенка из рук спящей матери и скрылась в кустах. Мать кричала и металась по поляне, остальные женщины, еще не понимая, в чем дело, вопили вместе с ней. Мужчины с дубинами и камнями наготове построились в боевой круг и оглядывались, ожидая нападения. Но из густых кустов, обступивших поляну, слышался только хохот гиен и рычанье грызущихся волков.

Потеря одного ребенка мало огорчила мужчин. Но от вечернего пира не осталось и следа. И тут воспоминание о пиршестве на отмели овладело всеми: от вчерашней охоты там остались груды мяса — не все же докончили звери. Заря уже встала над лесом, ночные хищники убрались в берлоги, от угасающего костра почти не чувствовалось тепла.

Скорее туда, где их ждет мясо! И люди, толкая друг друга, устремились по знакомой тропе. Рам поспешил за всеми. Один Гау, уходя, оглянулся: слабые языки угасавшего костра точно звали его остаться...

Глава 4

ОГОНЬ НЕ ПРОЩАЕТ НЕБРЕЖНОСТИ

Люди провели веселый беззаботный день. Хотя звери объедались на отмели всю ночь, но и оставшегося хватило досыта: люди съели мясо, разбили кости и высосали вкусный мозг. Ничто больше не удерживало их на этом месте. Усталости тоже не было: ели готовое. И когда Гау снова крикнул и взмахнул палицей, приказывая идти за ним,— люди поднялись уже охотно. Они догадывались, куда ведет их Гау, тепло костра начинало манить и их. Пожалуй, и без приказа Гау многие сами направились бы на знакомую поляну. Даже Урр одобрительно зарычал и заторопился.

Гау бежал все быстрее, все нетерпеливее. Но напрасно его глаза искали над деревьями струйку дыма, на которую он много раз оборачивался утром, уходя с поляны. Дыма не было. Вот и кусты орешника. Гау нетерпеливо ломал густые ветки, продираясь сквозь них на поляну.

Костер? Его нет. Куча остывших угольев отмечает его место. Глаза Гау налились кровью. Бросив мясо на землю, он в ярости начал топтать его ногами, чтобы дать выход охватившей его злобе.

Орда в молчании окружила место костра. Теперь, когда огня уже не было, каждый чувствовал — как хорошо было погреться около него, почувствовать себя в безопасности, покричать задорно и покривляться в ответ на рычанье зверей в кустах.

Тем временем яркая полная луна поднялась над лесом и осветила поляну. Искать другого, более защищенного места для ночлега было поздно: середина освещенной луной поляны и без костра казалась надежнее, чем кусты по краям ее, полные ночных опасных шорохов. Опечаленные потерей огня, люди начали устраиваться на ночлег: садились и опускали головы на колени. И тут Гау восстановил расшатанный теплом костра порядок.

— Ум! — крикнул он.

Высокий мохнатый человек поднял голову с колен и покорно встал. Гау немного помолчал.

— Кха! — крикнул он опять так резко, что люди вздрогнули.

Кха, сидевший неподалеку, отлично слышал окрик и знал, что это значит. Он вместе с Умом должен ночью охранять спящую орду. Но Кха в ответ лишь оскалился и с грозным рычаньем опять опустил голову на колени.

В свете луны было видно, как вздулись и затвердели страшные мускулы на его плечах и спине: притворяясь спящим, Кха готовился к прыжку, пальцы его впились в рукоятку тяжелой дубины. Люди подняли головы, но не шевелились. Они ждали.

Гау помедлил минуту. Его лицо потемнело от прилива крови, зубы оскалились.

— Кха! — зарычал он и взмахнул палицей.

И тут Кха прыгнул на него. Страшный удар его дубины встретил дубину Гау. В следующую минуту дубины полетели в сторону и люди покатились по земле, терзая друг друга руками и зубами.

Вся орда была уже на ногах, вокруг борцов образовался тесный круг, слышалось тяжелое дыхание и короткий приглушенный рык. Бой шел на смерть. Это понимали все. Восставший на вождя должен победить или умереть. Мешать бою не смел никто, таков закон орды. Даже Урр, стискивая свой страшный камень, тяжело дышал и скалил клыки, но не трогался с места.

Живой клубок из двух тел с яростным рычаньем покатился по поляне, косматые головы, оскаленные челюсти, мохнатые руки и ноги мелькали, точно это была игра, а не смертный бой. Орда двигалась за бойцами, не спуская с них горящих глаз, незаметно все дальше от середины поляны, все ближе к орешнику. Вот клубок подкатился к самым кустам. Стон, хруст — и Гау поднялся один, обливаясь кровью от страшных укусов. Шатаясь, он сделал несколько шагов. Орда молча расступилась перед ним, и вдруг все кинулись на середину поляны: из темноты кустов высунулось чье-то гибкое туловище и тотчас втянулось обратно и исчезло. Распростертое на земле тело Кха тоже исчезло.

Гау поднял с земли палицу и оглянулся.

— Ик! — грозно крикнул он, еще разгоряченный боем, и обвел орду глазами, словно ожидая сопротивления. Но Ик уже покорно стоял рядом с Умом. Урок был суровый и понятный. Люди взволнованно, но тихо обменивались восклицаниями, приглушенными криками, снова устраиваясь на ночлег. Огонь, огонь, так чудесно согревавший их в холоде прошедшей ночи, исчез.

Голодные и злые собрались люди утром около потухшего костра. Несвязные крики, невнятные слова, озлобленный шум. Дети пищали, требуя еды, дрались за каждую найденную на земле крошку. То один, то другой из мужчин вскакивал с места и подбегал к Гау, хватал его за руку, с криком указывал вдаль. Было понятно: орда требовала еды, голодный плач детей оглашал поляну. Женщины подталкивали мужчин, держась позади, возбуждали их криками, не смея подойти к самому вожаку.

Гау стоял, опустив голову, глубокие морщины покрыли его лоб, маленькие глаза беспокойно горели под мохнатыми бровями.

Голод гнал орду на переселение. Так поступали они всегда, когда не хватало пищи. Не один раз уже Гау собирался, взмахнув палицей, устремиться вперед. Но... каждый раз вид холодной кучи угольев удерживал его на месте. Гау сам не понимал почему. Он тяжело дышал, сжимал и разжимал кулаки, точно это помогало ему найти какое-то решение.

Вдруг он повернулся и, злобно зарычав, ударил дубиной по остывшей бесполезной груде угольев. Люди в испуге шарахнулись в стороны: все помнили, что дубинка предводителя, когда он в гневе, может расколоть череп как орех. Но что это? Уголья разлетелись во все стороны,

а из кострища вдруг потянуло дымком и теплом. Гау нетерпеливо засунул руку в середину его и взвыл: укус, укус острый, как жало пчелы. А в разрытой золе что-то засветилось красным глазком...

На минуту все притихли. Но вот опять пронзительно завопил голодный ребенок, и матери, растолкав мужчин, кинулись к Гау. Держа детей на вытянутых руках, они пробивались к нему, мешая друг другу, кричали и махали руками. Это значило: идти, хоть куда-нибудь, лишь бы дальше от голодного места.

Гау подхватил брошенную палицу, другая волосатая рука его сжала острый камень, он был страшен, но матери не отступали. Они закричали еще пронзительнее, размахивая смолкшими от ужаса детьми. И Гау, неустрашимый перед мужчинами, сдался. Отступив на шаг, он взмахнул палицей и повелительно крикнул. Все радостно заворчали. Мужчины подхватили оружие, женщины — детей. Через минуту поляна опустела, лишь, беззвучно кружась, слетали с ветвей и опускались на землю сухие желтые листья...

Но вот застывшую тишину нарушил порыв ветра. Вершины деревьев, раскачиваясь, зашумели, жухлая трава заколыхалась. Красный глазок в глубине костра засветился ярче. Ветер подхватил, закружил по поляне охапку сухих листьев и прикрыл ими красный глазок. Тихий шелест — голос возрождающегося огня был ему ответом. Но люди не услышали его. Они были далеко, они двинулись в путь без возврата...

Глава 5

ПОЖАР. РАМ НАХОДИТ ПРИЕМНУЮ МАТЬ

Люди шли уже целый день. Осень была холодная, но на редкость сухая. По всему лесу слышались легкие шорохи пересохшей листвы, от которых не находили себе места пугливые лани и дикие козы.

Но вот к тревожным шорохам присоединился какой-то едва уловимый запах... Козы и олени встревожились первыми: они нюхали воздух, настороженно шевелили ушами и, фыркая, устремились все в одну сторону, прочь, прочь от того невидимого, что тихо пробиралось между ветвями деревьев. Вскоре в воздухе уже отчетливо поплыл запах гари. Послышалось гуденье и нарастающий треск, точно мчалось обезумевшее от ужаса стадо диких быков.

Теперь бежали уже не одни олени и козы; с громким хрюканьем ломились сквозь чащу кабаны, жалобно взвизгивали отстающие поросята, ревели медведи. Опережая их, быстрыми прыжками мчался, сверкая клыками, саблезубый тигр. Но его клыки никого не пугали: общий враг бежал со всеми вместе и его оглушительный рык звучал испуганно.

Случилось то, что должно было случиться: ветер раздул остатки брошенного людьми костра. Теперь лесной пожар бушевал и гнал перед собой все живое и, казалось, не было силы, которая могла бы его остановить.

В общем потоке мчались и люди. Их мохнатые спины мелькали среди кустов и деревьев. Иногда слышался короткий крик: кто-то раз-

давлен тяжелой стопой носорога, кто-то сбит с ног ударом стремительно бегущего кабана, но люди не оборачивались: минутная задержка стоила жизни. Вперед, вперед, пока хватит сил! Гау, сильный, смелый Гау, мчался, опережая других. Он, который не бросил бы и ребенка без защиты перед самым страшным зверем, теперь, как и все, знал одно: спасенье только в беге.

Вой урагана давно заглушил отдельные голоса. Над лесом полетели взметенные вихрем горящие ветки деревьев. Они опережали бегущих и падали им под ноги, но те даже не замечали боли от ожогов.

И вдруг путь кончился обрывом над рекой. Люди, звери, падая с разбегу, замелькали в воздухе. Вода закипела от ударов тел, от взмахов копыт и когтистых лап. В общей каше, барахтаясь, звери топили друг друга, неудержимо рвались к противоположному берегу.

На поверхности воды виднелись и человеческие головы: людей осталось немного — наиболее сильные мужчины и молодые женщины. Но и из них многие, уже всплыв, вновь скрывались под водою от ударов лап, рогов, копыт.

Река была неширока: лес сразу кончался на обрыве, на другом берегу расстилалась еще зеленая степь. К ней устремились плывшие звери и люди.

Рам бежал вместе со взрослыми и вместе со всеми свалился в реку. Плавать он не умел и бессознательно уцепился за что-то двигавшееся. Пальцы его запутались в густой шерсти, голова поднялась над водой. Прошло несколько минут, прежде чем Рам окончательно пришел в себя: он лежал на спине большой собаки, обхватив ее могучую шею, но та, вместо того чтобы вместе со всеми выбраться на низкий берег, круто повернула вниз по течению и так сильно загребала мощными лапами, что вода пенилась на ее боках.

Отмель другого берега, покрытая телами животных, мелькнула перед глазами мальчика. Люди орды! Там! Рам приподнялся, чуть не соскользнул в воду. Но собака тихо заворчала, и он застыл в неподвижности. Плыть на спине зверя было страшно, но оказаться в воде — еще страшнее. Быстрое течение пронесло их мимо отмели. Река вошла в глубокое тесное ущелье, шум пожара остался далеко позади.

Наконец, как в полусне, Рам увидел: ущелье расступилось, показалась узкая полоса новой отмели. Течение поднесло к ней пловцов. Собака, почувствовав под ногами землю, повернулась, шагнула из воды, но тут же покачнулась и упала в изнеможении. Рам соскользнул с ее спины на согретый солнцем песок и тоже лежал, не смея пошевелиться. Но вдруг вздрогнул и поднял голову. Что это? Такой родной знакомый запах теплого молока. Собака тоже подняла голову, тихо, удивленно проворчала, но тут же умолкла. А Рам уже пил, пил это теплое молоко, всхлипывая и тихонько повизгивая. С тех пор, как тигр унес его мать, он заучил суровое правило: есть надо торопиться, пока не отняли. И он торопился. А собака, потерявшая щенят в безумном бегстве от огня, настороженно смотрела на него. Но вот постепенно дикое выражение желтых глаз смягчилось, с тихим вздохом, почти плачем, она нагнулась и большим шершавым языком лизнула приникшую к ней мохнатую го-

ловенку. Потом осторожно повернулась, чтобы мальчику было удобнее пить. Мать и сын нашли друг друга.

Давно у бедного детеныша не было такой восхитительной ночи. Прижавшись к теплому боку приемной матери, Рам спал, не чувствуя ночного холода. Иногда во сне он вздрагивал, но в ответ раздавалось тихое ворчанье, теплый и ласковый язык касался лохматой головенки, и Рам успокаивался.

Утром он сытно позавтракал теплым молоком, как будто так делал всю жизнь, затем вскочил на ноги и осмотрелся. Тепло, в брюшке приятная сытость... Рам весело подпрыгнул и перекувыркнулся, собираясь поиграть щепочками и камешками. Но огромная рыжая собака была другого мнения: она была голодна за обоих, надо отправляться на поиски пищи. С коротким ворчаньем она встала, отряхнулась и мелкой рысцой двинулась вдоль отмели, поминутно оглядываясь. Рам понял: нужно идти. И покорно потрусил сзади.

В этом месте река поворачивала влево. Идя по отмели, они обогнули мыс, круто вдававшийся в воду. Вдруг собака остановилась и припала к земле: на отмели возле самой воды лежал молодой олень, на боку его виднелась глубокая рана — след вчерашней битвы на пожаре. Настороженно прислушиваясь и оглядываясь, собака подползла к неподвижному телу. Это была пища! Острыми зубами собака впилась в неожиданную добычу. Она торопливо рвала и глотала мясо, пока не почувствовала, что сыта. Рам не отставал от нее, его зубы действовали не хуже ножа. Но вот собака отскочила от оленя и глухо заворчала, шерсть на ее спине поднялась: среди деревьев на обрыве над отмелью раздались шорох и тихие возгласы; по обрыву спускались мохнатые существа. Выбежав на отмель, они кинулись к лежащему оленю.

Люди! Горсточка, уцелевшая от пожара! Не обращая внимания на собаку и Рама, они нетерпеливо рвали мясо зубами и пилили его осколками камня. Тихо зарычав, собака попятилась и скрылась за мысом. Рам побежал за ней. Собака напряженно прислушивалась к веселым крикам людей. Они уже не думали о пожаре, о погибших. Пищи было довольно. Все было хорошо.

Как ни тихо вели себя мальчик и собака, острые уши Гау услышали их, и голова его появилась из-за мыса. «Собака! Еще пища!» — И Гау взмахнул дубинкой. Мальчик понял. С громким криком он кинулся к собаке и схватил ее за шею. Он прижался к ней, защищая ее всем своим худеньким телом, пронзительно крича и плача. Он привык слушаться Гау и, плача, дрожал от страха перед ним, но не отступал. Гау был сыт и поэтому настроен благожелательно. Несколько мгновений он с любопытством смотрел на мальчика, на вырывавшуюся собаку, затем опустил палицу и махнул рукой. За его спиной послышались голоса. Люди выбежали из-за мыса и окружили Гау. Они тоже были сыты. И хотя собака вырвалась от мальчика и отбежала, они не попытались ее преследовать и спокойно улеглись отдыхать на мягком песке отмели.

Когда, выспавшись, люди отправились дальше по отмели вдоль реки, Рам осторожно присоединился к ним. Приемная мать не протестовала,

она щедро накормила его за кустиком и тоже шла за людьми, не очень близко, но не теряя из вида своего приемыша.

Время шло, день клонился к вечеру, шорохи незнакомого леса пугали, веселость покинула сердца людей. Пора было остановиться на ночлег. Уже раздавались вздохи и жалобная воркотня, люди хотели бы остаться здесь, на мягком песке. Вдруг Маа вскрикнула и протянула руку. Все обернулись. Вдали на реке что-то блеснуло: ближе, ближе... Из-за поворота реки выплыло огромное дерево Во время пожара оно, пылающее, рухнуло где-то с обрыва, сухие сучья, торчавшие над водой, догорели до самого ствола, упавшие с них головешки тлели целой грудой на его поверхности, и река несла ствол, точно нарочно сложенный костер.

Люди отскочили от края отмели к высокому обрыву берега. Горящее дерево приближалось. Течение несло его по середине реки, а затем повернуло и направило прямо к узкой отмели. Цепляясь за выступы скал, за свисающие корни деревьев, люди с воплями карабкались вверх по обрыву, стремясь спастись от надвигающегося на них пылающего плота. Один Рам не кинулся бежать. Обхватив руками мохнатую шею собаки, он прижался к ней лицом, дрожа и тихо плача.

Тем временем течение легко поднесло горящее дерево к берегу и поставило его на мель, точно на якорь. Громкие крики послышались сверху: люди лежали на обрыве, свесив вниз головы, ожидая, что будет дальше. Внизу остались мальчик и собака. Некоторое время Рам не решался отнять руки и лицо от пушистой шерсти. Но вот благотворное тепло согрело его спину, охватило дрожащее тело. Еще минута — и он повернулся, медленно, нерешительно вытянул руки и шагнул вперед. Он вспомнил костер в лесу, такой теплый. Вспомнил, как тащил из леса и кидал в огонь тяжелые ветви. Пожар потух в его памяти, остался костер. Рам осторожно сделал еще шаг, еще и еще и подошел совсем близко к воде. Огонь уже потухал. Огромный, выгоревший в середине ствол дерева, наполненный углями, дымился и почти не давал пламени. Рам поднял голову и взглянул вверх, на свесившиеся с обрыва головы. Вдруг он радостно вскрикнул и, схватив лежащий на отмели сухой сучок, сунул его в груду угольев. Треск и яркий язык пламени были ему ответом, но легкого толчка оказалось достаточно: плот, еле державшийся берега, дрогнул и повернулся. Вот-вот река поднимет его и снова понесет вниз по течению. В то же мгновение темное мохнатое тело соскользнуло с обрыва. Гау! Он быстро нагнулся и за уцелевший толстый сук потянул дерево к себе. Минуту река и человек боролись за драгоценный груз. Раздался треск, еще, еще. Ствол повернулся и, послушно шурша по камешкам на берегу, прочно въехал на отмель. А по склону уже скользили и прыгали вниз другие темные фигуры. Они тоже вспомнили! Они весело скалились, протягивали руки к огню и кричали.

От ярко разгоревшегося костра на отмели сделалось почти жарко, хотя ночь была холодная.

Рам лежал от огня дальше всех. Собака не согласилась приблизиться к людям, а мальчик не хотел с ней расставаться. Он спал, при-

жавшись к теплому мохнатому боку, а собака, положив голову на вытянутые лапы, смотрела на огонь, и пламя отражалось в ее больших желтых глазах. На ночь выставили сторожей и спали крепко, в первый раз после страшного бегства от пожара.

Глава 6

ВРАГИ. БЕГСТВО!

К утру похолодало: тяжелые тучи плотно закрыли небо. От ствола, принесенного водой накануне, осталась груда слабо тлеющих угольев. Но люди уже знали, что нужно делать, чтобы огонь не умер от голода: ветки, коряги, целые стволы, выброшенные волнами на берег, пошли в дело. Огонь охотно набросился на предложенную пищу: люди с завистью наблюдали, как ветки и коряги исчезали в его жадной пасти. Это было хорошо. Однако голод, мучивший самих людей, от этого не уменьшился. Давно была бы убита и съедена собака, но она поняла это и держалась настороженно, отошла подальше назад по отмели, а потом как будто убежала совсем — на жалобные крики Рама не откликалась.

Оглянувшись, он увидел, что люди отошли от реки и опять взбираются вверх по крутому обрыву. Он нерешительно двинулся было за ними. Но в кустах, вверх по течению, послышался слабый визг. Там берег был не так крут, с отмели можно было на него подняться. Там ждал Рама завтрак и теплый бок приемной матери. Он остановился, еще раз оглянулся и быстро побежал вверх по реке, навстречу зову.

Между тем люди, цепляясь за корни и выступы обрыва, с трудом поднялись обратно на площадку над рекой, на которую накануне загнал их вид плывущего костра. Это была точно первая ступенька огромной лестницы, с нее берег поднимался еще выше, крутыми скалистыми уступами. Гау остановился: сбоку, в сплошной каменной стене чернело глубокое отверстие — вход в пещеру.

Орда собралась вокруг Гау. В отверстие заглядывали, отскакивали, удивленно вскрикивали. Дождь начался и усилился, пронзительный ветер еще больше холодил промокшие мохнатые спины. Наконец Гау решился: держа палицу и острый камень наготове, он сделал несколько осторожных шагов внутрь отверстия. Примолкшая орда настороженно выжидала. Наконец послышался голос Гау. Он звал, спокойно, опасности не было. И осторожно, один за другим, люди исчезли в отверстии. Пещера была высокая и шла далеко в глубину — хорошая защита от ветра и дождя. Люди сразу почувствовали это. Они обежали пещеру, ощупали и обнюхали стены, оживленно перекликаясь, но затем все вдруг примолкли: женщины прижались друг к другу, а мужчины с тихим ворчаньем крепче ухватили палицы, как бы готовясь к обороне. Врага не было видно. На голом камне не было и следов. Но обоняние говорило: в пещере недавно побывал кто-то и этот кто-то опасен. Волосы на затылках и мохнатых спинах взъерошились, зубы оскалились, люди ворчали, разозленные и сильно испуганные.

Однако время шло, нужно было на что-то решиться. Уйти? Самое

простое. Но ветер и холод усиливались, люди осторожно высовывались и с ворчаньем прятались обратно. Ворчание вдруг усилилось. Урр схватил свой новый страшный камень, но тут же опустил его: у входа появилась маленькая дрожащая фигурка — Рам. Продрогший, он не выдержал холода и последовал за людьми в пещеру. У входа ему пришлось выдержать борьбу с собакой: шерсть на ней стала дыбом, она дрожа обнюхивала камни перед пещерой и даже пробовала оттащить Рама за руку. Молодой Ик заметил это и кинулся к ней с дубиной, но собака проворно отскочила и скрылась в кустах.

Прижимаясь к стене, Рам вошел и забился в глубину пещеры. Обоняние у обезьянолюдей было слабее, чем у животных. Если бы они могли разобраться в запахах пещеры так, как это сделала собака, они ни минуты бы в ней не остались, несмотря на дождь и ветер. Но они были обезьянолюдьми и потому, поволновавшись и поворчав, уселись на холодном каменном полу, решаясь переждать непогоду. Однако тревожное состояние не покидало их. То один, то другой вставал, недоверчиво принюхивался, обходил пещеру и снова садился. Рам осторожно подполз сзади к сидевшей в уголке Маа и свернулся около нее в клубочек — он ощущал исходившее от нее тепло. Около собаки с ее пушистой шерстью было теплее, но это не защищало от лившего сверху дождя.

Время шло. Ветер то стихал, то снова со свистом врывался в пещеру и ворошил сухие листья. Он сам занес их сюда с ближайших кустов, когда не было еще ни дождей, ни туманов. Листья слабо шуршали, точно чьи-то легкие шаги. Люди поднимали головы, осматривались и снова начинали дремать: в пещере чувство безопасности успокаивало, можно и переждать ненастье.

Костер, постепенно угасая, все еще горел на отмели: в течение дня то один, то другой из людей орды спускался к нему из пещеры — погреться. Каждый что-нибудь подбрасывал в огонь, чтобы не дать ему погаснуть, а может, и просто для забавы.

Просушив и прогрев как следует бока и мохнатую спину, люди возвращались в пещеру — дремать и почесываться до следующего раза.

Так кончался день. Солнце показалось было из-за туч, но тут же спряталось за лесом уже до утра. Никто не обратил внимания, что Гау встал, постоял, как будто что-то обдумывая, и тоже направился к выходу из пещеры. Однако у костра он не стал поворачиваться к огню боками и спиной, прыгая и покряхтывая от удовольствия, как это делали другие. Он стоял на отмели неподвижно, вздыхал, морщился, то поворачивал голову в сторону пещеры, то опять обращал глаза к огонькам, перебегавшим по веткам. Уже мелкие сучья, брошенные в костер, прогорели и рассыпались угольками. Ярко горело еще только небольшое раскидистое деревцо, его недавно притащил и бросил в костер молодой Ик. Гау долго смотрел на деревцо, опять покосился на вход в пещеру, осторожно приподнял березку за конец, к которому еще не успел подобраться огонь...

Громкий рев вдруг всполошил дремлющих людей орды. Они бестолково заметались в непривычной темноте пещеры, сталкивались, ударялись о стены и от этого приходили в еще больший ужас. Наконец, столпились у входа в пещеру, высунулись и попятились с воплями испуга.

Огонь, сыплющий искры, слепящий золотыми языками, рычал, выл и сам лез к ним по обрыву в пещеру. Выше! Выше!

С ответным воем люди метнулись назад, в глубину пещеры. А огонь уже появился у входа, с победным ревом ворвался в пещеру, остановился...

И тут люди поняли: это стоял Гау, и ревел и рычал от радости — тоже Гау. Огонь, пылающее молодое деревцо, держал в руках тоже Гау.

Кормить огонь люди уже умели. Но перенести его в другое место, заставить светить и греть там, где это удобно орде... до этого додумался только Гау. Бросив пылающее деревцо на каменный холодный пол, он все еще не мог успокоиться, рев торжества рвался из его широкой груди.

— Есть! — значил на языке орды крик, с которым Гау показывал людям на это деревцо. Наконец они поняли. Несколько крепких толчков могучей волосатой руки надоумили их окончательно: с веселыми криками люди начали выскакивать из пещеры. Возвращаясь, они совали в огонь все ветки и сучья, какие удавалось найти поблизости.

Однако радоваться пришлось недолго. Под открытым небом чем ярче горит костер, тем лучше. А здесь — дым и жар разгоревшегося костра быстро выгнали орду из пещеры.

С изумлением и страхом наблюдали люди за делом рук своих, стоя на уступе перед пещерой. В этом месте обрыв спускался прямо к воде, белая пена била внизу по черным камням и крутилась в страшном водовороте.

Первый урок обращения с огнем в пещере люди заучили. Зато какое тепло охватило их, когда они осторожно опять пробрались внутрь и уселись перед усмиренным ослабевшим пламенем. Запах дыма уничтожил все беспокоившие их запахи, треском погасающего костра заглушило тихий испуганный визг собаки где-то за пещерой и чьи-то осторожные шаги — там же. Но в следующую минуту люди застыли от ужаса и неожиданности: вход в пещеру заслонили широкие плечи и мохнатая грудь, огромная пасть раскрылась, показав блеснувшие на свету клыки, а от мощного рычанья, казалось, дрогнули стены пещеры. Пещерный медведь ростом с большого быка! Он не успел еще прочно поселиться в этой пещере, но побывал в ней утром и теперь возвращался, собираясь переждать непогоду. Правда, запах человека, очень приятный и манящий, у входа неожиданно смешался с незнакомым и неприятным запахом дыма. Однако костер уже основательно прогорел, а медведь был голоден. Он помедлил, снова зарычал и, косясь на костер, осторожно, у стенки, двинулся в пещеру.

Орда поняла: это был, возможно, последний бой, но она собиралась принять его без колебаний. Вдруг ответное рычанье мужчин смешалось с пронзительным криком Рама: он пробрался в пещеру последним и теперь оказался между строем мужчин и приближающимся чудовищем. Возбужденный видом добычи и криком ребенка, медведь больше не колебался: рев его наполнил пещеру, с неожиданной быстротой он кинулся вперед. В волнении битвы никто не заметил еще одного голоса: визга и рычанья собаки. Он раздался в ответ на крик мальчика. Со страшной быстротой острые зубы собаки впились в заднюю лапу медведя. Удивленный, он на мгновение остановился и повернулся, чтобы

отмахнуться от нее. И это мгновение решило исход битвы: поворачиваясь, медведь передними лапами наступил на горячие уголья. Страшная боль ошеломила его. С диким ревом он поднялся на задние лапы, взмахнув передними, откинулся назад с обрыва и... исчез, унося на лапе впившуюся в нее собаку.

Треск ломающихся кустов и глухой стук падения внизу орда осознала не сразу: люди все еще стояли недвижимо с поднятыми палицами в руках. Молчание нарушил Рам. Слово, которое он выкрикнул с рыданьем, означало «мать» на языке орды.

— Мать, мать! — повторял он, кидаясь к обрыву, и свалился бы с него, если бы Маа не схватила его за руку. Он еще отбивался от нее, когда снизу донеслись торжествующие крики мужчин: медведь лежал мертвый, с переломанными костями, зацепившись за дерево, стоявшее у самой воды. Собака исчезла, унесенная течением, но о ней никто и не горевал, кроме вновь осиротевшего маленького мохнатого мальчика. Он кричал и плакал, пока один из насытившихся медвежьим мясом мужчин не собрался дать ему подзатыльник. Но тут вмешалась Маа. Сердито оттолкнув мужчину, она одной рукой придвинула к себе мальчика, а другой всунула ему в рот кусок разжеванной медвежатины. Это была материнская ласка, как ее понимала орда. Притихший мальчик долго еще всхлипывал, постепенно согреваясь от тепла костра, в который кто-то догадался опять подбросить немного хвороста.

В пещере уже посветлело, когда Гау первый очнулся от сна. Он поднял голову, огляделся, но вдруг вскочил и с угрожающим рычаньем взмахнул палицей: низкий свод пещеры спросонья показался ему западней. Мгновенно, с ответным рыком, вся орда оказалась на ногах: жизнь, полная опасностей, учила быстроте. Люди яростно скалили зубы, оглядывались. Но теплое дыхание угасающего костра и вид медвежьей туши около него тут же успокоили их. Морщины на низких лбах разгладились, руки дружно протянулись к остаткам вчерашнего ужина.

Гау тоже успокоился и повернулся к костру. Огня не было видно под толстым слоем пепла, но легкое веяние тепла говорило: он — тут! Гау это чувствовал. Осторожно, почти робко, он опустил палицу в середину костра, пошевелил ею. Знакомый золотой глазок выглянул из-под пепла. И тут сухая старческая рука высунулась из-за спины Гау и положила на тлеющие уголья пучок тонких веточек. Гау довольно забормотал, оглянулся. Но Мук подобрал все ветки, оставшиеся в пещере с вечера. Огню требовалась еще пища...

Тем временем остатки медвежатины совершенно отвлекли внимание орды от костра. Не часто удается начинать день с веселого пира. Острые камни Мука пошли по рукам, они резали мясо так же быстро, как челюсти его пережевывали: огромная туша таяла на глазах.

Но Гау резко крикнул и показал на догорающие ветки и на выход из пещеры. На минуту руки и челюсти прекратили работу, но люди не двинулись с места. Огонь хочет есть? Понятно. Но почему нельзя сначала насытиться самим?

Вспыльчивый Гау не привык ожидать. Дубинка его заходила по

волосатым спинам. С воем и визгом, на ходу хватаясь за ушибленные места, люди устремились из пещеры к отмели, к кучам принесенного рекой топлива — плавника.

На полу пещеры вместе с кусками мяса остались лежать брошенные рубила, изготовленные Муком. Мук не возражал, когда люди сами бесцеремонно лезли в его мешок и брали драгоценные камни. Рам вместе со стариком задержался в пещере. Он внимательно следил, как тот терпеливо подбирал брошенные рубила и снова складывал их в мешок. Один камень откатился в глубину пещеры. Рам поднял его и нерешительно посмотрел на Мука. Но тот, подхватив мешок, уже торопился к выходу из пещеры.

Удача!

Рам на ходу засунул в рот хороший кусок мяса — сколько влезло — и весело скатился вниз по обрыву, крепко зажимая драгоценность в руке. Ему еще никогда не приходилось даже пальцем прикоснуться к оружию взрослых мужчин.

День выдался теплый. Люди орды уже забыли о полученных побоях и, весело перекликаясь, набирали охапки хвороста, словно играли в новую игру.

Только ленивый Вак — сверстник Рама — выбрал ветку полегче и, зевая и потягиваясь, медленно поволок ее по обрыву к пещере.

Быстроногая Маа, как и вчера, первая набрала большой пучок сухих прутьев. Захватив его одной рукой, она пригнула другой ветку на кусте боярышника, губами обрывая спелые ягоды. Но вдруг она испуганно вскрикнула и отшатнулась: страшная, заросшая рыжей шерстью голова выглянула из-за куста, длинные цепкие руки схватили ее и потащили сквозь колючие ветки.

Воздух задрожал от дикого воя: из-за кустов, обрамлявших отмель, посыпались люди. Чужие! Враги! Размахивая палицами и рубилами, они кинулись на людей орды. Те не были трусами. Оружие осталось в пещере, но, и безоружные, они руками хватались за палицы врагов, вырывали у них камни и бились отчаянно. Иные в яростной схватке сплетались руками и ногами, клубком катились с обрыва к реке и даже в воде не разжимали смертельных объятий.

Урр тоже оставил в пещере свой страшный камень, но он схватил за верхушку небольшое деревцо, лежавшее на отмели, и с силой вертел его над головой. Ужасная палица с гуденьем налетала на живые тела, слышался глухой удар, тело падало и больше не шевелилось.

Враги убивали мужчин. Женщин старались оглушить ударом и тащили в лес. Гау заметил первых врагов, еще стоя у входа в пещеру. Размахивая палицей, он кинулся вниз, навстречу рыжеволосому, тащившему бесчувственную Маа. Но из кустов выскакивали все новые враги и задерживали его. Он бился отчаянно, на их дикий рев отвечал еще более страшным ревом. Но... Маа исчезла.

Один из нападающих, широкоплечий и косматый, схватил поперек тела молодого Ика и поднял, собираясь ударить о землю. Палица Гау оглушила его. Он зашатался, выпустил Ика, и тот, падая, схватил врага за ноги и сильно дернул. Палица Гау опять опустилась. Враг упал. Ик, еще лежа, нащупал валявшееся тяжелое рубило, подхватил

его и вскочил с яростным кличем. И было пора: другой рыжеволосый уже занес тяжелую дубину сзади, над головой Гау.

— Гау! — крикнул Ик. Гау понял, огромным прыжком в сторону избежал удара. В то же мгновенье рыжеволосый опрокинулся навзничь: Ик швырнул ему в голову драгоценное рубило, а сам, подхватив падающую из его руки палицу, снова с победным кличем кинулся в бой. Это было его первое сражение, но мальчик держался молодцом. Отчаянно бились все люди орды: никто не ждал и не просил пощады. Однако врагов было больше. Многие из них уже недвижимо лежали на земле, но из-за кустов выбегали все новые. Наконец Гау криком собрал людей на отмели. Все, кто был жив и мог еще идти, по его знаку двинулись по узкой полосе песка у воды. Урр и Гау защищали уходящих. Враги кинулись к ним с криками торжества, но дубинка Урра с гуденьем загородила тропинку. Великан был на голову выше самых высоких врагов, глаза его налились кровью, черные косматые волосы на груди слиплись от крови. Его мощное рычанье слышалось даже сквозь общий вой и рев.

Урр некоторое время пятился лицом к врагам. Но вот он остановился, опустил страшную палицу и умолк, выжидая.

Рыжеволосым это неожиданное молчание великана показалось страшнее его ярости. Они тоже остановились и сбились в кучу в почтительном отдалении. Самые смелые попробовали покричать и покривляться, приглашая людей орды вернуться и продолжить сражение. Но как только Урр поднял палицу и двинулся на них, они, толкая друг друга, пустились наутек. Урр постоял, выжидая, повернулся и пошел за остальными.

Шли медленно, те, кто еще мог двигаться, старался не отставать: оставшихся на месте битвы враги уже прикончили и готовились пиршеством отпраздновать победу. Они и сами поступали так же, когда победа в битве с чужой ордой оставалась за ними.

Солнце еще не успело высоко подняться над лесом, а орда уже оказалась далеко от места побоища. Позади остались пещера, сытная еда и теплые уголья костра. Позади раненые и убитые. Люди шли молча, настороженно поглядывали на нависающий над отмелью обрыв крутого берега. Жалоб и стонов раненых не было. Дикие звери страдают и умирают молча. Люди орды в этом на них походили.

Глава 7

РАМ ОПЯТЬ НАШЕЛ ДРУГА

Рам успел спуститься только до половины высоты обрыва, когда рыжеволосые бросились в битву. Он припал за кустом боярышника и лежал не дыша. Сначала он не решался даже выглянуть между густыми ветвями, затем осмелел, поднял голову. Он видел, как огромный рыжеволосый ударом по голове оглушил отчаянно сопротивляющуюся Маа, перекинул ее через плечо и быстрыми прыжками исчез в лесу. Другой, такой же огромный, схватил маленькую Си. Но она, неожиданно изогнувшись, впилась ему зубами в ухо. Рыжеволосый завопил, ото-

рвал ее от себя, размахнулся и швырнул с обрыва вниз. Размах был так силен, что Си перелетела через отмель и упала в реку. Рам зажмурился, но не выдержал и снова открыл глаза: Си уцепилась за плывшее по реке дерево, и ее быстро уносило вниз по течению. Двое рыжеволосых подбежали к берегу, один даже вошел по колено в воду, пытаясь ухватиться за ветку, но промахнулся: дерево пронесло мимо. Рам видел: лицо Си было залито кровью, но она держалась крепко, обнимая ствол руками.

Рам долго не мог пошевелиться от страха. Наконец, постепенно осмелел. Осторожно приподнимаясь, он видел, как валятся на землю враги под ударами страшной дубины Урра. Он не удержался и вскрикнул от радости при особенно удачном ударе, но тут же опять помертвел: крик его услышал один рыжеволосый. Страшное лицо повернулось в его сторону, враг проворно закарабкался вверх по обрыву, к кусту, за которым прятался Рам. Не помня себя от страха, он вскочил и помчался вверх, к пещере, а от нее — направо, по тропинке, по которой накануне пришел в пещеру медведь. Рыжеволосый, увидев Рама, остановился, размахнулся — и небольшой острый камень, просвистев в воздухе, больно ударил его в левое плечо. Но боль прибавилась к испугу, и мальчик кинулся бежать еще быстрее. Он бежал так долго, что уже не слышно стало ни криков, ни шума сражения. Бежал, пока, совершенно выбившись из сил, оступился и, падая, ударился о дерево головой.

Очнулся он в темноте, от звука чьих-то осторожных шагов. Они приблизились, остановились, легкое дыхание коснулось лица мальчика. Он вскочил с криком, но не успел еще сделать и шага, как тот, невидимый, шарахнулся в сторону. Раздался быстрый шумный топот: кто бы это ни был, он испугался Рама не меньше, чем Рам испугался его. Мальчик это понял и потому сам не кинулся бежать. На свое счастье, потому что в темноте, наверное, разбился бы о дерево или свалился с обрыва в реку. Он стоял, дрожа и прижимаясь к дереву, пока не сообразил, что наверху опасности меньше. Люди орды с детства учились лазить так же, как учились ходить. В одну минуту Рам охватил дерево руками и оказался чуть не на самой его верхушке. Отдышавшись, он спустился пониже и нащупал ветку, достаточно толстую, чтобы, сидя на ней, дождаться рассвета. Только теперь, устроившись на ветке, он почувствовал, как сильно болит ушибленное камнем плечо. Но он страдал молча: каждый звук, каждый стон мог привлечь врагов.

Утро застало Рама на дереве. При каждом шорохе он вздрагивал и, до боли прижимаясь к морщинистой коре ствола, старался сделаться еще меньше и незаметнее. Два чувства боролись в нем: страх приказывал оставаться на месте, голод звал на поиски. Наконец последнее победило. Беспрестанно оглядываясь, Рам осторожно опустился с дерева. И тут неожиданно его большой тонкогубый рот растянулся в подобие улыбки. С радостным криком он бросился на землю, схватил что-то и крепко прижал к груди.

Это было рубило Мука, с которым он не расставался даже во время отчаянного бегства! Он выронил его, когда, бесчувственный, свалился у подножия дерева. Теперь Рам нашел его и больше уж не потеряет. Держа блестящий зеленый камень, он осторожно прикоснулся пальцами к острому режущему краю. Солнечный луч пробился сквозь ветви дерева и переливался на ярких гранях. Мальчик поворачивал камень во все стороны, поднимал его и тихо, радостно что-то бормотал.

Легкий шорох в траве заставил его насторожиться: на освещенный солнцем выступ скалы скользнуло что-то блестящее, зеленое, как его нефритовое рубило. Ящерица! Не замечая мальчика, она с удовольствием поднялась на лапках навстречу солнечному лучу. Но погреться не успела: маленькая мохнатая рука проворно схватила ее.

Еда! Трава, потревоженная броском Рама, еще не перестала колыхаться, а последний зеленый кусочек был уже разжеван и проглочен. Все! Конечно, не досыта. Мохнатый животик настоятельно просил еще еды, не важно — какой, лишь бы побольше. Но ящерица была не такая уж маленькая и, главное, еда прибавила Раму не только сытости, она придала храбрость. Облизнув от удовольствия губы, он осмотрелся. Что теперь делать?

Идти дальше? Куда? Вспомнилась пещера, тепло костра и мясо — гора медвежатины. Рам опять облизнулся. Враги? Но он не видел бегства своей орды, ему помнилось все, как было: мужчины, женщины около туши медведя и с ними Маа, веселая и ласковая. Мальчик-сирота бессознательно тянулся к ней. Она, единственная в орде, случалось, делилась с ним кусочком еды, когда остальные думали только о своих желудках. Правда, он видел, как рыжеволосый схватил ее, но это впечатление как-то не осталось в его памяти.

— Маа,— жалобно пробормотал Рам и оглянулся, словно ожидая ответа. Но его не последовало. Зато в глаза бросилась тропинка, протоптанная за много лет дикими обитателями леса. По ней в ужасе мчался он вчера. По ней он вернется сейчас к людям и к мясу...

И Рам, полный надежды, пустился в обратный путь. Как мог он знать, что орда, торопливо и осторожно пробираясь по отмели, этой ночью прошла как раз под обрывом, на котором стояло дерево — его ночное прибежище. И, значит, возвращаясь к пещере, он с каждым шагом все больше удаляется от людей...

Рам торопился изо всех сил. Изредка он лишь чуть задерживался: глотал жирного червяка либо срывал горсть орехов и разгрызал их на ходу. Тяжелое рубило порядком мешало ему, но он не расстался бы с ним даже в обмен на жирный кусок мяса или кость, полную мозга. Со вздохом он перекладывал камень из одной утомленной руки в другую, но вздох превращался в радостное бормотанье, едва луч солнца вспыхивал на каменных гранях.

Однако обратная дорога оказалась гораздо длиннее: болело плечо, болели натруженные короткие ноги. Не один раз уже Рам собирался лечь на мягкую траву, присесть на бархатную моховую подушку. Но тут же страх одиночества и пустой желудок заставляли его убыстрять шаги. От усталости он уже не бежал, а скорее тащился по тропинке,

порой даже слегка вскрикивал, задевая за камень разбитыми в кровь пальцами ног.

Но вот Рам остановился. Ноздри плоского носа зашевелились: легкое дуновение ветра принесло ему известие, в котором следовало разобраться. Это был человеческий запах, но чужой, страшный. Шерстистые темные волосы на затылке Рама зашевелились, встопорщились. Он попятился, спиной коснулся чего-то и в страхе отскочил, оглядываясь. Нет, это просто дерево. Сзади ничто не угрожает. Но впереди... Надо разведать...

Рам сгорбился, втянул голову в плечи и бесшумно скользнул в кусты, как это делали взрослые мужчины, пробираясь в опасных местах. Теперь он шел не по самой тропинке, а сбоку, прикрываясь росшими по краю кустами, пока не добрался до пещеры.

Но тут отвратительный запах людей чужой орды сделался невыносимым. Он смешивался с едким запахом дыма и еще с каким-то необычным запахом. Пахло как будто мясом, но не так, как ему полагалось.

Сбоку от входа в пещеру ярко пылал костер. Вокруг него сидели и ходили чужие. Одни с жадностью что-то пожирали, другие камнями разбивали кости, доставая сладкий мозг. Третьи палками вытаскивали из костра какие-то обугленные куски. Кривляясь и взвизгивая, они нетерпеливо хватали их руками, обжигались, бросали и с недовольным рычаньем искали на земле другие, уже остывшие. Так вот почему мясо пахло так странно! Рам никогда не пробовал жареной еды: орда поедала мясо сырым — в таком виде, в каком его удавалось добыть. А пахло соблазнительно! Голодный Рам с жадностью принюхивался, но вдруг на земле, совсем близко от куста, за которым прятался, он заметил что-то круглое. Тут один из рыжеволосых повернулся и длинной палкой стукнул по этому круглому так, что оно, крутясь, влетело в костер. Остальные рыжеволосые одобрительным ворчаньем оценили ловкость удара. Рам почувствовал, как в груди похолодело. Он осторожно отполз в глубину кустов. Оттуда костра не было видно, но он уже насмотрелся достаточно. Голова Хоу, сильного сердитого Хоу — вот что это было. Рам не любил его: оказаться близко от Хоу — значило получить здоровую затрещину. Так, ни за что. Но сейчас, если попасться на глаза рыжеволосым, то и его, Рама, голова тоже покатится в костер, он это понял.

Мальчик пятился назад, пока не отошел далеко от пещеры, на прибрежную отмель. И тут он чуть не крикнул от радости: следы! Человеческие следы на песке отмели! Они источали слабый знакомый запах, и Рам в восторге уткнулся в песок и лежал так некоторое время, дрожа и всхлипывая от неожиданного счастья. Следы орды! Его орды! Они прошли здесь. Здесь! И Рам догонит их.

Когда прошли по отмели люди, как далеко они могли отойти — об этом Рам не задумался, это было слишком сложно для него.

Запах вселял надежду, он манил, и Рам последовал за ним. Куда? Все равно.

Рам уже не думал, что его могут увидеть, услышать наверху. Забыв боль в плече и разбитых ногах, он бежал, не скрываясь, всхлипывая и подвывая на ходу.

Наконец усталость заставила мальчика перейти с бега на шаг. Время от времени он подходил к реке, погружал лицо в холодную воду и с жадностью пил, втягивая воду ртом, зачерпывать ее ладонями он не умел. Купанье освежило бы его, но люди орды, как обезьяны, боялись воды и добровольно в нее не входили.

Иногда Рам нагибался и, не доверяя глазам, с наслажденьем принюхивался к следам на песке. Они шли здесь, запах становился все сильнее! Значит, он догонял своих!

Вдруг мальчик издал тихий крик и кинулся к маленькому кустику: на колючей ветке висел клочок волос — темных, не таких, как рыжие волосы врага. Рам, задыхаясь от волнения и не обращая внимания на колючки, схватил клочок, зажал его в руке.

В этом месте заросший кустарником берег полого спускался к воде. Трава под кустиком была примята. Кто-то, сойдя с отмели, на четвереньках тяжело протащился в кусты, оставив на колючках клок волос. Запах тоже не оставлял сомнений: это — свой.

Но другие следы шли по отмели дальше, и они тоже источали знакомый запах, там тоже прошли свои.

Рам остановился, ноздри его усиленно шевелились, морщины на лбу собирались в глубокие складки.

Следы разошлись. Куда же идти? Принюхиваться мало: приходилось думать. Рам мучительно гримасничал, нагибался к следам на песке, осторожно касался их пальцами. Затем поворачивался к примятым стебелькам травы, обозначавшим другой след, который уводил его вверх по обрыву. Наконец, не в силах решиться, он бросился на землю и, прижавшись к ней лицом, тихонько заскулил, как отчаявшийся щенок.

Рам лежал так долго, но вдруг, приподнявшись, затаив дыхание, прислушался. Сомнений не было: кто-то дышал за кустами, сдерживаясь, чтобы себя не выдать.

В одно мгновение Рам оказался на ногах. Еще миг — и он без памяти кинулся бы прочь от опасного места. Но легкий ветер, пробираясь сквозь кусты, пахнул ему в лицо. Здесь, за кустами, запах орды был даже сильнее, чем на отмели.

Рам опустился на четвереньки и проворно нырнул под нависшие колючие ветки. Они и с его косматой спины захватили свою долю шерстистых волос, но Рам этого не почувствовал: полз, все явственнее ощущая родной притягательный запах. Но невидимый, почувствовав чье-то приближение, затаился в кустах.

Колючие ветки спустились так низко, что Раму пришлось лечь на землю и ползти на животе, извиваясь, как змея. И тут, в самой гуще ветвей, перед ним блеснули настороженные глаза. Рам рванулся вперед, колючки впились в его спину. Не чувствуя боли, тихо взвизгивая от радости, он уткнулся лицом в землю у самых ног лежащего человека. Мук!

Старик вовремя успел удержать тяжелое рубило, уже занесенное над головой мальчика: ветер дул от него навстречу Раму, не давая ему возможности распознать — свой это или чужой. Он ожидал врага. Откуда же здесь, в кустарнике, мог появиться друг?

Тихое довольное ворчанье Мука и визг счастливого Рама — это была еще не настоящая человеческая речь. Они не могли рассказать

друг другу, что с каждым случилось. Но радость встречи была понятна обоим.

Наконец они немного успокоились. Мук, жалобно вздохнув, пошевелил ногой; глубокая рваная рана тянулась от колена вниз. Наверное, было очень больно — старик тяжело дышал и временами тихонько всхлипывал.

Рам сидел подле него, обхватив коленки руками. Он поглядывал то на Мука, то на узкий проход под ветвями, по которому он только что пробрался сюда. На его лбу собирались глубокие складки: шла смутная работа мысли.

Теперь, когда прошли первое волнение и радость встречи с Муком, Рам смутно почувствовал, что его тянет идти дальше по следам орды. Туда, где много людей, и не важно, как они к нему отнесутся. Пусть даже бьют, как прежде, пусть дразнят его, но он хочет быть с ними. Со всеми!

Мук был мгновенно забыт. Мальчик сунул уже голову в проход под ветвями, как вдруг позади него раздался чуть слышный стон. Рам невольно вздрогнул, обернулся. Старик молча, умоляюще смотрел на него. Он ни о чем не просил, он знал: у орды нет обычая оставаться около больных, которые не могли следовать за здоровыми. Их не убивали, их просто покидали. Муку и в голову не приходило, что может быть иначе. Ведь когда он сам опустился на песок не в силах двигаться дальше, орда покинула его. Люди проходили, молча взглядывали на него и двигались дальше. Так поступал и он, когда сам был здоров. А теперь и Рам уйдет... Тоска одиночества опять охватила старика, он горько и покорно простонал.

Рам удивленно взглянул на старика, потом на тропинку под ветвями, опять повернулся назад. Мук медленно поднял руку и показал на ягоды боярышника над своей головой.

— Еда!— тихо произнес он один из немногих звуков-слов, которыми пользовались люди орды.

И тут Рам будто забыл о следах на берегу. Он быстро вскочил, набрал полную горсть спелых ягод и высыпал их на землю перед стариком. Тот с жадностью хватал и глотал их, почти не разжевывая. А Рам рвал и сыпал перед ним еще и еще. Наконец, он снова уселся на землю спиной к тропинке, обхватив колени руками. Мук не спеша докончил последнюю горсть ягод и с благодарностью взглянул на Рама. Тот ответил ему таким же взглядом. И вдруг губы старика и мальчика дрогнули и растянулись в улыбке.

Рам очень удивился бы, если бы ему объяснили, какой благородный поступок он совершил. И слова такого не было в его бедном языке. Но в эту минуту оба — и старик и мальчик — чувствовали то, что чувствовали бы на их месте настоящие хорошие люди.

Между тем люди орды продолжали бегство по отмели вдоль реки. Шли быстро. Тяжелораненые давно отстали, о них не вспоминали. Исчезли почти все женщины, уведенные врагами.

Урр замыкал шествие.

Дубинку, так много поработавшую, он нес на плече и часто оглядывался — опасался погони.

Когда Мук в последний раз споткнулся, упал и уже не смог подняться, Урр единственный остановился около него. Он стоял долго, не сводя глаз со старика и крепко сжимая в руках страшную дубинку. Губы его шевелились, будто он порывался сказать что-то и не мог.

— Мук!— наконец выговорил он со страшным усилием. И, не ожидая ответа, не оборачиваясь, быстро зашагал по отмели, догоняя ушедшую вперед орду. Он вздыхал и качал головой, полный горького, самому неясного, чувства. Великан, сам того не понимая, любил маленького старика, и верно, тому не пришлось бы дожить до седых волос, если бы его много раз не защищала могучая рука Урра. Но закон орды есть закон: безнадежно упавшего оставляют. Урр не мог ему не подчиниться. Мук долго молча смотрел вслед, пока тропинка не скрыла от него людей орды. Затем, собрав последние силы, он отполз с отмели под прикрытие кустарника, в котором и нашел его Рам.

Убедившись, что враги отказались от преследования, Гау опять стал во главе орды. Он шел, зорко оглядываясь и прислушиваясь. Орда вступила в места, где обитали другие племена, а каждый чужой — враг. И потому все старались двигаться неслышно. При надобности молча обменивались знаками. Каждый, мужчина или женщина, нес с собой дубинку или рубило, отнятое у врага. Это было хорошо: ведь искусного Мука уже не было с ними. Не останавливались ни для еды, ни для отдыха: самое важное уйти подальше, чтобы враги не сумели догнать. Не тратили времени и на охоту, обходились тем, что подбирали съедобные ягоды, орехи, жирного червяка — все, что можно схватить и засунуть в рот, не останавливаясь.

Солнце совершило свой дневной путь по небу и близилось к закату. Уже не раз спотыкались на ходу самые сильные из людей орды. Измученные ноги волочились по песку, не в силах переступать через рассыпанные по нему камни, когда Гау, наконец, дал сигнал остановки. Никогда еще люди орды не слушались его с такой быстротой. Еды не было, о ней не вспоминали: измученное тело просило только покоя. Но покой пришел не сразу...

Олень был молодой и очень жирный. Голодные гиены это поняли, когда набрели на кости, недоеденные двумя пещерными львами. Однако львы оставили от оленя совсем мало: гиены только раздразнили аппетит, но не насытились. Быстро покончив с объедками, они с досады подняли дикий хохот. Сытые львы проснулись в кустах, сердито зарычали. Мелкая лесная тварь в ужасе разбежалась кто куда.

Крики зверей подняли на ноги засыпающих людей. Вскочив, они сбились в кучу, прижались к стене обрыва, нависающей над отмелью. Это обеспечивало от нападения сзади и сверху. Гиены учуяли теплый человеческий запах. Они спустились на отмель, с диким хохотом изрыли и истоптали весь песок у воды. Глаза их светились в темноте, было

слышно, как они громко лакали воду из реки, но подойти ближе не решались: в молчаливой неподвижности людей чувствовалась опасная угроза. Гиены удалились с рассветом. Только тогда измученные люди, забыв об осторожности, опустились на землю, кто где стоял, и мгновенно заснули мертвым сном. Гау, сидя, несколько раз пробовал поднять тяжелую голову, осмотреться, но она тотчас же опускалась на охваченные руками колени. Урр упал на песок, прижимая к груди страшную палицу.

Хорошо, что никто из хищников не заглянул в это утро на отмель в поисках сытного завтрака. Люди, обессилев, проспали весь день до самого вечера.

Глава 8

СТРАШНАЯ ВСТРЕЧА. СЕРЕБРИСТЫЕ!

В лесу еще клубился туман между деревьями. Ветер с шумом пронесся по верхушкам, раскидал последние белые клочья. Две мохнатые фигурки, боязливо озираясь, пробирались по звериной тропе. Мук шел проворно, но слегка прихрамывал. Рам весело спешил сзади, часто забегал вперед и нетерпеливо оглядывался. Река после сильного дождя вздулась и, залив отмель, поднялась до кустов, в которых недавно отлеживался Мук. Вода смыла с отмели следы людей, унесла их запах. Но Мук и Рам, выбравшись наверх, безошибочно повернули вниз по течению — туда, куда ушла орда. Как зверь, отделившийся от стаи, стремится к ней вернуться, так и они стремились найти своих. Они шли, бежали, затаивались, сходили с тропинки и опять возвращались на нее. И, не сговариваясь, ощущали одно: они идут по правильному пути, расстояние между ними и ордой уменьшается.

Рана Мука зажила еще не совсем. Иногда, не выдерживая боли, он падал на землю и катался, обхватив больную ногу руками. Потом затихал, уткнувшись лицом в землю. Рам испуганно останавливался, выжидал, случалось — нетерпеливо бежал вперед один. Но тут же спохватывался и, тихо, нетерпеливо повизгивая, возвращался. Бежать по лесу одному было страшно. Но не только страх тянул его назад: минута, когда он впервые по-человечески пожалел старика и остался подле него, хотя следы орды были так свежи, манили и звали,— эта минута не забылась. Рам негодовал, скулил, убегал вперед и... каждый раз возвращался.

Идти по звериной, хорошо протоптанной тропе было легко. Изредка набегали еще недолгие грозовые дожди, но солнце быстро сушило мохнатые спины. По дороге они подбирали все съедобное и были сыты. Рам даже немного потолстел.

Этот день начался неудачно: Мук ловко подшиб камнем зайчонка, но, кинувшись за ним, споткнулся и так разбередил больную ногу, что тут же лег и отказался двигаться дальше. Зайца разделили по-братски, старик никогда не требовал себе лучшей части. Рам съел свою

долю и грустно слонялся вокруг полянки, на которой лежал Мук, жалобно вздыхая от боли. Рам был хоть и мохнатым, но все-таки еще ребенком. Большая ярко-синяя бабочка, точно дразня, пролетела перед самым его лицом и, порхая, пустилась по тропинке вдоль реки. Рам кинулся за ней. Увлеченный погоней, он не заметил, как лес вдруг расступился и перед ним открылась высокая скалистая стена, у подножия которой лежали груды обрушившихся сверху камней. Тропинка уперлась в стену, круто повернула влево и пошла в обход к реке.

Озадаченный, Рам остановился, забыв о бабочке, поднял глаза. Высоко в стене виднелось большое отверстие. Пещера! Рам теперь мог безошибочно определить это. Стена была отвесная, но не гладкая, выступы торчали на ней снизу до самого входа в пещеру.

Искушение было очень сильное. Первый выступ пришелся Раму по плечо. В одну минуту Рам уцепился за край, подкинул ноги и с гордостью огляделся: готово! Рубило, великая драгоценность, больно стукнуло его по спине — пустяки, он только поправил сетку, искусно сплетенную для него Муком. Следующий выступ был намного выше, но Рам уже приловчился.

Цап-скок! Цап-скок! До пещеры осталась одна ступенька. Рам уже вскинул руку на острый выступ и вдруг тихо взвыл от ужаса. Из пещеры высунулись, в упор глядя на Рама, две головы, много больше его собственной, покрытые серебристой курчавой шерстью. Головы свесились вниз и оказались почти перед самым лицом помертвевшего от ужаса мальчика. Яркие желтые глаза смотрели вовсе не враждебно, но Раму разбираться в этом было некогда. Он торопливо оглянулся, собираясь спуститься как можно скорее, но на этот раз не издал ни звука: горло сдавило страхом, точно его стиснула чья-то рука: почти вплотную за ним, не спуская с него взгляда желтых глаз, по уступам поднималось невиданное чудовище. Ростом оно было раза в два выше Урра — самого высокого человека орды. Могучее тело покрывала серебристая шерсть, на голове волосы крутыми завитками торчали во все стороны, и от этого она казалась еще больше.

Рам в ужасе повернулся спиной к стене, прижался к ней так крепко, точно хотел вдавиться в нее, спрятаться в самую маленькую трещину. Он уже забыл о двух головах наверху, но те неожиданно напомнили о себе, подняли нетерпеливый голодный крик, так не подходивший к их большому росту. Чудовище оскалило пасть, в которую упряталась бы чуть не вся голова мальчика, и зарычало, отвечая тем двоим наверху. Затем неуклюжим и быстрым скачком оказалось на последнем уступе. Рам головой не доставал даже до живота серого существа. Крепко стоя на мохнатых кривых ногах, оно легко скинуло с плеча тушу крупного кабана и подняло ее огромными ручищами к входу в пещеру. Радостное рычанье и визг оглушили Рама. Почти теряя сознание, он увидел, как четыре серые лапы вцепились в кабана и потащили его в пещеру. Серый великан одобрительно рявкнул и, повернувшись к мальчику, нагнулся, чтобы разглядеть его. Ноги Рама задрожали. Еще мгновение — и он полетел бы со ступени вниз, но мощная лапа подхватила его и подняла за шею, точно крохотного зайчонка. Рам покорно висел в воздухе, не делая попытки освободиться. Желтые глаза

великана оказались как раз на уровне его лица. Это было так страшно, что Рам даже попробовал закрыть глаза, но они его не послушались. Они видели все: лицо, покрытое серебристой шерстью, огромный черногубый рот и зубы величиной с кулачок ребенка.

Вдруг желтые глаза блеснули угрожающе, рот искривился в страшной гримасе, и пальцы начали сжимать горло мальчика, медленно и неумолимо. В глазах его, еще открытых, потемнело, но вдруг пальцы разжались. Опустив полузадушенного Рама на уступ, великан проворно схватил сетку, висевшую у него на боку. Толстые пальцы без всякого усилия разорвали крепкие волокна и вытащили драгоценное рубило. Великан осторожно потрогал острое лезвие и с радостным ревом взмахнул рубилом, еще и еще раз.

Рам видел все как во сне. И точно во сне он почувствовал, что мохнатая рука ухватила его за плечо, подняла и передала рукам, протянутым из пещеры. Затем глаза его закрылись...

Рам, конечно, не мог знать, что это был обморок. Он открыл глаза, чувствуя сильную боль в голове, шее, и с ужасом увидел, что лежит в пещере. Пол был неровный, что-то острое кололо ему спину, но он боялся пошевелиться. Около него сидели на корточках двое серебристых — очевидно, те, что выглядывали из пещеры. Им очень нравилось навивать на пальцы темные волосы Рама и сильно дергать, вырывая целые пучки. Рам слабо простонал. Серебристым стало еще веселее: они вскочили и, кривляясь, неуклюже запрыгали около него, продолжая жестокую забаву: так дергали за волосы, что голова Рама поднималась и со стуком опять падала на камень. Рам, боясь еще больше рассердить мучителей, не сопротивлялся и еле сдерживал стоны.

Наконец, досыта навеселившись, они вспомнили о добыче, принесенной великаном. Оттолкнув Рама с дороги, они кинулись к туше, лежавшей посередине пещеры, и принялись рвать мясо руками и зубами, ворча и огрызаясь друг на друга. Это не удивило Рама: так же вели себя и дети его орды. Серебристые были ростом со взрослых людей орды, но Рам быстро понял по их повадкам, что это все-таки дети великанов. Третий, самый маленький, чуть поменьше Рама, теребил великаншу-мать и пронзительным визгом требовал своей доли в добыче. Мать всовывала ему в рот разжеванные куски мяса. Рам с тоской вспомнил ласковую Маа. Она не раз кормила его так, голодного, когда матери орды отталкивали его от добычи, оделяя ею собственных детей.

Теперь, когда мучители оставили его в покое, он понемножку приходил в себя и, не двигаясь, исподтишка, наблюдал за серебристыми. Их было немного. Рам не умел считать, но понимал, что их было гораздо меньше, чем людей орды. Детей было вовсе мало — мучители Рама и малыш, которого кормила мать. Все серебристые еще были заняты едой: одни руками отрывали куски мяса, выдирая ребра, словно слабые прутики, другие ударами камня не столько рубили, сколько раздавливали мясо или крошили кости, доставая мозг. Острые глаза Рама заметили, что их камни не похожи на рубила Мука. Это были просто осколки с случайно заостренным краем.

Великан, притащивший Рама в пещеру, не расставался с его великолепным зеленым рубилом. Он резал им мясо, хвастливо показывал другим серебристым, но угрожающе рычал, если кто протягивал к нему руку. Рам не догадывался, что удивительное рубило спасло ему жизнь. Серебристый, увидев его, забыл о намерении задушить мальчугана. Это не значило, что ему снова не придет охота свернуть Раму шею. Рам понимал это, старался даже дышать как можно тише, чтобы и этим не привлечь к себе опасного внимания.

Но что это? Огромная рука вдруг протянула ему жирное кабанье ребро. Ух, как давно Рам не пробовал такой еды! Однако он не посмел поднять дрожащую руку, и серебристый нетерпеливо швырнул мясо к его ногам. Рам не успел и пошевелиться, как один из маленьких мучителей кинулся и перехватил брошенное ему. Но великан угрожающе взревел, оскалился, показав огромные желтые зубы, и тяжелая его лапа впилась в мохнатый затылок воришки. С пронзительным визгом тот выпустил добычу, и мясо шлепнулось опять у самых ног Рама, перепуганного чуть не до обморока. Ему уж и есть не хотелось, только бы его оставили в покое. Но желтые глаза обратились на него с такой яростью, что он понял: надо слушаться, робко поднял подарок и осторожно поднес ко рту.

Сочное мясо точно растаяло, в руках Рама оказалось чистое ребро. Он еще поворачивал его во все стороны, тщетно отыскивая, не пристала ли где незамеченная крошка, как тут же к его ногам шлепнулся второй, еще лучший кусок. Молодые уже не смели на него нападать, грызли свои куски в уголке, с завистью на него поглядывая. Остальные серебристые и вовсе не обращали на него внимания: сидели рядышком у стены, положив головы на подтянутые к подбородку колени. Они дремали, изредка сонно почесывались, лениво отмахивались от больших синих мух, привлеченных обглоданными костями. Только самый старший серебристый не спал. Он напряженно разглядывал рубило, отнятое у Рама, пальцем осторожно трогал лезвие и при этом упорно обращал на мальчика блестящие желтые глаза. Рам вздрагивал и старался отползти подальше, сделаться, если возможно, еще незаметнее. Огромная серая фигура внушала ему ужас. В то же время он смутно чувствовал: в глазах великана злости нет. Они точно о чем-то спрашивали, снова и снова. Но это было тоже страшно. Наконец, задремал и серебристый. Было тихо. Над разбросанными по пещере кабаньими костями тоже сонно жужжали синие мухи.

Рам с тоской смотрел на вход в пещеру. С сытостью постепенно пришла смелость. Он встал и тихонько шагнул к краю. Но молодые серебристые с визгом кинулись и схватили его за руки. Терять живую игрушку они были не согласны. Рам чуть не запустил острые зубы в руку одного, но вовремя опомнился и, не сопротивляясь, дал утащить себя в глубь пещеры.

Мучители собрались было начать прежнюю веселую игру: на голове Рама осталось для этого еще достаточно волос. Но один из них вдруг радостно взвизгнул и немедленно получил от разбуженного взрослого сильный шлепок. Забыв про Рама, он убрался в угол и уселся там, тихонько хныкая и почесываясь. Другой, глядя на него, тоже

присмирел. Опустившись на пол, Рам прижался к стене, притворился спящим. Однако неплотно зажмуренные глаза его зорко наблюдали за всем, что делалось в пещере. Он с тоской смотрел на кусочек голубого неба, ярко сиявший в отверстии пещеры. Слова «свобода» Рам не знал, но томился и ждал ее всей душой.

Раму, наверное, стало бы легче, если бы он знал, кто притаился в кустах, окаймлявших лужайку как раз против отверстия пещеры. Мук, старый хитрый Мук добрался сюда по его следам и прятался в зарослях шиповника, не обращая внимания на колючки. Старик видел, как серебристые тащили Рама в глубь пещеры. Он был огорчен: известно, какая судьба ожидала мальчика, захваченного врагами. Кости, обглоданные и высосанные,— вот все, что от него останется! И ему, Муку, надо скорее бежать, догонять своих, чтобы и его не постигла такая же участь.

Старик вздохнул, потрогал последнее рубило, сохранившееся в его сетке, и ползком за кустами осторожно обогнул полянку и рысцой заспешил вдоль стены, удаляясь от реки. Страшная пещера осталась позади. Вперед! Вперед туда, куда ушла орда. Его орда!

Мук хорошо отдохнул в лесу, где оставил его Рам, и теперь шел быстро, почти бежал. Вот уже кончилась каменная стена, преграждавшая путь вдоль реки. Вперед! Вперед быстрее!

И тут Мук вдруг остановился, точно на ровном месте наткнулся на невидимое препятствие. Ягоды! Ягоды, которые Рам собирал для него, когда он лежал больной в кустах у реки! Мук явственно ощутил сладкий вкус этих ягод. Ощущения заменяли ему мысли.

Старик, опустившись на землю, заплакал. Почти в детской досаде он бил кулаками по траве, вскрикнул, поранив руку о камень. Он жаждал найти орду, страх перед серебристыми чудовищами гнал его все дальше и дальше, и вот... он не мог уйти! Вкус сладких ягод, которые собирала для него маленькая коричневая рука... Мук не понимал, что с ним делается. Он встал и, опустив голову, сгорбившись, потрусил обратно к пещере. Туда, откуда выглянула недавно искаженная страхом коричневая рожица мальчугана.

О времени Мук не имел понятия, но его прошло немало, пока он вернулся на прежнее место и, сделав большой круг, опять оказался в кустах против черневшего в стене отверстия пещеры. Несколько серебристых уже успели вернуться с новой охоты. Охота была удачная: они весело возились и рычали на полянке около огромной туши. Целиком ее невозможно было втащить в пещеру, они пожирали ее на месте. Мук со страхом покосился на пирующих великанов: они крошили и рвали на части тушу молодого мастодонта, размером с крупного быка. Старик был поражен: его орда не решалась нападать на этих огромных зверей. За такого «малыша» могли вступиться родители.

Мук жадно принюхался, незаметно вздохнул. Пахнет вкусно! Но... где же Рам? Уже съели?

Вдруг он вздрогнул: жалобный крик послышался сверху, из пещеры. Огромная серая фигура высунулась из нее, осторожно спустилась на первую ступеньку, на вторую... Одной рукой она прижимала к боку маленькую темную фигурку. Рам! Он в ужасе раз крикнул, а теперь висел покорно, не пытаясь вырваться. Его еще не съели! Почему?

Мук не сводил глаз: что же будет дальше? Вот они спустились. Великан бросил Рама на землю, нагнулся. Большой кусок мяса, вырванный из туши могучей рукой, шлепнулся на землю около мальчика. Тот не шевельнулся. Великан недовольно заворчал, волосатая лапа схватила мясо и поднесла к самому лицу Рама. Он принял угощение, весь дрожа и оглядываясь. Мук проследил направление его взгляда. А, вот на что он смотрит: из пещеры высунулись двое серебристых поменьше. Мук понял сразу: детеныши. Кривляясь и мешая друг другу, они спустились по уступам и подбежали к туше. Великан и им оторвал по куску. Они жадно смотрели на порцию Рама, но отнимать не смели: помнили прежние затрещины.

Муку стало удивительно интересно, он приподнялся, забыв об осторожности. И тут же почувствовал, как кто-то, ухватив его за шею, поднимает на воздух. Быстро повернувшись, Мук размахнулся, но ударить не успел: руку его схватили и сжали с такой силой, что омертвевшие пальцы выпустили рубило. Мук повис в воздухе, почти теряя сознание.

Серебристый ловко подхватил падающее рубило, шагнул из кустов на поляну и с веселым криком подбежал к пирующим. Швырнув на землю бесчувственное тело старика, серебристый взмахнул его же рубилом, готовясь размозжить голову Муку. Его рычанье заглушило слабый крик Рама. Но тут старший серебристый, тоже сердито рыча, вскочил на ноги. Выхватив занесенное над Муком рубило, он приложил к нему другое, отнятое у Рама. То разводя руки, то сближая их, серебристый, видимо, сравнивал рубила. В увлечении он совершенно не обращал внимания на самого Мука. А тот уже пришел в себя и лежал, не смея пошевелиться.

Похоже было, что серебристые были добродушного нрава, гораздо добродушнее рыжеволосых и людей орды. Для тех всякий чужой был враг, его следовало убить и съесть. А серебристый, поймавший Мука, уже забыл, что чуть не убил его под горячую руку. Он с любопытством осмотрел его, поворачивая легко, как котенка, затем, весело оскалившись, положил огромную лапищу рядом с рукой старика, криком приглашая всех сравнить их размеры. Мук покорно подчинялся серебристому, боясь рассердить его, только украдкой покосился на Рама и дружелюбно ему подмигнул. Мальчик, весь дрожа, не сводил с него испуганного взгляда, точно ждал и просил помощи.

Тем временем старый серебристый тоже повернулся к Муку. Его маленькие желтые глаза смотрели так напряженно, что казалось, он спрашивает о чем-то. Но о чем?

Вдруг он встал, нагнулся и, подобрав с земли обломок камня, протянул его Муку. Тот в испуге отшатнулся. Серебристый все стоял с протянутой рукой, глаза его упорно смотрели на Мука, тонкие черные губы напряженно кривились, издавая странный тихий звук, не похожий на обычный рев и ворчанье великанов. И тут Мук понял. Страх его сразу исчез. Он протянул руку, пощупал камень и отрицательно покачал головой. Не годится! Огорченный, серебристый разжал руку и отступил на шаг, но Мук уже оказался у кучи обломков, громоздившихся на земле под входом в пещеру. Любимое дело сразу отвлекло и успокоило его: он деловито ощупывал камни, перебирал, некоторые обнюхивал и недовольно отбрасывал. Великан следовал за ним по пятам, морщины низ-

кого лба его сходились и расходились, казалось, он ничего не видит, кроме маленьких рук, так уверенно ощупывающих камни.

Наконец, Мук вскрикнул от удовольствия: нашел! Большой кусок желтоватого блестящего кремня, другой — поменьше. Минута — и Мук уже сидел на земле, ловко охватив ступнями ног большой кремень. Сильным точным ударом он отколол от него клиновидный кусок, на оставшемся, как на наковальне, подправил острый край. Косматая серая лапища тут же протянулась и ухватила драгоценное рубило. От радостного рева серебристого Мук едва не опрокинулся на спину. А великан, высоко подняв над головой новенькое блестящее рубило, прыгал и ревел так, что остальные серебристые даже оторвались на минуту от еды. Но только на минуту. Конечно, острый камень — это очень хорошо, но можно обойтись и без него — мало ли тут валяется готовых камней на все вкусы. Страшная сила удара помогала им дробить и мозжить мясо любыми камнями.

Но старый серебристый понимал больше своих товарищей. Досыта наплясавшись, он кинулся к тому, что осталось от мастодонта, и ловким ударом нового рубила отхватил огромный кусок мяса. Маленькие глазки Мука заблестели хитро и весело. И он храбро протянул руку.

Великан не унимался: он отрезал новые и новые куски мяса и бросал их Муку, свирепо косясь на остальных серебристых. Но те, насытившись по самое горло, уже не интересовались остатками трапезы. Сыты и отлично. В будущее они заглядывать не умели. Не интересовал их и тощий жилистый старик и его искусство обтесывать рубила: может убираться куда ему угодно. Люди орды, хоть и не обладали большой ловкостью, но по нужде каждый мог изготовить себе какое-нибудь рубило. Здесь же один старый серебристый понял, как много значит искусно заостренный камень. Налюбовавшись новым орудием, он тяжело уселся на землю и, охватив огромными подошвами кусок кремня, попытался подражать искусству Мука. Осколки, большие и маленькие, усеяли землю, но секрет меткого и точного удара не давался великану, а Мук не мог или не хотел раскрыть его. Он осторожно обошел тушу мастодонта и теперь сидел около Рама, с аппетитом уплетая мелко нарезанное мясо. Они не говорили, лишь изредка, будто случайно, друг на друга поглядывали, но понимали друг друга без слов.

Между тем быстро темнело, от реки потянуло сыростью. Густые хлопья тумана выползли из кустов и, качаясь, поплыли по лужайке, подбираясь к подножию скалистой стены. В прогретой дневным солнцем пещере было теплее, чем внизу. Сытые серебристые собрались уже подниматься в пещеру. И тут вдруг из кустов раздался леденящий душу вой. Рам схватил руку Мука, в ужасе к нему прижался, ища помощи и защиты. Вой этот был знаком обоим. В ту же минуту страшные рыжеволосые посыпались из кустов, как это было при нападении на пещеру орды. Они бесстрашно кидались по трое и четверо на одного серебристого великана. Передние отвлекали внимание, другие, сзади, тяжелыми палицами ломали им ноги. Неуклюжие серебристые падали, беспомощно размахивая руками. На вой они отвечали страшным рычаньем и, если удавалось схватить рыжеволосых руками, разрывали их на части. Но

те редко им попадались, чаще меткими ударами издали разбивали головы лежащим великанам.

Маленькие темные фигурки — Мук и Рам — не обратили на себя внимания: рыжеволосые вели большую войну. В первую минуту растерянности Рам, все еще сидя, вцепился в руку старика, но тот вскочил и потянул его в сторону тропинки, шедшей вдоль каменной стены. По этой тропинке Мук уже дважды прошел днем. Теперь он бежал уверенно по знакомой дороге. Одной рукой он крепко держал маленькую руку Рама, другой — свое любимое рубило. Мук успел подхватить его с земли, пробегая мимо старого серебристого. Тот лежал с размозженной головой, сжимая в еще теплой руке последнее рубило, изготовленное Муком у него на глазах. Вокруг великана валялись трупы страшно изуродованных рыжеволосых. Старик дорого продал свою жизнь.

Глава 9

ЗВЕРИ СПАСЛИ ЛЮДЕЙ

День за днем неуклонно вперед шли люди орды по берегу реки. Солнце, едва выглянув утром из-за края земли, заставало их уже в походе. Вечером последний луч его прятался за край земли, и только тогда измученные люди прекращали свой торопливый бег — до рассвета. Узкая полоска отмели у самой воды внушала больше доверия, чем наклонившийся над обрывом лес. Тем более, что люди замечали: лес изменился — незнакомые деревья становились выше и толще, странные птицы перекликались в чаще чужими голосами. Как-то удалось на песчаной косе окружить и убить огромного оленя. Мяса, горячего, дымящегося, хватило на пир, длившийся целый день. Но Гау, опьяненный добычей не меньше других, все же заметил, что олень был тоже чужой, незнакомый ни по шкуре, ни по рогам. Правда, он над этим особенно не задумывался: мясо было как мясо, а это главное.

Иногда скалы спускались к самой воде, отмель исчезала. Тогда люди взбирались наверх, шли, продираясь сквозь чащу, заплетенную ползучими растениями. Между ними, словно ожившие стебли, ползали незнакомые пестрые змеи. Они встречались все чаще, и это была хорошая еда, если успеть вовремя ударом дубинки перебить змеиный хребет. Но раз одна совсем небольшая змейка ужалила в ногу мальчика Зая. Нога его на глазах у людей распухла, и он умер в сильных мучениях.

Люди выучились идти очень осторожно, опасаться каждой палки, лежащей на тропинке: она могла внезапно превратиться в шипящего врага. В тоске всматриваясь в сплетения лиан, они ждали, когда крутой берег отступит от воды и им можно будет опять спуститься на золотистую безопасную полоску отмели.

Гау не знал, что рыжеволосые продолжают свой поход по лесу, не знал он и о их нападении на серебристых великанов. И о том, что серебристые существуют на свете, он тоже не знал — они прошли по берегу мимо их пещер. Но он чувствовал: незримая опасность идет по пятам. Одно спасение от нее — пробираться вперед! Чувствовали это и люди орды. Боязливо оглядываясь, они сами, без приказа, стремились все

дальше и быстрее, насколько могли их нести израненные измученные ноги.

Хорошо было одно: становилось все теплее, даже ночь не приносила пронзительного холода. Люди орды не знали, что река неуклонно ведет их на юг, но ощущали тепло и радовались ему. Случалось, в середине дня, на согретом солнцем песке им вспоминалась прежняя веселая беззаботность. Но тут же они спохватывались и, словно завидев тучу, широко распростершую над ними темные крылья, продолжали свой бег.

Лес кончился внезапно. Лишь отдельные деревья, выступив на травянистую равнину, будто задумались — не отступить ли им назад, в тенистую гущину. Трава поднималась до пояса, теплый ветер шевелил ее, нес незнакомые странные запахи. Казалось, на приветливом просторе ничто не грозит опасностью. Но самый простор был непривычен и потому беспокоен.

Люди орды, постоянно оглядываясь, сбились в кучу на опушке леса, не решаясь ступить в освещенное солнцем пространство. Казалось, вот-вот они устремятся назад, в привычный лесной полумрак, где можно всегда укрыться от опасностей. А здесь...

Гау, сам смелый Гау, дошел до границы тени, падающей от последнего могучего дерева на опушке, и остановился в нерешительности. Ноздри его усиленно шевелились, ловя незнакомые запахи, брови сошлись над маленькими глазами. Он поднял руку, чтобы защитить их от яркого света, но вдруг какой-то звук заставил его быстро обернуться. За его спиной, слегка нагнувшись, не сводя глаз с темной глубины леса, стоял Урр. Это он издал тихое предостерегающее рычанье, почти вздох, сквозь стиснутые зубы. Гау понял: Урр тоже почувствовал, ощутил опасность, коварно пробирающуюся за ними по пятам, из глубины леса.

Колебания кончились. Гау дал сигнал: вперед! Высокая трава с шелковистым шелестом расступилась, и люди орды торопливо погрузились в нее. Шли, как всегда, в боевом порядке: несколько матерей с уцелевшими ребятами в середине, мужчины по бокам, Урр замыкал шествие. Вдали равнина переходила в невысокую каменистую гряду. Там, на защищенном со всех сторон утесе, можно отдохнуть в безопасности. Это поняли все, и страх перед открытой равниной постепенно ослабел. К тому же зеленое травяное море кипело жизнью: ящерицы, насекомые, толстые зверюшки, похожие на мышей, но не такие быстрые — все это легко было ловить не останавливаясь, прямо на ходу...

Постепенно лица изголодавшихся людей посветлели и разгладились, сжатые челюсти зашевелились, смакуя вкусный кусочек. Отдалявшийся с каждым шагом лес уходил из памяти, каменистая гряда уже не пугала, а манила безопасностью и отдыхом.

Но что это? Гряда вдруг ожила: на ней замелькали какие-то странные фигуры. Перескакивая с одного камня на другой, они подпрыгивали, стараясь стать во весь рост, чтобы дальше увидеть, и снова падали на четвереньки. Люди замедлили шаг, сжались теснее, Урр, наоборот, зашагал быстрее. Оказавшись рядом с Гау во главе отряда, он перехватил поудобнее тяжелую дубину, заменившую прежний камень, и уверенно двинулся вперед.

Ближе, все ближе подходили люди к каменной гряде. Теперь уже хорошо были видны на ней странные чудовища с длинной голой мордой, раскрашенной в яркие цвета. Называть цвета, даже различать их люди орды не умели, но понимали: таких зверей они еще не встречали. Самые большие, со льва ростом, лаяли и рычали. Маленькие цеплялись за матерей и визжали тонким детским голосом. Это были крупные павианы — обезьяны скалистых гор.

Люди орды замедлили шаг. Может быть, темный полог леса показался бы им теперь безопаснее, чем скалы с их страшными обитателями. Но одна из женщин — Ку вдруг обернулась, вскрикнула и показала рукой на опушку леса. Там, крадучись между деревьями, выходили на равнину страшные косматые фигуры. В солнечных лучах, пробивающихся сквозь ветви, их шерсть вспыхивала ярким золотом. Рыжеволосые! Это их приближение смутно чувствовали все время люди орды. И вот — они появились. Сразу было видно: людей орды гораздо меньше, чем рыжих врагов. А вокруг — открытая равнина, и деваться некуда. Исход сражения понятен, но оскаленные челюсти и горящие глаза людей орды говорили: жизнь они продадут дорого.

Рыжеволосые были еще далеко. Ныряя в высокой траве, они рассыпались полукругом, чтобы охватить людей орды сразу сзади и с боков. Более развитые, чем люди орды, они не только охраняли свои охотничьи участки, но шли завоевывать новые, проявляя при этом страшную жестокость.

Уже слышались короткие крики: рыжеволосые перекликались, словно охотились загоном на крупную дичь. Не останавливаясь, люди орды молча наблюдали за ними, забыв о длинномордых зверях. А те присматривались к ним все внимательнее. Людей они видели впервые, но поняли, это не враги, наоборот, сами чем-то сильно напуганы. Переговариваясь коротким лаем, длинномордые осторожно спустились с гряды и двинулись им навстречу, подходили все ближе. Предводитель, огромный, с седой косматой гривой, шел впереди, точно во главе войска. Ку, та, что первая заметила рыжеволосых, обернулась, когда он уже оказался рядом. Она остановилась молча, не в силах даже вскрикнуть от страха. Ее маленькая девочка ручками обхватила колени матери. Огромная косматая голова оказалась как раз перед ее лицом, маленькие глаза на разрисованной морде близко глянули в испуганные глаза ребенка, пристально, но без злобы. Минута прошла в молчании. И вдруг маленькая коричневая ручка робко дотронулась до серебристой гривы. Еще и еще раз. Мать не успела подать голоса, как страшная голова наклонилась и ласково потерлась о маленькое тельце. Девочка с радостным писком обхватила пушистую гриву обеими руками. А предводитель поднял голову, и взгляд его встретился со взглядом Гау.

Два предводителя словно спрашивали друг друга глазами: мир или война?

В языке Гау таких слов не было. Но, смело протянув свою руку навстречу длинномордому, он дружески опустил ее на его гриву и произнес какой-то невнятный звук. Длинномордый понял его лучше, чем если бы это было слово, и ответил коротким лаем, что, вероятно, означало то же самое. Потому что остальные длинномордые тотчас же окру-

жили людей орды с таким же коротким дружелюбным лаем. И люди словно ожили, они смелее двинулись навстречу павианам.

А между тем трава колыхалась все ближе: с трех сторон ползком, как змеи, подбирались рыжеволосые. Теперь все зависело от длинномордых. Позволят ли они людям зайти в их каменное неприступное убежище? Гау решился: не снимая руки с гривы вожака, он шагнул к камням. Короткий крик-приказ,— и за Гау торопливо двинулись все люди. Они шли, окруженные длинномордыми.

Рыжеволосые, скрываясь в траве, старались подобраться к людям орды незаметно и покончить с ними одним ударом. Но люди уже подходили к узкому проходу в камнях, который вел на небольшую площадку наверху гряды. Два человека могли защитить его против любого количества врагов. Рыжеволосые поняли: добыча готова ускользнуть. Воздух задрожал от их разъяренного воя и рычанья, трава заколыхалась сильнее, разделилась, рыжеволосые со всех ног кинулись наперерез. Ударами камней и дубинок они расчищали себе дорогу среди длинномордых, мирно сопровождавших людей. И тут совершилось неожиданное: добродушные морды оскалились, обнажив клыки, не уступающие клыкам льва. С львиным рыком они повернулись к обидчикам и, повинуясь сигналу вожака, бесстрашно ринулись на них.

Пораженные ужасом, люди орды наблюдали за боем с площадки, на которую успели взобраться. Длинномордые толпами вытекали из расщелин скалы, их становилось все больше.

Битва быстро окончилась. Несколько рыжеволосых уже было растерзано на куски. Не пытаясь больше сопротивляться, остальные бросились назад к лесу, и скоро их жалобный вой замер вдали. Победители-павианы вернулись к камням. Они еще щетинили мохнатые гривы, рычали, но тут же с нежной заботой принялись зализывать друг другу страшные раны.

Гау тревожно ждал, не обратится ли теперь их ярость против людей орды? Но предводитель длинномордых, хромая и волоча раненую ногу, подошел к проходу. Взгляд его маленьких умных глаз точно искал кого-то и приглашал спуститься. И Гау, не без страха в душе, принял приглашение. Он сошел вниз на равнину, где сидели и лежали вернувшиеся с битвы длинномордые. Подойдя к предводителю, он, как и раньше, смело положил руку на запачканную кровью великолепную гриву и опустился с ним рядом на камни. Так сидели они, человек и зверь, без слов понимая друг друга. Другие длинномордые подходили к Гау, обнюхивали его и, вздыхая, отходили прочь: этот человек не был им врагом.

— Урр,— негромко позвал Гау, и великан послушно спустился вниз. Немного помедлив, он сел по другую сторону предводителя. Затем, повинуясь знаку Гау, в круг важно сидевших огромных гривастых зверей спустилось еще несколько человек. Однако люди, только что пережившие ужас смерти, здесь долго не задерживались. Каждый торопился взобраться снова на площадку, где среди своих чувствовал себя спокойнее. Маленькие желтые глаза на расписных мордах смотрели так умно и пытливо, что людям делалось не по себе.

Тем временем солнце совершило свой путь по небу и день сменился ночью. Только теперь немного отдохнувшие, успокоившиеся люди по-

чувствовали, как они голодны. Убитые рыжеволосые могли бы послужить им прекрасной едой, но их уже растащили гиены и мелкие степные волки. Люди орды нетерпеливо вертелись на тесной площадке скалы, тихонько ворчали, угрожающе взмахивали дубинками при хохоте гиен или вое волков, но спуститься в темноту на борьбу с грабителями не решались. Их удивляло равнодушие, с каким длинномордые уступили такую прекрасную еду гораздо более слабым хищникам. Люди насытились лишь утром, обнаружив между камнями целые стайки крупных жирных ящериц. Длинномордые и на это смотрели равнодушно. Кто не был ранен в битве с рыжеволосыми, отправились за добычей в ближнюю рощу, принесли целые ветки, полные плодов, и заботливо поделились с больными. Мяса они не ели.

Время шло, и близился уже полдень. Скалы, нагретые лучами палящего солнца, и в тени не давали желанной прохлады. Люди орды привыкли к лесному полумраку, и они с удивлением смотрели на длинномордых. Те, видимо, совсем не страдали от жары; развалившись на камнях, они добродушно наблюдали, как малыши резвятся и ловят друг друга за хвосты на самом солнцепеке.

— Пить! — наконец жалобно захныкали дети орды.

— Пить! — все настойчивее повторяли и взрослые. Они облизывали пересохшие губы, пробовали жевать ветки, оставшиеся от утренней еды длинномордых. Ропот становился все громче.

Плач самой маленькой девочки разбудил вожака павианов, дремавшего у подножия скалы. Проворно вскочив, он осмотрелся, грива грозно встопорщилась. Ку схватила девочку на руки и тщетно старалась ее успокоить. Гау понял: нужно вернуться к реке. Он коротко повелительно крикнул и первый спустился со скалы. Вожак стоял возле узкого прохода, раненая нога мешала ему подняться вверх, он взволнованно нюхал воздух и негромко вопросительно лаял. Люди орды один за другим проходили мимо него, испуганно косились на мощную грудь и страшные челюсти, но он не обращал на них внимания. Наконец, из узкого прохода одной из последних вышла Ку с ребенком на руках. С тихим дружелюбным лаем вожак шагнул к ней, загораживая проход. Ку растерянно остановилась. Вдруг девочка перестала плакать, выскользнула из ее рук и весело подбежала к вожаку. Коричневые мохнатые ручки совсем утонули в серебристой гриве. Огромная голова ласково нагнулась, послышались какие-то булькающие звуки: страшный длинномордый зверь и ребенок, казалось, неразлучно прильнули друг к другу.

Между тем все люди орды уже спустились с площадки и готовы были следовать за Гау. Ку нерешительно протянула руки к девочке. Но маленькие желтые глаза сверкнули, яркие губы сморщились, показав оромные клыки. Ку, помертвевшая от ужаса, опустила руки, в общем молчании слышался только радостный писк девочки. Люди отхлынули в сторону и растерянно столпились около Гау. Женщина стояла одна, не сводя глаз со страшного в своей неподвижности зверя. Молчали все, замолчал и ребенок, инстинктивно чувствуя, что что-то случилось. Но вот тишину нарушил робкий голос матери. С горьким плачем она упала

на колени перед вожаком длинномордых и протянула руки, не смея коснуться девочки.

— Дай! Дай! — молила она, не умея больше ничего прибавить.— Дай!

Этот тихий беспомощный голос сделал то, чего не достигла бы угроза. Вожак не пошевельнулся, по-прежнему не издал ни звука, но губы его опустились и закрыли страшные клыки, вздыбленная грива снова легла на плечи. Он не шевельнулся и тогда, когда дрожащие руки матери робко подняли и прижали к груди удивленного ребенка.

С глубокой грустью глаза вожака следили, как Ку, медленно пятясь, скрылась в толпе расступившихся перед ней людей. И тогда вперед вышел Гау. Тяжело дыша, он остановился перед вожаком, страстно желая что-то сказать. Наконец из его горла вырвался хриплый звук, и вожак ответил на него коротким лаем. Это было все. Гау молча повернулся и направился к выходу из камней.

Выйдя на равнину, люди орды оглянулись: длинномордые стояли на камнях плечо к плечу, молча провожая их глазами. И тут люди все, как один, подняли руки и испустили долгий протяжный крик. Длинномордые ответили на него коротким лаем.

Так люди и звери простились друг с другом. Быть может, навсегда!

Глава 10

БИТВА С СОБАКАМИ. СПАСЕНЫ!

Уже совсем стемнело, когда Рам и Мук остановились. Задыхаясь от быстрой ходьбы, они чутко прислушивались к тому, что делалось позади. Погони не было: рыжеволосые, увлеченные битвой с великанами, не обратили внимания на мелкую дичь.

Идти в темноте дальше было опасно: где-то впереди захохотала гиена, ей ответило грозное мяуканье: хищники выспались днем и выходили на ночную охоту.

Засветло во время бегства было не до устройства надежного места ночевки. Ощупью отыскали на деревьях удобную развилку, наломали и уложили на ней настил из веток. Однако страх, гнавшийся за ними по пятам, добрался и до уютного гнездышка. Мальчик и старик всю долгую ночь вздрагивали и просыпались от малейшего шороха.

Люди орды сохранили еще почти звериное чувство направления. Мук отлично знал, что в темноте они далеко отбежали от реки — дальше, чем шла каменная стена. Вернуться к реке, обогнув эту стену, продолжать путь вниз по берегу было просто. Но это была и дорога страшных рыжеволосых. При одном воспоминании о них у Мука и Рама волосы явственно шевелились на курчавых затылках.

Оставалось одно: идти по лесу, не отходя, но и не приближаясь к реке. И очень быстро, чтобы перегнать рыжеволосых и известить о них орду прежде, чем они успеют напасть на нее. Выразить это словами Мук, конечно, не мог. Но он и так знал, что надо делать.

Не знал он одного: убегая от рыжеволосых, они вступили в охотничьи владения огромного саблезубого тигра — Хромоногого. Тигр ох-

ромел недавно — свалился в овраг, преследуя оленя. Теперь больная нога не позволяла ему охотиться на крупную дичь. Тигр был голоден и разъярен свыше всякой меры. Пустой желудок не давал ему спокойно выспаться днем до вечернего выхода на охоту и потому его можно было встретить во всякое время дня.

Это утро было для него особенно неудачным: десяток яиц в траве под кустом и сама наседка. Самоотверженная мать не двинулась с гнезда, даже когда над ней нависла огромная морда со сверкающими клыками. Но клыки-кинжалы саблезубого тигра наносят страшные раны крупной дичи, тигр жадно пьет кровь, бьющую из разорванных сосудов. А жалкая птица целиком поместилась в голодной пасти, и тигр чуть не подавился взъерошенными перьями — разжевывать добычу он не умел. Злобно рыча, он выплюнул окровавленный комок. С яйцами пошло лучше, он осторожно давил их языком и глотал вместе со скорлупой, но они только еще больше растревожили чувство голода. Хромоногий сердито сунулся носом в траву, чтобы стереть прилипшие перья. Он чуть не взвизгнул от боли — неосторожно переступил раненой лапой, но тут же, забыв о ней, припал к земле и пополз, точно кошка, выслеживающая мышь. Огромное его тело распласталось, шевелился, казалось, лишь самый кончик длинного хвоста: тигр полз, направляясь к высокому дереву на небольшом пригорке.

Ветки дерева дрогнули, выдавая что-то движущееся в их густоте, а легкий ветерок, пахнувший в сторону Хромоногого, сообщил ему, что это человек — легкая добыча, не способная сильно сопротивляться. Прыжок — и теплая кровь потечет в голодную глотку.

Рам в это время проворно скользнул вниз по стволу, ловко прыгая с ветки на ветку, ниже, еще ниже... Чувства одиночества больше не было. Беззаботный, как все люди орды, Рам в эту минуту не думал ни о чем, кроме очень нужного ему завтрака. Прыжок, еще, вот он уже на земле... Но тут легкий сдавленный крик Мука, почти шипенье, послышался сверху. Сигнал тревоги! Мускулы мальчика напряглись до боли. Он не кинулся бежать, не вскрикнул, как сделал бы теперешний мальчик, но замер, настороженный, готовый к прыжку обратно на дерево или в сторону — что потребуется...

Густой кустарник скрывал от него Хромоногого, но Хромоногий его видел, ощущал его запах. Горло тигра сжалось, рот наполнился слюной. Не в силах больше ждать, он весь собрался в комок и оттолкнулся от земли задними лапами, чтобы взвиться в воздух и опуститься, подминая под себя трепещущую добычу. В это мгновение он забыл о раненой ноге: прыжок удался лишь наполовину. С яростным ревом тигр повалился на то место, где только что стоял мальчик. Но его уже здесь не было.

Охваченный ужасом, Рам кинулся бежать за мгновение до того, как когти Хромоногого впились во влажную землю, на которой отпечатались его легкие следы. Боль сбила тигра с прыжка, но она же до предела усилила его ярость. Хромая, с грозным рычаньем, он устремился по следам ускользнувшей добычи, хотя тигры, промахнувшись, обычно этого не делали, но голод и ярость—плохие советчики. Ослепленный ими, тигр продолжал бежать, не сводя глаз с обезумевшего от ужаса ребенка, и расстояние между ними уже начало сокращаться. Но вдруг произошло

непонятное: с слабым криком Рам исчез с тропинки, а тигр, перескочив через трещину в земле, наткнулся на огромное тело, преградившее ему путь.

Раздался громкий трубный звук, что-то гибкое, как огромная змея, подхватило его, сдавило, подняло кверху и с размаху швырнуло о землю. Тяжелая нога, подобная толстому бревну, опустилась на него, еще и еще... Яркие желтые глаза Хромоногого потухли прежде, чем он понял, что произошло... А слон все трубил и топтал уже безжизненное тело, пока оно не превратилось в кровавое месиво из земли, мяса и обрывков шкуры. Тогда слон поднял хобот кверху и затрубил уже не яростно, а торжествующе. Ему ответил другой слон. Он стоял рядом, но даже не успел принять участия в неожиданной и молниеносной расправе. Затем оба они повернулись и подошли к узкой неглубокой трещине. Трещина эта была промыта водой в период дождей, стенки ее были почти отвесными. А на дне жались к стенкам маленький слоненок и маленький мохнатый мальчуган. Оба были так напуганы, что почти не обратили внимания друг на друга.

Но вот слоненок жалобно закричал. В ответ послышался трубный звук, но уже нового тона: нежный и успокаивающий. Две огромные головы появились у края трещины, два хобота, извиваясь, опустились в нее; один осторожно обернулся вокруг маленького хобота слоненка, другой вокруг его передней ноги, миг — и слоненок поднялся на воздух.

Рам, смертельно перепуганный, чувствовал одно: сейчас он останется один в этой страшной расселине, совсем один... Не помня себя от страха, не думая, что делает, Рам с тихим жалобным криком протянул руки вверх, туда, где от края уже готовились удалиться серые громады.

Но что это? Голова одного слона опять появилась над трещиной. Гибкий хобот осторожно охватил трепещущее тело мальчугана, ноги его заболтались в воздухе, но в ту же минуту почувствовали твердую землю. Шатаясь, мальчик бессознательно прислонился к ближайшей опоре — слоновой ноге. Хобот мягко, ласково скользнул по его лицу, дунул теплым дыханием. Слоны еще постояли, маленькие их глаза спокойно и доброжелательно разглядывали спасенного ребенка. Потом, тихо переговариваясь, они повернулись и исчезли в кустах. Слоненок шагал впереди.

Несколько мгновений Рам стоял неподвижно, не отрывая глаз от красного месива около самых его ног. Затем вдруг понял, всхлипнул и кинулся бежать обратно, к дереву, с которого все еще не решался спуститься пораженный ужасом старый Мук. Миг — и Рам оказался около него, прижался лицом к мохнатой груди и затих, вздрагивая и всхлипывая. Старик, охватив его рукой, пытался что-то сказать, спросить, лоб его мучительно морщился, губы кривились. Постепенно неясное бормотанье Рама стало ему понятно: саблезубый каким-то образом покончил существование, путь к орде снова открыт.

Однако, собираясь опуститься с дерева, Мук наткнулся на неожиданное сопротивление Рама. Напуганный мальчик хныкал, вырывался из рук старика, когда тот, рассердившись, хотел стащить его силой. На-

конец, Мук залепил непослушному такую затрещину, что тот взвыл, хватаясь рукой за вспухшую щеку, и все-таки продолжал по-прежнему крепко держаться за ветку. Неизвестно, что сделал бы еще рассерженный старик, как вдруг он оставил мальчика в покое, вытянул шею и наклонил голову, напряженно прислушиваясь. Рам взглянул на него и сразу понял: старик услышал что-то страшное. Вытянув шею и наклонив голову, он и сам прислушался и опять задрожал мелкой дрожью, прижался к темному стволу, стараясь слиться с ним, сделаться незаметнее. В лесу послышался тихий шорох торопливых шагов, трещали ветки, их раздвигали поспешно и недостаточно осторожно, ближе, ближе... И вот за кустами то здесь, то там замелькали рыжие косматые головы, залитые кровью тела и зверские лица.

Рыжеволосые! Но теперь они бежали обратно, робко оглядываясь и переговариваясь; раненные, битые, они явно ждали и боялись погони. Мук и Рам напрасно прижимались к стволу, прятались в ветвях: рыжеволосые не поднимали глаз, они спасались от кого-то бегством. Жалобный шепот, приглушенные голоса; они появились и исчезли, как грозные тени; страшные рваные раны на их телах напоминали скорее укусы мощных клыков, а не удары оружия. Они пробежали под деревом и исчезли, а мальчик и старик долго еще не смели шевельнуться. Муку было понятно: где-то впереди была битва. Побежденные рыжеволосые бегут назад, путь вперед свободен! Это понял даже Рам. Теперь он не только не отказывался спуститься с дерева, но нетерпеливо теребил руку старика, приглашая его поторопиться. А тот, в свою очередь, согласился не сразу: выжидал — не появятся ли последние отставшие. Но они не появились, и Мук медленно спустился с дерева, оглядываясь и принюхиваясь. Лес был полон отвратительным запахом рыжеволосых, следовало быть осторожным.

Так двинулись они вперед, сначала затаивались, выжидали, пугались каждого шороха, взлета птицы в кустах. Но постепенно приходила уверенность, а с ней все большее нетерпенье. Орда была впереди и недалеко. Мук это чувствовал, смутно понимая, что рыжеволосые бежали, вероятно, побежденные людьми орды — их людьми. Старик шел все быстрее, изредка тихо стонал от боли в ноге, но не отставал от Рама, бежавшего впереди. Скорей, скорей! Запах рыжеволосых заставлял их морщиться от отвращения. Но он же убеждал: они идут по верному пути.

Лес вскоре кончился. Это было для них так же удивительно, как раньше для людей орды. Старик и мальчик растерянно остановились под тенью последних деревьев: открытое, залитое солнцем пространство пугало их.

И вдруг... Рам с криком упал на землю, прижался к ней лицом, шумно втягивая воздух, обнюхивая каждый пучок травы, каждую сломанную ветку. Мук понял. Опустившись на колени, он тоже прильнул лицом к земле, вдыхая затоптанный рыжеволосыми слабый, но явственный запах — запах людей орды. Они прошли здесь, и рыжеволосые гнались за ними по пятам. Но что это? Слабый жалобный стон донесся из ближних кустов. Яснее слов он говорил о том, что здесь, в этих кустах, живые люди — свои.

Забыв осторожность, мальчик и старик, перегоняя друг друга, кинулись к кустам. Тела! Тела, зверски связанные, скрученные гибкими лианами и сваленные в кучу, но живые. Маа! Она тоже здесь, связанная, беспомощная. И острые зубы Рама впились в крепкие веревки. Стоны смешались с робкими возгласами радости, омертвевшие, безжалостно стянутые руки и ноги зашевелились. Женщины, женщины, похищенные рыжеволосыми в день первой битвы с людьми орды. Враги тащили их за собой, преследуя остатки орды. Отправляясь на новое сражение в логово длинномордых, они предусмотрительно связали бедняжек, чтобы помешать им бежать. Рыжеволосые рассчитывали вернуться после битвы, но, разбитые, бежали, забыв о пленницах. Похоже было, что женщины не очень покорно шли за похитителями: тела их покрыты свежими ранами и следами ударов. Но сейчас, казалось, женщины не чувствовали боли. Они смеялись и радостно вскрикивали, хотя тут же боязливо оглядывались, не смея верить полной безопасности. Они показывали руками в сторону каменной гряды, туда, в конец равнины, всеми силами старались объяснить происшедшее. Но Муку и так было ясно: люди орды победили и были уже недалеко.

Радость освобождения удивительно быстро восстановила силы женщин. Маа первая схватила Мука за руку и пыталась увлечь его туда, на равнину, по следам орды. Мук и сам не противился этому. Рам тихонько потерся лицом о руку Маа — лучше выразить радость встречи он не умел. А старый Мук вдруг почувствовал себя вождем этой горсточки измученных женщин, и это наполнило его гордостью. Выдернув руку из руки Маа, он решительно вышел из тени деревьев на равнину, обернулся и крикнул резко и повелительно, подражая крику Гау. Женщины с радостными возгласами устремились за ним. Лес казался им страшнее непривычного солнечного пространства: там были рыжеволосые.

Рам гордо выступал рядом со стариком. Он смутно чувствовал, что сам причастен к освобождению женщин, и оглядывался на них, шедших сзади, с чувством превосходства. Мальчик становился мужчиной.

Мятая, истоптанная трава, смешанный запах следов друзей и врагов безошибочно указывали дорогу. В пути то одна то другая женщина вдруг быстро наклонялась и хватала валяющиеся на земле рубило или искусно вырезанную дубинку — оружие, брошенное рыжеволосыми в поспешном бегстве. Женщины с радостными криками махали руками, показывали друг другу находки. Еще бы! Теперь и они могли постоять за себя! Степь, казалось, не таила в себе опасностей, но женщины знали: ночная темнота вызовет их из берлог и ущелий. Сейчас трава мирно звенела кузнечиками, кишела ящерицами — безопасной и вкусной едой. Изголодавшиеся пленницы не упускали ее.

Вдруг одна из женщин, Така, споткнулась и с жалобным стоном опустилась на землю. Маа была дочерью Таки. Может быть, они обе уже этого не помнили, но относились друг к другу заботливее, чем к другим. Маа и сейчас, в пути, протягивала Таке то гусеницу, то быструю ящерицу, а иногда ласково ее поддерживала. Теперь Така сидела на земле, обхватив руками больную распухшую ногу, и с грустной покорностью следила за проходившими мимо женщинами. Ее судьба была решена, и

ей в голову не приходило осудить закон орды. Но вот с ней поравнялась Маа и нерешительно задержала шаг. Така не выдержала, с жалобным возгласом протянула к молодой женщине худые руки. Вспомнила ли она, как когда-то эти руки, молодые и сильные, носили и охраняли маленькую беспомощную девочку? Вспомнила ли те дни и молодая сильная женщина, нерешительно стоявшая перед ней?

Мук обернулся и повелительно крикнул, приказывая не отставать.

Маа быстро нагнулась и опять выпрямилась. Но теперь рука матери обвивала ее шею, а руки дочери прижимали старую мать к молодой груди. Женщины удивленно оглядывались, такого в орде еще не случалось. Оглянулся и Мук, на минуту задержал шаг. В его маленьких, глубоко сидящих глазах мелькнуло участие, понимание. Но тут же, словно спохватившись, он выпрямился и опять крикнул резко, повелительно. Жизнь сурова, отстающим пощады нет. Знала это и Маа, убыстрив шаг, она сравнялась с передними. Така старалась меньше стеснять ее. Говорить было не о чем, если бы они и умели. Обе понимали: судьба матери зависела от того, хватит ли у молодой женщины сил донести ее до места стоянки.

Между тем зоркие глаза Мука давно уже все пристальнее всматривались в гряду каменистых холмов впереди и двигающихся по ним странных существ. Чем яснее становились они видны, тем больше замедлял он шаг. Незнакомые существа не внушали доверия, резкий лай, доносившийся издали, движения, чем-то напоминавшие человеческие... Мук сделал еще несколько шагов и вдруг резко свернул вправо, в сторону реки. Существа там, на холмах, были незнакомы. А всякий незнакомец — скорее всего враг. Длинномордые тоже заметили приближение новой кучки людей и издали с любопытством их разглядывали. Но, убедившись, что те приближаться к ним не собираются, успокоились и занялись своими делами.

Однако, пройдя несколько сотен шагов в сторону, женщины встревожились: они нагибались, усиленно втягивали воздух широкими ноздрями, вопросительно поглядывали на Мука и друг на друга.

Что случилось?

В траве, густой, местами примятой чьими-то ногами, переливались волны запахов, но... чужих! Незнакомых! След орды, так радовавший их, исчез! Правда, исчез и отвратительный запах рыжеволосых. Женщины понимали: следы орды и следы рыжеволосых остались на тропинке, идущей к холмам, заселенным странными существами. Почему? Это было выше их понимания.

Мук тоже обеспокоился. Он то останавливался, пригибался к земле, то выпрямлялся во весь свой маленький рост, старательно ловил вести, какие нес сонный, разморенный жарой ветерок. Наконец он решился: след исчез, это плохо, но зато теперь они возвращаются к реке! К реке, вдоль которой столько дней шел путь его орды. И, больше не колеблясь, Мук снова стал впереди своего отряда. Женщины поняли: вождь ведет их с прежней уверенностью и, обрадованные, смело заспешили за ним.

Время шло. Ноги, привыкшие к мягкой лесной почве, горели от резавшей их жесткой травы, но женщины не думали об этом: солнце

клонилось к закату, жар спадал, и в воздухе словно пронеслось чье-то влажное дыхание — река была уже близко. Она манила не только влагой, которой так жаждали пересохшие потрескавшиеся губы: там, впереди, зоркие глаза уже различали группы деревьев, росших на берегу. Это был ночлег в ветвях, безопасный от врагов, которые скоро выйдут на ночную охоту.

Рам, уставший не меньше женщин, постепенно отставал от Мука. Он старался держаться около Маа, терпеливо несшей старую Таку. Но усталость и тяжелая ноша замедляли ее движения, и они незаметно оказались в хвосте отряда. Шаги Маа становились все тяжелее, она дышала с трудом, но вдруг вздрогнула, оглянулась и ускорила шаг. Така испуганно пробормотала что-то и тоже показала рукой назад. Рам, еще не понимая, в чем дело, бросился за ними. Услышав возглас Таки, Мук остановился и обернулся. Ему сразу все стало понятно: вдали, где у края степи уже густели вечерние тени, слышался тихий звук, точно шорох от движения чьих-то быстрых легких ног.

С тихим тревожным возгласом Мук поднял руку, показывая вперед. Там, на ярком закатном небе, ясно виднелись кроны деревьев — спасение от приближающихся врагов. Женщинам не требовалось объяснений. Забыв об усталости, они устремились вперед, сколько было сил. В руках они крепко сжимали рубила и дубинки рыжеволосых: они убегали, но если бегство не поможет — дорого продадут свою жизнь.

Мук, вожак и защитник, мужественно пропустил бегущих мимо себя. Неумолимый шорох легких ног слышался все ближе, уже различалось чье-то тяжелое, разгоряченное бегом дыхание.

Повелительный крик Мука остановил женщин. Сильных мужчин, всегда окружавших их в минуты опасности, теперь не было, но они и сами знали, что надо делать: быстро образовался плотный круг, спинами внутрь, грудью вперед. Оскаленные зубы, наморщенные лбы, сильные вооруженные руки, лица, обращенные к врагу. Потеряв надежду спастись на деревьях, они готовились к последней отчаянной битве.

Маа быстрым движением бросила Таку в середину круга, впихнула туда же упиравшегося Рама, а сама повернулась и стала в ряду женщин-бойцов, ожидая врага. Деревья, черные на красном зареве заката, были так близко, но времени добежать до них уже не было.

Мук удачно выбрал место для остановки — каменистую, почти бесплодную площадку. Враги, невидимые в густой высокой траве, здесь должны были обнаружить себя. И они показались. Острые рыжие морды то здесь, то там высовывались среди стеблей травы и так же молниеносно исчезали. Теперь площадка была окружена уже со всех сторон, путь к реке отрезан. Женщины и Мук понимали: собаки ждут темноты и тогда...

Однако сильным своей многочисленностью зверям не терпелось сократить ожидание; они высовывались из травы нахальнее, прятались медленнее. Молчание все чаще нарушалось нетерпеливым сдержанным визгом, озлобленной грызней.

Оправившись от первого испуга, Рам сердито оттолкнул руку, которой Така обняла его, и вытащил из сетки драгоценное зеленое рубило. Еще недавно он не подумал бы сделать это. Но поход рядом с

Муком не прошел бесследно: он уже хотел биться не только за себя, он чувствовал потребность защитить и женщин.

Круг собак медленно, но неуклонно сжимался: уже отовсюду из травы торчали и не собирались прятаться разъяренные морды с блестящими белыми клыками. От красных висящих языков, казалось, шел пар, когда визг и рычанье умолкали, слышалось тяжелое разгоряченное дыхание.

Наконец, один крупный черномордый пес не выдержал: со страшным рычаньем он молнией вылетел из травы и кинулся на одну из женщин. Нападение было так стремительно, что женщина взмахнула рубилом, но ударить не успела. Оскаленная морда оказалась у самого ее лица, сильным толчком в грудь разъяренный зверь сбил ее с ног. Миг — и они оба свалились в середину кольца, открывая отверстие в обороне. Теперь в кольцо могли ворваться и другие звери. Но Маа быстро повернулась, раздался глухой удар, и сильная темная рука подхватила мохнатое тело собаки: мелькнув в воздухе, оно упало в густую траву. Разноголосый вой и визг были ответом: собаки злобно кинулись в драку над трупом, каждая, забыв о людях, норовила урвать кусок побольше.

Мук крикнул и дал знак: не рассыпая строя, женщины по-прежнему плотным, ощетиненным оружием кольцом медленно двинулись к деревьям, хорошо видным на золоте заката.

Собаки в драке заметили, что более крупная добыча готова от них ускользнуть. Оставив растерзанный труп валяться на траве, они, разгоряченные вкусом крови, устремились на кучку отступавших. И тут женщины не выдержали: пронзительный крик их раздался с такой силой, что собаки вздрогнули и, казалось, готовы были отступить, но задние с рычаньем навалились на передних, кусая и тесня их в общей свалке. Кучка женщин вот-вот исчезла бы под лавиной рыжих тел.

Но тут ответный крик, яростный рев мощных мужских глоток послышался со стороны реки. Темные человеческие фигуры отделились от группы деревьев и мчались к месту сражения с воплями, способными привести в ужас зверей и пострашнее диких собак.

Собаки поняли: приближаются враги, более опасные, чем кучка женщин. Самые храбрые кинулись было навстречу мужчинам, но тут же покатились по земле с раздробленными головами. Стая дрогнула, отступила, и через несколько минут жалобный злобный вой ее замер вдали.

А женщины с радостными криками уже бежали навстречу спасителям. Слов не было и не было в них нужды. Люди хватали друг друга за руки, прыгали, кричали, от радости хлопали друг друга по плечам, по спине. Увесистые затрещины оставляли на теле порядочные синяки, но обижаться на это никому не приходило в голову. Люди орды нашли друг друга, они, женщины и мужчины, опять были вместе.

Но вот Гау неожиданно столкнулся с Маа. Он вдруг остановился и перестал кричать. Маа, не шевелясь, смотрела на него. Так стояли они несколько мгновений молча среди орущей, беснующейся толпы. И вдруг Маа протянула руку и обняла Гау за шею. С криком удивления, почти испуга, Гау откинулся назад. Но она крепко удерживала

его рукой, и понемногу он успокоился. Так стояли они еще некоторое время, глядя друг на друга. Наконец Гау поднял руку и опустил ее на плечо женщины. Лицо его странно исказилось, из горла вырвались хриплые, самому непонятные звуки. Но Маа поняла: что-то теплое промелькнуло в его лице, почти человеческая нежность. Но тут же, словно испугавшись, они опустили руки, разошлись и постояли тихо, точно что-то вспоминая.

Вскоре общее грубое веселье захватило и их. Люди орды кричали, прыгали и пировали при свете луны: убитых собак оказалось достаточно. А вдалеке хохотали от зависти голодные гиены. Но людей было слишком много, чтобы осмелиться подойти поближе. Кроме того, гиенам удалось перехватить несколько раненых собак. Словом, в эту ночь все были довольны. Люди, опьяненные мясом и радостью встречи, скакали и кричали, сколько у кого хватало силы. Наконец, в изнеможении они залезли на деревья, где мужчины ранее заготовили себе для ночлега грубые помосты из веток. Шум веселья стих только к самому рассвету. Шакалы, прокравшиеся на место пиршества, нашли лишь кости, так чисто обглоданные и высосанные, будто над ними потрудилась целая компания гиен.

Рам кричал и прыгал вместе со всеми. Давно уже он не испытывал такого блаженного чувства безопасности. Кругом — большие сильные мужчины. Как легко они обратили в бегство страшных свирепых собак! Мяса на долю мальчика тоже пришлось достаточно. А когда захотелось спать — он быстро отыскал дерево, на котором Мук уже в темноте успел наскоро устроить удобный помост из веток, и мгновенно заснул, крепко прижавшись к мохнатому боку старика. Спали они так спокойно, как давно не приходилось: голод физический и голод душевный — тоска по орде — равно получили полное удовлетворение. Для Рама было еще приятно и другое. Вак, ленивый и жадный мальчишка, вспомнил, как он всегда издевался над Рамом — отнимал у него еду, даже когда сам не был голоден. Так было и сегодня. Едва увидев в руках у Рама хороший кусок мяса, он сразу вцепился в него. Как бы не так! И влепил же ему Рам затрещину. Вак катышом покатился по отмели, вся орда над ним потешалась. Сам Рам, уже засыпая, вспомнил об этом и весело заверещал, смеяться люди орды еще не умели. Мук недовольно проворчал: не мешай спать.

Во время пиршества Мук вдоволь наелся горячего мяса и тоже кричал, прыгал и радовался со всеми. Правда, старые бока побаливали — силач Урр на радостях здорово прошелся по ним мохнатой лапищей. Но сейчас, в уютном гнездышке, старый Мук возился и не сразу заснул не только от боли в боках. Что-то мешало еще, а что — он так и не разобрался. Старик очень удивился бы, если бы понял, что ему недостает удивительно приятного чувства, какое он испытал, шагая по равнине во главе кучки испуганных женщин. Это длилось недолго, но он первый раз в жизни чувствовал себя вождем, бедный старый Мук.

Глава 11

ДЕРЕВО-ПЛОТ

Люди орды проснулись как птицы — с рассветом. Весело перекликаясь, они проворно скользили — спрыгивали с деревьев, встряхивались, спешили к реке. Мыться, разумеется, они не собирались: ложились на песок и, погружая в воду лица, пили жадно, с наслаждением, утоляя жажду после вчерашнего пиршества. Река текла спокойно, точно никогда не видела на своих берегах ни сражений, ни иных опасностей. Но люди орды о таких вещах не задумывались: сейчас все спокойно — значит хорошо. Свежая чистая вода — это было чудесно после лесной болотной жижи, однако она не насыщала, а, наоборот, дразнила аппетит. Шакалы ночью закончили пиршество, не оставили ни одной неразгрызанной косточки. Убедившись в этом, женщины принялись палками выкапывать из ила корневища болотных растений — все-таки будет чем наполнить голодные желудки. Мужчины внимательно следили за ними, спокойно отбирали самые аппетитные куски и поедали. Женщины не протестовали и копали еще усерднее, чтобы и самим хватило досыта: вчерашняя радость встречи ушла в прошлое и забылась, жизнь опять текла по-старому.

Вдруг Маа бросила палку, пронзительно вскрикнула и протянула руку к реке: течение плавно подносило к берегу толстый ствол с еще зелеными густыми ветвями. Между ними виднелась маленькая коричневая фигурка.

— Си! — громко крикнула Ку.

— Си! — повторили все люди орды. Возбужденно тараторя, отталкивая друг друга, они кинулись к воде. Стоя на коленях, Си опускала в воду то одну, то другую руку, направляя плывущее бревно к берегу.

Такого люди еще никогда не видели. Вот дерево повернулось и с шорохом въехало концом на отмель. Люди шарахнулись было в стороны. Но девочка тут же поднялась на ноги, пробежала по дереву и ловко спрыгнула на песок. С радостными криками вперемежку со слезами она бросалась то к одному, то к другому из убегающих.

— Маа, Ку, Дана! — называла она женщин, громко всхлипывая от волнения.

Женщины остановились. Медленно, нерешительно приблизились и вдруг, осмелев, кинулись и окружили ее плотным кольцом.

— Си! Си! — повторяли они уже смелее.— Си!

Теперь страх их прошел окончательно, женщины хлопали девочку по плечам, заглядывали в лицо, вскрикивали от удивления и радости. Спросить: «Где ты была? Что с тобой случилось?» — они не могли, таких слов не было. Си, прыгая от радости, отвечала им такими же пронзительными криками. Ей очень хотелось рассказать обо всем, что с ней приключилось. Она подходила к реке, вскрикивала как будто от страха, делала вид, что убегает, и показывала рукой на бревно. Напрасно. Подружки не догадывались, что она изображает свое бегство от рыжеволосых: ведь при нападении они были заняты только своей

судьбой. Все поступки Си они приняли как веселую игру и охотно включились в нее: сами изображали испуг, разбегались и вновь с веселым визгом окружали девочку.

Мужчины меньше интересовались самой Си. Они кинулись к бревну, на котором она так удивительно появилась. Морщили брови, осторожно и недоверчиво дотрагивались до мокрой поверхности ствола, подозревая в нем что-то непонятное, а потому опасное.

Рам держался поодаль. Его маленькие, блестевшие от волнения глазки перебегали с группы женщин на мужчин и тоже останавливались на бревне. Рассказ маленькой Си, рассказ без слов, был ему совершенно понятен, он даже вздрогнул, глядя, как она показывала, что убегает от кого-то. Он вспомнил: рыжеволосый по колено вошел в воду, чтобы остановить дерево, схватить девочку...

Не сводя глаз с дерева, Рам подходил к нему медленно, осторожно, чтобы не оказаться слишком близко от мужчин: им могло не понравиться, что он вертится у них под ногами.

Вскоре дерево было забыто: женщины обнаружили в тихой заводи по течению реки песчаное дно, все устланное спинками крупных ракушек. С радостными возгласами люди орды устремились на неожиданный завтрак. Интерес к появлению Си сразу ослабел: ну что же, появилась — и все, голодный желудок важнее.

Раму повезло: ракушек было много, и ему никто не помешал наесться до отвала, даже завистливый Вак не забыл вчерашней затрещины и к нему не привязывался. Рам наелся так, что больше, к его огорчению, есть было некуда, а ракушек на отмели не убавлялось.

Дерево, всеми забытое, по-прежнему лежало на отмели. Рам осторожно подошел, дотронулся до мокрой коры, поспешно отскочил. Бревно как бревно. Лежит, не шевелится, может быть, еще потрогать? Постепенно смелея, мальчик вытянул ногу, погладил дерево гибкими пальцами, вздохнул и вдруг решительно ступил на него одной ногой, другой... Схватился за ветку, готовый спрыгнуть. Ничего. Еще шаг и еще... Так, придерживаясь за густые ветви, он дошел до самого конца, что лежал на воде, постоял, восхищенный, и примерился осторожно повернуться... Но тут сильный толчок чуть не сбросил его в воду. Падая, Рам испуганно оглянулся: злобно оскаленная физиономия Вака нависла над ним. Он долго исподтишка наблюдал за мальчиком из-за густого куста на берегу. Теперь-то они сведут счеты!

Рам попытался вывернуться, встать, но, получив новый толчок, опрокинулся на спину. Падая, он успел здорово лягнуть Вака в коленку, и тот, потеряв равновесие, свалился прямо на него. Они боролись озлобленно, как дикие зверята, но молча, боясь привлечь внимание взрослых — тогда достанется обоим. Густые ветки дерева не давали им свалиться в воду. Пыхтя и царапаясь, Рам и Вак не заметили, как ствол, дрожа и раскачиваясь от толчков, постепенно начал сползать с отмели.

Пронзительный крик заставил их оглянуться. Помертвев от страха, они прекратили сражение. Кричала Си. Махая руками, она бежала по берегу, глядя, как уплывает дерево. Ее дерево! А оно плыло все дальше и быстрее, унося обоих окаменевших от ужаса мальчуганов, и

скоро скрылось за излучиной реки. Мать Вака — Дана — еще некоторое время бежала вдогонку. Наконец она остановилась и вернулась, громко плача. В отчаянии она била себя по лицу, исцарапала щеки. Некоторые женщины взглянули на нее сочувственно, но быстро успокоились и снова занялись ракушками. Подумаешь, беда! Чужой мальчишка!

Рам и Вак продолжали сидеть неподвижно. Драка была забыта. Когда крики Даны замерли за поворотом реки, Рам тихо всхлипнул. Вак отозвался тем же звуком, но тотчас испуганно завопил: дерево неожиданно качнулось под напором струи и чуть не сбросило его в воду. Мальчики в ужасе заметались, а дерево от этого раскачивалось все сильнее, лишь ветки не давали ему совсем перевернуться и сбросить мальчуганов в воду. Случайно столкнувшись, они обхватили друг друга руками и замерли, прижавшись к большому толстому суку посередине ствола. Две маленькие мохнатые фигурки больше не шевелились, коричневые лица были мокры от слез, а дерево продолжало тихо плыть по спокойной, как зеркало, воде.

Среди оставшихся на берегу огорчались только мать Вака и старый Мук. Он привязался к Раму, сам того не понимая.

Теперь Мук стоял у самой воды, следил за течением, огибавшим мыс, и напряженно думал. Морщины на лбу двигались, словно отражая бродившие под ними неясные ему самому мысли. Появление Си, исчезновение Рама, ствол дерева, как-то связанный с ними...

Остальным людям орды не приходило в голову задумываться над такими вещами. Мальчики исчезли, и память о них уже бледнела под низкими лбами. Стоны Даны — матери Вака — наскучили мужчинам: Руй, самый нетерпеливый, подскочил и угостил ее таким пинком, что она с криком покатилась по земле. Руй, сердито рыча, постоял над ней, готовясь повторить пинок, но, видя, что она не шевелится, медленно отошел и занялся занозой в ноге, сильно его беспокоившей. Дана долго не решалась пошевелиться. Наконец осторожно села и, опустив голову на согнутые коленки, молча обхватила их руками. Никто не обратил внимания на расправу. Женщине нечего надоедать мужчинам, занятым серьезным делом: растянувшись на теплой песчаной отмели, они блаженно переваривали нежное розовое мясо ракушек. Беспокоить их в это время не следовало.

Для людей орды время не имело значения. Сыты, ничто не угрожает — значит беспокоиться и торопиться некуда. Они и не беспокоились и никуда не торопились. Кто снова дремал, кто занялся занозами, которыми щедро наградили их колючие степные травы. Они ловко вытаскивали занозы руками, иногда помогали зубами.

Маленькая Си долго наблюдала, как сердито рычал, возясь с занозой в ноге, раздражительный неловкий Руй. Его грубым пальцам никак не удавалось захватить кончик глубоко засевшей в подошву колючки, они снова и снова скользили и срывались. Сердитое рычанье потешало окружающих, а Руй от этого все больше разъярялся.

Вдруг маленькая темная рука протянулась из-за его спины, тонкие пальцы ловко ухватили чуть видный кончик шипа и сильно дернули. Руй от боли откинулся назад, угодив головой в густой куст, росший за

спиной. Ноги его высоко взбрыкнули в воздухе, а Си с веселым криком подняла руку: острый, как иголка, кривой шип был зажат между пальцами.

Болтавшиеся в воздухе ноги Руя окончательно развеселили орду. Под общий крик и визг он выбрался из куста и вскочил, разъяренно оглядываясь. Испуганная Си хотела убежать, но не успела. Руй грубо схватил ее за плечи и поднял рывком — не все ли равно на ком сорвать раздражение? Его оскаленная физиономия оказалась перед самым лицом девочки, она с жалобным криком зажмурилась и заслонилась рукой. Это спасло ее. Налитые яростью глаза Руя заметили колючку, зажатую между пальцами. Он все понял...

Тихий возглас удивления заставил Си приоткрыть глаза. Физиономия Руя теперь сияла, широкий рот растянулся в добродушную улыбку. Он еще подержал девочку в воздухе, затем осторожно опустил на землю и остановился, стараясь сказать или сделать ей что-то хорошее. Но Си не стала дожидаться. Едва почувствовав свободу, она отпрыгнула и пустилась бежать изо всех сил, все еще зажимая в руке злосчастную колючку.

Косматый Руй недоуменно посмотрел ей вслед в раздумье — как поступить, неуклюжей лапищей поскреб затылок. Но ничего не придумав, повернулся и опять растянулся в тени под кустом.

Гау не обращал внимания на суматоху. Он сидел в стороне, прислонившись к одинокому дереву у самой воды. Одной рукой опирался на лежавшую около него дубинку, другой сжимал тяжелое каменное рубило, будто готовясь принять бой. Глаза из-под нависших бровей блестели напряженно. Гау думал: нелегкая задача для неразвитого мозга.

Спокойной жизни давно уже не знали люди орды. Саблезубый тигр прогнал их из далеких, родных мест. Пожар заставил искать спасения в реке, из которой выбралось меньше половины, да и то взрослых. Потом была пещера, теплый ласковый огонь, и опять бегство, беспощадные рыжеволосые...

Брови Гау сдвинулись, рука сжала дубинку.

Рыжеволосые. Они убежали. Но может быть, вернутся? Убьют мужчин, опять похитят женщин...

Гау тяжело вздохнул и завозился на песке. Он даже застонал от тяжести мыслей, наполнивших его смятенный мозг. Они не складывались в слова, но образы сменяли друг друга, и каждый молчаливо повторял: «Идти, опять идти»... Куда — образы не договаривали. Но идти было нужно. Гау опять застонал, схватил обеими руками горевшую голову, крепко встряхнул ее, словно стараясь избавиться от какой-то тяжести там, внутри. Затем поднял голову, осмотрелся и вдруг...

С грозным рычаньем Гау вскочил, устремив взгляд вдаль, по течению реки. Перебежал на другое место повыше, откуда было лучше видно. Люди, встревоженные криком, тоже вскочили, окружили его, осматриваясь, искали — откуда идет опасность.

Но Гау не замечал ни взглядов, ни удивленных возгласов. Он даже приподнялся на цыпочки и стоял, не отводя глаз от края гори-

зонта. Затем повернулся, схватил за плечо Урра и, протянув вперед руку, произнес одно лишь слово. Но как много оно значило!

— Огонь! — было это слово.

Гау проговорил его негромко, внезапно охрипшим голосом. Но люди орды услышали и повторили его сдержанными от волнения голосами.

— Огонь! — тихо прозвучало над рекой. И тут, точно река прорвала плотину и забушевала, с таким увлечением грубые глотки завопили, зарычали, опять и опять повторяя, выкрикивая это удивительное слово.

— Огонь! Огонь! — кричали они и, прыгая, толкаясь от возбуждения, протягивали руки в том направлении, куда указал Гау. А там, вдали, у самого горизонта, поднималась и словно таяла в воздухе тонкая струйка дыма.

Великан Урр соображал медленнее других. Но наконец сообразил.

— Огонь! — зарычал он, и его рев перекрыл крики беснующейся орды. — Идти! — добавил он и, с силой схватив за руку Гау, потянул его вперед.

— Идти! — повторил и Гау, решительно взмахнув палицей. Расталкивая стоявших на пути людей, он кинулся вперед, увлекая за собой остальных. Огонь! Теплый, веселый! Защита от холода и диких зверей. Спасение от грозной ночной темноты с ее опасностями!

— Огонь! — повторяли люди орды и бежали, опережая друг друга, словно каждый стремился первым увидеть сулящие радость и тепло веселые глаза огня, услышать его громкий, бодрящий голос.

Отмель опустела в одно мгновение. Старый Мук, только что устроившись у самой воды, принялся было за свое любимое занятие: ловким ударом отколол от подобранного на берегу камня острый клиновидный кусок — прекрасное готовое рубило. И вот уже последние люди вскарабкались по отлогому откосу вверх от реки и исчезли.

Недовольно ворча, Мук засунул рубило в сетку, грустно пощупал и перевернул камень, от которого оно было только что отколото. Сколько из него можно бы изготовить еще прекрасных рубил! Но нести его с собой старику не под силу. Оставаться одному тоже не годилось. С тяжелым вздохом Мук повернулся и торопливо закарабкался вверх по склону.

Глава 12

БИТВА ЧУДОВИЩ. СЛОНЫ!

Дерево, плавно качаясь на волнах, все дальше уносило перепуганных мальчуганов. Они боялись пошевелиться, чтобы опять сильнее не раскачать его, сидели смирно и тоскливо смотрели на плывущие мимо берега. Они не подозревали, что люди орды спешат вдоль реки по одному с ними направлению.

Солнце поднималось все выше, становилось жарко, все больше хотелось пить. Вода — вот она, пей сколько хочешь. Но как до нее дотянуться, чтобы не раскачалось проклятое дерево!

Рам, более храбрый, не выдержал: осторожно прилег — вытянулся по стволу во всю свою длину и опустил голову в воду. Вак смотрел на него с завистью, но сам пошевелиться боялся. Наконец и он решился: ползком пробрался и лег рядом с Рамом. Драться больше не пробовал: несчастье сдружило.

Напившись вволю, они снова осторожно поднялись, присели на корточки. Теперь захотелось есть и чем дальше — тем сильнее. Вак тихонько заныл: мать всегда находила для него что-нибудь вкусное, стоило ему хорошенько поскулить около нее. Рам же давно забыл материнские заботы и держался стойко, хотя в животе здорово сосало. Вдруг он оживился: над зеленой веткой дерева закружились, играя, две большие стрекозы. И это годится. Наигрались и присели отдохнуть на листик, совсем близко. Рам осторожно подвинулся, протянул руку, взмах — и одна стрекоза оказалась в кулаке. Но прежде чем он успел сунуть ее в рот, нахальный Вак вцепился ему в руку, стараясь выхватить добычу. Дерево резко качнулось. Рам, хватаясь за ветку, разжал кулак. Смятая стрекоза упала в воду. Тут же послышался всплеск, мелькнула хищная щучья морда, и стрекоза исчезла. Вне себя от злости Рам показал Ваку кулак. Тот злобно оскалился, но держался за дерево предусмотрительно обеими руками. Было понятно: война возобновится при первой возможности.

Между тем в воде происходили удивительные дела: небольшая щука, укравшая у Рама стрекозу, тотчас же сама попала в пасть другой щуке. Жадина заглотала жертву до середины и, не в силах проглотить ее до конца, запуталась в ветках плывущего дерева. Быстрые глаза Рама это заметили: держась одной рукой за сук, он нагнулся и ловко выхватил из воды щуку с ее жертвой. Дерево качнулось, но Рам не обратил на это внимания. С радостным криком он запустил зубы в трепещущую добычу, ловко перегрыз ей загривок. Но тут Вак от жадности забыл о страхе: одним прыжком подскочил к Раму и вырвал у него рыбу. Сверкнув глазами, Рам кинулся на него и тоже вцепился в добычу. От двойного толчка дерево качнулось так сильно, что драчуны не успели удержаться и шлепнулись в воду. Плавать, как и все люди орды, они не умели. Но на счастье течение в эту минуту вынесло их дерево на мелкое место, к самому берегу, на который они и выбрались, захлебываясь и задыхаясь. Дерево остановилось, покачало ветвями и двинулось дальше. Вместе с ним течение унесло и обеих рыбок. Мальчуганы остались на берегу голодные и еще более обозленные — плохое начало общей жизни.

Сжав кулаки и сгорбившись, как для прыжка, Вак уже начал боком подбираться к Раму. Он рычал и скалился, как это делали перед дракой взрослые мужчины. Рам зарычал с неменьшим задором и постарался оскалиться так же страшно. Он и кулаки изготовил для должного отпора, как тут странные звуки за поворотом реки заставили обоих насторожиться и забыть о драке.

Там слышался резкий свист, шипенье. И вдруг все эти звуки заглушило протяжное глухое мычанье, похожее на мычанье разъяренного быка. Стало так страшно, что Вак, забыв о драке, разжал кулаки и проворно юркнул за спину Рама. Так они и стояли, тяжело дыша,

прислушиваясь и прижимаясь друг к другу. Наконец, Рам не выдержал: шаг за шагом, осторожно, он начал приближаться к гряде валунов, пересекающих узкую полоску отмели. Вак, дрожа, ухватился за руку Рама и следовал за ним, наступая на пятки. Рам не спорил: вместе не так страшно.

Но то, что они увидели, поднявшись на цыпочки и заглянув за валуны, заставило их помертветь от ужаса: на песке, недалеко от воды лежала огромная водяная змея. Мальчикам еще не приходилось видеть подобного чудовища. Змея была чем-то сильно раздражена: яркие желтые с черным кольца ее тела непрерывно двигались, точно переливались. Страшная плоская голова величиной с голову самого Рама поднималась и опускалась на гибкой шее. Тонкий раздвоенный язык мелькал с молниеносной быстротой, то показываясь, то исчезая.

Мальчикам хорошо были видны жестокие неподвижные глаза чудовища. С резким свистом и шипеньем оно вытягивало шею, обращаясь к реке. Что-то там его сильно тревожило и сердило.

Глухое мычанье заставило мальчиков тоже быстро взглянуть на реку.

Что за бревно лежит там, на отмели? Но «бревно» снова глухо замычало. Огромная пасть открылась и щелкнула, показав острые кривые зубы. Рам почти целиком поместился бы в ней. Вак тихонько всхлипнул. Рам хотел толкнуть его локтем, но не успел: бревно вдруг поднялось на коротких кривых ногах и, волоча длинный хвост, стремительно вылетело из воды на отмель. Голова змеи с резким шипеньем поднялась над пестрыми кольцами. Две пасти раскрылись друг другу навстречу, свист и мычанье оглушили мальчуганов.

Пестрые кольца, свиваясь и развиваясь, мелькали с такой быстротой, что у мальчиков зарябило в глазах. Однако змее не удалось обмануть крокодила быстротой движений: страшные челюсти сомкнулись на ее гибкой шее и... уже не разомкнулись. Последними отчаянными усилиями змея вскидывала крокодила на воздух, тело его грузно ударялось о камни, гнуло и ломало кусты, но челюсти только крепче сжимали блестящую черно-желтую шею. Постепенно свист и шипенье слабели. Голова змеи склонилась и упала на песок, кольца тела дрогнули и застыли. Все было кончено. Некоторое время крокодил лежал неподвижно, затем страшные челюсти разомкнулись. С трудом волоча избитое, израненное тело, он медленно сполз с отмели и погрузился в воду.

Мальчики продолжали стоять, не отводя глаз от тела змеи. В пылу битвы она передвинулась и теперь лежала в стороне от прежнего своего места. В этом-то месте и заключалась ее погибель: она не подозревала, что легла отдохнуть там, где нежная мать-крокодил закопала свои яйца и охраняла их до появления малышей.

Вдруг Рам вздрогнул и схватил Вака за руку. Другой рукой он показал на то место, на котором раньше лежала змея. Что это? Песок зашевелился, поднялся маленькими бугорками. Из песка показались маленькие проворные существа, похожие на пузатеньких ящериц. Выбираясь на поверхность песка, они сразу же скатывались по склону

отмели вниз и исчезали в воде. Их было много, казалось, весь песок зашевелился. И тут первым очнулся жадный Вак.

— Есть! — завопил он и, ловко прыгнув через каменистую гряду, устремился за беглецами. Рам от него не отставал. Они хватали добычу, надкусив затылок, бросали на песок и хватали следующую. Так они действовали, пока у каждого набралась порядочная кучка провизии, а песок перестал шевелиться: уцелевшие малыши скрылись в реке. Рам попробовал покопать песок, но нашел только кучу пустых белых скорлупок, кожистых, не похожих на скорлупки птичьих яиц. Дальше копать не стоило: еды и так достаточно.

Мальчуганы уселись друг против друга и с аппетитом принялись уплетать крокодильчиков. Была еще и змея — ее хватило бы на хороший пир для всех людей орды. Но где они, люди орды! Рам, уже второй раз в жизни, оказался один в чужом враждебном краю. Но в первый раз, когда он шел по следам орды, у него была надежда и потом — старый Мук, которому он доверял и по-своему любил его А теперь остался один Вак, но Рам чувствовал — это совсем не то.

Может быть, и сейчас можно найти следы людей орды?

Внезапно вспыхнувшая надежда заставила Рама быстро вскочить с места. Вак испуганно и сердито прикрыл руками кучку недоеденных крокодильчиков. Он был сыт до отвала, но что из того? Еда принадлежит ему, а не Раму.

Но Рам не обратил на это внимания: он тоже был сыт и потому покинул отмель без сожаления. За ним потащился и Вак. В руки он прихватил по паре загрызенных крокодильчиков. Но сделал это не заботясь о будущем, а чтобы Рам не мог вернуться и съесть их.

Выбравшись наверх, мальчики, не колеблясь, повернули назад, против течения реки. Инстинкт безошибочно указал им направление. Они не знали только одного — что люди орды, в погоне за огнем, поспешно идут им навстречу и что они уже совсем близко.

Вдоль реки по берегу тянулась узкая полоса леса. Люди орды шли быстро по самой ее опушке. Так идти было легче: не надо продираться сквозь колючий кустарник, и далекая струйка дыма виднелась яснее. Люди жадно всматривались вдаль, вскрикивали, убыстряли и без того торопливые шаги. Стадо легких антилоп пронеслось невдалеке, но едва привлекло их внимание. Удивили огромные птицы, каждая больше человека ростом. Они бежали, взмахивая на бегу короткими крыльями, точно руками. Руй не выдержал, сгорбился и попытался юркнуть в заросли густой травы — подобраться к ним поближе. У него заранее текли слюнки: такая птица, летает она или нет,— завидная добыча. Но Гау коротко крикнул и перекинул палицу с одного плеча на другое. Руй молча оскалился, однако ослушаться не решился: спорить с Гау было опасно. Така хорошо отдохнула за ночь и шагала бодро, лишь опираясь на руку дочери. Далекий дымок и в ней пробудил воспоминания: ни тигр, ни дикие собаки не осмелятся напасть на людей, спящих под защитой огня. И она шла упорно, не отводя глаз от тоненькой струйки на горизонте.

Солнце, поднимаясь выше, жгло уже спины и головы, палило траву, и она, высыхая, твердела и резала усталые ноги. Жалобное голодное бормотанье становилось слышнее. Гау понимал его, но упрямо шагал, не задерживаясь, не глядя ни на что, кроме манящего призрака огня. Мыши, червяки — все, что можно поймать и подобрать на ходу, перестало удовлетворять, мужчины ворчали, женщины бормотали и вздыхали все жалобнее.

Полоса леса вдоль берега реки становилась шире, к ней подходили разбросанные по равнине группы деревьев. Стаи обезьян с резкими криками прыгали по их ветвям. Люди жадно к ним присматривались, а Гау все еще не давал сигнала остановки. Вдруг одна из женщин вскрикнула, но тут же, получив затрещину, испуганно зажала рот рукой, другой же продолжала показывать вдаль. Группа слонов медленно направлялась к реке на водопой, как раз к тому месту, где находились люди орды: удобный спуск к воде был им, видимо, хорошо известен.

Миг — и люди по-обезьяньи ловко вскарабкались на деревья и притаились в густой листве: попадаться на дороге великанам не следовало.

Мирно о чем-то переговариваясь, слоны медленно проследовали под деревьями на отмель. Жадно набирая хоботом воду, они вливали ее себе в рот: нагнуться к воде слон не может. Утолив жажду, они продолжали набирать хоботами воду, обливали разгоряченные солнцем спины и бока и громко трубили от удовольствия. Затем так же медленно и величаво повернулись и направились обратно вверх по склону.

Люди орды на слонов не охотились: слишком сильная и опасная дичь. Но они давно уже успели проголодаться. Их горящие жадностью глаза неотступно следили из-за густых ветвей, как проплывают под деревьями горы живого теплого мяса. И вдруг словно легкий трепет, незаметный, но всем понятный, пробежал от дерева к дереву, от охотника к охотнику: маленький шаловливый слоненок отстал от родителей и замешкался на берегу. Подбирая хоботом щепочки и камешки, он ловко швырял их в воду, радуясь веселым всплескам. Слоны, не замечая этого, уже поднялись с отмели на берег и, пройдя под деревьями, оказались на равнине.

Гау не вытерпел. Он молча дотронулся до плеча Урра и соскользнул с дерева на землю. Остальные мужчины отозвались на сигнал еще быстрее. Осторожный Мук испуганно протянул было руку, но на него никто не обратил внимания. Темные фигуры проворно скользили, спрыгивали с деревьев и спускались на отмель, окружая полукольцом ничего не подозревающего детеныша. В несколько секунд все было кончено: страшный удар дубинки силача Урра — и слоненок со слабым криком упал на песок у самой воды.

Но матери и этот слабый крик оказался понятным. Она ответила на него криком, от которого похолодели сердца храбрых охотников. Слоненок был забыт, и люди, ища спасения в бегстве, устремились обратно к деревьям. Слоны с быстротой, какой нельзя было от них ожидать, бурей промчались по спуску и снова оказались на отмели, не обращая ни на что больше внимания. Это спасло людей. Дрожа и толкаясь, они

поторопились взобраться на деревья потолще. Охотничий пыл их угас так же быстро, как и вспыхнул. Многие, возможно, раскаивались, что не послушались предостережения опытного старого Мука.

В первые минуты слоны не искали причины беды, они тревожно и жалобно трубили, окружив мать, а она с криком старалась поднять слоненка. Обвивая хоботом, ставила его на ноги, но он снова и снова падал. Наконец, кровь, окрасившая желтый песок, разъяснила слонам судьбу детеныша. С яростными криками они двинулись к деревьям, ища виновников беды. Трубные звуки разнеслись по притихшей равнине, слоны жаждали мщенья. Дрожь сотрясала деревья: слоны охватывали их хоботами, били клыками, но люди орды старались не выдать своего присутствия, молча прижимались к стволам и толстым сучьям, темный цвет их кожи сливался с цветом коры.

Постепенно ярость слонов начала утихать. Не находя на ком выместить злобу, они уже трубили не так громко и собрались удалиться. Обрадованный этим, молодой неопытный Гур завозился на своем дереве и приподнялся, выглядывая из густой листвы. Но тут громадный слон-вожак его заметил и, видимо, решил, что он-то и есть убийца. С громким яростным ревом он обхватил ствол дерева хоботом и встряхнул его. Тонкое дерево закачалось: Гур второпях не догадался выбрать ствол покрепче. Его жалобный вопль оживил жажду мщения. Слоны снова затрубили и, толкая друг друга, устремились на помощь вожаку. А тот уже изменил тактику: упираясь лбом в ствол дерева, он нажал на него всем своим громадным весом. Дерево задрожало, наклонилось. Последний отчаянный вопль Гура заглушили торжествующие крики слонов. Они стеснились на месте, где упало дерево. Затем, когда жажда мести была удовлетворена, разом двинулись вверх по откосу, увлекая за собой осиротевшую мать.

От дерева, лежащего на земле, остался голый ствол. Ветви, листья, искрошенные, изломанные, были втоптаны в землю с остатками того, что еще недавно было человеком.

Слоны давно исчезли вдали, а люди орды все еще не решались опуститься на землю. Они словно застыли, не двигаясь; не разжимая пальцев, впившихся в сучья деревьев.

Но вот высоко в воздухе появились какие-то крошечные темные точки. Стремительно увеличиваясь, снижаясь, они приобрели очертания птиц. Ниже, ниже! Пара огромных грифов, плавно покачиваясь на распростертых крыльях, опустилась на труп слоненка, над которым уже жужжали большие синие мухи.

Уступить им этот кусок нежного мяса, добытый с такой опасностью? Ну нет!

Слоны были забыты. С яростными криками мохнатые тела посыпались с деревьев; размахивая дубинками и рубилами, люди устремились на грабителей. Испуганные грифы, раскрыв крылья, пустились бежать по песку: тяжелым птицам подняться в воздух без разгона невозможно. Однако охотники оказались проворнее. Руй камнем перебил крыло одному хищнику, легкий на ногу Кас перерезал дорогу другому. Гриф угрожающе щелкнул клювом, но тут же забился на песке: Кас ловким ударом дубинки сломал ему шею. Люди, только что пережившие

смертельную опасность, уже о ней не думали. С радостными криками они окружили слоненка, нежная его кожа быстро уступила ударам тяжелых рубил. Грифов бросили женщинам: с них и этого хватит. Женщины не протестовали: к большой заботе со стороны мужчин они не привыкли. Правда, гриф жестковат и падалью припахивает, но на такие мелочи они не обращали внимания. И потом, от слоненка, наверное, тоже что-нибудь останется, когда мужчины, насытившись, станут добрее. И черные перья грифов разлетелись по воздуху.

Си, как младшей, и от грифа досталась не самая лучшая часть. Но она и тем была довольна. Сидя на берегу, она с увлечением доканчивала свою долю, как вдруг кто-то дернул ее за волосы. Си, недовольная, сердито оглянулась — во время еды шутить не полагалось. Но тут же съежилась и подняла руку для защиты. Руй!

Однако защищаться не пришлось: косматая рука Руя поднесла к самому ее лицу большой кусок сочного розового мяса. Он даже шутливо мазнул мясом по раскрытым в удивлении губам девочки.

— Есть! — проговорил он, и грубый его голос прозвучал удивительно ласково: — Есть!

Си нерешительно протянула руку, спрашивая глазами — не шутка ли это? Но широкий рот Руя растянулся в самой добродушной улыбке. Он еще проворчал что-то непонятное и настойчиво повторил:

— Есть!

Тогда Си, быстро схватив предлагаемый кусок, жадно запустила в него острые зубы. А Руй постоял еще около нее, потоптался медленно и отошел, оглядываясь, будто желая проверить, как принят его подарок. Подарок был принят как надо: Си уже справилась с доброй половиной. Руй довольно кивнул мохнатой головой и заторопился к месту пира мужчин: о своем животе тоже забывать не следует.

А женщины расправлялись с жестким пахучим мясом грифов. Они с изумлением наблюдали за непонятным поведением Руя. Мужчины никогда не проявляли особой заботы о женщинах: защищать их от врагов — дело другое, но уж лакомые кусочки — всегда в первую очередь доля мужчины. Руя же особенно побаивались: рука у него тяжелая и на расправу скорая. Да и спорить с мужчинами вообще не полагалось. Случилось, однако, что слоненка хватило на всех, и зависть женщин скоро забылась: мяса и мозга из расколотых костей наелись досыта. Но отдыхать после пира люди орды все-таки отправились на деревья — не вернулись бы грозные слоны. Люди знали, слоны первые редко на кого нападают, но обиду помнят долго и мстят за нее жестоко.

Глава 13

СПАСИТЕЛЬНОЕ ДУПЛО И ОБЕЗЬЯНЫ

Тем временем две мохнатые коричневые фигурки усердно шагали вдоль реки навстречу людям орды. Вак давно уже наколол ногу, измучился, пролезая сквозь густые колючие заросли. Отойдя от реки подальше, можно было бы двигаться степью, легче и быстрее. Но Рам не забыл еще страшной битвы с дикими собаками и упорно отказывался

выйти на открытое место. Вак останавливался, с ворчаньем и стонами падал на землю. Рам, не обращая на него внимания, шел дальше. Вак с сердитым хныканьем догонял его. Шум, который он поднимал, мог привлечь любого хищного зверя, оказавшегося поблизости. Рам понимал это. Но упрямый мальчишка не желал его слушаться. Выйдя из терпения, Рам хватал, что под руку попадется,— камень, палку. Вак отбегал, ловко увертывался от удара и продолжал, кривляясь и хныкая, следовать за Рамом издали. Раз с досады Рам сорвал зло на неповинном дереве: размахнулся и так стукнул по нему, что ободрал кулак. От этого стало еще обиднее. Наконец, он перестал отвечать на хныканье Вака и шел, не обращая на него внимания. Люди орды близко — он это чувствовал, все остальное не важно.

Месяцы странствий орды не прошли для Рама даром: мускулы его окрепли, он сильно вытянулся, взгляд потерял детское выражение. Судьба была к нему сурова, приучила заботиться о себе. Хнычущий, капризный Вак был старше годами, но моложе опытом и волей.

Вдруг Вак замолчал и стал осторожно подкрадываться к Раму сзади. Негодный мальчишка задумал какую-то очередную гадость. Но Рам не обратил на это внимания: он давно уже настороженно прислушивался к тому, что делалось впереди.

Тяжелый топот, резкий запах, мирные трубные звуки... Рам не считал слонов врагами, ведь они спасли его от тигра, вытащили из ямы. Это были друзья. И все-таки лучше держаться от них подальше. Рам на всякий случай замедлил шаги, остановился, прислушиваясь. Вак понял: для драки не время. И тихо стал позади Рама.

Но что это? Мирные трубные звуки вдруг сменились яростным ревом, от грузного топота, казалось, затряслась земля. Раздался треск, крик, слоны опять яростно затрубили...

Ветви дерева, около которого стояли мальчуганы, спускались низко, к самой земле. Они тут же оказались на нижней из них, перескочили на соседнюю. Над головами чернело большое отверстие — вход в дупло. Раздумывать было некогда. Рам перекинул ноги через край его и исчез в глубине. Вак последовал за ним. Дупло было такое просторное, что они свободно уселись на дне рядышком.

Долго они сидели, не решаясь подняться и выглянуть. А когда решились — пришла новая беда: отверстие дупла было так высоко, что, стоя на дне, невозможно было дотянуться до края. Спасительное дупло грозило им гибелью. Напрасно мальчики прыгали, стараясь зацепиться за его стенки. Небольшие выступы истлевшего дерева крошились, и они опять падали на дно дупла, обломав до крови ногти, чихая и задыхаясь от клубов потревоженной пыли.

Так кончился день и в дупло заглянула ночь. Измученные мальчики наконец заснули.

•

Утро застало Рама и Вака в еще большем отчаянии: хотелось есть, но еще сильнее — пить. Едкая пыль от древесной трухи сушила горло, лезла в слезившиеся глаза. И, в довершение всего, в неясном утреннем сумраке в отверстие дупла заглянула страшная, черная, как уголь, фи-

зиономия, с хохолком белых волос на макушке. Это была большая обезьяна. Она гримасничала, верещала что-то пронзительным голосом, затем, просунув в дупло длинную черную руку, попыталась дотянуться до мальчиков. Дупло оказалось слишком глубоко— дотянуться не удалось. Обезьяна сердито оскалилась и просунула другую руку. Но тут Рам схватил кусок гнилушки и запустил его прямо в оскаленную физиономию. Обезьяна пронзительно взвизгнула и исчезла.

Крики и шум показали, что на дереве держит военный совет целая компания обезьян. В дупло снова заглянула черная физиономия... Вак крикнул и схватился за щеку: что-то круглое мелькнуло в воздухе и больно его стукнуло. Еще и еще... Сочные желтые плоды шлепались на дно, попадали и в мальчиков. Обезьяна при этом радостно взвизгивала: наверное, ей казалось, что она очень хорошо рассчиталась за брошенную в нее гнилушку. А мальчики подхватывали плоды и тоже радовались: они жадно глотали сочную мякоть, отлично заменявшую и еду и питье.

Наконец, обезьяна решила, что она достаточно отомстила за обиду, и с важным видом уселась на краю дупла, строя гримасы и торжествующе вскрикивая.

Рам быстро нашелся: выбрав гнилушку покрепче, он опять запустил ею в черную физиономию. Обезьяна пронзительно заверещала и скрылась. Мальчики посмотрели друг на друга, губы их растянулись в улыбке. Но тут же в отверстии дупла замелькало множество черных физиономий и рук, вооруженных ярко-желтыми плодами. Мальчикам стало не до еды: увернуться от обстрела в тесноте было невозможно, а спелые плоды сыпались и сыпались градом, расплющивались на головах и плечах, покрывая их липкой оранжевой массой. Похоже было, что обезьяны решили засыпать мальчиков с головой. Уже и ноги их вязли в липкой слякоти, а обезьяны все не унимались. Вспыльчивый Рам пытался отбиваться, горстями набирал и швырял в них расплющенные плоды, а Вак жалобно стонал, уткнувшись лицом в уголок, прикрывая руками залепленную голову.

Но неожиданно обстрел прекратился. Обезьяны исчезли, до мальчиков доносились их крики, но теперь в них звучали боль и страх. Рам прислушался и, дергая Вака за руку, показывал вверх на отверстие дупла. Снаружи явственно слышались голоса. Знакомые человеческие голоса!

Это были они! Люди орды! До отвала наевшись мяса слоненка, они не пожелали двигаться в дальнейший путь в тот же день, как ни торопил их Гау. Дым, а значит огонь, был вовсе не так близко, как казалось, и это сильно охладило их пыл. К тому же сейчас тепло и без огня. Правда, он защищал от зверей. Но у реки росли деревья с пологими развилками сучьев. Положить на них несколько сломанных веток — и готова удобная постель, спи, сколько хочешь. Тигры и львы по деревьям не лазят. Хотя есть еще леопарды... От тех и на деревьях не спастись. Но они предпочитают обезьян. К тому же шум от нападения слонов, наверное, далеко разогнал опасных хищников. И люди славно выспались, вышли в путь только с рассветом и не очень торопились.

Они шли уже довольно долго, как вдруг громкие крики обезьян заставили всех насторожиться. Мужчины, держа оружие на изготовку, двинулись вперед: обезьяны — лакомое угощение, но надо разобраться, что же происходит.

Дерево осторожно оцепили. Уже подошли и женщины, а все еще ничего нельзя было понять: кто-то, сидевший в дупле, отбивался от обезьян. Но кто? Враг или друг?

Наконец Гау решился, дал сигнал. Несколько метко пущенных камней — и несколько обезьян свалились на землю. Их тут же прикончили, а остальные обезьяны с жалобными криками очистили поле сражения. Ловкий молодой Кас не хуже обезьяны подобрался к дуплу, заглянул в него и отскочил с испугом: на дне, с жалобными и радостными криками, прыгали и протягивали к нему руки странные существа, сплошь покрытые чем-то желтым.

Пожалуй, не плохо пристукнуть их дубинкой, а там видно будет. Кас совсем было к этому приготовился, как вдруг...

— Кас,— услышал он. И снова с плачем и радостными криками:— Кас!

Свои! От удивления волосы Каса встопорщились на затылке. Но его возглас был заглушен отчаянным криком Даны. В слабых звуках, доносившихся из дупла, она узнала голос своего Вака. Одним прыжком Дана оказалась на дереве и, наклонившись, протянула руки в дупло. Вак тотчас же за них уцепился и через минуту уже был на земле, в объятиях счастливой матери. Она прижимала его к себе и не без удовольствия облизывала: запах и вкус фруктовой массы, облеплявшей Вака, были очень приятны. Женщины окружили их. Сочувственно вскрикивая, они деятельно помогали очищать Вака тем же способом. О Раме ни Вак, ни его мать не вспомнили. Но его горький плач разжалобил Каса, и тот не спеша вытащил Рама на свет. Выкупать мальчуганов в реке, разумеется, никто не подумал. Окончательно разогнав обезьян, люди орды сами вперегонки кинулись к веткам, согнувшимся под тяжестью плодов. Они не только наелись досыта, но тоже перемазались основательно и потому кривлялись и веселились до утра.

Оказавшись на свободе, Рам кинулся искать старого Мука. Тот, по обыкновению, уже уселся в стороне на удобном корне дерева и осторожными ударами подправлял обломанный конец рубила. Голоса Рама он не расслышал, грустно качал головой и тяжело вздыхал: Мук горько переживал исчезновение своего любимца.

Рам издали увидел старика, бросился к нему, но почему-то остановился, подошел тихонько и молча опустился около него на корточки. Мук недовольно покосился: не собрался ли какой озорник подразнить его? Но тут же камень вывалился из его задрожавших рук. Со странным криком, словно ему стало трудно дышать, старик обхватил голову мальчика и крепко прижал к себе. Кругом, сытые и довольные, прыгали и кричали люди орды. А старик и мохнатый мальчик молчали, не разжимая объятий. И в этом молчании переживали то настоящее, человеческое, что начинало пробуждаться в их темных, полузвериных душах.

Взрослые мужчины большого внимания на мальчишек не обратили: их больше привлекло обезьянье мясо с приправой из сочных плодов.

Гау же и мясом не заинтересовался: выйдя из-под тени деревьев на открытое место, он стоял неподвижно, опираясь на палицу. Струйка дыма, по-прежнему такая далекая и желанная, приковала его мысли. Морщины на низком лбу сходились и расходились, он тяжело вздыхал и качал головой.

Маа молча издали наблюдала за ним, переводила глаза с хмурого лица на дым — там, вдали, и тоже невольно вздыхала. Наконец, приблизившись, нерешительно протянула к нему сложенные руки, полные желтых плодов. Гау нетерпеливо оттолкнул их. не сводя глаз с горизонта. Маа не обиделась: вежливость не была в обычае людей орды. Она отошла, и Така с благодарностью съела отвергнутое вождем угощение.

А Гау уже опять нетерпеливым криком торопил людей, и те все неохотнее его слушались. Куда ушли счастливые времена, когда каждая удачная охота означала долгий отдых на месте и приятную сытость. Только голод заставлял людей орды сниматься с места и идти до следующей, такой же удачной охоты. Саблезубый тигр, пожар, рыжеволосые — все это прошло. И что же? Теперь сам вождь, Гау, не дает покоя. Конечно, сидеть у огня приятно. Но без отдыха бежать за ним вдогонку, бросать недоеденное жирное мясо, кости, полные мозга... И сколько ни беги — дым как будто не становится ближе. Так стоит ли бежать?

Однако с окриками и колотушками спорить трудно. Ворчащая, исподтишка огрызающаяся орда покинула приветливую тень деревьев. Опасливо оглядываясь, люди вышли на равнину. Равнина была не такая открытая, как та, по которой люди бежали до скал, занятых длинномордыми. Там и тут виднелись заросли кустарников и отдельные группы деревьев. Поначалу как будто ничто не грозило опасностью. Но опытные охотники недоверчиво косились на кустарник — не угадаешь, кто там притаился.

Люди шли дальше, и глаза охотников разгорались. Равнина кипела жизнью. Все чаще встречались новые, незнакомые животные. Неважно какие: мясо — всегда мясо, какая бы шкура его ни покрывала. Но Гау быстро, решительно шел вперед. Урр с дубинкой на плече шагал сзади. Попробуй — остановись.

Страдать от жажды не приходилось: прозрачные журчащие ручьи бежали у подножия деревьев, скрывались в зарослях кустов и снова выбегали на простор. Они все стремились к реке, от которой люди отходили все дальше. Переходить их вброд не представляло ни труда, ни опасности, вода приятно охлаждала горящие натертые ступни и не поднималась выше колен. Но желудки, наполненные одной водой, все сильнее требовали мяса. Наконец и Гау не выдержал: стадо крупных антилоп неожиданно вынеслось из-за дальнего холма и устремилось навстречу кучке утомленных и голодных людей. Послышался легкий свист — сигнал Гау: охота разрешается. Тотчас люди исчезли в высокой траве, как будто их тут и не было. Только колебание отдельных высоких травяных метелок показывало: охотники расходятся широким полукругом навстречу ничего не подозревающим животным. Ближе, еще ближе, круг скоро замкнется, и антилопы окажутся в кольце.

Правая часть кольца уже приблизилась к густой невысокой заросли, как вдруг резкий запах крупного хищника заставил Гау забыть об антилопах. Справа от него, за кустом ивняка, прилег, распластавшись, огромный черногривый лев. Трава и ветви кустарника скрывали его так хорошо, что только легкий ветерок предупредил Гау об опасности. Ветер донес до него запах затаившегося хищника, льву же он помешал почуять близость людей. Поглощенный видом приближающейся дичи, лев не заметил, что он в этом месте — не единственный охотник.

Гау так же бесшумно, как двигался вперед, скользнул назад. Легкое прикосновение — и Руй, его сосед, попятился и передал приказ следовавшему за ним Урру. Опасность, такая близкая и страшная, заставила забыть о голодных желудках. А лев, будто зачарованный зрелищем добычи, которая сама мчалась ему навстречу, ничего не почувствовал. Со своего места, в отдалении, Гау видел, как дрожат за кустом высокие метелки травы. Он понимал: это бьется от волнения кисточка на конце львиного хвоста, лев готовится к прыжку. Если бы не антилопы — в львиных когтях, наверняка, уже билось бы беспомощное тело человека.

Объятые ужасом перед грозной опасностью, люди невольно продолжали следить за приближением антилоп — уже не своей добычи. Антилопы неслись, как ветер. Они двигались плавными скачками и, взлетая на прыжке, поджимали ноги, точно плыли над высокой густой травой.

Ближе, ближе... Но люди уже не ожидали их, осторожно, бесшумно, они пятились, скользили назад, к деревьям с низко опущенными ветвями. Там, на ветвях, они подождут, пока лев насытится и уйдет. Может быть, от крупной антилопы что-нибудь останется...

Но вот антилопы что-то почуяли: как по команде, они взлетели в последнем прыжке, но не вперед, а прямо вверх. Каждая опустилась на то же место, с которого прыгнула — как раз у того куста, за которым билась кисточка львиного хвоста. Вожак высоко поднял голову, длинные рога его, как две пики, устремились вверх. Люди замерли. Охотничья страсть заставила их на минуту забыть об опасности, угрожавшей им самим. И тут огромное желтое тело взвилось над кустом. Белое брюхо сверкнуло в полете, точно грудь чудовищной птицы. Но вожак не успел или не захотел отпрянуть. Острые, как колья, рога приняли на себя всю тяжесть падающего зверя. Тупой мягкий удар — и два золотистых тела распластались на примятой траве. Антилопа не пошевелилась. Лев слегка судорожно дернулся, поднял тяжелую голову, но тут же уронил ее на спину жертвы и затих. Легкий стук копыт испуганного стада замер вдали. Пораженные, охотники долго стояли в неподвижности и молчании. Наконец Руй оглянулся, вздохнул глубоко, будто сбрасывая с себя тяжесть, и издал тихий крик, означавший: «Мертвый!»

— Мертвый,— повторили охотники и придвинулись ближе.— Мертвый, мертвый! — восклицали они, радостно удивляясь.

Но сомневаться не приходилось: острые рога антилопы случайно пронзили насквозь сердце падающего на нее льва. Победитель и побежденный оба были мертвы.

Удивление, страх, дикая радость избежавших смертельной опасности людей — все смешалось в криках и прыжках. Люди орды устремились на добычу. Лев — предмет ужаса и ненависти — лежал перед ними неподвижный, неспособный причинить им зло. Люди дергали его за хвост, рвали усы, садились верхом и барабанили пятками по бокам. Молодой Кас раскрыл львиную пасть и дернул за язык. Голова льва качнулась, пасть закрылась от собственной тяжести, зубы сдавили руку храбреца. С отчаянным воплем он вырвал руку и кинулся к ближайшему дереву. В следующую минуту деревья, как спелыми плодами, украсились мохнатыми коричневыми телами.

Суматоха быстро разъяснилась. Люди с веселыми криками запрыгали обратно с веток на землю, потешались над собственным страхом. Только раздраженный Руй, свирепо рыча, закатил Касу пощечину. Бедный Кас взвыл от боли, орда еще больше развеселилась.

Однако долго смеяться было некогда, разве еда не важнее веселья?

Лев и антилопа быстро превратились в груду мяса и костей. Дымящиеся куски валялись на траве — хватай, кто хочет. Женщины не ждали, когда мужчины наедятся, на обильном пире нет места скупости. Маленькая Си уже без страха приняла великолепный кусок из рук любезного Руя, и женщины не удивлялись.

На счастье, лев, очевидно, был старым одиночкой, и потому за кустами не ждала своей доли супруга-львица.

Отяжелевшие от обжорства, люди лениво забирались ночевать на деревья. Мясо, оставшееся на земле, ночью доедят шакалы и гиены. Но никто не додумался спрятать его на деревьях для утренней трапезы.

Гау веселился, ел мясо и лакомился мозгом вместе со всеми. Но когда сумрак начал спускаться на землю, он вдруг вскочил и, быстро шагая, взобрался на небольшой соседний холмик. Оттуда яснее видна была далекая струйка дыма.

Он стоял и смотрел, пока кто-то осторожно тронул его за локоть. Гау проворно отскочил и взмахнул палицей, чтобы встретить опасность лицом к лицу, но тут же удивленно опустил палицу: около него стояла маленькая сухая фигурка. Мук!

Старик поднял руку и показал на далекую струйку.

— Огонь,— сказал он тихо. Умные старые глаза дружелюбно взглянули в лицо Гау.

— Огонь! — повторил Гау и вздохнул с непонятным ему самому облегчением. Если бы он мог рассуждать, он понял бы: стало легко оттого, что нашелся человек, который ему сочувствует.

Они еще постояли, глядя, как исчезает в сумерках далекая струйка, и спустились с холма, настороженно осматриваясь и прислушиваясь: не годилось людям бродить по земле с наступлением ночи. Они поторопились дойти до деревьев, на которых уже устраивались на ночь люди орды. А люди были очень сыты, и потому их ничто не смущало и не тревожило.

На приветливой равнине не было скал, чтобы загонять на них робких оленей и антилоп, а потом подбирать под обрывом еще трепещу-

щее уходящей жизнью мясо. Но животных было много, и вовсе не пугливых, поэтому охота всегда была удачна. Люди орды каждый день наедались мясом досыта и становились все ленивее и беспечнее. Так же ленивы и беспечны, вероятно, были львы, бродившие по равнине. А может быть, странные двуногие существа, с палками и камнями, казались им не такой желанной добычей, как нежные жирные антилопы. И потому львы на них не обращали внимания. Правда, как-то случилось: ленивый Дук до того объелся после удачной охоты, что вечером не захотел лезть на дерево, а завалился спать в кусты. Разумеется, ночью его кто-то съел, да так, что и шума борьбы вовсе не было. Маленькая лужица крови и след, словно по земле протащили тяжелое... Все, что от него осталось.

Ящериц и прочую мелочь теперь ловили только женщины для забавы маленьких детей, которых становилось все больше. Маа тоже носила на руках малыша и оттого стала совсем равнодушна к Раму. Но ему заботы уже не требовалось: под коричневой кожей на плечах и руках его все явственнее обозначались выпуклые мышцы. Мук все чаще острил и подправлял рубила, затупленные сильными ударами мальчика.

Вак тоже вырос. Он теперь не выпрашивал у матери вкусных кусочков, попросту отнимал у нее, что ему нравилось. И никто не думал вступиться — каждый сам за себя. Однажды старый Мук присел у кустика с куском нежной оленьей печени в руках — как раз пища по старым зубам. Он тихо ворчал от удовольствия и возился, устраиваясь поудобнее. Вдруг чья-то ловкая рука мелькнула перед глазами, и лакомый кусок точно сам выскользнул из его пальцев. Ухмыляющаяся физиономия наклонилась над ним. Вак! Острые зубы мальчишки жадно вцепились в нежную печенку. Поддразнивая старика, он намеревался вкусно покушать. Но тут же два громких крика слились в один: жалобно вскрикнул огорченный старик и еще жалобнее завопил нахальный Вак. Ловкий удар дубинки вышиб у него из руки соблазнительное лакомство. Следующий удар пришелся бы по его голове, но дожидаться этого Вак не стал. Продолжая вопить, он пустился со всех ног наутек, поближе к дереву, под которым дремала его мать — Дана.

Рам молча поднял печенку и протянул ее Муку. Тот принял ее с ласковым бормотаньем. Дотронувшись до сетки, висевшей на боку мальчика, он вытащил из нее блестящее зеленое рубило. Зоркие глаза старика заметили на лезвии маленькую выбоинку, требующую починки. Схватка с Ваком тотчас была забыта. Учитель и ученик удобно устроились между извилистыми корнями огромного дерева. Мук осторожными ударами правил твердое лезвие. Маленькие глаза Рама блестели под нависшими бровями, он то и дело возбужденно вскрикивал и взмахивал руками, повторяя движения старого мастера. Остальные люди орды разбрелись кто куда, отдыхали в тени деревьев, с удивлением оборачивались на радостные крики Рама. Чего тут беспокоиться — смотреть, да еще самому колотить по камню? Проще подождать: Мук сделает новое рубило и отдаст его любому, кто попросит.

Длинные переходы теперь бывали редко, разленившаяся орда двигалась не спеша. После каждой охоты — многочасовой пир, а затём — такой же отдых. Торопиться некуда: пусть Гау бежит, догоняет никому не нужный огонь, а им и так не плохо. Люди орды веселились и толстели, Гау злился и худел. Когда, наконец, ему удавалось заставить их двинуться в путь, он становился впереди и шёл мрачный, не сводя жадных глаз с тонкой струйки дыма там, у самого горизонта.

Урр теперь редко подходил к нему. Великану тоже до смерти надоело поднимать людей в поход, подгонять отставших. Чаще всего рядом с вождем семенил старый Мук. Ему было понятно томление Гау. Он сам стосковался по веселому огню. Огонь грел бы его старые кости прохладной ночью.

Мук давно уже был старше всех людей орды. И теперь, в походе, случалось, старые ноги начинали нестерпимо болеть. Тогда Мук тихо окликал Рама. Тот сейчас же подходил и подставлял коричневое мохнатое плечо — надежную опору старика. Люди орды удивлялись, пересмеивались, Рам не обращал на них внимания.

Зато на привале, когда все отдыхали, Мук, едва опустившись на землю, вынимал из сетки кусок камня и начинал его старательно затачивать. Рам сейчас же оказывался тут же. Его привлекала не только обработка самого рубила: в сумерки каждый удар рождал целый рой ярких искорок. Точно живые, они взлетали, опускались в траву и... исчезали. Затаив дыхание, мальчик и старик следили за их полетом. Только они двое вспоминали в эту минуту, как когда-то в их первой пещере горел огонь, настоящий веселый огонь. Рам тоже брал кусок камня и, обхватив его подошвами ног, как это делал Мук, начинал ожесточенно колотить по нему другим камнем. Но трава, на которую опускались искорки, была недостаточно суха, и золотые глазки огня гасли, не разгораясь, а неумелые руки Рама покрывались ссадинами и синяками.

Муку выпадало не больше удачи. Случалось, в погоне за искрами, увлекшись, он портил хорошее рубило и в досаде швырял его в кусты. Беда была немалая: они шли по равнине, на которой подходящие камни попадались редко. Все надежда оставалась на далекий дымок. И они шли к нему — мальчик, старик и вождь — и вели за собой недовольную ворчащую толпу, не способную заглянуть в завтрашний день ради своего же благополучия. Но эти трое знали, зачем они идут. В их еще несовершенном мозгу уже пробуждалась дремлющая человеческая мысль.

Глава 14

С ОГНЕМ ПРИШЛА БЕДА

Люди шли, останавливались и снова шли. Струйка дыма становилась заметнее. Она поднималась из вершины высокой горы, самой высокой в цепи гор. Равнина кончалась у ее подножия. Склоны гор поросли лесом, виднелись скалистые глубокие ущелья. Уже не струйка, а целый столб дыма поднимается на вершине. Не там ли живет

огонь? Не туда ли нужно за ним карабкаться? Так можно и без него отлично обойтись. Мясо только что убитого оленя теплое, а кровь — даже горячая, если пить ее прямо из перерезанного горла.

Люди орды сбились в кучу перед входом в ущелье. Ну и неприветливо было оно: узкое, темное, от голых каменных стен веяло холодом даже сейчас, в жаркий полдень. По дну его, журча на камешках, струился прозрачный ручей.

Любопытная Си нагнулась, зачерпнула воды и с криком отскочила, отряхивая мокрую руку. Люди орды такой горячей воды еще не знали. Напуганные криком, они отступили, переглядываясь. Вдруг в глубине ущелья что-то ухнуло: сорвался и покатился, прыгая по уступам, большой камень. Эхо подхватило и понесло стук его падения. Шум и гром наполнили ущелье. Стая черных птиц с криками вынеслась из него навстречу людям. Этого было достаточно, чтобы испугаться. В ужасе они мчались назад, в солнечную заросль кустарника, недалеко от входа в ущелье и, задыхаясь, попадали на землю.

Но что это? Глухой яростный рев заставил их тут же вскочить на ноги: кусты затрещали, огромная черная туша, ломая и топча все, что попадалось на дороге, устремилась навстречу. Люди дрогнули. Им хорошо было известно слепое бешенство носорога. Деревьев близко нет, страшное ущелье казалось единственным местом спасения. Рассуждать было некогда. Страх пересилил усталость. Теперь люди мчались обратно к ущелью, еще быстрее, чем только что от него убегали. Путь был короток, но на нем уже пролилась кровь и слышались жалобные вопли: носорог гнался за убегающими, настигая, подкидывал их рогом, топтал ногами. Он ворвался в ущелье с тяжелым топотом, поднимая тучи брызг, бежал вдоль ручья. Однако скользкие камни вскоре утомили его и охладили его пыл. С злобным ворчаньем носорог остановился, повернулся и побрел к выходу. Люди орды остались висеть на скалистых уступах ущелья — кто куда успел заскочить, увертываясь на ходу от разъяренного чудовища. Они были так перепуганы и обессилены, что даже не вспомнили о своей обезьяньей привычке — подразнить побежденного врага.

Носорог уже был у выхода из ущелья, когда проказливая девчушка Кама наклонилась, чтобы лучше его рассмотреть, и соскользнула с уступа прямо ему под ноги. Отчаянный крик матери — Ку — на мгновение озадачил даже это тупое чудовище. Носорог остановился и наклонил голову, словно желая получше рассмотреть маленькое коричневое существо. Ку тут же скатилась со скалы и, подхватив ребенка, кинулась обратно. Еще минута — и она была бы спасена. Но удивление уже прошло, ярость вновь овладела носорогом. Страшный удар настиг и подбросил в воздух несчастную мать с такой силой, что ребенок вырвался из ее рук и, отлетев на несколько шагов, упал в ручей. Маленькая рука на мгновение мелькнула в воздухе и исчезла. Еще раз... Но тут кто-то ловкий и быстрый метнулся к ручью перед самым кончиком рога разъяренного зверя и так же быстро прыгнул обратно на скалу. Одной рукой он удержался за уступ, другой прижал к себе спасенного ребенка. Рам! Он сам не смог бы ответить, как он решился на такой поступок и как успел его совершить. А носорог,

убедившись, что до новой жертвы ему не добраться, последним страшным ударом подкинул вверх изувеченное тело бедной матери и снова двинулся к выходу из ущелья.

Вздох облегчения вырвался было из груди людей орды, но тут же перешел в горестный стон: у выхода носорог повернулся, потоптался и замер, точно безобразная каменная глыба. Но эта глыба жила, ей было мало пролитой крови: она жаждала еще.

Время шло, носорог никуда не торопился. Он перешел немного дальше, в тень раскидистого куста и устроился под ним, головой к ущелью. Он лежал неподвижно, только легкие движения чутких ушей как бы говорили: я плохо вижу, но зато хорошо слышу.

Но слышать было нечего: люди орды, застывшие на каменных стенах ущелья, казалось, и сами превратились в камень. Едва осмеливаясь дышать, они робко переводили глаза от входа в ущелье на тропинку вдоль ручья, узкую, извилистую. За первым поворотом ущелья она скрывалась из глаз. Что страшнее: грозный сторож у входа — носорог или то, что, может быть, таится там, за изгибом ущелья?..

Нужно было решаться, горячая вода ручья пуста: ни рыбы, ни ракушек. На каменных стенах — ни пучка съедобной зелени. Голод сжимал желудки. Путь на равнину закрыт, остается другой — вверх по ущелью...

Гау больше не колебался. Тихий возглас, взмах руки — и темные тела зашевелились бесшумно, как тени, на которые они и походили цветом. Люди орды заскользили с одного уступа на другой, цепляясь за малейшие неровности в стенах ущелья, точно огромные коричневые насекомые. Спуститься вниз не решались: слишком близка уродливая черная голова, слишком чутки безобразные уши носорога. С каждым шагом люди удалялись от выхода на веселую равнину. Сердца их была полны страха, желудки пусты. Третьего пути не было.

Вдруг где-то глубоко внизу послышался гул. Он становился все громче, к нему присоединился грохот падающих камней. Они неслись сверху, прыгали по выступам стен, с громом валились в ручей. Наконец, раздался удар, от которого дрогнули стены ущелья: огромная скала у входа зашаталась и рухнула, закрывая выход на равнину. Грохот ее падения оглушил людей. Они упали лицом на камни и лежали, не чувствуя ожогов от горячей воды, которая взлетала фонтанами от ударов падающих камней. Носорог был забыт.

Но долго лежать было невозможно: перегороженный скалой ручей быстро вздувался, пенился и вскоре заполнил ущелье во всю его ширину. Оно превратилось в озеро, и уровень воды в нем быстро поднимался.

Вверх! Вверх! — Ослепленные брызгами, оглушенные грохотом, люди орды теперь карабкались, прыгали, увертывались от догонявшего их снизу потока.

Рам мчался вместе со всеми. Он спотыкался и падал чаще других, так как хватался за скалы одной правой рукой: левая крепко прижимала маленькое тельце, беспомощно мотавшееся на его плече. Он бежал и плакал от ужаса перед тем, что творилось вокруг. Но ему и в голову не приходило сбросить живую ношу и тем облегчить себя.

Своего голоса Рам не слышал. Не слышно было даже шума воды, кипящей белой пеной. Но она поднималась, быстро и неотвратимо. Остановиться на бегу хоть на минуту — значило погибнуть в водовороте. И люди не останавливались.

Сыпавшиеся сверху камни по чистой случайности еще не погубили ни одного из них, пока они потеряли только раздавленных носорогом. Но люди чувствовали: силы их слабеют, победителем в беге на скорость останется вздыбившийся, ошалевший поток, если не случится чудо...

И оно случилось: мощный удар снова потряс скалы, стены ущелья разошлись, точно сделанные из мягкой глины. Дно его превратилось в бездонную пропасть, и в ней, крутясь и пенясь, исчезла преследовавшая людей вода. Теперь ручей водопадом низвергался в пропасть, зиявшую под ногами застывших на обрыве людей. К их счастью, они оказались все на одной стороне ущелья. Окажись они по обеим сторонам провала — им бы уже не соединиться. Люди орды не знали, сколько времени оставались на выступах скалы, словно птицы рассеянной стаи. Но не было у них крыльев, чтобы спастись из каменной темницы.

Стены ущелья продолжали ворчать и вздрагивать, но грохот теперь отдалялся, точно уходил в глубь потревоженной горы. Дым наверху ее превратился в мощный столб и все плотнее закрывал кусочек неба над ущельем. Начало темнеть. Вдруг Гау схватил за руку Мука, бессильно лежавшего около него на скале.

— Огонь! — сказал он тихо: кричать и у него не было силы.

Мук повернулся. Дымный столб не растаял, как обычно, в темнеющем небе. Он ярко светился: громадные языки огня играли в его толще и выбивались наружу.

— Огонь! — отозвался старик и даже приподнялся на локте, точно это слово придало ему силы.

— Огонь! — повторил детский голос.

Гау оглянулся: это был Рам. Он тихонько перебрался на площадку, где стоял вождь, и, опустившись на камень возле Мука, осторожно положил спасенную им девочку. Измученная страхом и бегством, она спала, но и во сне вздрагивала.

Сам Рам тоже был измучен не меньше, но сейчас он об этом не думал. Маленькие глаза его сияли, придавая лицу почти совсем человеческое выражение. Среди всех измученных, голодных людей эти трое были способны уже почти по-человечески мечтать, забывая ужас и опасность своего положения.

Огонь и среди этого ужаса по-прежнему был их мечтой.

Остальные люди орды, постепенно приближаясь, тоже собрались на площадке, где стоял Гау. На тесноту не жаловались, наоборот, жались друг к другу. От этого становилось немного легче. Чужие мохнатые спины, казалось, защищали не только от промозглой сырости ущелья, но и от непонятных окружавших опасностей. Так, кто сидя, кто лежа, люди орды провели над бездной вечер и ночь. Утро не принесло утешенья: ручей, висевший серебряной ниточкой так близко, был для них недосягаем. Голод и жажда мучили все сильнее, но на

голом камне ни пищи, ни воды не было. Дети плакали, мужчины сердито на них огрызались.

Девочка-сиротка не отходила от Рама. Мальчик и раньше бывал с ней ласков, случалось, угощал то вкусным червяком, то птичьим яичком. Теперь и она начала нетерпеливо теребить его за руку. Мать исчезла, и Кама считала естественным требовать еду от Рама. Но Раму было не до утешений: в голове уже мешались сон и быль. Глухой грохот в глубине горы казался ему рыком догоняющего их носорога. Он то и дело вскакивал, озирался и устало опускался на место, не отвечая на просьбы и слезы девочки.

Столб дыма над горой теперь сиял и светился так ярко, что свет стал виден и днем. А небо все больше темнело, покрывалось тучами и, наконец, горячий вихрь ворвался в ущелье. Он гудел и осыпал людей орды тучами горячего вулканического пепла, затемнившего небо. Пепел засыпал глаза, сушил глотки, сквозь него еле виднелась дразнящая ниточка ручья. И от этого жажда делалась непереносимой.

И тут молодой Ик не выдержал: с отчаянным криком он прыгнул с утеса к живительной струе. Но не допрыгнул до нее и с распростертыми руками полетел в бездну. Ни всплеска, ни удара нельзя было расслышать в грохоте, который шел по-прежнему откуда-то снизу и все усиливался.

Но вот горячий пепел перестал падать, и хлынул проливной дождь. Образовавшийся из паров, вылетавших из вулкана, он был тоже горячий, обжигал голые мохнатые тела, но люди об этом не думали. С радостными криками они подставляли сложенные ладони и пили, пили... Матери набирали из ладоней воду в рот и изо рта поили детей. Малышка Кама не умела складывать ладони, Рам подставил ей свои, полные горячей грязной воды.

Вскоре дождь прекратился. Прошел и этот день, наступил новый. Гора грохотала и гудела. Жажда была утолена, теперь голод постепенно заглушил в людях все другие чувства. Мужчины с рычаньем топтались на тесной площадке, переглядывались... Матери поняли: они начали хватать и прижимать к себе детей, старались спрятать их в трещинах стены, глаза их загорались страхом и ненавистью. Незаметно орда разделилась: мужчины столпились на одном конце площадки, женщины с детьми теснились на другом. Они непрерывно двигались: передние отчаянным усилием втискивались в задние ряды, но их тут же выжимали те, которые теперь оказались впереди. Развязка приближалась...

Рам с девочкой на руках оказался один посредине площадки. Вдруг Руй растолкал окружавших его мужчин. Со свирепым рычаньем, одним прыжком, он оказался около Рама. Сильная рука сорвала с его плеча вскрикнувшего ребенка, Руй замахнулся, готовясь размозжить ему голову о камень. Мужчины, толкаясь, тесня друг друга, кинулись к нему — не упустить своей доли... Но тут страшный толчок бросил всех на землю: стены ущелья вновь зашатались, не дымный, а огненный столб поднялся над вершиной горы. Рам, падая, успел подхватить девочку, которую Руй выпустил из рук. Новый удар чуть не сбросил людей в пропасть, куда низвергался ручей. Прошло немало вре-

мени, пока они осмелились поднять головы, осмотреться. Послышались редкие восклицания удивления, радости. Люди становились на четвереньки, медленно поднимались, не понимая, что случилось. Стены ущелья раскололись от страшного удара, и вверх от площадки, на которой они стояли, теперь шла трещина, точно узкая тропинка. Выход из ущелья! На свободу! Страшное пиршество, какое готовили мужчины, было забыто. Шатаясь от слабости, люди бросились по открывшейся перед ними дороге.

Старый лес покрывал гору в том месте, куда вывела их новая тропа. Листья на деревьях и на кустах свернулись, засохли, обожженные горячим пеплом. Люди шли, бежали, сколько позволяли ослабевшие ноги. Они со страхом оглядывались то на ущелье, чуть не погубившее их, то на огненный столб справа высоко на вершине горы. Вдруг передние остановились так внезапно, что задние едва не столкнули их вниз: дорогу пересекало второе ущелье, еще более глубокое. Оно тянулось вниз от самой вершины горы, и по нему двигалась огненная река. В глубине ущелья она светилась и искрилась. Кусты по стенам ущелья пылали.

Люди орды видели извержение вулкана первый раз в жизни. Но они вспомнили лесной пожар, бегство вперегонки с обезумевшими зверями... Первобытный ужас перед огнем овладел их сердцами. Окаменев от страха, они смотрели, как, медленно вздуваясь, поднимается к их ногам огненный поток.

Вдруг из ущелья взметнулся вихрь, дохнул на них отравленным раскаленным воздухом, осыпал искрами с пылающих кустов. Люди точно проснулись и с громкими воплями отскочили от края.

Бежать! Но куда? Позади ущелье, из которого они только что выбрались, впереди — огненная река. Оставалась одна дорога: вниз по склону горы, к приветливой равнине, откуда Гау привел их сюда.

Носорог? О нем больше не вспоминали. Разве могло быть что-нибудь страшнее огня? Люди мчались с горы, ломая кустарник, натыкались на деревья, падали и катились по склону кувырком, заражая друг друга все нарастающим страхом. Гау не пробовал их останавливать. Общее бегство захватило и его, он мчался и оглядывался вместе со всеми. Но в его маленьких упрямых глазах был не только животный страх: не он заставил его морщиться и тяжело вздыхать. Его тонкие губы усиленно шевелились.

— Огонь! — произнес он тоскливо. И опять повторил: — Огонь!

Глава 15

МУК — ХОЗЯИН ОГНЯ

Густой кустарник, через который люди продирались почти вслепую, кончился у подножия горы. Один за другим выбегали на равнину отставшие и, задыхаясь, останавливались в полном изнеможении.

Гул и грохот, подземные толчки продолжались. Столб дыма на вершине стал еще гуще, но огненный поток спускался с горы где-то по другой дороге, с этого места его не было видно. Равнина лежала

перед людьми такая, какой они привыкли ее видеть, если бы не слой пепла, покрывавший траву и листья деревьев. Странно было также полное отсутствие жизни: исчезли стада стройных антилоп и высоких жираф, ушли слоны и огромные нелетающие птицы. Удивительный инстинкт вовремя предупредил их об опасности, которой не почувствовали заранее люди. Они не знали, что носорог-мать осталась здесь потому, что в кустах лежал ее детеныш со сломанной ногой.

Люди уже собрались у подножия горы, как вдруг из гущи кустов на склоне раздался детский крик. Они испуганно шарахнулись в сторону, хотя в крике слышалось скорее не страх, а удивление. Крик повторился, его узнали. Кричала маленькая Си. Тотчас же, покрывая ее голос, прогремел ответный мощный рев мужской глотки: расшвыривая стоявших на пути, назад в кусты устремился свирепый Руй.

Мужчины, увлеченные его примером, двинулись было за ним осторожно, но его новый крик заставил их забыть об осторожности, обо всем, кроме желания обогнать других.

— Есть! Еда! — означал клич Руя, и орда с шумом вломилась в самую гущу кустов. Огромный олень последним усилием попробовал подняться навстречу, но тяжело повалился на бок: ноги, изломанные в поспешном бегстве с горы, ему не повиновались. Тяжелое каменное рубило Руя тут же прекратило его страдания. Люди радостными криками сзывали отставших.

Мяса, жирного и горячего, хватило на всех. А когда от оленя остались чисто высосанные кости, матери перестали бояться мужчин и прятать от них детей: опасными они становились, когда голод требовал сохранения жизни взрослого за счет жизни ребенка. Теперь голода больше не было, а прошлого никто вспоминать не собирался.

На этот раз вместе с сытостью не пришла обычная беспечность: гул и грохот, непрерывное содрогание почвы не давали забыть об опасности. Страх шел по пятам; горячий ветер кружил головы. Едва насытившись, люди поспешили опять вниз, на широкий простор равнины, прочь от опасностей огненной горы. Никогда еще они не слушались с такой готовностью голоса Гау, звавшего в путь. На равнине, не сговариваясь, все как один, повернули налево: река, широкая и спокойная, вспомнилась им и манила золотистыми отмелями, тихими заводями, полными рыбы и ракушек, свежим воздухом, не отравленным дыханием страшной горы, прохладой. Огонь внушал им теперь такой же страх, как животным, всегда от него убегавшим. Всем... кроме Гау, Рама и старого Мука. Но их об этом никто не спрашивал, да и они не сумели бы ответить на вопрос — что делается у них в душе.

Как далек был путь до реки? Этого люди не знали. Их дорога от реки до горы прошла в беззаботности. Полные желудки не располагали к спешке — каждый день был хорош по-своему, и нечего было торопиться менять его на следующий. Но теперь... Все, что могло бегать и летать, разбежалось и разлетелось с их пути, равнина опустела. Исчезли не только легкие антилопы и грузные слоны. Дети и женщины напрасно шарили в траве, поднимая облака удушливого пепла: юркие зеленые ящерицы, такие нежные и вкусные, тоже куда-то поде-

вались. От голода спасала пока жирная толстобрюхая саранча. Она во множестве облепляла запыленные стебли травы: ей все годилось.

К концу первого дня пути саранчой заинтересовались и мужчины. Стало ясно, что на охоту скоро рассчитывать не придется, а значит нечего тут и задерживаться. И люди шли не задерживаясь, на ходу горстями набивали рты жирной саранчой. Хорошо, что у нее еще не отросли крылья и не на чем было улететь из гиблого места.

Гау шел впереди. Только он и Руй сохранили во время бегства с горы каменные рубила, выточенные старым Муком, да Урр подобрал у подножия горы новый камень, тяжелее прежнего. Остальные мужчины выломали голыми руками крепкие дубинки: кто знает, что может встретиться на пути?

Люди шли и слушали, как земля по временам вздрагивает, точно под ней кто-то ворочается, большой и сильный. Так им казалось, и от этого было очень страшно, и они, оглядываясь и вздрагивая, убыстряли шаги.

Однако как люди ни торопились, проклятая гора точно не хотела с ними расставаться. Когда спускалась ночь, огненный столб по-прежнему близко стоял на небе перед их испуганными глазами. Люди всхлипывали от страха, рычали от злости, отворачивались, лежа на помостах, сделанных наспех к ночи на деревьях. Напрасно. И, отворачиваясь, они чувствовали: столб — вот он, стоит за спиной.

Гау не отворачивался. Уже взобравшись на помост, он подолгу сидел, обхватив руками колени, не отводил глаз от сияния там, наверху горы. Губы его тихо шевелились. Маа, засыпая около него, слышала одно и то же знакомое слово.

— Огонь! — тихо выговаривал Гау. И опять через малое время повторял: — Огонь!

— Спать! — шептала в ответ Маа.— Спать!

Она тоже говорила тихо, даже тише, чем Гау: не годится женщине указывать мужчине, как ему следует поступать.

С каждым днем люди шли все дальше. Гул и грохот под землей становились тише, а пепла на растениях — меньше. Антилопы не показывались, но появилось множество степных черепах. Люди были сыты и шли веселее. К тому же страшная гора уже осталась далеко позади. Огненный столб исчез, на его месте поднималась прежняя тоненькая струйка дыма, а вечером и ночью ее и вовсе не было видно. Люди успокоились, крепкие панцири черепах можно было дробить любым камнем, подобранным на дороге. Жизнь опять налаживалась.

Огонь совсем не был нужен, простое упоминание о нем раздражало и злило.

— Огонь! — сказал раз тихонько Рам и, потянув Мука за руку, показал на исчезающую вдали струйку дыма. И тут же вскрикнул и пошатнулся: сердитый Руй отвесил ему такую затрещину, что мальчик еле удержался на ногах. Руй не желал и слышать этого слова, самый звук его напоминал о перенесенных страданиях.

Мук грустно посмотрел на мальчика, но вступиться не решился: Руй не терпел, чтобы вмешивались в его дела.

Чем дальше люди орды отходили от страшной горы, тем сильнее Мук тосковал по чудесным ярким языкам огня, по его веселому звонкому голосу. Вечером, если дневной переход не очень утомлял старика, он вытаскивал из сетки несколько подобранных на ходу камней и принимался за работу. Веселые искры золотыми мухами разлетались в стороны, две пары глаз, забывая про сон и отдых, жадно следили за ними. Глаза Гау и Рама. Часто, увлеченный игрой золотых мух, старик неловким ударом портил уже заостренное ребро камня.

А люди все шли. Наконец, гул и грохот превратились в тихие вздохи, там, глубоко под землей. Пепел не покрывал уже свежей зелени растений, а между деревьями замелькали стада легких антилоп. Люди орды, изленившиеся на ловле медлительных черепах, снова сделались ловкими, осторожными охотниками. Они уже не смеялись над старостью Мука, не дразнили его, а часто сами приносили ему нежную оленью печенку в обмен на отточенные каменные рубила.

Повеяло свежестью близкой реки. Люди останавливались, принюхивались, во всю ширину раскрывали рты, стараясь захватить как можно больше чудесного влажного воздуха. Они прыгали, били себя в грудь кулаками, падали и с радостными криками катались по земле. Гора, огненная река — все было забыто.

На золотистой полосе заката впереди зачернела линия раскидистых деревьев: берег! Лесистый берег долгожданной реки! Не сговариваясь, люди орды кинулись бежать. Они мчались, опережая друг друга и не думая об опасностях, которые могли таиться в прибрежных кустах.

Ближе, ближе... Узкая полоса леса, тянувшаяся по берегу, не задерживала их бега. Они остановились, задыхаясь, лишь на крутом обрыве над самой рекой. Но это было не то место, откуда люди орды покинули ее, направляясь к горе, в поход за огнем. Скалистый берег здесь оказался высок и крут, с обрыва извивалась по уступам тропинка, протоптанная зверями, ходившими на водопой. Она петляла и спускалась к широкой золотистой отмели, где можно было погреться.

Едва передохнув, люди с веселыми криками бросились по тропинке вниз, к сладкой речной воде, не отравленной пеплом, как ручьи, поившие их в дальнем странствовании. Запыленные, с забитыми пеплом волосами, они припадали к воде всем лицом. Утоляя жажду, вода обмывала темные лица, смывала грязь с рук, на которые люди опирались.

На опустевшем берегу остались три человеческие фигуры, ясно видные на фоне закатного неба. Они не смотрели вниз на реку, наоборот, повернувшись к ней спиной, не отводили глаз со стороны, откуда пришли.

— Огонь! — проговорил Гау.

— Огонь! — отозвался старый Мук.

— Огонь! — повторил мальчишеский голос.

Чуть видная издали тонкая струйка дыма стояла на горизонте.

Еще через минуту все трое повернулись и спустились вниз, к коричневым телам, припавшим к воде на золотистой отмели. Там они пили и веселились, как все. Рам смеялся, глядя, как кувыркается на песке, точно забавная обезьянка, маленькая Кама, но тут же вскипел и отвесил затрещину негодному Ваку: тот больно ущипнул девчушку, чтобы позлить его, Рама, и получил по заслугам.

Остальные люди орды веселились от всей души: больше они не пойдут добывать страшный огонь, который их чуть не уничтожил. Здесь еды сколько угодно: равнина полна непуганых антилоп и прочей живности, что будет дальше — об этом они не думали.

Вечером, карабкаясь наверх, чтобы устроиться на деревьях, люди наткнулись в обрыве скалы на великолепную пещеру. Совсем такую, как та, из которой их выгнали страшные рыжеволосые. Воспоминания о пещере, о рыжеволосых были еще так свежи в их памяти, что некоторые женщины, уже стоя у входа, вскрикивали и оборачивались, точно ожидая: вот-вот из кустов раздастся страшный вражеский клич. Но клича не было, а пещера была просторная и сухая, пол у входа покрывали сухие листья, занесенные ветром с соседних кустов.

Постепенно, вскрикивая и пересмеиваясь, люди все забрались в пещеру. Густые кусты, разросшиеся у входа, отлично закрывали ее от ветра. В желудках ощущалось приятная полнота, сытость от съеденной днем жирной молодой антилопы. Люди подгребали под себя сухие листья, садились и, опустив головы на колени, постепенно затихали. Это было удобнее и проще, чем строить на деревьях помосты.

Наконец, говор и шум стихли окончательно. Не успокоился, не заснул лишь старый Мук. Присев на кучу листьев, он опять принялся за свои куски камня, которые вытащил из травяной сетки. Он перебирал, обнюхивал их, пробовал на зуб и, довольный, покачивал лохматой головой. Иногда он ударял одним камнем о другой и, наклонив голову, прислушивался к звуку удара.

Люди перестали дремать. С напряженным вниманием они следили за тощими мохнатыми руками. Ведь лучше старого Мука никто не умел обтесать камень. Свои каменные рубила многие потеряли в страшном бегстве от огня, и Мук не успел еще для всех изготовить новые. Поэтому люди орды на этот раз не рассердились, что он нарушил их покой. С завистью и надеждой они косились друг на друга и прислушивались к ударам ловких старых рук.

Урр тоже лениво повернул голову и взглянул на работу Мука. Приподняв свой огромный камень, он тихонько покачал его в страшных лапах, опустил, зевнул и, привалившись к стене, опять задремал. Ему легкие игрушки не нужны.

Рам давно проснулся и осторожно высунул голову из-за спины Маа. Не отрываясь, следил он за работой Мука: рот его полуоткрылся, крупные зубы блестели почти так же ярко, как маленькие глаза под нависшими бровями.

Но вот Мук выбрал подходящий камень. Он довольно забормотал, сидя, зажал камень подошвами ног и начал ловко ударять по нему другим камнем. Осколки полетели вокруг, яркими звездочками вспыхивали и угасали маленькие искры. Здесь, в полумраке пещеры, искры светились особенно ярко. Попадая на сухие листья и стебельки травы, некоторые угасали не сразу: как маленькие глазки-огоньки, выглядывали они между стебельками.

Рам опять затосковал по огню, по его веселым горячим языкам. Словно мохнатая ящерица, он осторожно подползал на животе все ближе к Муку, не отрывая от него глаз, а Мук бормотал все громче, ударял все сильнее, быстрее. Искры целыми стайками спускались на сухие травинки...

Рам нетерпеливо приблизил к ним лицо, широкие ноздри его почувствовали легкий запах, так похожий на запах угасающего костра... Вот на один листик сразу упало несколько искорок, перед самым лицом мальчика. Он жадно, всей грудью, вдохнул запах гари, закашлялся и невольно с силой выдохнул набранный в грудь воздух. Дыхание его коснулось роя искорок, они светились ярче, запах дыма усилился... Вдруг чуть заметный огонек пробежал по травинке, перекочевал на другую, раздался легкий треск — знакомый Раму голос огня...

Но его тут же заглушил громкий визг Мука: струйка огня лизнула его мохнатую ногу. Камни покатились в разные стороны, Мук вопил и прыгал, поджимая ногу, не столько от боли, сколько от неожиданного испуга.

Еще минута — и вся куча сухих листьев, на которой только что сидел Мук, вспыхнула и загорелась. Дым наполнил пещеру. Люди с криком вскочили, столпились у выхода. Гау не испугался. Он давно уже, не отводя глаз, следил за работой Мука. И теперь, шагнув ближе, поднял ветку, принесенную кем-то в пещеру, и поднес ее к огню. Могучая волосатая рука дрогнула. Не дыша, Гау следил, как огонек задержался около ветки, лизнул ее, точно пробуя на вкус, и... закраснелся, поднялся кверху длинным тонким язычком. Ветка загорелась. Громкий крик Гау, отдаваясь под сводами пещеры, оглушил орду: свет, тепло, защита от зверей — все, чем раньше радовал людей огонь, было забыто. Они помнили лишь страшное бегство от огненной реки. Крик и вой десятка глоток заглушил голос Гау. Не помня себя, люди кинулись из пещеры; в вечернем сумраке, спотыкаясь и падая, они скатились на отмель и остановились, прижимаясь друг к другу, с ужасом глядя вверх на отверстие пещеры.

В пещере остались Гау, Мук и Рам.

Огонь уже ослабевал.

— Есть,— озабоченно проговорил Гау.

Но Рам уже выскочил из пещеры и теперь возвращался, таща охапку хвороста, принесенного рекой на отмель.

А у входа в пещеру начали показываться коричневые физиономии самых храбрых людей орды. Страшно тараща глаза и гримасничая, они наблюдали, как умело и спокойно Гау и старый Мук кормят удивительно опасного зверя — огонь. Вспоминая прошлые неудачи, они кормили его осторожно, небольшими веточками, и он грыз их с веселым,

совсем не страшным хрустом. Из женщин одна Маа не убежала из пещеры, она сидела позади Гау, прижимая к себе спящего ребенка. Видя это, и остальные женщины, а за ними мужчины осторожно начали пробираться обратно в пещеру. Усаживались сначала подальше от огня, даже не осмеливались громко кричать. Воспоминание о первой пещере, о костре, распространявшем вот такое же приятное тепло, возникнув, сразу вытеснило из памяти ужасы огненной реки. Коричневые руки все смелее начали протягиваться к огню, люди пересаживались, теснились, поворачивались к костру боками и мохнатыми спинами, стараясь перехватить побольше тепла.

В пещеру натащили уже вороха сухого хвороста, но Гау сердитым окриком остановил Рама, который собрался сунуть в костер целую коряжину. Люди с завистью смотрели, как старый Мук осторожно подносил к костру то одну ветку, то другую и как огонь грыз их с веселым хрустом, точно ребрышки молодого оленя. Мук — хозяин огня. Теперь уже ни один задорный юнец, наверное, не посмеет подразнить его, толкнуть, выхватить из рук вкусный кусочек...

Вскоре, однако, костер перестал быть новостью. Люди к нему присмотрелись, привыкли и, разморенные теплом, заснули, сидя кружком вокруг огня и положив головы на согнутые колени. Заснул и старый Мук, но и во сне держал в руке ветку, которую собирался положить в огонь.

Не спал один Гау: он сидел в общем кругу, обхватив руками колени, но не опускал на них головы. Он смотрел на пламя костра, осторожно подкидывал в него ветки. Глубокие морщины собирались на его низком лбу. Гау смотрел и думал, пока глаза не заломило от света, а голову — от непривычных неясных мыслей. Как удивился бы он, если бы мог знать — какое великое открытие совершили сегодня они, когда, первые из всех людей, сумели сами развести в пещере первый огонь.

Огню суждено было гореть в этой пещере, не угасая, тысячи лет. А еще через сотни тысяч лет в пещеру придут ученые. По остаткам костей, угольков и каменных орудий они разгадают историю жизни первых людей на Земле. Но Гау знал только то, что он мог знать. Он заботился о том, чтобы сегодня не погас в его пещере огонь, и радовался, что пещера эта надежно охраняет орду от холода и врагов. А Рам, побежденный волнением и усталостью, спал. Но сон его был не крепок, часто вздрагивая, он просыпался и пристально смотрел на огонь, точно сквозь сон вспоминал другую пещеру, огонь и теплый мохнатый бок приемной матери-собаки. Вздыхая, он вспомнил ее последний предсмертный визг и свои горькие слезы. Но Рам не мог знать, что через много, много лет другие собаки сделаются лучшими друзьями и помощниками человека.

Людям орды сейчас было светло и тепло. В их опасной, трудной жизни это был редкий отдых, и они радовались ему, не зная будущего и не думая о нем.

ОСТРОВ МУЖЕСТВА

Смелые русские промысленники — поморы с севера русской земли — уже несколько сотен лет тому назад, не боясь опасностей, уходили в море ловить рыбу, бить тюленей, моржей. Иногда добирались они и до дикого заполярного острова Шпицбергена (поморы называли его Грумант). В то время моржи и тюлени там водились во множестве. Поморы уходили на больших лодках-карбасах, с веслами и парусом из оленьей кожи. Трудна и опасна была их жизнь.

В 1797 году, почти 200 лет тому назад, вышел в море на охоту за морским зверем такой карбас. Кормчим на нем был опытный моряк Алексей Химков. Взял он с собой в первый раз сына-подростка Ванюшку. Случилось так, что осенняя буря занесла их к самому Шпицбергену. Шесть долгих лет они прожили на острове и вернулись домой. Об их трудной жизни, опасных и удивительных приключениях рассказано в этой повести.

Глава 1

ВПЕРЕГОНКИ СО СМЕРТЬЮ

Не понять было, где кончается край земли и начинается море: лед у берега и берег — все было покрыто снегом. Мутное небо казалось чуть темнее белой земли, на нем видно солнце — беловатый без блеска кружок. Недалеко от берега, под навесом скалы, стоит маленькая, тоже засыпанная снегом избушка. На бревенчатой крыше тяжелые камни, чтобы не унесло ее бурей. Дверь низкая, не нагнувшись не войдешь, но снегу около нее было мало: скала с этой стороны хорошо защищала избушку от ветра.

Около избушки вдруг что-то шевельнулось — белое, большое. Блеснули две черные точки — глаза, между ними третья — нос: они только и заметны на белой узкой голове.

Медведь шел уверенно, видно, не первый раз обходил избушку, хоть жилым духом от нее не пахло: кто знает, куда делись ее строители, не лежат ли здесь, в мерзлой холодной земле?

Медведь встал на задние лапы, головой достал до крыши. Опустился, лапой скребнул оконце без стекла, маленькое, изнутри задвинутое доской, провел лапой, точно почесал у себя за ухом и вдруг... живо повернулся к морю, да так и застыл... Там, в мутной дали, двигались люди. Их было четверо, они шли через разводья, прыгали с одной льдины на другую. Идти было опасно: легко сосколь-

знуть в воду, а льдины качнутся, соединятся, и не станет ни разводья, ни человека. Но люди шли смело, держались за веревку, которой накрепко связались друг с другом. Если один поскользнется, провалится — другие его за веревку вытянут. Так шли они все ближе к берегу. Знали: если дойдут — спасутся!

Медведю не видно было, что дальше от берега, куда не хватает его чутья и слуха, между льдинами стояло судно-карбас, такой маленький в ледяной пустыне. Зима захватила его в пути, льды затерли, домой в Архангельск ему не добраться. Не знал медведь, что эти четверо решились пойти на разведку: если цела на берегу старинная избушка — все люди с карбаса в нее переберутся зимовать. Карбас сейчас в большой опасности: давят, режут ему бока острые льдины. Надо торопиться. И люди шли все ближе, скоро должны ступить на берег. Медведь людей еще в жизни не видел. Сытый на них и не подумал бы охотиться: с него довольно морского зверя. Но вот он переступил с ноги на ногу, и стало видно: хромает на переднюю ногу. Хромому морской зверь — трудная добыча. Голод томил его, бока впали, живот поджат: такому все живое годится, лишь бы добраться, зацепить острыми черными когтями на здоровой лапе. Может быть, эти незнакомые — легкая добыча?

Медведь тихо зарычал и притаился за высоким камнем, покрытым снегом. Ждал. Он понимал: люди, если доберутся до берега, обязательно пройдут мимо этого камня. Медведь еще раз высунулся, нервно зевнул во всю пасть и опять затаился. Ждать он умел.

Люди подходили все ближе к твердому льду у самого берега. Но тут с моря рванул ветер, и страшный грохот заглушил его свист. Весь лед пришел в движение: льдины полезли друг на друга, разводья между ними сомкнулись, поднялась белая ледяная стена и с грохотом двинулась к берегу. Льдины, точно живые, карабкались друг на друга, боролись, падали. Люди, не глядя под ноги, бежали к берегу изо всех сил, снег слепил глаза, а белая стена все росла и неслась за ними по пятам, забирая все встречные льдины... Вот-вот догонит и обрушится...

Может быть, люди кричали, но слышать друг друга не могли. Однако в отчаянном беге они не бросили веревки, за которую держались, и потому не потеряли друг друга. Вместе они выбрались на плотный лед, задыхаясь, добежали до берега и вскарабкались на него. А ледяная стена, немного их не догнав, остановилась, наклонилась и обрушилась.

Все исчезло в непроглядном вихре. Все еще держась окоченевшими руками за веревку, спотыкаясь, люди шли один за другим мимо камня, за которым ожидал их медведь. Он мог бы лапой достать до каждого. Но ярость бури испугала даже зверя. Пятясь, он втиснул грузное тело в расщелину между глыбами камня, лапой прикрыл острый черный нос и прижмурил глаза. А люди шли все дальше и вдруг остановились пораженные: вой бури смолк так же внезапно, как начался. Крутящийся снег опустился, лег на землю, и в полутьме явилось перед ними то, на что они надеялись: маленькая, засыпанная снегом избушка. Это была удивительная случайность, почти чудо: они, в слепом беге, вышли на берег именно в этом месте и не прошли

мимо избушки, полускрытой скалой. Но люди слишком измучились, чтобы удивляться.

— Дошли! — сказал передний, точно это так и должно было случиться. Остальные молчали: на слова не хватало сил.

Еще несколько спотыкающихся шагов — и тяжелый деревянный засов на двери отодвинулся от слабого нажима руки, словно его двигали каждый день, и дверь распахнулась. Вторую дверь, из сеней, в темноте открыли ощупью. Войдя в избушку, наткнулись на нары, повалились на них, да так и остались лежать.

Кто из них перед этим догадался захлопнуть дверь в сени, задвинуть на ней тяжелый засов и этим спас всем жизнь — этого потом они так и не могли вспомнить.

Глава 2

МЕДВЕДЬ УПУСТИЛ УЖИН И ПРИШЕЛ ЗА ЗАВТРАКОМ

В темноте избушки было не разобрать, начался ли день. Но холод, всю ночь пробирающийся в усталые тела, наконец сделался сильнее усталости и разбудил людей. Раздался вздох, сдержанный стон... Нелегко просыпаться в зеледенелой одежде, в мокрых сапогах, когда все тело жалуется, просит тепла.

— Оконце-то есть ли? — проговорил кто-то, и слышно было, как, нащупывая, провел рукой по стене.— Есть, нашел!

Доска зашуршала, отодвигаясь, в избушке посветлело, но стало еще холоднее: стекла в окне не было, и морозный воздух волной прокатился по полу.

— Собираться надо. Наши на карбасе заждались, чай,— сказал, видимо, старший низким сильным голосом. Поднимаясь с нар, он выпрямился и почти достал головой до крыши: потолка в избушке не было. Плечи кормщика по ширине были под стать росту, полушубок на нем выглядел не так велик, а кому другому сгодился бы на целую шубу.

— Поднимайтесь, ребята,— повторил он негромко, видимо, привык, чтобы слушались его скоро.— Ванюшка-то вовсе замерз поди,— договорил он мягче.

— Мало-мало замерз, тятя,— неожиданно отозвался детский голос.

Мальчик лет десяти проворно соскочил с нар. Лицо его было обморожено, кожа стянулась и потемнела, как и у взрослых, но большие глаза смотрели еще по-детски доверчиво, а обветренные губы вот-вот готовы были улыбнуться. Он посмотрел на отца и, правда, чуть не улыбнулся, да вовремя сдержался: не такой обычай у поморов — отец старшой, не ровня мальчишке, с ним шутки шутить не положено.

— Замерз, тятя,— повторил он уже степенно, как полагается.— Руки вот в рукавицах застыли, в них и ночевал. Помахаю, живо разогреюсь.

Скинув рукавицы, он дунул на пальцы и широко взмахнул руками.

— Вот и добро,— отозвался отец, наблюдая за ним с видимым

удовольствием.— Не та спина у груманланов, чтоб бояться океанов, верно я говорю? — шутливо повторил он старую поморскую поговорку.

— Верно,— откликнулся мальчик и так и просиял в улыбке, видно, только и ждал отцова одобрения.— А ну, глянь, я еще и не так могу...

На этот раз он размахнулся так широко, что сбил шапку с головы медленно поднимавшегося с нар человека. Тот сердито вскрикнул, одной рукой подхватил шапку, а другой так толкнул мальчика, что тот, пошатнувшись, едва удержался за стенку.

— Ой,— охнул он и схватился за грудь, видно, удар был не слабый. А человек, усевшись на краешек нар, снова глубоко нахлобучил шапку на голову и так и остался сидеть, уставившись сердитыми маленькими глазками на какую-то точку в полу.

— Размахался , словно с радости,— проворчал он раздраженно,— нашел чему радоваться. Ступай на волю, да там и выламывайся.

— Я не понарошку, дядя Федор, не серчай,— смущенно отозвался мальчик. Но на волю выходить не собирался. Тихонько потирая застывшие пальцы, он теперь не сводил глаз с кудрявого высокого парня, чуть пониже самого кормщика. Едва поднявшись с нар, тот живо схватил лежавшее рядом ружье, любовно, точно за ночь о нем соскучился, погладил длинный ствол, вытащил из-за пазухи маленький кожаный мешочек.

— Руки завязки не держат, шибко замерзли,— пожаловался он,— а ну спробую. Ванюшка, помогай. Ремешок затянулся, развяжи.

— Я сейчас, Степа,— заторопился мальчик.— А ты на пальцы подуй, подуй, как я.

Он старательно захлопотал около мешочка, по-ребячьи обрадовался, когда удалось развязать затянувшийся ремешок.

— Держи кремень-то,— торопил он.— А кремень — гляди, от пазухи еще теплый, ставь, покуда не застыл.

— И вправду, помощник,— усмехнулся Степан.— Гляди, сейчас пороху на полку подсыплем сухого, а вот и...

Он взвел курок тяжелой пищали[1], вынул из раструба курка кремень, вставил другой, что из мешочка достал.

— Почто балуешься, Степан,— проговорил старший укоризненно,— порох без расчету тратишь. Не на промысел ведь идем.

— Сготовиться надо,— весело отозвался Степан, старательно зажимая кремень винтом.— Земля чужая, неведомо кто нас с порога приветит. Тогда, поди, не время будет порох на полку подсыпать. Я...

Но тут в сенях послышался странный звук, словно кто-то с силой рванул дверь, стараясь ее открыть. Еще раз! Все настороженно прислушались.

— Ванюшка,— тихо сказал отец.— Ну-кось, отвори. Степан, и вправду, сготовься!

Ванюшка шагнул к двери, отодвинул тяжелый засов и тут же пулей отлетел в сторону. Дверь распахнулась, отбросив мальчика, и

---

[1] Пищаль — охотничье ружье.

ударилась о стенку со страшной силой, а в просвете, целиком его заслоняя, стала огромная белая туша. Медведь! Вчерашняя вечерняя буря утихла, но медведь из-за нее упустил ужин. Теперь он пришел за завтраком.

Казалось, его удивило количество людей в избушке. Маленькие черные глазки забегали с одного на другого, как будто затрудняясь — с которого начинать. Неожиданно медведь широко открыл пасть и протяжно зевнул. Ванюшке на всю жизнь запомнилось: один клык огромный, желтый, другой сломан, под самый корень. Минутная задержка, но люди успели прийти в себя. Кормщик медленно, осторожно завел руку за спину, потянул лежавший на нарах топор.

— Степан,— тихо проговорил он,— в глаз цель, а я по загривку...

Медведю не понравился человеческий голос: он глухо зарычал и пригнулся, задние ноги подобрал под себя, готовясь к прыжку. Выстрел в избушке оглушил всех, в то же мгновение топор мелькнул в воздухе и глубоко врубился в мохнатый затылок. Медведь попытался подняться на дыбы, но вдруг осел и повалился на бок, загораживая огромным своим телом выход из избы. Когти страшных лап, вытянутых в последней судороге, почти дотянулись до людей, сбившихся в тесную кучу у самых нар. Так стояли они долго. Наконец, кормщик шагнул и с трудом освободил топор, плотно засевший в разрубленной шее.

— По чью-то душу приходил,— вымолвил он. Всегда спокойный голос его слегка дрогнул, на минуту он прикрыл глаза рукой, отнял ее и сказал уже так, будто ничего особенного и не случилось: — А ну, помогай тащить, ребята, а то к двери и проходу не стало.

Но и всем вместе едва удалось сдвинуть к стене огромную тушу медведя и освободить проход к сеням.

— Струхнул здорово? — спросил Степан Ванюшку.

Он говорил весело, словно бы ничего особенного и не произошло, хоть дышал еще приметно неровно. И было с чего: Степан молод годами, а охотник бывалый, но медведя в избе и ему бить не доводилось.

— Аж сердце зашлось,— искренне ответил мальчик и тут же повернулся, посмотрел на отца — ладно ли сказал? Но тот спокойно кивнул головой.

— У каждого, небось, сердце зашлось,— сказал он.— А что требовалось, сполнили.

Степан закраснелся от радости. Кормщик на похвалу скуп, и оттого похвала его была вдвое дороже. Федор ничего не сказал, угрюмо в его сторону покосился.

— Поспешать надо, наши заждались,— поторопил кормщик.

С невольной оглядкой прошли они мимо неподвижной туши в сени. Выйдя из избушки, Степан старательно задвинул тяжелый засов.

— Неравно без нас другой пожалует,— проговорил он и двинулся вдогонку за товарищами, но вдруг вскрикнул так, что все остановились.— Чего следы говорят-то: тут он, за камнем, у самой избы лежал, когда мы ночью мимо шли. И как кого не ухватил!

— Буря помешала,— отозвался кормщик.— Залегает он в бурю. А то бы мы кого-то не досчитались.

— Видно, и буря на пользу бывает,— рассудил Степан.— А вот наши...

Но тут он остановился и замолчал. С ним остановились и остальные: они дошли уже до самого берега. Ночная буря, переменив направление ветра, отогнала от земли плавучие льды. Угрюмое и пустое лежало перед ними море, карбас с товарищами бесследно исчез.

Ванюшка уронил рукавицу, да так и стоял, забыв поднять ее.

— Тять, это что же? Это что же? — повторял он дрожащим голосом.— Тять, а наши куда подевались?

Кормщик долго молча смотрел, прикрывал глаза ладонью, но на всей поверхности моря, свинцовой и холодной, видны были лишь отдельные редкие ледяные глыбы.

— Может, буря им, и правда, на пользу была — до дому доберутся,— медленно проговорил он.— А может, и погибель в ней нашли. Только нам, видно, теперь одним зимовать придется.

Долго стояли они на берегу. Теплилась надежда: вот завидится на горизонте ровдужный[1] парус, приплывет карбас с товарищами. Но волны катились угрюмые и пустые, точно ничего вчера не было: ни карбаса, ни бури, ни ледяной стены, что догоняла их, как живая, а теперь рассыпалась на берегу ледяными грудами и лежит спокойно, словно век так лежала.

— Ждать не приходится,— заговорил наконец Федор.— День короткий, дров припасти надо засветло. Солнышко — вот оно, к покою добирается...

Дерева всякого на берегу валялось много — нанесло течениями от других далеких, лесных берегов. Оставалось натаскать побольше к избушке да в сени, чтобы на волю зря не выходить, избы не студить и в лапы медведю не угодить: может, еще завернет какой на дымок к избушке.

— И впрямь, домой поспешать надо,— согласился кормщик.

«Домой» выговорилось так просто, что всем показалось: так и надо. Где же им и дом теперь, как не в этой избушке?

Ванюшка хлопотал не меньше других, поднимал, тащил к избушке тяжелые, еле под силу, бревешки, но то и дело, отворачиваясь, тихонько вытирал непослушные слезы: щеки от них мерзнут, а уж если Степка-пересмешник увидит — проходу не даст. «Просился, скажет, в зуйки[2], а самому дома бы на печке сидеть».

Но слезы не слушались, бежали и бежали. Еще бы: на карбасе пропал другой зуек, сердечный друг Микитка. С ним и зимовать бы весело. А тут — все большие мужики остались...

Работали усердно, не жалея рук. Но то и дело кто-нибудь выбежит на берег, постоит, прикрыв глаза рукой, каждую точку на море просмотрит и, опустив голову, возвратится к избушке. Зачем ходил — никто не спрашивал. Всем и так было понятно.

---

[1] Ровдужный — выделанный из оленьей кожи — ровдуги.

[2] Зуек — мальчик, которого берут в плаванье, чтобы приучить к морскому делу.

Глава 3

С КАКИМ ПРИПАСОМ ЗИМОВАТЬ БУДЕМ?

Горе пуще всего крушит человека при безделье. А зимовщикам бездельничать было некогда: заботы торопили от одного дела к другому. Алексей, кормщик, это понимал, поэтому зорко следил, чтобы днем все были заняты делом, а ночью сон поможет, от думы избавит. Работа шла ходко: шкуру с медведя сняли, мясо в сени вынесли, плавник, что с берега натаскали, у стенки ровно сложили. Далеко не ходить и от ветра защита.

— Без запаса нельзя,— приговаривал кормщик,— погода завернет такая, что не только к морю, а из избы носа не высунешь.

Последний раз они со Степаном к морю вдвоем пошли. Ванюшке отец наказал при Федоре оставаться, печку топить, обед готовить. Ванюшка загоревал, но спорить не посмел.

Федору по душе было дома оставаться, хоть в дыму, да в тепле. Однако по привычке, как всегда, нахмурился.

— Тебе что, работы нет? — заворчал Федор на Ванюшку.— Видишь, пока дрова прогорят, дым выйдет, дверь закрывать нельзя. Ты у порога стань, да гляди зорче, как мясо жарить стану — не дай бог ошкуй[1] набежит, мясной дух учует. Приметишь — живо дверь на засов закрывай. Отсидимся, покуда Степа с пищалью на выручку поспеет.

У Ванюшки от таких слов сердце заколотилось, но и тут ослушаться не посмел: стал у двери, рукой за засов держится, а голову то направо, то налево повернет, аж шея заныла и глаза заломило.

— Ошкуй что кошка, тишком подберется,— крикнул Федор из избы.

Хоть бы не говорил! Еще страшнее стало. Вспомнил, как Степан рассказывал: «Ползет ошкуй, черный нос лапой прикрывает, сам белый и снег белый — как его углядишь?»

И обрадовался же Ванюшка, когда отец со Степаном на тропе показались. Тут только почувствовал: замерз здорово, ног под собой не чует.

— Наработались мы, Степа,— сказал Алексей.— На сегодня будет.

Сбросив последнюю ношу, они вошли и остановились у порога. Ванюшка поспешил за ними.

Дрова в печке уже прогорели, дверь закрыли. Еще припахивало дымом, но от душного тепла просветлели суровые лица поморов.

— Спасибо, Федя,— ласково проговорил кормщик,— обогрел ты наше зимовье, а где тепло да сыто, там беда не живет. Собирай на стол, что бог послал.

С голоду почти не заметили, что медвежатина не соленая и подгорела на угольях. Из котелка, что кормщик на счастье прихватил с карбаса, напились горячей снеговой воды, согрелись.

---

[1] Ошкуй — белый медведь.

Молодые ждали: какой разговор поведет кормщик. Теперь, когда дневные дела закончили и голод приглушили, на душе особенно стало тоскливо.

Старший говорить не начинал, на него глядя и остальные молчали. Алексей Химков много лет уже ходил на карбасе кормщиком добывать морского зверя, а такая лихая беда случилась с ним в первый раз. И надо же: взял в плавание меньшого сына, Ванюшку, приучать к морскому делу. Остальные двое тоже молоды, тоже глядят на него с надеждой — нельзя ему, старшему, голову вешать, духом пасть.

Алексей затаил в груди вздох и выпрямился.

— У кого какой припас есть, выкладывай,— проговорил он так спокойно, точно в своей избе на лавке сидя.— Поглядим, чем на всю зимушку богаты будем. Духом крепче держитесь. Четверо нас, не в одиночку бедовать.

Он первый вытащил из-за пояса топор, положил на стол, за ним кремень, огниво и нож в крепких кожаных ножнах.

— Нож и у меня есть, а боле ничего нет,— проговорил Федор хмуро, но, положив нож на стол, с удовольствием его оглядел. Нож, и правда, был хоть куда: рукоятка медная, при ножнах кольцо тоже медное, к поясу привешивать. Ванюшка на него загляделся: у отца и то не такой ладный.

Степан живо повернулся, вытянул из-за спины с нар свое ружье, положил на стол, любовно провел рукой по стволу, словно кого живого приласкал, такая у него была привычка.

— На счастье ты его с карбаса захватил,— кивнул Алексей.— Кабы не оно — может, мы бы сейчас тут не сидели.

— А наметил-то как! Прямо в глаз! — не удержался Ванюшка и вспыхнул в смущении: ведь к большим в разговор ввязался.

— А чего же не попасть, когда он сам мордой на пищаль налез,— отшутился Степан. Но тут же вздохнул, покачал головой.— Припасу поболе взять надо было. Не думалось ведь, что карбаса нам не видать.

В роговой пороховнице пороха оказалось на двенадцать зарядов и столько же пуль-самоделок в кожаном мешочке у пояса.

Ванюшка заморгал было глазами, да вовремя покосился на Степана, сдержал слезы.

— Тять,— робко проговорил он.— А у меня и вовсе ничего нету. Я чего же буду делать? А?..

— Пасти[1] на ошкуев ставить,— весело подмигнул ему неугомонный Степан.— Их здесь видимо-невидимо, как курей. И ходить далеко не придется, сами в избу просятся. Благодать!

— Не болтай лишку,— недовольно остановил его Федор.— Одной беды посбылись, гляди, другой не накличь.

Степан взглянул на кормщика и смолчал, хоть это и давалось ему нелегко: по живости своей он с трудом старался сидеть за столом спокойно, Федор давно ему досаждал. «Ему и при солнышке день темный»,— досадливо подумал он.

---

[1] Пасть — ловушка, но не на медведей. Это шутка Степана.

В избе потеплело, все сняли шапки и верхнюю одежду. Стало видно, что у Степана волосы завиваются задорными колечками. От этого он казался чуть не ровней Ванюшке, хоть и был на десяток лет старше. И глаза не голубые, как у всех поморов, а карие с золотинкой, в них веселая смешинка прячется. Степан славился удалью и меткостью стрельбы, любил при случае и прихвастнуть. Но сейчас хвастовства не требовалось, всем видно: огромная медвежья шкура закрывала нары и еще на пол краем свешивалась.

— Нож еще вот,— спохватился Степан и отцепил от пояса ножны не хуже Федоровых.— Без ножа человеку погибель. Правда, Ванюшка?

Ванюшка досадливо мотнул головой, даже губу закусил от обиды. «И надо ему душу бередить. Ишь, дразнится, знает ведь, что у меня...»

Но тут Ванюшка увидел, что Степан рукой шарит за пазухой. Достал... на стол кинул... Ой!

Ванюшка и дышать перестал, а Степан, улыбаясь, говорит:

— Хватай живее, а то назад заберу, коли тебе не требуется.

А на столе лежит... еще нож, другой, не в такой богатой оправе, но все ж настоящий, охотничий.

Ванюшка медленно протянул руку, а сам не оторвется от Степановых веселых глаз.

— Степа,— сказал тихо, с трудом,— неужто, правда, мне даешь?

— Кривда,— засмеялся Степан.— Бери, говорю, теперь ты груманлан настоящий.

— Спасибо,— только смог выговорить Ванюшка и так стиснул рукоятку ножа, что даже пальцы побелели.

— Спасибо, Степа,— сказал просто и кормщик.— Ведь не подумал я и ему нож захватить.

— Обрадовались,— пробурчал Федор.— С таким богатым припасом что делать-то будем?

Брови кормщика чуть заметно сдвинулись. Федор и в удачливый год хмурый, туча-тучей ходит, смеха от него никто не слыхал. А теперь и вовсе тоску нагонять станет. Но сказал только:

— Держись, Федор, море слабодушных не любит. Уразумел?

Федор угрюмо покосился на кормщика, буркнул:

— Уразумел.— И отвернулся.

Степан не вытерпел:

— Что делать будем? — А олешков бить. Их тут, должно, видимо-невидимо. И непуганые они, потому тут безлюдно. С моим припасом дюжину достану. А там оглядимся, что дальше делать.

Брови Алексея разошлись, строгие глаза потеплели: этот головы не повесит и других утешит.

— Добро,— проговорил он.— Коли так, завтра на промысел ступай, поглядим, сколь олешков достанешь. А нам с Федором шкуру надо до дела довести, чтобы не пропала. Не на голых досках спать.

— Вчера, небось, доски мягче пуха были,— шутил Степан, укладываясь на нары.— Ванюшка, иди ко мне под бочок. Коли еще ошкуй в избу залезет, чтоб с тебя начинал.

— Сказано, не трепли языком, бестолковая голова,— сердился Федор.— К ночи дело, а он беду накликает.

Степан промолчал. Вскоре послышался его храп. Поворочавшись, заснул и Федор. Не спал только Алексей. К нему сон не шел. Каждому за себя забота, а ему — за всех. И за тех, что унесло на карбасе. Кто знает, какую судьбу им море сготовило? Горевал он тихо, чтобы других не будить, пока сон не смилостивился и от дум его успокоил.

Доска-задвижка у окна скрипнула, чья-то рука ее отодвинула. Бледный утренний свет нехотя заглянул в избу, зато мороз проворно сунул свои мохнатые белые лапы: стена около окна сразу засеребрилась пушистым инеем. На нарах недовольно заворчали: кому вздумалось холоду напускать, или в избе своего не хватает?

— Вставай, ребята. Печку я затопил, если окна не открыть — в дыму не продохнешь.

С кормщиком не поспоришь. Встали. Холодно, а все не так, как вчера: шкура медвежья греет, и печка, какая ни на есть, дымит, а теплом помогает. Медвежью шкуру спустили с нар, сели на полу. Дым клубами стлался под потолком. Так можно было подождать, пока печка разогреется как следует и дрова прогорят, хотя и в горле першило и глаза щипало до слез. Кормщику пришлось хуже других: Степана ростом бог не обидел, а Алексей был выше его на целую голову, чуть головой в крышу не упирался. Даже сидя на полу, нагибался, чтобы в самый дым головой не попасть.

По избе пошла сырость, с потолка закапала черная копоть. Копотью и жареная медвежатина припахивала, но на это никто не обижался. Зато вдосталь наелись, больше уж некуда было.

С медвежатиной расправились быстро: Алексей торопил, а зачем — сказать не хотел, лишь хитро усмехнулся. Наконец все готово. Подпоясались, рукавицы натянули, хоть и не поздняя зима, а в этих краях мороз и осенью не шутит. Окно опять плотно доской задвинули: печной дым через него уж вышел, а тепло надо беречь. Шли по берегу, Федор, не торопясь, в развалочку, а Степан с Ванюшкой от нетерпения бока друг другу протолкали, но со спросом не лезли, знали: кормщик, когда надо, сам скажет.

Прошли уже порядочно. Алексей время от времени подойдет к куче плавника, посмотрит, головой качнет и дальше шагает.

— Чего ему надобно? Ищет, словно чего потерял.

Это Федор поговаривает, однако негромко.

Наконец Алексей остановился.

— Степан свою дюжину олешков промыслит и боле пищаль его ни на что не сгодится,— сказал он.— А нам как дальше жить?

Все молчали, не отрываясь смотрели на него. Спрашивает, а сам, наверное, что-то удумал.

— Стало быть, надо нам новую охотницкую снасть ладить,— договорил Алексей и ближе подошел к куче плавника.— Дерева тут на все найдется: с елового, а еще лучше с лиственничного, корня лук согнем, палки, вот они, на стрелы пойдут, а покрепче — на кутела[1]

[1] Кутела — копья для охоты на морского зверя: тюленей, моржей.

сгодятся да на рогатины, коли ошкуй встретится. Заживем — не пропадем.

— А мы с Ванюшкой пропадать и не думали,— весело отозвался Степан.— Правда, Ванюшка?

Ванюшка в ответ толкнул Степана в бок, глаза его сияли.

— Тятя что надо удумает, я знаю,— шепнул он.

Один Федор недоверчиво покачал головой.

— А железа на стрелы да на кутела где возьмем? — спросил он.— Палка без железа, палка она и есть, никакое не кутело и не рогатина.

— Правду говоришь,— согласился Алексей.— Для того я вас в этом месте и остановил, глядите!

Он нагнулся и с трудом вытащил из кучи плавника тяжелый обломок доски. Большой железный гвоздь торчал в нем.

— Видали? Чужую беду нам море на спасение выкинуло. С обломков этих, что раньше карбасами были, железа наберем. С тем и олешков и морского зверя промыслим. А может, и от ошкуя рогатиной отбиться доведется. Ванюшка, ты чего это?

Ванюшка отошел в сторону и стоял, опустив голову, молчал, точно и не он только что со Степаном радовался.

— Тять,— заговорил он тихонько.— Сколько тут много карбасов загубленных лежит. Может, и нашего тут железа, от нашего карбаса, наберем...

Наступившее молчание прервал Степан.

— Нашего тут нет,— ответил он.— Мне тоже так подумалось, да разглядел я: доски, брусья — все старые, долго их море носило. И тех жалко, кого не знаем, а про своих еще надежда есть, может, и спасутся.

«Может, и спасутся...» Все повернулись лицом к морю, хотя и знали, что не покажется на нем сейчас ровдужный парус, а от хмурой темной воды глаз было не отвести.

— Добро,— заговорил, наконец, Алексей, и все от его голоса вздрогнули, так глубоко задумались.— Вечная тем память, чьи карбасы злая беда поломала, на берег вынесла. Только погибшим душам обиды нет, что мы с тех обломков на спасение себе железа наберем.

Северное море не милостиво, много корабельного лома на берег повыкинуло. Тут и деревья целые, даже и с корнями лежат: с дальних берегов, что вода подмывала, они в воду падали, и теченья морские принесли их в эту далекую сторону.

Гвоздей и всякого железа в обломках оказалось много. За работой не заметили, как на душе веселее стало. Удивились даже, когда Алексей на закат оглянулся и домой стал торопить:

— Не захватить бы темноты, пока оружия для обороны не наготовили. Ошкуй-то здесь не в одиночку жил, а в потемках и Степанова пищаль не заступа.

Ванюшка так ясно припомнил огромные желтые клыки зверя — один сломанный — что, хоть и жарко было от работы, а по спине мороз пробежал.

Солнце совсем уже спустилось к воде, когда они тронулись домой. Шли ходко, приглядывались.

— Не нашелся бы у вчерашнего ошкуя сердечный друг, с нами за приятеля посчитаться,— не утерпел, пошутил Степан, но тут же проверил кремень, на полку пороху подсыпал и держал пищаль до самой избушки на изготовку.

— Доведет нас твой язык до беды, пустая ты голова,— ворчал Федор и опасливо оглядывался.

Дошли благополучно, но спать улеглись не сразу. Федор подобрал по дороге камень вроде чашки, из него устроили жирник с фитилем, на медвежьем жире. При таком малом свете долго трудились зимовщики: вырезали сухожилья из медвежьей спины на тетиву для луков.

— Кузнецами заделаемся, на стрелы да рогатины железа накуем.

Этим решением кормщика кончился трудовой день.

Ванюшка, как ни устал, а заснул не сразу, лежал, тихонько про себя разговаривал: «Степан свои заряды как выпустит, и останется он с луком, и я с луком, будто мы теперь ровни. Вместе олешков промышлять пойдем. Он олешка — я другого. Он олешка...»

— Да что ты, веретено, весь бок мне протолкал!

Это Федор. Не дал Ванюшке олешков досчитать. Мальчик притих и скоро заснул.

Кузня заработала на другой же день. Недалеко от избушки, в расселине скалы, нашлось подходящее место: скала — от ветра защита, большой гладкий камень сгодился на наковальню. Молотом стал тяжелый железный болт.

Алексей ему больше всего обрадовался, еле вытащил из большого бревна, от иноземного судна незнакомой постройки.

— Не понять, к чему он надобен был,— рассуждал Алексей, пока топором его вырубал.— А нам в самый раз, разогреем, да щель в нем гвоздем пошире сделаем, чтоб на рукоятку насадить.

Молот получился изрядный, кормщик на него не нарадовался.

— Дед мой кузнечил, а я около него крутился, помогал помалу,— весело говорил он.— Сказывают старые люди: всякое уменье на помощь человеку окажется. Думал ли я, где да как кузнечить доведется.

Долго провозились зимовщики, пока из оленьей шкуры меха устроили. От круглой палки отрезали кусок, в нем каленым прутом выжгли сквозное отверстие, получилась трубка, через которую стали воздух мехами поддувать, чтобы в горне жарче горели уголья, калили железо. Меха получились на славу. Ванюшка чуть не со слезами выпросил, чтобы ему поддувать поручили.

Они со Степаном не один раз еще на берег ходили, в плавнике железа искали. Больше его находилось в бревнах да досках иноземных судов.

— Железа у них, стало быть, много, цены ему не понимают. Суют, где деревянным гвоздем обойтись можно,— удивлялся Степан и ловко, одним взмахом топора, выбивал из бревна тяжелый болт или кусок железного прута.

Зимовщики дивились: до чего же быстро да хорошо у Алексея наконечники для стрел куются. Такие острые, что и точить их после закалки мало приходится.

— Один в один! Самое первое дело! — радовался Степан и на руке взвешивал, и глазом прикидывал.— Если стрела от стрелы рознится, нипочем не приладишься стрелять. Недолет али перелет будет. Дядя Алексей, к слову не пришлось раньше сказать, а я и сам с луком сызмальства знаком, баловался, покуда мне пищаль от отца не досталась. А отцу она от деда была. На настоящего зверя с луком я не ходил, а гусей тупой стрелой ловко ссаживал.

— Вот и добро,— отозвался кормщик и кинул на камень последний, еще горячий, наконечник.— Когда так, берись луки справлять да стрелы ладить. Такие, чтобы не гуся, а и олешка добыть. Можешь?

— Могу,— с готовностью отозвался Степан.

— Добро,— повторил довольный кормщик.— А мы с Федором рогатины на ошкуя ладить возьмемся. Только на рогатину опять на берегу железо добывать надо, самое что есть лучшее. Олешка подранишь — только и беды, что стрелу с собой унесет. А если рогатина откажет — человеку самому от ошкуя не уйти.

Не один день опять на берег выходили зимовщики, плавника без счета переворошили, а своего добились: железа на рогатины наковали знатного. Степан опять каждый кусок в руке взвесил, о камень бросал — звон слушал и довольно кивал головой.

— Пищаль-матушка в беде хорошая помощница, когда время есть изготовиться. А рогатина, была бы в руках твердость, и без изготовки от смерти оборонит.— Так он говорил, а Ванюшка слушал и потихоньку горевал: «Как бы это поскорей до рогатины дорасти». Ожил, когда ему Степан с вечера сказал:

— Завтра, как рассветет, мы с тобой за олешками сходим, пускай дедова пищаль последнюю службу сослужит, пока мороз не сильно крепкий.

Всю ночь Ванюшке не спалось: олени чуть не наяву виделись и пищаль Степанова у него в руках. А что? Может, Степан вдруг раздобрится и выстрелить ему даст? Один только раз!

Сон пришел, как светать стало, а тут и Степан уж в плечо толкает, вставать велит. Вскочил Ванюшка быстро: одной рукой глаза трет, другой за сапог хватается. Ждать, когда разгорится печка, Степан не захотел. Вода в котелке хоть и холодна была, аж зубы заныли, все равно мясо ею запили.

— На ходу согреемся,— сказал Степан, и Ванюшка в ответ кивнул головой, вроде как бывалый промысленник.

— Далеко нам ходить не придется,— говорил Степан, уже поднимаясь в гору.— Они там, за перевалом, в затишке пасутся, я туда заглядывал. Человека не знают, а все же учуют и испугаться могут. Ветер-то откуда дует, ты приметил? Так и подходить надо, чтобы он от олешков на тебя дул, тогда они тебя не учуют. Понял?

— Понял,— степенно отвечал Ванюшка,— ты мне про все толкуй, я тоже промысленником быть хочу.

Он слушал в полном восторге, а Степан и сам рад про любимое

дело поговорить. И еще бы рассказывал, только вдруг остановился так внезапно, что Ванюшка ему чуть головой в спину не ткнулся. Рукой знак подал: молчок! И, нагнувшись, затаился за камнем.

Ванюшка понял, зубы стиснул крепко, а сердце так заколотилось в груди, что испугался — выскочит.

Они дошли уже до гребня холма. Отсюда начинался спуск в небольшую долину. В ней, хорошо защищенной от ветра, спокойно паслось стадо оленей. Они раскапывали неглубокий снег, все в одну сторону головами. Сползти по пологому склону в долину, прячась за камнями, было легко. Ванюшка полз и затаивался, задыхаясь от охотничьего азарта, пока Степан опять сделал ему рукой знак — остановиться, а сам двинулся дальше. С укрытого места за большим камнем Ванюшке было хорошо все видно.

Вот Степан остановился. Нет, опять ползет. Опять остановился, тихо-тихо поднимает пищаль, целится...

Ванюшка не чувствовал, как болят пальцы, крепко вцепившиеся в камень. Наконец, раздался выстрел! И самый большой олень с ветвистыми рогами подпрыгнул, упал и больше не шевельнулся. Ванюшка чуть не бросился вниз, но Степан успел поднять руку — остановил. И что же? Олени не кинулись бежать. Они тревожно столпились вокруг лежащего вожака, тянули шеи, нюхали воздух, старались понять: что случилось?

Тем временем Степан ловко отполз к высокому обломку скалы, совершенно скрывшему его от оленей. Ванюшка видел, как он быстро встал, снова зарядил пищаль, отполз на прежнее место. Выстрел! На этот раз стадо всколыхнулось: миг — и последние олени исчезли в дальнем конце долины. Два тела остались неподвижно лежать на белом снегу.

Прежде чем охотники успели спуститься вниз, из-за камней с противоположного края долины выскочили пушистые вертлявые бурые зверьки и бросились к оленям. Они тявкали, как маленькие собачонки, ссорились и подбегали все ближе.

Степан крикнул, схватил камень и метко запустил им в ближайшего песца. Тот с визгом отскочил, но тотчас же опять устремился к оленям.

Ванюшка на бегу кинул камнем во второго, не попал. Песцы отбежали недалеко, но уходить, видимо, не собирались.

Олени лежали неподвижно, закинув головы, их рога касались спины. Ванюшка с восторгом взглянул на Степана, на дымящуюся пищаль в его руках. Затем на оленей, на широко открытые, уже затуманенные смертью глаза... И радость в его душе словно потускнела. Он отвел глаза, отвернулся...

Степан понял.

— По первости это тебе,— сказал дружелюбно.— Со мной тоже так было. Оправишься. Ведь есть-то нам чего-то надо.

Он повернулся к беспокойной кучке песцов.

— Что делать будем? — сказал.— Пока одного потащим — другого всего раздерут, собачьи дети. Подожди тут малое время, покарауль. Я одного наверх сволоку. Потом другого. Потом с берега две доски

притащу, может, санки-самоделки на скорую руку сделаем и обоих довезем. Песцам только понюхать достанется.

Олень — не малая тяжесть. Даже сильный Степан едва справился с таким грузом. Отдышавшись, он вернулся за вторым. А в это время Ванюшка, весь разгорячившись, воевал с песцами. Они так и крутились около оленя, то с одной, то с другой стороны и визжали, как обиженные собачонки.

Наверху дело пошло легче: олени и без санок скользили по гладкому снежному насту.

— Ты примечай,— наставлял Степан, когда остановился передохнуть.— Кого я стрелял? Оленя аль важенку [1]?

— Оленя,— отвечал Ванюшка и добавил довольный, что сам догадался:— Важенка-то ростом мельче, мяса, стало быть, меньше.

— Ну и дурак,— спокойно ответил Степан.— Разве в том дело? А то в толк возьми: важенка теленка принесет. А ты ее убил и приплод с ней пропал. А которые того не понимают, не промысленники они, а живодеры.

Ванюшка и оленей помогал тащить, сколько было силы, и слушал каждое Степаново слово, в душу ему оно западало, словно они со Степаном уже ровни. Одно было горе: Степан ему из драгоценной пищали выстрелить так и не дал.

— Погоди малость,— утешал он его,— домой возвернемся, знатным тебя промысленником сделаю. А тут дашь тебе выстрелить — все равно что одним олешком меньше домой притащил. Уразумел?

— Уразумел,— подавляя вздох, отвечал Ванюшка.— А лук-то мне всамделишный скоро изготовишь? Чтобы с тобой на олешков ходить?

— Всамделишный,— усмехнулся Степан.— Какой только твоя рука сдержит. А потом и до настоящего достигнешь.

Ванюшка кивал головой, но опять сдерживал вздох разочарования. Неужели ж ему лука настоящего не сдержать?

Домой олешков дотащили уже в потемках. Песцы провожали до самого порога, так что Ванюшке то и дело приходилось их снежками да ледышками отгонять. А когда дверь избушки затворили, они долго еще с досады визжали не то по-собачьи, не то по-кошачьи.

— До чего ж они тут смелы,— дивился кормщик.— Видно, человека не зают.

— То не плохо,— отозвался Федор.— Мясо у них доброе, на варево годится. А зимой и шкур наберем, будет чего домой везти. Мех-то их зимний хоть с чернобуркой не сравнить, а все в цене.

С холоду охотникам в избушке показалось тепло и уютно. В чугунке на угольях стояла горячая вода — есть чем жареное мясо запить. Федор, хоть воркотни от него не оберешься, а позаботился.

Передохнули малость, и Степан, словно и не наработался, уже из сеней обоих олешков тащит.

— Давай, Федор,— говорит,— шкуры снимать, пока не вовсе застыли.

---

[1] Важенка — самка оленя.

Со шкурами быстро покончили, часть мяса под крышу повесили — пускай в дыму коптится, остальное в сени занесли. Ванюшка, как ни устал, а зуйкову работу справил: на полу, что осталось, прибрал и опять на нары забрался погреться. Сон его крепко морил, да глядит — отец из-под нар палку вытащил и ножом к ней примерился, шепчет что-то, рассчитывает. Как тут уснуть?

— Это к чему? — удивился Степан.

— Численник завожу,— ответил Алексей.— Дням, стало быть, счет вести буду. Сколько нам тут побыть ни доведется, а негоже человеку звериным обычаем жить, времени не знать. Опять и праздникам счет особый положен, какого святого когда почитать.

Палку свою Алексей за разговором разукрасил — любо посмотреть: зарубки ровные, а сверху узор хитрый, как из шнура плетеный.

Федор откинул шкуру, которую обминал, и голову поднял.

— Считай-считай,— сказал.— А ты как говорил: на Грумант нас занесло?

— На Грумант,— согласился Алексей.

Все удивились: редко, когда Федор в разговор вступал. Но Федор этого не заметил. Он все больше, что ни делает — вниз смотрит, будто вокруг него и людей нет.

— В самое гиблое место, значит, нас занесло,— повторил Федор.— Не верите? Вот что я от верного человека слыхал. Давно это было, аглицкой земли король своими людьми заселить хотел Грумант. Морского зверя ему добывать. Большую награду за то обещал. Только никто своей волей тут селиться не хотел. И тогда аглицкие купцы удумали: у короля выпросили смертников, которых казнить было велено. Чтобы вместо казни их на Грумант на вечное поселение привезти. Привезли. А смертники поглядели, поглядели да говорят: «Везите обратно. Пускай нас на родной земле казнят. Потому здесь, на Груманте, жизнь хуже лютой смерти».

Федор оглядел всех, усмехнулся: вот, мол, в какое хорошее место мы попали. Но тотчас опять поскучнел, ссутулился и потянул с пола брошенную шкуру.

Зимовщики выслушали его молча и головы опустили. Жирник мигал, из-под двери неслышно крался лохматый белый иней, полз по стене вдоль притолоки. С моря послышался глухой гул, грохот: тишина кончилась, ветер раскачал лед на море, ломал припай.

Молчание нарушил Алексей: встал, поправил фитиль жирника, тот опять разгорелся весело, без дыма.

— Неладное ты к ночи вспоминаешь, Федя,— сказал он с укором.— Слаба, стало быть, душа у людей аглицкой земли, хоть и живут они на море. А я вот вам другое — про наших людей расскажу.

Низкий, сильный голос отца звучал спокойно, и Ванюшка радостно встрепенулся: страх Федорова рассказа отошел от него.

Алексей опустился на чурбачок, где сидел, потянул к себе с нар нож и палку.

— Наши поморы Пафнутий Анкудинов да Иван Узкий с промысла раз шли на двух лодьях вдоль Новой Земли,— начал он не спеша, точно сам себе рассказывал.— Ветер с берега лихую непогоду

развел, Анкудинов свою лодью в губу Подсобную повернул, а Иванова лодья из виду у него потерялась.

— Не беда,— сказал Анкудинов,— погода притишится, найдем Ивана.

Восемь дней в той губе они простояли, а на девятый день пришел северный ветер, и с ним пошел Анкудинов искать лодью Ивана Узкого. Два дня вдоль берега шел, ни в одну лахту[1] не заворачивал. Ивана не искал. А на третий день идет мимо малой лахты и вдруг в нее заворачивает. «Тут,— говорит,— Иван нас дожидается». И что ж вы думали? Стоит в той лахте Иванова лодья у берега. И на ней обед варят по приказу Иванову на тридцать человек. На обе лодьи. Иван с утра сказал: «Сегодня ждать нам Анкудинова, он идет, нас искать торопится».

Алексей отложил палку и весело оглядел слушателей: а они и про шкуры забыли, на него уставились. Даже хмурый Федор глаз с него не сводит, а Ванюшка и рот открыл.

— Эй, ворона залетит,— засмеялся Степан.

Ванюшка вздрогнул и обеими руками за рот схватился, чуть жирник не опрокинул.

— Тять, а дале? Откуда они-то знать могли? — взмолился Ванюшка.

Алексей расправил бороду, усмехнулся, стал дальше рассказывать.

— Обе команды за обед сели, еда им в горло не идет, а спросить старших не смеют. Иван посмотрел на них, покачал головой и говорит весело:

— Кормщик Анкудинов, объясни им наше колдовство: откуда мы про встречу знали. Видишь — им и обед не впрок.

Анкудинов говорит:

— Чего ж объяснять? И так понятно. Первые четыре дня ветер восточный держал меня под берегом, а вас гнал открытым морем. И еще четыре дня ветер русский был: меня опять же держал на месте, а ваша лодья справила ближе к берегу. А еще два дня я вдоль берега шел, а Иван впереди. И скорость его лодьи мне известна, и мысли знаю. Я и рассчитал, в какой час и в какую лахту он зайдет и меня дожидаться станет.

Тут Анкудинов кончил и за обед принимается. А Иван кивает ему:

— Ладно ты все рассказал. И я это знал, будто в одной лодье с тобой плыву. Потому я заказал сегодня на тебя, браток, обед готовить.

Алексей кончил, с мягкой укоризной посмотрел на Федора.

— Так-то, Федя, не аглицкие люди, а мы, поморы, своим морским званием, своим духом живем. Хоть и закинула нас злая непогода на Грумант, а мы не аглицкие висельники, духом не падем и родные берега увидим.

Сказал и опять за свою резьбу на палке взялся. И удивительное дело: всем показалось, что и жирник светлее загорелся. Потому что

---

[1] Лахта — небольшой залив.

в дымном его огоньке для них засветилась надежда, так незаметно зажженная простым рассказом кормщика.

За этим рассказом пошли и другие. Пока Алексей свой численник готовил, а остальные шкуры к шитью доводили, не заметили, как и вечер скоротали. Работали, пока от дымного жирника глаза не заломило. Потом огонь погасили, шкурами тепло закрылись и, успокоенные, крепко заснули. А за стенами избушки глухо гудело море, ворочались, трещали льдины припая. Шел прилив — большая вода. Много раз сменится он малой водой и опять начнет ворочать, ломать край припая, пока придет к ним желанная свобода.

На другой день, пока кормщик с Федором последнее железо доводили, Степан с Ванюшкой еще не раз за олешками ходили и каждый раз возвращались не с пустыми руками. Степан смастерил санки, ловко связал их ремнями. Гвоздей железных на такое дело жалел: ведь каждый гвоздь на стрелу сгодится. Санки с собой прихватывал. Снега было еще не так много, и ветер его словно прикатал, ходить можно без лыж, а под полозья хватало.

Часть мяса Федор повесил под самой крышей, где дым при топке завивался черными клубами. Довольный, сказал:

— Окорока прокоптятся знатно.

Сухожилья из оленьей спины он старательно вырезал на нитки, чтобы было чем зимнюю одежду шить, когда приготовят оленьи шкуры.

Степан ни одной пули зря не потерял: каждая своего олешка нашла. Но три последних заряда приберег: покатал пули на ладони, вздохнул и обратно в мешочек спустил.

— Как знать,— сказал.— Мы все вместе рогатинами управимся и с ошкуем. А как я с Ванюшкой один куда пойду — все надежней пищаль прихватить.

Ванюшка губы надул обиженно. «Ишь ты: «один», а я, стало быть, не в счет?» Но на отца покосился, смолчал.

На олешков я пули стратил зря,— пожалел Степан.— Они пули-то не боялись, впритык допускали. А стрела без шуму летит, они вовсе прочь не побегут. Сколько стрел хватит — столько их и взять можно. Бить стрелой надо наверняка, не то раненый убежит и стрелу унесет, этак железа не наберешься. Непуганые они тут, потому человека не видали, пугать некому. Только большой труд это будет оленя стрелой добыть. Самоядь[1] с детства тому учится. Добро, что мясом с ошкуя да с моих олешков запаслись. И песцового мяса хватит.

— Нам не так голод, как мороз да сырость в избе тяжела будет,— сказал Алексей.— Опять же травы салаты запасти надо, она и под снегом зелена. С ней от цинги отобьемся: отвар пить будем.

— А ошкуй разве олешков не пугает? — спросил Ванюшка.

— Ошкуй на морского зверя охотник, нерпу либо лысуна караулит,— объяснил Степан.

---

[1] **Самоядь** — народность, теперь ненцы.

Федора сердили беспрестанные Ванюшкины вопросы. А Степану нравилось, как мальчик ловит каждое его слово и запоминает.

— Олешка ошкуй и скрадывать не станет,— продолжал он.— Разве тот сдурья сам ему в лапы вскочит. Им от ошкуя страху нет. Нам теперь его больше остерегаться придется: в сенях ошкуй живо учует олений дух. А еще пуще, как Федор мясо жарит: от паленого сала ветерком ошкую за десять верст в нос ударит.

— Я и то думаю,— вставил кормщик,— разумно ты, Степан, заряды приберег, пока еще рогатины не сготовлены. А тебе, Ванюшка, наказ строгий: в одиночку нипочем никуда не отбегай. Сколько тут ошкуев бродит, не знаем, а с тебя и одного хватит.

Немало дней промучились кузнецы, пока изготовили всю железную снасть: заодно и на морского зверя выковали наконечники на копья и за луки принялись.

Луки сделали из корня лиственницы, тугие, взрослому еле под силу натянуть сухожильную тетиву.

Ванюшка всплакнул втихомолку с досады, а Степанова лука натянуть не смог. Пришлось покориться: лук ему Степан изготовил малость послабее. Стрелы тоже сделали по луку — покороче.

Держаки на рогатины да на кутела Алексей с Федором выбирали и прилаживали. Стрелы готовить Степан никому не доверил: сам стругал, сам и железо насаживал. А Ванюшка себя не помнил от радости: Степан ему поручил гусиные перья в концы стрел, в расщеп вставлять. Дело это хитрое: если стрела от стрелы чуть розниться будет — на меткость не надейся.

Ванюшка немало потрудился, пока гусиные перья искал. По острову их много гуси оставили. Летом они на Груманте жили, детей выводили, а к осени перед отлетом линяли, перо старое скинули. Но теперь земля почти везде снегом прикрыта, поди их набери. Однако набрал и по размеру распределил.

Первые две готовые стрелы Ванюшка долго в руках держал. На Степана покосится и отвернется: «Вдруг скажет — не годишься ты в подручные, тогда что?»

Степан это приметил.

— Что,— говорит,— купец, своему товару цену никак не сложишь? Продешевить боишься? А ну, показывай!

Степан за стрелы взялся, испробовал, крепко ли перья сидят, одну к другой приложил, да как крикнет:

— Дядя Алексей, до чего ж у мальца руки к тонкому делу способны! Сестры родные, а не стрелы. Право!

Ванюшка зарумянился, не удержался, искоса посмотрел на свои руки.

— Тебе только в пальцы силы набрать,— продолжал Степан.— Песца ты и сейчас свалишь, а на оленя стреле твоей силы не хватает. Не ленись, сколь мочи в пальцах есть, тетиву тяни, в доску меть, что я тебе поставил.

И Ванюшка старался изо всех сил, хоть ночью иной раз и плакал

от боли в распухших поцарапанных пальцах. Отец это слышал, но виду не подавал: «Настоящий груманлан будет с мальца»,— думал. И тяжело вздыхал.

Каждый день, если позволяла погода, начинался со стрельбы из лука.

— Командуй ты, Степан,— предложил кормщик.— Вижу, ты к этому делу способнее.

Затейник Степан недалеко от избушки смастерил из досок оленя. А Ванюшка ему рога из еловых корней пристроил. Олень получился на славу. Стреляли тупыми стрелами, чтобы жала понапрасну не портить. На левую руку Степан каждому щиток устроил, костяной, привязанный ремешками, чтобы тетива, как отскочит после выстрела, руки не поранила.

Федор стрелял неохотно, говорил:

— Моя снасть — кутело да рогатина. Где надо, не промахнусь, хоть и на ошкуя. А это птичье дело не по мне.

Алексей из лука метился добросовестно, как все делал, но тоже меткости большой не показывал.

— Правильно, мы с Федором оба до рогатины или до кутела больше привычны,— соглашался он.

Зато Ванюшку от лука было не оторвать: пальцы тетивой поранены, стерты, а стрелы день ото дня все ближе к сердцу деревянного оленя бьют. Скоро в меткости почти со Степаном сравнялся. Но оленя живого пока бить не пробовал: Степан не дозволял.

— Зверю зря мученье делать не положено,— говорил.— Твоя стрела не убьет сразу, олешек унесет ее, стрела пропадет — и ему не житье. Песцов добывай, пока на мясо сгодятся и к жилью меньше лезть будут, досаждать.

От песцов, и правда, отбоя не было: до того осмелели, что норовили в избу забежать. Шкурка их пока была не ценная, зато годилось свежее мясо. А шкурками пол в избе для тепла покрывали, тоже польза.

Охота на оленей с луком и Степану давалась не легко. Хоть не пуганый, а чуткий зверь. Долгие часы проводил он в засаде, караулил, пока олени поближе подойдут. В этом ему помогал Ванюшка: обойдет стадо с другой стороны и потихоньку гонит его на Степана. Дело тоже трудное: надо тревожить помалу, чтобы олени в бег не ударились, а двигались потихоньку, вроде как своей волей. И не переставали пастись, снег копытами разгребать. Тут, когда олень остановится, Степану его, стоячего, легче было наметить.

Зато песцов добывали легко. Видно было, что о мясе зимой беспокоиться не придется. Досаждали больше дым да сырость, что ползла из всех углов, мешала за ночь просушить одежду и обувь. А дни становились все короче, и мороз нажимал крепче: кончалась короткая суровая осень, подходила страшная долгая зимняя ночь.

Глава 4

БОЙ ВЕЛИКАНОВ

Солнце поднялось не торопясь, как ему в это время полагалось, и медленно, словно не хватало сил, поплыло над горизонтом.

Груда оленьих шкур на нарах шевельнулась, с края высунулась пара ног в теплых меховых чулках, снова спряталась, показалась лохматая голова, заспанное лицо Федора. Вылезать из тепла ему не хотелось.

Как-то сразу получилось, что стряпня на зимовке пала на его долю. Он встал, растопил печурку. Дрова за ночь подсохнуть не успели, едкий дым наполнил избу. Федор чихнул, отодвинул доску оконца и отворил дверь в сени, а оттуда — на улицу. Дым клубами устремился наружу. На нарах тотчас откликнулись дружным кашлем. Оленьи шкуры полетели на пол, и кормщик оказался на ногах: в одной руке топор, другой подхватил рогатину, прислоненную к стене.

— Федор,— окликнул он строго,— тебе первая ночь не в науку пошла? Как нас ошкуй поздравил, запамятовал? Говорено тебе: поутру вперед сготовиться надо всем, тогда уж двери отворять. Неведомо, кто там за дверью схоронился.

Федор вздрогнул и от этого рассердился. Борода у него и так чуть не от самых глаз растет, а тут словно больше взлохматилась, лицо закрыла.

— Небось, первый я за работу взялся,— огрызнулся он и так сунул в печку толстую корягу, что целый клуб дыма вылетел ему прямо в лицо.— Заспались, вам петуха не хватает,— договорил он сквозь кашель и присел на пол, где дыму меньше.

Кормщику тоже пришлось поспешно нагнуться.

— А тебе и петуха не требуется, голодное брюхо знать дает: пора медвежатину жарить,— отозвался из угла задорный голос Степана. Но он хоть и смеялся, а сам вскочил, зорко глянув в дверь, рукой проверил, тут ли, на нарах, рогатина. Его короткая курчавая бородка тоже растрепалась от сна, но от этого он только еще больше стал похож на мальчика, которому бороду приклеили в шутку.

— Ну, ошкуй, на наше счастье, сам заспался,— сказал он.— А ты чего нынче во сне видал? — потянул за ухо соседа Ванюшку.

Ванюшка проснулся, лежа тер кулаками заспанные глаза. Ответил уклончиво:

— Так чего-то.— И тяжело вздохнул. Скажи, пожалуй, что мать приснилась, волосы гладила, колобок дала горячий. Ух, до чего же вкусный колобок, на рыбьем жире пряженый[1]. А скажи — от Степки проходу не будет. «Мал ты еще, скажет, не зуек, а зуеныш».

Ванюшка сам это придумал, но тут же уверился, что Степан именно так и скажет, и поэтому обиделся. Правда, Степан не со зла, смеется по-хорошему, не то что Федор. Тот и не скажет, взглянет только да отвернется, а на душе враз неладно станет. Ну, все равно, про сон

---

[1] Пряженый — жареный.

говорить и Степану не хочется. Ванюшка вздохнул, собрал с пола свалившиеся оленьи шкуры, присев на краешек нар, обулся, полушубок натянул. На ночь они только разувались да шубы снимали: как ни топи, а мороз всегда найдет щелочку в зимовье пробраться, спящих острым зубом царапнуть.

Между тем как дым ни упирался, а морозный воздух выгнал-таки его из избушки. Дверь закрыли. Чистый холодный воздух постепенно согрелся над грудой раскаленных на очаге угольев. Федор проворно прикрыл их железным листом, и на листе зашипели на разные голоса жирные куски медвежатины.

— Добро,— довольно проговорил Алексей, положив на нары топор и рогатину.— Посчастливило тебе это железо найти. Теперь чистое мясо есть будем, без угольев.

— На берегу, от бревна отодрал,— отозвался Федор, его хмурое лицо немного прояснилось от похвалы.

Запах жареного мяса не дым, его выгонять не требовалось.

— Ужо в котелке морскую воду выпарю, соли соберу,— раздобрев, пообещал Федор.

— Пока и без соли обойдемся, было бы мясо,— ответил Алексей и, вытерев нож, вложил его в ножны и встал.— Кончайте, ребята, путь нам не близкий, а день короткий,— договорил он.— Сапоги-то хорошо ли просохли? Глядите, ноги первое дело беречь надо.

Собрались быстро. Ванюшка прежде всех. Торопить старших не смел, но горел от нетерпения так, что отец заметил:

— Щеки-то у тебя, Ванюшка, как румяные яблоки.— И ласково провел рукой по густым волосам.— Зарос ты, скоро, как девке, косы заплетать придется. Ужо сам тебе их прикорочу.

Ванюшка от нечастой отцовской ласки пуще разрумянился. Странно было видеть его детское лицо с пушистыми ресницами в этой дикой убогой хижине на краю света.

Федор, как всегда последний, никак не мог удобно намотать на ногу портянку. Отец не торопил: ноги сбить — вся охота пропадет. Сам будто и не спешил, а все успел. Ванюшка на него залюбовался: стоит как дуб, двери за ним не видно. Борода по грудь, а не трепаная, как у Федора, аж светится. И не крикнет никогда, а все его слушаются. Да как его не послушаешься?

Ванюшка так занялся своими мыслями об отце, что на минуту чуть о моржах не забыл. Но тут же спохватился: «Ой, да когда же Федор свои портянки уладит! Моржи ждать не станут, соберутся в теплые воды плыть. Степан говорит — на берегу их — глазом не охватить. Передохнут — и только их и видели. А он, Ванюшка, и вправду живого моржа еще не видел, какой он. Первый раз отец его в море взял и вот...» Но на этот раз грустные мысли в голове не держались.

Из избушки вышли с оглядкой: ошкуй дух жареного сала за версту чует, не притаился бы за углом.

Шли по-охотничьи, гуськом. Степан впереди, Ванюшка за ним, старался ступать след в след, приговаривал тихонько про себя: «Ишь, ноги-то долги, размахался — не доступить». Но и сам шагал широко,

старался изо всех сил. В промятый след ступать легче, хоть снег еще и не глубокий.

Отец шел за Ванюшкой. Молод Степан, а в охоте на берегу Алексей ему первое место уступал: тропу лучше выбрать, зверя выследить, в злую пургу с пути не сбиться — в том со Степаном никто равняться не мог.

Степан шел легко, чуть вразвалку, будто и не торопился, а поспеть за ним трудно. Ванюшка немного прошел, а уж жарко стало, и расстегнул бы ворот, да отец не велит: простынешь, говорит, и враз трясовица хватит.

Еще в жар бросало оттого, что впервые на настоящую охоту шел, не за кем-нибудь — за моржами. Кутелу́ своему новому покоя не давал, с плеча на плечо перекидывал. Вздумал на ходу прикинуть — как оно моржу в загривок попадет, да чуть Степану на спине полушубок не пропорол. Отец сзади ему легонько по шее стукнул:

— Ты на дело пошел аль на баловство? Гляди, назад тебя заверну, сиди, избу стереги.

Ванюшка надулся, покосился с опаской — Федор не приметил ли? Отец скажет, да и отстанет, а Федор как прицепится, всю дорогу зудеть будет. На счастье, Федор ничего не приметил, шел, как всегда, ссутулясь, глаз от земли не подымал.

«С чего он такой? — удивлялся Ванюшка.— И кутело у него самое лучшее, отец ему сам отковал да приладил. Мне бы такое, я бы...»

Но тут Ванюшке перед самим собой стало неловко. Ему отец ведь тоже кутело отковал на славу. В медвежьем жире закалено, а уж вострое — махнуть бы сейчас, да нет, отец рассердится и впрямь домой погонит. У него слово твердое.

Ванюшка вздрогнул, сняв рукавицу, осторожно потрогал жало кутела. Эх, и вострое! Палка вот только короче Степановой. А все одно, замахнуться — хорошо зверя достать можно.

Степан остановился.

— Стороной возьмем,— сказал он.— Ошкуй тут тропу проложил. По ней и пойдем.

От удивления Ванюшкины голубые глаза стали совсем круглыми.

— На что нам ошкуева тропа? — спросил он.

— Ошкуй сметливый,— пояснил Степан,— тропу выбирает с толком, где трещина снегом присыпана — приметит и обойдет. Зато человеку идти за ним без опаски можно.

— Без опаски? Как бы не так,— проворчал Федор.— А может, он шел, шел да и затаился где, нас поджидает, коли сметливый.

Ванюшка вздрогнул, невольно задержал шаг, поближе к отцу. Но Степан только усмехнулся.

— У ошкуя своя сметка, а у нас толк в голове,— сказал он.— Я как на промысел иду, толку-то полны карманы натолканы.

По медвежьей тропе, и правда, идти стало легче: тяжелые лапы снег примяли, да еще дорожка обходила все неудобные места. Ванюшка это почувствовал, остыл и задышал ровнее.

Скоро Степан опять остановился: медвежья тропа круто заворачивало налево, к морю.

— Здесь,— проговорил он негромко,— сейчас до обрыва дойдем, а под обрывом отмель, там и залежка. Рев-то и отсюда слыхать.

Прислушались. Со стороны моря доносился страшный гул, то утихал, то нарастал, точно морской прибой. «Хрюкают? — подумал Ванюшка.— Нет, мычат, лают. Ой, да что это? Никак звон колокольный?»

Ванюшка схватил Степана за рукав.

— Звонят, слышишь? — сказал он дрожащим голосом.

— Дурной ты,— ответил Степан,— где тут колоколу быть? То они под водой голос подают, которые на берег еще не вылезли. А мычат да хрюкают на берегу. Не близко они. Их и за версту слышно. Боязно тебе, что ли?

Ванюшка вспыхнул.

— Не боязно,— ответил сердито и отвернулся.

— Лихоманка охотницкая забирает,— усмехнулся Алексей.— Привыкнешь, однако, к морю подаваться надо.

Хрюканье, лай все слышнее. Вдруг Степан остановился так резко, что Ванюшка не удержался, ткнулся ему головой в спину.

Тропа привела их к высокому обрыву и кончалась у глубокой узкой расселины. Обрыв крутым откосом падал к ровной полосе берега у самой воды. По расселине можно было спуститься на берег.

Ванюшка глянул вниз, попятился и, прижавшись к отцу, замер. На берегу пустого места не видно, сплошной слой бурых бесформенных тел покрывал его. Тела эти шевелились: одни уползали и с шумом и плеском скатывались в воду, другие выбирались из воды, цепляясь огромными бивнями за землю, а то и за лежащих моржей. Где не было свободного места — укладывались прямо на лежащих, вторым слоем. Не все спящие на это соглашались: иные с ревом поворачивались, били нахалов бивнями. И те не оставались в долгу. Начиналась драка, но часто тут же и кончалась: драчуны вдруг засыпали, лежа один на другом, и храпели так, что воздух дрожал от этого храпа.

— Тинки-то тинки [1] какие большие,— прошептал Ванюша.— Гляди, лежит, а голова на бок свернута, тинки не пускают ей прямо лечь. А дух-то от них, дышать нечем.

— Тут еще ветерок повевает,— усмехнулся отец.— Ты бы вниз слез — там вовсе худо от ихнего духа станет.

— А мы слезать будем? — голос Ванюшки дрогнул.

— А то, может, морж сам к тебе наверх пожалует? — поддразнил Степан.— Скажет: «Вот он я, колй меня кутелом». Не придумаю я только — с чего ошкуева тропа до самой расселины дошла? Вниз ему спускаться зачем? Ошкуй не глуп, к моржу ему соваться не стоит. Ему нерпа аль лахтак [2] годится.

Но тут Алексей одной рукой схватил за плечо Ванюшку, другой Степана, и тот, как ни был крепок, а под этой рукой согнулся.

— Ошкуй-то и впрямь за моржатиной собрался,— тихо проговорил кормщик.

---

[1] Тинки — бивни моржа.

[2] Лахтак — крупный тюлень, морской заяц.

От того места, где они стояли, узкая расселина спускалась к самому прибрежью. Немного в стороне от других, около самого выхода из расселины, растянулся огромный морж. Он только что перевалился на спину и лежал бесформенной глыбой, раскинув ласты. Изогнутые желтые бивни его, чуть не в руку толщиной, торчали кверху, как два кола. Грудь мерно вздымалась; наверно, он храпел во сне или похрюкивал, но в общем шуме и реве расслышать этого было нельзя.

Степан быстро пригнулся за большим валуном и потянул за собой Ванюшку. Остальные затаились рядом. Вот оно что! Внизу в расселине, из-под нависшего камня, как из-под крыши, выдвинулась белая узкая голова, блеснули черные глаза. Движение медведя было почти незаметно: распластавшись по земле, ползла из расселины на берег огромная белая туша. Замерла, медленно подтянула задние лапы, выгнула спину, готовясь к прыжку...

Морж вдруг поднял голову и неуклюже завозился, стараясь опять перевернуться на брюхо. В то же мгновение белая туша с невероятной легкостью мелькнула в воздухе и упала на бурую, раздирая ее когтями и клыками.

Рев, рычанье схватившихся в смертельной схватке великанов донеслись до слуха пораженных людей, но тотчас утонули в общем реве всполошенной залежки. Весь берег пришел в движение. С ревом, от которого Ванюшка невольно схватился за уши, моржи устремились к воде. Огромные туши толкались, горбили тяжелые спины, неуклюжими прыжками переваливались друг через друга, бивнями пробивая себе дорогу в куче таких же неуклюжих, ослепленных страхом тел. Плюхаясь в воду, они сразу в нее погружались. Море кипело. Мокрые бурые головы то и дело поднимались над водой, таращили круглые глаза на то, что делалось на берегу, и со вздохом, мычаньем и ревом снова уходили под воду.

А на берегу продолжался бой великанов. Старый морж успел повернуться, и медведь упал ему на спину. С невероятной силой морж подогнул под себя ласты и тяжело подпрыгнул, таща на себе страшного всадника, а тот, не разжимая челюстей, лапами рвал ему шею и бока. Прыжок, еще прыжок, но на третий уже не осталось сил. Тогда старый морж повалился на бок, пытаясь придавить безжалостного врага. Ему почти удалось это. Но медведь изловчился, вырвал придавленную лапу и размахнулся, чтобы нанести ею удар по голове моржа.

И тут, последним усилием, морж поднялся, огромные желтые клыки вонзились в незащищенную грудь врага. Кровь хлынула из раны, заливая белый блестящий мех. Медведь вздрогнул и, широко раскинув лапы, рухнул, словно обнимая врага последним смертным объятием. А жизнь уже уходила из огромного тела моржа. Уходила с током крови из шеи, разорванной страшными когтями медведя. Последнее содрогание — и два тела застыли неподвижно на опустевшем берегу.

Не скоро люди наверху решились пошевелиться и заговорить.

— Много прожил, а видеть такое не доводилось,— сказал Алексей. Если бы остальные не были так взволнованы, заметили бы небывалое: голос кормщика сильно дрожал.

— Моржи на берег вернутся либо уйдут, где спокойнее,— загово-

рил и Федор. Он встал, для чего-то снял рукавицы, шапку, да так и остался стоять с шапкой в руках.

— Дальше подадутся,— отвечал Степан.— Им сейчас путь лежит туда, где зиму зимовать, они тут малость передохнуть остановились, да передышка вышла не так. Слыхал я, бывает, ошкуй моржонка утянет. А чтоб на такого была налез — слыжать не приходилось.

Степан говорил непривычно тихо, точно боялся спугнуть кого. Но пугать на пустом берегу было уже некого.

Помолчали.

— Добро,— заговорил опять Алексей и тряхнул головой, словно приходя в себя.— Дело не терпит. И шкуре и мясу не пропадать. Санки на скорую руку смастерим: на плечах такого не утащить. Плавника море и тут накидало, а ремней из моржовой шкуры нарежем. Эх, жалко, обоих-то сразу увезти не под силу. Ошкуя возьмем. Как бы песцы не почуяли.

Поздно ночью при полной луне покинули зимовщики берег моря.

— Довелось узнать, как сладка лошадиная доля,— приговаривал Степан, налегая на ременные постромки.— Тяни крепче, Федя. Иль тебе лошадиная работа не по нраву? Эх, ошкуя какого уговорить бы в помощники — враз бы все утянул.

— Не болтай зря, глупая голова,— ворчал Федор и, задыхаясь, перекладывал ремень с одного плеча на другое. Накличешь ты нам беду. И без твоего языка, гляди, ошкуй кровь учует, нам где-нигде дорогу перейдет.

Сани из жердей, наспех связанных ремнями, с трудом тащились по неровной тропе. Снега было еще немного, камней же ночью, казалось, было больше, чем днем, и сани то и дело между ними застревали. Черные скалы в белом снегу под неверным светом луны выглядели так мрачно, точно в каждой трещине, за каждым поворотом тропинки таилась опасность. И опасность эта, они знали, будет белая на белом снегу, и ее можно не заметить...

От этого даже у отчаянного Степана пропала охота к шуткам. Он то молча тянул лямку, то, в свою очередь, становился сзади и подталкивал санки или сдерживал их раскат.

Ванюшку в очередь толкачом не ставили, он шел все время впереди, тянул свою лямку добросовестно, аж в глазах темнело, и молча, со страхом, косился на мрачные скалы и темные трещины в них. Ему стало бы еще страшнее, услышь он, как Степан шепнул кормщику:

— Ванюшка пускай все впереди идет, на глазах чтобы был.

И отец молча кивнул головой. Оба знали, о чем говорили: сзади опаснее. Ошкуй может санки пропустить, а сзади подобраться.

Парное мясо давно уже заледенело, побелело от инея, мороз крепчал.

Степан шел все время впереди, а кормщик и Федор толкали сани сзади. Вся надежда на Степана: он один в темноте может найти дорогу к дому.

И он шел, молча, стиснув зубы, наморщив лоб. Иногда останавливался, останавливались и остальные. А луна плыла все ниже, тени становились длиннее...

Наконец, с последними проблесками лунного света Степан остановился, снял рукавицу, вытер потный лоб и, скинув с плеча ременную лямку, сказал:

— Дошли.

— Дошли,— повторил Ванюшка.

— Дошли,— отозвался Федор.

А кормщик опустил Степану руку на плечо и сказал только:

— Спасибо, Степа!

Глава 5

ЗАНЕСЕНЫ СНЕГОМ

Как ни измучились зимовщики в дороге, а отдыхать было некогда.

Избу протопили наспех и, еще не прокашлявшись от дыма, принялись снимать шкуру с медведя: огромная туша не успела совсем заледенеть, надо торопиться. С этим покончили, шкуру в сенях оставили. Сами наспех поели, отвара салаты напились, отогрелись и спать улеглись.

В печи пламенела еще, покрываясь сизым пеплом, груда раскаленных угольев. Ванюшка, как ни мучился, а сколько мог не засыпал, на них любовался. Даже пальцами веки придерживал, чтобы они на усталые глаза раньше времени не опускались, смотреть не мешали.

Дома так любил смотреть: мать печку истопит, тяжелые чугуны с варевом вмиг по местам ухватом расставит, точно в них и весу вовсе нет. Горячие уголья вокруг черных чугунов жаром пышут, как золото горят.

И горько и радостно вспоминать. Ванюшка тихонько ладошкой по глазам провел. Опять... и откуда они только берутся? Вся щека мокрая...

А уголья потихоньку из-под пепла посверкивают, вот один, словно чей-то злой глаз, выглянул и засветился синим недобрым огоньком. Ванюшка на него полюбоваться не успел, заснул. А над плохо прогоревшими угольями синим огоньком вился и полз по избе ядовитый угар. Подбирался к спящим все ближе, а они, усталые, того не чувствуя, дышали отравленным воздухом и засыпали все крепче тяжелым сном.

Время в избушке словно остановилось. Было темно, как бывает только ночью в помещении при плотно закрытых окнах и дверях. Потому что под небом, даже без луны, то слабый свет звезд, то отблески белого снега не дают сгуститься полной темноте. Лишь тяжелое дыхание спящих, порой невнятное бормотание, стон слышались в избушке. Да иней продолжал свою черную работу: бесшумно крался, полз с бревна на бревно, поднимаясь по стенам все выше и выше. Ему для работы света не требуется: медленно, но неотступно он следует за ускользающим из избушки теплом.

Наконец, на нарах кто-то зашевелился. Кормщик. Проснулся и сразу почувствовал неладное: голова кружится, в груди воздуха не хватает. Он с трудом приподнялся, протянул руку через спящих, отодвинул доску — задвижку окна. Но что это? Свежего воздуха не чувству-

ется, рука в окно не проходит, оно снаружи загорожено плотным слоем снега. Буря не даром бесилась: избушка засыпана снегом, может быть, и с крышей...

Не вставая с нар, кормщик нащупал на столе кремень, огниво, торопливо высек огонь, раздул искорку на фитиле жирника. Крошечный огонек замигал, пустил струйку копоти, видно, не только людям, а и ему было душно в спертом угарном воздухе.

Алексей сильно тряхнул за плечо Степана, потянулся через него, толкнул Федора, крикнул:

— Вставайте, избу с крышей занесло, откапываться надо. Задохнемся!

Ванюшка тоже услышал, поднялся с нар и закачался. Степан еле успел его подхватить.

— Не робей,— сказал.— Ошкуйца в берлоге всю зиму лежит, двери не открывает и не задохнется.— Но и сам незаметно за угол стола придержался.

— Может, мы тут и не одну ночку проспали,— усомнился Алексей.— Гляди, мороз сколь высоко по стене белой шубой ползет. И что на воле делается — неведомо, гуляет еще пурга или уже притихла. А в избе, видно, угар. Дышать нечем.

Он с жалостью взглянул на Ванюшку. Мальчик и правда чуть держался на ногах, с трудом дышал, с каждым вздохом старался втянуть в себя как можно больше воздуха, голову закидывал, точно ловил ускользающие его частички. Заметив взгляд отца, с усилием выпрямился, даже постарался улыбнуться. Но улыбка получилась такая жалобная, что у Алексея защемило в груди, и он поспешно отвернулся.

— Степан, Федор,— позвал он твердо, словно и не было минуты слабости.— Лопаты берите, говорил я — пригодятся. От двери ход копать будем.

— А снег куда девать? — спросил Федор.— Один конец, задохнемся, видно.

— Не мели, чего не след,— оборвал его Алексей.— Коли снег рыхлый, то в проходе притоптать можно. Слежался если — в сени сгребем, а хоть и в избу. Лишь бы духу свежего пустить. После выгребем. Крышу если рушить, вверх пробиваться, потом чинить труднее.

Степан уже открыл дверь из сеней. Плотная белая стена закрывала выход. Деревянная лопата с трудом срезала с нее пласт снега.

Пурга кидала его о стену и об дверь с такой силой, что он слежался и отвердел, будто давно тут лежал. Приходилось и дальше резать его пластами и складывать их в сенях так, чтобы меньше занимали места.

Дверь узкая, вдвоем лопатой не размахнешься. Работали по очереди. Один копает, другие стоят к нему как можно ближе: тут у порога дышится полегче, может, воздух между частичками снега накопился или сквозь них понемножку проходит.

Степан, передавая лопату Федору, повернулся и вдруг бросился в избу, крикнул:

— Ванюшка-то сомлел никак!

Алексей его опередил: подхватил мальчика с пола, вынес в откопанный коридорчик. Взял комок снега помягче, потер ему щеки, положил немного в рот.

— Ванюшка! — позвал тихонько.— Ванюшка!

Но Ванюшка уже открыл глаза, вздохнул.

— Заснул я, тять,— проговорил сконфуженно.— Чего-то спится больно.

— Погоди, откопаемся, и сон пройдет,— сказал Степан.— Эх, дыхнуть бы разок вольного духа!

Долго ли копали — не знали и сами. От снега в сенях уж и места не осталось. А угар и в сени за ними пробрался. То один, то другой ронял лопату, приникал к снежной стене лицом, так было легче дышать.

— Копай, ребята, копай,— повторял кормщик, а сам тревожно поглядывал: не сомлел ли Ванюшка опять.

Сзади на него навалилось что-то тяжелое. Обернулся: Федор! Глаза закрыты, руками слабо разводит, словно что загребает, а вот и совсем сполз на снег, голову опустил и не шевелится.

— Федя! — крикнул Алексей, нагнулся и тут будто на спину тяжесть какая легла, выпрямиться не может. Лечь бы и глаза закрыть... Но вдруг его словно огнем обожгло: такая боль в спине. Сон сразу прошел. Подскочил кормщик, обернулся, видит: Степан! Не ума ли лишился? Лопатой его по спине огрел и другой раз примеряется.

— Ты чего? — только и смог вымолвить кормщик, а Степан опять лопатой замахивается.

— Не вались! На ногах стой! Слышишь? — крикнул, да так, что даже Федор пошевелился и глаза приоткрыл.— Знай копай, вверх пробивайся! Убью!

Еще минута, кормщик и сам лопатой замахнулся бы, так в нем душа загорелась. Да мысли прояснились: понял!

— Спасибо, Степа,— вымолвил и, откуда опять сила взялась, поднял лопату, глубоко всадил ее в снежную крышу над головой. Еще! И еще! Сверху повалились большие глыбы слежавшегося снега. Степан оттащил неподвижного Федора ближе к двери, чтобы его не засыпало, и обернулся.

— К стенке стань, нагнись, дядя Алексей,— проговорил он с трудом, видно, и его силы уже кончались.— А я тебе на спину. Вот так!

Алексей пошатнулся было от толчка, но Степан уже оказался на его плечах и с силой ударил лопатой в снежную крышу над головой.

— Ванюшка, в сени беги! Завалит! — крикнул. И тут же лопата проскочила, вырвалась в образовавшееся над головой отверстие. Шатаясь, Степан почти свалился с плеч Алексея. Они стояли по колено засыпанные снегом. Снег еще сыпался в отверстие, но с ним ворвался чистый свежий морозный воздух.

Кормщик вздохнул так глубоко, что, казалось, грудь уже не вмещает больше воздуха, нагнулся, подхватил падающего Ванюшку и высоко поднял его вверх, к самому пролому.

— Дыши! — крикнул он.— Дыши, сколь мочи хватит!

Степан горстью снега натирал лицо Федора, встряхивал его, приговаривал:

— Федя, да Федор же, очухайся, окно-то в самое небушко проломили, дыши, сколь хочешь, не заказано!

— М-м-м,— бормотал тот, но уже помаленьку начинал отворачиваться от комков снега,— м-м-м...

Скоро и он в себя пришел, таким свежим чистым воздухом веяло, дышишь — не надышишься.

Темнело. Тусклое красное солнце уже наполовину спряталось за торосы. Длинные тени от белых торосов и черных скал тянулись по белому снегу до самой избушки. Значит, они проспали ночь и целый день...

Зимовщики, помогая друг другу, выбрались через пробитую в сугробе дыру и дышали, дышали всей грудью, стараясь вобрáть побольше воздуха, пока Алексей не сказал:

— Будет. Так грудь ознобите, мороз-то какой, не чуете?

Тут только заметили, что без шапок вышли, и, потирая уши, возвратились назад в избу. Однако холодный воздух и туда добраться успел, остатки тепла вытеснил, но зато и угара уже не чувствовалось.

— Топить-то как будем? — огорчился Федор.— Окно как откопать? А без того и до смерти угореть недолго.

— Вокруг дома до окна докопаемся,— отвечал Алексей.—Вздохнем маленько и копать напеременку.

— Тять, я тоже копать хочу,— неожиданно твердо проговорил Ванюшка.— Я уж поспал маленько, мне более не требуется.

— Да ты не спал,— вмешался Федор.— Ох, Степан, ты чего не глядишь? На ногу мне наступил, не хуже ошкуя.

— А ты пробовал, как ошкуй-то наступает? — засмеялся Степан.— А что Ванюшка копать хочет — то молодец, пускай старается, вон какой мужик вырос.

Ванюшка зарумянился от радости.

— Сейчас свой черед откопаю,— проговорил он не спеша, как и полагается взрослому мужику. Попробовал, хорошо ли ходит в руках лопата, и направился к двери.

Когда мальчик вышел, Алексей тихо сказал:

— Не трожь его, Федор. Зачем ему говорить, что сомлевал он? Сколь ни накопает, а радости будет: за большого мужика работал. Брал я его на карбас, думал: хлипкий он у меня чего-то, последышек, на море окрепнет. Мать, как чуяло сердце, никак его не давала. «Мал еще, говорит, погоди годок». А я взял. Вот беду-то сотворил...

Степан и Федор поняли: не для них кормщик душу свою открывает,— наболела она, и не в силах он сдержать боль. И оттого молчали, дали кормщику время в чувство прийти, боль душевную спрятать.

Чуть погодя тот спокойно сказал:

— А ну, Степан, погляди, что там большой мужик накопал? Федор печь топить возьмется. А я покуда снег из сеней через пролом выкину.

До сна было еще далеко: пока окно откопали, а там печку истопили. Дела трудные и не спорые. Зато хоть и не до настоящего тепла избу довели, а все же морозовы мохнатые лапы со стен сползли пониже, в углах притаились.

У Ванюшки плечи ныли от работы, и на правой руке натер большую мозоль, пока с лопатой возился. Но зато потом, когда, за столом сидя, важно по очереди отхлебывал из котелка отвар салаты, чувствовал, что не просто он зуек на побегушках, а вроде как настоящий мужик. Поработал в полную меру, похлебал горячего и спать лег с остальными наравне.

Объяснять это он никому не собирался, да, пожалуй, и не сумел бы. И только сдержанно улыбнулся, когда отец сказал:

— Ну ты и намахался лопатой, Ванюшка, небось, плечи-то жалуются?

— Нет,— решительно отрезал он, но тут же смутился, поправился тихо:— Не очень, тятя.

На другой день, хоть собрались спозаранку, на берегу уже хлопотала целая куча песцов. Тявкая и огрызаясь, они вертелись около остатков медвежьей туши: всего огромного медведя на санках сразу забрать не удалось — лапы передние, голову и внутренности оставили. Песцы внутренности подобрали и кости уже кончали подчищать.

Увидев людей, неохотно отошли, сели в кружок и, зевая от сытости и жадности, ждали: когда те уберутся и можно будет докончить то, что осталось.

— Моржа, видно, есть не захотели,— подошел поближе Ванюшка и вскрикнул:— Ой, что это? Степан, гляди!

Из большой рваной дыры в шкуре моржа на загривке выглянула донельзя перемазанная мордочка песца. Он сердито заурчал: «Чего, мол, беспокоите?» Выбрался не торопясь и, отбежав на несколько шагов, тоже сел, обернув пушистым хвостом лапы.

— Наелся да там в тепле и выспался,— засмеялся Степан.— До чего ж извалялся! Другие тоже бы не отказались туда залезть, и тепло и сытость, да он, видно, первый забрался, за хозяина, и других не пускал.

Кормщик потрогал лоскут кожи, оторванный когтями медведя, и покачал головой.

— Замерз как дерево, шкуру ободрать не сможем. А жаль, на крышу положить сгодилась бы, тепло сохранить. А мясо песцам на приманку.

— Мясо и так на приманку пойдет,— отозвался Степан.— Песцы всю зиму около него крутиться будут. А мы сейчас плавнику наберем, пастей наставим, мало-мало повыше, чтобы вода не залила. И всю зиму, как луна путь высветит, за шкурками ходить будем. От ошкуя-то кусочка не оставили, собачьи дети.

Рассердившись, Степан поднял мерзлый комок снега, швырнул в ближнего песца. Тот с визгом увернулся, потоптался и опять сел. Стая тоже заволновалась, но уходить не хотела.

Топор, как всегда, у кормщика оказался за поясом, зимовщики живо принялись за дело.

— Добро,— вытер мокрый лоб Степан и, довольный, осмотрелся.— Пять пастей наладили, хватит.

Федор нарубил мерзлого моржового мяса, подкинул в каждую пасть понемногу.

— Настораживать сейчас не будем,— сказал Степан,— пускай приучаются, как к себе в нору заглядывать станут. Тогда и сторожок поставим, тут за зиму много шкур наберем. И мяса вдосталь.

— Об мясе у нас заботы не будет,— задумчиво проговорил кормщик, собираясь домой.— Вот только холод да сырость в избе, да цинга — злая старуха — не заглянула бы. Салату-траву, что заготовить успели, пить надо. А еще оленье мясо сырое, хоть помалу, есть. Самоядь так делает. Кровь пьет оленью. И с того цинги не знает.

— Я сыровья есть не стану,— отрезал Федор.— И крови пить. Никак!

Степан и Ванюшка тоже смущенно потупились.

Как только люди отошли, песцы опять принялись ссориться, визжать около моржовой туши.

— Смотрите! — крикнул Ванюшка.

Самые смелые песцы уже крутились около ловушек. Грубые бревенчатые стенки пастей их, видимо, не пугали: эти самые бревна они давно привыкли видеть на берегу, даже не у самой воды, а на десяток метров выше ее уровня. Из таких бревен и построили ловушки зимовщики. Ванюшка очень этому удивился:

— Тятя, кто дерево наверх затащил? — спрашивал.

— Нам то не ведомо.

— Может, ошкуи играючи затащили? — не отступал Ванюшка и всех развеселил [1].

Домой дойти успели еще в сумерки. И опять долго дым глотали, пока свою избушку натопили и дрова до угольев прогорели.

Мяса жареного наелись досыта и отвара салаты напились. А Ванюшка долго сидел в уголке на нарах, не прислушиваясь к разговору старших. Ему виделась неуклюжая западня: словно какой ошкуй разинул широченную пасть, и перед ней маленький белый песец. Черный носик вздрагивает, нюхает воздух, любопытные глазки блестят, а пасть притаилась и ждет: вот-вот захлопнется, и нет любопытного зверька. И Ванюшка сам не знает, рад ли, что шкурка пушистая к запасу прибавится. Песец-то веселый, придавит... жалко его...

Глава 6

КАК ЛАХТАК ПОЛЫНЬЮ ПРОСПАЛ

— Дядя Алексей, вы с Федором шкуры оленьи до пути доведете. А мне дозволь с Ванюшкой на припай, пока мороз не сильно забирает, лахтака промыслить,— сказал Степан, как с завтраком покончили.

— Добро,— согласился кормщик.— Нам сало для жирника надобно на все темное время, а шкура лахтачья на подошвы самая способная.

[1] Теперь известно, что когда-то остров этот был не так высок, и бревна, принесенные морем, ложились на берег. С тех пор остров поднялся, и бревна оказались на 10—15 метров выше уровня воды.

— Не знаю только,— говорит Степан, будто озабоченно, а у самого смех в глазах так и прыгает,— есть ли охота у Ванюшки со мной пойти?

Ванюшка в ответ чуть с нар не свалился, вскочил и не на Степана, а на отца смотрит во все глаза: прикажет?

Кормщик не вытерпел, улыбнулся. Ванюшка понял: засиял весь, уже капюшон на голову накинул, вокруг лица шнурком затянул и за кутело схватился.

— Зверя бить собрался? — спросил отец.

— А что? Я тоже как замахнусь...— неожиданно заявил Ванюшка, но взглянул на отца и смутился.

Тот смотрит уже без улыбки, головой качает.

— Не хвастай,— проговорил строго.— Знай, на море идешь, а море того не любит.

Ванюшка опустил голову, покраснел чуть не до слез.

— Я не...— начал и не докончил.

Кормщику стало его жалко, смягчился.

— Добро,— сказал уже ласково.— С чем ни придешь, а у Степана делу научишься, первый он у нас промысленник.

Тут и Степану пришел черед покраснеть: похвала кормщика стоила для него дороже золота.

— Собирайся, Ванюшка,— сказал он, а сам отвернулся, не увидел бы Алексей краски на лице: не мальчишка ведь.

Собрались быстро: солнце на небе долго уже не задерживается, медлить не велит.

Ванюшка снял со стенки лук, повертел в руках.

— Положи,— остановил его Степан.— Не на олешков идем. С кутелом к зверю подобраться легче. Нерпу кутелом и на лед вытащишь, не утонет.

— А лахтака тоже? — спросил Ванюшка и, вздохнув, лук обратно на стенку повесил.

— Только бы попасть, а там уж постараемся, вытащим,— ответил Степан.— Носок железный с держака соскочит, а к нему ремень привязан, другой конец ремня у меня в руке. Лахтак тяжел, нелегко его на лед вытащить, а все равно не упустим.

От избушки до припая дошли быстро, спустились на лед, огляделись: припай широк.

— До кромки не скоро дойдем,— сказал Степан.— Если где полынья есть, около нее лахтак лежать может. Идти надо осторожно. А полыньи не попадется — до кромки придется идти. Не забоишься, что далеко?

— Не забоюсь,— твердо ответил Ванюшка, но дальше говорить не решился — вдруг Степан тоже скажет: «Не хвастай».

Ровного льда на припае оказалось мало: последняя буря льдины друг на друга ребром нагромоздила, так они и стоят, как их морозом схватило.

— На торос заберемся,— сказал Степан.— С него, как в подзорную трубу, все углядим.

Торос был высокий, с одного бока на нем точно кто нарочно ступени

вырубил, легко на самую верхушку забраться. Ванюшка сразу наверх взбежал. А как глянул — чуть кутело не выронил. Степан его за руку схватил, знак дал, чтобы не крикнул. Смотрят, а между торосами, вдали, туша серая ползет, ластами подпирается.

Лахтак! Голову поднимет, осмотрится, сколько короткая шея позволяет, и опять грузно на лед опустится, ластами перебирает, торопится к свободной воде. И как только сюда его от ледяной кромки занесло?

— Полынья, значит, тут была,— шепнул Степан.— Он на лед выбрался, заснул, да полынью-то и проспал, льдом ее затянуло. Он продухи сам во льду делать, как нерпа, не умеет. Теперь на ластах до кромки припая пойдет. Мы краем за торосами живо его догоним, пока он до чистой воды не добрался. Наш будет!

Торосы громоздятся, а между ними перед лахтаком, словно нарочно, ровная ледяная дорожка пролегла. Зимнее скупое солнце стояло не высоко, от торосов на дорожку легли поперек тени.

Степан, хоронясь за торосами, шел быстро, старался перегнать лахтака и отрезать его от свободной воды, до которой уже недалеко оставалось. Ванюшка, как мог, бесшумно спешил за ним по скользкому льду, дивился: ноги, что ли, у Степана особенные? Идет, ни разу не запнулся, не оскользнулся, будто и не лед под ним, а твердая земля. Не похоже, что торопится, а у Ванюшки уже и духу не хватает. Но он только тверже сжал губы, крепче перехватил кутело: ни за что не покажет виду, что не настоящий он промысленник.

Его била охотничья лихорадка, сердце вот-вот выскочит. Лахтак-то здоровый какой, что бык, только ноги приставить. Вот опять остановился, хочет оглянуться, да шея не позволяет, даже вовсе ее нет, весь словно обрубок какой.

Вдруг лахтак вздохнул громко, тяжело. И тут Ванюшка понял: и ему, значит, воздуху не хватает. Разве легко такую тушу на ластах волочить?

Они уже догнали лахтака. Прячась за торосом, Ванюшка хорошо видел его широко открытые темные глаза. Туша громоздкая, неуклюжая, а голова небольшая, и глаза будто грустные... Может, чует, что они со Степаном вот-вот из-за тороса выскочат?

Охотничья лихорадка сразу пропала: Ванюшка и думать забыл про кутело, хоть и продолжал его бессознательно сжимать в руке. Присмотрелся, на снегу за лахтаком след краснеет: нежные ласты поранены острыми льдинами, комьями снега. Больно, наверно...

Степан потянул его тихонько за руку.

— Там,— шепчет,— проход вовсе узкий, торосы жмут. Мы его...

И вдруг дернул Ванюшку так, чуть с ног не свалил: пригнул, кинулся с ним за ближний торос. По ту сторону лахтаковой дорожки, из-за торосов, взвилась огромная белая туша и опустилась на лежащего лахтака. Белая лапа с черными кривыми когтями ударила его по голове с такой силой, что струи крови и ледяные осколки брызнули во все стороны. Тень от медведя, протянувшаяся через дорожку, была на белом снегу заметнее его самого. Лахтак не издал ни звука, слабо дернулся и остался недвижим.

Странно было, до чего спокойно, неподвижно стоял теперь медведь

над своей жертвой. Не верилось, что это он, его огромное тело пролетело над высокой ледяной глыбой и так точно опустилось. А сейчас медведь как будто и не думал о добыче, распростертой у его ног. Лужа крови подтекла под лапу, он не отодвинул ее, голова, как и во время прыжка, повернута в сторону тороса, за которым не шевелились, не дышали... охотники за той же дичью, за которой охотился и он.

Уж не учуял ли он их? Не услышал ли за торосом их слабого дыхания?

Ванюшке казалось, что маленькие черные глаза медведя становятся все больше, чернее и видят, видят сквозь прикрывающий их торос... Такое вытерпеть невозможно, сейчас он крикнет...

Но тут медведь опустил голову и неторопливо принялся за еду. Отчетливо донесся запах теплого мяса, которое рвали огромные клыки. Ванюшка понял: ветер дует от ошкуя в их сторону, значит, их не выдаст. Нужно только застыть, не шевелиться, пока ошкуй насытится и уйдет. Может быть... уйдет.

Медведь ел со вкусом. Он аккуратно объедал кожу и сало лахтака, почти не трогая мяса, постепенно, одним движением лапы, поворачивая тушу, как будто она ничего не весила.

В сторону людей он теперь не поворачивался, стоял к ним боком. Ветер их не выдал. А слух у ошкуя плохой, он ничего не услышал. Куда он направится, покончив с лахтаком? Вернется обратно, откуда пришел, или пойдет в их сторону...

Степан как схватил Ванюшку за руку, так они и застыли, прижавшись друг к другу и к льдинам, закрывавшим их от медведя. Льдины были не сплошные, глыбы навалены друг на друга, сквозь щели видно каждое движение ошкуя. Уже не один пуд сала и кожи исчез в его пасти, а он спокойно, точно нехотя, продолжал глотать новые и новые куски и все поворачивал лахтака могучей лапой, все поворачивал...

Но вот, кажется, последний кусок. Медведь держит его в пасти, словно задумался: стоит ли? Проглотил. Облизнул окровавленную морду, потерся ею о снег. И вдруг нагнулся, небрежно подхватил оставшуюся половину лахтака и, как кошка несет котенка, поднес его к подножию тороса, из-за которого прыгнул. Несколькими ударами лапы оторвал кучу огромных кусков льда, завалил ими лахтака. Еще постоял, словно раздумывая: что дальше? Оглянулся. Ванюшке опять показалось, что глаза его сделались огромными и смотрят, смотрят прямо на него, сквозь торос. Видят?..

Но что это? Ошкуй уходит. Белый мех его опять слился с белым снегом, длинная тень скользнула по гладкой дорожке между торосами. И вот уже нет ошкуя, темнеет только застывшее на снегу кровавое пятно, да груда ледяных осколков прикрыла остатки страшного пиршества.

Ванюшка осторожно, не поворачивая головы, покосился на Степана. Тот не шевелился. «Слушает,— понял Ванюшка.— Не крадется ли к ним тихонько ошкуй из-за торосов? Может, поиграть захотел, как кошка с мышью? Спрятался и ждет...»

Ванюшке опять захотелось крикнуть, сделать что-то. Невозможно так стоять неподвижно и ждать. Чего?..

Но вот Степан без слов, тихонько взял его за руку и, шаг за шагом, начал отходить от лахтаковой дорожки в сторону. Если ошкуй где у дорожки близко залег, они стороной обойдут. А солнце чуть не к самым торосам на горизонте снизилось, закраснелось, словно лахтачья кровь до него брызнула. И тени все длиннее, от каждой малой глыбки льда тянутся, по ним ступаешь — точно спотыкаешься.

— Степа,— шепнул наконец Ванюшка, осмелившись.— А как затемнеет, а мы до дому не дошли?

Но Степан только крепче его руку сжал.

— Ночь ясная, не робей, по звездам дорогу найдем, а дальше и луна на малое время покажется.

Они шли что дальше, то быстрей и усталости не чувствовали, даже Ванюшка вроде меньше спотыкаться стал. Все-таки успели, с припая на берег еще не в полной темноте вышли. Подходя к избушке, услышали дальний ровный гул: шла большая вода, поднимала припай, играючи ломала льдины.

От первого же стука дверь сразу отворилась. Видно, кормщик у порога стоял — прислушивался. Но как вошли — беспокойства своего не показал, точно его и не было. Про все расспросил по порядку.

— Утром за лахтаком всем вместе идти,— сказал только.— Ошкуй, известно, остатки закопает, а к ним не ворочается. Гордый зверь. Однако пойдем с оглядкой, грех да беда кого не ждут. А теперь — на отдых пора.

Когда стали укладываться на нары, кормщик, словно нечаянно, Ванюшку за плечи обнял и к себе легонечко прижал. Молчал и Ванюшка, не пошевелился и не промолвил ничего, боялся осторожную отцовскую ласку спугнуть. Так и отпустил его отец молча, как и обнял. Но у обоих на душе потеплело.

За лахтаком, вернее за тем, что медведь от лахтака оставил, собрались на следующий день, как чуть развиднелось.

Ванюшка вскочил с нар быстро, норовил раньше Степана одеться. Если опоздает, Степка-пересмешник не пропустит. «Тебя, скажет, кайры дожидались, яиц нанесли, на всю зиму яишню стряпать можно было. Да не дождались: из яиц цыплят вывели и с ними за море улетели».

Ванюшка, хоть и знает, что никаких яиц сейчас нет, кайры давно в теплых краях зимуют, а все же обидно слушать. Потому и торопится.

Печки не топили, времени тратить не хотели. Быстро закусили холодным жареным мясом и за пазуху в запас крошеного спрятали, не то замерзнет и не угрызешь. С тем и в дорогу направились. Взяли санки, что Степан сделал из плавника: хоть и половина от лахтака осталась, а на плечах нести тяжелей, чем везти. Погода, на счастье, другой день стояла тихая, следов вчерашних не замела, идти легко. Но Степан то и дело отходил в сторону — приглядывался, не окажется ли где новый след ошкуя, если ему вздумалось лахтаком еще раз закусить.

Федор шел с трудом, сутулился, тяжело опирался на кутело.

— Что, вас троих не хватит одного лахтака на санках дотащить? Ошкуй-то от него, небось, один хвост оставил,— еще в избе пробовал он отговориться.

Но Алексей не отступился.

— Иль ты не промысленник, что того не знаешь: хворь на лежачего кидается, к стоячему с опаской подбирается, а от ходячего сама без памяти бежит?

— Не видишь, у меня и сапоги-то сношены, беречь надо,— продолжал отговариваться Федор.

— Для того и за лахтаком поспешаем,— поддразнивал Степан.— Сколь ошкуй ни поел, а тебе к новым сапогам на подошвы хватит. О тебе заботимся.

— О себе лучше заботу держи, о других не горюй,— отмахнулся Федор. Однако оделся и кутело взял. Сапоги свои долго разглядывал, подошву выстукивал, сам косился: Алексей видит ли? Кормщик приметил, но виду не показывал и Степану строго глазами знак дал: не привязывайся, мол.

Шли ходко, в этих местах никогда не знаешь, чем тебя через час погода обрадует.

— Тять,— сказал Ванюшка,— гляди, они откуда берутся? Сколько их много!

Все на минуту остановились. Ванюшка кутелом показал на небо. Там, где полагалось быть солнцу, стояло целых четыре.

— Быть большой стуже,— проговорил Алексей и двинулся дальше.— Настоящее-то солнце как было, так и есть одно. А которые лишние — это знамение, к морозу.

Ванюшке сразу от этих слов холодней стало. Он поежился. Отец и не посмотрел на него, а заметил.

— Замерз? — спросил участливо.— Потерпи маленько, шкуры олешков скоро до пути доведем, и тогда портными заделаемся. Малицу тебе сошьем, какие самоядь носит: шерстью внутро и совик такой же, только шерстью наверх. Они легкие, а наших шуб теплее. Никакой мороз не проберет.

За разговором шли по знакомой дороге быстро. И вот на снегу показались красные метки. Лахтак тут шел, не то полз, ласты в кровь потер. Степан приметил след, кормщику и Федору показал.

— Теперь скоро, вон там, за торосом. Подождите малое время, я это место кругом обойду, надо увериться, не сторожит ли кто нас.

Степан скрылся за торосом, но скоро опять появился:

— Идите,— сказал,— свободно, кто был тут, того уж нет.

Ванюшка заметил — Степан чего-то не договаривает. Они дошли до самого места, где медведь лахтака припрятал, льдом завалил. А Степан все стоит.

— Глядите,— говорит.

Вся ледяная куча не тронута, а сбоку мелкие ледяшки убраны, ход проделан.

— Это кто тут был? — удивился Ванюшка.

— Песец, который за ошкуем ходит, остатки подбирает,—объяснил Степан. Подошли Алексей с Федором, все вместе быстро раскидали лед. Видят: лежит лахтак, как его ошкуй положил, а сбоку, где подо льдом ход был, большой кусок мяса выгрызен.

— Ну у ловок,— сказал Степан.— За ошкуем ходит, один всегда.

Пока ошкуй ест, не суется, не то сам на закуску попадет. А как ошкуй наелся да ушел, он пробрался, тоже досыта наелся. И опять за ошкуем ушел.

Лахтак был очень велик: медведь наелся до отвала, песец полакомился и еще то, что осталось, на санки еле взвалили.

— А мы его есть будем? — спросил Ванюшка.

— Пока другого мяса вдоволь, не будем,— ответил Степан и крепче притянул тушу ремнем, чтобы не свалилась с санок.— На ловушки пойдет песцам и на прикорм. А если доведется, что же? Плохого тут нет.

— Санки, Степан, больно ладно ты сделал,— похвалил кормщик.— Тушу большую везем, а они словно самокаты, сами идут.

— Ты, дядя Алексей, не приметил. Я полозья шкуркой мокрой натер, навойдал, стало быть. Вот они и катятся как ледяные.

Санки везти и правда было легко: один тянул спереди, другой кутелом сзади слегка придерживал от раската и подталкивал.

— А ошкуй того песца от себя не гонит? — спросил Ванюшка, когда Степан шел сзади.

— Того не знаю. А один промысленник рассказывал: идет раз, вдруг из-за тороса песец выскочил, да как залает. Промысленник глядит, а из-за этого тороса и ошкуй показался. И сразу наутек пустился. И песец за ним бежит, уж боле не лает. Свою службу справил, ошкуя побудил и больше ему лаять ни к чему. Значит, ошкую он на пользу, в сторожах ходит. А как ошкуй эту пользу понимает или нет, про то сказать не могу.

Ванюшке стало очень досадно, точно сказку занятную до половины кто рассказал, а дальше не рассказывает. А как бы про конец дознаться?

К избушке добрались уже в темноте. И как ни устали, ни нахолодались, а пришлось печку топить и дым глотать, пока мяса нажарили, ледовой воды нагрели и сами обогрелись.

— Степа, а ты почем знаешь, что песец ошкую знак давал? — уже сонным голосом спросил Ванюшка, устраиваясь на нарах.

— А то как же? — удивился Степан.— Стоит да лает во всю мочь, всякому понятно, что по-своему говорит: «Вставай, толстопузый, беда пришла!» Тот и понял, вскочил, да давай бог ноги. Ошкуй тоже не всякий на человека кидается, разве голоден или сердит.

— А как узнать, который кинется али нет?

— А ты постой, постой и узнаешь, сгребет он тебя или нет,— сердито отозвался Федор.— И так все косточки ломит, а ты все не уймешься!

Ванюшка замолчал, привалился ближе к Степану. Тот толкнул его в бок: молчи, мол, да засыпай скорее. И прикрыл получше краем оленьей шкуры. Ванюшка повернулся, задышал Степану в спину, пригрелся. Заснул.

Шкуры оленьи выделать, чтобы они на шитье одежды годились, работа не спорая, не одну неделю трудились зимовщики. Наконец, кон-

чили. Федор всех удивил: малицы[1] из шкур кроил не хуже настоящего портного. Сухожилья оленьи сгодились на нитки. Но расщепить их на несколько ниток грубыми пальцами зимовщикам никак не удавалось. Зато Ванюшка приспособился быстро и очень ловко. И нитки вскоре были готовы. Возник другой вопрос — чем шить?

Степан предложил выточить иголки из моржовой кости. Но это оказалось делом хитрым.

Федор попробовал и сразу отказался:

— Малицу скрою, а иголки не выточу, хоть век над ней сидеть буду.

Не мало кости перепортили и Алексей со Степаном. А лучше всех с работой справился опять же Ванюшка. И взялся охотно, точно для забавы.

Много иголок поломалось в неумелых руках зимовщиков, пока сшили первую малицу. Ванюшка не обижался: видит — иголка хрупнула, сейчас же другую точить возьмется. Зато, по общему согласию, в первую малицу обрядили его. Не известно, кто больше радовался — портные или заказчик.

Сначала на всех сшили малицы с капюшоном и с рукавицами пришивными, мехом внутрь. Вышло ладно, хоть целую шкуру для начала извели. Зато вскоре наловчились, даже штаны из оленьих камусов[2] на всех сшили, к ним снег не пристает, скользит с гладкой шерстки.

А там принялись и за меховые сапоги. Только для них костяные иголки не подошли: Алексей шилья сковал крепкие да тонкие.

— Такое шило, пожалуй, и дома сгодилось бы,— сказал он с удовольствием и смутился: неожиданно сам себя похвалил. Зимовщики заметили, но виду не подали.

Сапоги вышли знатные, подошвы из шкуры морского зайца, того, что медведь так заботливо припрятал для них в торосах. Тюленья кожа для сапог неизносимая.

Все трудились так прилежно, что не заметили, чем Ванюшка занимается. А он, чуть минутка свободная найдется, в уголке на нарах пристроится, кусок елового корня возьмет и что-то с ним делает.

— А ну, покажи, что там сотворил? — сказал раз отец.

Ванюшка отказаться не посмел, протянул кусок корня.

Отец корешок взял, взглянул — и глаз не оторвет. Ошкуй вырезан как живой, пригнулся, вот-вот прыгнет.

— Это ты с кого резал? — спросил в удивлении.

— С того ошкуя, что в избе был,— ответил Ванюшка.— В дверях-то стоял, прыгнуть собирался. А один клык сломанный. Приметил? Гляди!

Ванюшка оживился, повернул голову медведя к жирнику. Точно, в раскрытой пасти одного клыка не хватает.

— Дед Максим из кости резал, а я из уголка приглядывался,— объяснил Ванюшка.— Он сердитый, к нему не подладишься. А я глины

---

[1] Малица — одежда в виде рубахи, шерстью к телу.

[2] Камусы — кожа с ног оленя, с очень гладкой, скользкой шерстью.

ком возьму, гляжу — и слеплю, чего он режет. Тишком. Потом из дерева и из простой кости резал, с него пример брал.

— А мне почему не показывал? — удивился отец.

Ванюшка потупился.

— Думал, ты скажешь: баловством занимаешься.

— Не сказал бы,— ответил кормщик и задумался. А правда, когда он дома-то бывал, часто ли с сыном говаривал?

— По весне моржи приплывут, я тебе кости сколь хочешь достану,— вмешался Степан.

Теперь он держал ошкуя в руках, то подносил к жирнику, то отстранялся, чтобы лучше разглядеть, и радовался, точно сам его выточил.

— Знаменитый ты у нас косторез будешь. Погоди, вот домой вернемся, о тебе слава пойдет. Дед Максим знатно режет, да куда ему перед тобой.

Ванюшка покосился на отца, тот ласково улыбнулся. Не выказал, какая тоска от этих слов его взяла: «Домой вернемся». Положил руку Федору на плечо, пока тот не успел горького слова молвить, молодым радость отравить.

Густые тени легли в углах избушки, слабому свету жирника бороться с ними не под силу. Белый иней ползет по стенке от порога. С моря слышится, как ветер и волны ломают припай. В избушке похолодало, хоть крепко законопачены мохом пазы между бревнами.

— Пора на покой,— сказал наконец кормщик, осторожно поставил на стол вырезанного из елового корня медведя и дунул на жирник. Слабый огонек вздрогнул и погас.

— Эх, и мягкая же шкура у ошкуя,— проговорил Степан и потянулся так, что нары под ним скрипнули.— Такую еще добыть надо, вот тепло-то будет, хоть печку не топи.

— Болтай больше! — как всегда заворчал Федор. В раздражении он взмахнул рукой, больно стукнул ею о стенку и еще больше рассердился, долго бормотал что-то, пока сон его не сморил.

Ванюшка лежал смирно, с открытыми глазами. Не спалось. В избушке темно, хоть глаз выколи, но и в темноте он так ясно видел битву моржа-великана с ошкуем. Будто он и сейчас стоит перед ними там, на морском берегу. Вот что хочет он вырезать. И вырежет непременно.

Глава 7

ДЕТИШЕК САМА НЯНЧИТЬ СТАНУ

Серое небо сплошь затянули облака, скалы на снегу не дают тени, все слилось в ровный белый цвет. Глубокие трещины притаились под снегом, над ними гладкая снежная поверхность чуть-чуть западает, но в рассеянном свете это незаметно. Опасно ступить на нее: с виду прочна, а даже легкого нажима не сдержит.

Ну, медведица отлично разберется: где опасно, а где нет. Подбитые теплым мехом подошвы по самому хрусткому снегу ступали бесшумно, самые скрытые трещины обходили уверенно.

Охотится она? Не похоже. Медвежья охота вся ледовая, на морского зверя. А медведица давно уже сошла с припая на берег и уходит от него все дальше. Следы, точно кто прошел в огромных растоптанных валенках, сворачивали к каждому обрывистому склону с наветренной стороны. Что ей там нужно? И везде что-то не нравится: потопчется и снова шагает дальше.

Кажется, нашла! В этом месте она постояла, опустив голову, сторожко осмотрелась, когтистой лапой копнула снег и вдруг решилась: принялась рыть обеими лапами, да так, что снег вихрем полетел в стороны. Покопает, подумает, еще копнет... Неглубокая яма выросла на глазах. Готово! Еще несколько осторожных ударов — поправок, и белая туша с глубоким вздохом вытянулась на приготовленной постели. Сверху ничем не покрыта — не беда: первая метель надежно закроет ее снежным покрывалом. Там, внутри, стены сама обомнет боками, а пурга позаботится, насыплет крышу потолще. Хорошо будет в уютной пещере и самой дремать, и детей растить всю долгую зиму, до первых весенних дней...

На тропинке что-то мелькнуло, тоже белое, но маленькое, юркое. Песец. Острая хитрая мордочка так и вертится во все стороны, черный нос вынюхивает, ведь может встретиться неожиданное. Плохое попадается чаще хорошего, потому песец не идет, а крадется, ушки на макушке, глаза начеку. Хорошо, конечно, полакомиться остатками медвежьего обеда. Но так, чтобы вместо закуски самому не попасть медведю на обед.

Однако, как ни осторожно ступают легкие лапки, а медвежьи ушки тоже на макушке. Медведица повернула голову, глухо рыкнула — как отдаленный гром прокатился. И снова опустила голову. Она не испугалась — здесь на острове у медведей нет врагов,— просто не хотела, чтобы ей надоедали. Повторять не требовалось: песец исчез, точно его ветром сдуло.

Пурга не заставила себя ждать. На другой же день земля, небо — все закрутилось в белом вихре. Медведица не шевельнулась: это то, что ей и требовалось. Буря бесновалась всю ночь. Снег летел, не задерживаясь на ровных местах, сыпался в пропасти, заполняя их рыхлым обманчивым пухом: ступишь — не обрадуешься. Наткнувшись на преграду, буря разъярялась еще больше, валы снега громоздила друг на друга. И, когда она утихла, на месте под обрывом, где накануне залегла медведица, возвышался сияющий снежный холм.

«Пойдем — не пойдем? Пойдем — не пойдем?» Ванюшка с утра, как встали, метался то на улицу, то опять в избу.

— Все тепло из избы выпустил,— строго сказал отец.— Чего тебя разбирает?

— Степан за олешками меня взять обещал,— смущенно ответил Ванюшка.— Я на погоду смотрю.

— То-то ты в погоде крепко понимаешь,— усмехнулся Степан. Сидя на нарах, он старательно чистил и без того чистую свою пищаль. Пищаль была очень старая, еще от деда Степану досталась, только

ложа новая, вытесана и прилажена его умелыми руками. Степан эту пищаль ни на какую новую не сменял бы.

— Плечо у меня разболелось чего-то, лук натянуть не дает, а свежинки хочется. Так и быть, одну пулю на одного олешка страчу. Пищаль у меня сама куда надо вцелит, знай, держи крепче, чтобы щеку не разворотило,— он любовно погладил тяжелый ствол.— Приклад-то я сам сготовил, уж так ладно к плечу ложится. Пойдем, Ванюшка, ты на меня олешков гнать будешь, а я за камешком схоронюсь, их встречу. Вместо лайки брехать наладишься.

— Сам ты пустобрех хороший, тебе и лайки не надобно,— сердито отозвался Федор из сеней.

Степан вспыхнул, повернулся было к двери, да тут Алексей успел, положил ему руку на плечо.

— Не трожь, дай сорок, сам в чувство придет,— сказал он тихо, чтобы Федор из сеней не услыхал.— Ему твоего тяжелее, сам знаешь, ребята малые остались, а ты — одна голова не бедна, а и бедна, так одна.

Степан горяч, да отходчив, сразу остыл, встал, только головой Ванюшке на дверь мотнул — собирайся, пойдем. Говорить, видно, опасался: Федор на голос опять чего бухнет и не стерпишь.

— Не ходили бы сейчас,— промолвил Алексей.— Погода ненадежная, оленям что: соберутся в кучу и стоят тесно. Который замерзнет — в середину лезет, так и крутятся вперед да назад, покуда не стишится.

— А мы к ним тоже, в самую середку,— засмеялся Степан.— Собирайся, Ванюшка, вот мясо в рыбьем пузыре, за пазуху сунь, чтобы не замерзло. Оголодаем и пожуем.

Алексей вздохнул, спорить не стал. Неспокойно ему за погоду, но когда сердце у Степана разгорится, лучше пускай пробежит, остынет. Длинна суровая зима, в тесной избе мирком да ладком пережить ее сложно. А уж если заноза вроде Федора заведется — и вовсе трудно станет.

Степан уже направился к двери, но ее как раз загородила спина Федора. Пятясь, он тащил в избу для какой-то потребы оленью шкуру.

Степан отстранился, пропустил его.

— Пойдем, Ванюшка,— проговорил задорно.— На олешков брехать и то лучше, чем на людей дуром кидаться.

Федор с размаху бросил шкуру на пол, весь точно ощетинился, но Степан, не глядя на него, шагнул в сени, рывком распахнул наружную дверь и вышел. Ванюшка торопливо и радостно кинулся за ним.

Солнце уже давно не поднималось высоко на небе: выглянет, будто нехотя, над краем земли проплывает и опять вниз уходит, каждый день все ниже и ниже.

— Вишь, как заленилось,— говорил Ванюшка, с трудом поспевая за широким шагом Степана,— точно его за ремень кто привязал да вниз тянет.

— Скоро и вовсе от земли не оторвется, силы не хватит,— отвечал Степан на ходу.— Высунет макушку: «Пускай, мол, на меня в

последний раз люди да звери полюбуются» — и скроется. Долгие месяцы нам его ждать доведется.

— А как же на охоту ходить будем? — не отставал Ванюшка.— В избе в потемках и то, чего надо, не найдешь, а тут и вовсе...

— Чего «вовсе»? Нам и без солнца видно будет. Сполохи дорогу покажут. Месяц скоро без заходу по небу вкруг пойдет, хоть и малый свет от него, а все же свет. Кулемки[1] да пасти на песцов ставить будем, к ним и без солнца дорогу найдем.

Степан говорил вполголоса и Ванюшке так наказывал, а сам то и дело нагибался, хмурился и головой качал: куда олешки подевались, ни одного свежего следа нет. Не пургу ли почуяли, в затишные места подались?

И вдруг остановился.

— Гляди, Ванюшка, ох и неладно,— вымолвил.

Впереди, как из-за края земли, поднялась туча и сразу захватила полнеба. Огромная темная стена росла на глазах и надвигалась все ближе. От нее отделились крутящиеся столбы и со страшной быстротой понеслись вперед.

— Ложись! Унесет! — крикнул Степан, но в реве бури голос его уже не был слышен. Но он успел схватить Ванюшку за руку, и оба упали, прежде чем крутящийся снег долетел до них. Одной рукой прижимая к себе Ванюшку, другой он крепко ухватился за выступ большого камня. Не будь этого камня, вихрь оторвал бы их от земли.

Ванюшка поднял было голову, но тут же, задыхаясь, опустил ее: рот его забил мелкий колючий снег, лицо покрыла ледяная маска, ресницы смерзлись и мешали открыть глаза.

Они лежали долго, неподвижно. Все швы на одежде, казалось, открылись, и ветер, проникая, колол кожу, словно иголками.

— Закопаться надо, пока вовсе не замерзли,— решил Степан. Он с усилием отнял от камня застывшую руку и погрузил ее в снег. «Мальчонка не замерз бы»,— подумал. И эта тревога точно прибавила ему силы. Он копал и копал, постепенно углубляясь в снег, как вдруг рука его провалилась в пустоту. Оттуда пахнуло теплом и резким запатом чего-то живого. Степан рванул руку назад, хотел вскочить, но тут же почувствовал, что снег под ним опускается. Последним усилием он обхватил лежащего рядом мальчика, и оба провалились в теплую непонятную темноту. Вой пурги еще некоторое время доносился до них, слабее и слабее и, наконец, почти затих: пролом занесло снегом.

От резкого запаха или от внезапно наступившей тишины Степан сразу же пришел в себя, лежал и не шевелился. Прислушался: что с Ванюшкой? Повернулся, хотел дотронуться до него, да так и застыл с повисшей в воздухе рукой. Тут, рядом, чье-то мерное дыхание! Ровное, спокойное, но такое мощное, точно работают огромные меха. Темно было наверху в крутящейся метели, здесь тоже темно, но и в темноте можно угадать, кто это дышит.

«Ошкуйца!» — помертвел Степан и тут, первый раз в жизни, на мгновенье обеспамятел. Очнулся он от тихого дрожащего голоса.

[1] **Кулемка** — ловушка на песцов.

— Степа,— повторял Ванюшка, едва сдерживая слезы.— Степа, где мы? Кто там дышит? Степа, ты живой?

Степан осторожно стиснул его руку.

— В берлоге мы,— шепнул тихо.— И что нам будет — неведомо. Лежи молчком.

Послышался не то вздох, не то стон, похоже — Ванюшка заткнул рот рукой, чтобы плачем себя не выдать. Степан лежал не шевелясь, голова кружилась то ли от страха, то ли от звериного духа. Зато уши, кажется, никогда еще так чутко не слушали и голова, хоть кружилась, а работала толково.

Он знал: по времени детей у медведицы быть еще не должно, одна лежит, дремлет. Есть ей сейчас не положено, пока из берлоги детей весной не выведет. Своим салом живет, что с осени нарастила. Стало быть, ее сейчас на свежинку не тянет. Хорошо еще не прямо ей на голову свалились, с бочка устроились.

Степан сдержал вздох: «Эх, пищаль-то за спиной висит бесполезно. Фитиль вздуть, на полку пороху подсыпать — про то и думать нечего: от пищали сейчас, что от палки, польза. А может, ошкуйца и вправду не расчухает, какие у нее в избе жильцы завелись?»

В темноте медведица грузно заворочалась под самым его боком. Послышался не то рык, не то стон... Затаив дыхание, Степан оттолкнул Ванюшку в дальний угол, сам на него навалился, прикрыл.

Учуяла?

Прошла томительная минута. Но вот опять заработали мощные меха, равномерно, спокойно. Нет, не учуяла, видно, во сне что привиделось...

Степан медленно, осторожно передвинул пояс, нащупал рукоятку ножа, крепко стиснул зубы. Надежда малая, а все-таки... Лежать недвижимо, ждать, пока зверь расчухает да за тебя примется, не годится.

— Ванюшка,— окликнул он тихонько.— Сейчас тебя подыму — сразу головой снег протыкай, где мы свалились, там не так много нанесло. И вылазь.

— А ты?

— И я спробую. А коли что,— Степан запнулся...— А коли не поспею... ступай домой. Рукой заструги на снегу проверяй, как я учил. Они тебя к дому выведут.

— Я...—Ванюшка чуть слышно всхлипнул,— тебя не покину. У меня нож. Вместе с ошкуйцей биться будем.

— Ах, ты...— Степан задохнулся, глазам стало горячо.— Вместе? А ну...

В сильных руках Ванюшка взлетел, как перышко. Миг, и голова его исчезла в облаке осыпающегося снега, ноги перевалились за край сугроба и исчезли. Степан потом с трудом припомнил, как и сам подскочил и, хватаясь руками за осыпающиеся куски отвердевшего снега, тоже перевалился через край берлоги. И как раз вовремя, потому что Ванюшка, едва выскочив, рванулся обратно к отверстию.

— Куда? — схватил его Степан за плечо.— Ошкуйце в зубы?

— Я думал, я думал,— заикался Ванюшка.— Она тебя.. а я ее...

Но тут из пролома вдруг взвихрился целый ураган снега, словно в берлоге забушевала метель, утихшая снаружи. В белом вихре из пролома показалась голова. Выше, выше. Она поднялась с такой быстротой, что Степан не сразу понял: это медведица встала в берлоге на задние лапы, передние плотно прижаты к телу — точно огромный белый столб, такой высокий, что Ванюшка запрокинул голову, а медведица опустила свою. Маленькие черные глаза встретились с широко раскрытыми голубыми и задержались на них. Что сделает зверь в следующую минуту?

— Замри,— одними губами прошептал Степан.

Время шло, тучи разошлись на успокоившемся небе, и солнце, касаясь горизонта, вспыхнуло на минутку лилово-красным светом. Яркий луч отразился в блестящих черных глазах. Степан едва удержал руку, рванувшуюся к ножу. И тут же неподвижный белый столб пришел в движение: ниже, ниже... И белая узкая голова исчезла в темном проломе берлоги.

Много спустя Степан смог вспомнить: медведица ни разу не отвела глаз от мальчика и не взглянула в его, Степана, сторону.

Из берлоги не слышалось ни звука. И тут Степан почувствовал — Ванюшка к нему привалился. Взглянул: глаза закрыты, сам как стенка белый. Сомлел. Степан поднял его, положил на плечо, зашагал осторожно, чтобы хрустом ошкуйцу не растревожить.

Отойдя немного, опустил Ванюшку на снег, сорвал с плеч пищаль. Дальше в привычных руках пойдет быстро: пороху на полку подсыпать... Но почему-то рука с пороховницей застыла в воздухе: «Пожалела!» — подумал. И решительно сунул мешочек обратно за пазуху.

Легко поднимая Ванюшку, последний раз глянул на берлогу, да так и окаменел: из пролома опять появилась знакомая белая голова, на этот раз только голова. Зорко на него глянула, рыкнула. Раз, другой, все! Опять скрылась. Степан, может, не скоро бы тронулся с места, так и стоял, не шевелясь, с Ванюшкой на руках. Но Ванюшка от этого прощального привета вздрогнул и опамятовал.

— Степа, чего это она? — спросил не испуганно, а удивленно, видно, не совсем еще пришел в себя.

Степан медленно опустил его на землю, тряхнул головой, и в глазах его загорелись прежние огоньки.

— Несмышленыш ты,— проговорил он весело.— Это она нам доброго пути пожелала: «Проваливайте,— говорит,— и мне в берлогу носа не суйте. Детишек сама нянчить стану!» Ну как? Сам дойдешь? До дому, хотя и без олешка, а путь не близкий.

Глава 8

И РОГАТИНА В СИЛЬНЫХ РУКАХ НЕ ХУЖЕ ПИЩАЛИ ЗАЩИТА

Солнце уже не отрывалось от земли. Один день, словно мячик, оно покатилось по земле, потом до половины и меньше стало показываться, наконец, самая макушка из-под земли завиднелась и спряталась.

— Сегодня краешек выглянет,— сказал кормщик.— А завтра об эту пору только красный столб на этом месте окажется и по небу пройдет. Под ним солнышко плывет, нам не видимое.

— А еще что, тятя? — спросил Ванюшка.

— Еще несколько дней красный свет показываться будет. Самого солнца не жди, надолго оно успокоилось, зимовать пошло.

— Куда пошло? — допытывался Ванюшка.

— Про то нам неведомо: не иначе, как в теплые страны. Говорят, там и вовсе зимы не бывает.

Зимовщики вышли на холм недалеко от избушки и стояли молча — провожали солнце. Оно и так не много их радовало: чуть выглянет и опять к закату клонится. А все с ним веселее было. Потому и стояли молча, со стесненным сердцем, не хотелось глаз отвести оттуда, где небо еще краснело: восход и заход слились в одном месте.

— Скушно,— тихо проговорил Ванюшка.

Простое это слово болью отдалось во всех сердцах, но никто не отозвался. Что говорить, когда каждый чужую думу знает. Ветер тоже стих, слышалось только мерное дыхание моря: вода шла на прибыль, прилив поднимал, шевелил льдины за припаем. Через шесть часов вода пойдет на убыль. А там — опять на прибыль, и опять... И так, пока им тут жить. А сколько?..

Но вот к этому далекому звуку присоединился новый: легкий, чуть слышный, не то шорох, не то шепот. Он шел не издалека, а слышался тут, около, так что Ванюшка даже оглянулся в недоумении.

Федор это заметил.

— Услыхал? — спросил он хмуро.— Вот то-то. Звезды это шепчут. Знак дают. Стужа идет злая, теперь придется дома больше посиживать, как бы вовсе не обморозиться.

— Не дело говоришь, Федор,— сказал Алексей укоризненно.— Как не выходить? Кто без дела дома лежит, того первого лихая болезнь — цинга схватит. Как человек сыт да тепло одет, его и большой мороз не проберет. А вот новую заботу мороз нам задал: всем еще про запас теплую одежду сготовить надо. Оленьих шкур у нас вдосталь, изготовим и мороза не забоимся.

Федор мотнул головой, сгорбился, ничего не ответив, повернулся к дому. Алексей шел за ним, с тревогой поглядывал: «Чем его поднять, когда он сам навстречу идти не хочет?»

А звездный шепот слышался все яснее: то влага, что была в воздухе, от большого холода вымерзала крошечными пылинками-льдинками. Легкие как пух, они теснились в воздухе, с тихим шелестом опускаясь на землю.

Ванюшка этого не знал. «Звезды шепчут»,— повторил он тихонько, идя за отцом, и то и дело поднимал глаза к небу, старался понять: которая звезда шепчет? И про что нашептывает? Неужто просто, что мороз крепчает? Шел и глядел, пока не споткнулся и не растянулся во весь рост на неровной от снежных застругов[1] тропинке.

---

[1] Заструги — волны или рябь от ветра на поверхности снега.

— Об которую звезду споткнулся, звездочет? — сказал Степан и, легко подняв его за воротник шубейки, поставил на ноги.

Вскоре и красный свет на небе появляться перестал, даже в ту пору, когда солнце на небе должно бы показаться. Ночь установилась долгая, зимняя, на целых три месяца без просвета. Но кормщик сутки за сутками аккуратно отмечал на палке-численнике. Он и без солнца, по звездам за временем следил и со счета не сбивался.

Работали зимовщики прилежно, но, если погода позволяла, кормщик строго приказывал, чтобы в душной избе сутками не сидели.

Долгие месяцы тянется зимняя ночь без солнышка, однако непроглядной она не бывает. Молодая луна сначала на небе только показывалась, а со временем светила все дольше. Наконец луна стала полная и начала по небу обходить круг без захода. При ней совсем легко — куда хочешь иди. А еще лучше, когда на небе сполохи играть начали. Сполохи Ванюшка и у себя дома видал, привык, не боялся. Но такого дома не было: все небо красным, а то зеленым да золотым играть возьмется, точно кто разноцветными крыльями машет, и огни все переливаются. Светло сделается, чуть как не днем, век бы смотрел. А потом вдруг все разом погаснет, и ночь еще черней кажется, пока глаза к ней опять привыкнут. Тогда станет видно, как белый снег и от звездного сияния чуть отсвечивает.

Еще до полной темноты зимовщики строили на песцов пасти.

— Зимой песец хитрее, сам в руки не лезет. Смекает, что на нем зимняя шкура дорогая,— говорил Степан.

Пасть поставить наука простая: по паре бревен друг на друга, точно две стенки длинного ящика. Сверху пятое бревно вроде крыши. Но только оно одним концом на земле между стенок лежит, а другой на колышке приподнят, и под ним приманка — мясо положено.

Песец под бревно войдет, мясо ухватит, да сторожок чуть толкнул — бревно хлоп и придавило. Бревно тяжелое, из-под него не выберешься.

— Пасти когда готовишь, верхнюю плаху широкую делай, вроде корыта, как упадет, пускай песца целиком закроет,— объяснял Степан,— не то другие песцы подбегут, нам одни косточки оставят. А мясо песцовое и нам годно.

Пастей еще до большого снега наготовили много, плавника хватало, а работы зимовщики не боялись. Мясо для приманки заранее около ловушек подкидывали, потому песцы к этим местам были приученные, хорошо шли на приманку и в пасти попадались.

— Ванюшка со мной ходить будет пасти проверять,— сказал Степан.— Всю свою науку я ему передам, из него славный промысленник выйдет

Ванюшка гордился и радовался, а учитель был очень доволен учеником.

— Вот когда домой вернемся,— говорил Степан,— то там наука пойдет похитрее. Здесь песец что? Вовсе дурак, никакой нашей хитрости не понимает, запросто в пасть лезет. А у нас песец ученый, знает,

чего его шкура стоит. Там пасти строить — новые сапоги надевай, от которых жильем бы не пахло. И рукавицы новые. И в избу ничего этого не носи.

— А почему у нас песец такой хитрый? — удивлялся Ванюшка.

— Потому его ловят много, всех дураков переловили, умные остались,— улыбался Степан.— Ну, а тут, на Груманте, на нас пока дураков хватит.

Если погода позволяла, ловушки навещали как можно чаще.

— От песца добычу верхняя плаха убережет,— говорил Степан.— А если ошкуй добычу под плахой почует, ну тогда беда. Ему плаха что? Ему камень в десяток пудов за игрушку сойдет. И как такая силища в одного зверя вселилась!

Ванюшка частым походам только радовался: со Степаном он согласен был хоть каждый день все ловушки обходить. Песцов приносили столько, что ели мяса вдоволь, а запасов в сенях становилось не меньше, а больше. Пушистые песцовые шкурки очень годились на совики[1] и на рукавицы. В теплые сапоги тоже подкладывали песцовые шкурки.

— Дома нам, небось, такие наряды и во сне не видались,— сказал как-то Степан и тряхнул головой не то весело, не то с грустью.

— Для дому у нас песцового меха тоже вдосталь будет,— отозвался кормщик. Сказать постарался весело и сразу про другое заторопился, словно у него и сомнения на душе нет, что до дому они доберутся. Рад был, что Федор на это никак не отозвался: известно, от него ничего, что душу бодрит, не дожидайся. Его и так на вольный воздух чуть не силой выводили. Но и это не очень помогало: день ото дня он становился все угрюмее, работал неохотно, если бы не принуждали,— так с нар и не поднялся бы. А скоро и на боль стал жаловаться: руки, ноги опухли, топор в руках держал с трудом, когда в свой черед ему дрова для печки рубить приходилось. Но кормщик на его жалобы не поддавался.

— Хоть плачь, а руби,— сурово говорил он.— Хворь к тебе и не приступится, забоится.

Ложечной травы-салаты, лучшего средства от цинги, они успели насобирать, пока снег был не очень глубокий и солнце еще, хоть неподолгу, на небе показывалось. Отвар пили каждый день, но Федора чуть не насильно заставляли. С грустью следили зимовщики, как Федор духом и телом слабеет — немного их было, и каждый человек был близок и дорог. Страшная гостья зимних ночей — цинга все ближе к нему подбиралась.

Остальные, друг на друга глядя, бодрились, что было тяжелого в душе, скрывали.

А зима все крепче морозом жала, наконец, пурга разлютовалась не на шутку, все тропинки засыпала, не один уже раз приходилось из сеней на волю целый ход прокапывать. В сенях держать большой запас

---

[1] Совик — верхняя шуба, нераспашная с наголовником; шьется мехом наружу, нередко и рукавицы пришивные, надевается на малицу.

дров было негде: от мороженого мяса и так оставался узкий проход. Кому очередь идти за дровами на волю — обвязывался крепким ремнем и так на ремне отходил от двери и назад к двери добирался. Иначе нельзя было: буря, как разойдется, и камни по земле катит, а человека так зашвыряет, что в темноте назад он и дороги не найдет.

На песцовые ловушки рукой махнули, пока погода успокоится.

— На них теперь и ошкуй не набредет,— говорил Степан,— в такую пургу сам в затишке отлеживается.

— А песцы как? — спросил Ванюшка.

— И песцы тоже. Хоть на зиму норы себе не роют, а так, где в ямки завалятся, и лежат по скольку дней. Шуба зимняя, теплая, летом откормится, знай дремли, доброй погоды жди.

— Добрая-то погода на Грумант и вовсе дорогу потеряла,— сказал Федор, вздохнул и подул на пальцы.— Ишь заледенели. Затопить бы еще разок, да неохота опять дым глотать.

— Работай злее и согреешься,— добродушно отозвался Алексей.— Снег валит, без лыж не пройти, давай ремень подвяжу, покажу, где за углом доски спрятал, которые на новые лыжи годны.

Степан поднялся, натянул малицу, завязал капюшон и, нагнувшись, вытащил из-под нар два аккуратно свернутых ремня.

— Дядя Алексей, хочешь смейся, хочешь нет. А почудилось мне, будто около окна кто лапой по стенке скребнул. Пойдем вместе и рогатины прихватим.

— Охота тебе лишний раз морозиться,— удивился Алексей.— Сам говорил — ошкуй в такую погоду не ходит.

— Возьми и ты рогатину,— повторил Степан настойчиво.

Кормщик пожал плечами, однако рогатину взял: Степанову охотничьему чутью верил. Ремнями подвязались, другие концы крепко привязали в сенях к столбу. Двери открывали осторожно, как всегда — первым ошкуем ученые, да и чтобы меньше снега и холода в избу впустить.

Однако буря ворвалась, да так, что дверь из сеней в избу открыла, в печку дыхнула, золу с угольями столбом на воздух подняла, хорошо, уголья были остывшие.

Кормщик схватил Степана за руку, нагнувшись, они шагнули через порог и сразу упали, прижались лицом к земле: ветер перехватил дыхание, не давал выдохнуть.

— Вернемся! — хотел крикнуть Алексей, но Степана уже не было видно. Ползком, опустив голову, волоча за собой рогатину, Алексей заторопился за ним. Степанов ремень вздрагивал, указывая дорогу. Кормщик завернул направо, за угол избушки, перебирая ремень, коснулся ноги Степана, вздохнул с облегчением: задняя стена избушки вплотную прилегала к отвесному высокому обрыву — от ветра защита. Тут буря ярилась меньше. Оба встали, прислонились к стене избы передохнуть.

Луна на небе была полная, но за метелью слабо просвечивала желтоватым светом. Глаза к нему немного привыкли, различили и стену избушки, и черную громаду скалы, на которую она опирается, и...

Кормщик почувствовал, как Степан крепко схватил его за плечо. Рогатиной показал на каменную стену и белый сугроб у подножия, что успела намести пурга. Что это? Луна обманывает? Или сугроб зашевелился? А Степан опять крепче тряхнул его за плечо и отпустил, а сам рогатину наизготовку взял. Тут и кормщик понял: поправил ремень, чтобы в нем не запутаться, попробовал, хорошо ли рогатина в руках ходит. Отступать нельзя: за углом буря опять на землю кинет, а ошкуй против любой бури на ногах устоит... Что ему вздумалось сюда забраться? Прав был Степан, услышал, как тот лапой по стенке у окна скребнул, ошкуй идет ровно, не подкрадывается, словно их не видит, голова опущена, качается вправо, влево.

Рука Алексея потянулась привычно к поясу и опустилась: нет! Нет топора!.. А рогатина самодельная против ошкуя выстоит ли?..

Ослабел духом старый кормщик, дрогнули ноги, привалился к стене избушки. И вдруг словно сама стена подсказала ему: там, за стеной, Ванюшка дожидается. Одному ему с Федором в избе зимовать придется, если ошкуй их сейчас...

При этой мысли руки кормщика налились силой, ноги больше не дрожали. И тут ошкуй поравнялся с ними.

— Коли! — крикнул Алексей отчаянно.

Две рогатины мелькнули в воздухе, глубоко вошли в бок зверя, под лопатку. Одна достигла сердца на малую долю секунды раньше, чем огромная туша успела повернуться к людям лицом. Но она все-таки повернулась... Тяжело повернулась, с такой силой, что рогатины, глубоко вонзившиеся в бок медведя, вырвались из рук людей, а их самих отбросило в сторону и повалило друг на друга.

Буря с воем засыпала их снегом, а они не могли оторвать глаз от смутно белевшей при свете луны белой туши. Медведь, падая, успел повернуться к месту, где раньше стояли они, враги или добыча, за которой он решил поохотиться. Теперь он лежал поперек тропинки головой как раз на том месте. А длинные древки рогатин глубоко вонзились в его бок и еще трепетали, постепенно затихая.

— Дядя Алексей,— проговорил, наконец, Степан.— Ты живой?

— Живой.

Они слышали друг друга только потому, что их головы лежали почти рядом.

— А мне не попритчилось? Ошкуй-то мертвый?

— Мертвый,— отозвался Алексей.— А как оно вышло, ума не приложу. У меня ребра не поломаны ли, как меня рогатиной наотмашь треснуло. Давай подымайся, покуда нас снегом вовсе не замело.

— А с ошкуем что делать будем? — Степан поднялся, но стоял, с трудом опираясь о стенку избушки.

— Рогатины с собой заберем,— сказал кормщик.— А его сейчас с места не стронем и шкуру снять не сможем. Замерзнет и до весны пролежит, коли песцы не доберутся. Нам теперь только домой попасть.

Новый порыв ветра опять бросил их на землю. Задыхаясь, добрались они до медведя, с трудом вытянули рогатины из теплой еще туши.

— Эх, шкура добрая,— прокричал Степан в ухо кормщику. Тот только головой мотнул: не до разговоров.

Ползком, с трудом протирая рукавицей смерзающиеся ресницы, они добрались до порога. Дверь распахнулась сразу. Ванюшка и Федор караулили, беспокоились: долго ли до беды в лихую погоду?

— Досок чего не принесли? Из чего лыжи делать будем? — огорченно сказал Ванюшка.

— Никуда доски не денутся, потому мы с ошкуем договорились: до весны обещал караулить,— сказал Степан.

— Избу выстудили, золой намусорили, нечего было ходить,— разворчался Федор, не слушая Степана. Тот что хочешь наплетет. Но тут же примолк, дышать перестал, услыхал, что Алексей рассказывать начал. Дослушал и не стерпел, сказал сердито Степану:

— А я что тебе толковал, глупая голова? — горячился он.— К ночи вчера ошкуя кто поминал? Ты? Вот он по твою душу и пришел.

— Чего же он до моей души не добрался? — усмехнулся Степан.— Вместо того и сам на наши рогатины напоролся. Шкуры вот жалко: изба-то выстудилась — самое время накрыться бы.

Федор только рукой махнул, отвернулся. Но тут случилось удивительное, что только в этих местах бывает: рев бури умолк, словно его и не было. Ветер умчался в другие места и унес с собой тучи, покрывавшие небо. Полная луна засияла так ярко, что звезды около нее потускнели, а снег засветился синими огоньками.

— Теперь шкура наша и мясо наше,— сказал кормщик и выглянул в окно. Другой команды не требовалось. Луна спокойно светила, пока они работу кончили: шкуру и мясо уберегли.

— Еще малое время пройдет, шкуру до пути доведем, под меховым одеялом выспимся,— сказал Степан уже в избе. Но ему никто не ответил: все слишком устали.

Сегодня дольше всех лежал без сна Ванюшка. Ему виделось: отец и Степан у стены стоят. Темно. А мимо них ошкуй идет, головой качает. И никто не знает, что эта голова думает. Может быть, он мимо пройдет. А может быть... кинется. А у них рогатины нацелены. А он идет и головой качает, качает... Вот бы из кости вырезать!

Глава 9

НОЧНАЯ ОХОТА

Первое время, как солнце скрылось на всю зиму, к полудню небо немного светлело, краснело. Звезды около того места, где солнцу быть, плохо виделись. Потом и того не стало, кормщик только по звездам примечал, когда кончается день и настает такая же темная ночь. Примечал и не забывал поставить новую зарубку на своей палке-численнике. Учил тому и молодых. Ванюшке эта наука очень нравилась, то и дело в ясную погоду норовил из двери выглянуть: на много ли Лось [1] на небе повернулся, который час показал.

Федор сердился: избу, мол, зря выстуживает. Но Алексей понимал,

[1] Лось — по-поморски Большая Медведица.

до чего тяжело живому ребенку около дымного жирника днями сидеть, в сырости да в копоти, и потому Ванюшке не перечил.

Без работы сидеть, и хотели бы, не приходилось. Шкур оленьих было вдоволь: Степан с луком на охоте так приладился — даже о любимой пищали жалеть перестал. Но портняжье, а особенно сапожное ремесло подвигалось медленно. Кормщик радовался, что хоть без дела, как другие зимовщики, не сидят.

— Другие на зимовках как сон разбивают, не знаете? — как-то раз спросил он.— Ремни или веревки в мотки узлами вяжут, потом развязывают и вновь вяжут. Потому без дела сон морит, а за ним цинга крадется.

— Тять, а почему они сапоги не шьют и малицы, как мы?

— В других местах олешков столько для них нет,— вмешался в разговор Степан.— И сшили бы, да не с чего. Шкура какая найдется, и ту сварят да съедят. Много народу так, с голоду, мрут. А то и олешки есть, да толку нет: не из чего лук изготовить. Так и пропадают люди, а мясо рядом ходит.

— А песцы? — не унимался Ванюшка.

— И песцов с умом ловить надо. Вот мы с тобой сейчас пасти глядеть пойдем. А на пасти тоже сноровка требуется. Собирайся, месяц давно по небу ходит, тебя дожидается.

Ванюшка, как то услышал,— с нар катышком. Отца уж не спрашивает, знает, что ему со Степаном всюду ходить дозволено. Одно обидно: Степан пищаль с последним зарядом со стены снимает. Небось, с отцом или с Федором рогатины берут, ошкуя вдвоем не боятся. А он чем хуже? Он бы тоже... рогатиной... Но сам только еще подумал, а уж по спине знакомый холодок пробежал. Нет, пищаль-то у Степана хороша. Пускай с пищалью, смелее...

Ночь выпала тихая. Степан с Ванюшкой шли весело — рады, что из душной избы на простор выбрались. И как хорошо! Месяц по небу ходит дозором полные сутки. Снег под лыжами повизгивает, тоненько так, мороз крепкий, аж дух захватывает. Степан впереди, лыжню прокладывает. Лыжи новые, узкие, салом смазаны, сами по снегу бегут. Сами-то сами, а все же за Степаном поспеть не легко, ветер его, что ли, сзади подгоняет? Тихо, только лыжи разговаривают. Вот недалеко песец пробежал, оглянулся, сразу в сторону подался.

Чего это они осенью сами в избу лезли, а зимой сторожкие? И правда шкуру зимнюю берегут?

Песец остановился. Ванюшке хорошо тень его голубая на снегу видна. Сам белый и снег белый, по тени его следить легче. Ванюшка засмотрелся на песца, не заметил, как наехал на камень, торчащий из-под снега, споткнулся и — бух! — руки по плечи в снег ушли, хорошо, что рукавицы к рукавам пришиты, не то ищи их там. Песец, видно, испугался, сразу исчез. А пока Ванюшка в снегу барахтался да на лыжи вставал — Степан так далеко укатил, что его в белом песцовом совике тоже стало не видно. Один Ванюшка в снежной пустыне остался. Он понял это и обомлел, даже голоса не стало крикнуть, позвать. Оглянулся и словно в первый раз увидел: снег белый, на нем тени от скал

синие, а небо темное, темное, все в звездах. И луна на нем. И никого. Он один!

«Песец-то убежал!» — подумал Ванюшка, и от этого такой страх его охватил, точно в песце было все дело. Наконец, одумался, взглянул вниз — Степанова лыжня лежит четкая, как нарисованная. Но ее уже заполняют крупные кристаллы изморози. Еще немного — и не станет видно. Да где же Степан-то?

Ванюшка глубоко вздохнул, не то всхлипнул и вдруг кинулся бежать по Степановой лыжне, сколько было духа.

Лыжня спускалась под горку — и он по ней. Под горкой круто свернула в сторону, и он... попал прямо Степану в объятия. Тот стоял, притаившись за скалой, смеялся...

— Ну и молодец! Ну и промысленник! — приговаривал Степан.— На песца загляделся и на камень наехал. А если бы лыжи треснули, да и ты бы один был? Тогда что?

Но Ванюшка только прижимался к Степану и старался тоже смеяться погромче, чтобы тот не заметил, что он потихоньку всхлипывает.

А Степан все заметил, но виду не подал, так все смехом и кончилось. Ему ли, промысленнику, не знать, что чувствует и взрослый, оставшись один в снежной пустыне?

Шли и по пути охотничью науку повторяли. Степан — учитель строгий: раз скажет, еще повторит, а после берегись, если спутаешь.

— Гляди на заструги. Куда смотрят? Один только бок у них крутой. Почему?

— С которой стороны ветер больше, тот бок не такой крутой, отлогий, — отвечает Ванюшка.

— Молодец,— хвалит Степан.— Потому, как из дома вышел,— примечай, в какую сторону снежные заструги стоят. По ним до дома ворочаться не собьешься. А заодно и под ноги поглядывай,— наставляет будто всерьез, а глаза смешливо глядят. И Ванюшка смеется.

Дорогой за разговорами не приметили, как и до места дошли, где пасти расставлены. Пришлось некоторые из-под свежего снега выкапывать, хотя и поставлены были с толком, в местах, где меньше должно заметать. Лопата у Ванюшки за спиной не зря привешена. Снял ее и со вздохом на Степанову спину покосился: пищаль на ней, с последним зарядом — ошкуя сторожит.

Все пятнадцать ловушек осмотрели, десяток песцов, снега белее, под плахами лежат. Стылые, может, и недавно попались, да много ли в маленькой тушке тепла. Еще когда пасти настораживали, пять шестов высоких крепко в снег вкопали. На каждом шкурка с оленьего хвоста мотается — знак дает. Только Степану те махалки ни к чему: без них, как по веревочке невидимой, на правильное место вывел. Хотя с последнего раза сильный снегопад многое изменил: трещины сгладил, целые овраги снегом замел, все заровнял.

— По новому месту идешь,— не упускал случая поучить Степан,— смотри — над трещиной снег маленько западает, тут уж сторожись, не наступи — пропадешь.

Пока шли да копали, разогрелись, словно и мороз не велик. При-

сели в стороне от ловушек, мясо, что за пазухой грелось, вынули и вкусно пообедали, за ушами трещало. И тут Ванюшка почувствовал: ноги гудят, отдыха просят. А мороз только той минуты и ждал — и безветра, а нашел, как к телу добраться. И в лицо дохнул, и за пальцы хватается — просто терпенья нет. Пожалуй, еще посиди и вовсе заледенит.

Степан, видно, тоже почувствовал: встал, потянулся.

— Месяц,— говорит,— на другую половину круга перешел, по которому по небушку ходит. Гляди, тень-то с другой стороны от камней да от торосов на берегу перекинулась. Ты на все гляди, примечай, оно все путь тебе указывает. Привыкнешь эту науку разгадывать, и везде тебе под небом родной дом будет.

Начали песцов делить, кому сколько нести. Степан Ванюшке пару на спину привязал. Остальных ремешком перетянул, разом на плечи вскинул. Ванюшка взялся спорить, обиделся. Степан глянул на него с лаской, сказал спокойно:

— Ты, груманлан, с мое вырасти, все ровно делить будем. А пока делим по силе и по совести. Уразумел?

— Уразумел,— неохотно ответил Ванюшка. «Эх, кабы скорей до Степана вырасти»,— подумал, но сказать не посмел.

Пасти снова насторожили, кусочков оленьего мяса кругом накидали для приманки. И назад по своей же лыжне направились.

Шли ходко: дорога знакомая, трещин опасаться не приходится. Мороз понемножку от Ванюшки на ходьбе отступился, но зато песцы точно тяжелей сделались, а Степан — все быстрей, что ли, идет. Лыжи у него сами катятся? А Ванюшкины лыжи, вроде как песцы, тоже тяжелеют, или это ноги заленились, двигаться не хотят? А дорога длинная, белая, с сине-черными тенями, и та и не та: тени на другую сторону перешли, и каждый выступ скалы, что из-под снега высунулся, на себя не похож сделался. Но Ванюшка уже по сторонам смотреть перестал. Только бы не споткнуться. А как упадешь да не встанешь, а Степан опять уйдет. И не остановится... Что тогда? Крикнуть? Нет! Губы мальчика сжаты, брови сошлись у переносья, глаза опущены. А если взглянуть в сторону... Он и не смотрит в сторону и глаз не поднимает. И потому не видит, что Степан часто оборачивается, приглядывается к нему и довольно кивает головой. Ему все понятно. Молодец малец! Настоящий груманлан!

Наконец дошли. Сняли совики и сапоги, за стол сели ужинать, как настоящие, хорошо потрудившиеся промысленники.

Ванюшка никогда не узнал, что так и заснул за столом, не успел донести до рта куска жареного мяса. Загрубевшие в тяжелой жизни зимовщики уложили его на медвежью шкуру и покрыли песцовым одеялом так заботливо, как могла бы уложить его только мать, которую он в эту ночь видел во сне.

Глава 10

СОЛНЦЕ! СОЛНЦЕ!

Сегодня кормщик целый день вел себя не по-обычному: за что ни возьмется — не доделает, бросит и опять свою численную палку со стены снимает. Лоб морщит, зарубки на палке пересчитывает. Ужинать сел неохотно, ел — не замечал, что ест. После ужина вдруг вскочил, без шапки из избы вышел и долго стоял у двери, смотрел на звезды. А вернувшись в избу, вновь за палку схватился: приладится зарубку положить и опять нож отведет, сам губами шевелит, про себя шепчет.

Молодые чулки меховые чинили, молча на него поглядывали, наконец, терпенья не стало.

— Дядя Алексей,— заговорил Степан,— ты не в шаманы подался, какие у самояди колдуют, судьбу вызнают? Чего от нас таишь?

Федор тоже глаз с кормщика не сводит — ждет. А Ванюшка глянул на отца и не заметил, как новая иголка в руках хрустнула — сломалась.

Алексей отвел глаза от палки, смотрит: все трое сидят в ряд и шеи, как один, вытянули, ответа дожидаются. Усмехнулся.

— Не хотел вас тревожить,— сказал,— пока еще посчитаю, чтобы ошибки не вышло. Завтра на горе солнце встречать будем. Будто я в счете не сбился. А коли сбился, так самую малость, может, дня на три, не более.

— Ох, кабы не сбился! — Ванюшка даже руки к груди прижал, так сердце забилось от радости.— Кабы не сбился! Сил нет, солнышка дождаться бы!

— Аль на жирник глядеть наскучило? — пошутил Степан, но и сам не вытерпел: встал и зашагал по избе, вперед — назад, вперед — назад, к двери и снова к столу. Но в тесной избушке не расшагаешься: потоптался, вздохнул и снова сел на нары.

Федор словом не откликнулся, даже чулка не положил, но руки приметно вздрогнули, видно, и у него душа по свету истомилась.

Солнце! Подумали о нем и, точно в первый раз, увидели: до чего черны от жирной копоти стены избушки и как по ним от пола иней пробирается... Выше, выше... И от ледяного его дыхания даже костяные иголки стынут и холодят загрубевшие пальцы.

Так сидели они на нарах, подобрав под себя ноги, смотрели на тусклый огонек жирника, и время, казалось им, двигалось медленнее, чем белый иней по черной стене.

— Спать,— проговорил, наконец, кормщик и повесил драгоценную палку на деревянный гвоздь в стене.— Утро вечера мудренее, а то истомились. Сном время скорей пройдет.

Сказал и сразу на жирник дунул, чтобы потом никому не вылезать из-под одеяла гасить огонь.

Сборы ко сну недолги, света не требуют. Только сапоги и снимали, ложились в меховых чулках.

— Небось, скоро солнышко без заходу по небу пойдет,— уже в темноте сказал Степан.— То-то налюбуемся!

— А все не так радостно будет, как завтра, когда хоть краешек

увидим,— неожиданно живо отозвался Федор, и все с удивлением прислушались к нему: давно от него такого голоса не слыхали.

«Может, и правда, на солнышке оправится»,— порадовался за Федора кормщик.

Ванюшка молча свернулся калачиком на нарах, покрытых медвежьей шкурой, сверху меховое одеяло натянул, а все равно в сырой избе да в сырой одежде никак не согреешься. Устало тело, тепла просит. Вот солнышко взойдет, пригреет... С этой мечтой мальчик и уснул. А взрослые, думая каждый о своем, лежали так тихо, что каждый про соседа сказать не мог: спится тому или нет.

Когда спать ложиться, а когда вставать и за дела приниматься, про то кормщику звезды показывали, потому что в долгую полярную ночь круглые сутки темно.

Кто спал, кто так лежал, а как только Алексей окликнул, все вскочили, как никогда, быстро. С печкой и с завтраком справились дружно и отправились встречать солнце. У каждого была одна дума: «Только бы пурга не помешала». Но небо было ясное, и ветры, видно, все спать улеглись. Тихо вокруг, только снег под ногами похрустывал, когда на гору шли. Дорога знакомая, трещин опасных нет. Ванюшка еле сдерживался, чтобы не забежать вперед. Знал: Степан того не любит, сам впереди идет, дорогу прокладывает, и про ошкуя не забывает.

Дошли. Наверху, на горе, тоже тихо. Но мороз крепкий. Ванюшка то и дело нос, щеки рукавицей оттирал и с завистью косился на Степана. Хоть и в потемках, а заметно: тот ни разу руки к лицу не поднял. И мороз его не берет!

— Тут дожидаться будем! — проговорил кормщик негромко, точно боялся кого потревожить. Они стояли на возвышенности, ровной как стол. Белый снег от сияния звезд слабо отсвечивал. На нем чернели камни и скалы: на крутых боках снег не держался. Небо то ли черное, то ли синее — не разобрать, но чистое, все звездами усыпано.

«Им там, поди, холодно»,— подумал Ванюшка. Степан его за руку дернул:

— Не туда смотришь, солнышко прокараулишь!

Ванюшка обернулся, да так и застыл: край неба закраснелся у самого горизонта, все ярче, краснее. И вдруг, в этой красноте, Ванюшка не заметил, как появилась черточка еще ярче, еще краснее. Появилась и стала расти. Вот уже не черточка, а точно краюшка горбатенькая. Все выше показывается и плывет, краснея, в небе. Но что это? Опять пониже стала, поменьше, самый-самый краешек беснул и пропал. Все! Небо еще густо краснеет, а солнца уж нет.

— Ушло! — охнул Ванюшка и ступил вперед, протянув руки.

Отец едва успел крепко ухватить его за плечи.

— Над самым обрывом стоишь, неразумный,— сказал тихо.— Иль солнышко поймать собрался?

Долго молча стояли они, не в силах отвести глаза от того места, где серые сумерки готовились сменить яркую краску неба.

— Дождались! —Алексей широко перекрестился и, низко поклонившись в пояс, коснулся снега рукой.— Батюшка-солнышко, взгляни на нас опять, не забудь!— проговорил он торжественно, словно читал молитву. И тут сразу, будто кто дунул на край неба, серые сумерки сменились ночью.

— Когда ж оно совсем-то покажется? Когда? — тоскливо проговорил Ванюшка.

— Теперь уж скоро,— отозвался отец.— Каждый день вот так-то выглядывать станет. Что день, то выше и по небу дольше путь держать будет. А потом все выплывет и чуток от земли оторвется. То-то радости будет!

Так переговариваясь, они не могли оторвать глаз от темного неба, хоть и знали, что новой радости ждать надо ровно сутки.

— Так бы тут до завтрева сидел и на небушко смотрел,— заговорил Федор, и опять все удивились его голосу, поняли: ему, молчуну, темную ночь терпеть, может, еще было горше, чем им.

— Досидишься, пока ошкуй заглянет, чего, мол, тебе тут понадобилось?— отозвался Степан. Но не смехом сказал, а душевно, и Федор понял, не обиделся на него.

— Пойдем, коли так,— сказал только со вздохом и первый двинулся к обрыву, где спускаться вниз было проще.

По узкой трещине шли медленно, гораздо медленнее, чем взбирались наверх. Шли и оглядывались в темноте, словно оставили там что-то дорогое.

Когда отворили дверь из сеней в избу, слабый огонек жирника дрогнул от тока морозного воздуха, мигнул приветливо и потух.

— Жирник-то за все время первый раз загасить уходя забыли,— заметил Степан.—Не до того было.

Жирник опять зажгли, стали вокруг стола и стояли так долго, словно не знали, за что приняться. Первым очнулся кормщик.

— Неладно так, ребята,— сказал.— Жить нам с солнышком легче станет, а пока оно на небо заберется, дела забывать не след.

— Опять сапоги тачать да чулки латать,— уныло проговорил Федор, сел на нары и сгорбился.

— Дядя Федор, а у меня иголка есть такая хорошая, просто сама шить способна,— подошел к нему Ванюшка и заглянул в грустные глаза. И столько участия было в детском его голосе, так жалостливо он смотрел, что и Федор это почувствовал. Поднял голову и, за много месяцев впервые, улыбнулся. И такая это была неумелая улыбка, так не шла она к заросшему его черному лицу, что не только у Ванюшки, но и у взрослых поморов душу защемило.

Глава 11

НА ПРОМЫСЕЛ

Что ни день, то солнце все больше выглядывало из-за земли. И уходить не торопилось. Красное, большое, глаз не слепит, а душу радует. Зимовщики ждали его к полудню как праздника, из избы выходили

встречать. Ванюшка целый день тень свою шагами проверял: на сколько она короче становится.

— Гляди, Степа,— радовался он,— пять шагов я намерил, а намедни восемь было!

— Еще несколько дней пройдет, и вовсе твоя тень мала станет, дай только солнышку повыше на небо забраться,— отвечал Степан.

Солнце и не только тени на земле показало, зимовщики друг на друга поглядели и ужаснулись: волосами обросли не хуже зверей лесных, а грязи на лицах, на теле— не отскоблишься.

— Не беда,— утешил Степан.— Стретьев день[1] скоро, промыслу начало. Жиру нерпичьего наберем, с золой сварим и тем отмоемся.

— Солнце-то явилось, а тепло не торопится,— отозвался кормщик.— Тепла дождемся, на дворе и помоемся. А в избе нельзя: сырости еще больше стены наберутся.

Ванюшка не находил себе места: на промысел со старшими готовился.

— Стретьев день завтра будет! — сказал, наконец, кормщик. Он осторожно, с уважением, провел рукой по своей палке-численнику.— Завтра солнышко от земли совсем оторвется. В полном лике нам покажется. Кутела к промыслу готовы ли? — спросил он, помолчав, но больше для порядка: известно, кутела с осени изготовлены, по колышкам на стенках развешаны. И сколько раз уже, томясь от зимнего безделья, зимовщики точили их железные носки, жиром смазывали, чтобы железо в избяной сырости не заржавело.

Ванюшка свое кутело потихоньку к другим примеривал. Ох, короче оно, короче! Когда же он сам до больших дорастет и все у него будет, как у Степана: и лук, и кутело, и рогатина? Не утерпел малец, подошел к двери, попросил Степана:

— Степа, зарубку на притолоке сделай, со старой примерь, может, я за зиму подрос?

Степан хотел было посмеяться, да увидел, с какой надеждой на него смотрят Ванюшкины глаза. Взял нож, сделал на притолоке новую зарубку, ответил серьезно:

— Подрос маленько, сам видишь, на палец от прошлой зарубки, как ты мерялся. За лето под солнышком и больше подрастешь, не горюй. Ступай лучше на волю, учись кутело метать.

Ванюшка живо собрался, выбежал из избы. И правда, поспешать надо: может, и он своим кутелом нерпу промыслит. Кутело не простая снасть. Железный носок у него на древко надет не намертво, не так, как нож у рогатины. К нему длинный крепкий ремень привязан. Метнет охотник кутело в нерпу или лысуна, и бывает, тот раненый успеет с кутелом в воду кинуться. Однако носок с древка соскочил и крепко у него в теле застрял, а конец ремня у промысленника в руках. Зверь на привязке от него не уйдет.

Стретьев день выдался на редкость тихий и ясный. Вот и солнце появилось: выше, выше, края земли уже не касается, вольно по небу, как по морю, плывет.

---

[1] По церковному календарю 15 февраля.

Кормщик опустился на колени, солнцу в землю поклонился, и все зимовщики за ним так сделали. А Ванюшка не утерпел, поклонился и тут же обернулся, смотрит: на сколько его тень короче стала?

Алексей встал не спеша, снял рукавицу, провел рукой по глазам.

— Прозимовали мы, ребятушки, солнышка дождались, глядишь, и выручки от добрых людей дождемся. Быть того не может, чтобы за лето до осени к нам какой карбас не заглянул. Спасенье нам привезет. А мы тем временем зверя напромыслим, не с пустыми руками домой воротимся.

Сказал и зорко на всех смотрит, поверят ли?

Ванюшка даже на месте от радости перекрутился, он сразу поверил в спасительный карбас. И Степан улыбнулся весело. Один Федор стоит, в землю смотрит, тяжело на палку опирается.

— Нет,— сказал тихо.— Мне, дядя Алексей, того карбаса не дождаться.

Ванюшка схватил Федора за руку, крикнул:

— Дядя Федор, не говори так, не говори. Придет карбас, всех нас выручит!

Федор поднял голову, посмотрел на него: лицо как у чертенка сажей вымазано, а глаза смотрят ласково, тревожно. Хмурое лицо Федора разгладилось, точно просветлело.

— Добро, малец,— сказал он только. Улыбнулся, Ванюшку по плечу потрепал. Так это на него было непохоже, что все удивились, но виду не подали, чтобы не смутить, и повернули к дому. Надо было готовиться к промыслу.

Домой добрались уже в сумерках. На душе стало радостнее — дождались полного солнца. Даже жирник в тот вечер горел как будто светлее и коптил не так сильно.

А Федор с того дня заметно переменился. Мягче стал, особенно к Ванюшке: на живость его и на расспросы не сердился.

Прошло немного времени, а день заметно прибавился. Солнце, как из-за моря покажется, вверх идет, и не красное оно, а золотое, плывет по голубому небу. Смотреть на него глазам больно. Однако снег хоть и блестел под его лучами как сахар, но таять еще не собирался. Весна в таких местах не летит, а медленно наступает: мороз очень уж крепко схватил и лед, и снег за долгую зимнюю ночь.

В этот день зимовщики с берега на припай спустились еще затемно, пробирались торосами. Степан еще раньше разведал: морского зверя у конца припая много, уже есть и бельки — новорожденные. Шли осторожно, у каждого кутело в руках, у Степана, кроме того, рогатина за спиной — на случай, если ошкуй, пробираясь к залежке, на одной тропе с ними встретится.

Степан впереди шел, с оглядкой, за ним кормщик. Ванюшка, по отцову приказу, последний. Ногами ступал осторожно, боялся, чтобы ненароком не стукнуть кутелом, чуткого зверя не спугнуть. На всех были надеты белые песцовые совики, чтобы зоркий нерпичий глаз их раньше времени не приметил.

Вот, наконец, на сияющем белом снегу издали завиделась маленькая, точно игрушка, нерпа. Ее серо-желтая блестящая шкура на свету отливала серебром. Нерпа соскучилась по солнышку и вылезла на лед понежиться. Но об осторожности не забывает. На минуту задремлет и вот уже опять поднимает голову, осматривается. Сейчас она вдвойне осторожна: в снежном сугробе, как в уютной комнатке, лежит ее белый пушистый детеныш — белек. Шубка у него теплая, но для воды не годится: намокает. Белек и сам будто это знает, в воду не просится. Лежит в своей норке, пока пушистый мех не сменит на непромокаемую шубку, такую, как у матери. Он смешной, неуклюжий, точно не звереныш, а бочонок с жиром. Иногда он выберется из своей норки, ляжет один на снегу, а мать отправится на охоту. Беда, если приметит его хищный поморник или белая полярная сова. Они выклюют ему выпуклые немигающие глаза, а он и защититься не может. Но если такой беды не случится — спокойно лежит и дремлет. Мать придет, покормит, и опять лежи и дремли. Снов, наверно, не видит: что он знает в жизни кроме теплого бока матери, ее ласкового голоса?

Нерпа и сама зимой не выходила из своей снежной хижины: с осени тут же в полу, пока лед был тонкий, сделала продух — ход в воду и всю зиму не давала этому окошку замерзать. Через него ныряла в воду, охотилась за рыбой. Теперь солнышко выманило ее на лед погреться. Полежит — и к себе в норку, малыша покормит и под воду за рыбой нырнет.

Когда промысленники издали завидели нерпу — пошли еще осторожнее, а потом и поползли между торосами. Поднимет нерпа голову, они не ползут, ждут, пока снова не задремлет. Ванюшке уже стало чудиться, что они целый день ползут, а нерпа от них все дальше уходит. Но вот уже совсем близко. Нерпа еще раз осмотрелась, опустила голову, и тотчас Степаново кутело сверкнуло на солнце. Удар был меткий, нерпа дернулась и замерла.

— Ма-ма-ма,— закричал кто-то жалобно, не то по-ребячьи, не то как ягненок заблеял. Беспомощно дергаясь, белек высунул из щели в снегу круглую головку. И глаза на ней круглые, не мигают. Словно даже похожа немного на ребячью головку. И не похожа...

— Ма-ма,— повторил белек и неуклюже сунулся назад — испугался.

Ванюшка тихонько охнул и отвернулся.

Через минуту все было кончено. Алексей молча хмуро покосился на сына, перекинул кутело на плечо. Другие нерпы поблизости беды не дожидались, в тот же миг скатились в лунку под лед. Степан быстро ремнем привязал белька к боку матери. Ванюшка все стоял отвернувшись.

— Завтра по-темному пойдем,— проговорил Алексей отрывисто уже на ходу.— Подальше, где ты, Степа, залежку высмотрел. Федора возьмем, лахтак не нерпа, груз большой, санки захватим. По-темному и возвернемся, а Ванюшка дома останется, избу топить.

Ванюшка испуганно оглянулся, на хмурое лицо отца посмотрел, но спорить не решился. Один в избе. Ох и жутко! Молча переложил кутело на другое плечо. Что-то оно тяжелее ему показалось.

В избе нерпу быстро разделали: шкурку с ластами целиком сняли, в нее, как в мешок, сложили жир нерпы и белька. Пока возились, у Федора нежное мясо белька уже готово. Поужинали, горячего отвара салаты напились и легли спать.

Ванюшка чувствовал: недоволен им отец. Приметил, как он от белька отшатнулся, духу настоящего для промысленника у него не хватает. И сам Ванюшка недоволен. А как вспомнит, что белек «ма-ма» кричал, ну чуть не по-ребячьему... Ну и что? Промысленнику про то и думать не след. Какой же тогда с него промысленник будет? А он, Ванюшка, все равно думает... Совсем замучился. И вдруг пришло в голову: завтра из кости он белька вырежет, как тот из норки смотрит. А нерпу из дерева хорошо вырезать. Будто она по белому снегу к бельку ползет, ластами подпирается. Даже пальцы защекотало, точно они уж кусок кости держат, откуда лучше резать, прикидывают. И тем утешенный Ванюшка заснул.

Давно у Ванюшки не было такого горького утра. Вскочил с постели, едва старшие зашевелились. Дрова разжигать помогал, мелко наколол лед, чтобы вода скорей закипела. Сухие меховые чулки отцу подал, самые теплые, и в глаза ему заглянуть старался — не передумал ли? Но Алексей его мысли отгадал, ласково, но решительно похлопал по спине.

— Маловат ты еще, Ванюшка, а ледовый промысел дело не легкое. Там, на льду, не то зверя стеречь, не то об тебе заботиться.

Ванюшка голову опустил. Понял: отцово слово твердое. Отошел и взялся за кутела: пока старшие собирались, тер и чистил железо, так что оно засияло, как зеркало. Молча все три кутела прислонил рядышком к стенке и отвернулся, словно и не его дело. Степан не вытерпел, взглянул на Алексея умоляюще, но тот только чуть заметно дал знак бровями. Тем дело и кончилось. Вдвойне горько было Ванюшке, что не взяли старшие кутела, на диво им высветленные. Вместо них Степан принес из сеней тяжелые дубинки-палицы.

— Не надо, Ванюшка,— сказал.— Морского зайца там лежит видимо-невидимо, подобраться легко, а головой он слаб, стукнешь раз — и готово.

— Ванюшка,— сказал отец, уже собираясь переступить порог,— печь истоплена, не замерзнешь, и еда тебе готова. Далеко от дома не ходи, пуще всего берегись, чтобы ошкуй не подобрался. Бог даст, с добычей вернемся, долго не задержимся.

— Ладно, тятя,— мужественно ответил мальчик. Дверь захлопнул и засов задвинул он очень проворно. Тепло беречь выучился. И еще потому, что в одиночку, за закрытой дверью, можно было вдосталь нареветься. Оно груманлану и не подходит, да уж очень крепко за сердце взяло.

Снег белый, чистый, на солнце отсвечивал нестерпимым блеском. Хорошо, что зимовщики об этом еще подумали до солнца: каждому

сделали дощечку с узкой прорезью для глаз. В прорезь все видно, а от снежного блеска защита.

На припай спустились, когда солнце еще невысоко поднялось над горизонтом. Шли быстро, нужно было успеть дойти до края припая, там Степан разведал большую залежку морского зайца. Задерживали торосы, приходилось крутиться и так и эдак. Санки тоже мешали, за льдины цеплялись, катились неровно, не досмотришь — и стукнут, зверя всполошат.

— Тысяча их тут, как не больше. Да нам от них прибыли мало: трех застукаем — и хватит сала на жирник и кожи на сапоги. Больше не довезем,— с сожалением сказал Степан.

Ласковое ворчание матерей, жалобные крики малышей скоро стали слышны так громко, что уже и случайный стук санок о льдину был не страшен. Весь край припая покрывали серо-желтые тела: матери и бельки-детеныши. Движение ни на минуту не прекращалось. Матери, то одна, то другая, ныряли в воду покормиться. Детеныши тотчас поднимали жалобный крик. Бельки не были беспомощными, они ползали, толкали друг друга. А их толкали чужие матери. Они уже вернулись с охоты и бесцеремонно отбрасывали чужих, попавшихся на дороге. Те кричали еще громче, пока каждого не находила его собственная мать. Она поспешно ложилась на бок, и счастливый малыш сразу умолкал: одновременно кричать и пить теплое молоко невозможно.

Как в этой крикливой сутолоке каждая мать безошибочно находила своего детеныша — удивлялись даже промысленники. Они уже давно выглядывали из-за ближнего тороса, разгоревшись от охотничьего азарта.

— Богачество-то какое! — вздохнул Алексей.— И нам оно ни к чему. Берись, ребята, каждому по одной, живей!

Три удара тяжелыми палицами, и в несколько минут все было кончено. Если бы промысленники подошли не с боку, а оказались между стадом и краем ледяного поля, обезумевшие звери в бегстве сбросили бы их в море. Но, едва погрузившись в воду, они вновь выставили усатые головы: на льду остались плачущие малыши. Некоторые матери, опираясь на лед ластами, казалось, готовы были броситься на защиту детей. Но промысленники уже не думали о них: торопливо привязывали на санки убитых, тревожно поглядывая на край неба, куда молча показывал Алексей. Погода быстро переменилась. Солнце исчезло в тяжелой туче, с моря доносился зловещий гул и грохот.

— Не пришлось бы нам добычу кинуть, самим от беды оберегаться,— проговорил Степан и туже завязал ремешок капюшона. Каждый с трудом тянул тяжело груженные санки, торопился.

Гул с моря усилился, где-то вдали лед уже начал трещать и ломаться, темные грозные тучи сплошь затянули небо. Но идти пришлось недолго: треск, страшный толчок — и промысленники едва удержались на ногах: край толстого ледяного припая, на котором они стояли, отломился так легко, точно откололи ножом кусок сахара, и быстро отдалялся от берега

Вся залежка сразу пришла в движение. Матери уже не обращали внимания на охотников: выбравшись на лед, каждая старалась унести

детеныша в безопасное место. Новый толчок, еще более громкий треск, и поперечная трещина отделила от них льдину, на которой остались промысленники с санками. Снежный вихрь быстро превратился в ураган, скрыл от них матерей с детенышами, но зимовщики о них не думали.

Степан взглянул на кормщика, тот что-то говорит.

— Ванюшка! — различил он сквозь вой ветра.— Один ведь, пропадет!

Но тут льдину так тряхнуло и покосило, что люди едва на ней удержались, цепляясь друг за друга. Санки Федора, чуть не сбив его самого, скользнули по наклону и исчезли в вихре снега. К счастью, посередине льдины, видно, давно крепко вмерзла торчком угловатая глыба льда. К ней привязали оставшиеся санки с еще теплыми тушами зверей и, согнувшись, сами прилегли за ней — хоть какая-то защита от снега, бившего в лицо. За санки крепко держались, чтобы не сбросило в воду новым толчком.

Весь край припая теперь раскололся на отдельные льдины, и они плыли, сталкиваясь и расходясь, в вихре крутящегося снега. Вдруг у края льдины высунулась из воды круглая голова. Тюлень выметнулся на льдину и двигался прыжками, высоко поднимаясь на ластах. В одну сторону, в другую, вот повернулся и снова скатился в воду. Послышался жалобный голос и смолк, унесенный ветром.

— Дите свое потеряла, ищет,— сказал Степан. Слов не было слышно за грохотом, но зимовщики поняли. Поняли и жалостью откликнулись, хотя сами только что на таких матерей смотрели как на добычу.

Никогда еще для Ванюшки время не тянулось так медленно. Из избы часто выходить — последнее тепло выпустишь. Солнце хоть и греет, а мороз не отступает.

Когда старшие ушли, он из избы все-таки выскочил, поглядеть им в след, да уже не увидел. Постоял, замерз и опять в избу, хорошо хоть день солнечный, жирник погасить можно, чадом не дышать. Подумал — чем бы время скоротать и вдруг вспомнил: а нерпу-то с бельком резать, не заметишь, как и день пройдет. Достал из-под нар клык моржовый, нож наточил и принялся за дело. Он уже знал: по пальцам вот так, словно зуд пойдет — значит, работа будет спориться.

И правда пошло: голова белька как живая в будущей снежной норе обозначилась. Глаза бы ему черные сделать, да не из чего. Задумался. Ладно, камушек где-нигде черный найду, сделаю.

Точил кость, точил, пока пальцы и плечи заломило. И вдруг темно стало, глянул в оконце, затянутое пузырем, и дрогнул, чуть белька из рук не выронил. Ни солнца, ни света, пурга окошко замела, и с моря слышится грохот, лед, видно, ломает.

Ванюшка прислушался, охнул, схватился за голову руками. «Лед ломает. А по льду-то как они домой доберутся? Спасутся ли?»

В избе и вовсе темно. А он один... А там...

Ванюшка духом собрался, встал с нар. Из мешочка кремень с огнивом вынул, жирник засветил. Все лучше, чем в темноте. Окошко доской

задвинул. А сам то к жирнику присядет, белька в руки возьмет, то на стол его положит и к двери метнется — буря не стихла ли?

Нет. Грохочут льды, ярится море. А отец? А Степан? А Федор?

Ванюшка так затосковал, что и сам не помнил, как на нарах оказался, в слезах под медвежьей шкурой уснул. И спал, должно быть, долго: потому что как проснулся, в жирнике жиру осталось на донышке и фитиль шапкой нагорел.

Ванюшка оправил жирник. Тени от стола отползли, по углам запрятались. Доску оконную отодвинул — пурга метет, не утихает. И море гремит без устали. А в избе холодает, и на смену черным теням все выше по стенам ползет иней.

Но горе — горем, а есть все-таки надо Пожевал Ванюшка холодного мяса, Федор много его нажарил, на всех бы хватило. Холодного отвара из чугунка напился, смотрит, а на него голова белька из куска кости, хоть глаза еще чуть обозначены, а будто тоже глядит. «Вот его как бы скорее сделать, а с ним и в избе веселей будет». И сразу по пальцам колотье пробежало. Ванюшка взялся за нож, и на душе стало спокойнее.

Моржовая кость твердая. Долго трудился Ванюшка, пока голову белька отработал, за ней шею, вокруг нее кость вырезал глубоко, словно белек из своей норы выглядывает. За этим занятием, наверное, прошел не один час. Но вот нож выпал из натруженных пальцев. Ванюшка потянулся жирник поправить и чуть не вскрикнул, такой болью кольнуло в занемевшую спину.

— Будет. Наработался,— проговорил он степенно, по-взрослому и вдруг неожиданно для себя всхлипнул.

— Тять, тятя! — позвал он жалобно, уронил голову на стол и тихо заплакал.

Жирник чуть потрескивал, тени в углах точно перешептывались: ползти — не ползти дальше? Иней серебрился гуще. Пурга выла за дверью, налетала на стену так бешено, что старые бревна вздрагивали. Белек смотрел слепыми глазами на всклокоченную детскую голову, неподвижно застывшую на столе. Сон сморил Ванюшку уже второй раз за время, как ушли промысленники. Как давно это было? И сколько еще придется ждать их возвращения? Если... если они вернутся.

Глава 12

ДОЖДЕТСЯ ЛИ?

Промысленники не знали, скоро ли день перейдет в ночь: темные тучи опускались все ниже. Говорить было невозможно: льдины с грохотом лезли друг на друга, становились дыбом, опрокидывались. А то остановится льдина и начнет крутиться на месте, пока зимовщики перестанут соображать — с какой стороны берег, с какой — открытое море.

Федор с Алексеем вместе за одни санки держались. Степан перебрался к ним ближе. Свои санки крепко привязал к ледяному стояку. Спасаясь от холода, жались друг к другу. А руки совсем окоченели. Уже не чувствовали, крепко ли держатся за ремни. Но привязать себя к санкам боялись: не перевернулась бы с ними вместе льдина, их нена-

дежный приют. Кормщик не так за свою жизнь боялся, как виделся ему Ванюшка, один в остывающей избе. Совсем один... если они не вернутся.

Несколько раз их льдину подносило к твердой кромке припая. Но тут же новый удар откуда-нибудь сбоку швырял ее обратно, и не успеть было перескочить с нее на твердый лед. Холод пробирал до костей. Долго ли они смогут такое выдержать?

Когда солнце на небе проглядывало, промысленники заметили, что темная полоса воды у припая ширится: ветер переменился, еще злее стал дуть, прямо от берега.

— В голомя[1] понесло,— сказал Алексей тихо.

Теперь на льдине стало как будто спокойнее: другие льдины рядышком плыли, так сильно друг на друга не лезли. Но легче ли от этого, если земля все дальше, надежды на спасение меньше?

Вдруг Степан толкнул кормщика в плечо, на что-то за спиной у него показал. Тот оглянулся и вздрогнул. Не одни они в просторное море уплывают: совсем рядом еще льдина плывет и на ней, не торопясь, огромный медведь ужинает, уже половину морского зайца уплел.

— Как у себя в избе распоряжается,— проговорил Степан.

Медведь услышал человеческий голос, повернул голову, повел черным носом, словно нюхом проверил — что, мол, за соседи такие нашлись? — и опять за ужин принялся.

Алексей с Федором кутела тихонько приготовили, чтобы зверя не насторожить. Но тот и оборачиваться перестал, точно в море, кроме него, других пловцов и нет. Когда от тюленя половина осталась, потянулся, зевнул, мордой о чистый снег потерся и улегся к людям спиной. Тем временем обе льдины друг к другу тесно приладились и рядышком поплыли.

Ветер гнал лед от берега, льдинам стало просторнее, они плыли спокойнее, и спокойнее становилась под ними вода. Ветер, наконец, утомился или ему дикая пляска надоела, понемногу начал спадать, а вскоре и совсем ослаб. Тучи разошлись. Вдали еще кое-где бились и терлись друг о друга льдины в тесных местах, а промысленники со страшным соседом уплывали все дальше в морской простор.

— Так вот и наш карбас от берега утащило...— проговорил Алексей не громко, боясь потревожить медведя голосом.

Он не договорил: льдина подплыла к большому ледяному полю и остановилась. Медведь словно этого и ждал. Встал, потянулся, не спеша перешагнул на поле и пошел, не поглядев на соседей.

Солнце скрылось за море, небо вызвездило, мороз крепчал.

— Дядя Алексей, что велишь? — нарушил молчание Степан.— Иль на то поле переходить? За ошкуем вслед?

— Перейти надо,— решительно ответил кормщик.— Ошкуй знает, что делает, стало быть там надежнее.

Перешагнуть на поле было легко, их льдина к нему впритык стояла. Санки тоже перевезли, но с Федором пришлось повозиться — крепко замерз, на ногах с трудом стоял. Перевели, поддерживая под руки,

---

[1] Голомя.— открытое море.

заставляли ходить: поле оказалось большое, толчков и качки почти не чувствовалось.

— Огонь надо разводить,— сказал Степан, когда Федор немного в чувство пришел.— Его обогреем и сами обогреемся. Давай топор, дядя Алексей, я разом! И от ошкуя огнем обережемся.

Разводить огонь на льдине — для промысленников дело привычное. Тюленьи туши замерзли как дерево. Та, которую медведь не доел, замерзла не так сильно. Ее тоже на большую льдину перетащили. Медведь сыт и скоро за ней не вернется. Степан быстро разрубил тушу, развернул шкурой вверх.

— На ней и огонь разведем,— сказал.— Одни санки порубим, жиру подкинем, сами согреемся и мяса пожарим.

— Ошкуй бы к нам на ужин не пожаловал, как паленым салом запахнет,— опасливо проговорил Федор.

Степан с досадой головой тряхнул:

— Нам от того худо не будет: мяса прибавится и шкурой накроемся, не замерзнем. А ты, Федор, бери топор, мясо руби, тем согреешься. Меньше про ошкуя думать будешь.

Костер разгорелся быстро, вокруг него на льдине светло, зато дальше темнота еще больше сгустилась. Хоть и невелик огонь, а от него повеселели зимовщики. Ломти тюленьего мяса на палочках от санок нажарили, поели с жадностью, обжигаясь горячими кусками.

— Внутри точно печку затопили,— сказал Степан, а сам на кормщика украдкой взглянул — не улыбнется ли. Но тот на шутку не отозвался, молча вдаль смотрел, свое думал. Про что думал — понятно.

Вдруг Федор вздрогнул, руку с куском опустил.

— Пришел! — сказал одними губами,— на сало наманился.

Степан оглянулся и, как ужаленный, схватился за рогатину. Медведь ступил на освещенное пространство так незаметно, точно вырос из белой льдины в нескольких шагах от зимовщиков. Он стоял неподвижно, переводил глаза с людей на костер и опять на людей, изучая новое, любопытное для себя. Казалось, он и сам еще не решил, как ему дальше поступать, и действовать не торопился.

— Не шевелитесь,— проговорил кормщик тихо.— Может, сам уйдет. Если пригнется малость, тогда готовься, прыгнет.

Но медведь все внимание обратил на костер: свет или сильный запах горелого мяса его приворожил, он стоял и смотрел на огонь не отводя глаз. Наконец люди не вынесли ожидания, осторожно, чуть двигаясь, перебрались так, что костер оказался между ними и медведем. Ждать стало легче. Но медведь еще постоял немного, повернулся, подошел к краю льдины и с шумом плюхнулся в воду, поплыл между льдинами так спокойно, будто просто решил искупаться.

— В воду, как в избе на печку скакнул,— вздохнул Степан.— Нам бы так!

— Опять ты, Степа, языком своим ошкуя накликал,— сказал Федор сердито.— Ишь как: «Шкурой накроемся», дал бы он нам шкуру!

— А что? Нам с дядей Алексеем не впервой. Две шкуры в избе лежат? И третью бы не помешало,— отозвался Степан и, положив рогатину, протянул руку к огню.— Не пришлось бы нам на этом ледяном карбасе еще поплавать, сам о теплой шкуре запечалишься.

— Постой,— перебил его Алексей, вскочил, прислушался.— Не чуете? Ветер снова переменился, в голомя нас боле не гонит, будто вдоль берега пошли. Коли так, может, бог благословит, льды сдвинутся, по ним до земли доберемся.

Степан проворно вскочил, вырвал из совика пушинку, пустил по ветру.

— Правду молвишь, дядя Алексей,— радостно воскликнул он.— Гляди, и пушинка то показывает. Где-нигде, а на берег переберемся. Солнышко вот скорей показалось бы, с ним и на морозе словно теплее.

Горькая и долгая была эта ночь. Слабому огоньку на тюленьей шкуре не под силу бороться с грумантским морозом. Один дежурил у костра, двое, ложась спать, засовывали друг другу ноги под малицы, руки прижимали к груди, вынув из рукавов. Но заснуть так и не удавалось — мешал холод. Дежурный подкидывал куски сала в огонь, щепки от саней приберегал, чтобы хватило подольше: одно сало не разожжешь. Как Лось немного в небе повернется, будил спящих и сам ложился на место нового дежурного.

Наконец небо на востоке побледнело, звезды померкли, и красное пылающее солнце медленно выглянуло из-за моря. Постепенно бледнея, солнце превратилось в золотое.

Начался новый день. Но радости промысленникам он не принес. Повсюду, сколько можно окинуть глазом, море покрывали льдины. Меж ними плыли высокие падуны [1], прозрачный лед их переливался синими и зелеными оттенками. Плыли спокойно, точно и не они крошили вчера лед под напором ветра.

Но промысленникам было не до красоты падунов и солнца. Обветренные, обмороженные лица, ноющее озябшее тело, пальцы рук закоченели и плохо слушаются. Льдина, пусть прочная, надежная, но куда несет их? А если поднимется опять ветер и погонит падуны, как вчера? Что станется с их льдиной?

— Ванюшка-то как переночевал,— молвил Федор,— избу топить один справится ли?

— Если дверь снегом занесло, продуха не будет. И топить нельзя,— откликнулся кормщик, сам ласково на Федора глянул.

Холод пробирал крепко. Пока жира на костер да мяса на еду хватало — терпеть можно. А дальше? Сколько глаз окинуть мог, на льдинах ничего живого не заметно: зверь, испуганный бурей, в другие места подался. На счастье зимовщиков уцелела на льду их добыча. Ночью льдина, на которую они перешли, показалась им целым ледяным полем, теперь стало видно: хоть и не поле она, но очень велика и, главное, большой толщины. Надежда есть, что если ветер опять лед к берегу станет жать, она легко не расколется, выдержит.

Ночь для Ванюшки тянулась долго: оконце, плотно задвинутое доской, света не пропускало, и он столько с вечера наплакался, что не заметил, как проспал до полудня.

---

[1] Падуны — ледяные плавающие горы, айсберги.

Проснулся в темноте, не сразу вспомнил, куда с вечера положил кремень и огниво, чтобы засветить жирник. Наконец, догадался, отодвинул доску оконца. В избе сразу посветлело, не нужен и жирник, солнце на небе высоко. Вчерашняя метель обошла избушку,— защитил утес, к которому она прислонилась: оконце не замело, и дверь легко отворилась. Ванюшка об ошкуе не вспомнил, открыл ее рывком: может быть, они уже тут, около дома стоят, войти не торопятся. Но у двери — сугроб снега и никаких следов. Нет, не приходили! И придут ли?..

Ванюшка постоял на пороге, взял лопату и расчистил проход. За одну ночь повзрослел малец — горе не шутит. Не вернулись старшие до середины дня, стало быть, лихая беда их застигла. Какая — Ванюшка боялся, не хотел думать, а все думалось.

От дому одному отходить отец не велел. Но как же на берег не выйти, не поглядеть, что на море делается?

Пошел, долго стоял на берегу, но и море ему ничего доброго не сказало: припай взломало чуть не до самого берега, и боковой ветер гнал и гнал льдины мимо, до берега их не допускал. Если и живы старшие, то где та льдина, на которой они плывут, и куда их унесет?

А если все-таки вернутся? Ванюшка бегом с берега в избу и заторопился: топить надо, скорей отвар салаты приготовить, меховые чулки над очагом посушить.

В хлопотах и заботах стало легче, но тепло быстро выстудил. Все слышалось: то голос, то скрип шагов, и Ванюшка без шапки, без малицы выбегал из избы, слушал, смотрел и, опустив голову, медленно возвращался, точно груз тоски тянул непосильный.

Когда смеркалось, вздул жирник и тогда только вспомнил, что у него припасен корешок — нерпу из дерева выточить. Руку к ножу протянул — и тоска хоть и не ушла из души, но притихла, точно шепнул кто: вернутся! Так и резал и точил свой корешок, пока усталые пальцы сами разжались и выронили нож. Тут только вспомнил, что за весь день ни кусочка мяса не съел, ни глотка горячей воды не выпил. А вода уже остыла, и уголья холодные. Так холодное мясо холодным запил, последний раз из избы вышел, послушал, вернулся и плотно в обеих дверях засовы задвинул.

Тихо лег Ванюшка на постель, погасил жирник. В темноте все лучше, чем видеть, как тени из углов ползут, будто на своем неслышном языке переговариваются. И тут узнал он, что горе без слез еще сильнее гложет душу. Так и лежал, всматриваясь широко открытыми глазами в темноту, словно надеялся увидеть сквозь нее, что делается там, на той льдине, которая несет их всех троих в море. Если еще несет...

Глава 13

ДОЖДАЛСЯ!

Льдины. Большие и маленькие, между ними, как белые лебеди, плывут падуны. Одни — это просто громадины сплошного прозрачного льда, другие, постарше, так источены водой и солнцем, что стали похожи на башни, на обломки древних замков, а то и на диковинных зверей.

Море немного утихло, падуны больше не бьют, не крошат малых льдин, все плывут по одному направлению. Куда?

На одной льдине стоят санки, на них мерзлая туша морского зайца. Тут же на льду прикорнули три человека в белой меховой одежде. Около них дымится небольшой костер на куске опаленной тюленьей туши. Тепла от него немного. И все-таки то кормщик, то Степан встанут, протянут к огоньку обмороженные руки. Смотрят с надеждой: вдруг лед где сошелся и можно по нему к берегу перебраться? Федор сам уже не встает. Его под руки поднимают, ходить заставляют, когда с уговором, а когда Степан в сердцах и тычка отвесит. В себя чтобы пришел, подбодрился. Только Федору и тычки плохо помогают.

Алексей по солнцу, а ночью по звездам сверяется: видит, несет их мимо Груманта, но не быстро. Пятые сутки на льдине живут. Мороз до костей пробирает. Пока только не голодают и тем спасаются: тюленье мясо жарят над огнем на палочках.

Вот Степан встал, для разминки потоптался, руками похлопал.

— Тоска,— сказал.— В такой пустыне и ошкую рад будешь, коли в гости пожалует.

Сказал и на Федора покосился: может, заворчит, расшевелится? Но Федор хоть бы что в ответ, не то спит, не то помирать собрался.

Кормщик привстал, осмотрелся, пушинку из совика выдернул, по ветру пустил.

— Степан,— сказал негромко,— ветер поворачивает. Гляди, льды в подвижку к берегу пойдут. Зайца с саней живо скидывай: Федора на них потащим, авось бог помилует, спасемся.

Степану повторять не надо, кинулся ремни на санках развязывать. Оба знали: как первые льды к берегу подойдут, от нажима льдина на льдину дыбом полезет. Надо спешить до берега по ним раньше добраться. Тут и здоровому человеку спастись — трудное дело. Но им и в голову не пришло покинуть на льдине полумертвого Федора. Знали одну свою поморскую правду: сам погибай, а друга выручай. По той правде жили, а если придется — с ней и умирать легче.

Тем временем небо нахмурилось, откуда ни возьмись опять наплыли тучи, стали закрывать солнце. И тут падун, похожий на диковинную птицу, навалился на край их льдины, хищным клювом над ней изогнулся. Толчок был такой сильный, что льдина заскрипела и повернулась. Теперь она гнала перед собой меньшие льдины: одни подминала, другие ставила дыбом, мостила друг на друга. Разводья впереди разом сошлись, но дороги для людей в куче ломаного льда не видно. Однако идти нужно.

Степан крепко привязал Федора к санкам, чтобы не свалился. На ровную дорогу надежды не было. Об одном они молили: чтобы солнце на небе подольше задержалось. В темноте по такому льду о дороге думать нечего.

Степан быстро отрубил топором несколько ломтей мяса, укрепил на палках над огнем.

— На дорогу,— сказал.

Алексей кивнул молча. Молодец, головы не теряет. Кто знает, сколько времени им еще до дома добираться придется, если... доберутся.

Льдина, на которой они стояли, видно, старая, очень толстая и на диво прочная. Сзади на нее бешено напирал падун, подгоняемый ветром. И льдина жала и крушила другие, поменьше, сгоняла их в сплошное поле. А сама колыхалась и вздрагивала от напора, но оставалась цела. Как остров, плыла среди плывущих льдин.

— Подождем уходить,— крикнул Алексей, прижимаясь лицом к лицу Степана. Тот молча кивнул.

Льдина шла не прямым путем, уклонялась в стороны, но направления не теряла. Кормщик знал: это направление к земле, на которой в стылой избе ждет их Ванюшка. Если только они не заплыли так далеко, что теперь пронесутся мимо этой земли, в безграничный океанский простор...

Но тут лед перед их льдиной вдруг остановился и под страшным ее нажимом начал еще сильнее тороситься: целая стена выросла, нагнулась и обрушилась на их льдину. Она точно сбрила с ее поверхности костер с жарившимся мясом и последнюю тушу тюленя, а сама, ударившись о падун, рассыпалась на куски. От сотрясения часть падуна, точно шея, вытянувшаяся над льдиной, также дрогнула и рассыпалась, покрывая все вокруг мелким битым льдом. Лишь чудом уцелел островок поверхности, на котором жались люди. Степан пошатнулся: осколок льда сильно ударил его в грудь, но двойная меховая одежда спасла. Все же боль была такая, что он упал бы в воду, не подхвати его сильная рука кормщика. Так стояли они, окруженные грудами битого льда.

Повалил снег крупными хлопьями, прикрыл трещины, ямы и торосы, теперь идти и вовсе будет невмоготу. Промысленники чутьем охотников чувствовали: несет их к земле. Но найдется ли среди взбесившихся торосов та тропа, которая бы спасла их от смерти?

Степан вздрогнул. Слабый голос едва долетел до него сквозь ледяной грохот. Федор! За край одежды его тянет, что-то сказать хочет. Степан нагнулся.

— Чего тебе, Федор?

— Покиньте. Покиньте меня,— с трудом проговорил Федор, хотел подняться, да ремни не пустили.— Покиньте! — повторил Федор и слабой рукой махнул.— Через меня свою гибель найдете.

Степан резко выпрямился, точно его ударили, и снова нагнулся.

— Не дури, Федя,— сказал он.— Знай, помалкивай. Такие мы с дядей Алексеем лошади, да тебя не вывезем!

И тут льдина вспучилась, изогнулась у них под ногами, треснула и раскололась пополам. Санки с Федором оказались на другом ее куске. Степан схватил кутело, оперся на него и перемахнул через все расширяющуюся трещину. Алексей кинулся за ним, да годы сказались: не успел. А льдины разошлись так, что и Степану не перескочить бы. И тут кормщик словно обезумел: сорвал с головы капюшон и руками вцепился в седеющие лохматые волосы.

— Погубил! — крикнул так отчаянно, что голос его до Степана донесло.— Погубил я их! Степан Федора не покинет и сам один с ним не справится!

Он опять кинулся к трещине, но та все ширилась. Упал на колени кормщик, протянул руки и заплакал.

Степан, потрясенный, неподвижно стоял у самого края трещины, не думая, что от легкого толчка может в нее соскользнуть. Алексей глянул на него и сразу пришел в себя. Вскочил на ноги, замахал, знаками велел Степану отойти от края. Тот понял, отступил немного. А в следующую минуту снег повалил такими густыми хлопьями, что скрыл их друг от друга. Тут поняли они, насколько им легче было страшную беду терпеть вместе.

Сколько прошло с тех пор времени, сказать они не могли. Но... что это? В гуще падающего снега им опять завиделись какие-то фигуры. Ближе, ближе... Кормщик весь подобрался, нагнулся... В молодости, наверное, так не прыгал, как перелетел через трещину и... попал в могучие Степановы руки. Те его так стиснули, что Алексей еле смог вымолвить:

— Степа, да Степа же, дай дыхнуть!

А две половины льдины сомкнулись, словно и не расходились.

То ли от радости встречи, то ли и вправду, но Степану и кормщику показалось, что буря меньше ярится и льдины не так сильно друг на друга лезут. Пока еще вся громада льда к берегу подается. Может быть, и выдержит их льдина? Упрется в припай, и те, что сзади идут, не успеют ее раздавить?

Снег прекратился так же внезапно, как и начался.

— На тот кусок льдины снова перейти надо,— сказал Алексей твердым голосом — он уже справился с собой.— Лыжи остались там. Без них не пройдем. Разом прыгай! Что ни будет, а больше не разлучимся.

Через узкую трещину перемахнули легко и санки перетащили. Руки в кровь изодрали, а две пары лыж из-под снега и ледяных обломков выкопали. Третья и не нужна: Федора все равно на санках везти.

— Трогаться надо, пока солнце хоть малый свет дает,— решил кормщик.— Лед сдвинуло, может, до припая добежим.

Каждый шаг давался с трудом. Разводий было мало, но весь лед двигался, дышал, каждая льдина готова была перевернуться и захлопнуться, как крышка сундука, похоронив под собой того, кто на нее ступил. И таким льдинам нет конца. Где-то впереди припай и берег. А если нет ни припая, ни берега? Если их уже пронесло мимо Груманта и несет в открытое море?

Но они шли упорно, вытаскивали из сугробов сани, прислушивались: не начинает ли позади лед тороситься, ведь от него с санками не убежать.

Наконец — все! Под ногами по-прежнему снег и лед, но лед уже не колышется, это твердый лед, припай, а за ним... земля!

— Дошли! — проговорил кормщик. Наклонился к санкам, отвернул капюшон с лица Федора.— Слышишь, Федя? Дошли! Ноги-то чуешь ли? А руки?

— Чую,— слабо отозвался Федор.— Спасибо, братья!

Кормщик бережно прикрыл его лицо капюшоном и вдруг повалился на землю около саней и долго лежал неподвижно. Сил хватило как раз до твердой земли.

Прошло пять дней. Теперь Ванюшка знал, как это много. Он похудел, осунулся, казался взрослее и старше. Горе учит. Только и забывался немного, пока резал белька, а из темного корешка — нерпу. Она как живая стояла, приподнявшись на ластах, смотрела. И белек смотрел на нее. Вместо глаз у обоих крошечные угольки. Потом, летом, можно поискать камешек, вставить... Ванюшка положил обоих на стол, сам вышел из избы; стоя у двери, смотрел на уходящее солнце. Оно уже не золотое, а красное. В избе, наверно, тени проснулись, шевелятся, ползут из углов. Их время наступает. А они!.. Их нет... Но Ванюшка не перестает надеяться, боится перестать. И вдруг... Он так и застыл: рука на дверном засове, а сам молчит и смотрит, смотрит...

Да это они же! Пришли!

Кто сейчас в избе на Груманте хозяин? Кто печку топит? Воду греет? Мясо жарит? Ванюшка. Он — за всех. И еще больных накормит, около них на нарах присядет, одежду или меховые чулки починить.

Алексей со Степаном век хвори не знали. С промысла домой придут, в бане хорошенько попарятся и хоть опять на промысел годны. А сейчас — с Федором наравне, как малые дети, ослабли, обмороженные руки и ноги опухли, болят, по избе пройти и то трудно.

Зато Ванюшка счастлив и даже не сообразит: горе ему или радость, что за старшими, как за малыми, ходить приходится. Смотрит на отца — не насмотрится, только ждет, еще чего не прикажет ли?

Алексей улыбнется, по голове погладит.

— Спасибо,— скажет,— сынок, все ты справил доброе.

И опять лежит спокойно. А Степан на нарах мечется:

— Ванюшка,— просит,— сходи, послушай, гуси не летят ли?

Ванюшка выскочит из избы, послушает и докладывает:

— Птицы летят всякие, крику на скалах у моря не оберешься. А гусиного голоса не слыхать.

Степан вздохнет только и к стенке лицом повернется.

Наконец как-то Ванюшка в избу вбежал запыхавшись.

— Летят!— кричит.— Летят!

Кто летит, и вымолвить не может от волнения. Но Степан сразу понял, откуда и силы взялись: с нар соскочил, кутело со стены схватил — подпираться, кое-как обулся и, в чем лежал,— к двери.

День выдался на диво: от солнца на снегу каждая крупинка горит, сияет. А с неба, с разных сторон — птичий гомон, точно кто в трубы трубит.

— Тятя,— спросил Ванюшка, когда досыта наслушался и Степан обратно в избу приковылял,— у гусей крылья, куда хочешь лети. Зачем им в наши гиблые места лететь?

Степан молча стянул с ног мокрые сапоги, со вздохом повалился на нары.

— Тебе это гиблые места, Ванюшка,— отозвался отец,— а им родина. Понял? Человеку, зверю, а хоть и птице слаще нет на земле места. Так и гуси. В теплых местах зимовали, корму там досыта. А как солнышко пригрело — опять в родные места подались. Чужой хлеб,

стало быть, горек. Детей тут выведут, а те, опять же, с зимовки из теплых краев на родину вернутся.

— Авось, и мы на родину вернемся,— добавил Степан.— Не горюй, Ванюшка!

Солнце с каждым днем дольше оставалось на небе и, наконец, пошло по небу вкруговую. Начался долгий, на три месяца беззакатный летний день. Уже и Федор, хоть с палочкой, из избы выходить начал, а Степан и кормщик про болезнь и поминать перестали. И было пора: зимние запасы мяса кончились, песцы в ловушки больше не попадались, зато мыши-пеструшки во множестве бегали по оттаявшей земле, знай, лови. Мхи, лишайники, жалкие северные травки их не скрывали, а прятаться в норки стало невозможно: их временно затопила талая снеговая вода.

— Песцов сейчас бить радости мало,— сказал как-то Степан.— Кайры успели уже яиц нанести. Надо нам с Ванюшкой за яйцами собраться. А там и за олешками подадимся. Ты меня, Ванюшка, на ноги поставил, тебе от олешка первый кусок будет.

Ванюшка краснел и радовался.

Глава 14

НАСТОЯЩИЙ ТЫ ГРУМАНЛАН, ВАНЮШКА!

Песец уже успел сменить зимнюю белую шубку на летнюю буроватую. Выглядела она не очень нарядно, какая-то обтрепанная, взлохмаченная. Видно, о себе ему и позаботиться некогда: причесать или хоть полизать шерстку. Но когда в норе пищат голодные малыши, тут не до наряда, и перекусить не всегда успеешь.

Песец остановился, припал к земле и замер, точно и не зверь лежит, а так, маленькая бурая кочка. Но глаза на неподвижной мордочке быстро-быстро обшаривали окрестность, а черный нос ловил и прочитывал все известия, что плыли к нему по воздуху с весенним ветерком.

Известия были очень интересные. Песец принюхался хорошенько еще раз и вдруг оживился, даже шерсть на спинке нервно передернулась. Он осторожно оперся лапками о кочку, приподнялся...

Так и есть. Вон там, у самого подножия соседнего холма — уж его-то нос не ошибется — гусиное гнездо. Гусятами, правда, не пахнет, но гусыня там, а значит, и гусиные яйца. Ох, и вкусны же они! Песец нервно облизнулся. Их можно выпить на месте. А гусыня... ее на всех детей хватит, что ждут его с завтраком в норе, у морского берега.

Гусиный аромат такой сильный, точно гусиные косточки уже хрустят на острых белых зубах. Песец затаил дыхание, распластался, ползет осторожно. Бурая его шубка еще только отросла после весенней линьки и вовсе незаметна на буроватых кочках.

Запах гусятины свел песца с ума, не то он разглядел бы, что делается на холме, у подножия которого в гнезде гусыня греет свои замечательные яйца.

А на вершине этого холма можно было различить большую птицу. Она будто слеплена из чистого снега, так и сияет белизной. Сидит, не шелохнется. Живут лишь огромные золотые глаза, они неотрывно следят за ползущей бурой фигуркой.

Вот черный клюв слегка приоткрылся, раздалось чуть слышное шипение. Но услышал его не увлеченный охотой песец, а тот, для кого этот сигнал предназначался. Легкое ответное шипенье с соседнего холмика: на нем неподвижно сидит такая же белая птица, чуть поменьше ростом — самец полярной совы. Он тоже при деле: помогает сторожить гнездо, в котором сова греет четверку птенцов. Как они не похожи на красавцев-родителей! Густой белый пух покрывает их, они скорее смахивают на забавных зверюшек, притом разной величины. Один чуть не в половину матери ростом, а последний только что вылупился из яйца, даже скорлупки валяются тут же в глубокой ямке, которая служит гнездом.

Птенцы были сыты, и потому вся компания сидела смирно, ни шороха, ни движения, ничто не предупредило песца об опасности. А она близка. Четыре золотых глаза следили за ним неотрывно. Обе совы сидели к нему спиной. И сейчас не пошевелились: просто повернули головы назад. И следили, следили.

Чуткий нос доложил песцу, что гусиное гнездо уже совсем близко, еще немного осталось проползти, еще немного...

Но вот сова-мать снова тихонько прошипела. И тут же отец взмыл в воздух и, неслышно взмахнув крыльями, оказался над головой песца. Миг — и черные кривые когти вопьются в его спину.

Но песец успел глянуть вверх и... гусыня забыта, дело шло о жизни. Проворно вскочив на задние лапы, он с пронзительным лаем замахал передними. Черный клюв щелкнул около самого его носа, бесшумное белое крыло мягко задело по уху, но кривые когти, сжимаясь, захватили лишь пустоту: песец стрелой летел прочь от опасного места, тихонько повизгивая на бегу.

— Тише ты, чего встрепенулся? За песцом вдогонку?

— Нет, я...— Ванюшка сконфуженно опустился на холмик, с которого собрался вскочить.

— То-то, что я,— передразнил его Степан.— Хочешь за зверем ходить — первое дело, чтобы ты зверя видел, а он тебя — нет. Замри, не дыши, зверь остерегаться не будет. Тут ты его и перехитрил, твой он будет

С верхушки холма, на котором они лежали, было хорошо видно и гнездо гусыни и неудачника песца.

— Это как же? — удивился Ванюшка.— Сова, выходит, гусыне на подмогу пошла.— А других гусей сама ловит. Это как же?

— Не знаю,— задумчиво ответил Степан.— Только не первый раз примечаю: сова гусиного гнезда около своего гнезда не трогает. А какие они промежду себя переговоры ведут, и сам в толк не возьму.

Разговаривая, они продолжали следить за песцом. Вот он, отбежав на безопасное расстояние, остановился, сел и почесал лапой за ухом. Вид у него был такой озадаченный, что Ванюшка зажал рукой рот, чтобы громко не засмеяться.

— Федор так в затылке чешет, когда мясо пережарит. Как я, мол, не доглядел!— прошептал он.

Степан весело ему подмигнул. С большими мужиками ему, как ни трудно, а приходилось держаться степенно — не мальчишка ведь. Зато с Ванюшкой отводил душу, надурачатся вволю.

— Песец нам теперь во все лето не нужен,— сказал он, когда оба насмеялись.— Шкура дрянная, а мяса и без него достанем. Давай поглядим, где у него нора, туда помалу мясца подкидывать будем, они далеко и не уйдут. А осенью, как побелеют, пасти наставим — всех переловим.

Ванюшка смущенно потупился. Кормить песцов ему по сердцу, пускай ручные станут. Только как потом пасти ставить, на ручных-то?.. Неладно. И сказать неладно. Степан засмеет: все же так делают, чего ему одному неладно?

Между тем песец отдохнул от перепуга и опять занялся охотой. Мыши-пеструшки среди кочек так и мельтешат. Хоть дичь эта не гусыне чета, зато ловить ее проще: зимние норки талой водой залило, спрятаться некуда. Прыг — готово, прыг — готово.

Песец с ходу сам проглотил пару зверушек, еще пару придушил, захватив в пасть, довольный потрусил к берегу.

— Сам несет, а ноги мышиные из пасти торчат, ровно усы у него выросли,— смеялся Ванюшка поднимаясь.— А ну, Степан, поглядим, где у него нора спрятана.

Но Степан неожиданно схватил его за плечо, пригнул назад, к земле.

— Гляди,— шепнул.

Сова-мать снялась с гнезда. Миг — и оказалась над головой песца, вот-вот вцепится в спину когтищами. Песец в страхе метнулся в сторону, в другую... Сова неотступно висит над ним. В отчаянии бедный охотник подпрыгнул, замахал передними лапками, опять залаял визгливо. Пеструшки выпали из открытой пасти на землю, он о них и не думал. А сова как раз о них и думала: неслышно пронеслась над землей перед самым его носом и взмыла кверху. Пеструшки, ловко подхваченные на лету, теперь болтались уже в кривых совиных когтях. Песец от удивления и пасть забыл закрыть, неподвижно стоял, следил, как улетает к совятам завтрак его собственных детей. Но прошло какое-то время, и снова острые его зубы подхватили пару пестрых зверушек. Теперь он не медлил, сразу помчался во весь дух, то и дело оглядываясь на бегу. К самой норе подошел не сразу, притаиваясь.

Охотники по его следам тоже осторожно добрались до берега. Издали заметили: малыши вылезли из норы отцу навстречу. Они наперебой рвали друг у друга куски добычи, урчали и щетинились: пара пеструшек не очень-то обильный завтрак на всех. Но долго наблюдать их не пришлось: чуткая мать вскочила тревожно. Какой сигнал она подала, Ванюшка не расслышал, но малыши его поняли и, толкаясь и давя друг друга, кинулись к норе. Теперь только по костям да рыбьим головкам, валявшимся вокруг, можно догадаться, где в обрыве над морем спрятан вход в песцовую нору.

— Добро,— проговорил Степан, вставая.— Шевелись, Ванюшка, времени мы стратили немало, а путь не ближний, давай поспешать.

— Занятно-то как,— встал неохотно Ванюшка, не отводя глаз от места, где только что возились малыши.— Все бы сидел, дожидался, может, опять вылезут...

Шли быстро, вдоль крутого обрыва к морю. Дорога ровная, небольшие бурые моховые кочки. Ни кустика, ни деревца, как и на всем острове. Где тень под скалой — везде снег еще лежит.

— Хоть бы цветок какой где проглянул,— пожаловался Ванюшка.— Посмотрели, свои места вспомянули бы.

Степан промолчал, и ему взгрустнулось. Но тут же прислушался и оживился.

— Слышишь? — спросил и сразу убыстрил шаг.— Кайры прилетели, самое время яйца собирать, пока не насижены. Птица не обидчива: яйца заберем, она еще нанесет и птенцов выведет.

Шум птичьего базара слышен был издалека. Скалистый берег спускался к морю, как стена с крутыми узкими уступами. Сверху хорошо было видно: на каждом уступе, где только можно было прилепиться, сидели птицы, тесно прижимаясь к каменной стене. Другие тучей летали около стены, спускались к морю и опять взмывали — ловили рыбу. От шума крыльев и крика на разные голоса у Ванюшки закружилась голова.

— Гнезда-то где у них? — удивился он.

— Какие гнезда? Тут и места нет гнездовать. Видишь — рядышком сидят. Каждая два яйца на камень снесла и на них села. Вот тебе и гнездо. Я тебя на ремне спускать буду, ты из-под них яйца бери и в мешок. Да гляди, к стене не жмись мешком-то. Не донеся до дому, яишню в мешке сотворишь.

Ванюшка глянул вниз, зябко повел плечами.

— Высоко,— нерешительно проговорил он.

— А тебе не все равно? Тебе ж вниз не слезать. Я бы сам полез, да ты меня не сдержишь. Тяжело. А мне тебя сдержать труда нет. Не опасайся.

Ванюшка крепко схватился за камень, нагнулся над обрывом. Из-под его коленок посыпались вниз мелкие камешки.

— Гляди,— вскрикнул он и в удивлении нагнулся еще сильнее, еле удержался рукой за камень. Ни одна кайра не слетела с места. Как по команде, птицы быстро повернулись на своем уступе, грудью к стене, крепко к ней прижались. Камешки градом защелкали по спинам, отскакивали от упругих перьев и сыпались в море. Кайры не шевелились, все теснее прижимаясь грудью к стене, пока сыпались камешки. Затем опять, как по команде, повернулись около стенки и закричали еще громче — видно, обсуждали происшествие.

— Они всегда так,— объяснял Степан, затягивая Ванюшке ремень под мышками.— Так их и по голове не стукнет и с перьев камень как на салазках катится. Приобвыкли. Ну, не опасайся, ноги вниз спускай, держу я тебя крепко.

Минута — и Ванюшка повис над обрывом. Зажмурился, чуть назад не запросился. Да поднял глаза вверх, увидел веселое лицо Степана, стало легче.

— Что, опамятовался? — сказал Степан.— Бывает по первости. Вниз не гляди. Вперед, на птицу гляди. Вон она с тобой вровень. Руки под нее сунь, яйца в мешок клади, не опасайся, кайра не клюнет. Дура птица, не то, что поморник, тот до гнезда не допустит.

Ванюшка быстро освоился. Висеть на ремне, когда его держат надежные Степановы руки, оказалось не очень страшно. Большие черные птицы с красными клювами сидели тесно в ряд и даже не думали защищаться. Ванюшка из-под каждой вынимал пару крупных зеленоватых яиц и осторожно опускал в мешок.

Степан медленно передвигался по краю обрыва, крепко держал намотанный на руки ремень. Огромная стая птиц облаком вилась над обрывом, кто посмелее, с криком налетали — пугали, но не трогали. Ограбленные матери кричали еще громче, а с места не слетали.

Мешок быстро наполнялся. Ванюшке стало труднее оберегать его от толчков о камни. Пора подниматься. Ванюшка взглянул вверх, чтобы дать Степану знак, и ... мороз пробежал по спине: ремень над самой его головой перетерся об острые выступы скалы и держался на узкой полоске, вот-вот готовый разорваться...

Ванюшка опустил голову, взглянул вниз и дышать перестал: шел прилив. Узкая прибрежная полоса скрылась под водой. Волны вздымались все выше, ударяли о скалы, рассыпались белой пеной. Разбиться, падая, о скалы, или прибой подхватит и сам о них разобьет...

Спасенья внизу нет. А наверху? Где взять крылья, добраться до верха, если... если ремень оборвется?

Ванюшка точно сейчас понял, какой он маленький, и как громадны скалы, как страшно море внизу. Страшнее, чем когда они, в темноте, прыгали с льдины на льдину, бежали к берегу. Там надежная веревка привязывала его к отцу, к его сильной руке, а здесь... Птицы-то как кричат! Его, Ванюшкин голос, до Степана не долетит. Да и что он оттуда, сверху, сделать может?

Медленно, очень медленно Ванюшка поднял руку, показал Степану на перетертый ремень над своей головой. Тот смотрит с удивлением. Не понимает. Что же делать?

Но вот Степан глянул и ... Ванюшка заметил, как побелело его лицо, сжались губы — понял.

Несколько мгновений Степан не шевелился, будто застыл. Но вот кивнул головой, рукой махнул. По губам видно — крикнул что-то. Что — Ванюшка не разобрал, но все равно на душе стало легче.

Степан осторожно смотал с руки ремень. Ванюшка висел смирно, с его рук глаз не сводил. Вот Степан конец ремня привязал к камню над обрывом, руки освободил. Другой ремень к другому камню привязал — рядом. Степановы руки так и летают. А Ванюшке кажется, что даже не двигаются. Степан свободным концом другого ремня обвязался, ноги с обрыва спустил и вот ремень руками перебирает, спускается все ниже...

Ванюшке даже жарко стало. Хотел крикнуть от радости, да испугался, как бы от крика ремень не оборвался. Висел молча и не чувствовал, как по лицу слезы текут, понял: Степан спасет.

А Степан уже рядом, чуть выше оказался. Ногой столкнул с уступа пару птиц, поставил на уступ ноги. Кайры с криком перекувыркнулись в воздухе и опять подлетели, суются ему в ноги, туда, где еще лежат скорлупки раздавленных яиц. Но Степану не до них. Левой рукой он схватил Ванюшку за плечи, приподнял.

— Становись,— сказал,— на мой уступ. За камень держись, а твой ремень я другим куском надвяжу. Видал?

Теперь Ванюшке не казалось, что Степан делает медленно: узел, еще узел — и его ремень надежно связан.

— Терпи,— отрывисто проговорил Степан.— Наверх по своему ремню вылезу и тебя вытащу. Не оборвешься, не бойся. Это мне надо голову оторвать, что не доглядел.

— Степа, трудно тебе по ремню-то наверх добираться? — тревожно спросил Ванюшка.

— Трудно? Легче, чем тебе бы вниз лететь,— сурово ответил Степан.

Не высоко тут, а все ж не легко, должно быть. Готово! Влез! Теперь Ванюшкин ремень натянулся, и он тихонько вверх поплыл.

Оказавшись наверху, Ванюшка пошатнулся и опустился на камень.

— Ноги чего-то маленько ослабли. Об камень не зашиб ли?

Степан поддержал его, снял с плеча мешок.

Когда Ванюшка пришел в себя, сказал:

— Давай пустой мешок. Опять полезу.

Его голубые глаза твердо взглянули в карие Степановы, только губы, как он ни старался, немного дрогнули.

Степан помедлил, взял Ванюшку за плечи, встряхнул крепко.

— Отец твой как сказал? Настоящий ты груманлан? Так оно и есть, Ванюшка! За яйцами еще сходим. На сей день будет. Ладно?

И вкусно же поужинали они в этот вечер. Яишню на железном листе из полсотни яиц нажарили. Но про то, что на птичьем базаре случилось, ни Степан, ни Ванюшка не обмолвились.

Глава 15

СМЕРТЬ ФЕДОРА

Уже вторую весну встречали зимовщики на Груманте. Две долгие полярные ночи прозимовали они в старой избушке. Холод, едкий дым, сырая мерзлая одежда — все вытерпели, и страшная гостья — цинга не добралась до них. Сырое мясо и трава салата в том помогали. А больше всего — работа на воздухе, в мороз и в непогоду. Сурово следил за тем старый кормщик. И в избе без дела сидеть не давал: если шитья да починки какой не хватало — клубок ремешков тонких, завязанных узлами, каждому кинет.

— А ну,— скажет,— кто скорей свой размотает, да узлы все развяжет?

И стараются, торопятся. А кончат, усмехнется и опять:

— Ну, кто теперь свой клубок хитрее замотает?

И снова мотают да завязывают.

Так в шутках, рассказах, да за работой время и проходило, когда непогода не давала носу на улицу высунуть. А как утихнет, кормщик гонит всех из избы: кому дров принести, кому лед старый на питье рубить, в котором соли морской не осталось. А то сквозь снег на волю прокапываются — работа не малая: завалит пурга так, что снаружи, если бы кто шел, и крыши не приметил.

Так кормщик Степана и Ванюшку уберег.

Ванюшке двенадцатый год пошел, а на взгляд больше казалось. Окреп, закалился в тяжелой жизни, на него все радовались.

Не то Федор. Под руки насильно из избы его выводили, заставляли мясо сырое есть, принуждали работать. А он ослаб духом и таял на глазах.

Весной, когда зазвенели голосами птичьи стаи, солнце по южным склонам снег согнало и все дольше на небе стало задерживаться, Федор немного приободрился, чаще из избы выходить начал. Глядя на него, зимовщики радовались.

А Ванюшка дождался своей большой радости: Степан ему новый лук смастерил, длиннее и крепче первого. Тетиву тоже свил новую из медвежьих, не оленьих сухожилий. Стрелы сам Ванюшка строгал, гусиными перьями оперял, ему это дело знакомое. А когда Степан ему новый лук протянул, взял молча, только руки приметно дрогнули.

Степан виду не подал, не мешал, молча следил, как мальчишечьи руки стрелу на тетиву накладывают. А когда стрела со свистом деревянному оленю точно в сердце ударила, сказал:

— Теперь, Иван, мы с тобой вровень пойдем, твоя стрела и олешка достанет.

«Иван»! Ванюшка загорелся от радости. Вздохнул глубоко, помолчал, с голосом справился и сказал не спеша, как мужику полагается:

— Сейчас, что ли, пойдем?

— Да ты что? — удивился Степан.— На промысел дуром не бегают, с вечера готовятся. Крышу сейчас чинить возьмусь, до темна дела хватит. А тебе с новым луком без пристрелу не идти, тоже заботы хватит.— И пошел.

Ванюшка опять за лук схватился. Деревянный олень даже дрогнул от новой стрелы. И опять в то же место. Ванюшка оглянулся: отец видит ли? Видит. Близко на камне сидит, носок от кутела о камень точит. А сам смотрит, улыбается, доволен.

Ванюшка расхрабрился.

— Тять, пусти за олешками сходить,— сказал умоляюще.— Видал же ты, как я из нового лука наметил. Еле стрелу из доски выколупал, хоть и тупая. Я не далеко... Тять, а...

Алексей покачал головой:

— Весенний свет пока короткий, темноты захватишь — пропадешь. А не то на ошкуя набежишь. Ему твоя стрела что? Со Степаном ужо пойдешь.

— То завтра,— не отставал Ванюшка,— а сегодня он крышу ладит, идти не хочет. А я что делать буду? Там они, за горушкой, олешки-то. Рукой подать!

«Иван!»— вот как Степан ему сказал. Вроде как они ровни. Это придало ему смелости.

— Тять!..— начал опять умоляюще.

Алексей молча продолжал точить. «Ишь, какое железо крепкое. Потому и точится плохо. А мальчишка над ухом звенит, как комар надоедный... Да и вправду не так уж он мал, чтоб на привязке все время держать».

— Ступай,— отмахнулся он наконец.— Только гляди, до темноты домой ворочайся, далеко не забегай.

— Спасибо, тять,— только и сказал Ванюшка, и его как ветром сдуло: отец не передумал бы.

Солнце уже высоко на небе поднялось, и день выдался на редкость ясный. Даже жарко стало, пока по крутой тропе вылез наверх на край плоскогорья. Осторожно из-за большого камня выглянул и замер: олешки! Голов двадцать паслось недалеко. Широкими копытами разгребали снег, опустив головы, выедали в глубоких копаницах любимый корм — ягель. Ветер дул прямо на Ванюшку, олени его не чуяли, стояли отвернувшись, все головами в одну сторону. По временам вожак поднимал рогатую голову, настороженно оглядывался.

Ванюшка перевел дух, тихо-тихо потянул лук со спины, нащупал в колчане на боку стрелу поострее, попробовал, хорошо ли ложится на тетиву. Ложилась плохо, дрожи в руках не унять. Ванюшка до боли закусил губу, немного успокоился. Наконец он осторожно вылез из-за камня и пополз, упираясь локтями. Когда вожак поднимал голову, опускал лицо в снег и лежал неподвижно, не смея вздохнуть.

Расстояние малое, пробежать можно одним духом, но Ванюшка терпеливо полз, по сухому колючему снегу, как учил Степан.

Олени шагали неторопливо, все ближе к обрыву в глубокое ущелье. Ванюшка знал: тянется ущелье вправо до самого моря, и спуститься в него невозможно. Значит, олени дойдут до края и повернут вдоль ущелья или попятятся назад, на него. Он, старательно укрываясь за камнями, полз вслед. Сыпучий снег набился ему в рукава, за воротник, растаяв, потек по телу холодными струйками, но мальчик этого не чувствовал. Олени все ближе. Ванюшка тихонько стащил рукавицы, застывшими пальцами опять попробовал наложить стрелу на упругую тетиву.

И вдруг олени, камень, стрела — все скрылось в крутящемся белом вихре. Снег не просто сыпался сверху: вся равнина пришла в движение. Ветер гнал снежные волны, и они разбивались о камни, как морские волны в бурю бьются о берег. Снеговой вал неожиданно налетел сзади и одним ударом закрыл мальчика с головой. Задыхаясь, он приподнялся, но следующий вал опять накрыл его. Лук, рукавицы — все было потеряно. Ванюшка барахтался, но шел, вытянув руки, шатаясь, вслепую. Дальше, дальше, и вдруг он наткнулся на что-то живое. Олешек! Ванюшка в отчаянии уцепился за него, олень рванулся вперед, и они вместе полетели куда-то вниз...

Сколько времени прошло, пока Ванюшка пришел в себя, он не знал. Он лежал на боку, спиной прижавшись к камню, лицом уткнувшись в чей-то жесткий мех, и от этого лицу было тепло и немного мокро.

Ванюшка пошевелил руками — целы. Подергал осторожно ногами — тоже целы, только прижаты сверху снегом. Пощупал рукой теплую шерсть: послышался испуганный храп, кто-то задышал тяжело, дернулся, но остался лежать.

— Олешек! — прошептал Ванюшка. Сознание еще не совсем вернулось к нему: он даже не удивился и не испугался, как будто так и надо, что вот лежат они с олешком вдвоем и им даже тепло и уютно. Постепенно мысли его стали проясняться.

«Никак, это мы с тобой сверху скувырнулись!»— подумал он и снова дотронулся до упругой шерсти. Олень дернулся, но остался лежать.

— Но, но, лежи, дурашка! — Мальчик отвел руку, чтобы не пугать оленя, и осмотрелся: камень, возле которого он лежал, загородил его от массы снега, сорвавшейся с обрыва следом за ним. Около камня образовалось небольшое пустое пространство, в нем и была голова оленя и Ванюшка, снегом ему придавило только ноги ниже колен. Олень тяжело дышал: видимо расшибся или его сильно придавило снегом. Ванюшка собрался было освободить ноги из-под снега, но испугался: а если потревоженный снег рухнет и совсем его задавит? Как знать — сколько его там насыпано? Что же делать?

Ванюшка осмотрелся. В пещере сначала было совсем темно, а теперь становилось чуть светлее.

— Похоже, мы с тобой тут переночевали, уж другой день занялся,— обратился он к олешку как к старому знакомому. Тот испуганно покосился черным глазом, храпнул, но потише, будто тоже начал привыкать к новому товарищу. И у мальчика на душе полегчало: как никак — не один в беде.

— Не пугайся ты,— тихонько проговорил он.— Ничего я тебе худого не сделаю.— И осторожно двинул ногами, понемногу вытягивая их из-под снега. С «потолка» полетели хлопья, но вся масса слежавшегося снега не пошевелилась: большая глыба, падая, задержалась над камнем, точно крыша, и это спасло мальчика.

Олень опять тихо всхрапнул. Ванюшка повернул к нему голову.

— Ты что? — спросил участливо. И тут он понял: олешек просит помощи.

— Не покину, не бойся! — проговорил он решительно и сам удивился, как твердо прозвучал его голос. Повернувшись на бок, он растер стынущие руки и начал торопливо прокапывать проход шире — на обоих, сбрасывать снег со спины оленя.— Ползи, ползи, беспонятный,— ласково приговаривал он.— На дыбки не подымайся, лежкой ползи!

И удивительное дело: олень медленно тронулся было ползком в открывшийся перед ним проход. Однако, почувствовав, что гнет снега ослабел, он вдруг приподнялся на ногах, спиной упираясь в снежный свод.

— Завалишь! — испуганно крикнул мальчик и в ту же минуту забарахтался в осыпавшемся снеге. Задыхаясь, он рванулся вперед по прокопанному проходу и вдруг почувствовал, что давление снега слабеет. Еще усилие — и голова его вынырнула на поверхность. Бледный солнечный свет ослепил его. Зажмурившись, он всей грудью вдохнул морозный воздух. Как хорошо после духоты в снежной норе! Но тут же подумал об олене.

— Олешек! — испуганно крикнул он. Глубоко засунутая в сугроб рука нащупала небольшие рожки. Еще минута — и голова задыхающегося оленя показалась из-под снега. Олень дернулся, пытаясь освободиться. Он тяжело дышал, шея потемнела от пота, большие глаза, не отрываясь, смотрели на мальчика. Тот с усилием нагнулся и обхватил его руками:

— Не отступлюсь, ослобоню тебя! — И стал откапывать животное из снега.

Слезы показались на глазах Ванюшки от боли в обмороженных руках. Но эта же напряженная работа спасла ему руки: они постепенно отогрелись, покраснели, пальцы зашевелились свободно. Вот и последние комья снега сброшены со спины оленя. Но тот не смог подняться на занемевшие ноги, пока Ванюшка не поддержал его.

— Не робей! — подбадривал он олешка, а сам шатался от усталости. Но, оглянувшись, радостно вскрикнул:

— Знакомо это место мне! До берега спустимся, а оттуда и до дома доберемся!

Мысли его еще путались; ему казалось, что и оленю самое приятное — добраться до их избушки. И тот не спорил. Он покорно позволил мальчику обмотать ему шею кушаком и так же покорно двинулся, когда Ванюшка потянул его за собой.

Спотыкаясь и падая, они выбрались из ущелья на берег моря. Тут олень, с тихим храпом, опустился в снег, и Ванюшка, держась за кушак, прилег около него и прижался к теплому боку.

Как они поднялись, как, спотыкаясь, добрели по берегу до избушки, Ванюшка этого потом не смог вспомнить. Ему казалось, что он говорил с олешком и тот тоже его уговаривал не робеть и не останавливаться. А потом... все куда-то исчезло.

Как сквозь сон Ванюшка почувствовал, что сильные руки подняли его на воздух. Уткнувшись лицом в щеку отца, он почувствовал, что щека была мокрой от слез, и от удивления пришел в себя.

— Лук твой да рукавицы за камнем нашли, и как их снегом не занесло,— сказал Алексей и, отвернувшись, вытер лицо рукавицей.— В ущелье на ремнях спускаться решили, думали — смерть свою ты там нашел.

— Я там был, тять,— с трудом отвечал мальчик.— Чуть из-под снега выкопался. И его тоже выкопал.— Он показал на олешка. А тот смиренно стоял на привязи и не пытался вырваться.

Трое мужчин повернулись к оленю, как бы впервые заметили его.

— Добро,— проговорил Федор,— свежинка будет.

Но тут Ванюшка опомнился: вырвался от отца и крепко обхватил шею оленя.

— Не дам! — крикнул он задыхаясь.— Олешек меня вывел. Я за него держался!

Федор собирался спорить, но Алексей отстранил его.

— Не тронь! — сказал решительно.— Слыхал, что малец говорит? С его мяса не забогатеем. А живой, может, и в пользу станет. Я тебя, Ванюшка, до избы донесу. Небось, все косточки ломит?

— Ломит, тять,— тихо отозвался мальчик.— Руки вот еще...

Он не договорил. Изба и все кругом опять закачалось и куда-то исчезло.

— Кушак-то пусти, я твоего спасенника привяжу,— услышал он веселый голос Степана.— Худа ему не сделаем.

Солнце высоко уже успело подняться, когда Ванюшка, наконец, пошевелился и открыл глаза. «Неужто мне все это привиделось?»— подумал он.

— Олешек где? — крикнул и хотел вскочить, да, охнув, опять повалился на постель. Это что же такое? Все косточки болят. Уж не поломался ли? — Олешек...— жалобно повторил он, а самому пошевельнуться боязно,— вдруг опять боль схватит?

— Жив, жив твой спасенник.— Над ним наклонился улыбающийся Степан.— На приколе около избы стоит, за ночь отоспался, ремень разорвать норовит, на волю просится.

— Не надо на волю! — крикнул Ванюшка и проворно сел на нарах. От страха, что олешек может убежать, даже боль уменьшилась.— Я за ним сам ходить стану!

— Одевайся, коли так, да иди, думай, чем свою скотину кормить будешь,— сказал Степан,— а мне на берег пройти ненадолго надо, железа сыскать.

Степан ушел. Ванюшка, морщаясь от боли, сам оделся, подпоясался и вышел из избы. Олень, и правда, уже стоял на ногах, тревожно захрапел Ванюшке навстречу и рванулся в сторону. Но Степан сдержал слово, ремень крепкий, не порвался.

— Не бойся, дурашка, не бойся,— ласково приговаривал Ванюшка и подходил к нему медленно, с протянутой рукой.— Забыл, как мы с тобой из оврага выбирались?

Но олень не желал вспоминать: с диким храпом он всеми четырьмя копытами упирался в снег, откинув рогатую голову с такой силой, что ремень врезался в шею и вздрагивал, как натянутая струна.

— Успокойся, дурашка,— ласково повторил мальчик. Он осторожно шагнул еще ближе и вдруг заметил, что олень на него и не смотрит, а на что-то другое за его спиной.

— Ну ты...— протянул к нему руку Ванюшка и, оглянувшись, осекся.

За его спиной, всего в нескольких шагах, стоял... большой медведь. Голову слегка наклонил на бок, глаза медленно переводил то на мальчика, то на оленя, медленно переступал передними лапами, точно снег утаптывал.

Олень отчаянно всхрапнул, натянутый ремень дрогнул в руке Ванюшки.

— Не дам! — крикнул он отчаянно.— Не дам!

Ванюшка выхватил нож из ножен у пояса и ударил по ремню. Вихрь снега из-под копыт оленя взметнулся в воздух, кусочки льда пробарабанили по капюшону Ванюшки и, наверное, долетели до медведя. Потому что он мотнул головой, видимо рассердился, глухо рявкнул и с неожиданной легкостью поднялся на задние лапы.

— Тятя! — только и успел крикнуть Ванюшка. Ответный крик послышался из дома. Дверь распахнулась, и Федор, раздетый, без малицы, с удивительным проворством прыгнул от порога, заслонил собой мальчика и взмахнул рогатиной.

Удар пришелся метко. Медведь зарычал, теперь уже оглушительно, и всем телом налегая на рогатину, повалился в снег, загребая передними лапами. Федор поскользнулся и не успел отскочить. Одна лапа зацепила его, подтащила, и огромная туша, подмяв под себя, на нем затихла.

На крик прибежали Алексей со Степаном. Вдвоем они отвалили медведя, вытащили Федора. Он еще дышал, открыл глаза, но сказать ничего не мог.

— Федя! — выговорил Алексей, стал около него на колени и поклонился в землю.

Федор молча с беспокойством повел вокруг себя глазами. Степан понял.

— Ванюшка,— позвал он,— подойди скорей, покажись, что ты живой. Но Ванюшка стоял неподвижно, словно не понимая, что случилось.

Кормщик взял его за руку, подвел к Федору.

— Жив он, Федя,— жив твоей милостью.

И тут Федор вдруг улыбнулся тихой светлой улыбкой, посмотрел на мальчика, закрыл глаза и больше не открывал.

Алексей с трудом оторвал от него плачущего Ванюшку.

— Не трожь,— сказал.— За тебя он душу свою отдал, легко ему помирать.

Похоронили Федора у моря, в небольшой пещере. Два дня трудились, вход завалили тяжелыми камнями, чтобы какому зверю туда пробраться не вздумалось.

Крепко горевали о нем зимовщики и опасались, чтобы Ванюшка от тоски здоровьем не пошатнулся, очень он долго в себя прийти не мог. По ночам все плакал, Федора звал. Если бы дело к зиме было, может, и не оправился бы Ванюшка. Но шла весна. И постепенно тоска мальчика стала утихать.

Глава 16

ВСТРЕЧА С НЕРПОЙ

Вот и еще одна весна пришла на Грумант, для зимовщиков четвертая. Она пришла, как и прежние, с туманом, с морозом и буранами, будто солнцу и хорошей погоде не хотелось из теплых стран в такие неприютные места двигаться.

Но сегодня день выдался на редкость: на голубом небе ни облачка, снег на солнце так сиял, что зимовщики без деревянных «очков» с прорезями для глаз и не пробовали выглянуть из избы. На каждом пригорке вода поет, бежит с него тысячью ручейков и по снегу и под снегом. А на солнечной стороне во многих местах уже и земля проглянула, хоть не травой — мохом покрытая, но зимовщики и тому рады: все не снег и не лед.

Ванюшка шел быстро, видно, очень торопился, но вдруг остановился: на бурой земле засветилось что-то ярко-желтое. Цветок! Крошечный полярный мак. Пригрелся в защищенном от ветра местечке и всеми лепестками солнцу радуется.

Ванюшка осторожно опустился на колени. Цветок как из чистого золота сотворен! Сорвать не решился: завянет без толку. А сюда и другой раз придешь, на него полюбуешься.

Посмотрел, оглянулся и встал: «Ладно, Степан не видит. Просмеял бы. Сказал: «За делом пошел, а на цветок загляделся». Нет, Степан смеяться не станет, сам всему живому рад. Федор вот был такой...» Но Ванюшка сразу в своих мыслях себя перебил. «Был такой, а все лучше пускай бы жил, не помирал. И под конец-то вовсе не такой был. Жалко Федора. Домой возвернемся, а он один, в чужой земле лежит...»

Ванюшка вздохнул. Но солнце светит, и вода кругом поет. И грусть понемногу от сердца отлегла. Он поправил лук за спиной, колчан у пояса, зорко по сторонам глянул и зашагал дальше. Шел уверенно к знакомому заливу. Там, зимовщики давно приметили, каждая буря много плавника на отмель выкидывает. Отец наказал поискать — не найдется ли железа: единственный топор за четыре года изработался, надо сковать новый.

Дорога по талому снегу вела вдоль берега. Вот и залив. Здесь! Ванюшка тяжело перевел дух, откинул капюшон малицы. Жарко. Снег весь зернами под ногами рассыпается, водой насквозь пропитался. На лыжах идти уже нельзя, а без лыж ноги выше колен в мокрую снеговую кашу проваливаются.

Ванюшка немного постоял еще, спуск к заливу трудный, очень крутой. Залив сам длинный, глубоко в берег врезался и скалы вокруг него крутые, прямо из воды поднимаются. Только в самом конце небольшая отмель, и на ней плавника целые груды навалены. Ванюшка подивился: как вода ухитрилась сквозь узкий проход такую уйму протащить?

А это что? Ванюшка пригнулся, из-за камня вниз глянул: на отмели, около елки, вырванной с корнем, нерпа лежит, пригрелась на солнышке, нежится. Солнце еще не очень щедро греет, но она и такому рада. В первую минуту Ванюшка потянулся было к луку за спиной, но тут же руку опустил: что, у нас мяса не хватает? Налюбуюсь, дома потом такую из корня елового вырежу. И стал тихонько по круче на берег спускаться.

Как ни осторожно пробирался, а нерпа приметила, повернулась быстро и — словно ее тут и не было, даже вода не всплеснулась. Но далеко не отплыла — любопытный зверь. Тут же из воды показалась круглая головка: что, мол, такой неизвестный тут делает?

Ванюшка сразу за кучей плавника пригнулся, начал тихонько насвистывать, как его Степан учил.

Нерпе стало еще занятнее: тихо-тихо поднырнула и опять из воды выставилась торчком, поближе, круглая головка смешно вертится во все стороны, присмотреться и прислушаться хочет.

Ванюшка так разговором с нерпой занялся, что опомнился, когда ей слушать надоело, нырнула и нет ее, верно, из залива в море напра-

вилась. Подосадовал: «Зря столько времени потерял, а отец поспешать велел». Не скрываясь, он подошел к куче плавника. Елки-то велики, и с кореньями, не с нашей ли стороны? А вот... Чужая беда! Хоть и нам на пользу, а все же чья-то беда! Доски, тесанные хорошо, и другие куски дерева, с какой-то посудины, сразу видно, чужестранной. Ванюшка осторожно разглядывал, поворачивал, что под силу оттаскивал подальше от воды. На воду не надейся: она принесла, она и унесет.

Железа нашлось достаточно: гвозди, болты, скобы разные. Он их тут же из дерева выдергивал или топором вырубал, складывал в мешок из нерпичьей кожи. И вдруг остановился. Доска! Такого дерева Ванюшка не видывал: темно-красное, а по нему узор нежный из жилок посветлее. Красота! Ванюшка вытащил ее из-под еловых корней, осторожно вытер рукавом и вскрикнул от удивления: вся доска обведена хитрым узором, а посередине человек вырезан, воин в кольчуге. Щитом закрывается, сам мечом замахнулся. Лицо, ну только что не говорит!

У Ванюшки дух захватило. Как люди резать-то могут! Такого бы мастера повидать, у него поучиться!

— А я, что ли, так не смогу? — вдруг воскликнул он в увлечении и, не выпуская драгоценной доски из рук, кинулся к куче плавника. В кончиках пальцев ощутил уже знакомое покалывание, только бы дерево найти, а нож всегда за поясом.

И точно загадал: в тех же еловых корнях лежит другая красная доска и размером схожа, только гладкая, без резьбы.

«Как для меня сготовлена,— подумал Ванюшка с удовольствием.— Нет, мастер-то себе, видно, сготовил, да не поспел, буря сгубила. А доски — родные сестры, не разлучились, вместе их вода принесла».

Ванюшка схватил обе доски, забыв даже, что домой торопился, поискал глазами, где бы присесть, чтобы сразу же за резьбу приняться. Но тут воздух вокруг потемнел и точно заплясал: крупные белые хлопья снега стеной налетели с моря, вмиг завалили весь берег, залепили глаза, дышать стало трудно.

Ванюшка растерянно огляделся. Наверх в такой буран — и думать нечего — не подняться: ветром сбросит, да и тропинки не найдешь. Под снегом стоять — тоже радости мало. И он вспомнил: как спускался — приметил в скале под камнем какой-то ход. Хоть малое, а все же укрытие, переждать непогоду можно. Только где она, эта расселина? Снег глаза слепит — не разберешь.

Ванюшка прижал к груди драгоценные доски, нагнулся и, зажмурив глаза, другой рукой шарил по стене. Шаг, еще шаг, наконец, вот и она, расселина в скале. Он проворно опустился на четвереньки и пополз в темноту. Головой несколько раз больно ударился о низкий свод, но ползти по сырому песку было мягко. Вскоре свод стал выше, голова о камни больше не ударяется. Не выпуская доски, Ванюшка осторожно поднялся на ноги. Рука свода не нащупала, пещера, видно, высокая. Вой бури здесь слышался намного тише, и дуновения ветра из прохода почти не чувствовалось. Ванюшка вспомнил: проход не прямой, с загибом, потому и света в пещере нет. Шагнул, под ногами плеснулась вода — целая лужа. Удивился: что бы это означало?

Уже не впервой бродил Ванюшка по острову в одиночку, случалось,

и на охоту за гусями, а то и за оленями отправлялся один и его стрела не хуже Степановой доставала олешка. Но одному в неизвестной пещере стало тоскливо и жутко: не шагнуть бы в темноте в провал, откуда и спасенья нет. Живо вспомнилось ему, как из ущелья с олешком выбирался. Но то с олешком, тоже живая душа. А здесь... И вдруг Ванюшка вздрогнул и прислушался: так и есть, ветер с моря стронул льдины, гонит их на берег. Это они в заливе грохочут, лезут друг на друга, ломаются. Нерпа-то успела ли из залива, из тесноты, уйти? Льдины набьются, как в мешок, ей и головы высунуть негде будет, воздуха глотнуть.

Ванюшка представил себе, как нерпа мечется под водой, ищет продуха и везде натыкается на взбесившиеся льдины, на минуту забыл даже о себе. Но тут же почувствовал, как устали и стынут от холода мокрые ноги. Нагнулся, пошарил, нет ли где каменного выступа — сесть. Но рука нащупала уже не мокрый песок, а воду. Откуда она взялась?

Точно холодом ему по спине дунуло. Вот оно что. Сколь долго он в этой мышеловке сидит! В море уже прилив идет, и большая вода в пещеру пробирается. Может, и вовсе его тут затопит?

Ванюшка, не помня себя от страха, метнулся к выходу. Вода уже поднялась на четверть. Еще бы немного, и вовсе на волю не выбраться. Но сейчас еще можно. Ледяная вода сразу пропитала одежду, попала в рукава. Он этого не заметил, полз, задыхаясь, ударялся головой, плечами о выступы прохода. Скорей! Скорей! Пусть снег, ветер, но небо над головой, а не мрачный камень.

Наконец, впереди посветлело. Выбрался! Ванюшка вскочил на ноги, крикнул, но сам этого крика не услышал — и тут же зашатался, стукнулся спиной о скалу, такой бешеный вихрь ударил ему в лицо.

Медлить было некогда: отмель перед входом в пещеру залита, вода доходит до колен. Залив весь забит льдом, а ветер и течение с моря гнали в его узкое горло все новые льдины. Прилив поднимал их выше и выше. Вот-вот они двинутся на отмель. Промедли Ванюшка еще минуту, и лед замуровал бы его в пещере. А сейчас та же минута промедления — и льдины прижмут, раздавят его о скалу.

Ванюшка сам не помнил, как его рука ощупью нашла едва заметную опору в скале над входом в пещеру. Другая такая же опора нашлась для ноги, еще... и он как на крыльях взлетел и распластался, прилепившись к отвесной стене.

В то же мгновение стена эта дрогнула от страшного удара. Груды ледяных осколков взлетели на воздух, что-то с силой стукнуло Ванюшку по ноге, но сгоряча он не почувствовал боли. Он понимал: долго так на стене удержаться невозможно.

А льдины грохотали внизу и лезли все выше. Выше! На счастье, рукавицы он снял, когда выбирали из пещеры. Только пальцами без рукавиц можно было нащупывать еле заметные выступы стены и за них целяться. И он цеплялся, полз, смотрел только вверх, чтобы голова не кружилась.

Еще! Еще! Последним усилием Ванюшка ухватился за выступ на верху стены, перевалился через край, грудью лег на него. Ноги остались висеть над пропастью, тяжелые, нет сил их подтянуть.

В отчаянии он поднял голову, осмотрелся... Что-то мелькнуло перед самыми глазами, раздался слабый писк, и все исчезло.

Птица! Он не успел разобрать — какая. Ветер кружил ее, беспомощную, бороться с ним она не могла.

— А я могу! — сказал Ванюшка. Ему показалось, он крикнул громко, хоть на самом деле сказал чуть слышно. Но от этого слова у него и сила вдруг появилась: ноги шевельнулись и медленно перевалились за край утеса. «Могу!»— хотел повторить он. Но силы хватило только отползти от самого края, чтобы ненароком не скатиться обратно вниз. И Ванюшка закрыл глаза.

Обморок постепенно перешел в сон. Такой глубокий, что даже холод от мокрой одежды не скоро бы разбудил Ванюшку. Но вот во сне он почувствовал: что-то теплое коснулось его лица. Еще и еще... точно дышит кто-то ему в застывшую щеку, лижет, греет ее теплым языком. Даже приятно. Да вдруг по-настоящему больно как схватит за ухо...

Ванюшка вскрикнул и приподнялся. Испуганный визг отозвался у самого уха, и от этого он окончательно проснулся. Что это? Откуда тут взялась собачонка? Белая, лохматая, отскочила и сидит, недовольно смотрит, облизывается. Песец! И ухо побаливает, видно, откусить собрался? Ну нет, я еще живой!

Ванюшка пошарил около себя, с трудом запустил ледышкой в песца. Тот взвизгнул, отскочил подальше, снова уселся — ждет. Как ни плохо было Ванюшке, а засмеялся, приободрился.

— Никак ты моим ухом пообедать собрался? — с трудом поднялся он на ноги.

Песец, услышав голос, еще раз недовольно взвизгнул и убежал.

Ванюшка осмотрелся: мокрый снег покрыл все пригорки, которые еще недавно только начали оттаивать. Но снег кончился, уплыли куда-то тучи, и солнце опять заметно пригревает по-весеннему. Видно, снег этот — не долгий гость.

— Цветок-то приморозил, наверное,— пожалел Ванюшка, покачал головой, потрогал ухо.— Ну, и разбойник, чего надумал.— Глянул на море и ахнул: — Сколь я много спал!

Прилив кончился, большая вода шла на убыль, ветер стих. Льдины столпились у горла залива, и вода теперь выносила их в море без особого шума и грохота: за гладкие каменные стены залива им негде было зацепиться. Только на отмели перед входом в пещеру, вперемежку с плавником, лежали ледяные груды — остатки завала, что грозился раздавить Ванюшку. Вход в пещеру закрывала огромная глыба.

Ванюшка чуть не вскрикнул от огорчения: там, в пещере, остались драгоценные доски! Не скоро ему удастся до них добраться. Он поднял голову: сбоку от пещеры, где отмель немного поднималась и вышла уже из воды, лежит что-то желто-пестрое, такое маленькое по сравнению с огромной льдиной. Нерпа! Не шевелится. Наверно, та самая, что к нему на свист подплыла, словно и не боялась. Задавили ее льдины! Ванюшка даже кулаки стиснул, так живо ему представилось, как

льдины, словно живые, за малым зверьком гоняются. За ним тоже вот так-то, даже на стенку лезли. Лишь бы добраться!

Ванюшка подошел ближе к краю. Может, жива? Не вовсе задавили, проклятые?

Спускаться на лед, когда все тело ноет, трудно. И все-таки Ванюшка спустился. Подошел к нерпе, погладил тихонько гладкую шкурку. Крови нет. Ласты потрогал, вроде не ломаные. А не шевелится. И вдруг вскрикнул радостно: — Глядит! Живая!

Глаза большие, темные, и правда, на него смотрели не отрываясь, словно хотели спросить: «Ну, вот я, живая, а силы шевелиться нет. Что ты со мной сделаешь?»

Ванюшке так стало понятно, что он сам не заметил, как произнес:

— Ничего тебе худого не сделаю. Лежи, знай, может, и отлежишься.

«Может, и отлежусь»,— сказала нерпа глазами.

Ванюшка и о своей боли забыл, опустился на колени, гладил бархатную шубку. Ему показалось, что в глазах нерпы страха стало уже меньше, словно ей понятна его ласка. И тут он спохватился: у самого ноги не чувствуют, спина не гнется. Домой торопиться нужно.

Встал, потянулся, охнул невольно.

— Лежи, лежи,— сказал ласково.— Завтра приду, погляжу на тебя, поесть чего принесу. Только бы ошкуй не учуял. Прощай покуда.

И большие темные глаза точно ответили: «Прощай!» Или так ему показалось?

Теперь Ванюшка лез вверх уже не по стене, а по той тропинке, по которой спускался в первый раз. Все равно трудно, тело болит, руки в ссадинах, ногти поломаны.

— Мешок-то мой, наверно, подо льдом лежит, куда ему уплыть, тяжелый. Как лед растает, заберу,— рассуждал он, а сам то и дело на нерпу оборачивался.— Нет, не шевелится. Может, отлежится?

Ванюшка шел как во сне. В снеговой каше воды прибавилось, и каждый шаг все тяжелее, а сколько их еще до дома осталось?

Он даже приладился было считать, да тут визг и лай песцов его отвлекли. Не хотелось с тропы к обрыву сворачивать, а как не узнать, чего это они с ума посходили?

Ванюшка подошел к краю, глянул и остановился. Ну и дела! Узкая полоска отмели под обрывом вся блестела, как серебряная. Миллионы мелких рыбок, выброшенных бурей, покрывали песок. Тучи птиц кружились над ними, хватали рыбу и взмывали с ней кверху, иные, давясь от жадности, глотали ее тут же на отмели. Целая стая песцов не отставала от птиц: они хватали рыбешку почти не разжевывая и успевали еще огрызаться на птиц и друг на друга.

— Ну! — выговорил Ванюшка в удивлении.— Никак, со всего Груманта собрались.— И вдруг рассмеялся: большая черная кайра только что поднялась с отмели с рыбкой в клюве, ей наперерез с утеса кинулась белая птица, еще больше ростом. Поморник. Кайра метнулась было в сторону, но поморник уже догнал ее, ударил клювом, еще, еще раз. Кайра, оглушенная, выпустила добычу. Рыбка едва сверкнула в воздухе, как тут же оказалась в крепком клюве грабителя.

Но огорчаться не стоит. Рыбы на всех хватит. И ограбленная

кайра устремилась вниз. А поморник спешно проглотил добычу и уже налетел на другую жертву, бьет клювом, рыбу отнимает.

«Чужой кусок слаще,— подумал Ванюшка и спохватился: — Вниз слезу, рыбы наберу, ей отнесу. Может, уже опамятовалась!»

И тут он вздрогнул и обернулся.

— Ванюшка,— услышал,— за тобой иду, сердце неспокойно. А ты там чего выглядываешь?

Отец. На палку опирается — хромает, а идет, торопится.

— Чего выглядываешь? — повторил Алексей, но подошел ближе и сам удивился.— Это нам удача,— сказал.— Сайка, она мелкая, да сколь вкусна! Наберем, в холодке заморозим, надолго хватит. А ты чего долго не шел? Где тебя непогода застигла?

Кабы это Степан встретился, Ванюшка ему все бы про нерпу рассказал, а отца застеснялся. Про доски, про мешок, что льдиной завалило, Алексей выслушал. И про лук, что на берегу оставил, как в пещеру пробирался.

— Ладно,— промолвил,— сам ты живой. А лук, коли море утащит, новый сладим.

До дома было недалеко, скоро дошли. А потом, когда обогрелся, еще со Степаном успели по мешку сайки принести, в снег ее закопали, под скалой, там холод надолго сохранится.

— Жалость-то какая,— сокрушался Степан.— Сколь добра море загубило, сайки той птице да песцам и в год не переесть. Она морскому зверю еда самая лакомая.

Ванюшка это услышал и молча порадовался: «Знатное ей угощение завтра отнесу, как за железом-то идти доведется». Но про себя понимал: если бы и железа не было — все равно бы пошел.

Глава 17

КАСАТКА!

Утром кормщик поспать молодым не дал, разбудил рано.

— Вставайте! — сказал.— Ванюшка, к заливу на отмель ступай. Где-нибудь мешок твой найдется, вода с железом не справится. А нам, Степа, нерпу добыть надо, новые меха из шкуры сладить. Топоры ковать не простое дело: дутье требуется горячее.

Ванюшка с нар вскочил быстро, а как услышал про нерпу — сразу поскучнел, даже за рыбу взялся неохотно, что Степан с вечера нажарил. Поел молча, потом, не поднимая головы, спросил:

— От олешков еще шкуры остались, зачем за нерпой идти?

Отец обернулся, на него посмотрел.

— Нерпичья шкура мягче. И снять ее хорошо, готовые меха. А тебе почему нерпу трогать не хочется? За олешками ведь сам не раз ходил?

Ванюшка смутился: как это отец понял, что у него на душе.

— Я важенку с теленком никогда не трону, только олешка. А нерпу бьют, она на белька своего глядит, слезами плачет. Я того терпеть не могу.— Сказал и сидит, головы не поднимает.

Промысленники тоже помолчали. Алексей решительно встал из-за стола.

— Собирайся, Степа,— сказал.— А ты, Ванюшка, железо принесешь, плавник в кучи складывай, землей присыпай, уголья для горна жечь будем.

Ванюшка встрепенулся.

— Я сейчас, тять.— От души сразу отлегло. Прихватил со стены мешок из нерпичьей кожи и скорей из избы выбежал. Всю ночь он ворочался на нарах, думая про нерпу: жива ли? Отцу и Степану про доски только рассказал, где их спрятал. А про нерпу хотел рассказать, да передумал почему-то.

Он не слышал, как отец сказал Степану:

— Не будет с него промысленника, Степа, не будет. Может это — робость, страх в душе его от промысла отводит? В нашем роду такого не бывало.

А Степан ответил:

— Нету в нем страха, дядя Алексей. Забыл ты: как я его из берлоги от ошкуйцы выкинул, а он обратно с ножом кидается, мне на подмогу. Век не забуду. Жалость в нем большая, сердце звериной муки не терпит. Оно и нам бы не терпелось. Да жить-то как?

— Жить-то как? — повторил Алексей задумчиво, но от Степанова разговора словно легче стало на душе. Правда, не страх это у мальца. А как ему с таким сердцем на свете жить? Другой жизни старый помор не видел и потому ответа так и не нашел.

А Ванюшка уже приближался к ближней отмели. Рыбы на ней со вчерашнего дня будто и не убавилось. А птиц прибавилось еще. Они даже мешали друг другу взлетать: сталкивались в воздухе, в испуге роняли рыбу и снова кидались вниз, в общую свалку. В суматохе попадало и песцам, они визжали, огрызаясь, отскакивали и снова хватали рыбешку, стонали от сытости, а отойти не могли. Ванюшка посмеялся, пустил в них сверху ледышкой. Глянул на море, да так и застыл от удивления: к отмели подплывала узкая голова. Ошкуй! Откуда он в море взялся? Плыл не торопясь, не обращая внимания на волны, что догоняли его сзади и с головой окатывали. Вылез на отмель, встряхнулся так, что брызги разлетелись во все стороны. Песцы с визгом кинулись к дальнему концу отмели, настороженно принюхались: не лучше ли и вовсе пуститься наутек? Птичья стая, перелетев на другую сторону, снова подняла крик и драку и про медведя забыла. От тучи взвихрившихся перьев медведь чихнул и досадливо мотнул головой. Затем лапой копнул серебристую кучу. Песцы отозвались жадным визгом и убежали, а медведь не спеша двинулся вдоль отмели, на ходу захватывал ртом рыбешек и аппетитно их пережевывал.

Ванюшка оглянулся: не вернуться ли? Но, подумав, тронулся дальше, с трудом вытаскивая ноги из снежного месива. «Рыба эта зверю самая лакомая»,— вспомнил он и зашагал быстрее.

Вот, наконец, и тропинка вниз, к заливу. Ванюшка подошел к спуску на отмель и...

— Ушла! — воскликнул, не удержался. Нерпы на прежнем месте не было. Глыба льда, около которой она вчера лежала, растаяла, и золотистая шкурка тоже словно растаяла — исчезла.

Ванюшка медленно спустился на отмель. Его мешок! Лежит на ка-

мешке у самой воды. Железо грузное, и правда, не поддалось воде. Мешок размок — не беда. Ванюшка вытряхнул из него железки, из сухого мешка высыпал рыбу — на что она теперь? Собрал в него железки, закинул за спину, да так и застыл на месте: другая льдина у самого берега колышется, а на ней... нерпа! Та самая — Ванюшка так решил. Присел у воды и тихонько подбросил горсть рыбки на край льдины. Нерпа повернулась, посмотрела на него и медленно двинулась к угощению. Ползет, сама глаз от Ванюшки не отрывает. А он случайно взглянул на залив, да как вскочит на ноги: по воде, между редкими, оставшимися в заливе льдинами, с огромной быстротой неслось темное тело. Высокий треугольный плавник на спине резал воду, позади него бурлила и завивалась струйками вода.

— Касатка! [1] — крикнул Ванюшка отчаянно.— Слышь ты? Касатка, берегись! — повторил он, словно нерпа могла его понять. Одним прыжком Ванюшка оказался на льдине. Нерпа поднялась на ластах, кинулась ему навстречу, точно прося защиты. Но высокий плавник уже поравнялся со льдиной, темное тело с маху поднырнуло под нее. Удар был такой, что край льдины будто подпрыгнул на воздух. Огромная безобразная голова вынырнула из-под нее, в хищной пасти блеснули острые зубы. В следующую минуту голова опять скрылась под водой, и длинный гибкий хвост хлестнул по воздуху над самой льдиной. Что-то обожгло Ванюшке ногу, он неловко подскочил, упал и сильно ударился об лед головой. Несколько минут он пролежал неподвижно, наконец, поднял руку, потрогал голову, медленно встал. Все было тихо, льдина под его ногами чуть колыхалась, на воде расплывалось красное пятно. Нет нерпы! Нет. Лишь кучка серебристой рыбешки блестела на солнце у его ног.

— Съела! — проговорил Ванюшка и, опустившись на лед, закрыл лицо руками.

Долго он сидел, у ног что-то захрустело, зачавкало. Песец! Вороватo оглядываясь, он хватал рыбешку, глотал, давился от страха и жадности. Ванюшка замахнулся. Песец отскочил, тявкнул обиженно. Мальчик встал.

— Хоть все съешь,— проговорил он каким-то тихим равнодушным голосом.— Ей теперь ничего не надо.

Не оборачиваясь, Ванюшка подошел к обрыву и начал на него взбираться.

Наверху услышал, как звякает что-то за спиной: железки в мешке.

— Ну, что ж? Топоры будут,— произнес он вслух. И, тяжело вытягивая ноги из талого снега, зашагал к дому, точно это и не он недавно так весело торопился, нес сайку новому другу.

Голова от ушиба сильно болела, даже трудно было смотреть: он шел опустив глаза, не выбирая дороги.

Вдруг близко кто-то фыркнул и громко засопел. Ванюшка взглянул: ошкуй! Стоит у самой дороги, лапу лижет и морду трет. И опять лижет... Голова рыбьими чешуйками облеплена. Нос, Ванюшке особенно запомнилось, блестит будто серебряный. «Это который на отмели сайку ел!» — подумал он. А медведь на него и не глядит. До чего зверя

[1] Касатка — крупный хищник, родственник дельфинов.

рыбья чешуя допекла: рыкнул с досады, мордой в снег сунулся и — ну головой вертеть. Потом как фыркнет — снег кверху столбом. Голову вытянул, покачал ею — не вовсе ли, мол, отвертел? «Нос-то чистый стал»,— со странным безразличием заметил Ванюшка и усмехнулся. А медведь повернулся и пошел стороной, все головой поматывает.

Ванюшка постоял и опять побрел словно во сне. Дома мешок на пороге скинул, молча лег на нары и повернулся лицом к стенке.

Отец спросил, что случилось. А он только ответил:

— Ничего не случилось, нерпу мою касатка съела, а меня ошкуй есть не стал, рыбы наелся. А я спать хочу.

Кормщик еще более встревожился, но Степан потрогал Ванюшке лоб и тихонько сказал:

— Не трожь, дядя Алексей, огневица его забрала, чуешь, весь горит. А чего с ним приключилось, после узнаем, как хворь от него, бог даст, отступится.

Хворь отступила не скоро. Кормщик и Степан, сменяя друг друга, неотлучно дежурили. Воду подавали, держали Ванюшку, когда он в бреду рвался из избушки: то нерпу от касатки спасать, то самому от ошкуя спасаться. Слушали и постепенно поняли все, что с бедным мальчиком за один день приключилось.

Солнце безотлучно ходило по небу, но за ним никто не следил — не до того было. Кормщик поседел, пока слушал, как бредит, мечется на нарах Ванюшка.

Не вытерпел как-то: положил голову рядом с Ванюшкой на кожаную подушку, набитую мхом, и задремал. Во сне точно его толкнуло, слышит: «Тятя!»

Вскочил, а Ванюшка лежит тихо и смотрит на него разумно.

— Тятя,— повторил.— Долго я, что ли, заспался?

И тут не выдержал, заплакал суровый кормщик.

Степан к нарам кинулся:

— Живой ты, Ванюшка, ой хорошо! Встанешь, за олешками пойдем.

А Ванюшка уже устал, словно много наговорился: улыбнулся и задремал спокойно.

Алексей дал знак Степану рукой, и оба из избы вышли крадучись, как бы половица не заскрипела.

С того дня огневица от Ванюшки отступила, но силы к нему вернулись еще не скоро: из избы только выйдет и уже устал, глядит, где бы присесть отдохнуть.

Но как-то утром открыл глаза, а доски красные обе у него под боком лежат. Схватил их, а Степан смеется:

— Гляди, чтобы не треснули, больно крепко жмешь. Когда за ними лазил — все бока ободрал, проход-то под камнем на тебя мерян, не на меня. Теперь, чай, скоро поправишься?

— Скоро,— ответил Ванюшка, а у самого руки не разжимаются, доски держат. Той, где воин вырезан, все залюбовались.

— Не нашего войска воин,— сказал Алексей.— И дерево такое у нас не растет.

— Я тебе из простых досок ларец сделаю,— пообещал Степан.—

А с красных этих крышка будет. Ты на другой-то тоже что-нибудь вырезать можешь.

— Могу,— радостно отозвался Ванюшка. Но что вырежет — сказать не захотел.

Ларец в Степановых умелых руках получился на славу. Пока он его ладил, Ванюшка трудился над крышкой, как кончил — показал. Лежит на доске нерпа, а перед ней — касатка пасть зубастую раскрыла, из доски, словно из воды, обозначились пасть и спина.

А Ванюшка, как ее вырезал — точно тяжесть с себя какую сбросил: повеселел и вскорости не только совсем поправился, а даже вырос и в плечах раздался. Очень этому промысленники обрадовались, потому что короткое лето уже кончалось, подходила суровая грумантская зима, а она только крепким, здоровым под силу.

Глава 18

КАРБАС!

Легко ли, тяжело ли живется, а время все вперед катится без задержки. Седьмая весна пришла на Грумант. С надеждой встретили ее зимовщики: завиднеется на горизонте парус, приплывут друзья и выручат из горького плена.

Сегодня Ванюшка собрался подняться на скалу, что у моря, узнать, не прилетели ли кайры? Яйца кайриные вкусные, не хуже куриных. Соберешь их, кайры новых нанесут и птенцов все равно выведут.

Шел Ванюшка посвистывая: от дома далеко, отец не услышит. Насвистывать любил, а отцова недовольства побаивался, хоть давно уже малым ребенком не считался.

Мать бы на сына поглядела: ростом Степана перегнал, к отцу подравнивается. А недавно в озерко талой воды на себя глянул и застыдился: по щекам, по подбородку не пух, а уж вроде как молодая бородка курчавится. Степану, известно, до всего дело есть:

— Эй, Иван, бритвы с карбаса не захватили. Придется тебе бороду в косу заплетать, чтобы не мешала.

Ванюшка тогда на него рассердился, а сейчас нет-нет по подбородку рукой проведет, вспомнит и улыбнется: и правда, растет... Косу заплетать!.. Ну и Степан!

Все еще усмехаясь, Ванюшка подошел к крутому обрыву. В воздухе стоял сплошной крик, стон. Птицы тучей вились у стены, что спускается к самой воде узкими уступами. На уступах места мало, и каждая старается захватить себе кусочек, чтобы яйца снести. Вывести детей торопятся. Ванюшка поднял глаза, глянул вдаль на море и вдруг крикнул, кинулся бежать обратно к дому, словно за ним кто гонится.

Дверь избушки распахнул с такой силой, что кормщик вскочил с лавки и за топор схватился: не ошкуй ли ломится, как тогда, в первое утро на острове?

— Ванюшка, ты? — проговорил он в изумлении.

Ванюшка стоял в двери бледный, рукой держался за горло, словно его что душит:

— Тять! — крикнул он и замолчал...— Тять! Там...

— Да ты что? Языка лишился? — воскликнул Алексей. Но всмотрелся в лицо сына и, ничего больше не спрашивая, кинулся к двери.

— Карбас! — крикнул ему вслед Ванюшка, но отец не обернулся: без слов понял.

Ванюшка отнял руку от двери, бросился за ним.

Бежали недалеко: на берегу, наверху обрыва, давно уже сложена куча камней. В нее шест воткнут, а на нем оленья шкура-махалка, чтобы издали, с моря было заметно. Рядом — куча сухого плавника хитро уложена, чтобы дождь в глубину не протекал, если потребуется скоро зажечь.

Алексей одним духом взбежал на обрыв, приложил руку ко лбу, вгляделся: у самого горизонта точка маленькая, то и дело ее волны заслоняют. Только поморскому глазу такая кроха видна. А куда она двигается — к ним или от них,— этого и ему было не разобрать.

— Дыму! — проговорил Алексей, задыхаясь. Но Ванюшка уже вытащил из укромного местечка под камнем пучок сухих лучинок, что припасены для такого случая.

— Дыму! — повторил Алексей. А сам не шевелился, не сводил глаз с точки у горизонта, точно старался удержать ее взглядом, притянуть к берегу, может быть, последнюю надежду на жизнь, на свободу. Но не выдержал.— Торопись! — крикнул отчаянно и сам кинулся к куче плавника, над которой уже хлопотал Ванюшка. Изо всех сил стал бить огнивом по кремню, искры сыпались дождем, но дерево, видно, все же отсырело, разгоралось трудно. Наконец высокий столб дымного пламени поднялся в воздух.

Галька на берегу захрустела под чьими-то быстрыми шагами. Степан! Он дым издалека приметил, взбежал на обрыв. Алексей молча указал ему на точку в океане. Говорить было трудно. Три пары глаз, казалось, только и жили на неподвижных лицах.

В тишине послышался вздох: это вздохнули все трое разом, глубоко, как один.

— Сюда правят! — промолвил кормщик тихо, почти шепотом.

— Сюда! — повторили Ванюшка и Степан и опять замерли.

Алексей первый очнулся.

— Дыму больше! — крикнул он и кинулся вниз, на отмель, к куче принесенного морем плавника.

В другое время они не решились бы так нерасчетливо тратить драгоценное топливо. Но теперь об этом не было и мысли. Столб дыма поднимался выше, становился гуще, к костру уже трудно было близко подойти. А они, задыхаясь и спеша, тащили на вершину обрыва все новые куски дерева и шестами толкали их в бушующий огонь.

— Сюда правят! — снова и снова повторял кто-нибудь, и остальные откликались:

— Сюда!

А крохотное пятнышко и впрямь росло на глазах и скоро перестало быть пятнышком. Карбас! Он шел в безветрии, на веслах, прямо к острову, на столб дыма, на стоящих около него людей.

На карбасе остров уже приметили и решили посмотреть на него, хотя сильно торопились домой, в Архангельск. А тут и дым им на человечью беду указал.

— Не наши ли поморы там горе злосчастное встретили,— говорили они и гребли усердно. Но про Алексея Химкова и мысли не было: седьмой год пошел, как карбас его домой не возвратился.

Подошли к берегу и вовсе удивились: бегут к карбасу трое, волосами заросли, по-чудному в оленьи шкуры наряжены. И кричат, словно бы по-русски, а разобрать трудно: от слез ничего толком вымолвить не могут и плачут, как малые дети.

— Алексей я, Химков,— выговорил, наконец, сквозь слезы кормщик.— Алексей. И сын мой Ванюшка. И Степан. А Федора Веригина похоронили мы.

Корабельщики высыпали на берег, но толпились молча; вздыхали, переглядывались, словно ждали чего-то.

— Так, так,— проговорил наконец, видно, самый старый из них, высокий седой помор. Подойдя к Алексею, он вдруг крепко ухватил его за плечо.— Крестись! — приказал строго.— Ну...

Изумленный Алексей перекрестился.

— Добро! — весело проговорил старик.— Добро! — повторил он, обнял Алексея, хлопнул его по спине и опять отстранился.— Вижу я, взаправду вы люди живые, не оборотни. Зато и спробовал я тебя крестом, старый ты мой друг, Алексеюшка. Не серчай на меня. Который десяток лет в море хожу, а такого чуда не видывал. Жену твою давно вдовой почитаем.

Алексей и сам засмеялся и обнял старого помора, да так, что тот только охнул.

— Признал и я тебя, Никита, браток. И сердца на тебя не держу. Может, на Груманте и сам бы тебя не признал.— Алексей помолчал, ладонью вытер глаза.— Сам я надежды уже вовсе решился. Только молодым про то говорить не смел. Потому, пока у человека надежда в душе живет, он и сам жив. Пропала надежда — и человек пропал. Потому я сам без надежды мучился, а им надежду сберегал.

Тут корабельщики оживились, подбежали и обступили зимовщиков. Видно, и им дедова проверка пришлась по душе, рассеяла сомнения. Знали они и хорошо помнили и Алексея и Степана. А все же, чтобы люди на голом камне шесть лет живы остались — такого на их памяти не бывало. Вот Ванюшку никто признать не мог. И не диво: ушел он в море зуйком, а видят — на берегу стоит парень повыше отца и в плечах пошире.

Ванюшка молча смотрел, как обнимались с отцом, со Степаном все ему знакомые. «Мать-то вдовьим платком покрылась»,— отдалось в его душе. И вдруг сердце защемило такой тоской по ней, какой еще не бывало, даже когда плакал ребенком ночью в избушке в первые годы.

— Тять,— шепнул он тихо отцу, как только улучил минутку,— может, сразу направим?

А дед Никита услыхал, к нему повернулся.

— Куда, молодец, собрался?

— Домой,— еще тише выговорил Ванюшка и потупился, как маленький.

Такая тоска у парня в голосе послышалась, что дед Никита понял, с лаской на него из-под седых бровей поглядел. Но ответить не посмел, отец вступился:

— Негоже так будет,— степенно проговорил он и, обернувшись к корабельщикам, в пояс поклонился: — Дорогие гости, к нам в наше зимовье пожалуйте. Нашего хлеба-соли отведайте. А там сами рассудите, как нам быть.

Корабельщики переглянулись, враз посмотрели на старшего. Тот помедлил, опасливо посмотрел на небо, на море... Ненадежна погода, не пришлось бы самим зимовать на Груманте.

— Олениной свежей вдосталь угостим,— договорил Алексей. И это решило дело: соскучились корабельщики по горячему вареву, давно свежего мяса не пробовали.

Вдоволь угостили их зимовщики, на мягких звериных шкурах спать уложили. Сами на радостях и виду не подали, что не только Ванюшке тоска к сердцу подкатывала. Шесть лет жили, терпели, а теперь оно словно разорваться готово.

Наутро погода была хорошая, и начали зимовщики свои запасы на карбас таскать: шкуры медвежьи да оленьи, да песцов «без числа». Разгорелись глаза у хозяина карбаса.

— За провоз отдашь мне половину добра,— сказал он Химкову. Тот даже не поморщился.

— Хоть все забери, добрый человек,— отвечал он.— Видит бог, ничего не пожалею.

Но старик Никита сурово посмотрел на хозяина.

— Не дело говоришь,— строго сказал он.— Вспомни, в море мы. А море того не любит, кто чужой бедой богатеет.

Тем временем карбас приготовили к отплытию. Алексей подозвал Степана и Ванюшку.

— Поклонимся здешней земле,— сказал он.— Шесть лет кормила она нас и от бед сохраняла. Земно кланяемся тебе, мать-земля.— И зимовщики опустились на колени.

Молча, без шапок, стояли около них поморы, не один, отвернувшись, провел по глазам загрубелой ладонью...

За горой испуганно и любопытно показалась на миг рогатая голова!

— Попрощаться пришли никак,— тихо сказал Алексей.— Что ж? Прощайте и вы, олешки. Брали мы с вас и мясо и шкуры, сколько для жизни требовалось. А лишнего не обижали. Прощайте!

Раздалась сдержанная команда — карбас медленно двинулся в путь.

Вот уж туманная дымка заслонила суровые скалы. Ванюшка закрыл лицо руками. Алексей и Степан стояли молча, не отводя от острова глаз. Легкий ветер колыхнул, наполнил ровдужный парус. Карбас пошел быстрее.

Глава 19

НОВАЯ ЖИЗНЬ

По заснеженной дороге медленно двигался обоз. Сани увязаны для дальнего пути, кладь старательно покрыта рогожами, зашпилена деревянными шпильками. Лошади запряжены гужом: зимняя дорога не широка, только так по ней и проехать. Если кто встретится — беда, доведется кому-то сворачивать в сторону, топить лошадей в снегу. Возчики мучаются, а лошади — вдвое.

Последние сани не сильно груженные, на них, кроме возчика, еще один человек. Не барин, из простых, но одет тепло, добротно. Мороз в дальнем пути не шутит, дорога идет по глухим лесным местам. Не скоро встретится жилье, где можно обогреться и горячего похлебать.

Возчик попался любопытный, примостился на облучке и все назад поглядывает, к разговору прилаживается. Да жаль, попутчик не разговорчив: воротник поднял выше ушей и молчит или дремлет.

Возчику без разговору терпеть трудно: попутчик-то известный по всему Белому морю кормщик Химков Алексей. По какому же делу его в Санкт-Петербург требовали?

Возчик вспоминает: выехали они из города утром, как только рассвело. Провожать Химкова на двор вышел сын, видно. Детина здоровый, хоть молодой, а отца повыше. Обнял отца и заплакал. Отец молчал, потом взял за плечи, сказал тихо:

— Будет, Ванюша. Ты свое счастье нашел. Не наше оно, поморское, а может, нашего лучше будет. За него держись. Одно помни: человеком будь, отца и мать не забывай.

А тот глаза вытер, вздохнул и ответил:

— Не забуду, тятя!

С тем расцеловались трижды, старший в сани сел. Возчик тотчас лошадей тронул, потому весь обоз уже на ходу был, на столбовую дорогу выходил, что до самого города Архангельска ведет. Малый из ворот выбежал и так без шапки стоял, вслед глядел, пока сани за угол не завернули. Возчик это видел. А отец, как в сани сел, сгорбился, не обернулся и головы не поднял. Не пошевелился и тогда, когда последние домики на окраине города остались далеко позади.

«За сердце, видно, крепко взяло»,— догадался возчик и, вздохнув, потянул было вожжи да опять их на передке замотал. Нечего зря руки морозить; все равно ни тише, ни быстрей лошади не пойдут, а с другими подводами вровень.

Суровый северный лес обступил дорогу. По болотным местам деревья помельче, мохом и сыростью задавленные. А где земля получше, чуть не в небо головами упираются, через дорогу косматые лапы друг другу протягивают. Возчики в трудных сугробистых местах слезали — все усталым лошаденкам легче. Путаясь в полах тулупов, шагали за санями: скинуть тулуп — идти легче, да мороз сразу доберется до тела. Лошади шли медленно, но опытные возчики их не торопили: путь далекий, и лошадиную силу беречь надо. Ехали кучно, друг к другу впритык: лихого зверя и лихого человека опасались.

Ванюшка долго еще стоял за воротами. Смотрел на дорогу, с которой давно уже свернули сани, увозившие отца. Только след от саней остался: широкие полозья розвален целого обоза одни за другими прошли по нему. След блестел зеркальным отсветом, пока его не закрыл мелкий пушистый снежок. Он падал на непокрытую голову Ванюшки, сыпался за воротник. Наконец, холодные струйки побежали по спине. Ванюшка точно проснулся, огляделся и медленно зашагал через двор обратно, в дом, из которого только что вышел. Там, в маленькой горенке, на лавке лежал мешок из нерпичьей кожи — все его имущество. Он осторожно пошарил в мешке, развернул тряпицу, поставил что-то на стол у окна. Скупой солнечный свет, будто ощупью, пробрался сквозь окно, затянутое пузырем, осветил на столе белую резную фигурку, около нее — темную. Круглая головка белька выглянула из норки, вырезанной из куска моржовой кости. Перед бельком нерпа-мать резана из желтоватого корня. Поднялась на ластах, вся в тревоге за детеныша, глаза — темные камешки, глядят как живые. Посмотрел на нее Ванюшка — и вспомнилось ему, как во сне, и жизнь на Груманте, и как в Архангельск приехал, мать увидел, а она его живого давно уже видеть не надеялась. Не успела мать на него нарадоваться, и снова перемена: требуют их с отцом в самый Санкт-Петербург, рассказать, как они на Груманте жили. Долго собираться не дали: мать в слезах, а их в сани посадили и еще зверей прихватить наказали, всех, что он, Ванюшка, из корня да из кости резал. Долго ехали, он и не думал раньше, сколь земля велика. А как доехали, их тут же представили каким-то важным господам. Все одеты богато, а головы кудрявые, да косицы сзади болтаются. Его с отцом разглядывали, как диковинку, про Грумант расспрашивали. Ванюшка усмехнулся: сколь они его резаным зверям дивились! Только нерпу с бельком, вот эту, он не показал, в карман тихонько спустил, сам не знает почему. Хорошо сделал: всех зверей они позабирали, а она — осталась.

Ванюшка осторожно замотал фигурки в тряпицу, уложил обратно в мешок. Опять вспомнил.

Долго эти господа меж собой не по-нашему говорили. Потом один, русский, видно, отца в сторону поманил, к окну подальше, что-то объяснять начал. А те его, Ванюшку, обступили, смеются, в него пальцами тыкают. Он не знал, куда деваться, застыдился. А они ему руку согнули, щупают, охают. «Ровно телка на базаре покупают»,— подумал Ванюшка, и оттого ему вся кровь в лицо кинулась. Рассердился.

Один в красном кафтане засмеялся, обхватил его и давай силу показывать. Это он и без слов понял. Сам обхватил молодчика, да как стиснет, тот охнул и глаза закатил.

Все, кто к нему, кто от него. Хорошо — отец заметил, крикнул:

— Ванюшка, кинь, говорю, отпусти!

Он послушался, руки рознял. А того подхватили, воды поднесли. Тут и Ванюшка оробел: не поломал ли ему чего? Однако тот отдышался, сам к нему подошел, по плечу хлопает. Русский засмеялся:

— Он тебя хвалит. Силища, говорит, у тебя медвежья. Как при такой силе такие тонкие фигурки резать можешь?

Ванюшка тоже улыбнулся: горяч, да отходчив. Тут и отец от окна

повернулся к нему. Ванюшка заметил: на лбу глубокая морщина прорезалась, никогда такой не видал. Господа все с белыми косицами вокруг стали, будто ждут, что он скажет.

— Ванюшка,— сказал отец.— Твоя дорога не в нашу сторону пошла. Оставляют тебя здесь на ученье, костяной да каменной резьбе. К тому делу ты, говорят, больно способен. Коли не заленишься — в большие люди выйдешь. А я твоему счастью супротив не иду. Свое слово свободно молви. Остаешься?

Помолчал Ванюшка. Задохнулся. Глянул в отцовы строгие глаза и вдруг... дрогнули губы кормщика, и глаза уже не строгие, с любовью на него смотрят.

Сам не знал Ванюшка, как случилось: бросился отцу на шею, обнял изо всех сил, словно не отца, а ровню, сказал:

— Остаюсь, тятя! — и заплакал.

Что тут поднялось! Господа с косицами враз зашумели, по спине его стали хлопать. Их розняли. А тот высокий барин, что с отцом говорил, тряхнул отцову руку да крикнул:

— Молодец, Алексей, ладного парня вырастил. Не опасайся. Сам его в пригляде держать буду!

Не помнил Ванюшка, как они из того дома вышли, как до постоялого двора добрались, с которого отцу назавтра ехать надо: обоз в Архангельск идет, от него отставать нельзя. И ему дозволили отца проводить. А потом сказали, что за ним человек придет,— укажет ему, где жить и учиться.

Ванюшка положил нерпичий мешок на стол, на него голову. Но тут же в соседней горнице послышались шаги. Старик хозяин вошел, с любопытством оглядел Ванюшку.

— Тебя требуют,— сказал и еще раз оглядел его, точно какую диковину.— Куда ты такой понадобился? Человек, слышь, пришел не твоего поля ягода, господский человек.

Ванюшка торопливо вскочил, кинулся к полушубку на стене. Вот и началась новая жизнь! Сердце забилось тревожно и радостно...

День клонился к вечеру. Все так же мерно шагали усталые косматые лошаденки, но уже начинали вострить уши, прислушиваться. Знали: время идет к отдыху, ночлегу.

Возчик на последней подводе удивленно косился на седока: как сел, так и сидит, и никакого от него разговору. Веселое дело при долгой дороге!

Высокие ели давно уже густой тенью перекрыли дорогу, над ними узкой полосой темнело вечернее небо. Мороз крепчал, все чаще возчики звонко хлопали рукавицами — грели застывшие руки. Легкие снежинки сыпались с широких еловых лап.

Кормщик тяжело вздохнул, огляделся. Так недавно по этим местам они вдвоем с Ванюшкой ехали. А теперь он один домой возвращается. Матери-то горе будет какое, как узнает, что ушел от их привычной жизни Ванюшка, младшенький. Теперь стало понятно старому помору, почему не подходил Ванюшка для этой суровой жизни. Своя, новая жизнь началась у него. Какая она будет?

Но ответ на это — уже новая книга о жизни Ивана Химкова, по кости и камню знаменитого резчика.

БОЛОТНЫЕ РОБИНЗОНЫ

Глава 1

ДЕД НИКИТА

Лес вокруг Малинки был очень старый и такой густой, что сколько его ни рубили, он по-прежнему окружал деревушку плотной стеной. Казалось, вот-вот сдвинется, нагнется и прикроет низенькие избушки мохнатыми лапами, словно их тут и не было.

Малинка-деревня огородами спускалась к Малинке-реке, узенькой и неглубокой. А за деревней, по ту сторону речки, начиналось заросшее лесом моховое болото, и тянулось оно неведомо куда. Густой мох стлался по нему и колыхался, как качели под ногами, если кому пришло бы в голову ступить на него. Но таких смельчаков давно не находилось. Известно было, что пройти по болоту можно только по примеченным тропинкам, а сбиться с тропинки — верная смерть: мох прорвется и сомкнется уже над головой человека, заглушая его смертный крик. Называлось это болото «Андрюшкина топь».

Кто такой был Андрюшка, когда и почему поселился он в таком страшном месте — этого не помнили даже самые древние старики Малинки. Известно было только, что где-то в середине топи есть остров и на нем избушка, выстроенная самим Андрюшкой. Но дорогу к острову знал один Андрюшка и эту тайну унес с собой.

Зимними вечерами ребятишки, сбившись в кучу на чьей-нибудь теплой печке, любили поговорить о том, что и сейчас, наверно, Андрюшка бродит где-то незнаемыми тропами по гиблой трясине, и беда живому человеку встретиться с ним на тесной дорожке.

На этот счет у Федорова Ивашки были самые верные сведения. Он и рассказывать умел по-особенному: опустит голову и говорит тонким голосом, потихоньку. А в нужном месте как вытаращит глаза — они ну вот как у кошки засветятся.

Ребята не выдерживали, с криком сыпались с печки, поближе к лампе над столом, подальше от темного угла. А на другой вечер снова мостились на чью-нибудь печку и опять за рассказы. Договаривались до того, что и в сени выйти становилось страшно: за дверью мерещилась чья-то тень и слышался тонкий вой. «Так воет душа мертвого человека, если его тело не закопают»,— объяснял Ивашка.

Топь даже зимой местами не замерзала, деревья на ней стояли полумертвые, окутанные длинными космами серого мха, а в глубине

ее слышались странные звуки, точно вздохи и хлюпанье, да иногда жалобно кричал кто-то.

Говорили в Малинке, что один человек знает про Андрюшкину топь больше других. Что еще мальчиком не раз добирался он до Андрюшкина острова с приезжим охотником за дорогими перьями белой цапли, которой на острове водилось множество. Но однажды пошли они вдвоем, а вернулся Никитка один, без охотника. Целое лето он бродил как потерянный и с тех пор в жизни больше про Андрюшкину топь не сказал ни словечка. Теперь старше деда Никиты не было старика в Малинке. Но и сейчас все знали: если кто заговорит про Андрюшкину топь — дед потемнеет весь, встанет и уйдет.

Борода у деда Никиты была от старости уже не белая, а желтоватая, как слоновая кость, и такая длинная, что он ее закидывал на плечо, чтобы не мешала работать. Дед ею гордился и по субботам мыл в бане щелоком. Сколько было ему лет, про то никто в Малинке точно не знал. Ходили слухи, что он «француза помнит». Но когда его самого про это спрашивали, он отвечал только: «Хм-хм, так». А на лице у него было написано: «Знаю, а сказать не хочу». Когда же новый учитель из соседней деревни, Иван Петрович, вдруг взял да и сосчитал, что никак этого быть не могло, потому что французы воевали с Россией сто с лишком лет назад, дед Никита ничего не сказал, но видно крепко на учителя обиделся. Даже здороваться с ним перестал: встретится, а сам в сторону смотрит, будто не видит.

Ходил дед еще твердо, даже не горбился. Лицо только было все в глубоких морщинах, точно вырезано из темного дерева, но глаза ясные, голубые, под густыми бровями-кустиками. Правда, не любил дед признаваться, что видят они хуже, чем смолоду. Положит начатый лапоть около себя на завалинке и хлопает руками не с той стороны, пока не нащупает пропажи. Сам громко удивляется: «И как это я в ту сторону не поглядел!»

Жил дед вдвоем с единственной своей дочкой Лукерьей, и та уже была старухой. Но еще одна управляла всем хозяйством и работала в колхозе. Внук его, Степан, женился и жил отдельно, с женой и с сыном Андрейкой. Больше у деда в деревне родных не было.

Глава 2

ГОСТЬ ИЗ ГОРОДА

Солнце еще не начало как следует припекать, а дед Никита уже устроился на завалинке: на солнечной стороне теплая стена приятно согревала спину. Около себя он разложил по порядку связки лык, начатый лапоть, кочедык и забрал в горсть бороду, собираясь ее перекинуть на левое плечо, но приостановился и, наклонив голову набок, прислушался. На дороге перед самой хатой из-за угла выбежала стая мальчуганов, босых, в холстинных штанишках и цветных рубашонках. Впереди шел мальчик в белой майке и синих трусах, он ступал осторожно, точно по острым камням: видно было, что не привык бегать босиком. Его незагорелая кожа казалась еще белее от темных вью-

щихся волос. Другие же мальчики, наоборот, загорели до черноты, а волосы их, выбеленные солнцем, походили на светлый лен.

— Иди, иди,— наперебой кричали они, подталкивая мальчика в майке.— Ты только спроси, сам спроси, он это страсть любит.

Новенький не успел и оглянуться, как мальчишки подтащили его к самой завалинке и отбежали, оставив одного.

Дед Никита поднял голову, положил лапоть на завалинку и приставил руку козырьком к глазам.

— Ты чей же такой озорник будешь? — спросил он довольно немилостиво.

— Антона, дедушка,— закричали мальчишки.— Антона Нежильцова, в Минске который жил. Приехал к бабушке Ульяне. Его дядя Семен со станции на подводе привез. Мамку у него на войну взяли.

Мальчишки кричали все наперебой.

— А мамка у него командир,— пропищал самый маленький, в синей рубашке с оторванным, сползавшим с плеча рукавом, усиленно пробиваясь вперед.— Как это можно? Баба она или нет?

Мальчик в майке оглянулся.

— Как это — баба? — спросил он с недоумением.— Моя мама врач, ее мобилизовали, она теперь старший лейтенант и на фронт уехала. А бабушка Ульяна — мамина мама, вот я к ней и приехал, пока война кончится. А папа — мальчик опустил голову и договорил тише: — Папа умер. Давно.

— Так, так,— медленно произнес дед Никита.— А ну, подойди ближе, я на тебя погляжу.

Ребята приблизились и нажали на новенького так, что он поневоле оказался перед самой завалинкой. Вертлявый и курносый Мотя даже рот открыл и глубоко вздохнул от волнения. Маленький Андрейка поддернул сползающий оторванный рукав и, подпрыгнув на одной ножке, тоненько крикнул:

— Ой! Мамка — командир!

Но самый высокий мальчик с упрямым лицом сердито схватил его за шиворот и сильно дернул назад.

— Мамка на фронте,— насмешливо передразнил он,— а сам гусака испугался! — И, засунув два пальца в рот, громко свистнул прямо в лицо новенькому.

Мальчики громко расхохотались, а новенький стоял растерянный, не зная, что ответить. От обиды у него даже слезы выступили на глазах и это смутило его еще больше.

— Я ведь не заметил этого гусака,— дрогнувшим голосом проговорил он.— И вдруг...

— Вдруг...— передразнил его высокий мальчик и так похоже, что все опять засмеялись.— У деда-то будешь спрашивать, чего говорили, или опять заробеешь?

Новенький посмотрел на блестевшую наклоненную лысину деда Никиты и оглянулся. Ребята не сводили с него глаз. Андрейка пискнул и опять подпрыгнул на одной ножке, но высокий, не глядя, дал ему подзатыльник. Его серые упрямые глаза смотрели на новенького в упор.

— Гуса-ак,— насмешливо протянул он.

Новенький вспыхнул и сделал шаг вперед.

— Дедушка,— проговорил он,— а как пройти на Андрюшкин...

Но договорить он не успел. Дед Никита вскочил и, бросив лапоть, крепко схватил его за плечико майки.

— А, так ты над дедом потешиться захотел! Над дедом потешиться? — закричал он и дернул майку с такой силой, что плечико треснуло и порвалось. От неожиданности мальчик присел, майка осталась в дедовых руках.

Мальчишки, как горох, с визгом посыпались через плетень на противоположной стороне улицы, а дед Никита поднял майку на уровень глаз и, покачав головой, бросил ее на завалинку, сел и снова взялся за кочедык.

Мальчик постоял немного и решительно шагнул вперед.

— Отдай мою майку, дедушка,— сказал он дрожащим от обиды голосом.— Вот тот большой мальчик, Федоска, сказал, что ты любишь, когда тебя про это спрашивают, и рассказываешь все интересное, а что ты дерешься, я не знал.

Дед тряхнул головой и поправил сползающую с плеча бороду.

— Дождутся у меня, поганцы,— промолвил он сердито.— Ну, не скачи как козел, сказываю — не буду драться. А с вами, озорники, я ужо разберусь.— И дед погрозил кочедыком в сторону плетня, за которым слышались смех и возня.— Чего тебя гусаком-то дразнили? — добавил он уже мягче, снова принимаясь за работу.— Рубашку свою подбери, или у матери ситца на рукава не хватило?

Дедово замечание за плетнем отметили новым смехом и возней. Мальчик опять покраснел.

— Меня зовут Саша,— отвечал он.— И в Минске все так ходят. А гусака я не заметил, он сбоку стоял. Ну и подпрыгнул, как он зашипел. А они смеются, что я трус. И что босиком мне больно. И про маму. И что я городской. Я теперь и сам с ними дружить не хочу. Я сюда один поездом приехал и один уеду. Сейчас. И... вот!

Саша говорил, царапая ногтем плетенку завалинки. Постепенно разгорячась, он отошел от нее и, стоя перед дедом, при каждой фразе взмахивал кулаком. Договорив, он отвернулся и начал перебирать руками резинку трусов. Затем медленно, высоко подняв голову, пошел назад по дороге.

— Не буду больше с ними играть,— повторял он упрямо.— Домой уеду. Там рябой Колька. И Петушок. И скоро война кончится, и меня мама опять...

Но тут кто-то потянул его за руку. Мальчик быстро оглянулся: перед ним, смущенно улыбаясь, стоял голубоглазый Ивашка, а за ним, кучкой, все мальчики. Только высокий Федоска держался поодаль, отвернувшись, как будто бы не со всеми шел, а оказался тут случайно.

— Идем с нами раков ловить,— проговорил Ивашка застенчиво и чуть заикаясь.— Их там страсть сколько, под камнями.

Предложение было заманчивое, и все ребята, видимо, очень хотели помириться. Ивашка, держа Сашу за руку, смотрел на него уже весело. Любопытный Мотя забежал спереди, а маленький Андрейка высунулся из-за его спины и потрогал Сашину майку.

Саше и самому очень хотелось согласиться, он никогда еще не видел раков в реке, но тут Федоска посмотрел на него так насмешливо, что он покраснел и выдернул руку.

— А вот вы сами спросите у деда Никиты, как пройти на Андрюшкин остров, тогда я с вами буду дружить,— проговорил он вызывающе и повернулся, чтобы идти. Но Федоска вдруг шагнул и загородил ему дорогу.

— Чего там — раки. Мы завтра в старый лес пойдем,— выпалил он.— Ивашка там филина подсмотрел в дупле. Кто его первый из дупла выгонит, тот молодец. Пойдешь?

Мальчики молча смотрели то на Сашу, то на Федоску. И может потому, что серые глаза Федоски по-прежнему светились насмешкой, Саша решительно кивнул головой.

— Пойду,— сказал он.— Когда?

— Я тебе утром в окошко постукаю,— поспешно объяснил Мотя, и вся его круглая мордочка засияла от удовольствия.— Тихонечко постукаю, чтобы бабушка Ульяна не услыхала. Ты не сердись, Сашка, право!

— Постучи,— сказал Саша. Быстро повернувшись, он вбежал на крыльцо маленькой покосившейся избушки и, не оглядываясь, закрыл за собой дверь.

Глава 3

ОНИ!

Дуб посередине полянки был толстый и высокий, и окружавшие его деревья казались перед ним чуть ли не молодняком. Его раскидистые корявые ветви закрывали бо́льшую часть полянки и даже в сильный дождь под ним было сухо. Сейчас утро было раннее, кудрявая вершина дуба уже освещена, но под деревом еще сумрачно и трава тяжелела от росы.

— Сюда, я ж говорил — сюда! Вон отсюда видно, да черное какое!

— А чего же ты сам не лез?

— Да, сам полезь-ка! Без веревки на него и не заберешься!

Кусты орешника раздвинулись, и на полянку выбежал Андрейка. Штанишки, вымокшие от росы, потемнели и прилипли к ногам, роса капала с волос и даже с кончика вздернутого носа, но он этого не замечал.

— Как выскочит, крылищи — во! — И он расставил руки сколько мог.— А глазищи — во, как колеса! А на башке рога — во! Бородища — во! Как у козла. Да страшнющий какой, да как загудит: у-ху-ху...

Андрейка перескакивал с одной ноги на другую, приседал и взмахивал руками, весь горя от возбуждения. Мальчики окружили его и смотрели то ему в рот, то вверх на дерево. Здесь, на месте, рассказ, слышанный ими уже не раз, казался новым и особенно значительным. Над первым толстым суком старого дуба чернело большое дупло. Похоже было, что после Андрюшкиного рассказа никому не хотелось заглянуть в это дупло первому, но ни один не хотел в этом признаться.

— Да его еще, может, там и нет вовсе,— равнодушно проговорил Федоска, махнул рукой и отвернулся: я бы, мол, и полез, да не стоит трудиться.

— А забожусь, что есть. А забожусь! — заволновался Андрейка.— Он ночью с лешим по болоту хороводится, зайчей ловит. А сейчас залез в дупло и спит. Забожусь, что тут!

Саша посмотрел вверх, потом на мальчиков. Он вдруг заметил, что у Федоски одна прядь волос, спускающаяся на лоб, светлее других, и глаза невольно на ней задержались. Но Федоска поймал его взгляд и насторожился:

— Ты чего на меня смотришь, думаешь, боюсь? — вызывающе спросил он и для чего-то туже подтянул поясок.— Я их, чертей, может, столько перевидал... как курей. А тебе вот и лезть,— неожиданно закончил он и оглянулся на остальных мальчиков.

— Тебе! Тебе лезть! — обрадованно закричали все. Для каждого нашелся удобный выход: не лезть самому и не заслужить упрека в трусости.

Саша невольно сделал шаг назад.

— Боишься? — тоненьким голосом спросил Мотя и смешливо потянул носом.— Не бойся, не съест, не гусак! — закончил он под общий смех.

Саша покраснел и оглянулся. Все глаза, как вчера, были устремлены на него. Все ждали. Он вздохнул и стиснул зубы так, что стало больно.

— Бросай веревку, Федоска,— сказал он твердо и сам тоже подтянул пояс курточки.

В руках у Федоски мигом оказалась принесенная из дома веревка. Из кармана он вытащил продолговатый камень и крепко привязал его к веревке.

— Берегись! — крикнул Федоска и размахнулся.

Камень перелетел через нижний сук и упал. Веревка повисла на нем, касаясь земли.

— Влезешь? — спросил Федоска, уравнивая концы,— аль подмогнуть?

Саша молча взялся за веревку и, напряженно перехватывая ее скрещенными ногами, начал подниматься наверх. На поляне стало тихо. Ребята, подняв головы, следили за каждым его движением. Вот он добрался до сука, схватился за него, подтянулся и, слегка задыхаясь, сел верхом. Затем, упираясь руками и осторожно передвигаясь по суку, приблизился к стволу. Теперь дупло чернело над самой его головой. Саша размахнулся и запустил в него камень. В ответ послышалось страшное шипение, в дупле что-то завозилось, и вдруг перед самым носом мальчика мелькнула огромная кошачья голова с желтыми глазами и круто загнутым разинутым клювом. Саша вскрикнул и отшатнулся, закрывая лицо руками. Он едва удержался на суку, крепче обхватил его ногами. В лицо дунуло ветром, мягкое упругое крыло ударило по руке, и огромный филин бесшумно пронесся над поляной и скрылся за деревьями.

Саша не сразу решился опустить руки: казалось, вот-вот в лицо опять глянет страшная кошачья голова.

Голоса снизу привели его в себя.

— Самолет! Чистый самолет! — кричал, прыгая на одном месте, Ивашка. А Андрейка бегал по поляне и хватал всех за руки.

— Скорей! Ой, да скорей же! — торопил он.— Бежим глядеть, куда он подевался!

Мальчики с криком и смехом бросились с полянки.

— Гляди, гляди! — слышался из-за кустов тоненький голос Ивашки.— Он днем слепой, даром, что глаза по ложке. Мы его враз! Мы его враз!

Саша потянул было веревку из дупла, но вдруг остановился: вот это дело! Он влезет в дупло и все разглядит. Наверно, оно большое-пребольшое, может быть, как целая комната. А мальчишки пускай его поищут!

Саша осторожно встал на ноги и, придерживаясь за край, заглянул в дупло. Темно и тихо, и наверно пусто, уж с таким соседом никто не уживется, можно смело прыгать. Р-раз...

От прыжка в дупле поднялась такая пыль, что Саша чуть не задохнулся. Чхи! Чхи! Апчхи!.. Он чихал, кашлял и протирал глаза, пока поднятая им пыль немного улеглась и стало легче дышать. Затем, приподнявшись на цыпочки, он выглянул наружу. Что это? Мальчики бегут назад, кричат еще громче и смотрят вверх. Уж не летит ли филин назад, на старую квартиру?

Саша вздрогнул, хотел было выпрыгнуть из дупла, но тут же замер на месте: громадный зонт мелькнул перед его глазами и, колыхаясь, опустился на поляну. Еще и еще: три, четыре, пять... и все, как сговорились, в одно место. Люди в защитных комбинезонах быстро отцепляли от пояса веревки и оглядывались, тихо говорили...

Андрейка засунул пальцы в рот и остановился как завороженный под кустом орешника на краю поляны, Федоска стоял за ним, боком, и смотрел угрюмо, исподлобья, светлая прядь волос совсем закрыла ему один глаз. Остальные мальчуганы от неожиданности присели на корточки и выглядывали из-под куста, как испуганные зайцы.

«Парашютисты!» — И Саша заметался, стремясь скорее выбраться из дупла и спуститься на землю.

— Ну, Фогель, спроси у мальчишек — что это за место? Здесь вообще не должно быть никаких селений,— проговорил по-немецки один из парашютистов, высокий, рыжий, и подтолкнул собранный в комок парашют под ветки орешника.

— Немцы! — прошептал Саша и невольно присел в дупле.— Хорошо еще, что я их понимаю.

Второй парашютист, низенький и коренастый, отцепил последние крючки и, освободившись, повернулся к мальчикам.

— Шоколяд хочет? — спросил он по-русски, но как-то странно выговаривая слова.— Иди сюда, карош мальшик, я даю тебе шоколяд, ты говоришь мне, какой ты есть деревня. Карош?

Говоря это, низенький засунул руку в карман и вытащил большую плитку шоколада в золотой обертке.

Мальчики не шевельнулись, но маленький курносый Мотя вздохнул и проглотил слюнки. Немец заметил это и повернулся к нему.

— Карош мальшик,— сказал он ласково,— я даю тебе шоколяд, ты говоришь мне, какой ты есть деревня. Ну...

— Из Малинки мы,— смущенно ответил Мотя. Плитка оказалась у него перед глазами... ближе... у самой его замазанной рожицы. Из разорванной немцем обертки заманчиво выглянул душистый коричневый уголок...

Мотя не выдержал, рот его приоткрылся... И, проворно сунув отломанный немцем кусочек шоколада в рот, он так усиленно заработал челюстями, что другие немцы захохотали и тоже опустили руки в карманы.

— Иди все сюда, карош мальшик,— снова заговорил низенький немец и помахал толстой рукой с короткими пальцами. Саше она показалась до того похожей на лапу филина, что он вздрогнул.

— Я всем даю шоколяд. Я считаю, сколько мальшик: раз, два, три, четыре...

У каждого мальчика в руках оказалось по плитке шоколада. Они уже все выползли из засады и храбрее разглядывали странных гостей.

— Вы наши? — вдруг угрюмо спросил Федоска. Он один не отошел от куста, даже подался назад, и шоколада, что протягивал ему немец, не взял.

— Ваши, ваши,— поспешно ответил немец и оглянулся на высокого.

— Этот соображает больше, чем следует,— вполголоса проговорил высокий, и у Саши опять сильно забилось сердце.

— Мы добрый коммунист,— продолжал низенький немец.— Мальшик, скажи, есть ваш деревня близко?

— Там наша деревня, за речкой,— прогнусавил Мотя, потому что рот его был забит шоколадом.— И еще один есть, Сашка. Вы ему тоже дайте. Ладно?

— Да, да,— торопливо кивнул головой немец.— Скоро, очень скоро зови твой Сашка. Где есть Сашка?

— Не знаю,— ответил Мотя и повернулся на босой пятке, оглядывая поляну.— Домой убежал, что ли...

— А вы откуда будете? — опять прервал разговор Федоска.

— От неба,— сказал немец и засмеялся.— Ты, мальшик, будешь нам показывать дорога в твой деревня. Карош?

— Ладно,— с готовностью согласился Мотя и, вытерев рукавом замазанный шоколадом рот, с наслаждением облизал пальцы.— Идти вон туда, до речки, а там за речкой... Ой!..

Сверху Саша увидел, как Федоска проворно протянул руку и ущипнул Мотю, а другой рукой дернул Андрейку за рукав.

Немцы передвинулись так, что окружили ребят со всех сторон. Высокий опять заговорил, на этот раз так тихо, что Саша не мог расслышать. Затем он вынул из кармана что-то блестящее и, высоко подняв руку, бросил его в траву. Три светлых головенки одновременно нагнулись вниз, а в следующую минуту...

— Feuer! (Огонь!) — крикнул высокий, и несколько выстрелов слилось в один, а светлые головенки, только что нагнувшиеся к земле, так и припали к ней...

Не нагнулся один Федоска. В момент, когда прозвучали выстрелы, он упал на четвереньки и откатился в сторону так, что только босые ноги мелькнули в воздухе. Кусты орешника качнулись и закрыли его синюю рубашку...

В следующую секунду ветки, срезанные пулями, посыпались на землю. С криком и ругательствами немцы кинулись по тропинке вслед за Федоской.

Зажимая рот руками, чтобы не крикнуть, Саша прижался лбом к стенке дупла.

— Андрейка, Мотя, Ивашка,— повторял он шепотом и опять: — Андрейка, Мотя, Ивашка...

Внизу, на полянке, опять послышалась немецкая речь. Саша осторожно выглянул: полянка была полна людьми в защитных комбинезонах, с необычными, коротенькими ружьями на груди. Они все громко говорили, перебивая друг друга, и показывали руками в сторону, куда убежал Федоска.

— Сведения были ошибочными,— уловил Саша немецкую фразу — Нам говорили, что здесь нет никаких деревень. А теперь этот маленький негодяй всех всполошит...

— Действовать быстрее, чтобы никто не ушел,— отчетливо проговорил другой, махнув рукой в сторону деревни.

Саша посмотрел на него: длинный тонкий шрам, начинаясь от угла рта, пересекал щеку немца, стягивая ее, и от этого казалось, что на его лице застыла странная и страшная улыбка — одной стороной рта. По тому, как этого человека слушали, Саша понял, что он старший. Рассматривая немца, он опустил глаза ниже и сразу забыл о нем: три маленьких комочка лежали на траве. Один из парашютистов споткнулся и с ругательствами ударил ногой: белый рукав рубашки мелькнул в воздухе. Ивашка! Теперь он лежал вверх лицом, спокойный и серьезный, откинув в сторону худенькую руку. На виске виднелась тонкая красная струйка.

Саша забыл, что его могли увидеть. Почти высунувшись из дупла, он смотрел, как немцы по команде, держа коротенькие ружья, исчезали за кустами орешника. Точно и никого тут не было. Если бы только не те трое, что остались лежать на полянке среди высокой травы...

Прошло много времени, пока Саша решился выбраться из дупла. Он перекинул через сук веревку и медленно спустился вниз. Постоял около дерева и вдруг, вскрикнув, кинулся в лес, по тропинке, по которой еще недавно бежали немцы. Он только сейчас догадался: они собирались убить там, в Малинке, всех, чтобы никто не смог рассказать о них русским солдатам. И мальчиков они убили потому же. Федоска? Но его тоже, может быть, убили. И столько времени он потерял, сидя в дупле. Он виноват, он не предупредил вовремя!

Саша остановился и круто повернул в сторону. Он понял — надо не бежать за немцами, а обойти их стороной, опередить... Ах, если бы Мотя не показал им, в какой стороне находится Малинка!..

В висках у Саши стучало. Дышать было трудно, словно воздух стал тяжелым и густым. Но Саша бежал упорно, не давая себе передышки. Он падал и опять бежал...

Наконец старый дубовый лес кончился. Еще немного — и тропинка выбежала на открытое место, на берег реки Малинки.

Черные столбы дыма над домами было первое, что увидел Саша, выбегая из леса. Послышался глухой взрыв, еще взрыв и частые, частые выстрелы...

Глава 4

ГДЕ ИСКАТЬ СПАСЕНИЯ?

Тот, кто видел Малинку вчера, не узнал бы ее сегодня. Дома исчезли. На их месте, вдоль улицы, будто странные памятники, стояли закопченные печи. В печах кое-где еще уцелели оплавленные жаром горшки. Ни людей, ни животных не было видно. Обгорелые ветлы и березы неподвижно протягивали почерневшие сучья. Единственно, кто уцелел и уже освоился с видом пожарища, были куры. Они также деловито рылись в грудах пепла, как раньше — в навозных кучах родного двора. А один петух, наткнувшись на полуобгорелое рассыпанное зерно, так звонко закричал, приглашая кур, что мальчик, выглянувший из-за уцелевшего плетня бывшей избы деда Никиты, вздрогнул и присел на корточки.

— Погоди,— прошептал он, озираясь,— ужо перешибу тебе ноги — забудешь галдеть-то!

Мальчик был широкоплечий, загорелый и босой. Волосы его в беспорядке торчали в разные стороны, а одна прядь, более светлая, спускалась на самые глаза. Он, видимо, давно уже сидел тут, от нетерпенья вырвал и примял вокруг себя всю траву, но выйти из своего укрытия не решался: слишком страшен был вид молчащей растерзанной деревни. Его беспокоил еще шорох с другой стороны плетня, будто там кто-то тихонько полз на животе или пробирался на четвереньках. Но в плетне, сделанном дедом Никитой, точно в хорошей корзинке, не было ни малейшей щелочки, чтобы можно было заглянуть. А подтянуться и посмотреть через плетень мальчик не решался.

За плетнем опять что-то зашелестело. Послышалось чье-то сдержанное дыхание, тихий вздох...

Робко протянув руку, мальчик поцарапал ногтем плетень. Тотчас же последовало ответное царапанье. Тогда мальчик тихо постучал: раз, два, три. Ответный стук такой же: раз, два, три.

Нет, это не собака и не зверь какой-нибудь. Так стучать может только человек.

Мальчик не выдержал: осторожно он начал подниматься, чуть-чуть, только чтобы глаза оказались вровень с плетнем. Все выше, вот уже... И тут же, тихо охнув, он присел на землю: тот, за плетнем, тоже поднялся, и они оказались нос к носу, глаза к глазам...

Тот от неожиданности тоже присел так быстро, что мальчик и рассмотреть его не успел.

Тихо. И за плетнем не шевелятся.

Передохнув, мальчик огляделся и снова начал подниматься. «Загляну первый»,— подумал он и опять оказался нос к носу с тем, из-за плетня. Но на этот раз они оба не охнули и не присели.

— Сашка!

— Федоска!

Они сказали это шепотом и, протянув руки, ухватились друг за друга и стояли так, крепко сжав руки, точно каждый боялся, что другой исчезнет.

— Ты!

— Ты! — опять сказали они тихонько и замолчали.

— Давай сюда,— предложил наконец Федоска и оглянулся,— только живо, пока никто не видал. Задал ты мне страху!

— А ты мне...

Общая беда сблизила мальчиков. Теперь они сидели рядом, тесно прижавшись друг к другу. Крапива больно жгла шею и ухо Саши, но он не отодвигался: ее куст защищал его в этом страшном месте, где каждое открытое пространство грозило опасностью. Спинами мальчики прижимались к плетню.

— Рассказывай!

— Рассказывай! — одновременно заговорили мальчики, но тут же смолкли: в смородине, совсем рядом с ними, что-то зашевелилось и раздался чуть слышный стон.

— Помогите...— расслышали они. Кусты затрещали, кто-то медленно пробирался сквозь них, ближе, ближе... Мальчики замерли. Ветки раздвинулись, и показалась голова человека. Глубокая царапина тянулась по голому черепу, длинная, промокшая от крови борода волочилась по земле.

— Дедушка Никита,— с трудом произнес Федоска.— Дед...— и растерянно замолчал.

— Пить, детки, пить,— невнятно проговорил старик.

Саша еле успел подхватить его: дед Никита, стоя на четвереньках, пошатнулся и чуть не ткнулся головой в крапиву.

— Воды,— повторил он, но проворный Федоска уже успел сбегать к речке и возвращался, поддерживая обеими руками свернутый лист лопуха с водой. Дед Никита погрузил в него лицо, и Саша вздрогнул: вода, вытекавшая из лопуха, окрасилась в красный цвет.

— Спасибо,— уже тверже сказал дед Никита и, приподнявшись, оглянулся, подвинулся к плетню, где кусты были гуще.— Спасибо, что старому помогли. Бежать надо, куда подальше. Может, те, проклятые, сюда вернутся и нас позабивают.

Старик помолчал, с трудом переводя дыхание.

— В грудь били,— проговорил он и со стоном кашлянул.— Всех, всех положили.— Он опустил голову, добавил тише: — Баб, ребятишек, всех.

— А бабушка Ульяна? — взволнованно спросил Саша и вскочил на ноги.— Дедушка, а бабушка Ульяна?

— Сядь,— сердито сказал дед, кашлянул и простонал: — Сядь, может, еще увидит кто... Всех, говорю тебе, в школу тащили...

Федоска молчал. Он все еще держал в руке лопух, из которого поил деда водой, и, старательно отрывая от него кусочки, раскладывал их рядышком на земле.

— Дед,— спросил он негромко,— а может, есть еще такие, что убежали, а?

Дед Никита не ответил.

По листку крапивы полз мохнатый червяк, весь в желтых и черных полосках. Вот он свесился с листа, изогнулся, собираясь перебраться на соседний лист. Он был такой забавный и спокойный, что Саше вдруг показалось, будто ничего страшного и не было. Вот он сидит и смотрит на червяка, а поднимет глаза и увидит дедову хату и деда на завалинке с недоконченным лаптем в руках...

Но тут Федоска крепко ткнул его в бок. Саша вздрогнул и поднял глаза. Хаты не было, не было и завалинки. Дед Никита сидел на земле, тяжело опираясь спиной о плетень, и, свесив голову на грудь, дремал.

— Пойдем,— тихо проговорил Федоска,— поглядим, может, и вправду кто еще живой остался. Дед, мы скоро придем.

Дед Никита не шевельнулся. Мальчики тихо поползли вдоль плетня. Федоска уже приподнялся, собираясь перелезть через него, но вдруг остановился и проговорил дрожащим голосом:

— Ой, бабка Фиона лежит! Глянь, Сашка!

Саша закрыл лицо руками.

— Не буду,— сказал он. — Не буду смотреть! Ползем дальше, Федоска, может, еще живых найдем.

Но Федоска не двинулся.

— Добрая она была,— невнятно и точно сердито проговорил он.— Яблоки у нее всегда таскали. Слова не скажет, м-м-м...

Последних слов Саша не разобрал, потому что Федоска вдруг схватил зубами рукав рубашки и замотал головой, словно хотел оторвать его. Но Саше и без слов было понятно. Он поднялся и потянул Федоску за руку.

— Пойдем, Федоска,— повторил настойчиво.— Может быть, живых найдем.

Федоска постоял еще, выпустил рукав и почти побежал вдоль забора.

— К бабке Ульяне пойдем,— сказал он.— Тут их мало лежит, всех в школу согнали. И гранаты туда кидали. Я видел.

— Я тоже,— тихо ответил Саша.

Малинка была невелика, всего дворов двадцать, но теперь выгоревшее, открытое место казалось мальчикам очень большим. Они шли по единственной улице, вдоль страшного ряда почерневших и обугленных печей. Около каждой печи Федоска оборачивался и, не останавливаясь, говорил Саше:

— Дяди Ивана это была хата, Малашонка. А это Кострюкова, а эта Аринки, мельничихи. Гляди: горшок на загнетке стоит!

Его сдержанный шепот, казалось, раздавался по всей деревне. Около одной большой печи, весь скрюченный, полурастопленный сильным жаром, лежал большой медный самовар.

— Гляди,— начал опять Федоска, но вдруг схватил Сашу за руку и присел за кучку лежавших возле дороги кирпичей.

— Слышишь? — шепнул он.— Никак, домовой это.

В тишине чуть звякнул закрывавший печку железный лист. В печке послышался вздох, лист опять шевельнулся...

Дрожь Федоски передалась и Саше, он тоже присел за кирпичами, оглянулся назад, но тут же опомнился.

— Домовых не бывает,— сказал он как мог твердо.— Это живое!

Но Федоска упрямо замотал головой.

— Бывает. Домовой, и кикимора, и леший — все бывают. Ему теперь жить негде, так он в печку убрался. Вот.

В печке опять что-то завозилось.

Саша вздохнул, поежился.

— Живое! — уже тверже повторил он.— Я открою,— и, решительно шагнув вперед, взялся за заслонку.

Но тут Федоска с такой силой дернул его за рукав, что заслонка вылетела и покатилась по земле.

В темной глубине печки зашевелилась две маленькие фигурки. Глаза на черных рожицах блестели, точно огоньки.

— Домовой в печке не живет,— послышался детский низкий голос.— Домовой под печкой. Тут мы с Маринкой живем. Мамку ждем.

— Гришака?.. — удивился Федоска.— Ты что тут делаешь?

— Мамку ждем,— упрямо повторил детский голос.— Куда ей деваться? От печки-то?

Федоска тихонько толкнул Сашу.

— Не придет она к печке.— шепнул он.— Ты им не говори только.

Голос Федоски стал мягче. Он нагнулся к малышам и договорил почти ласково:

— Сидите уж. Мы опять придем.

— Есть хочу,— протянул другой, тоненький голосок.

— Я тебе что сказал?! Жди. Придет мамка.— Гришака проговорил это грубым голосом, точно взрослый. Затем протянул руку к отверстию печки.

— Закрой,— сказал он и неожиданно всхлипнул.— Закрой, не то еще опять придут те-то. А мамка нас и так найдет.

Саша открыл было рот, хотел что-то сказать и не смог. Он молча просунул руку в печку и погладил черную головенку, отчего и его рука стала черной. Потом придвинул заслонку и кивнул Федоске: идем:

Мальчики не заметили, как вышли на середину того, что было прежде улицей.

Вдруг Саша остановился:

— Сидит вон кто-то,— сказал он шепотом.— Смотри!

У дороги, на чем-то обугленном, сидела женщина. Она согнулась и, опираясь подбородком на сложенные руки, неподвижно смотрела вперед.

— Бабушка Ульяна,— крикнул Саша и бросился вперед.— Бабушка Ульяна! — повторил он задыхаясь.

Старуха обернулась.

— Дитятко? — проговорила она тихо и, не вставая, протянула руки.

— Бабушка Ульяна! — Саша, упав на колени, спрятал лицо в складках широкой юбки, а старуха нагнулась и, обхватив руками его голову, едва слышно добавила:

— Живой ты, дитятко мое, живой. А я уж не ждала....

Наплакавшись, Саша некоторое время не шевелился: ему было страшно поднять голову и опять увидеть разоренную деревню.

Маленькая старушка, которую он впервые увидел сутки назад, теперь была для него единственным родным существом.

Федоска тронул его за плечо. Саша обернулся.

— Будет реветь,— проговорил Федоска почти прежним грубым голосом. Что делать-то будем?

Бабушка Ульяна тоже подняла голову и ладонью вытерла глаза. Саша взглянул на нее и всплеснул руками.

— Бабушка,— вскрикнул он,— а волосы-то у тебя!..

Косы бабушки, всегда аккуратно прикрытые платком, распустились и беспорядочно лежали по плечам. Но теперь они были совсем седые.

Старуха взяла в руку прядь волос, посмотрела на них и покачала головой.

— Бог с ними,— сказала она,— как еще они на голове моей удержались. Чего я насмотрелась, нельзя вам того, ребятки, рассказать: вам еще жить надо, а с того жить не захочется. Близнецов Даренкиных да Наталкиного Ванюшку в конопли я запрятала, накормила, спят они там. Мужики, которые на войну пошли, может, живы останутся. Отец твой, Федоска, тоже вернется...

— М-м-м...— Лицо Федоски скривилось, он не сдержался и, отвернувшись, заплакал грубым, недетским плачем. Перестал так же внезапно, как начал, вытер глаза рукавом рубахи и обернулся к бабушке Ульяне с виду уже спокойный.

— Вернется,— уверенно проговорил он и крепко стукнул кулаком по ладони другой руки.— Отец, он вернется!

Федоска хотел еще что-то добавить, но посмотрел по сторонам, отошел и задумался.

Бабушка Ульяна встала, отряхнула юбку, осмотрелась, точно ища чего-то, и проговорила вполголоса:

— А ну, чтой-то у меня в кармане лежит...

Эта привычная фраза как будто сразу ее успокоила: быстрые загорелые руки захлопотали около одного из карманов пестрой юбки, и она протянула мальчикам ломоть черного хлеба.

— Уж знаю, что голодные,— ласково проговорила бабушка Ульяна.

Саша думал, что ему уже никогда есть не захочется. Но хлеб растаял во рту, будто его и не было, и тут-то есть захотелось по-настоящему. Федоска справился со своим куском еще быстрее и, запрокинув голову, осторожно высыпал в рот крошки с ладони.

— Бабушка, ты нам хлеб отдала, а сама, наверное, не ела,— спохватился Саша.

Но старуха покачала головой.

— До еды ли мне теперь,— сказала она.— Ваше дело молодое.— И вдруг всплеснула руками: — Ой, малыши-то в коноплях уж не плачут ли?

— Еще есть двое, тетки Алены,— заговорил Федоска.— В печке сидят, мамку ждут. Как они туда только успели. Дед Никита тоже живой.

— Головушка бедная! — только и сказала бабушка Ульяна и, проворно вскочив на ноги, почти побежала по улице.

Вскоре она была уже на месте.

— Детушки мои! — протянула руки в глубь печки и через мгновенье прижала к груди маленькую перемазанную и горько плачущую Маринку.

С Гришакой оказалось труднее.

— Мамка придет, я буду ее в печке ждать,— твердо заявил он.

Но материнский глаз старухи увидел следы слез на замазанном сажей лице.

— Гришака,— ласково сказала бабушка Ульяна,— мамка к кому каждый день ходила?

— К тебе,— осторожно ответил мальчик и попятился.

— Ну и опять ко мне придет,— спокойно объяснила бабушка Ульяна.— Придет и вас заберет.

— А как не придет?— с сомнением вымолвил Гришака, уже стоя около печки, но все еще держась рукой за шесток.

— Придет, сынок, придет. К кому ж ей прийти, как не к старой бабке? — И бабушка Ульяна осторожно отняла его руку от шестка.— А пока в конопли пойдем. Там теперь у нас дом,— докончила она, уже ведя детей по улице.

Лицо бабушки Ульяны теперь было перемазано сажей не меньше, чем у ребятишек, которых она прижимала к себе, но им ничто уже больше не казалось странным. Маленькая старушка сейчас была для них защитой от того невероятного, что обрушилось на Малинку с ясного осеннего неба. Даже Гришака, хоть и оборачивался на ходу, чтобы взглянуть на родную печку, доверчиво жался к юбке, потихоньку натягивая на себя одну из бесчисленных ее складок, а маленькая Маринка как прижалась личиком к бабушкиной шее, так и не поднимала головы.

— Ребятки, а вы бегите к деду Никите да ведите его сюда, с ним посоветуемся, как нам дальше жить,— сказала бабушка Ульяна, обращаясь к Саше и Федоске.— Да по сторонам не глядите,— будет с вас и того, что видели.

— Сюда, дедушка, сюда, в самую середину,— показывал рукой Саша.— Мы все тут: бабушка и Гришака с Маринкой, и близнецы... Ну вот!..

Стебли конопли такой высокой стеной обступили маленькое пространство, на котором бабушка Ульяна устроила свой «дом», что Саша и Федоска не сразу нашли его, когда вернулись с дедом Никитой.

Дед успел отмыть кровь с лица и бороды. Один глаз его смотрел строго и печально, другой скрывала сине-багровая опухоль. Он стоял сгорбившись, захватив обеими руками пучки конопли, точно опирался на них, и смотрел вниз, на бабушку Ульяну. А она сидела на земле, тихо покачивая на руках маленького Ванюшку. К ней испуганно жались остальные дети.

— Жив, дед? — сказала она просто.— Садись к нам. Тут теперь наша хата и крыша.

Дед Никита постоял, покачнулся и, ломая пучки конопли, за которые держался, грузно опустился на землю. Обхватив голову руками, он молча стал раскачиваться из стороны в сторону, и упругие стебли раздвигались и смыкались вокруг него.

Наступившее молчание прервали близнецы. Оба беленькие и голубоглазые, они держались за руки и с опасением поглядывали на Гришаку и Маринку. Бабушка уже пробовала отмыть их в корыте, но от этого сплошная их чернота только превратилась в пятнистую.

— Глисака? — вопросительно сказала Наталка и дернула Павлика за руку.

— Глисака? — повторил тот.

Затем оба тряхнули головами и решительно закончили:

— Не!

Но на них никто не обратил внимания. Дед Никита больше не раскачивался. Теперь он сидел, опираясь одной рукой о землю, другой вынул из кармана кочедык и рассеянно поднимал им с земли какие-то соломинки, точно плел невидимый лапоть. Бабушка Ульяна так же молча гладила головку Маринки и время от времени опускала руку в один из глубоких карманов своей широкой юбки и приговаривала вполголоса:

— А ну, что-то у меня там лежит...— Но ни сушеных яблок, ни орехов, которые она всегда приберегала на потеху ребятишкам, не оказывалось. И, вздохнув, бабушка опускала руку.

Мальчики сидели не шевелясь, тесно прижавшись друг к другу. Заносчивый Федоска забыл, как подсмеивался над дедом Никитой: «Ищет на завалинке кочедык, а сам его в руках держит». Теперь от одного его присутствия у мальчика становилось легче на душе.

«Если бы мама была здесь,— с тоской подумал Саша, но тут же спохватился: — Ой, нет, если бы я был с ней дома....»

— Что же делать будем, бабка? — заговорил, наконец, дед Никита, и рука его с кочедыком на минуту остановилась.

— Картошки наварим да ребятишек накормим. А потом на перекидку их возьмем, я там на заборе полотенце видела. И пойдем. Бог поможет, куда-нибудь выйдем,— ответила бабушка Ульяна и рукой смахнула муху с личика ребенка.

Но дед Никита отрицательно покачал головой и воткнул кочедык в землю.

— Эдак мы никуда не дойдем, бабка,— сердито сказал он.— Никуда не дойдем. Кругом война, стреляют... Тут и без ребят пропадешь, а ты их целую кучу насбирала.

Бабушка Ульяна не шевельнулась, только пристально посмотрела на деда.

— Ребят... куча,— медленно повторила она, не отводя строгого взгляда от дедовых глаз.— Вот через эту кучу и не пропадешь, дед. Не пропадешь! — повторила она торжественно.— Нельзя нам пропадать. Их спасать будешь и через них сам спасешься.

Дед Никита сидел неподвижно. Потом, не глядя, нащупал свой кочедык с налипшей землей, сунул его в карман.

— Ну, на перекидку так на перекидку,— проворчал он и махнул рукой.

Бабушка Ульяна приподнялась было, но вдруг так и застыла, стоя на коленях и прислушиваясь. Тихий, но внятный свист раздался со стороны улицы. Еще и еще...

Мальчики вскочили, но сквозь стену конопли ничего не было видно.

— Идем! — прошептал Федоска.

— Тихонько,— предупредила бабушка Ульяна, но мальчики уже исчезли.

Свист повторился. Федоска, шедший впереди, остановился.

— Николай,— прошептал он.— Николай это, дяди Егора сын!

А Саша уже выскочил на открытое место и бежал, опережая Федоску, изо всех сил стараясь добежать первым. Он не знал Николая и не успел о нем ничего услышать за единственный день, проведенный в Малинке. Но Федоска знал его, это был свой, малинкинский, и потому сейчас родной, близкий человек.

— Николай! — закричал Саша, подбегая к нему, но тут же замолчал и остановился: лоб Николая был перевязан окровавленной тряпкой, левая рука тоже, рубашка на груди разорвана, и сам он так взглянул на Сашу, что тот опустил протянутые руки.

— Груня где? Ну... — спросил Николай.

Федоска, подбежавший к нему вместе с Сашей, потупился и отвернулся.

— Ну...— Николай шагнул ближе.

— Где ж ей быть? — с трудом вымолвил Федоска, не оборачиваясь.— Известно... где... Где все...

— Где все...— повторил Николай, точно не сразу понял. Потом повернулся и пошел назад, к лесу.

— Николай! — крикнул с отчаянием Саша и, догнав его, крепко схватил за руку.— Не уходи от нас. Останься!

Николай остановился.

— Остаться? — медленно, словно раздумывая, спросил он.— А немцы в другое село пойдут?..— Он вытянул сжатую в кулак здоровую руку и вдруг взмахнул ею в воздухе с такой силой, что Саша еле успел отвернуться. Николай забыл о нем, не видел его, говоря сам с собой.

— На фронт пойду,— договорил он решительно, точно обращаясь не к Саше, а к кому-то невидимому за его спиной.— Прощай, Груня! — и, не глядя на мальчиков, быстро пошел по дороге.

С минуту мальчики стояли неподвижно, затем Федоска схватил Сашу за руку.

— Бежим! — крикнул он, показывая на удаляющегося Николая.— С ним! На фронт! — И уже тащил за собой Сашу.

— Николай! — кричал он.— Мы с тобой! Мы с тобой!

Николай, не останавливаясь, оглянулся.

— Ну что же? — проговорил он равнодушно.— Хотите, так идите.

Все трое пошли рядом. Саше хотелось закричать от радости. Они не одни! Они идут на войну! Бить немцев!

— Сашка! — раздался сзади тонкий голосок.

Саша оглянулся. Маленькая, замазанная и растрепанная Маринка выбежала из конопляника на край дороги.

— Сашка! — крикнула она опять, протягивая к нему руки.

Саша внезапно остановился, будто споткнулся.

Как мог он забыть? Вот они уходят. Уйдут. А бабушка Ульяна? А дети?

— Сашка! — еще раз позвала Маринка и всхлипнула.— Я боюсь, иди скорей, бабушка звала.

— Иду! — вдруг неожиданно для себя ответил Саша и, вырвав руку у тянувшего его Федоски, побежал назад.

— Сашка! — крикнул и Федоска. Он остановился посреди дороги, смешно поворачивая голову и растерянно глядя то на Сашу, то на продолжавшего идти Николая.— Сашка! — повторил он.— Скорей!

— Не пойду! — ответил Саша. Он уже стоял, держа за руку уцепившуюся за него девчушку.— А они как? Не пойду!

Федоска покраснел и подошел ближе.

— Не пойдешь? — спросил он, сжимая кулаки.

— Нет... — Саша тоже покраснел,— не могу.

— Трус! — выпалил Федоска и замахнулся было, но, оглянувшись, увидел, что Николай исчезает за поворотом дороги.— Гусак! — крикнул он и кинулся догонять Николая.

Саша стоял неподвижно, продолжая держать руку Маринки. Он не чувствовал, как крепко ее сжимает, пока девочка не вскрикнула.

— Сашка, больно, пусти!

Тогда он повернулся и, опустив голову, пошел назад. Он шел молча, тяжело ступая, точно это не он только что так легко бежал за Николаем.

Глава 5

НА АНДРЮШКИН ОСТРОВ

Дед Никита сидел, по-прежнему обхватив руками колени и неподвижно устремив взгляд на спящего на руках бабушки Ульяны ребенка Натальи. Но было непонятно: видит ли он его и видит ли что-либо вообще.

Бабушка Ульяна тихонько покачивала завернутого в пестрое одеяльце Ванюшку. Придерживая его одной рукой, она другой гладила по голове сидевшего около нее Гришаку и что-то ему тихо шептала. Морщинистое лицо ее было спокойно и приветливо.

Саше опять на минуту показалось: все страшное, что он видел, было лишь сном. А если себя ущипнуть побольнее и проснуться... Но тут же, встретив вопросительный взгляд бабушки Ульяны, вздохнул и опустил голову,

— Это Николай был,— проговорил он негромко.— На войну ушел. И Федоска... тоже.

Бабушка Ульяна кивнула головой и продолжала смотреть на Сашу, точно ожидая услышать еще что-то.

Саша переступил с ноги на ногу и отвернулся.

— Ну и думайте, что я трус. И думайте. А я все равно не ушел.

— Не покинул,— проговорила бабушка Ульяна тихо и крепче прижала к себе спавшего ребенка.

От этих слов руки Саши, упрямо сжатые, вдруг разжались и дышать стало легко и свободно.

— Нам тоже уходить надо, бабушка. И скорее. Николай говорил — «эти» опять придут.

— Куда уходить-то? — отозвался дед Никита, не поворачивая головы.

— На Андрюшкин остров!— решительно сказал Саша и сам вздрогнул от неожиданности.— Ты нас поведешь, дедушка?

Дед Никита еще больше сгорбился.

— Примет я не увижу,— безнадежно ответил он.— А без примет пропадем все.

У Саши сильно забилось сердце.

Так это значит правда, дед знает дорогу!

— Ты мне будешь говорить, дедушка, а я — смотреть. Вставай же, дедушка! Слышишь? Времени терять нельзя.

Бабушка Ульяна посмотрела на деда Никиту, потом на Сашу.

— Весь ты в мать, Сашок,— проговорила она.— Слышишь, дед? Пойдем, куда мальчик сказал. На дорогу картошки накопаем, мешки на плетне возьмите. Даренка сушить повесила, головушка бедная.

Сдержанная похвала старухи приободрила Сашу. Ему захотелось действовать сейчас же, сию минуту спасти Гришаку, Маринку, бабушку, всех!

— Дедушка, идем,— строго повторил он.

Дед Никита еще некоторое время продолжал сидеть неподвижно, опустив голову на грудь. Затем тяжело повернулся, оперся рукой о землю и медленно встал.

— Пропадать будем,— сказал он глухо, ни к кому не обращаясь.

Бабушка Ульяна положила спящего ребенка на землю, развязав передник, прикрыла его и выпрямилась. Даже маленькая Маринка почувствовала, что настало время действовать, она вздохнула, вытерла кулачком глаза и тоже встала.

— Я картошку хорошо умею подкапывать,— деловито проговорила она.

— Подкапывать не надо,— отозвалась бабушка Ульяна.— Дергать надо кусты, так скорее. Ох и жалко добро портить,— сокрушенно вздохнула она...

«Ме-е-е...— раздалось со стороны дороги.— М-е-е...»

Бабушка Ульяна едва успела схватить Маринку за руку.

— Куда ты? — испуганно крикнула она.

— Манька, Манька моя,— старалась вырваться Маринка.— Моя это Манька кричит, бабушка, пусти!

«М-е-е» — раздалось ближе. Стебли конопли затрещали, раздвигаясь, и большая белая коза подбежала к девочке. Маринка с плачем обняла ее за шею.

— Манька, Манька моя,— причитала она.— Ой, бабушка, пускай она с нами пойдет. Ладно, бабушка?

Дед Никита раздраженно махнул рукой и отвернулся.

— Еще кого поведешь, бабка? — сердито проворчал он.

Но бабушка Ульяна осторожно разняла руки Маринки.

— Ладно уж,— сказала она.— Ты только скорей на огород иди. И Сашок пойдет, и дед. А я сейчас белье с забора сниму — хоть на это не польстились, окаянные.

В огороде, начинавшемся у самого пожарища, Саша схватил деда за руку.

— Дедушка, смотри, дрова напиленные и пила, и топор в чурбане оставили. Взять надо.

— Оставили,— повторил дед,— там он, небось, и голову оставил, Сергей-то, это его топор.

Дед Никита даже не повернул головы в сторону мальчика, пока тот с трудом выбивал поленом глубоко ушедший в дерево топор.

Старик говорил и двигался, как во сне, иногда останавливался с кустом картофеля в руках, прислушиваясь и шевеля губами.

Бабушка Ульяна успевала везде: сняла с плетня белье, мешки, с помощью Маринки подоила козу и напоила детей теплым молоком из битого черепка.

— Вот теперь и идти можно,— сказала она и, разделив последние капли, аккуратно отряхнула широкую юбку.— Собирайся, дед. Будем живы или нет, а здесь добра ждать не приходится. Теперь у нас с тобой одна думка — как этих малых сберечь.

Дед Никита провел рукой по глазам и покосился на ребятишек, жавшихся к бабушке.

— Как сбережем? — хмуро спросил он.— Сколь годов я там не бывал, а с такой командой как пройдем?

Бабушка Ульяна внимательно посмотрела на него.

— Вот мешок тебе, дед, на спину,— проговорила она так, точно сборы были самые обыкновенные, как в лес за ягодами.— На руки Павлика возьми. Сашок впереди пойдет, вот и ему узел на спину. Так и пойдем.

Сборы были недолги, всех подгонял страх. Саша через грядки картофеля двинулся к дороге. Дед Никита, поправив веревочные лямки своего мешка, шагнул за ним. Гришака вел за руку Маринку. Позади всех мелкими шажками шла бабушка Ульяна, за ее спиной и на груди, как в гнездышках, в концах длинного связанного полотенца сидели Наталка и самый маленький — Ванюшка. За Маринкой, не отставая, бежала коза.

Саша и дед Никита уже перешли через улицу, как Гришака вдруг остановился и крепко сжал руку Маринки.

— Не пойдем! — сказал он, упрямо опустив голову.

— Почему? Почему не пойдете? — испугалась бабушка Ульяна. Она взяла его за руку, но он с силой ее выдернул и спрятал за спину.

— От печки не пойдем! — еще настойчивее повторил Гришака.— К печке она придет, мамка-то. А нас где ей найти? Не пойдем!

— Не пойдем,— тихонько протянула за братом Маринка и прижалась к нему.

Бабушка Ульяна отчаянно взмахнула свободной рукой:

— Троица пресвятая. Ты слышишь, Никита? Что же это будет? И ждать нам нельзя.

Дед Никита повернулся и подошел к мальчику:

— Не балуй,— строго сказал он.— Времени на баловство нет. Понял? С часу на час те снова придут. Остатки добирать. Из-за тебя все пропадем.

Он попробовал схватить Гришаку за шиворот, но тот ловко увернулся и отбежал, продолжая держать Маринку за руку.

— Не пойдем! — крикнул он так звонко, что бабушка Ульяна схватилась за платок и надвинула его себе на уши.

Саша быстро подошел к Гришаке.

— Гришака,— сказал он ласково.— А что, если мы твоей маме письмо оставим? Куда ей за вами приходить, а?..

— Письмо...— повторил Гришака медленно и недоверчиво, и пальцы его, державшие руку Маринки, слегка разжались.— Какое письмо?

— А вот сейчас,— Саша говорил уже увереннее,— возьмем и напишем: «Мы ушли на Андрюшкин остров». Она прочитает и придет. Пойдем скорее.— И Саша направился к стоявшей невдалеке печке. Гришака с Маринкой медленно двинулись за ним.

Однако победа была завоевана только наполовину: надо было придумать, чем и на чем писать. И быстро.

Вдоль края дороги стояли молодые, опаленные пожаром, березы. Листья их скрутились от жара, кора закоптилась, но уцелела. Саша вытащил из кармана небольшой складной нож — подарок матери. Несколько надрезов, и в руках у него оказалась полоска бересты. Уголек в Малинке найти было легче всего. На нежной внутренней поверхности коры Саша вывел крупными буквами: «Мама, мы на Андрюшкином острове. Приходи. Гришака, Маринка».

Для неграмотного мальчика было бы достаточно просто нацарапать какие-нибудь каракули, но Саша был не в силах обмануть доверчивых ребят. Написал он тщательно и, вложив бересту в печь надписью вверх, придавил ее по бокам кирпичами, чтобы не свернулась. Он проделал это так серьезно, что и сам наполовину готов был поверить, что кто-то прочитает его письмо. Плотно задвинув заслонку, Саша поднял с земли палочку, привязал к ней тряпку и укрепил ее так, чтобы она была видна издалека.

Гришака следил за его работой, полуоткрыв от удивления рот. Упрямство постепенно исчезло с его лица, и он взглянул на Сашу с такой благодарностью, что мальчику стало больно, и он поспешно отвернулся.

— Теперь прочитает,— Гришака потрогал тряпку на палочке и, повернувшись к Маринке, договорил: — Идем.

— Прочитает,— тоненьким голосом протянула Маринка и покорно заспешила за братом.

— Доиграетесь до немцев,— сердито проворчал дед Никита, но бабушка Ульяна, тревожно наблюдавшая за детьми, тихо сказала:

— Спасибо тебе, Сашок. А ну, идем скорее, головушки вы. мои бедные.

Перейдя улицу, они огородами подошли к реке.

— Бродом пойдем,— коротко сказал дед, осторожно спустился с крутого берега на отмель и вошел в прохладную воду.

Река в этом месте была мелкая, не выше колен. Войдя в нее, дед наклонился, ополоснул лицо и бороду, крепко отжал ее и перекинул через плечо.

От реки тропинка шла сначала в прохладной тени старого дубового леса. Дед шагнул на нее осторожно, опираясь на крепкую палку. Все молчали.

— Верст с пяток так пройдем,— заговорил наконец дед и посмотрел вверх, точно ловил ускользавшие воспоминания.— Там две сосны стоят рядом, у них верхушки громом отбило. Там, понаправо, старый лес пойдет, а поналево — гарь. Теперь она уж и не гарь, верно, давно лесом поросла. Молодняком этим и идти, а там бугорок, на нем дуб старый, обгорелый, сдалека его видно. Опалило его, когда лес горел, а совсем не сгорел. От того дуба уж каждый шаг с оглядкой. Другие приметы говорить буду. Глаза мои еще видели, как последний раз ходил поглядеть, на старое чего-то потянуло.

Остановившись, дед Никита согнул молоденькую липку, сломал ее, обрезал сучки, вершину и протянул шест Саше.

— За середку держи,— сказал он, — провалишься — она сдержит, по ней и выберешься на твердое место. Не забудь. Первый идешь.

Сердце у Саши сильно забилось, но шага он не замедлил.

Глава 6

ДОШЛИ!

По тропинке двигались в полном молчании. Даже дети притихли на руках у старших. Земля стала сырой, зеленый мох покрывал ее, тропинка исчезла — видно, шли они уже нехожеными местами. Наконец высокие деревья старого леса остались позади и показались тощие, обросшие седым мхом сосны. Начиналась Андрюшкина топь.

Саша на минуту остановился. Глазам стало горячо, а в затылок точно кто-то подул холодом. «Значит, я все-таки трус»,— с отчаянием подумал он.

Дед Никита оглянулся.

— Бабка, ты тут? — спросил он, по привычке поднося руку козырьком к глазам.— Тут? Ладно. Теперь слушать меня: куда я ступлю — туда все ступайте. Поняли?

Бабушка Ульяна подошла, стараясь не показать усталости. Малыши качались у нее на перекидке, спереди и сзади, как в гнездышках.

— Я Маринку возьму за руку,— сказал она,— а тебе, дед, Гришаку вести.

— А козу кто поведет? — испуганно спросила Маринка.

— Маньку я поведу,— заявил Гришака,— веревку только мне нужно, привязать ее.

Веревочка тотчас нашлась в бабушкином кармане, и никто этому не удивился. Дети Малинки знали: у бабушки Ульяны в карманах всегда найдется нужное. Гришака старательно обмотал веревкой рога недовольной Маньки.

— Не балуй,— сказал он строго,— тпру-у!

Саша засмеялся, и вдруг ему стало совсем легко.

— Две сосны стоят рядом,— сообщал он.— Без верхушек. На них прямо идти. Так?

Он шел, ощупывая ногой каждый шаг. Все двигались за ним, ступая туда, куда он ступал — шаг в шаг. Со стороны это походило на забавную игру, но играли всерьез.

Все молчали, даже Павлик и Наталка. Время от времени лишь раздавался мерный голос деда Никиты:

— Корни, корни ногой ущупывай. На каждое деревцо по тропке заметки клади, зарубинку малую, чтоб другой раз без сомнения идти. Да не сильно руби, чтоб чужому глазу неприметно было.

Вдруг бабушка Ульяна вскрикнула: нога ее соскользнула с корня, зыбкий мох прорвался, и она сразу по пояс ушла в полужидкую трясину. Выпустив руку Маринки, она схватилась за тонкий стволик ближайшего дерева.

— Детей, детей спасайте! — крикнула она.

Саша кинулся к ней, но ступил неосторожно и сам соскользнул в холодную грязь. Точно чьи-то липкие руки потянули его вниз, по грудь, но он крепко держался за шест, которым опирался на корни деревьев. Маринка громко заплакала.

— Ложись,— приказал дед Никита Саше,— через шест ползи!

— Детей спасайте,— снова крикнула бабушка Ульяна.

Дед Никита шагнул мимо неподвижных от страха Гришаки и Маринки, нагнулся, подхватил бабушку Ульяну под руки, с усилием вытащил ее, всю облепленную грязью, и поставил на корень, за который она только что держалась. Бабушка схватилась за дерево и покачнулась, но тут Наталка громко заплакала, и это сразу придало ей силы.

— Не плачь, не плачь, дочка,— старалась она погладить Наталкину голову.— Видишь, бабка уж вызволилась.

Саша выбрался сам и стоял, тяжело дыша. Голова его кружилась так сильно, что весь лес перед ним как будто качался.

— Никита,— с трудом проговорила бабушка Ульяна,— а ну, возьми детей, я малость вздохну.

Дед поднял голову и посмотрел на солнце.

— Недолго вздыхай, бабка,— сказал он,— по болоту путь долгий.

Гришака подтянул поближе испуганную Маньку.

— Не балуй,— сказал сердито,— из болота тянуть не стану.— Но сам отвернулся и тихонько вытер кулаком глаза.

Бабушка Ульяна взглянула на него и, вздохнув, шагнула от дерева вперед.

— Идем, идем, сынок,— ласково повторила она.— Вот бабка и передохнула.

Саша с шестом в руке опять двинулся вперед, еще старательнее ощупывая корни и следя за приметами дороги.

— Козой не скачи! — строго сказал ему дед Никита.— Ты у нас поводырь, за всех в ответе. Есть там слева дуб с развилкой? Примечаешь?

Упругий зеленый мох качался у них под ногами. Деревья, обвешанные длинными прядями серого мха, стояли, как косматые лесные чудища. Они были тонкие, не толще руки человека.

— Я еще молодой был,— заговорил дед Никита,— а они вот такие же тонкие были, как сейчас. Мох их душит, сосет. Так они с ним и борются, ни живые ни мертвые. А ну, гляди хорошенько, дуб старый поправей на пригорке стоит. На него заворачивай.

И Саша заворачивал и шел по зыбкому мху и слушал, как под ним тяжело шевелилась, хлюпала и сторожила его черная холодная трясина. Временами он оборачивался и смотрел на серьезные лица детей, на осторожные движения их маленьких ног. Гришака крепко держал за руку Маринку и, сурово сдвинув брови, следил за каждым ее шагом, весь нахохлившийся и напряженный.

Наконец мох перестал колыхаться под ногами: чувствовалось, что под ним уже не трясина, а твердая земля. Еще несколько шагов,— чахлые деревья остались позади, и Саша выбежал на зеленый, покрытый не мхом, а травой бугор.

— Пришли! Пришли! — закричал он изо всех сил и, размахнувшись, пустил свой шест, как дротик, вверх.— Дедушка, пришли,— крикнул он опять и, сбросив с плеч мешок, закружился на месте, не в силах сдержать свою радость.

Дед Никита, тяжело дыша, взошел на бугор и, осторожно отвязав полотенце, опустил Павлика на землю.

— Мать твоя крепко за тебя сегодня молилась,— сказал он сурово.— Андрюшкин это остров. Дошли.

Остров поднимался из болота высоким холмом, заросшим старыми огромными деревьями. Сосны, липы и дубы росли группами, а между ними на веселых полянках пестрели цветы. Наполовину вкопанная в крутой склон, виднелась небольшая избушка. Крышу ее покрывал плотный зеленый мох, бревна потемнели от сырости, единственное, очень маленькое оконце поблескивало на солнце.

Гришака, пыхтя, возился с веревкой, запутавшейся в Манькиных рогах. Отвязав веревку, он шлепнул Маньку по спине.

— Ну ты, мое хозяйство, пошла! — сказал строго.

Строптивая Манька замотала головой и, зайдя сзади, неожиданно поддала Гришаке рогами так, что он покатился кувырком прямо Маринке под ноги и сбил ее.

— Так тебе и надо,— сказал бабушка Ульяна.— Зачем скотину обидел?

Она уже сидела под сосной, держа проснувшегося Ванюшку на коленях. Близнецы, соскучившиеся в разлуке во время путешествия по болоту, стояли рядом, взявшись за руки, и что-то оживленно говорили друг другу на своем языке.

— Скорей! Скорей! — торопил Саша, указывая вверх рукой.— Бабушка, вот Андрюшкина хата, тут шагов сто осталось. Скорее!

Бабушка Ульяна чуть заметно вздохнула и встала, придерживаясь за ветку рукой. Близнецы весело заковыляли впереди.

Односкатная крыша избушки низко нависала над передней стеной и так позеленела от мха, что с вершины холма ее, наверное, трудно было отличить от зеленой лужайки, на которой она стояла. Дверь была плотно закрыта, маленькое оконце с одним стеклом находилось рядом с ней, но оно было такое мутное, что Саша, прижавшись к нему лицом, ничего не мог рассмотреть внутри.

С сильно бьющимся сердцем он потянул дверную ручку, но дверь, на которой не было ни замка, ни засова, видно, разбухла или была прижата осевшей сверху притолокой, не пошевелилась. Саша растерянно оглянулся. Все уже подходили к домику.

— Дедушка,— крикнул он,— что же делать? Дверь не открывается!

— Сейчас посмотрим,— отозвался дед Никита. Тяжело налегая на березовый шест, он подошел к хате, вытащил из-за пояса топор и, крепко стукнув несколько раз по бревнам, довольно кивнул головой.

— Еще столько же лет выстоит. А дверь вовнутрь открывается. Ее нажать нужно.

Дед с размаху надавил на дверь с такой силой, что лысина у него покраснела и на шее выступили толстые жилы. Дверь скрипнула, но не поддалась. Дети собрались около бабушки Ульяны, как цыплята около наседки, и с интересом смотрели: что будет дальше?

Дед Никита выпрямился и, тяжело дыша, отошел от двери.

— Руби! — коротко сказал он и показал на сосенку, которая росла у самой двери.— Она тут все равно без толку стоит.

Саша взялся за топор и неумело размахнулся. После третьего удара дед Никита протянул руку.

— Отдай! — сердито сказал он.— Чему вас в городе только учат? Пироги есть, что ли?

У Саши даже уши загорелись. «Каждый день теперь рубить буду и научусь»,— мысленно обещал он себе, а дед Никита уже снова окликнул его:

— Готово. Берись за конец. А ты, бабка, посередине. Раз-два, раз-два!

После третьего удара бревном дверь скрипнула и подалась. Еще несколько ударов — и щель увеличилась настолько, что в нее можно было протиснуться человеку.

— Я, дедушка, я первый! — просил Саша, еще весь красный от смущения и натуги: бревно было нелегкое. Сердце его сильно билось, когда, нагнувшись, он пролезал в дверь. А если там, в хате, лежит скелет самого Андрюшки?

Но в маленькой комнате с печью в углу не оказалось ничего страшного. Стол из толстых грубых досок, чурбаны вместо стульев и широкие нары в полкомнаты были покрыты толстым слоем пыли, от которой Саша и дед сильно расчихались, а потолок из толстых досок был так низок, что дед Никита почти упирался в него головой.

— Зато век стояла и другой выстоит. Гляди, Сашок: такую стену ставить — троим работы хватит.

— Вы там живы? — И пестрая юбка бабушки Ульяны показалась в двери.— Ребят кормить надо, спать им уж пора. Там Гришака с Маринкой сушняку на костер таскают, а ты, Сашок, беги за водой, я их до того клятого болота боюсь допустить. А это не для нас наготовлено? — Зоркие бабушкины глаза заметили на полу около печки несколько горшков разного размера и ухват в углу. Похоже было, что хозяин хаты оставил ее ненадолго, но ему не пришлось вернуться: на стене висело старинное охотничье ружье, только не нашлось ничего из одежды.

Саше страшно хотелось скорее рассмотреть ружье, но бабушка Ульяна, держа в руках запыленный горшок, кивнула ему головой.

— Беги, беги скорее за водой, Сашок: костер прогорает, а картошку не в чем варить.

С ведерком в руках Саша проворно сбежал по склону холма вниз, к маленькому озерку в болотистых берегах. Вода в нем была чистая и прозрачная, хотя сильно заросла кувшинкой. Стайка уток поднялась невдалеке и тут же опустилась в болотной чаще.

Саша бросился было за ними по берегу, но, взглянув на ведерко, вздохнул и, зачерпнув воды, побежал наверх к дому, возле которого поднимался дымок их первого костра. Гришака, перемазанный сажей, раздувал огонь с таким усердием, что на его щеки страшно было смотреть: вот-вот лопнут. Под конец он и вовсе закашлялся до слез.

Близнецы, стоя поодаль, смотрели на него с завистью и уважением: к костру он их не подпускал.

— А где же бабушка? — спросил Саша, ставя ведерко у костра.

— Хату прибирает,— сообщил Гришака.— А тебе бабушка велела картошку мыть и варить, мне — костер раздувать, а Маринке — Ванятку нянчить.

— А им? — Саша, улыбаясь, показал на близнецов.

— А они ни к чему не надобны,— и Гришака пренебрежительно тряхнул головой.— Только что картошку есть.

— Калтоску,— заторопился Павлик, услышав знакомое слово.

— Калтоску,— повторила Наталка.

— Есть! — договорили они дружно и придвинулись к костру, поближе к Саше: Гришаки они немножко побаивались.

Услышав разговор детей, из избушки вышла бабушка Ульяна.

— Вот и хорошо,— проговорила она.— Сейчас картошки напечем да наварим и поужинаем. А Манька где? На ночь и ее в хату заберем, чтобы нас волки без молока не оставили.

Солнце почти спряталось за верхушки сосен, когда вся семья расположилась ужинать у костра. В ведерке дымилась картошка, на листе лопуха лежала щепотка крупной соли, а глиняный горшочек из Андрюшкиной хаты был полон парного молока. Коза Манька, привязанная неподалеку от костра, тоже жевала траву с аппетитом.

С ужином быстро покончили. Маленький Ванятка крепко заснул в хате на нарах. Близнецы, сытые и пригретые теплом от костра, прикорнули тут же на теплой земле. Саша помог бабушке Ульяне отнести их в избушку, привязал Маньку к ножке стола, залил водой

тлеющие головешки и очень обрадовался, когда бабушка Ульяна, наконец, сказала:

— Ладно, Сашок, давай уж и мы с тобой ляжем.

Дверь, подлаженная дедом Никитой, легко повернулась на деревянных шпеньках, и бабушка Ульяна задвинула ее изнутри тяжелым деревянным засовом. Теперь можно было спать спокойно: человек не найдет их хату, а зверь не сможет в нее пробраться.

Ложась на пол около бабушки Ульяны, Саша нашел ее руку и застенчиво поцеловал. Старушка молча обняла рукой его голову и тоже крепко поцеловала. Через минуту, измученные горем, усталые, все в хате крепко спали. Ворочалась и тяжело вздыхала одна бабушка Ульяна.

Глава 7

АНДРЕЙКА!

Утром Саша, открыв глаза, не нашел около себя бабушки Ульяны. Манька тоже исчезла. Сквозь открытую дверь в хату тянуло свежим утренним воздухом. В одну минуту Саша натянул курточку и выскочил на лужайку. Посредине ее по-вчерашнему горел костер, над ним кипело что-то в ведерке, а бабушка Ульяна с горшочком в руках вертелась возле Маньки, которая была привязана к колышку.

— А ну, постой, а ну, постой немножко,— уговаривала она упрямую козу, но та так ловко поворачивалась, что бабушка всюду натыкалась на ее рогатую голову.

Саша быстро подтянул Маньку к себе и крепко взял ее за рога.

— Готово, бабушка,— весело сказал он.

Коза сердито попробовала помотать головой, но, убедившись, что вырваться не удастся, притихла.

— Вот и ладно, вот и ладно,— говорила бабушка Ульяна, подсаживаясь к ней.— Вот и...— Бац! Манькина покорность оказалась хитростью. Опустив голову, она неожиданно брыкнула так ловко, что пустой горшочек, выбитый из бабушкиных рук, покатился по траве.

— Я, бабушка, сейчас,— раздался детский голос, и Маринка в одной рубашонке выбежала из дверей.— Манька, Манька моя,— ласково звала она, протягивая руки. И упрямая коза тотчас же подошла, уперлась лбом в белую рубашку и успокоилась.— Вот и доить теперь можно,— сказала Маринка и почесала козу за черным ухом.— Мы ее с мамкой всегда так доили,— добавила она тихо и обняла рогатую голову.

Близнецы, держась за руки, стояли около бабушки. Каждый засунул в рот указательный палец свободной руки и с большим интересом следил, как быстро наполняется горшочек в бабушкиных умелых руках.

В ведерке вдруг так бурно забулькало, что вода полилась через край.

Близнецы разом повернули головы и, не выпуская пальцев изо рта, прислушались.

— Калтоска...— произнес невнятно Павлик и посмотрел на Наталку. Оба радостно засмеялись.

— Сейчас есть будем, сейчас! — отозвалась бабушка Ульяна и, осторожно поставив горшочек на ровное место, нагнулась над ведром и потыкала щепкой толстую картофелину.— Сейчас доспеет. А ну, Гришака, зови деда, пока картошка горячая.

Дождавшись, когда все собрались у костра, бабушка Ульяна высыпала картофелины на полотенце и сказала со вздохом:

— Что коня без отдыха гонять — скоро съездится, то и нашей картошки по три раза на день — ненадолго хватит.

— Еще сходить надо,— отозвался дед Никита, аккуратно подбирая с ладони рассыпчатую картошку.— Нога у меня только вот...

— Сходим, дедушка,— с готовностью откликнулся Саша и положил очищенную картофелину обратно на полотенце, как будто сразу собрался бежать.— А если у тебя нога болит, я даже... я даже один могу сходить,— выпалил он для самого себя так неожиданно, что и сам растерялся.

Но дед Никита сердито тряхнул головой и подальше закинул на плечо бороду.

— Вместе пойдем,— сказал он, тяжело поднимаясь с земли.— Хоть и метки на дорогу положены, а ты не очень хвастай, не любит она этого, топь-то!

Маринка собрала картофельную шелуху в пустой горшок, и близнецы, внимательно следившие за ней, разом протянули руки и взялись за края горшка.

— Сами,— начал Павлик.

— Дадим,— договорила Наталка и, переваливаясь и дергая горшок в разные стороны, они направились к колышку, у которого Манька сердито трясла головой, стараясь сбросить с рогов крепко привязанную веревку.

— Долго не ходите,— сказала бабушка Ульяна, обращаясь к деду Никите и Саше. Губы ее задрожали, и она на минуту замолчала.— Да по сторонам лучше смотрите, не то пропадете, и малые мои тут пропадут: не сберегу их я, одна-то...

Саша подошел и крепко обнял ее.

— Хорошая ты какая, бабушка,— проговорил он,— как мама. Она тоже все о других думает.

— А про кого же мне думать-то? — искренне удивилась бабушка Ульяна.— Вот вам мешки, веревку Манькину тоже возьмите, за ней днем и так ребята доглядят, а вам сгодится.

Спускаясь с холма на зеленый зыбкий мох, Саша вел себя увереннее. Многочисленные отметки на тощих сосенках смотрели, точно дружеские глаза, предупреждая об опасности, и, глядя на них, Саша уже не чувствовал себя таким беспомощным, как в первый раз.

Он готов был верить, что страшная Андрюшкина топь почти подружилась с ним, и с трудом сдерживал шаг, так как видел, что дед Никита едва за ним поспевает.

— По хоженому иди,— предупреждал старик, тяжело налегая на

палку.— Хоженое, оно теперь нам друг, нас метками привечает. А нехоженное злыми окнами стережет.

Саша удивился: мысли старика совпадали с его собственными. Зарубки, сделанные им внизу, у самой земли, отмечали километр за километром.

Когда тропинка вывела их к берегу Малинки-реки, дед Никита тронул Сашу за плечо.

— Хорошенько смотри, Сашок,— тихо проговорил он.— Хорошенько смотри.— А то на немцев как бы не наскочить.

Саша, не отвечая, схватил деда за руку, и оба они поспешно пригнулись за кустом: тяжелые шаги и треск веток послышались так близко, что у них захватило дыхание.

— Му-у-у...— жалобно раздалось за кустами. Рыжая корова с глубоким, как у быка, подгрудком и белой звездочкой на лбу высунулась из кустов и стояла, недоверчиво косясь блестящим карим глазом. Напуганная всем происшедшим, она дичилась, боясь подойти ближе.

— Ой, дедушка, смотри! — и Саша в волнении так взмахнул руками, что корова испуганно попятилась назад в кусты.— Смотри! Мы ее домой уведем, на остров, хорошо?

— Ну, леший, а не корова,— проворчал дед и облегченно вздохнул.— Далось ей из кустов лезть. Я так и думал — немцы. Даренкина это Рыжуха, пускай Даренкиных ребят и продовольствует.

— Му-у-у...— опять послышалось мычание, но еще более низкое, и рядом с рыжей появилась огромная черная голова с широкими крутыми рогами.

— Мишка! — взволнованно воскликнул дед Никита.— Совхозный бык, нам на время даден. Жалко, порежут его волки, ну да людей больше пропало! — И, махнув рукой, старик отвернулся.

Держа веревку за спиной, Саша подходил к Рыжухе. Она попятилась и тихо замычала, словно жалуясь и прося помощи. Саша спокойно заговорил с ней и, протянув руку, осторожно погладил шелковистую кожу на шее. Рыжуха вздрогнула, но веревочная петля уже скользнула на рога, а другой конец веревки Саша прочно привязал к дереву.

— Бык-то нам на мясо сгодился бы,— сказал дед Никита.— Он от Рыжухи не отстанет. Пойдем пока в огород, а там подумаем.

Речная вода приятно охлаждала ноги. Деревня, вернее место, на котором была деревня, казалось совершенно пустынным. Даренкин огород начинался от самой реки, и копать можно было почти у самого берега.

— Дедушка, смотри! — Саша, нагнувшись, сразу вырвал два куста и тряхнул ими в воздухе. На корнях гроздьями висели крупные картофелины.

— Богатство-то какое! — сокрушался дед Никита.— Копать-то — враз накопаем. А вот как таскать станем?

Но Саше пришла мысль, от которой он даже подпрыгнул.

— А мы один мешок на Рыжуху, а другой на Мишку,— воскликнул он.— Полные мешки наберем, они донесут. Он смирный, Мишка? Не бодается?

Дед Никита одобрительно кивнул головой.

— Ладно ты придумал, молодец. Мишка, он даром что бык, а смирнее теленка! Вот если утонут только, да еще с картошкой...

— По меткам пойдем, дедушка,— уверенно сказал Саша.— Я теперь...— однако он вовремя вспомнил, что топь не любит хвастовства.— По меткам пойдем,— повторил он,— давай сыпать полнее.

— Довольно,— остановил дед Никита.— А то его вперекидку не положишь. А ну, пособи поднять.

— Я... я не думал, что картошка такая тяжелая,— проговорил через некоторое время Саша. Он стоял, еле переводя дух, около мешка, который только что перенес через реку.— Она такая тяжелая, как камни. Правда, дедушка?

— Есть легче, чем несть,— отозвался дед и, поставив мешок на землю, рукавом вытер мокрый лоб.

Рыжуха помотала головой, но быстро примирилась с тяжелым мешком, который дед Никита ловко приладил ей на спину. Мишка сердито засопел и погрозил рогами, но, увидев, что Рыжуха спокойно тронулась с ношей по тропинке, согласился следовать за ней даже без веревки.

Дед Никита шел, опустив голову. Саша не решался с ним заговорить первый, и они молчали, пока перед ними не встали первые зловещие сосны Андрюшкиной топи.

— Веревку Рыжухину на руку не мотай,— коротко напомнил дед Никита и остановился перевести дух.— Неровен час, тебя за собой потянет.

Мишка и Рыжуха инстинктом почувствовали опасность. Раньше они шли спокойно и доверчиво, ступив же на трясину, фыркали и принюхивались к каждому шагу, часто останавливались и пробовали зыбкую почву ногой. А выйдя на твердую землю Андрюшкиного острова, радостно замычали и ускорили шаг.

Бабушка Ульяна сидела на пороге домика и чистила грибы, собранные Гришакой и Маринкой. Услышав мычанье Рыжухи, она подняла голову и, всплеснув руками, вскочила. Грибы высыпались на землю, но Гришака и Маринка на это не обиделись: они уже бежали вперегонки навстречу неожиданным гостям.

— Рыжуха! Рыжуха!— крикнула бабушка Ульяна и не то засмеялась, не то заплакала, а рыжая корова вырвала веревку из Сашиных рук и с жалобным мычанием побежала ей навстречу. Мешок с картошкой сполз у нее под живот, хлопал по ногам.

— Да бедная ж ты моя,— наклонилась бабушка Ульяна, ощупывая твердое, как камень, вымя.— Сейчас я тебя подою, только вот беда, все горшки под молоко пойдут!

Через минуту струйки молока зазвенели о стенки чугунка, взбивая белую пену. Ребята окружили корову, глотая слюнки, а огромная Рыжуха стояла как вкопанная и громко вздыхала от облегчения.

— Кому молоко, Сашок, а нам забота, сарай ставить,— сказал дед Никита, опускаясь на землю, неподалеку от бабушки.

— Построим, дедушка,— отозвался Саша. Ему и правда начинало казаться, что для них с дедом нет ничего невозможного. И, забы-

вая об усталости, он вскочил, готовый приняться за дело. Ему так было легче: забота о новом гнезде на их удивительном острове отгоняла грустные мысли о Малинке, о маме.

— Что ж, можно,— согласился дед.— Только не сейчас. Мои ноги не хотят так скоро бегать. А ты у меня один помощник остался. Эх, Андрейка ты мой, Андрейка, неприкрытый лежишь! — Дед Никита махнул рукой и отвернулся.

Отойдя от него, Саша задумался. Большое горе у деда. Андрейка, единственный его правнук, лежит там, на полянке. И Мотя, и маленький Ивашка...

Саша взглянул вверх на солнце, что-то рассчитывая, тряхнул головой и быстро направился к дому. Дед Никита не пошевелился и головы не повернул ему вслед.

Бабушка Ульяна хозяйничала в избе. Маринка и Гришака пасли козу, малыши копались в песке и о чем-то весело спорили.

Саша постоял немного в нерешительности, потом вошел в дом и взял стоявшую у стены лопату.

— Бабушка,— сказал он,— я хочу немножко по острову походить. Я ненадолго.

— Хорошо, хорошо,— рассеянно отозвалась бабушка Ульяна, занятая своим делом.— По болоту только, Сашок, не ходи один, долго ли до греха.

— Я недолго,— повторил Саша и с лопатой на плече медленно спустился под горку. Оглянулся и, убедившись, что за ним никто не следит, круто повернул на знакомую дорогу к Малинке.

Километр за километром... вот и тропинка, ведущая к берегу Малинки и печным трубам на той стороне.. Но Саша не пошел по ней. Он на минуту остановился, вздохнул и почти бегом бросился в сторону, по направлению к старому дубу на поляне.

— Не могу, что они там лежат незакопанные,— прошептал он. И еще раз повторил почти громко: — Страшно. Очень. И все равно не могу!

Теперь он не бежал, а шел, осторожно, ко всему прислушиваясь. Полянки не перебегал, а обходил стороной, прячась за кустами. Немцы были на той стороне. Они могли оказаться и на этой...

Перед самой поляной с дубом он остановился и стоял долго, то удерживая дыхание, то тяжело вздыхая. Вдруг вздрогнул: совсем близко послышался тихий, очень тихий стон.

Схватив руками ветки орехового куста, Саша прижал их к груди, словно защищая себя. Затем медленно опустился на четвереньки и пополз, прижимаясь к земле.

Стон повторился. Было ясно: он шел с полянки, от дуба...

Саша прополз несколько шагов, чуть приподнялся, выглянул из-за старого, обросшего побегами липового пня и тут же рукой зажал себе рот, чтобы не крикнуть. Три фигурки лежали, как упали тогда, и над ними уж вились рои мух. Но одна, в синей рубашке с надорванным рукавом, пошевелилась. Опять раздался тихий, чуть слышный стон.

— Пить! — расслышал Саша.

Забыв об осторожности, он вскочил и, подбежав к лежащему, опустился на колени.

— Андрейка! — позвал он, наклонившись, и повторил: — Андрейка, это я, Саша!

Андрейка пошевелился, с усилием открыл глаза, посмотрел на Сашу, но, видимо, не узнал его.

— Пить! — повторил он чужим голосом.— Пить!

Саша привстал и осмотрелся. Воды здесь нет до самой Малинки. Как быть?

Андрейка снова застонал и закрыл глаза. Саша оглянулся на остальных... Нет! Теперь об этом и думать нельзя. Надо спасать Андрейку. И скорее! Он опять повернулся к мальчику. Волосы его слиплись от засохшей крови, глаза ввалились, дыхание было едва заметным. Нагнувшись, Саша осторожно подсунул руки под спину Андрейки и приподнял, почти посадил его. Затем, стоя на коленях, потянул его себе на спину и медленно встал. Андрейка повис на его спине, уронив голову ему на плечо, и застонал громче: видимо, боль усилилась. Саша, стиснув зубы и стараясь ступать как можно ровнее, пошел по тропинке.

Ему казалось, что лес полон немцев, которые слышат Андрейкины стоны, может быть, стерегут вон там, за кустами. Но мысль оставить Андрейку и бежать одному ни разу не пришла Саше в голову.

Он шел быстро и уверенно. Даже колыхающийся мох почти не пугал его.

— Только бы успеть! Только бы успеть! — тихонько повторял он про себя и вздрагивал от каждого своего неловкого шага, на который отвечал тихий стон за спиной.

Тем временем на Андрюшкином острове в поисках Саши все сбились с ног.

— Саша! Сашок! — кричали дед Никита, бабушка Ульяна и Маринка с Гришакой.

— Саса! — пищали близнецы и, держась за руки, затопали было вниз по горке к болоту, но бабушка Ульяна перехватила их.

— Маринка, ты хоть с них глаз не спускай,— сказала она,— если и эти пропадут, я вовсе ума решусь. Не иначе, как Сашка́ трясина затянула.— Сама она продолжала бегать по острову и звать уже охрипшим голосом: — Сашок! А ну, Сашок, отзовись! Сашок!

Наконец, выбившись из сил, старики вернулись к тропинке, ведущей в Малинку, и молча стали рядом, опустив головы. Гришака подошел сзади к бабушке Ульяне и хотел что-то сказать, как вдруг бросился вперед и, дергая ее за юбку, закричал:

— Идет! Идет! Несет кого-то!

Едва ступив на твердую землю, Саша остановился.

— Возьмите! Скорее! — сказал он охрипшим голосом.— Я больше не могу!

Бабушка Ульяна только успела подхватить Андрейку и положить его на траву, как Саша опустился рядом с ним.

— Саша! — окликнула его бабушка. Но мальчик не отозвался. Он дышал мерно и спокойно. Спал.

— Не трожь! — прошептала бабушка Ульяна, отстраняя дрожащие руки Никиты.— Успокоиться надо обоим. А ну, я сейчас достану.

Но на этот раз руки ее не искали карманов в юбке. Она торопливо спустилась с холма к озеру и долго ходила по берегу, наклоняясь и раздвигая руками стебли тростника. Возвратилась бабушка Ульяна, держа в руках пучок какой-то травы. Проворно растерев сочные стебли между двумя камешками и положив их на тряпочку, она обвязала ею голову Андрейки так осторожно, что мальчик не пошевелился.

— Маринка, возьми ветку и мух от них гоняй,— распорядилась она.— Голова у него, должно, не пробита, по верху чиркнуло.

Как Саша вечером оказался на охапке мягкого мха в Андрюшкиной хате, рядом с Андрейкой, этого он потом не мог вспомнить. Но на всю жизнь он запомнил дрожащий голос деда Никиты, услышанный им как сквозь сон:

— Сашок, родной, спасибо тебе!

— Где я? — Андрейка сказал это тихим ясным голосом и с удивлением посмотрел на бабушку Ульяну: что с ней?

Но бабушка быстро отняла руки от лица, вытерла глаза и улыбнулась.

— С радости это я, голубчик мой, думала, что хоть ты живой будешь, а в уме повредишься. А теперь вижу,— скоро боль от тебя отстанет. Повремени малость, ни о чем не спрашивай. Жив ты, слава богу.

Но Андрейка и сам устал, как от долгого разговора. Он улыбнулся, закрыл глаза и через минуту опять уснул, но уже спокойным сном выздоравливающего.

Дверь медленно отворилась, и на пороге появились близнецы. Они вошли тихонько, на цыпочках. За эту неделю они твердо усвоили, что шуметь в хате, где лежит Андрейка, значит получить хороший шлепок. Но на этот раз каждая морщинка на лице бабушки смеялась. и дети, сразу осмелев, перебежали хату и ухватились за концы бабушкиного передника.

— Андрейка заговорил! Андрейка живой будет! — быстро зашептала она и, взяв детей за плечи, повернула их к двери.— Бегите к деду скорее! Скажите: Андрейка заговорил!

Павлик схватил Наталку за руку, и оба, переваливаясь и толкаясь, заспешили к двери, перекатились на животах через высокий порог и бегом побежали выполнять задание.

Дед Никита и Саша были около дома — пристраивали к нему маленький сарайчик для скотины. Работа подвигалась медленно: то тот, то другой, бросив пилу или топор, шел заглянуть в приотворенную дверь на больного.

Сейчас дед только взялся было за бревно, собираясь поднять его, как почувствовал, что его теребят и тянут маленькие руки.

— Уйдите, озорники,— крикнул он,— зашибу! — Но руки не отцеплялись:

— Баба! Андлейка за...— начал торопливо Павлик и даже не оглянулся на Наталку: ему захотелось договорить все самому.— Андлейка за...— начал он сначала, но трудное слово никак не хотело выговариваться.

— Вивил! — вмешалась Наталка и еще сильнее затеребила деда.

— Вот с вами и разберись,— ворчал дед, осторожно опуская бревно.

— Иду, иду! Ну, бабка, нашла кого посылать!

А Саша, бросив свой конец бревна, уже стоял на пороге хаты, взглядом спрашивая бабушку Ульяну.

— Заговорил! — повторила она и ему и радостно улыбнулась.— Жив будет и в уме не повредился.

Андрейка пошевелился.

— Уходите! — замахала рукой бабушка Ульяна.— Все уходите! Теперь у него разум, как у малого ребенка. Пускай потихоньку подрастает.

Это был счастливый вечер. Ужинали на дворе, чтобы не утомить Андрейку. Но через каждые несколько минут кто-нибудь из ребят подбегал к дому и заглядывал в оконце.

— Глядит,— докладывал, возвращаясь.

— Рукой пошевелил!

— На бок повернулся!

— Не мешайте ему,— сердилась бабушка Ульяна.— Ногу человек сломает, и то ему покой требуется. А тут чуток головы малый не лишился.

Андрейка встал с постели через неделю после того, как пришел в себя. Он сильно вытянулся и похудел. В голубых глазах исчезли веселые искорки. Самое тяжелое было то, что он не спрашивал о матери, а молча, пристально смотрел на Сашу и на стариков. Он очень подружился с Гришакой, и они подолгу шептались о чем-то, когда Саша выводил Андрейку из хаты и усаживал его на сухом, пригретом солнцем пригорке.

— Вы о чем же это, ребятки, толкуете? — спросила как-то их бабушка Ульяна и ласково провела руками по светлым головенкам.

— Так,— уклончиво ответил Андрейка, а Гришака молча отвернулся.

На следующий день Саша выждал, когда Гришака подошел к Андрейке, и тихонько приблизился к ним сзади. Мальчуганы, увлеченные разговором, не заметили этого.

— Придет! — убежденно сказал Гришака.— Мать придет к печке. И письмо увидит.

Андрейка внимательно слушал его, обхватив колени тонкими слабыми руками.

— А про меня как узнает? — с сомнением спросил он.

— Этакий ты непонятный,— нетерпеливо проговорил Гришака и хлопнул ладошкой по земле.— Печка-то ваша где стоит? Возле нашей, как хаты стояли. Твоя к печке придет, а моя уж там. Письмо враз

найдут. Понял? И узнают. Я потому и ушел, что письмо там. А то разве бы ушел? Потому она придет, а мы где?

Саша повернулся и тихо отошел, глаза защипало, к горлу подступил комок. Не сразу смог рассказать бабушке Ульяне. Она выслушала и вздохнула.

— Не мешай им,— посоветовала.— Они друг другу скорей помогут.

Глава 8

ОПЯТЬ ОНИ!

В это утро дед Никита и Саша собирались в Малинку за картошкой, едва рассвело и стали видны зарубки на деревьях.

— Рысаков наших обоих заберем,— распорядился дед.— В паре им веселее.

Бабушка Ульяна насчет Мишки не спорила, а Рыжуху отпустила неохотно:

— Еще утопите нашу кормилицу, а я что с малышами делать буду? — говорила она.

— Не бойся, бабка,— успокаивал дед Никита.— Скотина, она человека приметливее, поди, каждый поворот лучше нашего затвердила. Зато картошки, сама понимаешь, на двух спинах привезем.

— Так-то оно так,— огорченно соглашалась бабушка Ульяна.— Только вы больше не на них, а на свои приметы полагайтесь.

Рыжухе утренняя прогулка была не особенно по вкусу, она с шумом нюхала воздух и землю на тропинке, упиралась и жалобно мычала.

— Чует неладное,— тревожно проговорила бабушка Ульяна, стоя на пригорке.

Но пара вареных картошек улучшила настроение: Рыжуха вздохнула и пошла по тропинке. Мишка уверенно шагал сзади, и это ее окончательно успокоило.

Саша, как всегда, шел первый. Уговаривая и успокаивая Рыжуху, он почти не заметил, как кончилось болото и за рекой завиднелись огороды Малинки. Мальчик невольно остановился, взял за руку деда Никиту и тихонько к нему прижался.

Старик удивленно покосился, но понял, неумело погладил его по голове.

— Как взгляну, самому сердце рвет,— пробормотал он.— Лошадок наших, гляди, крепче привязывай, как бы налегке домой не подались. Теперь сюда, правее ступай, тут брод мелкий.

«Страшно, а все равно нужно»,— напомнил себе Саша, спускаясь к реке, и на душе у него стало как будто легче.

Копать начали в огороде у самой реки — носить на тот берег отсюда было близко.

— Как картошка быстро выросла! — удивлялся Саша.— Смотри, дедушка, несколько дней не копали, а она уж с кулак!

— Уродилась на славу, да не на счастье людское,— отозвался старик.— Ну, мешок готов, бери веревочку, завязывай, Сашок.

Саша не пошевельнулся. Он стоял, не отводя глаз от чего-то вдали, и потянул деда за рукав.

— Дедушка,— прошептал он.— Вон там, у самого леса, дом стоит. Не сожгли его. Как мы его раньше не видели?

— Где? Где? — заторопился дед и, уронив веревочку, приставил руку козырьком к глазам.— У леса, говоришь? Так это же наша кузня. Отец мой еще... Его руками ставлена. Не усмотрели ее те, проклятые, не спалили. А ну, кидай мешок, бежим. Припас там кузнецкий весь покинут.

Продолжая говорить, дед поспешил на дорогу и почти бежал по ней, увлекая за собой Сашу.

Низенькая, крытая соломой кузница стояла на опушке леса, возле спуска к реке. Сквозь широко распахнутые ворота виднелся остывший горн. Тяжелый молот прислонился к наковальне, на ней лежал маленький молоток-ручник рядом с клещами. В клещах зажата какая-то железка.

Дед Никита, тяжело дыша, остановился у входа.

— Полжизни молотом в этой кузне ковано,— проговорил он, будто самому себе.— Хорошо, хоть Николай-кузнец жив остался,— повернулся он к Саше.— Тот, за которым Федоска ушел. Ему я кузнечный припас свой оставил. Золотые руки у парня.

Дед Никита вдруг поднял молот и с неожиданным проворством так сильно взмахнул им, что Саша невольно отскочил в сторону.

— Бывало, орешек расколю — ядрышка не попорчу,— усмехнулся дед.— Ну, Сашок, поворачивайся, кой-чего с собой заберем. Петли на дверь будет чем сделать. Опять и гвоздей наковать не лишнее.

В углу кузницы почти до потолка возвышалась груда мешков с углем. Саша повернулся, собираясь отыскать пустой мешок, и случайно взглянул в окно. Тихо охнув, он тут же отскочил в глубь кузницы.

— Дедушка,— зашептал взволнованно.— Опять! Сюда идут!

По дороге, хорошо видные в лучах утреннего солнца, шагали три фигуры в защитных комбинезонах. Они еще были далеко, но выйти из кузницы на дорогу было уже невозможно. Ближе, ближе... и вот ветер донес до кузницы обрывки немецкой речи.

Дед Никита не успел еще сообразить, что делать, как Саша схватил его за руку.

— Сюда, дедушка, сюда прячься!

Они едва протиснулись между стеной и мешками, как шаги и голоса послышались у самого входа.

— Ну что? Разве не моя правда? — говорил один по-немецки.— Чистая работа, никого не осталось. Можем сразу отправляться обратно.

Голос показался Саше знакомым, он не выдержал: приподнявшись, осторожно выглянул в просвет между мешками и тут же быстро присел. Тот, который у дуба с филином был. Шрам стягивал левую щеку немца, казалось, что на лице его застыла зловещая кривая улыбка.

— Поворачиваем обратно,— продолжал тот же голос.— Путь не близкий, а эта глушь мне больше не нравится. Что ты делаешь, Куно? Стой!

— Маленький фейерверк,— со смехом отозвался другой голос,— чтобы старая развалина не портила вида.

— Глупее ничего не придумал! — раздраженно крикнул третий.

— На всю округу иллюминацию устроил. Здравствуйте, мы тут! Теперь уходите и побыстрее. Все равно эту чертову зажигалку уже не затушишь.

Голоса и шаги немцев зазвучали глуше и наконец смолкли вдали. В кузнице послышалось какое-то странное шипение, треск, и воздух сразу сделался нестерпимо горячим и душным.

Дед Никита осторожно выглянул из-за мешков и схватил Сашу за руку.

— Выбирайся! — крикнул он.— Горим!

Глотая дым, они выбрались из укрытия и бросились в другой угол кузницы. Мешки пылали. Дым клубами тянулся в открытые двери, в них еще можно было выскочить, но немцы шли по дороге, непрестанно оборачиваясь.

— Окошко! — крикнул Саша.— К лесу вылезем, не увидят!

— Стой! — закашлялся дед.— Припас кузнечный выкину, не дам ему погореть! — И, закрываясь рукой от огня, он шагнул к наковальне. Размахнулся. Тяжелый молот с грохотом вылетел в окошко, унося за собой осколки рамы и стекла.

— Лезь! — приказал дед и, схватив неподвижно стоявшего Сашу, просунул его до пояса в окно. Мальчик вскрикнул от неожиданности и упал из окна в высокую прохладную траву, но тут же проворно вскочил на ноги.

— Дедушка! Сам лезь! Сгоришь! — отчаянно крикнул он, не думая, что его могут услышать немцы.

— Отступись! — послышался в ответ хриплый голос деда, и Саша еле успел уклониться от стремительно вылетевшего в окно ручника.

В густом дыму мелькала фигура старика. Закрываясь от наступающего огня большим кожаным фартуком, он хватал и выбрасывал в окно какие-то предметы. Они падали в густую траву, заглушавшую железный лязг.

— Дедушка! — со слезами кричал Саша, то подбегая к окну, то отскакивая.— Дедушка, сгоришь!

Наконец в окно просунулась багровая от жары и кашля голова деда Никиты.

— Не пролезу,— захрипел он.

— Плечом, плечом лезь! — крикнул Саша.— За руки меня хватай! Вот! — Уцепившись за руки старика, мальчик потянул, что было сил, упираясь ногами в стену...

Несколько минут борьба за жизнь шла в полном молчании, слышался лишь треск и гул огня в кузнице. Саше казалось, что его руки вот-вот оторвутся. Наконец дед Никита грузно вывалился на траву. Завивающийся язык пламени, смешанного с дымом, вырвался из окна, словно в погоне за ускользнувшей добычей.

— Вниз, к речке, ползи,— прохрипел дед Никита.

Они скатились с откоса прямо в реку и окунули пылающие лица в прохладную воду Малинки. Она освежала обожженную кожу, тушила тлеющую одежду. Задыхаясь, они поднимали головы и, глубоко вдохнув свежий воздух, опять опускали лица в воду.

Но вот дед Никита выпрямился, расстегнул воротник рубашки и заботливо вытянул из-под нее бороду и перекинул на плечо. Затем он погрозил кулаком в сторону, куда скрылись немцы, и произнес:

— Не добрались до моей бороды, чертовы дети! Чуть сам не сгорел, а ее сберег.— Дед Никита еще раз окунул опаленное лицо в воду и, поднимаясь на ноги, сказал уже озабоченно: — Гляди в оба, Сашок, не вернулись бы те разбойники. Наше дело с огорода мешки забрать, пока они их не приметили, и домой подаваться. А за кузнечным припасом ужо́ другой раз придем, никуда он не денется, в траве полежит. Эх, жалко кузни, отцова память... Да людей тут сколько погублено, где уж об стенах печалиться.

— Они не вернутся больше, дедушка,— Саша подошел к мешкам.— Старший очень бранил того, что зажигалку кинул. Говорил, дым покажет, где они находятся, а им надо было потихоньку. Наверно, партизан боятся.

— Может, и так,— согласился дед Никита.— А все-таки от беды подальше.

Переносить мешки на другой берег было трудно: хотя Сашина курточка и дедова рубаха уцелели, но кожа на спине и плечах воспалилась и болела.

Дед Никита быстро перекинул мешок Саши на свои плечи.

— Иди, Сашок, вперед, брод указывай,— сказал он твердо.

Саша ничего не посмел возразить.

Домой по знакомой дорожке Мишка с Рыжухой шагали охотно, точно не их вели, а они показывали дорогу.

Вот и конец тропинки. У самого берега острова стоит бабушка Ульяна и напряженно всматривается вдаль.

— Слава богу! — только и вымолвила она, всплеснув руками.— Где же вы их встретили? Да как спаслись?

— От тебя, бабка, не скроешься,— опустил на землю мешки дед Никита и, пошатнувшись, присел сам.

— Не видали они нас, счастье наше. И ушли. Говорили, будто совсем. Сашок их клятую речь понимает. А что было,— дай передохнуть, все расскажу.— И, прислонившись к дереву, дед опустил голову и закрыл глаза.

— Ложись, ложись и ты, Сашок,— заторопилась бабушка Ульяна и потянула Рыжуху за веревку.— Счастье наше, живые добрались, и на том вам великое спасибо.

Глава 9

ВОЙНА ВОКРУГ НАС КРУЖИТ...

Подготовка к зиме шла своим чередом, и в дружной семье никто не оставался без дела. Бабушка Ульяна с Андрейкой ухитрилась выкопать погреб для картошки, пока дед Никита с Сашей ее ежедневно копали в огородах Малинки, а Мишка и Рыжуха перетаскивали на остров мешок за мешком.

— Вот добро,— сказал как-то дед Никита, привязывая на широкую спину быка перекидной мешок,— отработает бычок, а как станут морозы, зарежем и мяса наморозим на целую зиму.

Саша даже лопату из рук выронил. Что? Съесть Мишку? Нет уж, этого не будет!

— Дедушка,— заговорил он дрожащим голосом.— Дедушка, я сена сам наготовлю много. Только Мишку нельзя есть, дедушка. Мишка нам друг.

— Это бык-то друг? — удивился дед Никита.— Никогда такого не слыхал. Ну ладно, наготовишь сена — сбережешь своего друга.

— Спасибо, дедушка,— обрадовался Саша и, обхватив руками Мишкину шею, прижался щекой к его блестящей черной щеке. Он поцеловал бы его, да боялся дедовой насмешки. Мишка принял ласку благосклонно: наклонив тяжелую голову, дружески подтолкнул Сашу широким лбом так, что тот отлетел шага на три в сторону и едва устоял на ногах.

— Не балуй! — строго крикнул дед Никита Саше и, размахнувшись лопатой, стукнул Мишку по широкой спине.— Где это видано — с быком в игрушки играть? Он тебе так наиграет, что костей не соберешь. Скотина страх должна понимать!

Глухой рокот прервал их разговор. Ближе, ближе... Из-за леса вдруг выплыли две черные точки, они быстро увеличивались, рокот тоже нарастал.

— Самолет! — закричал Саша.— Дедушка, самолет! Как бы узнать — наш это или немецкий?

Самолеты промелькнули над их головами, шум моторов быстро замер вдали. Дед Никита подошел к быку и взялся за веревку, привязанную к его рогам.

— Идем, Сашок,— поторопился он.— Как бы еще немцы к нам на головы не посыпались.

Уже подходя к острову, Саша вдруг остановился и прислушался.

— Дедушка, дети кричат,— проговорил он удивленно,— слышишь?

Дед Никита приложил руку не к глазам, как обычно, а к уху.

— Ну и что? — проворчал он, продолжая идти за Рыжухой.— Им больше и делать нечего. Не плачут и то ладно.

— Слово какое-то повторяют,— вслушивался Саша.— А что — не разберу.

— Коска, коска! — донеслось уже отчетливее из-за поворота.— Ой, коска!

Саша обогнал Рыжуху и проворно взбежал вверх по тропинке.

— Дедушка, смотри! — крикнул он.

Гришака, Маринка и близнецы тесной кучкой столпились на лужайке перед домом вокруг чего-то маленького, пестрого. Гришака присел на корточки, протянул руку.

— Живая,— проговорил он,— ишь, глядит!

— Мя-у,— тихонько послышалось в ответ.

Кошка сидела не шевелясь, прижавшись к кустику травы. На черной мордочке, казалось, жили только золотые испуганные глаза.

— Вот здорово! — воскликнул Саша.— Сама, через лес, через топь пришла! Голодная, наверно.

Маринка подняла кошку и ласково прижала к груди.

— Домой снесу,— сказала она серьезно, как взрослая.— Молока дам. Куда ей деваться-то.

— Домой! — радостно запищали близнецы и, по привычке взявшись за руки, затопали за Маринкой.

Дед Никита и Саша убрали картофель, привязали Рыжуху и Мишку. Наконец Саша открыл дверь и остановился на пороге.

Близнецы, взгромоздившись на нары, с восторгом наблюдали, как кошка, давясь и захлебываясь, лакала молоко из глиняного черепка. Маринка, сидя на корточках, осторожно гладила пеструю спинку.

— Не мешай ей,— сказала бабушка Ульяна.— Самая это нам удача, что кошка к дому прибилась. Чья она — не припомню, только примета верная: кошка на три цвета — дому прибыль. Как она болотом-то пройти сумела?

А кошка, вылизав черепок насухо, оглянулась, прыгнула на печку и, поджав лапки, замурлыкала, точно и век тут сидела.

К вечеру всегда дружные ребята чуть не перессорились: кому спать с кошкой.

— Я ее первый увидел,— доказывал Гришака и даже раскраснелся.

— А я ее в избу принесла,— спорила всегда тихая Маринка.

Бабушка Ульяна с трудом заставила малышей выпустить кошку.

— На печке будет спать, вот что,— сказала она.— А еще подеретесь — отнесу кошку в лес, ей там никто лапы ломать не будет.

— Там ее волки съедят! — испугалась Маринка.— Ой, бабушка, не надо, лучше пускай на печке спит.

— Бабушка,— тихонько спросил Саша,— разве ты правда кошку в лес отнесла бы? — Но бабушка Ульяна в ответ только засмеялась. Позже, когда все дневные дела были переделаны, она, убрав посуду, села рядом с дедом на лавку, мягко сказала:

— Скорее бы вы кончали с картошкой. Как уйдете, ну места себе не найду.

— Скоро кончим,— успокоил ее дед Никита, снимая с колодки готовый маленький лапоть.— Ну вот, Маринке есть в чем бегать. А нам с тобой, Сашок, надо еще в подпол моей хаты заглянуть: там у меня три мешка муки закопано от лиходеев. Вот и будем всю зиму с лепешками. Еще ружье Степаново и весь припас охотницкий там

же схоронен. Это тоже сгодится, зимой — не миновать — волки наведаются. Ну а там, не все войне быть. Дождемся и тишины...

— Дедушка! — крикнул Саша в восторге и обернулся к Андрейке.— Слышишь? Ружье у нас будет. Настоящее!

— Ружье,— тихо отозвался Андрейка,— отцово. Дедушка, отец-то придет?

Бабушка Ульяна тотчас обернулась и посмотрела на мальчика. Глаза их встретились. Бабушка поставила на стол чашку, которую держала, и протянула руки.

— Дитятко ты мое бедное,— проговорила она тихо, и Андрейка с горьким плачем припал головой к ее коленям. Все замолкли. Бабушка Ульяна тоже не произнесла ни слова, только гладила белую головку. Плач мальчика постепенно начал утихать и затих. А бабушка Ульяна все гладила и гладила его волосы и, наконец, нагнувшись, проговорила тихо:

— Батька твой, наверно, уж скоро из армии вернется Андрейка, этим утешайся, сыночек мой родненький.

В эту ночь бабушка Ульяна положила его около себя. Засыпая, Саша слышал их тихий шепот, а на утро Андрейка уже не казался таким угнетенным, как все эти дни. Прежняя веселость не вернулась к нему, но он охотно начал помогать в домашней работе; и с Гришакой стали меньше шептаться. Саша по-прежнему старался отвлекать Адрейку и Гришаку от грустных мыслей, придумывал для них разные интересные дела.

У него и своего горя было достаточно. Вспоминалась мать: маленькая, худенькая, в военной форме, стояла она на площадке вагона и махала ему рукой. Такой он видел ее в последний раз. По ночам Саша часто лежал с открытыми глазами. О судьбе матери он ничего не мог узнать, оставаясь на Андрюшкином острове. Тоска так щемила сердце, что он готов был встать и бежать через лес по дороге на станцию, к людям, где можно было бы узнать, что делается на свете, и получить весточку о матери.

А то он представлял себе Федоску в боях с немцами. Вот он побил много немцев. К нему подходит генерал и прикалывает на грудь орден.

— Храбрый Федоска,— говорит генерал.— А где же твой друг Саша?

Федоска смеется:

— Саша гусака испугался. Он на Андрюшкином острове ребят нянчит.— И все тоже смеются.

Саша с горящими щеками приподнимался на локте, готовый вот-вот отодвинуть дверной засов и бежать. Но вздохнет во сне бабушка Ульяна или завозится кто-нибудь из детей, и Саша тихонько опускался на нары и зажимал рот рукой, чтобы никто не услышал, как он плачет. После таких ночей Саша просыпался утром с тяжелой головой и красными глазами и менее охотно, чем всегда, принимался за дневные работы, не подозревая, как зорко и грустно к нему присматриваются внимательные бабушкины глаза.

— Холодно,— жалобно говорит Маринка. Она поднимает то одну озябшую ногу, то другую и прячет их поочередно под тоненькое ситцевое платьице, но это мало помогает.

Саша быстро расстегнул кушак и стащил с себя курточку.

— Надень, надень,— проговорил он торопливо,— как это я раньше не догадался!

— Да-а-а... сам ты голый...— нерешительно отозвалась Маринка, глядя на Сашину майку,— сам трясешься...— Но тут же быстро сунула руки в рукава курточки и засмеялась от удовольствия: рукава были теплые.

Близнецы переглянулись и, взявшись за руки, подошли к Саше.

— Хо-олодно...— затянули они вместе, заглядывая ему в лицо.

Саша окончательно растерялся:

— Мне... мне и самому холодно,— сказал он, с жалостью глядя на маленькие фигурки в длинных рубашонках.— Я и не подумал: как же мы жить будем без пальто, без ботинок...— Зябко поведя плечами, он засунул руки за резинку трусиков и вошел в избу.

— Дедушка,— заговорил он,— малыши замерзли, и босые они. А скоро совсем холодно будет. Ты сколько раз обещал научить меня, как петли на зайцев делать. Научи, дедушка. Мы с Андрейкой их живо наловим, и все из их шкурок сделаем.

Дед Никита, стоявший у окна, быстро обернулся.

— Замерзли, говоришь? Так, так... Он потоптался около окна, заглянул под нары.

— А ну, подай оттуда лыко,— сказал он Саше.— Себе на лапти берег, да обойдусь. Теперь петли важнее.

Дед Никита грузно уселся на свое место. По привычке достал кочедык, но, вспомнив, что он не понадобится, отложил его в сторону. Саша и Андрюшка окружили его.

Вскоре на столе вырос аккуратный пучок шнурочков с петлями на концах. Свернув его жгутом вокруг руки, дед встал:

— Покажу вам теперь, как ставить петли,— проговорил он.— Но смотрите, чтобы у бабки горшок без мяса в печке не стоял, на чулки нам вместо валенок чтобы шкурки были, а лапти на них я сам сплету.

На следующий день Саша и Андрейка ворвались в хату, держа в вытянутых руках двух пушистых зверьков.

— Есть, дедушка! Есть! — кричали они наперебой.— Так и лезут! Чуть не в каждой петле по зайцу. Ну и охота!

Дед, отложив дощечку, которую он старательно стругал, деловито взвесил каждого зайца на руке.

— Хороши,— сказал он довольным голосом.— А я вот и дощечку приготовил, шкурки распяливать. Просушить их надо, чтобы не испортились.

— Ужинать идите, охотники! — позвала мальчиков вечером бабушка Ульяна.— Вам сегодня лучший кусок.

— Дедушке лучший кусок Он все умеет делать,— сказал Саша и глубоко втянул в себя воздух: такой аппетитный запах шел от большого горшка на столе.

— Зай...— пропищал Павлик и покосился на Наталку. Но она в первый раз оказалась слишком занята, чтобы ответить ему.

А дед привычным жестом пошарил на плече, забирая в горсть свою бороду, и, крякнув, сказал:

— Ай, бабка, ну и добрый суп сварила, ум отъешь.

Утром близнецы влезли на скамейку около оконца и прижались к стеклу носами так, что они сплющились в маленькие белые пятнышки. Уж очень занятно было смотреть, как на лужайку перед домом, медленно кружась, падали большие белые мухи. Падали и куда-то сразу пропадали: на земле их вовсе не было видно.

— Нег! — сказал Павлик, вспомнив, как говорила бабушка Ульяна.

— Падит,— договорила Наталка.

Затем, не сговариваясь, они сползли на пол и стали дружно дергать за край рогожу, которой обили дверь на зиму заботливые руки бабушки Ульяны.

Дверь не поддавалась, и близнецы широко открыли рты, собираясь громко зареветь, как вдруг она сама открылась и в хату, чуть дыша от волнения, влетел Андрейка.

— Сашка! — закричал он,— Сашка, где ты? — и, повернувшись, не закрывая дверь, выбежал опять на улицу.

— Здесь я,— послышался ответ, и на тропинке показался Саша с топором в руке.

— Лось! — прокричал Андрей на бегу.— Сейчас потонет!

Через минуту мальчики, перегоняя друг друга, мчались вниз, к болоту. Там у края твердой земли бился огромный лось. В этом месте мох был настолько плотен, что легко выдерживал тяжесть человека, но лось ударами копыт прорвал его и теперь бился, погружаясь в черную густую жижу.

Лось тяжело храпел, временами опускал огромную рогатую голову в грязь, но тут же снова поднимал ее и начинал биться с новой силой. Саша весь дрожал от возбуждения. Первый момент охотничьего азарта прошел, и теперь ему было так жаль этого беспомощного зверя, что он охотно помог бы ему выбраться на берег.

Страшным усилием лось продвинулся вперед. Последний удар его задних ног был так силен, что он скользнул по жиже и вылетел почти до половины на твердую землю. Голова его упала на траву, и громадные рога коснулись Сашиной ноги. Лось был мертв.

Саша стоял не двигаясь, и простоял бы так еще долго, но рука деда Никиты легла на его плечо.

— Очнись, Сашок, вот так удача! Сам к нам в руки пришел!

— Сам,— машинально повторил Саша и вдруг воскликнул дрожащим голосом: — Ах, дедушка, как жаль, ведь его можно бы вылечить, приручить.

— Пока ты его приручал — он бы тебя в лепешку расшиб,— ответил дед Никита и, нагнувшись, положил руку на раненый бок лося. Лицо его помрачнело.— Не ружейная эта рана,— проговорил он, выпрямляясь.— Война это его достигла, война вокруг нас кружит и все ближе к нам подбирается. Ну ладно, что суждено, тому и быть. Зато

кожи теперь всем вам на чулки хватит, получше заячьих будет. Вот беда горькая, соли нет,— не то на всю зиму с мясом были бы. А сколько ее в магазине осталось... В Малинке-то.

— Так она ж там сгорела! — сказал Андрейка.

— Дурачок ты,— ответил дед Никита, направляясь к дому.— Соль разве горит? Задымилась разве. Да и то сказать — склад-то на высоком месте стоит и подвал в нем, что твоя хата. Там не то что соли — всего найти можно. И как это я запамятовал...— Старик немного помолчал и, уже подходя к дому, добавил: — Обязательно сходим. А про войну вы бабке не говорите: будет с нее и того, что знает.

— Ты про соль слыхал? — тихонько спросил Саша Андрейку.

— Слыхал,— тихо ответил Андрейка.— А что?

— Так,— сказал Саша.

— И ничего не так, и ничего не так. Забожусь, что знаю...

— Ну и что?..

— Ну чего, петухи, закукарекали? — окликнул их дед.— Бабку зовите. Эх, соли-то, соли нет!

— Слыхал? — На этот раз спросил Андрейка.

— Слыхал.

— Ну и что?

— Пойдем! — отрубил Саша и убыстрил шаги.

До дому мальчики молчали. Остаток дня помогали деду снимать шкуру с лося, резали и подвешивали на высокое дерево мясо, отрубили и с торжеством принесли в избу огромные ветвистые рога и засунули их под нары.

— Вместо конька на избушку прибьем,— сказал Андрейка.

Глава 10

ШЕЙКА!

— Вы зачем мешки из-под нар взяли? — спросила утром бабушка Ульяна, возившаяся спозаранку около печки: сушила небольшие ломти лосиного мяса на сухари про запас.

— Сходим на рыбалку,— отозвался Саша и покраснел.— Мы не скоро вернемся, бабушка. А мешки на плечи, чтобы теплее было, а то очень спина мерзнет.

Убедившись, что за ними никто не следит, мальчики свернули не направо — под горку к озеру, а левее на тропинку по болоту. Шли молча, напряженно прислушиваясь. Вдруг Саша нагнулся и, захватив горсточку земли, замазал белевшую на дереве зарубку.

— Чтобы не так заметно было,— пояснил он. Андрейка только кивнул головой: говорить им не хотелось.

Дорогой они замазали и прикрыли кусочками коры все слишком явные метки, по которым можно было безопасно пройти по болоту к их острову.

Вода уже похолодала, и переходить речку было очень неприятно.

— Коноплями пойдем,— шепнул Андрейка, когда они перебра-

лись на другой берег. От волнения он побледнел так, что веснушки на его вздернутом носу казались почти темными.

Мальчики в первый раз почувствовали, насколько присутствие деда Никиты придавало им бодрости.

— Вот тут склад был,— показал рукой Андрейка.— Соль прямо в подвал ссыпали. Вот сюда.

Соль, и правда, отыскалась под толстым слоем угольев и пепла. Осторожно разгребая руками, мальчики добрались до чистого белого слоя.

— Я буду сыпать, а ты смотри на дорогу,— проговорил Саша и жадно захватил губами с ладони твердый комочек.— Как вкусно, лучше сахара!

Андрейка, держа в руке большой комок соли, с наслаждением лизал его.

— Вкусно,— повторил и он.— Сыпь скорее.

На улице было тихо, в воздухе, над черными памятниками-печами, проносились лишь блестевшие паутинки — последние вестники осени.

Саша, торопясь, пригоршнями сыпал соль в мешок, пока смог его еле-еле поднять. Затем он подошел к Андрейке, выглядывавшему из-за кучи кирпича на дорогу.

— Сыпь теперь ты,— сказал он,— сколько сможешь поднять, а я погляжу.

Но сколько ни смотрел Саша на дорогу, в обе стороны, она оставалась пустынной.

— Готово! Пошли скорей! — наконец прошептал Андрейка, сгибаясь под тяжестью мешка.

— Смотри, в воду не урони! — говорил Саша, осторожно спускаясь к речке.— Вот так, теперь лезем вверх. Ну, все. Ставь мешок! Отдохнем.

В густой заросли орешника было уютно и, казалось, безопасно. Мальчики успокоились, лица их повеселели.

— Вот мы и одни управились,— заговорил Андрейка.— Без дедушки. И даже не страшно, правда?

— Правда,— довольно неуверенно ответил Саша,—почти не страшно, только...

— Ничего не только,— перебил его Андрейка.— Мы все равно углядели бы немцев. Уши у меня сквозь землю слышат. Забожусь, что...

Но тут он тихо охнул и присел, зажимая уши руками: тихий визг раздался в кустах за его спиной. Саша потянул Андрейку за рукав.

— Не шевелись,— прошептал он.— Где собака, там, наверно, и хозяин, только почему она визжит так жалобно?

Андрейка покачал головой:

— При хозяине так скулить не станет. Бесхозяйная она.

— Тюсь, тюсь,— шепотом позвал Саша и замер: из прибрежных кустов вышла на тропинку маленькая собачка: пушистая, черная, с белым галстучком на шейке.

Она еле держалась на ногах от истощения. Дрожа и припадая к земле, собачка проползла под ветками орешника и легла у Сашиных ног. Саша нагнулся и погладил ее. Она сделала попытку подпрыгнуть и не смогла. Слабо взвизгнув, перевернулась на спинку и замахала лапками. Мальчики в восторге смотрели на нее, потом взглянули друг на друга.

— Бесхозяйная и есть,— повторил Андрейка.— От хозяев отстала. Гляди, кожа на лапах полопалась, как она еще бежала. Как назовем?

— Белошейка! — в восторге закричал Саша и, подняв собачку, прижал ее к себе, тут же сократил: — Шейка!

Шейка была согласна на любое имя. Дрожа и захлебываясь, она проглотила холодную картошку, вынутую Сашей из кармана, и, став на задние лапки, лизнула ему руку маленьким розовым язычком. Было понятно и без слов: она нашла себе хозяина.

Стоя на коленях, Андрейка ласково гладил ее пушистую спинку.

— Вот бы собачий язык понимать! — сказал он.— Все бы она рассказала. Лапочки побила как, издалека, видать, бежит.

Мальчики осторожно промыли в речке опухшие, воспаленные лапки Шейки и перевязали их Сашиным носовым платком.

Увлекшись хлопотами, они почти забыли об опасности.

Но вот Саша насторожился и посмотрел на Андрейку.

— Слышишь? — спросил он.

Андрейка стоял бледный, с полуоткрытым от испуга ртом: далекий, чуть слышный рокот становился все громче. Мальчики, не сговариваясь, присели в кустах. Серебристый самолет, вынырнув из-за высоких деревьев, пронесся над рекой.

— Опять самолет,— произнес Андрейка шепотом, точно боясь, что его услышат.— Ой, Саша, погляди на Шейку.— Собака, дрожа, прижималась к земле.

— Понимает,— тихо сказал Саша и погладил взъерошенную шерстку.— Она что-то видела, чего мы не знаем. Бежим домой, Андрейка, скорее.

Мальчики, согнувшись под тяжестью мешков, почти бегом кинулись по тропинке. Собака бежала за ними, не отставая, смешно спотыкаясь на забинтованных лапках.

Бабушка Ульяна хлопотала около печи, когда у нее за спиной что-то тяжелое мягко стукнуло о пол. Она обернулась: запыхавшиеся, уставшие, но веселые, стояли перед ней Саша и Андрейка.

— С чем пришли? — ласково провела она рукой по Андрейкиным вихрам.

— С солью! — выпалил тот и засмеялся.

— С солью?..— недоверчиво переспросила бабушка Ульяна и взмахнула руками.— Ой, да что же это, да неужто и правда вы одни ходили?

Она хотела еще что-то добавить, но радостный крик Маринки перебил ее:

— Собачка, какая хорошенькая! Где вы ее взяли? А зачем у нее лапочки перевязанные? — Она уже подхватила Шейку на руки и

крепко прижимала к себе. Шейка в ответ на ласку смело лизнула девочку в розовую щечку.

Бабушка Ульяна покачала головой:

— Ртов-то у нас и так много,— заговорила она.

Дети испуганно переглянулись, но неожиданно вмешался дед Никита.

— Погоди, бабка,— вступился он.— Зимой, не дай бог, волки наведаются к нам в гости, а она и даст нам знать. Собака для двора — первое дело.

— Помилуй бог! — испугалась бабушка Ульяна.— И чего ты только не наговоришь дед.— Но тут же она вытащила из-под печки битый горшок, вылила в него остатки похлебки и поставила на пол.

— Ладно уж, покормите ее. То ли будет с нее толк, то ли нет, а живая душа есть хочет.

Глава 11

СТРАШНАЯ БИТВА

Подойдя к двери, Павлик наклонился и придержался руками за высокий порог, чтобы было легче через него перелезть, но вместо этого сел на порог верхом, болтая ногами. Ему захотелось еще раз полюбоваться на длинные чулки из заячьего меха, только что надетые на него бабушкой Ульяной. Наталке тоже захотелось сесть с ним рядышком, и она стала толкать его в спину, крича:

— Динься! Динься!

Бабушка Ульяна положила конец спору: проворно подхватив обоих ребят под мышки, она выставила их на улицу и захлопнула дверь, чтобы не выстуживали хату.

— Далеко не ходите! — крикнула она уже через дверь и занялась своими делами.

Мирно взявшись за руки, близнецы оглянулись: с чего начать прогулку?

Бык Мишка и Рыжуха вышли из сарая и остановились около дома. Мишка, всегда спокойный, сегодня был чем-то взволнован: он тревожно мычал, с шумом нюхал воздух и бил себя хвостом по бокам, точно отгоняя надоедливых мух.

Мелькающая в воздухе кисточка хвоста понравилась Павлику. Он направился было в сторону Мишки, но Наталка догнала его и упрямо потянула за рукав: бабушка сказала далеко не ходить, но ведь интереснее всего делать запрещенное. Павлик, как всегда, не протестовал, и близнецы, как маленькие шарики из заячьего меха, покатились по тропинке к озеру.

— Ого, команда! — крикнул Саша. Он только что вышел из прибрежных кустов. Три белоснежных зайца, связанных за лапки лыковой веревочкой, болтались у него через плечо наперевес. День был удачный: из четырех силков, поставленных так близко от дома, только один оказался пустым.

— Ого, команда! — повторил он весело и помахал рукой.— Как же это вы так далеко забежали?

— Саса! — запищали близнецы и побежали быстрее. Они старались бежать вперегонки, но при этом по привычке продолжали крепко держаться за руки.

Вдруг Шейка, бежавшая позади Саши, взвизгнула и бросилась ему под ноги, так что он чуть не упал на нее. Собака дрожала, шерсть на ней стала дыбом.

— Ты что это? — удивленно спросил Саша, оглянулся да так и замер на месте: снизу по тропинке, неслышно ступая и раскачиваясь, шел лохматый зверь. Голова его была опущена к самой земле и на ходу он ею покачивал, точно о чем-то сам с собой рассуждал.

— Я...— проговорил Саша, и спина у него похолодела.

Он бросился навстречу близнецам.

— Назад бегите! — крикнул он.— Домой!

Но малышам хотелось получше рассмотреть незнакомую рыжую собаку, там, внизу, на тропинке.

Саша обернулся: медведь как будто бы не смотрел на него и им не интересовался, шагал не торопясь и все покачивал головой. Но он был уже ближе, очень близко!

— Саса!— радостно повторили близнецы.

Саша на бегу схватил их за руки и, не останавливаясь, потащил вверх по тропинке. Зайцев он уже раньше бросил и, оглянувшись, увидел, что медведь остановился и внимательно их обнюхивает.

«Может быть, отстанет?» — подумал мальчик. Нет, медведь потрогал лапой одного зайца, потом другого и двинулся уже быстрее.

Тащить плачущих ребят волоком по снегу было тяжело, но остановиться, чтобы взять их на руки, Саша не решался.

Казалось, медведь пыхтел и пофыркивал уже за его спиной. Мальчик даже голову втянул в плечи: вот-вот на нее опустится тяжелая лапа...

Вдруг позади послышались визг, рычанье Шейки и сердитый медвежий рев. Саша, задыхаясь, оглянулся: маленькая, дрожащая от страха собака вцепилась в косматый медвежий зад с таким остервенением, что медведь не выдержал, сел и со злобным ревом, поворачиваясь вокруг себя, махал лапами, стараясь зацепить крутившуюся вокруг него Шейку.

Не спуская с медведя глаз, Саша нагнулся и подхватил плачущих детей под мышки. Раздался жалобный визг: Шейка, подброшенная страшной лапой, мячиком взлетела на воздух, перелетела через густую елку и замолкла. Разозленный нападением собаки медведь с ревом кинулся по тропинке. Из широко открытой пасти его клубами шел пар, белые клыки блестели все ближе...

Саша понял, что убежать с двумя детьми на руках ему не удастся. И все-таки он бежал, задыхаясь, из последних сил, крепко прижимая их к себе.

Дом был уже близко. Совсем близко. И так далеко...

Саше казалось, что шее его уже горячо от дыхания медведя. Опять рычанье, за самой спиной...

И вдруг такой же рев, ответный, раздался впереди, у самого дома.

Саша едва успел посторониться, оступился и упал, заслонив собой детей. Огромная черная туша с мычанием и ревом пронеслась мимо него. Павлик вскрикнул, но Саша не обратил на это внимания. Приподнявшись на одно колено и все еще прижимая к себе близнецов, он оглянулся...

Бык Мишка несся, опустив голову, топая так, что земля гудела. Шерсть на его загривке встала дыбом, он ревел и бил себя хвостом по бокам.

Медведь ответил ему еще более грозным рычанием и, поднимаясь на задние лапы, взмахнул передними...

Две туши: бурая и черная столкнулись с тупым стуком, покатились вместе под горку, на повороте с треском смяли молодые сосенки и, ударившись о ствол старого дуба, остались лежать неподвижно.

— Сашок, очнись! Да пусти же руки! Дети плачут, ты же их примял! — с трудом расслышал Саша и увидел склоненное над ним бледное лицо бабушки Ульяны.

— Да отзовись, Сашок! Да пусти же руки! — услышал он снова и тут только понял, что продолжает изо всех сил прижимать к себе плачущих Павлика и Наталку.

— Бегите! Бегите скорее! — закричал он, вскакивая.— Бегите, пока они дерутся!

— А они уже не дерутся,— послышался тонкий голос Андрейки.— Они не шевелятся.

Бабушка Ульяна подхватила детей на руки.

— Сашок, Андрейка, бегите за мной! — звала она.— Бегите за мной! Они, может, еще встанут!

Саша и Андрейка побежали за ней. У самого верха они остановились и посмотрели друг на друга.

— Шейка! — проговорили разом и, невольно взявшись за руки, повернули обратно.

— Коли что — на дерево скочим,— прошептал Андрейка.— На дереве он нас никак но достанет.

Огромный черный бык лежал на боку, ноги были вытянуты, голова, неестественно закинутая, скрывалась под тушей навалившегося на него медведя.

— Голову оторвал Мишке-то,— прошептал Андрейка и вдруг закричал отчаянно: — На дерево скочи! Скочи, говорю! — И кинулся к молодой сосенке.

Саша не стал переспрашивать и оглядываться. Подпрыгнул, схватился за сук и уже перекинул через него ногу, да так и повис, прислушиваясь.

Глухое, точно из-под земли, жалобное мычанье... Еще... вот слабо дернулась черная нога...

— Андрейка! — крикнул Саша и кувыркнулся с дерева прямо в снег.— Мишка это! Слышишь? Мишка жив! Медведя сдвинуть надо!

— Сдвинь-ка его! — отвечал Андрейка с дерева.— Коли его сам Мишка сдвинуть не может... Ой, дедушка идет. Он поможет! — И Андрейка прыгнул тоже прямо в снег: присутствие деда придало ему храбрости.

Дед Никита бежал по тропинке. В правой руке он держал топор и встревоженно повторял:

— Сашок, Андрейка, где вы подевались?

Через несколько минут крепкое молодое деревцо было просунуто под лохматую бурую тушу, и все трое уперлись в него плечами.

— Крепче! Крепче! — приговаривал дед Никита.— Крепче! Ну...

Еще усилие — и залитая кровью Мишкина голова показалась из-под медвежьей туши и шевельнулась, стараясь освободиться.

— Дедушка! — вскрикнул Саша.— Мишкин рог у медведя в боку застрял.

У деда Никиты от напряжения лицо налилось кровью. Не отвечая, он нагнулся, подставив плечо под жердь, ближе к туше медведя.

— Крепче! — прошептал он, задыхаясь.— Ну...

Туша дрогнула и подалась. Мишка вырвал рог из бурой шерсти и с жалобным мычанием опустил освобожденную голову на снег.

— Кидай! — шепотом скомандовал дед Никита и, прислонившись к дереву, дрожащими руками расстегнул полушубок.

Мальчики тоже еле переводили дыхание. Андрейка зачерпнул рукой снег и жадно хватал губами.

— Не дури! — строго приказал дед Никита.— Сердце враз застудить можешь. Разгорелось оно у тебя.— И, тяжело переводя дыхание, добавил:— Слыхать-то слыхал, а видать первый раз пришлось, как бык с медведем бьется!

Тут Мишка поднял голову и, упершись передними ногами, вскочил.

Бык был страшен, он заревел с новой яростью и, кинувшись к неподвижной туше медведя, начал топтать ее ногами и бить рогами. В воздух полетели клочья шерсти, а кровяное пятно на снегу расплылось еще шире. От ударов быка лапы медведя вздрагивали, окровавленная голова дергалась, казалось, что он оживает, вот-вот вскочит и примет бой.

Мальчики, дрожа, спрятались за деревом, но не могли оторвать глаз от страшного зрелища.

— Шкуру всю испортит,— с сожалением проговорил дед Никита.— А отогнать сейчас и думать нельзя: так разлютовался — любого на рога подденет.

Наконец бык остановился. Некоторое время он стоял неподвижно, затем повернулся и медленно, пошатываясь на ходу и тяжело поводя боками, направился вверх по тропинке, к дому.

Тихий стон раздался из-за куста можжевельника.

— Шейка! — крикнул Саша, увязая в сугробе.— Мы про нее забыли. Шейка! Милая!

Шейка, маленький черный комочек, лежала на снегу, отброшенная медвежьей лапой. Она не пошевелилась даже, когда Саша осторожно поднял ее, и только чуть-чуть простонала и слабо дернула

передними лапками. На боку ее была рваная рана, из которой сочилась кровь.

— Ты ж кровью перемазался,— сказал Андрейка, но тут же протянул и свои руки, чтобы Шейке было удобнее лежать.

Так они и понесли ее вдвоем, осторожно ступая, навстречу Гришаке и плачущей Маринке. Они стояли перед избушкой. Маринка, в одной рубашонке, со слезами вырывалась от бабушки Ульяны, которая крепко держала ее за руку.

— Шейка! — кричала она.— Шейка моя милая! Ой, несите ее скорее в хату, бабушка ее травкой полечит!

Бабушка Ульяна осмотрела неподвижную собаку и вздохнула.

— Положите ее под нары,— сказала она.— Выходить ее надо, детки. Если б не она — не собрать бы ваших косточек! Маринка, лезь на печку, грейся, дурная твоя головушка, пока хворь не взяла.

Маринка вытерла заплаканные глаза и послушно полезла на печку. Но вечером, когда собрались ужинать, Маринки не оказалось.

— Ой, да что же это за беда такая? — встревожилась бабушка.— Гришака, беги искать ее скорее!

Но Гришака не двинулся с места.

— Куда бежать-то — сказал он спокойно.— Под нарами она, с Шейкой лежит. Вот где.

Никакие уговоры не помогли. Маринка забилась с Шейкой в самый дальний угол и со слезами отвечала:

— Она лапочкой подвигать не может. Она хвостиком махнуть не может. Ей страшно без меня. Не пойду!

— Ну и сиди там, нескладная,— сердито сказала бабушка Ульяна, но тут же просунула под нары старый полушубок.— Ляг на него, а то вовсе озябнешь.

Прошло немало дней, пока Шейка снова весело забегала около дома. Но к месту битвы с медведем подходить не соглашалась, как ее не уговаривали. Она махала хвостиком, извинялась, стыдилась, но, дойдя до знакомого места, всегда делала обход, даже по самому глубокому снегу.

Бабушка Ульяна с тех пор ни разу не помянула про лишний рот, и Шейка вскоре так разжирела, что дед Никита стал сердиться:

— На сало кормишь собачонку, бабка? Скоро и на волка не тявкнет, хоть он к самой хате подойди, до того разбалуется.

Как ни топтал Мишка медведя, все-таки мяса и сала на нем осталось достаточно. А куски шкуры в бабушкиных умелых руках превратились в теплую подстилку на нарах для ребят.

— Не иначе как его сраженьем с берлоги стронули,— сказал дед Никита.— Такие шатуны всегда злющие от голоду, зимой-то в лесу им корму нет. А стронулся он недавно, сала на нем как на хорошем кабане. Да, близко, близко война около нас ходит.

Гришака молча гладил рукой лохматую шкуру.

— Несчастливый я,— проговорил он задумчиво.— Один я медведя не видал, какой он был живой. Медведь-то!

— Дурачок ты, Гришака,— отозвалась бабушка Ульяна, и около глаз у нее побежали веселые морщинки.— Дай тебе бог во всю жизнь такого несчастья не видать, в злую беду не попадать.

Глава 12

ВОЛКИ!

Саша попробовал, хорошо ли ходит затвор у ружья, потуже перевязал ремнями заячьи чулки и протянул руку к шапке, но Андрейка проворно схватил ее и спрятал за спину.

— Ты что? — удивился Саша.

Андрейка весело мотнул головой в сторону бабушки Ульяны: она только что отодвинула заслонку, и из печки так и пахнуло теплым душистым запахом печеного хлеба.

— Дайте остыть, а то за пазухой горячо будет.— С этими словами бабушка накидала на стол пышных румяных лепешек и прикрыла их полотенцем. Аккуратно разломив одну лепешку, бабушка подула на половинки и отдала их близнецам, следившим за ней очень внимательно. Те моментально повернулись лицом друг к другу и сложили половинки вместе.

— Динака,— проговорил Павлик.

— Динака,— повторила Наталка, что означало «одинаковая», и, довольные, оба закивали головами, стараясь откусить побольше.

— Мы сегодня, бабушка, в старый осинник пойдем,— объяснил Андрейка, торопливо прожевывая лепешку.— Мы там с дядей Матвеем силки ставили: два силка — два зайца, пять силков — пять зайцев.

— Много силков не ставьте — не донесете,— серьезно отозвалась бабушка, но глаза ее заблестели так лукаво, что Андрейка не выдержал и засмеялся.

— Лыжи салом смазали? — спросил дед Никита и, наклонившись, вытащил из-под нар связку новеньких лаптей.— Эти наденьте, они не прошаркаются и с заячьими чулками будет тепло. Да смотрите — темноты не хватайте.

Мальчики быстро закончили сборы, сунули за пазуху по куску вареной зайчатины и теплую лепешку, а то замерзнут — на морозе не разгрызешь.

— Мы недолго, дедушка,— пообещал Саша, уже открывая дверь. Одной рукой он поправил ремень ружья, в другой держал короткие лесные лыжи. Сегодня эти лыжи, сделанные дедом Никитой, особенно пригодились; за ночь выпал такой глубокий снег, что без лыж идти по лесу нечего было и думать.

Шейка с веселым лаем выскочила из хаты, но Саша снова открыл дверь и скомандовал:

— А ну домой! Живо!

Вся веселость собаки сразу пропала: с опущенным хвостом она перебралась через порог и, не отвечая на ласки близнецов, залезла под нары.

— Чего это ты ее? — удивился Андрейка.

— А ты посмотри, снег какой выпал,— отвечал Саша.— Она за нами и полкилометра не пройдет — задохнется.

Мальчики быстро скатились под горку. Болото прошли, как всегда, в полном молчании. Чахлые, заеденные мхом деревья и в такой весе-

лый солнечный день наводили грусть. Саша вздохнул облегченно только тогда, когда миновали уже топь. Поправив ружье, он весело засвистел: солнце светило почти по-весеннему, и лыжи точно сами бежали по снегу.

Андрейка с завистью посмотрел на ружье за Сашиной спиной.

— Давай наперегонки, кто перегонит,— тому два раза стрельнуть. Ладно? — предложил он.

Саша покачал головой:

— Ты же знаешь, мы обещали дедушке ни одного патрона зря не тратить. Пороху-то ведь у нас не прибавилось.

— Да-а,— обиженно протянул Андрейка и громко шмыгнул носом от досады.— Обещал, обещал. Так он тебе и будет сидеть да порох мерить.— Но сам понимал, что ответил неладно. Разогнавшись, он выскочил вперед и шел молча, сбивая с веток пушистые снежные шапки.

Саше стало тоже обидно: такое веселое путешествие вдруг портилось.

Но тут из-за куста выскочил разбуженный заяц и с перепугу покатился прямо Андрейке под ноги. Тот только что размахнулся, стараясь достать прутиком заснеженную ветку над собой. От неожиданности и испуга он и сам подпрыгнул не хуже зайца и упал в снег, а снежная шапка от сотрясения рухнула с ветки и закрыла его с головой. Саша в это время поправлял ремень у лыжи. Выпрямившись, он растерянно огляделся: Андрейки нигде не было. Вдруг сугроб перед ним зашевелился и из него выглянула засыпанная снегом Андрейкина шапка. Он со смехом кинулся откапывать Андрейку. В веселой возне оба забыли о ссоре и дружно побежали дальше.

— Как он только вывернулся! — удивлялся Андрейка.— Эх, из ружья бы его — хлоп!

Вскоре мальчики свернули к старому осиннику. Короткие широкие лыжи их легко поворачивали между деревьями. Андрейка лучше знал свои родные места и потому шел впереди.

— Вот тут,— показывал он,— мы с дядей Матвеем и ходили. Еще с полчаса ходу — и озерко будет: рыбы там... Как пойдем с бреднем или с саком, ну просто домой потом не донести. Мелкой мы не брали. На что она, мелкая-то. Только вот какую брали! — Андрейка показал руками, какая эта была удивительная рыба.

Неожиданно крутой спуск перерезал им дорогу. Саша остановился в нерешительности.

— Горки напугался! — поддразнил Андрейка.— Ладно, гляди, как у нас, у деревенских. Ух ты!..

Облако снежной пыли взвилось в воздух. Андрейка в стремительном полете ловко обогнул одну старую осину, другую и... с разбегу налетел на третью.

Лыжа с хрустом разломилась на две половинки, и Андрейка кувырком полетел в овраг.

— Андрейка! — испуганно закричал Саша.— Я сейчас...

Но Андрейкина голова уже высунулась из сугроба.

— Не ходи! — отозвался он.— Утопнешь. Я сам.

Взобраться наверх ему оказалось нелегко. При падении Андрейка расшибся, но сознаваться в этом не хотел. Барахтаясь и утопая в снегу, он полз, хватался за деревья, таща за собой лыжи. Прошло немало времени, пока он дополз до верха обрыва и уцепился за протянутую Сашей руку.

— Хорош! — смеялся Саша, помогая ему выбраться на край обрыва.— Показал, как у вас в деревне...— Но тут он увидел на лбу Андрейки большую царапину и смолк.

— Что делать будем? — Андрейка протянул ему два обломка лыжи. У Саши сразу пропала охота смеяться. Только сейчас он понял, что веселого в их положении мало.

— Давай попробуем связать,— и он проворно вытащил из кармана складной нож и лыковую веревочку.

«Без веревочки да без ножа от дома и через дорогу не переходи»,— любил приговаривать дед Никита. Как Саша был благодарен ему за науку! Но на этот раз веревочка помогла мало: лыжа, связанная ею, прогибалась при каждом шаге и совсем не давала скользить. Через полчаса такой ходьбы от Андрейки даже пар пошел и он, прислонившись к дереву, расстегнул полушубок.

— Не могу! — сказал он, задыхаясь, и виновато посмотрел на Сашу.— Что будем делать, Сашок?

Зайцы враз были забыты.

«Что делать? До дома не меньше десяти километров. На лыжах — это пустяк. Но просчитать весь этот путь шагами по глубокому снегу...»

Однако Андрейка смотрел на Сашу с такой надеждой, что он почувствовал: ответить «не знаю» просто нельзя.

— Дай, теперь я попробую так пройти,— предложил он, чтобы выиграть время,— а там что-нибудь придумаем.

Но Саша был тяжелее Андрейки, и двигаться ему было еще труднее. За ним тянулась глубокая дорожка, и вскоре, задыхаясь, он прислонился к дереву.

— Жарко,— проговорил он смущенно.— Давай постоим немножко, хочешь?

— Давай уж и поедим заодно,— предложил Андрейка и, не сходя с лыж, присел на корточки и засунул руку за пазуху.— У тебя зайчатина не замерзла?

— Распарилась,— через силу улыбнулся Саша и осторожно присел на уцелевшую Андрейкину лыжу.— Только долго сидеть не будем: смотри, солнце уже до самого верха добралось и скоро вниз пойдет.

Андрейка вскинул голову, и рука его с куском мяса застыла в воздухе.

— Уж никак второй час пошел,— испуганно проговорил он.— Ой, Сашок, скорее пойдем, как бы нам темноты не захватить. Пропадем!

Саша с завистью посмотрел на Андрейку. Ему и часы не нужны. Как странно! Раньше он смотрел на деревенских мальчиков свысока и считал, что все знает лучше. Но сейчас было не до рассуждений. Мальчики спешно проглотили свой завтрак и встали.

Теперь они менялись лыжами через каждые четверть часа: на

большее не хватало ни сил, ни дыхания. И все же солнце двигалось быстрее, чем они, и, видимо, должно было их обогнать.

Вдруг Саша крепко ударил себя по лбу рукой.

— Какой же я дурак! — воскликнул он.— Андрейка, становись ко мне на лыжи сзади. Скорей! И шагать будешь со мной разом. Держись за кушак! Крепче!

Андрейка даже взвизгнул от удовольствия:

— Вот теперь пойдет!

Лыжи, глубже оседая в снег, все же послушно двигались по уже проложенной мальчиками лыжне. Теперь они шли, хотя и медленно, но гораздо быстрее, чем раньше, и, главное, не тратили столько сил.

— Раз-два, раз-два,— повторял Андрейка, держась за Сашин пояс, и вдруг остановился, так что Саша чуть не упал с лыж.

— Что с тобой? — спросил Саша.

Вместо ответа Андрейка рукой указал вперед.

— Слышишь? — тихо спросил он.

Тонкий, чуть слышный жалобный звук послышался где-то далеко и замер. Ему ответил другой, такой же жалобный и тоже замер.

Звук возникал так же незаметно, как и замолкал, и трудно было определить, в каком направлении.

— Идем,— наконец прошептал Андрейка.— Ты что? Не понял? Волки это... охотятся.

— Охотятся? За кем? — спросил Саша и сам почувствовал толчок в сердце.

— Идем же скорее! — только и ответил Андрейка.

— Раз-два, раз-два,— торопливо шептал Саша, и лыжи заскользили по снегу быстрее.

Раз-два, раз-два. Но мальчикам казалось, что солнцу тоже кто-то считает. И быстро. Оно спускалось над лесом все ниже и ниже, точно прыгало по ступенькам, вот-вот коснется верхушки лохматой сосны.

— У-у-у-у...— тоненько плакало то с одной, то с другой стороны.

И мальчики молча убыстряли шаг. Вот уже и берег Малинки-реки, вот и черные трубы Малинки-деревни и плывущее над ними бледное солнце.

— Сашок,— зашептал сзади Андрейка и дернул его за рукав.— А давай мы через реку да в печку запрячемся. Оттуда нас нипочем не достать. А мы их из печки... в морду. А?..

Саша колебался. Ночью, в темной печке... и думать о тех, что в школе...

— Не могу, Андрейка,— также тихо ответил он.— До темноты мы дома будем. А из печки и не выстрелишь. Тесно и темно. Как целиться будем? А если они сразу все в печку полезут?

Андрейкина рука, теребившая кушак, притихла.

— Ну, ладно уж,— проговорил он.— Коли так, то бежим до дому.

— Раз-два, раз-два,— снова считал Саша.

— У-у-у-у...— тоненько пели-плакали волки. Так им удобнее было окружать и следить за странными маленькими человечками там, на тропинке.

Они давно уже подошли бы поближе, но тонкий нюх докладывал им, что за плечами у мальчика висит не палка, а штука, пахнущая железом и порохом — опасная в человеческих руках. И, кроме того, шли мальчики как-то странно, непривычно. А во всем непривычном можно подозревать хитрость и опасность.

— Смотри-и-те... смотри-и-иите...— подвывали волки уже ближе. И от этого мальчики чувствовали, как шевелились под шапкой волосы.

Берег Малинки давно остался позади. Солнце зацепилось-таки за вершину одной из сосен и как будто сразу нырнуло вниз, оказавшись уже между верхними ее ветвями.

На тропинку легли голубые тени, заголубели сугробы между тонкими сосенками-привидениями, и вдруг мальчики, как по команде, остановились. Саша схватил с плеча ружье: из-за сугроба, справа, блеснули два желтых огонька.

— Сашок, не стреляй, нельзя,— тихонько охнул Андрейка.— Терпи... до последней крайности.

— Слева — тоже...

— Только не стреляй,— снова тихо зашептал Андрейка.— Идем скорее!

А в хате на Андрюшкином острове старики давно уже не находили себе места. Дед Никита то и дело открывал дверь и прислушивался. Выходила и бабушка Ульяна, и дед ее спрашивал:

— Ты ничего не видишь, Ульяна?

И со вздохом качал головой, когда она отвечала:

— Да много ли тут увидишь, дед? Тропка-то вон за ближними соснами прячется. Дальше и увидать нельзя.

А в это время Андрейка, дергая Сашу за кушак, шептал ему:

— Идут сзади, Сашок, наддай ходу, только не стреляй... пока. Дай мне твой нож, Сашок!

Сняв рукавицу, закусив губу, мальчик крепко зажал в кулаке нож, который Саша протянул ему, не оборачиваясь.

— Береги заряд, Сашок,— шептал он,— на переднего. Как спереди какой станет и с дороги не сойдет...

А у Андрюшкиной хаты дед Никита постоял, приложив руку к уху, и вдруг быстро открыл дверь, схватил топор, лежавший около печки.

— Доходят! — торопливо проговорил он.— Слышишь, Ульяна? Обошли наших и уж близко.

— Никита! — крикнула бабушка Ульяна, хватая его за руку.— Ты же не увидишь!

Дед Никита повернул голову.

— Что? — переспросил он.— Не увижу, как зверь моего ребенка рвать будет? — И быстрыми шагами, какими не ходил уже много лет, почти побежал вниз по тропинке.

— Близко? — часто и тихо спрашивал Саша. Сам он боялся оглянуться, чтобы не наткнуться лыжей на какое-нибудь препятствие и не упустить движений тех, кто шел по бокам. Потому что волки уже почти не прятались, шли, постепенно сближаясь, точно зажимая мальчиков в клещи, и молчали: в переговорах уже не было нужды. Мальчики были близко, и волки знали, что им нужно делать. Но запах оружия и странная ходьба вдвоем на одних лыжах все еще удивляли и сдерживали их.

— Близко? — опять спросил Саша, не оборачиваясь.

— Близко! — ответил Андрейка одним дыханием. Огромный тощий волк, недавно появившийся позади них, двигался, как будто не замечая их, но постепенно сокращая расстояние.

— Один поворот! Один поворот остался, Андрейка!

Но, сделав этот поворот, Саша остановился так резко, что Андрейка ткнулся грудью в его спину. В том месте, где был подъем на остров, сидел волк, самый большой и тощий. Он не двинулся и не обернулся при приближении мальчиков, а лишь слегка оскалил зубы. Саша поднял ружье. Волк оскалился еще сильнее и вскочил. Раздался выстрел и страшный вой: волк подскочил, упал и судорожно задергал лапами. В ту же минуту волк, шедший сзади, бросился на мальчиков.

— Сашок! — успел только крикнуть Андрейка и направил лыжу, которую нес в руках, волку в грудь. Удар с разбега был так силен, что на землю покатились оба: волк и мальчик. Саша обернулся, но выстрелить ему не пришлось: перед его глазами что-то мелькнуло, и волк упал на снег. Из разрубленной шеи хлынула кровь, волк захрипел и затих.

— Домой бегите! — кричал дед Никита, размахивая топором.— Домой, пока они не опомнились!

Андрейка, пытаясь встать, вдруг отчаянно вскрикнул от боли в ноге. Дед Никита нагнулся и одной рукой вскинул Андрейку на плечо.

— Домой! Домой скорее! — Но разноголосый вой и рычанье заглушили его голос.

Темные тени выскочили из кустов, отрезая им путь вверх к избушке. Волков было трое. Передний оскалился и медленно зевнул, не сводя глаз с деда Никиты, стоявшего с Андрейкой на плече. Поднимая мальчика, старик выронил топор и теперь стоял в нерешительности боясь нагнуться.

— Андрейка, можешь стоять? — спросил дед Никита.

— Не могу,— ответил Андрейка.

В эту минуту раздался такой пронзительный крик, что даже волки обернулись: увязая в сугробах, навстречу бежала бабушка Ульяна.

— Прочь ступайте, проклятые! — крикнула она, размахивая пылающими головнями, с которых роем сыпались сверкающие в вечернем сумраке искры.

— А-а-а-а...— И она швырнула одну головню прямо в переднего волка. Тот с визгом увернулся и отскочил в сторону.

— Домой! Домой! — кричала бабушка Ульяна.— Бегите, пока горит!

Дед Никита с Андрейкой на плече кинулся вверх по тропинке. В этом месте снег сдуло ветром и бежать было легко.

— Не стреляй, Сашок! Они у самого дома хуже остервенятся. Бабка, а ну маши, маши!

Но бабушка Ульяна и так махала с удивительным проворством: теперь головня, раздуваемая ветром, пылала ярким пламенем. Саша, держа ружье наготове, бежал за дедом Никитой, поминутно оглядываясь. Бабушка Ульяна шла последняя. Волки держались с боков и сзади, огонь отражался в их глазах, они отворачивались от него и молча скалили зубы.

Однако головня уже гасла, искры сыпались меньше, и волки снова начали приближаться.

— Гаснет! — с отчаянием крикнула бабушка Ульяна.— Ой, бегите, скорей!

— Не отставай, бабушка! — закричал Саша.— Вперед иди! Я останусь!

Но тут от сильного взмаха головня вырвалась из рук старухи и с шипеньем упала в сугроб. Бабушка Ульяна с криком кинулась за ней, но выхватила из сугроба лишь мокрую тлеющую обугленную палку. В ту же минуту волки, как по команде, загородили тропинку, ведущую к дому. Они сторожили каждое движение людей.

— Теперь стреляй, Сашок,— твердо сказал дед Никита и остановился.— Цель в переднего и беги к дому, не оборачивайся!

Саша поднял ружье. Передний волк остановился и присел для прыжка. Но тут дверь хаты широко открылась и из нее вылетела пылающая головешка.

— Прочь! — крикнул дрожащий детский голос.— Прочь пошли!

Волки с визгом отскочили с тропинки в снег. Дед Никита кинулся вперед. Бабушка Ульяна и Саша за ним. На бегу Саша приложился и выстрелил, почти не целясь. Страшный визг и рычанье показали, что заряд попал в цель.

— Сашок, Сашок! — отчаянно кричала бабушка Ульяна, уже стоя на пороге.— Беги!

Одним прыжком Саша оказался у двери, втолкнул бабушку Ульяну в избу, обернувшись, захлопнул дверь и задвинул тяжелый деревянный засов.

И было пора: что-то тяжелое ударилось снаружи в дверь, послышались злобное рычанье и грызня. Волки, разозленные исчезновением добычи, которую они уже считали своей, дрались как свора собак.

Дед Никита положил Андрейку на нары и сел около него, опустив голову и тяжело дыша. Бабушка Ульяна обхватила руками Сашину голову и заплакала. Тонкий голосок вторил ей: плакала Маринка. Одни близнецы так разоспались в тепле, что даже шум в хате не смог их разбудить.

Немного успокоившись, старики раздели и осмотрели стонущего Андрейку. Волчьи зубы сдавили ногу сквозь толстый меховой чулок, и она уже начала опухать.

— Ладно, я еще подоспел,— сказал дед Никита, пока бабушка Ульяна прикладывала к ноге мокрую тряпку.

— Спасибо,— тихо ответил Андрейка.— И тебе спасибо, Сашок, что ты меня не покинул.

— Как это не покинул? — переспросил дед Никита, но бабушка Ульяна замахала рукой, чтобы все утихли, и нагнулась, прислушиваясь.

— Это кто там? — спросила она.

Под нарами что-то зашевелилось, и опять послышался тихий стон. Бабушка Ульяна опустилась на пол и прилегла, заглядывая под нары.

— Гришака! — удивилась она.— Что ты там делаешь?

— Лежу,— послышался не сразу голос Гришаки.

— А ну вылезай оттуда! — распорядился дед Никита и, не дождавшись ответа, нагнулся, засунул руку под нары.

Показалась маленькая съежившаяся фигурка Гришаки. Он поднял кверху руку с растопыренными пальцами. Бабушка Ульяна всмотрелась и вскрикнула:

— Дитятко ты мое, да что это ты сделал с руками?

— Головешку...— медленно, как всегда, проговорил Гришака, но не удержался и застонал. Обоженные руки его покрывали большие пузыри.

Дед Никита хлопнул себя ладонью по голове:

— А мы и не подумали — кто это нам помощь дал? Головешкой-то! Не будь Гришаки — ни один бы до крыльца не дошел.

— Хлопчик ты мой,— засуетилась бабушка Ульяна с перевязкой.— Да чего ж ты голыми руками за головешки хватался?

— А чтобы вас волки не съели,— ответил Гришака.

— Чего ж ты под нары запрятался? — допытывалась бабушка Ульяна и, обняв Гришаку за плечи, ласково заглянула в упрямые глаза.

— Плакать! Чтобы не видали! — сердито отозвался он, но вдруг, не выдержав, уткнулся головой в руки бабушки Ульяны и горько заплакал.

Глава 13

ПИСЬМО ПОМОГЛО

Утром перед избушкой на вытоптанном и залитом кровью снегу остались только обрывки шкуры и чисто обглоданные кости. Волки поужинали убитыми и исчезли так же внезапно, как и появились. Следы показывали, что они долго кружили около сарая и даже забирались на крышу, но дедова постройка выдержала испытание.

— Шкур жалко,— сказал Саша огорченно.— На память бы сохранить. Ковры можно было бы сделать.— Ему было очень обидно, что так бесславно пропали трофеи его первой охоты.

— Хорошо, что твоя-то цела,— отозвался дед Никита.

Они стояли возле дома: Саша с ружьем, дед Никита с топором в руках.

— Бабка, сегодня из дому ребят никуда не пускай,— сказал дед Никита, возвращаясь в хату.— Может, волки еще за кустами лежат, нас караулят. С них станется. И Шейку привяжите, зря может пропасть собачонка.

— А как же скотину кормить будем? — бабушка Ульяна остановилась около печи с ухватом в руках.— Корову молоко подпирает, доить надо.

— Сашок с тобой пойдет с ружьем. А Андрейке выходить еще не нужно, пускай в хате сегодня посидит. На охрану довольно тебе и Сашка.

Андрейка от обиды Саше язык показал и, прихрамывая, подошел к окну. Саша притворился, что ничего не заметил, но не утерпел и в отместку несколько раз звонко щелкнул затвором ружья, будто проверяя, хорошо ли ходит.

Андрейка в это время посмотрел в оконце и вдруг, вскрикнув, бросился к двери, распахнул ее и побежал по тропинке вниз.

— Папа! — крикнул он отчаянно.— Папа!

— Сашок, куда это он? Тронулся, что ль? — И дед Никита приставил козырьком руку к невидящим глазам.— Гляди скорей, Сашок!

Но Саши тоже уже не было. Забыв про ружье и про волков, он выскочил из избушки: из леса на горку поднимались два человека в белых полушубках и белых шапках-ушанках.

Передний остановился и, подхватив Андрейку на руки, высоко поднял его над головой.

— Сынок! — произнес он громко и повторил совсем тихо: — Сынок... Сынок...

А Андрейка, прижимаясь к отцу, громко плакал и сквозь слезы твердил:

— Папа... папа...

Волки были забыты. Все выскочили из хаты кто в чем и окружили их.

— Степан! Степан! Да пусти ж ты Андрейку! Да откуда ж ты явился? — говорил дед Никита, задыхаясь от быстрого бега.

Опустив Андрейку на землю и продолжая держать его одной рукой, Степан другой обнял деда за плечи и прижал его так, что тот охнул.

— Отпусти, костолом,— крикнул он сердито, но все видели, что дед не сердится, а только пыхтит и трет глаза, будто в них что-то попало. И Степан тоже не обиделся, потому что, опустив Андрейку, опять обнял деда Никиту крепче прежнего...

— Знаю, Николай с Федоской говорили. Один он у меня остался,— сказал Степан дрогнувшим голосом.— Сохранил же мне сына, дед! — И тут он так прижал к себе деда Никиту, что тот уже по-настоящему закричал и забарахтался.

— Отстань, полоумный,— отбивался дед.— Это же не я, не я! То его Сашок из лесу на спине приволок, даром старые ребра ломаешь!

Саша взглянул в голубые глаза Степана, так похожие на Андрейкины, и растерялся.

— Я только, я только его похоронить хотел,— забормотал он.— И лопату взял. А как же его хоронить, когда он живой?..

Степан не выдержал, рассмеялся. Смеялись и дед Никита, и молодой разведчик, а Саша покраснел и опустил голову.

Наконец Степану стало жалко мальчика.

— Ну, довольно,— скомандовал он шутливо.— Там разберемся. Марш до хаты, голытьба!

— А мамка моя не пришла? — раздался около них низкий детский голос.

Степан обернулся. Маленькая фигурка в рубашке с забинтованными руками стояла перед ним. Широко раскрытые глаза смотрели с такой тоской, что все замолчали и опустили головы.

Молодой разведчик опередил Степана: нагнулся и осторожно взял за локти маленькие дрожащие руки.

— Ты, Гришака? — серьезно спросил он.

Мальчик кивнул головой, не отводя взгляда от его глаз.

— Мы твое письмо нашли,— объяснил разведчик.— Вот и пришли. Твоя мамка тоже...— голос его дрогнул,— тоже вот так, может, придет. Ты... ты, Гришака, надейся, ладно? — добавил он и почувствовал, что руки мальчика перестают сопротивляться, поддаваясь ласке.

— Я-то надеюсь... даже ночью,— тихо ответил Гришака и опустил голову, но, почувствовав, что разведчик осторожно поднимает его на руки, сразу выпрямился и отступил. Маринку возьми,— сказал он отрывисто.— Она маленькая. А я, я сам большой.— И, повернувшись, зашагал к дому. По тому, как он осторожно приподнимал вытянутые руки, можно было понять, как они мучительно болят.

Бабушка Ульяна плакала, припав к груди Степана, точно все ее спокойствие и мужество сломились от радости неожиданной встречи.

— Степа, Степушка, вот как довелось свидеться! — повторяла она.

— Не плачь, бабуся,— тихо сказал Степан.— Вы вон сколько птенцов от смерти спасли. Этим утешайтесь. Еще-то кто есть с вами?

— Наталкин Ванюшка,— отвечала бабушка Ульяна. Она вытерла глаза и выпрямилась: напоминание о детях сразу возвратило ей силы.— Да вот, кого видишь, все мы тут. А ты-то как тут оказался?

— По заданию, бабушка. Потом расскажу. А в Малинку начальник разрешил наведаться. Не терпелось узнать, как вы там. И вот узнал...— Степан опустил голову, замолчал. Между тем молодой разведчик, подхватив на руки близнецов, бегом донес их до избушки и поставил на нары. Шепот в углу заставил его обернуться. Гришака опередил его и теперь, нагнувшись к самому уху Маринки, говорил:

— Дядя Степан пришел и еще... По письму пришли. Значит, и мамка по нему придет. Поняла?

— Поняла,— также тихо ответила Маринка и взглянула на брата сияющими глазами.

Глава 14

«МЫ СКОРО ВЕРНЕМСЯ»

Малыши давно уже заснули, заснул и измученный болью Гришака, а Саша и Андрейка, затаив дыхание, слушали рассказ Степана.

Оказывается, в лесу жили партизаны. Они взрывали мосты и рельсы, нападали на немецкие обозы. А теперь из Москвы им пришлют самолеты с оружием и лекарствами, а раненых бойцов увезут в тыл.

— Нужно только ровное место, где самолет может приземлиться,— договорил Степан и, свернув козью ножку, оглянулся: где бы прикурить?

Саша и Андрейка так и рванулись к коптилке, стоявшей на печке.

— Я!

— Нет я! — заговорили оба, одновременно хватаясь за черепок с фитилем в медвежьем жире. Но тут же вскрикнули от огорчения: огонек заколебался, пустил тонкую струйку дыма и погас...

В темноте раздался веселый смех, какое-то чирканье, и огонек зажигалки осветил Сашу и Андрейку, в полной растерянности продолжавших держаться за края черепка.

— А ну, давайте сюда вашу стосвечовую,— смеялся разведчик,— или примерзли к краям?

Огонек в черепке снова засветился.

— Вот я и думаю, что на Лебяжьем озере лучше всего,— продолжал Степан, когда все успокоились.— Ровно, и озеро большое, и место глухое. Таких мест немцы боятся, а партизанам они — родной дом. В разведку я сам вызвался идти: места родные, знакомые и...— тут Степан ласково потрепал Андрейкины светлые волосы,— об нем душа болела. Слышали мы, пропала Малинка, а все думалось, хоть посмотреть, где мой хлопчик лежит...

— Я и лежал,— отозвался Андрейка.— Я и лежал. И даже не слышал, как меня Сашок тащил. Только помню, как они конфеты на траву покидали и нам велели поднимать. И я — тоже...

Степан сжал руки так, что пальцы громко хрустнули, и встал, головой почти упираясь в потолок.

— Спать пора,— отрывисто сказал он.— Нет, бабуся, мы не на нарах, а на полу, там свободнее.

Андрейка и во сне продолжал держать руку отца, а Саша лежал рядом с ним и смотрел в темноту, пока золотые искры не запрыгали у него перед глазами, и думал.

Там, где-то за лесами, может быть, и мама тоже узнала про Малинку, и тоже думает, где ее мальчик лежит. И тоже плачет, как бабушка Ульяна. А может быть, и сама тоже...

Перевернувшись, Саша уткнулся лицом в медвежью шкуру и крепко зажал руками рот.

Дрова в печке потрескивали так уютно, по-домашнему, и так аппетитно пахло в хате горячими лепешками, что Степан, проснувшись, долго протирал глаза и вздыхал. Ему не верилось, что вот два шага до двери, а за ней холод, темнота и дальше черные трубы Малинки на белом снегу...

Он быстро овладел собой и тихонько толкнул спавшего товарища. А еще через несколько минут лепешки и горшок с кислым молоком стояли на столе, и бабушка Ульяна наливала в чашку горячую заячью похлебку.

— Кушайте, кушайте,— ласково приговаривала она.— Мои хлопчики зайцев не ленятся таскать. Мешки ваши где? Я вам еще лепешек и зайчатины положу.

Разведчик пристально посмотрел на бабушку Ульяну.

— Цены вы себе не знаете,— неожиданно тепло сказал он, встал, подошел к бабушке и крепко ее поцеловал.— Мать у меня есть, на вас, бабушка, похожа,— точно извиняясь, добавил он.— Как бы ей тяжело ни было, а около нее всегда люди греются.

Бабушка Ульяна ласково посмотрела на него.

— На то мы, старые люди, и на свете живем, чтобы молодым около нас тепло было,— просто ответила она.

Андрейка сидел возле отца, крепко держа его за руку. Он провожал глазами каждый кусок, который Степан брал с тарелки, и каждый раз только вздыхал.

— Тебе уж не жалко ли, что отец лепешки ест? — весело спросил его разведчик.

— Жалко,— грустно отвечал Андрейка.

— Что?..— Степан отодвинул тарелку с зайчатиной.

— Жалко,— так же грустно повторил Андрейка.— Потому что все съешь и уйдешь. Ты бы все ел, ел, а я бы на тебя все смотрел...

— Бабка, клади Степану целого зайца,— распорядился дед Никита.— Пускай на него Андрейка еще полюбуется.

Но разведчики уже надевали топырившиеся сумки.

— Ну, не реветь,— строго сказал Степан, но ему и самому, Андрейка видел, было нелегко.— На днях опять тут будем и подарков принесем всем вам...— Обернувшись, он слегка подтолкнул Сашу и добавил: — А тебе, Сашок, за сына особый подарок будет. Соответствующий.

Саша не успел спросить, что это означает, как дверь открылась, и разведчики, наклонясь, чтобы не удариться о притолоку, шагнули через высокий порог и исчезли в темноте.

Андрейка по строгому приказу отца не посмел бежать за ним и только, прильнув к неплотно притворенной двери, долго смотрел в щелочку, хотя там ничего не было видно.

— Хату выстудишь,— заворчал дед Никита.— Дверь закрой! Но и он поглядывал на дверь и тяжело вздыхал.— Точно окошко в свет открылось и опять закрылось,— проговорил он угрюмо и опустился на лавку.

А Саша, сидя на нарах, думал: что это за особый подарок обещал ему дядя Степан.

Глава 15

КОГДА ЖЕ?

Андрейка даже похудел за эту неделю, а Гришаку нельзя было оторвать от окна. Он дышал на тусклое замерзшее стекло, пока на нем не появлялось светлое пятнышко, и сидел, припав к нему глазом.

— Гляди, нос к стеклу приморозишь! — ворчал дед Никита. Он старался делать вид, что ничего особенного не произошло, и часами очищал от коры тонкие ивовые прутики. Но корзинку из них сплел такую кособокую, что было ясно: и дедовы мысли далеко-далеко.

Бабушке Ульяне задумываться было некогда. Малыши и хозяйство требовали много заботы, порой не хватало и дня. Но когда наступал вечер и угомонившаяся детвора засыпала, тогда под тихое жужжание веретена думы не давали покоя и бабушке.

— До чего только люди додумались! — вздыхала она.— Андрейка, а ну, как отец говорил-то?

— Через неделю ждите! — без запинки отвечал мальчик, так крепко затвердивший эту фразу. И уже от себя спрашивал:— Бабушка, а ведь они могут и раньше прийти, а?..

— Могут,— соглашалась бабушка Ульяна, подхватывая на нитке поющее веретено.— Если человек до неба добрался, то он уж все может.

Страшное нетерпение, в котором дети жили изо дня в день, заслонило от них все другие интересы.

— Раньше спать ложитесь, полуношники,— ворчал дед Никита.— Сном время скорей пройдет.— Но сам до позднего вечера перебирал связки лык или разминал заячьи шкурки, то и дело нагибаясь к замерзшему оконцу: слух у деда был преострый и во многом заменял ему глаза.

— Я вот загадаю, чтобы во сне тятю увидеть,— сказал Андрейка, укладываясь спать.— А ты кого?

— И я, — живо ответил Саша.— Маму! — добавил он и смутился: он не хотел напоминать Андрейке о его горе.

Саша открыл глаза и приподнялся на постели: еще темно, а бабушка Ульяна почему-то особенно суетится около печки с горящей лучиной в руке и что-то приговаривает.

— Мальчик мой родной! — услышал он.

Мама! Мама! Как живая, только в белом полушубке и шапке, наклонилась над ним, плачет и смеется. Но Саша, нырнув под одеяло, закутался в него с головой.

— Саша, Саша, да что же это! — услышал он встревоженный милый голос и закутался еще больше.

— Пустите! — крикнул он, отбиваясь сквозь одеяло.— Я спать хочу! Я маму хочу видеть!

— Что же, тебе сквозь одеяло разве лучше видно? — услышал он чужой веселый голос.

Одеяло полетело на пол, и Саша стремительно вскочил и кинулся к матери на шею.

— Я думал — ты во сне! — кричал он со слезами.— Я думал — ты во сне! И не хотел просыпаться!

Бабушка Ульяна долго не могла зажечь огоньком лучины фитилек коптилки, так дрожали ее руки. Дед Никита топтался рядом и, доставая из кармана свой верный кочедык, смотрел на него с удивлением, то прятал его обратно.

— Значит, так,— бормотал он,— значит, того... Да где ж это я его? Значит, так, дело-то какое!

А Саша плакал и плакал и не мог остановиться. Он прижимался к матери изо всех сил, точно боялся, что она исчезнет.

Все были так взволнованы, что не заметили, как в дверь вошел невысокий человек, тоже в полушубке и белой шапке, из-под которой выглядывали седые волосы. Он стоял и взволнованно смотрел на встречу матери с сыном. Потом внимательно оглядел всю избушку и спящих на нарах малышей.

— Детский сад! — весело заговорил он и, повернувшись к деду Никите, схватил его руку и крепко пожал ее.

— Молодцы вы, болотные робинзоны,— сказал он и сам засмеялся удачно найденному слову.— Подумать только: какую кучу малышей уберегли!

Рука у него была маленькая, но от ее пожатия дед Никита охнул и помахал онемевшими пальцами.

— Коли ты так и немцев жмешь, старый...— проворчал он.— И ничего я тех ребят не спасал, то все Сашок, что зараз ревет, как блажной. Он это про Андрюшкин остров удумал. А ребят бабка Ульяна полный подол насобирала.

— Сашок? — переспросил старик.— А ну, постой, надо очки надеть да на него посмотреть. Эх, Верушка, ну какой из меня, старого филина, партизан? Без очков немца от березы не отличу!

Бабушка Ульяна наконец справилась с фитильком и, поставив коптилку на полочку около печи, подошла к дочери.

— Дай-ка и я, Веруша, на тебя посмотрю,— проговорила она взволнованно.— Сколько лет я тебя не видела. И вот где довелось свидеться!

Вера Николаевна отстранила Сашу и, обеими руками обняв бабушку Ульяну, крепко целовала ее залитое слезами лицо.

— Мама, милая, спасибо,— сказала она.

Старик, довольный, кивнул головой:

— Хорошо, Вера Николаевна. Очень хорошо. Все видели, все знаем. А теперь извольте собираться. Впереди неблизкий путь.

— Куда собираться? — крикнул Саша и, побледнев, схватил мать за руку.— Мама, ты опять уходишь? Я с тобой!

— Все вы с нами,— ответила Вера Николаевна, обнимая его, и, повернувшись к старикам, сказала: — Самолет прилетит сегодня и заберет вас всех.

— Я не хочу! — крикнул Саша! — Я с тобой!

— А я и сама с вами,— ответила Вера Николаевна, и голос ее дрогнул.— Видишь? Левая рука почти не сгибается, я уже на фронте не гожусь. Буду работать в тыловом госпитале.

Саша осторожно взял руку матери.

— Совсем не сгибается? — спросил он.— И никогда не будет?

— Будет,— успокоила его Вера Николаевна.— Но нужно время и леченье. Вот Сергей Ильич, наш командир, меня и отправляет.— И она головой показала на старика, который в углу о чем-то оживленно говорил с дедом Никитой.

— Чей командир? — спросил Саша.

— Нашего отряда. Партизанского. В тылу у немцев. Раненых мы на самолете отправляем в госпиталь. А я вот в этот отряд попросилась, чтобы...— Вера Николаевна опять крепко обняла Сашу и шепнула ему на ухо: — искать моего мальчика.

— Да, и сегодня пришла сюда больная, сладу с твоей матерью нет! — откликнулся из угла Сергей Ильич, который, казалось Саше, мог все сразу видеть и слышать.— Сегодня же вечером самолет заберет вас всех и ее вместе с вами. А я вот тоже не утерпел посмотреть на ваше житье, очень уж интересно.

Саша с матерью не заметили, что в хату вошел Степан и с ним еще несколько бойцов. Андрейка кинулся целовать отца. Маринка, босая, в одной рубашонке, забралась на скамейку и тихо сидела у стола, подпирая рукой румяную от сна щечку, точь-в-точь как бабушка Ульяна в минуты отдыха. Сама бабушка Ульяна, отойдя в угол, что-то ласково шептала на ухо Гришаке. Тот стоял молча, потупившись, и упрямо качал головой.

— Куда еще она за самолетом погонится? — расслышал Саша.— Не поеду и все! — Голубые глаза мальчика казались темными, так глубоко они ушли под нахмуренные брови.

— Это Гришака? — тихо спросил Сергей Ильич деда Никиту и, подойдя к бабушке Ульяне, сказал: — Бабушка, на сборы вам два часа, до рассвета. Кто не умеет ходить на лыжах, повезем на санках. Нет их? Сейчас смастерим.

Лицо бабушки Ульяны побледнело.

— Скотина у нас,— проговорила она растерянно.— На погибель останется?

— В вашей хате мы устроим здравпункт,— объяснил Сергей Ильич.— Раненые будут лежать. Место удобное, немцы сюда не доберутся. Корова и коза нам пригодятся, раненых молоком поить будем. Что? Бык еще? Ну, быка на мясо можно.

Гришака поднял голову.

— Мишку резать? Не дам! — Вся его маленькая фигурка ощетинилась. Он сжал кулаки и с вызовом шагнул вперед.

Около глаз Сергея Ильича собрались веселые морщинки. Протянув руку, он взял было Гришаку за плечо, но тот вырвался и попятился.

— Мишка медведя забодал! Медведь Сашка́ заломать хотел и вон тех! — Гришака пренебрежительно мотнул головой в сторону нар, на которых близнецы, проснувшиеся от шума, удивленно таращили глаза на гостей.— Вот он какой, Мишка! И меня слушает, как... как человек. Не дам! — договорил он и даже притопнул босой ногой.

Сергей Ильич повернулся к Вере Николаевне.

— Мы с вами еще половины здешних чудес не знаем,— сказал он.— Ну, малыш, покажи мне своего Мишку. Подумаем, что с ним делать.

Гришака, морщась от боли в руках, натянул заячьи чулки и лапти, надел полушубок и быстро подошел к двери.

— Пойдем!

Сергей Ильич махнул рукой деду Никите и открыл дверь.

— С Гришакой будет заботы,— задумчиво проговорила бабушка Ульяна,— мать все ждет,— пояснила она Вере Николаевне и, показав глазами на Маринку, замолчала.— Верушка, помогай собираться, родная моя.— А сама взялась за подойник.— В последний раз деток тут молоком напою.

В эту минуту дверь отворилась и Сергей Ильич проворно переступил через порог.

— А ведь Гришака-то прав,— весело заговорил он.— Такого быка резать руки не поднимутся.— И, повернувшись к Гришаке, серьезно сказал: — Не бойся, твоего Мишку сохраним для вашего же колхоза, а тебе, видно, быть животноводом. При такой любви к животным из тебя толк будет.

Глава 16

ПРОЩАЙ, АНДРЮШКИН ОСТРОВ

Сборы были недолги. Всего больше, как и предполагали, пришлось повозиться с Гришакой: но он сдался, когда ему объяснили, что в их избушке будет партизанская больница и матери скажут, где искать его и Маринку.

Мальчики натащили в хлев столько сена, что Мишке, Рыжухе и Маньке было трудно повернуться, хотя Сергей Ильич обещал, что их избушку займут под больницу не позже чем через два дня. В последнюю минуту опять всех напугал Гришака: пропал неожиданно. Наконец догадались заглянуть в хлев. Мишка стоял, наклонив лобастую голову, а Гришака, обняв его за шею, что-то шептал ему на ухо.

Вера Николаевна тихо тронула Гришаку за плечо.

— О чем ты шепчешь Мишке? — ласково спросила она.

Гришака опустил руки и исподлобья посмотрел на нее.

— Простился,— отрывисто вымолвил он и, не оглядываясь, вышел из сарая.

На полянке перед домом партизаны увязывали легкие санки с провизией и гнездышком для близнецов. Бабушка Ульяна вышла из дома последняя. Повернувшись к избушке лицом, она низко поклонилась и старательно спрятала на груди какой-то узелок.

— Что это, бабушка? — спросил Саша.

— Угольки от нашей печки. Она нас кормила и грела. Угольки положу в новую печку, которая нас греть будет.— И, обращаясь к детям, бабушка Ульяна сказала: — Поклонитесь же старой хате и вы, детки, она вас честно берегла.

Саша, глубоко взволнованный, снял шапку и наклонил голову. Поклонился хате и дед Никита. Андрейка тоже поддался общему настроению, но вдруг потянул Сашу за рукав и, удерживая смех, шепнул:

— Сашок, глянь, глянь скорее!

Близнецы, закутанные до самых глаз, усердно кланялись избушке и, не разгибаясь, косились друг на друга, сравнивая, кто ниже кланяется. Общий громкий смех разрядил напряженное настроение. Улыб-

нулась и бабушка Ульяна и украдкой вытерла покрасневшие глаза. Степан и молодой разведчик подхватили близнецов на руки. Шейка, соскучившаяся на привязи в хате, громким лаем возвестила о начале путешествия.

Бабушку Ульяну долго уговаривали, пока она согласилась сесть в санки: на лыжах ходить она не умела.

— Вы лучше меня покиньте,— в смущении просила она.— Я уж сама как-нибудь доберусь, а то еще не было вам заботы меня тянуть.

Пришлось вмешаться Сергею Ильичу.

— Бабушка,— сказал он строго,— сейчас не время для разговоров. Что приказано — закон!

Близнецы, завернутые в заячьи одеяла, запищали было — им тоже хотелось идти, но быстро успокоились. Гришака шагал молча, опустив голову, точно не видя ничего вокруг. Маринка вела себя странно: на ходу то нагибалась вперед, то откидывалась назад, тихонько охала и наконец, вскрикнув, заплакала.

— Ты чего? — спросила встревоженная бабушка Ульяна.

— Ой, живот!.. Живот мне съела!

— Мя-у! — глухо послышалось у нее под шубкой.— Мя-ау-у.

Черная лапа с растопыренными когтями высунулась между пуговицами шубки. За ней показалась черная кошачья голова с открытым ртом: видно было, что и кошке порядочно досталось под тесной, наглухо застегнутой шубкой.

— Кошка! — воскликнула бабушка Ульяна.— Да на что ты ее взяла? Она бы у раненых жила и жила!

— Коска! — в восторге запищали близнецы.

— Жа-а-лко,— всхлипывая, ответила Маринка, тщетно пытаясь запихнуть кошачью голову обратно под шубу.— А она лягается, а когти острые, больно!

Гришака молча повернулся, оттолкнул Маринкину руку, вытащил кошку и, морщаясь от боли, засунул ее себе за пазуху.

— Не реви,— сказал он сурово,— ишь затискала совсем, у тебя там и лягушке тесно.

Шли не по вчерашней дороге — от Малинки, а прямиком, по кратчайшей дороге к озеру. Бойцы тащили санки по очереди, до озера надеялись дойти к вечеру.

— Раньше и не надо,— говорил Сергей Ильич.— Мы, пока светло, сами стараемся сидеть как мыши. Ночь — это наш дом. Сегодня же ночью тебя, Верушка, прямо в воздух со всем выводком пустим и утром уже будете далеко в тылу, в нашем госпитале. А там разберешь, кого — куда.

— Всех оставлю себе,— просто сказала Вера Николаевна.— Разве их можно разъединить после всего, что они вместе пережили? И бабушка, я уж знаю, никого от себя не отпустит. Все мои будут.

— На будущей неделе я и сам слетаю в Москву, денька на три, на совещание командиров партизанских отрядов.

Сергей Ильич сказал это так просто, точно речь шла о чем-то совсем не трудном, обычном. Вера Николаевна поймала восхищенный взгляд Саши и улыбнулась.

— Ему шестьдесят три года,— шепотом сказала она.— Я у него в отряде полгода и ни разу не видела, чтобы он показал, что устал или ему трудно. Ушел из города от немцев с двумя товарищами по службе. А теперь у него большой отряд, и Москва с ним советуется об операциях в немецком тылу.

Идти стало труднее. Частые мелкие сосенки мешали лыжам и задерживали санки. Маринка иногда вздыхала, но, покосившись на брата, строго сжимала губы и мужественно шагала вперед. Сергей Ильич ласково на нее поглядывал.

— Молодец, молодец, девочка! — говорил он. И Маринка радостно вспыхивала и еще старательнее скользила по свежему пушистому снегу.

Короткий зимний день незаметно перешел в сумерки.

Степан уже несколько раз тревожно оборачивался и, наконец, остановившись, дождался Сергея Ильича.

— Опаздываем, товарищ командир,— тихо сказал он.— Не заблудиться бы.

Сергей Ильич не успел ничего ответить, как дед Никита остановился около них.

— Я, товарищ командир, по любому дереву здесь все узнал бы, да глаза мои дальше куриного носа не видят!

Сергей Ильич внимательно посмотрел на него и опустил руку в карман.

— А вблизи видишь? — спросил он.— Вроде меня, значит. Ну-ка, надень вот это, дед, да посмотри, не увидишь ли примет?

Дед Никита поднес к глазам очки Сергея Ильича.

— В жизни не пробовал,— проговорил он неуверенно.— А ну, как оно бывает...

Надев очки, дед некоторое время стоял не шевелясь, странно вытянув шею, и поворачивал голову, точно воротник сделался ему тесен.

— Вижу! — закричал он вдруг таким отчаянным голосом, что Маринка вскрикнула и бросилась к нему.— Вижу! Товарищ командир! Глаза мои! — и повалился на колени.

Проворно наклонившись, Сергей Ильич схватил его за плечи.

— Тише, дед,— сказал он строго,— ребятишек напугаешь. Вставай, говорю. Ну хорошо, что подошли. Теперь веди, не то плохо нам будет.

Но дед Никита уже поднялся и снова стоял на лыжах. Его трудно было узнать: спина распрямилась, он будто помолодел.

— Вправо ударились,— сказал он, наконец, осмотревшись.— Сюда заворачивай! Постой, я вперед пройду.— И, став во главе колонны, он решительно повернул налево.— Через час на Лебяжьем будем,— уверенно проговорил он.

Все точно подтянулись, подбодрились и двинулись быстрее.

Зоркие глаза Степана заметили, что Маринка уже несколько раз споткнулась, но мужественно, не жалуясь, шагала дальше. Поравнявшись с ней, он молча поднял ее на воздух и снял с ног маленькие лыжи.

— Держи, Гришака,— сказал он.— А ты, щегол, садись мне на плечи, да держись крепче, поедешь верхом.

Маринка вздохнула, хотела что-то сказать, но тут же опустила голову и затихла.

Гришака шел, плотно сжав губы и сдвинув брови.

— Из тебя настоящий лыжник выйдет, мальчуган,— ласково сказал Сергей Ильич, но Гришака ничего не ответил. Одной рукой он придерживал затихшую под полушубком кошку, другой опирался на палку, далеко закидывая ее вперед. Лыжи Маринки он положил на санки.

Последние деревья расступились уже в темноте, впереди забелело широкое ровное пространство — озеро, покрытое снегом.

Дед Никита повернулся и каким-то новым, строгим голосом проговорил:

— Так что дошли, товарищ командир. Лебяжье это озеро.

— К самым нашим землянкам вывел, ну и молодец, дед,— отозвался Сергей Ильич и, подойдя ближе, протянул ему руку.

— А народ ваш где? — удивился дед.

Сергей Ильич тихо рассмеялся:

— А ты думал — часовые «кто идет» кричать будут? Тут они. Тут. И нас уже увидели. Сейчас птенцов ваших в землянку снесут, отогреть и накормить. Пойдем и мы туда: перед полетом заправишься.

Землянку под старой елью и днем рассмотреть было нелегко: так заботливо прикрыла ее метель толстым снежным одеялом. Сергей Ильич вошел в низкую дверь, немного нагнувшись, дед Никита протиснулся с трудом, выпрямился и осмотрелся. Партизаны, переговариваясь с детьми, осторожно укладывали их на широкие нары. Многие, глядя на маленькие фигурки в смешных самодельных заячьих шубках, вздыхали, отворачивались и проводили ладонью по глазам. Свои дети и внуки, такие же маленькие и беспомощные, вспомнились им.

Дед Никита постоял и кашлянул, раз, другой...

— Товарищ командир,— дед медленно снял шапку, осторожно поправил за ушами крючки очков, точно не решаясь отнять от них руки.— Товарищ командир,— повторил он,— хочу я вас спросить: вы мне эти очки как дали? — голос деда Никиты был таким взволнованным, что все с удивлением обернулись к нему.

— Совсем дал, дедушка,— улыбнулся Сергей Ильич.— Носи на здоровье. А теперь собирайся в самолет.

Но дед Никита не спешил.

— Я вам так объясню, товарищ командир,— сказал он уже твердо.— Я теперь опять как молодой, каждую тропку в лесу вижу. Теперь не то что лапти плести, а вас куда хочешь приведу и выведу. И потому я теперь у вас тут и останусь, как мне дело нашлось.— Дед помолчал и уже весело добавил: — А если надо, то опять же и лапти сплести могу! — И, вынув из кармана кочедык, он взмахнул им и снова спрятал в карман.

Сергей Ильич минуту молчал, испытующе глядя снизу вверх на деда. Затем кивнул головой и серьезно сказал:

— Спасибо, дед, оставайся.— Обернувшись к бойцам, приказал: — Детей и бабку накормить и вести к самолету, чтобы через полчаса все было готово. Детям с собой горячего чая в термосах. Живо!

Бабушка Ульяна, сидевшая на нарах в уголке около детей, встала и подошла к деду Никите.

— Хорошо ты сказал, дед,— вымолвила она, и все ее морщинистое лицо осветилось лаской.— Доброе твое дело. А мне, видно, и дальше судьба моих пташек греть. Прощай, дед!

— Прощай, Ульяна,— проговорил дед Никита. Он стоял, держа шапку в руке и взглядывал на бабушку Ульяну, то со вздохом отворачивался. Не привык он говорить ласковые слова, но сейчас ему трудно было проститься с бабушкой Ульяной, не сказав ей ласкового слова. Он переступал с ноги на ногу, попытался засунуть шапку в карман, надел и опять снял ее, а бабушка Ульяна, маленькая, закутанная в кусок мешковины вместо платка, все смотрела на него.

Партизаны стояли вокруг стариков не шевелясь.

— Всех, всех с собой, бабка, вместе...— промолвил наконец дед Никита хриплым, каким-то не своим голосом и замолчал.

Бабушка Ульяна подошла ближе и подняла руки.

— Поцелуемся, дед. А может, и свидимся,— сказала она просто и, обняв седую голову деда, поцеловала его морщинистую щеку.— А теперь помогите, детки, моих птенчиков донести,— обратилась она к партизанам и, отвернувшись, вытерла глаза.

Андрейка, не выпуская руки отца, прижался лицом к его полушубку. Степан наклонился, обнял его за плечи.

— Ну, сын, не надолго расстаемся, раз я тебя нашел и в другой раз найду.

Степан в последний раз крепко обнял сына.

— Идем, Андрейка,— тихо сказал Саша.

На белом снегу озера и в темноте смутно виднелось что-то большое. Самолет. Около него двигались люди, приносили и уносили какие-то предметы.

Саша крепко держал руку Андрейки, другой рукой прижимал к груди дрожащую, до смерти перепуганную Шейку.

— Сюда, сюда,— послышался голос Сергея Ильича.— Детей кладите всех рядом, тут подстилка есть, они и не проснутся в пути. Ну, Верушка, ты тут? В добрый час. Бабушка, прощай, скоро увидимся!

Тихий свист прервала его слова.

— Скорей! Скорей! — торопливо прокричали откуда-то из темноты.

— Кончайте!

Шум моторов заглушил остальные слова. Самолет вздрогнул и покатился по дорожке. Еще минута — и он плавно поднялся в воздух. Андрюшкин остров остался далеко позади...

Повесть о болотных робинзонах окончена. Мать Саши стала настоящей матерью упрямого Гришаки и всех малышей Андрюшкиного острова. Бабушка Ульяна все такая же ласковая и заботливая. И хотя волосы ее остались белыми, но морщины на лице заметно разгладились. Так всей большой семьей и живут они в Малинке, заново

отстроенной после войны. Вернулись в Малинку и все жители, которым удалось бежать при нападении немецкого десанта.

Саша и Федоска учатся в одной школе. Они упорно борются за первое место в классе и иногда делят его пополам. Андрейка поленивается, но тоже не очень отстает от них.

Дед Никита повоевал со славой: на груди его светятся две медали, которые он старательно чистит мягкой тряпочкой до жаркого блеска. С Сергеем Ильичем у них трогательная дружба, и они часто вечерами беседуют, сидя на завалинке. А плетень вокруг дома Сергея Ильича выплетен руками деда Никиты так плотно и красиво, что хоть на стенку его вешай вместо ковра. Так говорит Сергей Ильич, а дед Никита довольно улыбается.

Сергей Ильич сдержал свое слово: во главе колхозного стада новой Малинки важно выступает огромный черный бык, и Гришака всегда забегает перед школой на скотный двор — отнести своему любимцу пару картошек или вкусную корочку.

Андрюшкина топь осушена, и теперь на Андрюшкин остров Саша и Андрейка водят своих новых товарищей. Они осматривают избушку, с уважением ощупывают толстые бревна и, затаив дыхание, не устают слушать о их приключениях на острове.

Нашествие фашистов навсегда останется в памяти тех, кто пережил его. Не забудут его и дети Малинки. Но они твердо знают: второй раз фашисты в Малинку не придут.

— Я буду танкистом. Пусть-ка попробуют сунуться! — говорит Гришака.

Павлик и Наталка слушают его и кивают друг другу головами.

— Пускай сунутся! — повторяет Павлик.

— Пускай! — подтверждает Наталка.— Правда, бабушка?

— Правда, правда,— говорит бабушка Ульяна и смеется.

ДЖУМБО

Пес бежал, низко опустив голову, слегка раскачиваясь на ходу. Носом почти касаясь булыжников мостовой, он ловил запахи человеческих ног, лошадиных копыт, но тех, которые были ему так нужны, какие он искал уже вторые сутки в этом чужом городе, не было.

Хозяин исчез, исчезла арба на высоких скрипучих колесах, за которой пес пришел в город из родного аула. Этот скрип колес он тоже отличил бы от сотни других — ведь у каждого колеса свой голос. Но знакомого скрипа тоже не было. Чужие арбы скрипели чужими противными голосами.

Он был очень красив: могучая киргизская овчарка, из тех, что в одиночку берут волка. Волнистая темно-коричневая шерсть поседела от дорожной пыли, широкий лоб и кругло подрезанные уши делали его похожим на медведя. Он сильно прихрамывал на переднюю ногу: на городском базаре вчера на него накинулась добрая дюжина собак. И показал же он им, каждой досталось на память! У него тоже прокушена лапа, разорван бок. Но он почти не чувствовал этого: арба хозяина, его арба, исчезла во время боя. Это было хуже всего.

День прошел, за ним ночь, началось уже новое утро, а пес все брел по улицам города, вправо, влево, вперед, но только не назад: хозяин должен быть где-то впереди, его нужно догнать.

И вдруг переулок, в который он свернул, закончился тупиком. Его перегородил высокий забор с воротами и калиткой.

Повернуть назад? Но как же тогда догнать хозяина?

Густая шерсть на загривке поднялась дыбом. Блеснули клыки. Пес зарычал на ворота.

Ворота на это никак не отозвались. Но калитка в стене вдруг открылась. В ней появилась маленькая девочка, остановилась и попятилась.

— Ой! — сказала она так звонко, что пес вздрогнул, и схватила за руку мальчика постарше, стоявшего позади.— Боря, смотри, это, наверно, медведь!

— Глупости,— важно ответил мальчик.— У медведя хвост такой длинный не бывает.

— Да-а, уши какие? А смотрит как?— спорила девочка.— В зоопарке медведь совсем так на меня смотрел, я помню. Может быть, он только спереди медведь?

Она нерешительно подняла руку, пес попятился и тихо зарычал.

— Слышишь? — испуганно проговорила девочка.— Это он чего говорит?

— Есть, наверно, хочет,— догадался мальчик.

— Пойдем принесем! — торопливо сказала девочка, и калитка захлопнулась.

Пес нерешительно переступил лапами, однако остался на месте. Он не понял, о чем говорили дети, но враждебности в их голосах не было, он это чувствовал. Что же делать дальше?

Но тут опять послышались быстрые шаги, калитка снова распахнулась. Девочка, одной рукой держась за косяк, другой протягивала большой ломоть хлеба.

— Собачка,— ласково проговорила она,— собачка, пожалуйста, скушай!

Еще бы ему не хотелось скушать, вырвать этот ломоть, проглотить его разом!

Но девочка была уж очень не похожа на знакомых детей в ауле. Нет ли тут какого обмана?

Пес мучительно глотнул, не сводя глаз с хлеба. И вдруг... ломоть мелькнул в воздухе и шлепнулся перед самым его носом в дорожную пыль.

Хам!..— Куда исчез хлеб, пожалуй, ни девочка, ни сам пес этого не заметили. Нет его — и все!

— Ой! — тихонько проговорила девочка.— Как ты кушаешь!

Пес стоял молча, не сводя с девочки больших темных глаз. От этого куска есть захотелось еще сильнее. Но девочка повернулась и опять убежала. На этот раз калитка осталась открытой. Пес осторожно, не сходя с места, вытянул шею, стараясь заглянуть в нее. Дом... двор... А вот опять бежит девочка и несет что-то, уже в обеих руках.

— Извини, собачка,— сказала она очень серьезно,— я не знала, что тебе так сильно хочется кушать. Возьми сама, а то хлеб будет грязный.

И пес согласился. Он взял сначала один, потом другой кусок осторожно, прямо из маленькой руки. А когда кончил третий, девочка тихонько подняла руку и опустила ее на лохматый загривок.

— А теперь пойдем к маме,— сказала она, будто старому знакомому.

Пес вздрогнул, но не отстранился: прикосновение маленькой руки было приятным. Он не привык к ласке, хозяин его был суровый человек. Но пес чувствовал, что сейчас нельзя ни зарычать, ни даже оскалить зубы. И он стоял не шевелясь и удивленно смотрел на девочку.

— Не хочешь? — с сожалением спросила она.— Ну так я сама маму позову.

Пес опять остался один перед раскрытой калиткой. Есть хотелось уже не так сильно, можно, пожалуй, отправиться опять на поиски хозяина. Но звонкий голос девочки чем-то тронул угрюмое сердце, не знавшее ласки. Пес нерешительно переступил с ноги на ногу, но тут же подался назад и слегка наморщил губы. Он еще не зарычал, но всем своим видом показывал, что до этого недалеко: вместе со знакомыми легкими шагами за глиняной стенкой забора послышались другие — взрослые шаги. Густая жесткая шерсть пса встопорщилась, он приготовился... но к чему можно приготовиться, когда на

вздыбленный загривок опять легла знакомая маленькая рука и девочка радостно сказала:

— Вот он, мама, он уже меня любит. Правда, какой он милый?

— Катя, не трогай его! — поспешно проговорила мать. Она протянула руку, чтобы отстранить девочку, но сдержанное рычание остановило ее. Губы пса еще больше сморщились, сверкнули белые клыки... Пес совсем не выглядел милым.

— Катя,— испуганно повторила мать.— Катя, отойди скорей!

— Перестань! — строго сказала девочка и дотронулась до клыка величиной с ее палец.— Закрой рот! Ты невежа!

И губы пса опустились, клыки исчезли. Сам не понимая, что с ним делается, он нерешительно повернулся, чуть помедлил, и вдруг... его большой красный язык проехался по щеке и курносому носику.

— Ай! — девочка от восторга даже руками всплеснула.— Целует! Мама, я же сказала, что он милый!

— Не совсем,— нерешительно ответила мать.— Ну, оставь же его наконец, лучше мы принесем ему поесть. Хочешь?

Вместо ответа девочка обхватила обеими руками мохнатую шею.

— Иди же,— попросила она.— Не надо упрямиться! Мама тебе даст кушать, полную тарелку.

И огромный дикий пес без сопротивления дал себя ввести в калитку.

— Я сам, я сам донесу! — крикнул с террасы мальчик. Он осторожно спустился со ступенек, держа обеими руками полную до краев чашку, и поставил ее перед самым носом пса.

— Ешь, пожалуйста,— пригласил он его так же вежливо, как девочка, но чуточку менее уверенно. Пес больше не смог сдерживаться: пахло слишком вкусно. Он так и накинулся на еду, глотая с жадностью, почти не разжевывая, однако глаза и уши его не переставали следить за всем, что делается вокруг. И вдруг... за его спиной хлопнула калитка. Мальчик толкнул ее ногой. Западня! Попался!

Пес ощетинился и с рычанием отскочил от миски. Глаза его дико смотрели то на калитку, то на верх забора, мускулы напряглись, готовясь к прыжку. Но тут девочка уже без всякого страха опять обняла его за шею.

— Ну будь же милый! — услышал он и снова покорно опустил голову к чашке.

Дети с восторгом следили, как исчезает в могучей пасти принесенная еда. Вот последний глоток — и пес поднял голову.

— Да отойдите же от него,— повторила мать.— Мы покажем его папе, и он скажет, что дальше делать.

— Он все равно просится к нам,— решительно заявила Катя.

Пес, по-видимому, охотнее попросился бы в открытую калитку. Вместе с сытостью в нем опять пробудилась тоска по хозяину, по скрипу арбы, по родному аулу. Здесь все чужое. Впрочем, нет, не все: вот дети... идут к дому, поминутно оборачиваясь и кивая ему.

— Песик, не скучай! — крикнула девочка с террасы.

— Мы опять придем! — крикнул мальчик, и дверь за ними закрылась.

Пес постоял, навострив уши, не сводя глаз с террасы, вздохнул и осторожно лег, не ослабляя напряжения мускулов, готовый к прыжку и обороне. Но как болят израненные ноги, прокушенный бок, как все тело ноет и просит отдыха здесь, в тени у высокого дувала[1]. И потом... дети, может быть, они все-таки придут, опять положат руки ему на спину... Голова пса медленно-медленно опустилась на вытянутые лапы, глаза утомленно мигнули, еще раз... и закрылись окончательно.

Он не знал, что из окна столовой за ним пристально наблюдают.

— Замечательный пес,— говорил отец.— Наверное, отстал от хозяина и заблудился. Если согласится остаться у нас, я буду очень рад.

— Мы тоже, мы тоже рады! — кричали дети.— Мамочка, и ты тоже?

— Не знаю,— нерешительно ответила мать,— уж очень он страшный, а дети к нему так и лезут. И потом, как его вымыть?

— Детей он не тронет,— отозвался отец,— разве не видишь? А мыть пока не советую, дай ему привыкнуть.

— Спит,— проговорила Катя и прижалась к оконному стеклу так, что курносый носик приплюснулся и побелел.— Боря, давай придумаем ему имя, очень подходящее, например, Миленький.

— Эх ты, девчонка! — рассердился Боря.— Что он, с тобой в куклы будет играть? Громобой! Вот как. Ты слышала, как он рычит? Как гром!

На подоконнике явно готовилась драка, но тут вмешался отец.

— Имя нужно короткое, чтобы легко выговаривать. Назовем его Джумбо. Ну как, подойдет?

— Подойдет! Подойдет! — захлопал в ладоши Боря.— Катька, не лягайся! Все равно не по-твоему. Имя настоящее, мужское!

А пес продолжал спать так крепко, что даже перевалился на бок и вытянул ноги.

Было уже далеко за полдень, когда большой черный петух вздумал заглянуть в чашку — не найдется ли там вкусных кусочков. Ну, пес-то позаботился, чтобы не нашлось: чашку вылизал до блеска. Петух постучал клювом по краю, клюнул дно и, наверное, от огорчения захлопал крыльями и заорал во все горло:

— Ку-ка-ре-кууу!..

Пес тотчас же оказался на ногах, повернулся к забору, рассчитывая силу прыжка, и...

— Собачка! Джумбик, собачка! — раздались плачущие голоса, дверь на террасу раскрылась, и дети скатились со ступенек во двор.

— Не уходи! Не прыгай! Не надо! — кричали они наперебой.

Пес быстро обернулся. Он ждал весь напряженный, высоко подняв голову, точно готовясь принять бой.

— Джумбик! — крикнули дети подбегая. И вдруг... нос пса сморщился, губы раздвинулись, он тихо, неумело взвизгнул и замахал хвостом.

---

[1] **Дувал** — глиняный забор.

В следующую минуту дети повисли у него на шее, кричали, смеялись, а он стоял, нелепо расставив ноги, растерянный и довольный. Такого с ним еще никогда не случалось, но это было самое приятное, что он когда-либо испытывал в жизни. Пес опять тихо взвизгнул и еще усерднее замахал хвостом.

— Неужели ты не боишься? — повторила мать, стоя на террасе.— Посмотри какие зубы! И грязный какой!

— Отмоется,— смеялся отец.— А зубы, ничего не скажешь, прекрасные зубы. Такому и волк не страшен. Самая надежная нянька для детей.

— Нянька! — охнула мать.— Катя, Катя, да оставь ты это страшилище!

— А я говорю — он миленький,— ответила девочка и ласково потрепала круглое ухо.— Посмотри, какое у него личико добренькое!

Мать в отчаянии взмахнула руками, а дети, подталкивая и уговаривая, подвели упиравшегося пса к террасе. Однако войти на террасу он отказался, лег на землю около ступенек и принялся усердно зализывать раненый бок и лапу. Время от времени он настороженно поглядывал на манившую его калитку, но тут же опять поворачивался к террасе.

— Если полезете целоваться — уведу вас в комнаты! — пригрозила мать.

Вздыхая, дети сели на нижнюю ступеньку лестницы и оттуда стали кидать псу кусочки хлеба и кости из супа. Кости он разгрызал с хрустом, как сухие хлебные корочки, а от сахара равнодушно отвернулся — сладкого он не знал.

— Джумбик не привык жить на террасе, правда; жалко, мамочка? — огорчались дети.

— Очень будет приятно, если и вовсе не привыкнет,— ответила мать.— А теперь идите спать, можете сказать ему «спокойной ночи».

— Спокойной ночи, Джумбик,— в один голос проговорили дети и ушли опечаленные.

Если бы мать заметила, каким взглядом, полным грусти, пес проводил их, она, наверное, перестала бы его бояться.

...От полной луны на дворе было светло, почти как днем. Пес лежал около лестницы, где его с вечера оставили дети. Вдруг он поднял голову, прислушался и быстро вскочил на ноги: дверь тихонько отворилась, и на террасе появились две маленькие белые фигурки. Они что-то тащили.

— Джумбик,— послышался радостный шепот.— Ой, Боря, подушка мешает, я упала!

Белая фигурка споткнулась и покатилась вниз по ступенькам, другая, путаясь в чем-то длинном, кувыркнулась за ней. Пес радостно замахал хвостом и шагнул ближе. Послышался смех.

— Ой, Боря, опять целуется!

— Тише ты! Маму разбудишь, и все пропадет. Клади сюда одеяло и подушку. Ой, он и меня тоже!

Утром мать остановилась на террасе в молчаливом ужасе: пес лежал на прежнем месте с очень довольным видом. А по бокам, тесно

прижавшись к нему и завернувшись в одеяла, крепко спали маленькие ночные путешественники.

— Ты понимаешь,— в отчаянии говорила мать отцу,— ведь мне и подойти нельзя. Боря, Катя! Вставайте сейчас же, несносные дети!

«Несносные дети» вскочили, торопливо протирая заспанные глаза. Вид у них был до того растерянный, что отец быстро отвернулся и ушел с террасы: смеяться тут не следовало.

— Сегодня за обедом не получите сладкого,— строго сказала мать.— А если еще такое безобразие устроите — прогоню вашего Джумбо, так и знайте!

Она повернулась и ушла. Но глаза у Бори были зоркие.

— Мама сама сердится, а сама смеется,— шепнул он Кате, поднимаясь по ступенькам.— Только ты ей не говори, пускай думает, что мы не видали.

Хозяин, знакомая юрта и привычный скрип колес старой арбы не исчезли из памяти дикого горного пса. Но с каждым утром он все радостнее встречал веселых ребят, и непривычные ласки становились привычнее и от этого были еще более приятны.

Прошло несколько дней. И случилось так, что детей почему-то не было дома, а пес уныло лежал на земле, не отводя глаз от калитки — ждал их. Мать сидела на террасе и, незаметно для себя положив шитье, задумалась. Вдруг что-то большое осторожно просунулось под опущенную руку. Мать вздрогнула: тяжелая голова легла ей на колени, умные карие глаза смотрели доверчиво и вопросительно.

«Ну, что?» — казалось, говорили они.

— Джумбо,— удивленно сказала мать.

Пес стоял не шевелясь, прижимаясь все крепче, не сводя с нее глаз. Он спрашивал и ждал ответа.

— Джумбо,— повторила мать, наклонилась и, уже не колеблясь, обняла лохматую шею. Пес застучал хвостом. Обоим было понятно: дружба заключена навек!

Новая жизнь оказалась во многом и проще и сложнее старой. Теперь пес был всегда сыт без всякой о том заботы. Это было удивительное ощущение: полная чашка вкусной еды, и не нужно торопиться, рычать и оглядываться — не выхватит ли куска другой, такой же голодный пес.

Но зато с первых же дней Джумбо пришлось узнать и запомнить много нового. Например, в одном углу двора он обнаружил целый ряд маленьких домиков — клеток. В них сидели и, подергивая носиками, с аппетитом грызли свежую траву белые длинноухие зверьки. Джумбо осторожно, издали принюхался. Пахнут удивительно вкусно, даже слюнки текут.

Ему вспомнилась веселая охота в горах на зайцев и сусликов, хруст нежных косточек на зубах... Хозяин там, в ауле, не очень-то заботился о пропитании собак. Проголодаются — сами промыслят, что удастся. Но здесь белые длинноухие неожиданно оказались под запретом. Правда, одного удалось раз незаметно словить, когда тот выскочил из незапертой клетки. Джумбо съел его только наполовину, потому что был сыт, а остаток спрятал за бочку в уголке двора.

Ну и досталось же ему! Не били, нет. Только Катя плакала, а новый хозяин долго и строго отчитывал его, держа недоеденную половинку перед самым носом. Пес понял: длинноухие похожи на зайцев, но трогать их нельзя, так же, как, например, в горах нельзя трогать овец и маленьких ягнят. Вечером, когда длинноухих выпускают побегать по двору, на них можно смотреть, сидя около Кати, и только. Но овец надо было пасти. Джумбо отлично умел по приказу пастуха собирать их и гнать, куда скажут, не давая разбредаться. Скучно сидеть без дела. Может быть, можно Кате и Боре помочь, когда они вечером загоняют длинноухих в маленькие клетки?

И вот в один из вечеров пес всех удивил. Самый крупный озорной кролик, белый с черным носом, расшалился и никак не хотел заходить в клетку. Дети в который уже раз подгоняли его к ней, но хитрюга молнией пробегал между ними и несся в дальний угол большого двора.

— Опять! — со слезами в голосе крикнула Катя.— У меня ноги даже заболели!

Но тут же остановилась и схватила Борю за руку.

— Ой! Опять съест! — крикнула она.

Джумбо, до этого спокойно лежавший на траве, вдруг вскочил и одним прыжком загородил кролику дорогу. Лукавый зверек попытался проскочить мимо. Не тут-то было: везде он натыкался на страшную лохматую морду. Пришлось попятиться назад, еще назад... Наконец не осталось другого пути, как в нежеланную клетку. Прыжок — и Боря радостно захлопнул дверцу.

— Спасибо! Спасибо, Джумбик! — И Катя кинулась обнимать пса.— Ты все понимаешь, как человек!

А Джумбо стоял, широко расставив лапы, и весело морщил губы — улыбался. Он был очень доволен: сам развлекся и заслужил похвалу.

С этого вечера пес получил новое занятие, которое ему очень нравилось. После ужина дети бежали отворять клетки, и кролики веселой стайкой высыпали на волю, подскакивали к самой морде лежавшего пса. Пес не шевелился, только взглядом спрашивал детей: «Не пора начинать?»

Наконец мать говорила:

— Дети, довольно. Джумбо, загони кроликов!

Джумбо радостно вскакивал. «Гав-гав»,— коротко лаял он, что, вероятно, означало: «Слушаю и исполняю!»

И дальше начиналось представление: кроликам, наверное, казалось, что перед ними вырастала стена из дюжины собак — так молниеносно Джумбо перегораживал им дорогу, оставляя лишь один свободный путь назад. Путь этот становился все короче, пока оставалось только одно: спасаться в клетки, что кролики и выполняли с большой быстротой. Дети успевали только захлопывать дверцы. А Джумбо, довольный, важно поднимался на террасу.

— Молодец, Джумбо,— ласково говорила мать, и перед его носом появлялся большой кусок сахара. Джумбо быстро разобрался в приятном вкусе сладостей. Но что ему было приятнее: сахар или ласка?

Мать утверждала, что удивительный пес ласку ценит больше, и все с ней соглашались.

Как-то вечером Катя принесла от подруги хорошенького котенка: весь серый, а мордочка белая.

— Зина подарила,— объяснила она,— мне давно хотелось котеночка. Можно, мамочка? Джумбик, посмотри, какой хорошенький, тебе нравится?

Джумбо из приличия ткнул носом в пушистую шерстку и отвернулся: котята не дичь, а значит, не интересны. Котенок отнесся к этому совершенно спокойно. Собак он еще не боялся.

Но утром произошло неожиданное. Все собрались, как всегда, пить чай на террасе, и Катя тоже, как всегда, поставила на пол миску самого аппетитного супа.

— Кушай, Джумбик,— приветливо предложила она.

Джумбо никогда не бросался на еду с жадностью. И сегодня он подходил медленно и важно, с наслаждением втягивая вкусный жирный запах, но вдруг остановился, и шерсть на его загривке заметно встопорщилась: серый пушистый комочек проворно соскочил со стула и сунул мордочку в миску, в его собственную миску!

Джумбо знал тощих злых аульных котов. Они тоже были вечно голодны, и потому сами промышляли где что попадется: полевых мышей, ящериц. И конечно же, ни один из них не пробовал перехватить кусок у такого же голодного пса. Сам бы попал ему на закуску. А этот...

Но Джумбо уже успел многому научиться. Прежде чем схватить маленького нахала за шиворот и вытряхнуть из него одним разом дерзкий его дух, он вопросительно оглянулся: что прикажете делать? Это спасло котенка.

— Джумбо,— строго сказал отец.— Не смей!

И умный пес понял: маленького нахала нельзя трогать, как и тех белых длинноухих. Но тех можно загонять в клетки. А куда загнать этот комок шерсти? Или просто нельзя с ним связываться?

Пес стоял в нерешительности, беспомощно поглядывал то на котенка, то на нового хозяина. Ну вот, этого еще недоставало: котенку еда не понравилась, он фыркнул и, подойдя к Джумбо, доверчиво потерся мордочкой о его громадную лапу. Пес в растерянности отдернул лапу да так и остался стоять на трех ногах, тревожно поглядывая на котенка: не придется ли поднять и остальные.

Катя подбежала и схватила котенка.

— Не смей обижать Джумбика,— строго сказала она.— Не мешай ему кушать.

Джумбо с облегчением проводил девочку глазами и повернулся к чашке.

— Не смейтесь! — сказал отец.— Он понимает больше, чем вы думаете, и обидится.

Вечером Катя тихонько потянула отца за руку.

— Скорее иди. Что-то покажу.

В углу террасы на коврике лежал Джумбо, неудобно высоко подняв голову, а между передними лапами его клубочком свернулся

котенок. Ему, видимо, очень нравилось новое место: он лежал и пел самым нежным голосом, вероятно, о том, какая у него нежная и хорошая няня.

— И тут им не мешайте,— опять сказал отец.— У нашего Джумбо золотое сердце. Он, наверное, и кролика-то съел по ошибке.

Теперь в детский сад Катю отводила не одна бабушка. Ровно в семь часов утра открывалась калитка и выходил Джумбо, оглядываясь и помахивая хвостом, словно приглашая поторопиться. Дождавшись выхода бабушки и Кати с большой куклой на руках, он становился впереди и выступал торжественно, часто оглядываясь, точно показывал дорогу. Так они доходили до садика.

— Прощай, Джумбо,— говорила Катя, нежно его обнимая.

— Не пачкай рук! — восклицала бабушка.— Сколько раз тебе говорить. Еще целовать не вздумай. Скажи воспитательнице, чтобы тебе руки вымыла.

Бабушка, как и все, очень любила Джумбо, припасала для него самые вкусные кусочки, а гладить — никогда не гладила и детям не позволяла.

Но вот калитка садика захлопывалась.

— Ну, веди меня домой, конвоир,— говорила бабушка. И Джумбо со вздохом поворачивался и шел так же важно впереди, изредка оглядываясь на бабушку: не отставай!

Когда наступало время идти за Катей, Джумбо начинал волноваться: подходил к бабушке, брал ее за платье и осторожно тянул к калитке.

— Отстань,— отмахивалась бабушка,— рано еще!

— Да пускай он один сходит,— говорила мать.— С ним девочку никто не обидит.

Джумбо пристально смотрел на бабушку. Ждал.

— Ладно, иди уж один,— соглашалась бабушка.

Джумбо как ветром сдувало с террасы, и вскоре перед калиткой садика раздавалось басистое:

— Гав! Гав!

— Катя, твоя няня пришла! — смеялась воспитательница.

Домой они шли рядом — ни шагу вперед или назад. Если встречались знакомые, Джумбо разрешал им поговорить с Катей, но... на определенном расстоянии. Чуть ближе — коричневая шерсть на спине «няни» топорщилась и раздавалось тихо, но внятно:

— Рррр... пожалуйста, отойдите подальше!

Знакомые и незнакомые слушались беспрекословно.

У своей калитки Джумбо останавливался и пропускал Катю вперед, но требовал, чтобы она шла вместе с ним показаться бабушке. Не послушаться было нельзя: пес осторожно, но решительно тянул девочку за подол. Подойдя к бабушке, останавливался и, все еще держа Катю за платье, скромно ждал похвалы.

— Молодец, Джумбо, славная собака,— говорила бабушка. И Джумбо от удовольствия потешно надувал губы и так колотил хвостом, что стулья летели в стороны. После этого Кате позволялось бежать

куда угодно. Джумбо был доволен: поручение выполнил честно и заслужил благодарность.

Это случилось в воскресенье. Кате в детский сад идти было не нужно, родителям на работу тоже, и потому решили утром, пока не жарко, всей семьей отправиться в зоосад. Катя долго упрашивала взять с собой и Джумбо.

Но Джумбо оставили дома. Он скучал с достоинством, не визжал и не метался по дому,— он же не щенок какой-нибудь, а серьезный пес. Но в доме, в саду и на дворе стало так томительно пусто и тихо — никто не смеется, не просит его дать лапу и поиграть в прятки. А может быть, Катю уже увели в детский сад и его не взяли? Надо проверить. Калитка на улицу была закрыта, но Джумбо давно уже научился ее открывать. Сильная лапа уперлась в забор, другая нажала на ручку и потянула к себе. Довольно и маленькой щели, чтобы просунуть нос, потом плечо... и пес волчьим галопом помчался по улице.

Вот и садик. Ворота открыты, и во дворе — самый любимый Борин друг Санька, сын поварихи. Джумбо, весело махая хвостом, подбежал к нему — где Санька, там, наверное, и Катя с Борей найдутся. На минуту он было скосил глаза и насторожился: Санька стоит около телеги, а на телеге кто-то чужой, и уже лошади трогаются в открытые ворота. Ну, двор не наш, его это не касается. И Джумбо снова повернулся к мальчику. Санька ласково обнял его за шею.

— Тебе чего, Джумба?

Чужой вдруг натянул вожжи и остановил лошадей.

— Ишь ты, откуда ты такого зверя знаешь?

— Борькин пес,— объяснил мальчуган.— Катю из садика домой сам водит. Умный такой... никого не подпустит.

— Ишь ты,— повторил чужой.— А тебя как, слушается?

— Хочешь, верхом сяду? Он знает, мы с Борькой первые дружки.

— Так, так.— Чужой повозился в телеге, там что-то брякнуло.— А ну, покажи, как он тебя слушает. Зацепи ему ошейник, вот крючок на цепи. Да нет, не сумеешь.

— Сумею,— обиделся Санька.— А ну, давай крючок. Так цеплять? Вот и все. А говоришь — не сумею.

Джумбо удивленно поднял голову — что это Санька делает с его ошейником? Но чужой человек на телеге вдруг подхватил вожжи, взмахнул кнутом, лошади дернули, и телега покатилась к воротам. Джумбо, озадаченный, еще не понял, что случилось,— его рвануло и потащило за телегой: другой конец цепи был крепко привязан к задку. Пес яростно зарычал и уперся всеми четырьмя лапами, но они проехались по земле, поднимая густую пыль.

— Дедушка! — испуганно крикнул Санька.— Дедушка Максим! Ты это что же? Джумба, ой!

Но телега уже выехала за ворота, а за ней тащился, падал и опять поднимался на ноги, рыча и беснуясь, разъяренный лохматый пес. Он пытался на ходу прыгнуть в телегу, добраться до чужого на передке, смутно подозревая в нем виновника неожиданной беды. Но лошади бежали так резво, что задок телеги выскальзывал из-под его лап, и он

снова падал и волочился по земле, чуть не свихивая себе шею. Хозяин телеги и сам этого опасался, но ярость пса так напугала его, что он не решался замедлить ход.

— Черт, как есть черт,— бормотал он испуганно.— Назад бы заворотить, да теперь его и Санька не отвяжет — заест. А пена-то валит, как у бесноватого.

Лошади продолжали бежать, и силам Джумбо пришел конец. Он снова упал и потащился за телегой, а когда лошади перешли на шаг, встал и побрел шатаясь, опустив голову, но уже не пытаясь прыгнуть на телегу. Рот его был окровавлен: стальные кольца цепи оказались крепче его мощных клыков.

Время шло, и телега все дальше и дальше катилась по пыльной дороге.

Сытые, отдохнувшие лошади соскучились по дому. Они нетерпеливо мотали головами и норовили прибавить ходу. Что им за дело до пыльного, как клубок свалявшейся шерсти, пса, который тянулся за телегой.

Дед Максим давно уже перестал радоваться пленнику.

— Жалко новой цепи, не то отвязал бы тебя, лешего, от телеги и ступай с цепью на все четыре стороны,— сердито ворчал он.

Услышав ненавистный голос, пес поднимал голову, тусклые глаза загорались, но вместо могучего рычанья слышался слабый хрип: изувеченное цепью горло распухло, пересохло от жажды. Злоба придавала силы: пес опять пробовал упереться лапами, остановить телегу. Лапы скользили, и жесткая, как камень, земля сдирала с них кожу.

Километр за километром, прыжок, падение, капли крови с раненых лап в пыли дороги — и силы пса кончились: его потащило за телегой, и он уже не пытался подняться.

— Будь ты неладен,— окончательно рассердился дед.— Никак помирает. Отвяжу-ка я тебя, и дело с концом.

Остановив лошадь, он слез с телеги и с опаской подошел к Джумбо. Тот не пошевелился. В одной руке дед, на всякий случай, придерживал дубинку, другой, осторожно нагнувшись, дотронулся до ошейника. И тут ярость заставила пса очнуться. Молча, потому что и хрипа в горле уже не было, он повернулся и изо всех сил зубами вцепился в сапог старика.

— Спасите! — завопил дед и, выпустив ошейник, взмахнул дубинкой. Удар пришелся прямо по голове. Пес разжал зубы и вытянулся. Глаза его закатились, лапы дернулись и застыли.

— Кончился! — отдышавшись, проговорил дед и сердито ткнул концом дубинки в косматый пыльный бок.— Не шевелится. Ну, принял я с тобой греха на душу, хоть нога цела и то ладно, вишь, сапог прокусил, проклятый. Удружил мне, Санька, чертенок!

Свалив таким образом вину на Саньку, дед почувствовал облегчение. Он уже смелее отстегнул цепь от ошейника и потащил было пса в сторону, через арык на хлопковое поле, да вдруг, оглянувшись, бросил его и кинулся к телеге: лошади в нетерпении тронули и чуть не ушли без хозяина.

— Тпру, негодные! — крикнул он, уже на ходу вваливаясь в теле-

гу и хватая вожжи. А пес так и остался лежать, задние ноги в арыке, передние — на краю дороги. Он не пытался пошевелиться — дотянуться до воды, которой так мучительно жаждал, тащась за телегой. Дыхания не было слышно, глаза по-прежнему стеклянные, видно, уж очень мало оставалось жизни в измученном теле, если дедова палка так легко смогла выколотить остатки ее.

Тем временем ребята, ничего не подозревая, почти целый день веселились в зоопарке, потом купались, были в кино, домой вернулись к вечеру и сразу встревожились:

— Джумбо! Где Джумбо?

Дети обежали все закоулки в саду и на дворе, заглянули под кровати: может, он там от мух спрятался,— никого.

— Он без вас очень скучал,— сказала бабушка,— просто места не находил. Не побежал ли вас разыскивать?

Когда мама позвала ужинать, Катя не вытерпела и расплакалась:

— Папа сам говорил, овчарки любят пасти овечек. Ты почему не купил нам немножко овечек, чтобы мы с Джумбиком их пасли? Вот он соскучился и убежал.

Она была безутешна, пока не заснула, и во сне все вздрагивала и всхлипывала. Боря крепился, но, добравшись до кровати, тоже уткнулся лицом в подушку и расплакался, только тихонько, чтобы не услышали: ведь ему скоро исполнится восемь лет! Сон не шел. Мальчик вскакивал и подбегал к окну на каждый шорох.

— Джумбик,— звал он чуть слышно и прислушивался. Ответа не было...

Уже перед утром мальчик наконец забылся сном, но вскоре опять вскочил и прислушался: за окном на этот раз зашуршало уже явственно. Показалась вихрастая голова. Боря бросился к окну.

— Санька, ты?

— Ходи сюда,— послышался осторожный шепот.— Скорее, ну! Мне мамка не велела, я в окошко убег!

— Джумбо? — догадался Боря и чуть не крикнул: — Нашелся? Где?

Санька отчаянно тряхнул хохлом.

— Увели Джумбу. Дед Максим. Мамка не велела говорить. Тебе, говорит, еще попадет. Чепь-то я причепил.

Санька всхлипнул и вытер глаза кулаком.

— Какой Максим? Где Джумбо? Санька, говори скорей!

— За телегой увел. Джумбу-то,— плакал Санька.— Дед Максим сказал: «Накинь ему крючок на ошейник. Да где тебе, не сумеешь, забоишься!» А я говорю — как не сумею! И начепил. А он, а он... лошадей ка-ак кнутом хлест! И утащил. Джумбу-то.

Санька расплакался по-настоящему. Он любил Джумбо.

— Замолчи,— сказал Боря и толкнул Саньку в плечо.— Еще Катьку разбудишь, заревет на весь дом. Сегодня папе я все расскажу Он этому деду Максиму покажет и Джумбо домой заберет.

— Ладно. Я домой побегу, а то мамка хохлы надерет,— торопливо проговорил Санька, видимо, довольный, что все устроилось. И вихрастая голова исчезла из окошка.

Катина кроватка стояла в углу за шкафом, и мальчикам не было видно, что Катя давно проснулась. Она лежала тихо, как мышка, широко открыв глаза, слушала и не пропустила ни одного слова.

«Так вот оно что! Джумбика увели. Утащили на цепочке. И никто-никто не заступился! А Борька только и знает: «На весь дом заревет!» И вовсе не буду. Вот! Правда, Пушиночка?»

Пушинка тоже проснулась, сладко потянулась и попробовала засунуть мордочку под Катин подбородок. Но Катя играть с ней не собиралась.

— Вставай, лентяйка! — сказала она сердито.— Я плакать не буду. И ты не плачь. Мы сейчас пойдем искать Джумбика. И Борьку нам не нужно. Вот!

Сборы были недолгие. Платье, шапочка, тапки — все в одну минуту. Теперь Пушинку в руки и скорей-скорей, пока никто не увидел.

Катя быстро перебежала двор, нажала на ручку калитки. Калитка скрипнула, открылась, пропустила ее и... закрылась.

Катя на минуту остановилась, прислонившись спиной к дувалу. Глиняная стена, еще не прогретая солнцем, холодила сквозь тонкое платьице. Оказывается, улица какая-то совсем не такая, если нет ни Джумбо, ни бабушки. Даже немножко страшно... «Мя-а-а»,— тихонько позвала Пушинка. Может быть, ей тоже стало страшно?

Катя осторожно прижала ее к себе.

— Маленькая моя,— сказала она так ласково, как ей говорила мама.— Не бойся, ведь я с тобой. Мы пойдем искать Джумбика.

И маленькая фигурка в розовом платьице с серым котенком на руках торопливо засеменила по переулку и тут же свернула за угол. В какую надо идти сторону, куда именно увели Джумбо, об этом девочка не думала. Они ведь непременно найдут Джумбика... где-нибудь.

Солнце выжгло дорогу до того, что земля под легким горячим слоем пыли сделалась тверже кирпича. И вода в арыке, что тянулся вдоль дороги, была теплая, точно кипяченая. Но и такая вода была отрадой для израненных, стертых до костей собачьих лап. Тихо струясь, она постепенно вымывала жесткие частички земли, застрявшие в ранках. Теперь все четыре лапы пса были погружены в арык, но похоже было, что не сам он опустил их в воду, а они соскользнули с бережка под тяжестью тела. Потому что и проблеска жизни не было заметно в неподвижном теле — глаза закрыты, кончик пересохшего прикушенного языка виднелся меж стиснутых челюстей.

Было еще очень рано. Солнце невысоко поднялось над горизонтом, но успело жарко нагреть землю и неподвижный воздух: ни малейшего ветерка, ни клочка тени на всей длинной раскаленной дороге.

— Карр...— хриплый крик в тишине раздался особенно резко.— Карр!

Две вороны описали широкий круг над неподвижным телом. Еще круг — ниже, ближе...

— Карр...— опять прокаркала одна.

— Карр...— отозвалась другая. И, точно договорившись, они разом опустились на землю.

Не шевелится. Похоже на труп, но все же осторожность не мешает. И боком, боком, подскакивая, любопытно вытянув шеи, птицы начали подбираться к голове собаки. Глаза — самое лакомое, с этого хорошо и начать. Но вид даже неподвижной собаки внушал серым бандитам нерешительность: не так-то просто вплотную подскакать к оскаленной морде.

— Карр, карр,— подбадривали друг друга вороны. Теперь они находились уже в нескольких шагах от собаки. Склонив головы набок, они испытующе оценивали будущий обед и поглядывали друг на друга: каждой хотелось оказаться первой, но не надежнее ли уступить первую очередь, посмотреть, как оно получится.

— Бабушка,— раздался вдруг детский голос, такой звонкий, что вороны вздрогнули и одновременно обернулись, но в воздух пока не поднялись.— Бабушка, собака какая большая, чего это она так лежит? Она спит? Да?

В увлечении вороны не заметили, что на дороге появились старушка и девочка лет шести. Старуха шла медленно, опираясь на палку. Девочка тоже устала, но, увидев собаку, оживилась.

— Какое спит, похоже, мертвая она,— отозвалась старуха и остановилась.— Кыш, проклятые, вот уж проведали, глаза хотят выклевать.

— Бабушка, как глаза? Я прогоню, не дам такую хорошую собаку обижать.

И девочка живо замахала руками.

— Вот я вас! Уходите!

Вороны неохотно взлетели и опустились немного подальше. Ну что же: эти двое тут надолго не останутся. Можно и подождать.

— Собачка! — грустно повторила девочка.— Бабушка, она пить хочет!

— Пойдем, Машенька,— отозвалась старуха.— Пойдем, нам еще далеко, а ей уж теперь пить не захочется.

— Нет, хочется,— упрямо проговорила девочка. Нагнувшись, она зачерпнула руками воду из арыка и вылила на голову Джумбо.

— Пей же,— повторила она.— У тебя даже язык сухой.— И новая пригоршня воды вылилась на зажатый в оскаленных зубах язык. Девочка, увлекаясь, черпала все новые пригоршни воды и вдруг воскликнула: — Бабушка, она смотрит! Посмотрела на меня!

Старуха подошла ближе, опираясь на клюку, нагнулась.

— Смотрит, дочка,— проговорила она.— Видно, и правда напиться ей, бедной, надо. И кто такого хорошего пса на жалкую смерть покинул? Совести у человека не было!

Джумбо, действительно, открыл глаза, и взгляд их становился все более осмысленным. Вода арыка освежила его, он слабо шевельнулся, поднял голову, взглянул на девочку.

— Пей! — ласково сказала она и подставила ему полную пригоршню.

С трудом сгибая израненную одеревеневшую шею, пес протянул морду и сделал несколько слабых глотков. Горло распухло и страшно болело, вода проходила с трудом, но она проходила, и это было возвращение к жизни. Он пил по капельке, язык его увлажнился, глаза

посветлели, пес взглянул на девочку и слабо шевельнул хвостом: поблагодарил.

— Карр,— злобно и разочарованно каркнула одна ворона и поднялась в воздух. Ясно, обед не состоялся.

— Карр,— отозвалась другая ворона, также снимаясь с места.

Старуха погрозила им палкой.

— Летите, бессовестные, на живого пса собрались. Машенька, дай ему лепешки кусок, небось, голодный.

А Джумбо все больше приходил в себя. Он признательно махнул хвостом, но от лепешки отказался: еда в распухшее горло не проходила. Вот он поднял голову и медленно, чуть шевелясь, совсем сполз в арык. Теперь можно было напиться вволю. Густая шерсть пропиталась водой, это тоже доставило большое облегчение.

— Положи лепешку в воду, перед самым его носом,— сказала старуха.— Вот так, она размокнет, и он ее съест. Доброе ты дело, внучка, сделала. А теперь пойдем, Машенька, нам самим идти еще далеко. Ну, пес, прощай, авось, ты с Машенькиной легкой руки поправишься.

И Джумбо понял: приподняв голову, он опять с трудом пошевелил хвостом.

— Он спасибо говорит, бабушка,— весело воскликнула девочка.— Прощай, песик, прощай! Бабушка, а вороны ему глаза не выклюют?

— Нет, не выклюют. Они теперь к нему подойти побоятся.

Бабушка и внучка скоро исчезли за поворотом дороги. В последний раз девочка оглянулась и помахала рукой. Пес посмотрел ей вслед и опять опустил голову в оживляющую воду. Избитое тело медленно возвращалось к жизни, и так же медленно вернулась тоска по дому.

Джумбо еще полежал в арыке. Осторожно поворачиваясь, он поднимался и вылизывал искалеченные, изодранные лапы, на которые нельзя было ступать. Нельзя... если бы его не ждали дети, их ласковые голоса, руки, которые так нежно обнимали его могучую шею...

Джумбо со стоном приподнялся, выполз на дорогу, встал и, шатаясь, опустив голову, пошел. Горячая земля жгла лапы, сухие комочки ее впивались в открытые раны. Джумбо дышал тяжело, временами будто всхлипывал, останавливался и снова шел. Его нестерпимо тянуло лечь, но он чувствовал, что тогда больше встать не сможет. Любовь к детям, тоска по ним поддерживали его гаснущие силы. Он шел.

Это была чистая случайность, но Катя повернула из переулка направо — как раз на ту дорогу, по которой увели Джумбо. На ту, по которой он теперь с трудом тащился обратно. Мог ли он знать, что навстречу ему так же упорно шагает маленькая фигурка, прижимая к груди котенка в белой тряпочке.

Котенку путешествие скоро надоело: их перегоняли или ехали им навстречу то скрипучая арба, то автомобиль. Это было страшно. И для девчушки — тоже. Но она крепилась, шла как могла быстро и только повторяла:

— Пушинка, не пугайся, мы скоро найдем Джумбика.

Но вот из-за угла, медленно и важно шагая, выплыл целый кара-

вон верблюдов. Они шли по середине улицы, позвякивая колокольцами под мордой, но вдруг, испугавшись чего-то, заревели и все как один шарахнулись в сторону, к забору. Катя в ужасе присела и оказалась под брюхом самого большого верблюда. Он боком прижался к глиняной стенке дувала, а его огромная мохнатая лапа чуть не наступила на Катину тапочку.

— Ой! — закричала девочка. К счастью, казах, сидевший на верблюде, услышал ее крик в общем гаме и успел повернуть верблюда в сторону:

— Домой иди, зачем бегаешь!

Ох, как страшно! Кате очень хотелось заплакать погромче. Может быть, мама услышит и придет... Но тут Пушинка жалобно, тоненько мяукнула. Надо ее успокоить.

— Это только верблюдики, не бойся, Пушинка,— начала Катя дрожащим голосом и, вдруг всхлипнув, закончила: — А я, я очень боюсь, Пушиночка!

Верблюды прошли, осталась только душная горячая пыль в воздухе, которую они подняли неуклюжими лапами. Пыль лезла в глаза и щекотала в горле. Катя минутку посидела у забора, вздохнула и, крепче завернув котенка в тряпочку, встала. Она старалась шагать самыми большими шагами, как ее учил Боря. Так они скорее найдут Джумбо.

А идти становилось все труднее. В тапочке оказался камешек, и он больно резал ногу. Но руки были заняты. И девочка, стиснув губы, шагала все дальше.

А Джумбо брел по улицам, опустив голову, не глядя по сторонам. Этого ему и не нужно было: он бессознательно держался правильного направления. Но он уже два раза чуть не попал под колеса встречной телеги, и один возница крепко огрел его кнутом. Пес даже не поднял головы: что значила боль от кнута перед болью в израненных лапах!

Камешек в тапке так резал ногу, что Катя не обратила внимания на большую желтую собаку. Собака сидела на тротуаре и равнодушно смотрела на прохожих, но вдруг навострила уши и повернула голову: близко, совсем рядом, пискнул котенок. А, вот он, на руках у девчонки! Глаза собаки загорелись, она вскочила и загородила Кате дорогу.

— Отдай котенка,— зарычала она.

Ну, нет! Этого не будет!

— Не дам! — рассердилась девочка.— Уходи, собака! Ты противная!

— Ррр — сама возьму! — ответила собака и подступила ближе.

— Не дам! — крикнула Катя и кинулась бежать не разбирая дороги.

Собака в два прыжка догнала бы легкую добычу, но вдруг с визгом отскочила: какой-то человек сильно стукнул ее палкой.

— Не обижай ребенка, негодная! — сказал он и уже повернулся идти дальше по своим делам. Но тут Катя с разбегу споткнулась обо что-то большое, лохматое, неподвижно лежавшее на тротуаре. Падая, она закричала так громко, что прохожие оглянулись.

— Джумбик! Джумбик! — повторяла девочка и, горько плача, прижималась лицом к жесткой, седой от пыли шерсти.

Пес слабо шевельнулся и поднял голову. Мутные глаза его смотрели безучастно, видимо, он плохо понимал, что случилось.

Вокруг странной группы начала собираться толпа, но все держались на некотором отдалении.

— Укусит! Он ее укусит! — заговорили люди.— Девочка! Встань! Отойди скорее!

— Джумбик! — со слезами говорила девочка и, одной рукой удерживая вырывавшегося котенка, другой пыталась повернуть к себе огромную голову.— Встань, Джумбик! Ай!..

Желтая собака успела обежать ударившего ее человека и в два прыжка оказалась перед Катей: теперь-то котенок будет ее! На лежавшего неподвижно Джумбо она не обратила внимания.

— Ррр! Гав! — сказала она торжествующе.

В ту же минуту глаза Джумбо вспыхнули. Он понял: чужой пес угрожает девочке! Его девочке!

Исчезла боль в раненых лапах. Джумбо молча, без звука, оказался на ногах. Катю так и подкинуло в воздух, и она в ужасе прижалась к дувалу. Желтое и коричневое сшиблись в одном прыжке, и тут же рычанье желтого сменилось жалобным воем. Минута — и желтая собака мчалась по улице с поджатым хвостом. А Джумбо быстро повернулся и, боком прижав Катю к дувалу, стал ощетинившись, сверкая клыками. Он был так страшен, что толпа невольно отодвинулась подальше.

— Девочку нужно взять, как бы он ее не загрыз! Ишь, остервенился! — послышались неуверенные голоса.

Джумбо молча наморщил губы. Катя поспешно положила ему руку на спину.

— Это мой Джумбик,— сказала она и опять всхлипнула.— Я его нашла. И Пушинка — тоже нашла. Папа скоро придет и нас возьмет. Джумбик очень добрый, только он вас очень укусить может.

Через несколько минут в доме родителей Кати зазвонил телефон.

— Ваша девочка нашлась. Про которую заявляли. Сидит на улице, от вас недалеко. А взять нельзя. Собака не подпускает, кидается, а сама, видно, идти не может. Еще котенок там... Скорее приезжайте!

Бабушка тихо охнула и уронила трубку телефона. А потом опять охнула, выскочила на улицу и побежала так быстро, как не бегала уже много лет. Отец, мать, Боря — все где-то искали Катю, и бабушка горевала, что не может их сейчас обрадовать и успокоить.

Джумбо все еще стоял, крепко прижимая Катю к дувалу. Увидев бабушку, он повернулся, взял в зубы кончик розового платья и потянул Катю к бабушке, как делал, когда приводил ее из детского сада. Потом со стоном опустился на тротуар, опрокинулся на спину и протянул бабушке раненые лапы.

— Ты видишь,— без слов сказал он,— я защитил ее и больше ничего не могу.

А бабушка опустилась около него на колени и...

— Бабушка обняла Джумбика за шейку,— рассказывала потом Катя,— и поцеловала. И совсем не сказала, что он грязный и его нельзя целовать.

ДВА ВОЛЧОНКА

В давние времена от большой скалы отломились и лежали около нее два крупных обломка. Жившая невдалеке, под кустиком сухой травы, мышь-полевка хорошо знала это и пробегала мимо них без опасения. Но сегодня на одном из обломков что-то вдруг зашевелилось и отделилось, точно тень его, длинное, сероватое. Мышь с писком метнулась было под спасительный кустик. Поздно: тень скользнула неслышно, щелкнули острые зубы, последний писк... и мышь исчезла.

Вкусно! Но очень мало для завтрака матери двух пушистых волчат. Волчица нервно облизнулась и вытянула шею, но тут же снова прижалась к земле, слилась с нею, легла темным извилистым бугорком. Только острые чуткие уши насторожились, уловив слабый шорох, да свирепо заблестели глаза.

А заблестеть было отчего: там, на склоне пригорка, красным столбиком встал большой старый сурок.

Волчица распласталась по земле. Нельзя было уловить ни малейшего движения, и однако расстояние между нею и сурком непрерывно и неумолимо сокращалось.

Сурок был очень доволен. Солнце сегодня грело особенно ласково, а завтрак из нежных травинок приятно наполнял брюшко. Мир был спокоен как никогда и...

И тут волчица бросилась на него. Одним гибким быстрым движением она перелетела оставшееся расстояние, и челюсти ее перехватили горло сурка прежде, чем он успел издать свой последний предостерегающий свист.

Миг — и веселая семья сурков, гревшаяся на пригорке, точно растаяла. Каждый бросился вниз головой в свою норку, все, за исключением самого старого и мудрого, который обычно давал сигнал к отступлению. Впрочем, от него к этому времени не осталось и половины. Припав за камнем, волчица тут же большими кусками рвала и глотала добычу, не тратя времени на пережевывание. Слегка отяжелев, она, все так же осторожно, приподнялась и осмотрелась. Кажется, опасности нет, и гибкой стелющейся рысью она повернула обратно.

По мере приближения к цели бег ее становился осторожнее. Все чаще она припадала к земле, и серо-бурая шкура ее почти сливалась с глинистой почвой.

Там, где камни, скатившиеся с горы, образовали беспорядочную кучу, она еще раз остановилась, описала круг, внимательно принюхалась: нет ли какого-нибудь несущего опасность следа. Но все было спокойно. И, низко нагнувшись, волчица скользнула в узкое отверстие под большим камнем.

Радостный писк приветствовал ее появление, чуть слышным ворчаньем ответила она на него, напомнив об осторожности. Потом послышалось удовлетворенное чмоканье и пыхтенье: жирное мясо сурка щедро наполнило соски матери молоком, и волчата пили его, захлебываясь и повизгивая от удовольствия. Они подняли было драку из-за одного соска, но большой серый нос матери ласково отодвинул

буяна, и тот ухватился за другой сосок, суливший такую же лакомую пищу.

Волчица лежала, полузакрыв глаза и удобно вытянув ноги. Сегодняшний завтрак стоил ей многих километров дороги, и она устала. Против обыкновения, она задержалась на ночной охоте, увлекшись преследованием раненого горного барана. Но баран увел ее очень далеко, дальше, чем она когда-либо ходила, и, в конце концов, достался встречному охотнику — человеку, а голодной волчице пришлось уже по свету пробираться домой, рискуя выдать тайну заветной пещеры.

Пушистые комочки, лежавшие около нее, с каждым днем требовали все больше пищи, а ее становилось все меньше и меньше. Горная дичь, которой раньше было так много, куда-то исчезла: должно быть, обеспокоенная появлением охотников, разлетелась.

Волчица вспомнила о виденном ею издали в долине стаде животных. Они пахли почти как горные бараны и очень походили на них, но были поменьше, и охраняли их животные, похожие на волков. Шерсть на спине волчицы при этом воспоминании поднялась, и она глухо зарычала. С собаками связывалось также воспоминание о большом сером волке-отце, который недавно, когда волчата были еще совсем слепыми, принес ей маленького курчавого черного барашка, как те в долине. А на другой день волк ушел и... больше не вернулся.

Волчица опять слегка зарычала и отодвинулась. Малыши уже спали, блаженно раскинувшись, с животиками, надутыми, как маленькие барабаны.

Их глаза открылись несколько дней тому назад. Волчата уже ползали по пещере, но инстинкт заставлял их в отсутствие матери часами лежать неподвижно и щуриться на узкую полоску света, пробивавшуюся между камнями.

Они росли и крепли с каждым днем, а матери с каждым днем все труднее становилось добывать пищу. Она была уже немолода, а исчезновение отца лишило ее помощи в охоте.

Вскоре волчата почувствовали, что одного молока им недостаточно. С жадным писком, бросая соски, они лизали губы матери и пытались ухватиться зубами за красный яркий язык ее. Мясо, которое она стала приносить им, волчата жадно глотали, давясь и злобно огрызаясь друг на друга.

Скоро они начали в отсутствие матери самовольно вылезать из пещеры. Они возились на пригретой солнцем площадке, бегали и ловили друг друга за хвост и за лапы с рычаньем почти настоящих волков.

Однажды волчица, уже собравшись уходить, остановилась перед выходом из пещеры. Потом вернулась, обнюхала еще раз малышей, лизнула их в веселые острые мордочки и своим большим ласковым носом подтолкнула их к выходу. Они поняли ее сразу. То, что еще недавно было ослушанием, теперь дозволено, и, радостно толкаясь и мешая друг другу, выскочили из пещеры.

Но мать звала волчат не играть на площадке, она манила их все дальше. Прячась за кустами, перебегая от камня к камню, она шла на настоящую охоту, и толстопузые волчата бежали вслед за нею.

Глаза у них так и разбегались. Все им было интересно. Один лапой прижал жука и тут же, громко чавкая, разжевал его. Другой с разбегу нечаянно попал носом в зазевавшуюся ящерицу и сразу захватил ее в пасть вместе с землей и сором. Было очень вкусно, но от пыли защекотало в носу, и с громким чиханьем волчонок выронил изо рта полуразжеванную добычу, а пока опомнился, брат уже весело облизывался, проглотив остатки.

Нет, это ему даром не пройдет! С гневным рычаньем волчонок ухватил обидчика за ухо, но тут же покатился на землю от сильного толчка. Волчица стояла возле них рассерженная, готовая задать хорошую трепку ослушнику. «На охоте не сметь драться и шуметь»,— гласил неписаный закон зверей.

И волчата, сразу виновато присмирев, побрели за матерью, подражая каждому ее движению.

Волчица то и дело выкапывала из земли вкусных жирных мышей-полевок и отдавала им — на игру и ученье. Они и сами жадно всовывали носики в норы и скребли землю толстыми лапками, но работа подвигалась туго.

Однако на сегодня довольно. Сделав большой круг, волчица вернулась к пещере, но позволила детям войти в нее, только тщательно осмотрев все следы вокруг.

После прогулки волчата спали беспокойно: вздрагивали и взвизгивали, быстро-быстро перебирая лапками. Они заново переживали все ощущения начала свободной охотничьей жизни. Счастливое время настало для волчат. Жирных мышей по склонам родной горы было множество, и скоро они сами научились лапками разгребать землю и прижимать выбегающего из разрушенной норки хозяина.

А мать, развалившись на холмике или на пригретом солнцем плоском камне, с которого удобно было наблюдать, уголком глаза поглядывала на своих малышей, на их игры и ссоры, в то время как чуткие уши и нос ловили все звуки и запахи окружающего враждебного мира. Она всегда вовремя успевала заметить одинокого охотника и ползком, крадучись, увести от него волчат. Самое ее присутствие предохраняло их от другой грозной опасности. Тень крупной птицы нередко скользила над местом их игр и охоты. Но желтым немигающим глазам хищника были знакомы сила и смелость волчицы, и его не обманывала ее кажущаяся беспечность. Не стоило рисковать столкновением с ней из-за небольшого куска мяса и шерсти.

Тень проносилась мимо, а малыши и не подозревали, как легко орлиная лапа ломает хребет зазевавшегося волчонка.

Дни проходили, становились короче, а ночи — длиннее, и вместе с ними становились длиннее ночные прогулки. Мать уводила волчат далеко от родной пещеры, в долину, и тут, в степи, выслеживала с ними зайцев, тушканчиков.

Но однажды случилась беда. В эту ночь какая-то особая жажда приключений овладела волчицей. Чутье подсказывало ей, что там, далеко на равнине, можно найти таких же курчавых и жирных ягнят, как тот, которого принес в последний раз волк-отец.

И по освещенной луной долине неслышно заскользили три тени. Они бежали особой волчьей побежкой, низко пригибаясь к земле, одна большая и две маленькие.

Волчица торопилась. Она не позволяла волчатам останавливаться для ловли мышей. Вперед, вперед за крупной дичью.

Вдруг один волчонок присел и тихонько заскулил. Острая колючка глубоко вонзилась между пальцами передней лапки. С жалобным плачем он пытался поставить раненую лапку на землю, но каждый раз вскрикивал и поднимал ее кверху.

Старая волчица беспомощно огляделась. Такое случилось с нею впервые. Там, в родной пещере, можно отлежаться, подождать, пока заноза выйдет с гноем. Но здесь, на этой ровной, открытой местности... Тяжелое предчувствие беды нависло над нею.

Жаркий летний день надоел Акбару. Молодая белая лошадка Ак-Таш тоже устала и шла нехотя, мелкой рысцой. Полусонный Акбар помахивал плеткой и тянул придуманную им самим песню:

— Дорога,— пел он,— а-а-а, длинная дорога-а-а у-у-у... песчаная дорога-а-а...

На продолжение у него не хватило фантазии. Хотелось спать, а до родной юрты далеко.

Вдруг неожиданный толчок чуть не выбил его из седла. Ак-Таш остановилась со всего хода, даже назад попятилась, навострила уши, храпит и смотрит куда-то между редкими кустиками полыни и тамариска.

Акбар приподнялся в седле.

Там, под кустиком, шевельнулось что-то серое, перебежало и затаилось. Еще одно — поменьше.

Сна как не бывало. С гиком Акбар вытянул Ак-таш камчой с бирюзой на рукоятке. Лошадь рванулась и захрапела. Волчица метнулась в сторону, за ней волчонок, а сзади еще один на трех лапках ковыляет, пробежал несколько шагов и остановился. Ветер донес до Акбара тонкий писк.

«Больной! — сообразил Акбар и снова изо всей силы замахнулся камчой.— Наддай! Наддай!»

Вот уже хорошо видно всех троих. Один волчонок бежит быстро, а мать мечется: то его догонит, то к другому вернется, хроменькому, кругом его обежит, мордой в плечо подталкивает, а он поковыляет и сядет, лапу кверху держит. Рвется материнское сердце, а опасность все ближе...

Быстрым движением волчица схватила больного волчонка в зубы и кинулась бежать. Но волчонок велик, болтается в зубах, трудно ей, а Ак-Таш — хорошая лошадь, быстрая. Все ближе страшный человек в лохматой шапке, кричит, руками машет, бьет лошадь камчой.

Неожиданно дорогу пересек узкий глубокий овраг. Волчица присела и оглянулась. В овраг лошади не пробраться, но по крутому обрыву с волчонком в зубах не спуститься и ей...

Она села в нерешительности и с тоской посмотрела на родные

горы. Волчата прижались к ней. Всадник на белой лошади скакал все ближе, кричал все пронзительнее. Надо было решаться. Осторожно, но твердо большой бурый нос матери подтолкнул здорового волчонка к обрыву — в овраг. По краю вилась узкая тропинка. Волчонок ощетинился, попятился, прыжок вниз — и он исчез.

Теперь другой. Но больная лапка совсем отказалась служить. Со стоном волчонок лег, и никакие подталкивания не могли заставить его приподняться.

— И-и-и,— закричал Акбар и налетел на волчицу с поднятой камчой.

Она оскалила зубы и присела. Минута — и она кинулась бы к горлу лошади. Но в это время здоровый волчонок внизу, не видя матери, испуганно и жалобно завыл. Это решило дело. Волчица в последний раз взглянула на больного и одним гибким прыжком исчезла в расселине.

Разгоряченные преследованием всадник и лошадь едва не свалились туда же. Ак-Таш даже присела на задние ноги.

В одну минуту Акбар скатился с седла и поднял волчонка за загривок. Тот вытянулся и повис, как мертвый.

Широкое лицо Акбара сияло. Вот так удача! Сегодня в ауле только и разговоров будет, что о его ловкости, а волчонка он отдаст детям.

Больная лапка зверька мало занимала его: ведь это для него всего лишь живая игрушка. И, небрежно сунув его в мешок, а мешок в хурджум, он повернул на прежнюю дорогу и снова затянул песню.

— Волчонок,— пел он,— маленький серый волчонок. Акбар-джигит поймал волчонка-а-а...

Аул готовился к ночлегу.

Блеяли козы, которых доили киргизки, и жалобными детскими голосами кричали маленькие голодные козлята: целый день привязанные около юрт, они ждали, пока с пастбища пригонят матерей.

От горы, у подножия которой стоял аул, на юрты уже легли густые тени, но дальше степь еще горела золотом уходящего солнца.

Трое ребятишек играли в камешки. Один из них, толстый мальчуган в красном бархатном халатике, посмотрел на дорогу и радостно закричал:

— Акбар едет! Акбар едет! Вон там! — и указал рукой на едва заметную точку на горизонте.

— Нельзя отсюда увидеть, врешь! — отозвался мальчик постарше.

— Нет, не вру! Вижу! — сердито закричал первый.

— У Садыка глаза как у орла,— вмешался третий.

Поодаль стоял четвертый мальчик. Он не принимал участия в разговоре. Рваные штанишки едва прикрывали его худенькое тело. Халата на нем совсем не было. И выражение лица отличало его от толстощекой веселой тройки: щеки ввалились, и черные глаза смотрели исподлобья, не то испуганно, не то сердито.

— Эй, Волчонок, посмотри-ка, кто едет! — задорно крикнул Садык.

— Не тронь, укусит! А когда бешеный кусает, человека везут в город и там доктор в живот колет иголкой, чтобы и он не взбесился,— отозвался старший, Хашим.

Все трое залились громким смехом.

Мальчик сжал кулаки и молча отошел подальше. В его черных глазах вспыхнул гнев, но он, видимо, привык сдерживать его.

Между тем точка на горизонте росла и уже для всех превратилась во всадника на белой лошади. Он приближался с каждой минутой. Вот и совсем близко...

— Эй, Акбар, что привез? — крикнул Садык.

Он был любимцем старшего брата и знал это.

— Увидишь! — хвастливо ответил Акбар, осаживая лошадь у ближайшей юрты. Она была выше и наряднее других. Видно, что в ней жили люди богатые.

Из юрты вышла пожилая толстая женщина в пестром длинном платье.

— Приехал! — обрадовалась она сыну.— А я боялась, может, случилось что с тобой. Говорят, дурные люди по дорогам ездят. Что привез?

— Все привез! — весело ответил Акбар, развязывая хурджумы.— Вот сахар, чай, ситец. А вот, смотрите все!..— И он торжественно вытащил из хурджума мешок. В мешке что-то зашевелилось.

— Дай, дай! — кинулись Садык и Хашим.

— Руки берегите! — крикнул Акбар и вытряхнул из мешка на землю...

Дикий визг детей напугал бы волчонка больше, если бы он уже не был полумертв от боли и духоты в мешке. Не в силах подняться, он лежал неподвижно, закрывая здоровой лапкой глаза.

— Волк! — взвизгнул Садык и со смехом схватил его за больную лапу. Но тут же смех сменился горьким плачем: не помня себя от боли, волчонок вцепился зубами в руку мучителя.

— Зачем привез его? — закричала мать на Акбара.— Зачем привез? Убей эту гадину сейчас же! Мало они наших овец съели!

— Убей! — сквозь слезы повторил Садык.

Остальные ребятишки уже столпились, готовые полюбоваться новым зрелищем, но в это время в их круг вбежал мальчик, не принимавший участия во встрече Акбара.

— Не убивай! — бросился он к Акбару.— Отдай мне. Я тебе сусликов ловить буду, уздечку сплету волосяную, отдай!

— Еще что выдумал! — визгливо закричала толстая женщина.— Самого, бродягу, кормим из милости, так он еще нахлебника заводить хочет? Одной волчьей породы!

Но мальчик вдруг резко оттолкнул Садыка и, схватив волчонка на руки, стремительно бросился бежать в гору.

— Лови его, лови! — кричали дети, но за ним не погнались, потому что быстрота бега Гани была известна так же хорошо, как острые глаза Садыка.

Волчонок, казалось, истощил последние силы в борьбе с Садыком и не пытался укусить мальчика. Правда, тот хоть и быстро бежал и крепко держал зверька, но не причинял боли изувеченной лапке.

Убедившись, что его не преследуют, Гани, тяжело дыша, опустился на камень. В этом месте из расселины выбивался тоненькой струйкой прозрачный горный ключ и стекал в небольшой, выбитый им в скале бассейн.

Мальчик осторожно положил волчонка на колени и подвинулся так, чтоб холодная струя воды падала на больную лапку зверька. Вода текла по колену, штанишки намокли, но Гани не обращал на это внимания.

Волчонок дернулся и затих, видимо, испытывая облегчение. Немного погодя, мальчик взял больную лапку и стал внимательно осматривать.

— Так я и думал,— тихо сказал он.— Подожди, джаным [1], потерпи, здоров будешь.

Ласковый звук его голоса успокоил волчонка. Он, не сопротивляясь, позволил мальчику осмотреть лапку. Гани осторожно подцепил кончик занозы ногтем и сильно дернул. Волчонок взвизгнул и рванулся, но в ту же минуту на лапку его опять полилась свежая вода, и ему стало гораздо легче.

Волчонок поднял голову. Измученный зверек и забитый мальчик смотрели друг на друга в полном молчании.

— И меня Волчонком зовут! Выходит, мы с тобой братья,— сказал мальчик и погладил волчонка по голове. А тот вытянулся и опустил голову к нему на колено.

Через некоторое время Гани осторожно положил волчонка на ворох сухой травы в маленькой пещерке, метров на двести выше ключа. Пещерка была такая низкая, что забираться в нее можно было только ползком. Зато вход легко закрывался камнем — защита от резкого горного ветра.

Здесь Гани ночевал летом, пока осенние холода не заставляли его переселяться в аул, в юрту хозяев.

— Лежи, Бурре,— ласково сказал мальчик и подкатил ко входу камень.— Хоть украду, да накормлю тебя, если Ибадат по-хорошему не даст.

И все стихло...

Тоска давила зверька. Перевязанная мокрыми листьями лапка болела меньше, но тем сильнее чувствовался голод. Он тихонько поднялся и обнюхал свою серую шкурку. Она еще сохраняла запах хурджума, и шерсть на зверьке стала дыбом от страха и ненависти.

Мать волчонку сейчас была нужнее всего, нужнее даже еды. Покинутый больной детеныш забился в угол и чуть слышно заскулил.

А в это время Гани, ловко прыгая по камням, быстро спускался с горы. Он торопился, Ибадат не простит ему того, что он сделал.

---

[1] **Джаным** — дорогой.

Родителей Гани не помнил. Отец его пас овец Рахим-бая[1] и умер, когда сынишка был совсем маленьким.

— Вырастет, батраком будет, хлеб отработает,— сказал Рахим-бай и оставил мальчика у себя.

— Пока вырастет, сколько хлеба сожрет,— сердилась жена Рахим-бая, толстая Ибадат. И она старалась давать мальчику еды поменьше, а работы побольше. Десятилетний Гани давно уже работал за большого, хотя худенькое тело его ныло от усталости и частых колотушек: на хозяев было трудно угодить.

Но сейчас и усталости и горя как будто не бывало. Прыгая по камням, Гани готов был петь от радости. Еще бы! У него ведь никогда не было друзей и некогда было их заводить. Ибадат не позволила бы тратить время на игру. А теперь там, в пещере, лежал его друг — больной волчонок. Он его вылечит, и потом, может быть, они вместе убегут куда-нибудь...

Но тут мальчик вздрогнул и остановился.

— Гани! Гани-и-и... шайтан! — визгливо кричала Ибадат, стоя возле юрты.

— Я здесь,— отозвался мальчик, подбегая к ней не слишком близко, чтобы можно было вовремя увернуться от тумака, каким обычно сопровождались все распоряжения злой женщины.

— Кто коз загонять будет? — набросилась она на него.— А воды кто принесет? Я, что ли, за тебя работать буду, объедало, нищий, волчонок!

Гани схватил две большие пустые тыквы и, той же дорогой поднявшись к ключу, наполнил их чистой водой.

После этого он побрызгал водой и подмел землю около юрты, перетащил мешки с зерном и сделал множество разных дел, прежде чем получил сухую лепешку и две обглоданные кости.

— Шайтана-то своего куда дел? — спросила несколько умиротворенная его послушанием хозяйка.

— Убежал,— коротко ответил Гани и насторожился.

— Убежал! — взвизгнула Ибадат и запустила в него еще не совсем обгрызанной костью.

Гани ловко подхватил ее на лету и мгновенно скрылся. Сердце его ликовало: три кости, три кости, полные вкусного жирного мозга! Целый пир для волчонка.

И как это случилось, что именно сегодня Ибадат в непонятной рассеянности отдала ему кости с невынутым мозгом?

Бурре лежал, забившись в самый дальний угол пещеры. Лапка болела меньше, и хотя ступить на нее он еще не мог, но с улучшением здоровья вернулась к нему прежняя дикость. Глаза его засверкали и шерстка стала дыбом, когда камень у входа в пещеру с шумом отодвинулся. Мальчик разбил кости и сложил кусочки мозга на большой зеленый лист. Волчонок задрожал: он не ел почти сутки, и запах пищи бил ему в нос. Правда, мальчик сидел тут же, но голос его звучал ласково, не пугал, а успокаивал...

---

[1] **Бай — богач, хозяин.**

Продолжая говорить, Гани протянул руку с лепешкой. Волчонок ощетинился и сделал попытку отвернуться. Рука приблизилась. Цапнуть ее зубами? Но пища... запах. Может быть, откусить немножко, чуть-чуть?.. И Бурре едва не подавился, торопясь проглотить первый кусок. За ним последовал второй, третий. Волчонок уже не церемонился и вырывал из рук мальчика кусочки размоченной и намазанной мозгом лепешки.

Себе Гани не оставил ничего, но он был счастлив. Сухие листья в пещерке были его привычной постелью, и через несколько минут волчонок крепко спал рядом с мальчиком. Он вздрагивал и прижимался к нему: во сне он видел теплый пушистый бок матери и вкусных мышей-полевок.

Лапка заживала медленнее, нежели рассчитывал маленький доктор. Наутро опухоль дошла до плеча, и волчонок не мог двинуться с места.

Искусный во всякой работе, Гани изготовил силки из конского волоса и наловил жирных мышей. Поймал и молодого суслика, но маленький Бурре стонал, разметавшись от жара, и только жадно лакал воду из глиняного черепка. Этой же водой Гани непрестанно смачивал ему голову и больную лапку.

Колотушки и брань хозяйки, возмущенной его частыми отлучками, он сносил покорно и продолжал уверять, что волчонок убежал, чтобы Садык с товарищами не убили его.

В гневе своем Ибадат уменьшила и без того скудную порцию огрызков, полагавшуюся «нищему», и мальчик, подстерегая мышей для волчонка, выкапывал съедобные корни для себя и ими питался.

Много дней пролежал в пещере больной волчонок. Образ матери за это время потускнел в его памяти. Теперь он часами, не сводя глаз со светлой щелки около камня, закрывающего вход в пещеру, ждал тоненькую коричневую фигурку мальчика в рваных штанишках и с тихим визгом пытался подползти к его ногам, когда камень отваливался.

— Подожди, подожди,— смеялся тот, развязывая мешочек, висевший на плече.— Есть хочешь? На, бери. Вот мышка, а вот суслик. Да не хватай за руки, палец откусишь!

Волчонок глотал, почти не разжевывая, и мышь, и суслика. Потом Гани выносил его на руках из пещеры и укладывал поудобнее на солнышке, а сам плел новые силки или расставлял их неподалеку. Волчонок лежал, не сводя с него глаз, и радостно опрокидывался на спинку, когда Гани щекотал его мягкое брюшко.

Однажды Гани застал в ауле большое смятение.

— Бороды нет, усов нет, а голова вся седая,— возбужденно рассказывал Садык.— И говорит, руку колоть будет всем и лекарство пускать, чтобы не было черной болезни. А старики говорят, от лекарства и будет черная болезнь. Аллах не велел пускать лекарство. Мулла сказал, что это дурные люди и они хотят нам зла.

— А если не давать руку колоть? — спросил Хашим.

— Тогда красные солдаты придут и с собой уведут. А мулла Ибрагим-бек говорит, если будем слушать коммунистов, аллах рассердится на нас!

У соседней юрты стояли две верховые лошади. Гани так и припал глазом к дырочке в кошме юрты. На ковре, облокотясь на ватные подушки, сидели старики и двое приезжих: русский и киргиз.

Перед ними было большое блюдо дымящегося плова, лепешки, наломанные кусками, и высокий медный чайник. Голодные глаза мальчика прежде всего задержались на этих вкусных вещах, но скоро странный вид приезжих заставил его забыть о еде.

Сначала его поразила русская одежда. Киргиз-проводник был одет, как и доктор, в защитного цвета френч и брюки.

«Чего это они наложили в карманы, что так торчат? — мелькнуло в голове мальчика.— Не лепешек ли про запас?»

Потом внимание мальчика привлек сам доктор.

Его гладкое выбритое белое лицо резко выделялось среди бронзовых лиц киргизов. Особенно удивили мальчика глаза: голубые-голубые.

«Вот они какие, русские! — подумал Гани.— А кто такие коммунисты?»

В эту минуту русский заговорил. Он говорил по-киргизски, но как-то непривычно, так, что Гани сначала даже с трудом понимал его.

— В большом городе,— говорил доктор,— все люди, русские и киргизы, колют руку вот таким ножичком и мажут лекарством, и от этого никогда у них не бывает черной болезни. Завтра соберите весь народ сюда, и я всем уколю руки и помажу лекарством. И тогда ни у кого не будет рябого лица, никто не ослепнет от черной болезни, и дети не будут умирать.

Старики качали головами и переглядывались. Они запускали руки в блюдо дымящегося жирного плова и медлили с ответом. Ой, какой плов! Гани никогда такого не пробовал.

Наконец русский встал.

— Завтра соберите народ, я со всеми сам поговорю,— сказал он.

Гани, прислонившись к стенке, весь дрожал от возбуждения. «Так вот какой русский доктор!»

Вдруг чья-то рука коснулась его плеча. Он отскочил как ужаленный. «Наверно, Ибадат! Тогда мне здорово попадет за подсматривание».

Но это был сам доктор. От неожиданности у Гани даже ноги подогнулись. Доктор дружески улыбнулся и поманил мальчика рукой. Гани, перепуганный, опустил голову, но подошел. Доктор участливо осмотрел его худенькую, почти голую фигурку.

— Тебе разве не холодно? — спросил он.— Где твой халат?

Гани покачал головой.

— У меня нет халата. У меня есть только вот это.— И он показал на свои рваные штанишки.

Лицо доктора стало серьезным.

— Кто твой отец? — спросил он.

— У меня нет отца, умер! — опустив голову, ответил Гани. Взгля-

нув в добрые глаза доктора и невольно поддавшись чувству доверия, он прибавил: — У меня и матери нет, я один тут. У Рахим-бая живу.

— Тебе плохо здесь живется? — продолжал доктор. Его внимательные глаза уже заметили следы синяков на плечах мальчика.

Гани почувствовал ласку в его голосе, и доверие его усилилось.

— Теперь неплохо, у меня есть друг,— ответил он и вдруг, в неожиданном порыве, рассказал про волчонка, спрятанного в пещере.

Доктор, сильно взволнованный, погладил его по голове.

— Я подумаю о тебе, мальчик. Сейчас мне некогда, завтра поговорим.

— Мне тоже некогда,— серьезно ответил Гани.— Надо принести воды, натолочь проса и накормить Бурре, он ждет меня.

Вечером, уложив волчонка и задвинув камень, Гани не выдержал и решил спуститься в аул.

Было совершенно темно. Под нависшей над тропинкой скалой кто-то зашевелился, послышались приглушенные голоса.

Гани неслышно скользнул ближе.

— Шайтан! — услышал он голос муллы Ибрагима.— Коммунисты и до нас добираются. Они молодых всему научат: в аллаха не верить, старших не слушаться.

— Правда, правда! — подхватил другой голос, и Гани узнал Рахим-бая.— Хотя, по правде сказать, от этого лекарства, что врач привез, польза есть. Я слыхал, оно хорошо охраняет от черной болезни.

— Правду говоришь,— отвечал мулла Ибрагим,— но ведь мы с тобой можем и в город свозить своих детей, чтобы никто не знал. А здесь, в ауле, нельзя: народ перестанет бояться аллаха и слушаться нас.

— Этот шайтан-доктор во все лезет,— со злобой продолжал Рахим-бай.— Сегодня ко мне привязался, отчего этот волчонок Гани худой да голый, а мой сын в бархатном халате? Отдай, говорит, мальчика в детский дом в Ош, там будут его учить и кормить. Я сам, говорит, могу его в Ош отвезти. Не имеешь права ребенка обижать. Такой, говорит, у коммунистов закон. Шайтан-доктор!

— Не надо его отсюда отпускать,— вмешался третий голос, и Гани узнал Юсуп-бая, соседа муллы Ибрагима.

— Кончить! Сегодня же ночью. Обоих! А коней в степь пустить. Кто узнает — куда делись? Другие не так полезут, опасаться будут.

— Можно...— медленно протянул мулла Ибрагим.— Вот как все уснут... А потом поперек седла к лошадям привязать и... концы в воду.

Продолжая шептаться, все трое двинулись к аулу. Под скалой все затихло.

Мальчик так и застыл в углублении между камнями. Это его? Доктора? Он говорит так ласково, в Ош отвезти хочет. Нельзя, говорит, маленьких обижать. А здесь все обижают...

Гани крепко прижал руки к груди, точно стало трудно дышать, и тихо скользнул по тропинке вниз к аулу.

Около первых юрт он остановился, прислушался и, опустившись на четвереньки, двинулся дальше ползком.

Темно. Тихо. Все спят. Ползти осталось совсем немного.

Около юрты, где ночевали приезжие, на приколе острые глаза Гани разглядели две тени. Слышалось мерное дыхание и похрустывание. От радости мальчик чуть не вскрикнул: киргиз-кучер привязал лошадей около юрты, утром рано собирались привить оспу и ехать дальше.

Затаив дыхание, Гани подполз ближе. Собаки поднялись было, но, узнав его, успокоились.

Ночь выдалась холодная, все спали в юрте. Хозяина еще не было. Надо действовать быстро, пока он не вернулся.

От волнения кровь застучала в висках. Гани приподнял кошму, закрывавшую вход в юрту, и, просунув под нее голову, замер, стараясь рассмотреть что-нибудь. Где спит доктор? Ничего не видно.

Вдруг на кучке угольев, остатках костра посередине юрты, затлелась и на мгновенье вспыхнула случайная травинка. Вспыхнула и потухла, но Гани уже увидел все, что надо.

Он подполз к доктору, наклонился к самому его уху и чуть слышно шепнул:

— Тише, иди за мной! — И тихонько потянул его за руку.

Легкое пожатие руки ответило ему. Еще минута — и оба неслышно, как кошки, вышли из юрты.

— Тебя убить хотят,— шепнул мальчик.— И помощника твоего тоже. Потому что вы в аллаха не верите и других этому учите. Мулла сказал. Лошади вон там. Пойдем, я проведу. Тише, Кара! — пригрозил он собаке.

Доктор понял: мальчик говорит правду. Времени оставалось немного.

— Шарип,— тихо позвал он киргиза, спавшего во дворе.

Через минуту оба сидели на отвязанных неоседланных лошадях.

— Мальчик, едем со мной! — сказал доктор, нагибаясь.

Гани так и рванулся к нему, схватил за руки, но вдруг отстранился и с отчаянием покачал головой:

— Я не могу. Там, на горе, Бурре. Он больной, он умрет без меня.

— Ты будешь жить у меня, учиться. Поедем! — настаивал доктор, забывая об опасности.

У Гани клубок подкатил к горлу. Искушение, самое сильное в жизни, овладело им.

Но он все-таки отступил и потянул руку, которую держал доктор.

— Не могу. Пусти! — И вдруг, осененный неожиданной мыслью, добавил: — Я к тебе приду. Где живешь?

— В городе Ош,— взволнованно шепнул доктор.— Приходи в больницу, я там всем скажу.— И, подтянув мальчика к себе, крепко поцеловал и отпустил.

Гани, как ящерица, юркнул в сторону и исчез в темноте. Лошади бесшумно тронулись с места. Все стихло.

А через час за юртой послышались взволнованные голоса:

— Рахим-бай, это ты? И мулла Ибрагим здесь?

— Кто же их предупредил?

— Их нет. Мы пропали!..

Через несколько минут весь аул был в волнении. Ничего не подозревавшие жители бегали и всплескивали руками, стараясь разгадать тайну неожиданного бегства гостей. И больше всех суетились и удивлялись Рахим-бай, Юсуп-бай и почтенный мулла Ибрагим.

А в крошечной пещерке, высоко на горе, волчонок радостно бросился навстречу хозяину.

— Это ты, Бурре? Ложись, ложись, джаным, вот сюда, тут теплее. Скоро мы побежим с тобой далеко-далеко, в Ош. Там добрый доктор, там коммунисты не дают обижать маленьких. И мы, Бурре, мы оба будем коммунистами!

Волчонок ласково жался к худенькому телу Гани. Его лапка почти зажила, и за это время выросла горячая любовь к маленькому человеку, с которым они столько дней и ночей провели вместе.

Бурре лизнул гладившую его руку и сонно зевнул.

Это была вторая ночь, которую Гани провел в своей пещерке без сна, с волчонком на руках. Но в первую ночь он чувствовал себя другом и покровителем волчонка. А сегодня сердце его переполняло счастье от сознания, что и у него самого нашелся могущественный покровитель и друг.

К его радости не примешивалось ни малейшей горечи и опасения за свою судьбу. Он не уехал сейчас, но ведь это пустяки. Бурре скоро поправится, и они вдвоем, конечно, дойдут до того удивительного места, где живет его добрый друг доктор.

Счастье его не было омрачено предчувствием беды.

И однако беда надвигалась.

С первыми лучами солнца на площадке под скалой появилась высокая фигура муллы Ибрагима. За ним шел Рахим-бай.

— Нас было трое,— отрывисто говорил мулла.— Смотри, вот это твой след, у тебя один каблук ниже другого. А у меня на каблуках вырезаны звездочки — вот они. Где след Юсуп-бая? Вот, он в калошах. Но кто же был четвертый?

Рахим-бай вскрикнул и быстро нагнулся.

— Вот,— глухо сказал он, выпрямляясь, в руках он держал маленький серый мешочек.— Здесь поднял, у скалы. За этим выступом стоял четвертый и слушал. Кто он? Нищий, волчонок, змея, которую я подобрал, чтобы она ужалила меня.

— Он подслушал наш разговор и сказал об этом приезжему коммунисту! — вскричал мулла Ибрагим.— И теперь тот приведет кызыл аскеров [1].

— Бежать надо, и как можно скорее,— перебил его Рахим-бай.— Но прежде я своими руками задушу этого сына шайтана.

— В Афганистан — одна нам дорога,— опустил голову мулла Ибрагим.— Там еще можно жить, туда не доберутся до нас.

А в это время, весело напевая, по тропинке спускался Гани. Он торопился в аул: нужно много-много дел переделать для злющей Ибадат. Экая досада, что он вчера где-то потерял свой мешочек с волосяными силками, и Бурре сегодня получил только трех оставшихся с вечера

---

[1] Кызыл аскеры — красноармейцы.

мышей и так просился побегать с ним. Он уже сам начал выкапывать мышей здоровой лапкой. Но мешочек...

— ... своими руками задушу сына шайтана,— донеслось до него.

Прижавшись к расщелине, Гани выглянул из-за скалы.

— Так и есть, они, но почему так сердится Рахим-бай? Кого задушить? Доктора? О...— И Гани задрожал и плотнее прижался к холодному камню: он увидел свой мешочек в руке Рахим-бая.

Мальчик не знал ни ласки, ни заботы, но сейчас впервые угрожали его жизни.

«Задушу, как щенка...»

Гани невольно дотронулся до горла, ему стало трудно дышать. Он и Бурре — такие маленькие и слабые. И против них все эти большие злые люди.

Рахим-бай яростно бросил серый мешочек на землю и наступил на него ногой.

— Идем! — сказал он.— Надо собираться. Приедут кызыл аскеры, и наши головы — долой!

Под скалой все затихло. Дрожа и оглядываясь, Гани выполз из-за угла, чтоб взять мешочек.

Сзади послышались быстрые шаги. Его ударили по голове, и больше Гани ничего не помнил.

Очнулся он от сильной боли в связанных сзади руках. Руки были грубо вывернуты, почти вывихнуты, и самого его куда-то тащили. Потом с размаху бросили на камни.

— Подыхай тут, щенок, рук об тебя марать не хочу! — И Рахим-бай толкнул его ногой.

Гани тяжело дышал, мысли путались.

— И не надо рук марать,— насмешливо протянул мулла Ибрагим.— Мы оставляем его живым, а дальше... воля аллаха!

— А как ты заметил его? — спросил Рахим-бай.— Я ничего не видел.

— Он из-за скалы выглянул и спрятался. Тебе я не сказал, чтобы он не услыхал. Ловко мы его подстерегли! А теперь скорее едем, аскеры вот-вот нагрянут.

Гани остался один. Он лежал вверх лицом, на связанных руках. Они невыносимо болели. Гани тихонько застонал и открыл глаза.

Жалобный визг, совсем близко, ответил ему.

Гани поднял голову. Так и есть, ведь это его ущелье, а вот пещера, где сидит Бурре. Большой камень задвинут неплотно, и в щель как будто виден острый бурый нос волчонка. Какое счастье, что он не выдал себя визгом: те, наверное, убили бы его.

— Бурре, о Бурре! — тихо позвал мальчик.

Визг и вой усилились. Слышно было, как волчонок бился в пещерке, пытаясь выбраться на свободу. Сегодня он позавтракал не досыта и с нетерпеньем ждал хозяина, чтобы отправиться на охоту за мышами. А теперь хозяин звал его вместо того, чтобы отодвинуть камень.

Гани с трудом перевернулся. Связанным рукам стало немного легче. Чем это они стянуты? Он повернул голову. О, вышитый платок. Им Ра-

хим-бай всегда вытирал руки после жирной, вкусной еды. И сейчас от платка пахнет бараньим салом. Видно, еще сегодня утром он вытирал им руки. Наверное, плов ел!

Как голоден Гани! Голоднее волчонка, который с плачем бился о камни.

Перекатываясь и извиваясь, как ящерица, Гани дополз до пещерки и приложил лицо к отверстию. Обезумевший от радости волчонок облизал мокрую от слез щеку.

— Что мне делать с тобой, Бурре? А, понял, подожди!

Встав на колени, Гани плечом уперся в край камня, подтолкнул еще и еще. Камень пошатнулся. Ну, сильнее. Сейчас, Бурре, сейчас!

Перевернувшись, камень грузно покатился с горы, а за ним, не удержавшись на связанных ногах, Гани. Он до крови расцарапал щеку, больно ушибся и лежал чуть дыша, а освобожденный волчонок с визгом кидался на него, хватал зубами за руки, лизал лицо и в восторге кружился, ловя собственный хвост.

Залюбовавшись им, мальчик на минуту забыл о собственной участи. Теперь Бурре спасен. Он может ловить мышей, сусликов. А он, Гани? Руки и ноги у него связаны, он умрет от голода. Ах, как вкусно пахнет платок!

Мальчик извивался в тщетных попытках освободиться. Крупные слезы текли и сохли на его щеках, а солнце все сильнее припекало камни, на которых он лежал.

— Пить, как хочется пить!

Вдруг удивительная мысль пришла ему в голову. Перекатившись лицом вниз, он с трудом пошевелил руками.

— Бурре! — позвал он.— Возьми!

Волчонок подбежал и уставился на шевелящиеся руки.

Раньше Гани шевелил так прутиком или палочкой, а он хватал и грыз прутик зубами. Наверное, такая же игра! О, как вкусно пахнет платок! И острые зубы волчонка впились в тряпку. Он рвал засаленные пестрые лоскутки, которые своим запахом еще больше возбуждали голод.

Наконец, он вцепился зубами в самый узел платка. Ай, как вкусно жевать! Раз хозяин позволяет... И волчонок жевал и жевал, пока весь узел не остался у него в зубах.

Перевернувшись, Гани схватил его на руки.

— Бурре, ты спас меня! Раньше — я, теперь — ты, ведь мы оба волчата!

Отдышавшись, мальчик развязал платок на ногах. Он тоже хороший, шелковый. Это, наверное, муллы Ибрагима.

— Нет, Бурре, этот тебе не отдам, хватит и одного.— И Гани подвязал ярким платком свои спадающие штанишки.

Бурре жалобно посмотрел на него: ну вот, так весело было драть и жевать эти вкусные тряпки. А теперь нельзя! Правда, он и не пахнет так вкусно. И волчонок погнался за пролетавшей бабочкой.

Через минуту он уже проглотил зазевавшуюся мышь и толстую саранчу. Потом ящерицу, другую... И Бурре быстро набил отощавшее брюшко.

Гани, весело поглядывая на него, растирал онемевшие ноги. Как хорошо, что Бурре может уже сам позаботиться о себе. Ведь им предстоит длинная дорога к другу-доктору.

Счастливый своим освобождением, ребенок забыл о том, что ему самому хочется есть. Но вскоре голод напомнил о себе с удвоенной силой. Гани не ел со вчерашнего дня. Что делать? Вкусных корешков недостаточно.

С камня, на который вскарабкался Гани, ему виден был прилепившийся у подножия горы аул. Три юрты стояли в некотором отдалении от остальных. Это юрты муллы Ибрагима, Рахим-бая и Юсуп-бая. С такого расстояния люди казались совсем маленькими, но все-таки было заметно, что около этих юрт суетится народу как будто больше, чем около других.

Далеко в степи заклубилась пыль. Ехал отряд всадников человек в двадцать. Острые глаза мальчика заметили, что за их спинами что-то поблескивало.

«Ружья,— сообразил он,— кызыл аскеры. Что теперь будет? Ведь доктор не успел уколоть людям руки и намазать лекарством. Значит, теперь аскеры всех увезут с собой, как говорили в ауле».

Весь день Гани пролежал за камнем. Он жевал корешки и смотрел. Волчонок, в восторге от целого дня свободы, носился как угорелый. Он выспался на солнце, наелся и, поминутно подбегая, подталкивал мальчика носом в бок или тихонько кусал за ноги. Но Гани, всегда готовый играть, сегодня только гладил его и повторял:

— Отстань, Бурре, не мешай смотреть!

Под вечер отряд выехал обратно. Гани заметил, что всадников прибавилось. А в ауле все спокойно.

Наконец Гани не выдержал и решил в последний раз спуститься к аулу.

— Посиди пока дома, Бурре,— говорил он, заваливая пещерку.— Завтра пойдем далеко, в город к доктору.

Волчонок визжал и царапался. Он не хотел опять сидеть один и жалобно завыл, услышав, что Гани быстро спускается с горы: надо узнать, что сделали в ауле кызыл аскеры, и достать чего-нибудь поесть.

Уже хорошо были видны юрты. И вдруг Гани заметил мальчиков. Садык, Хашим и Юнус стояли на дороге и о чем-то возбужденно говорили. Потом они побежали в сторону, где за камнем притаился Гани.

— Вот сюда,— говорил Садык, указывая на высокое дерево,— под корень мать положила большие хурджумы. Все там есть — лепешки, баранина, чтобы отец взял и поехал. А кызыл аскеры быстро пришли. И его забрали, и муллу Ибрагима, и Юсуп-бая...

— Они и Гани искали, с собой увезти хотели,— прибавил Хашим.— Зачем это? В тюрьму посадить?

Гани все слышал. Еще новая опасность! Что он сделал кызыл аскерам? Неужели весь свет на него ополчился?

— Нет,— вмешался Юнус.— С ними ведь шайтан-доктор был. Он старшему кызыл аскеру говорил: «Я его с собой хочу взять. Найдите его, я боюсь, что эти трое его убили».

— И стоит убить! — злобно крикнул Садык. Но в это время раздался визгливый голос Ибадат.

— Садык! — кричала она.— Хашим! Идите домой скорее!

— Идем! — крикнул Хашим и прибавил: — Иди и ты с нами, Юнус, а то один съешь все самое вкусное из хурджума. Пойдем!

И вся тройка побежала вниз.

А за камнем лежал и горько плакал Гани.

— Доктор и меня искал, а я испугался кызыл аскеров, дурак! — сквозь слезы шептал он.— Кызыл аскеры — друзья доктора и не хотели жечь аула. О, я дурак!

Гани плакал, забыв, что его могут услышать. Наконец он опомнился и встал.

Подойдя к старому ореховому дереву, он нагнулся и, вытащив из-под корня мешок, с трудом взвалил его на спину.

— Хорошо,— сказал он,— мы с Бурре пойдем к доктору. Теперь и у нас еда есть.— И тонкая, согнувшаяся под тяжестью мешка фигурка исчезла за деревьями.

Бурре точно взбесился. Он больше не хотел сидеть в пещере. Он выл и кидался на стены и чуть не разбередил лапу, пытаясь подкопаться под камень, загораживающий путь к свободе.

Вдруг он притих и прислушался: чу, знакомые шаги...

Гани быстро отодвинул камень и, подкатив его к обрыву, пустил вниз. Камень с грохотом ринулся по откосу, вздымая тучи пыли и увлекая за собой другие камни.

— Больше он нам не нужен! — весело воскликнул Гани.— Завтра мы уходим, Бурре, рано-рано утром, вон туда, куда уехали аскеры. А сейчас давай есть, мы с тобой еще никогда такой еды не видали!

Вечернее солнце осветило последними золотыми лучами удивительную картину: на большом плоском камне, над самым обрывом, ниже которого начинался ореховый лес, сидели волчонок и смуглый голыш. Между ними стоял большой хурджум. Волчонок с рычаньем обрабатывал баранью голову, мальчик — баранью лопатку, отрывая от нее куски сочного мяса.

— Не сердись, Бурре,— говорил мальчик.— Мяса много, ешь сколько хочешь. Набирайся сил, завтра мы пойдем к доктору.

Солнце уже легло спать, а мальчик все еще сидел на площадке, обхватив руками голые коленки. Сытый волчонок слегка вздрагивал и рычал во сне, и только бледная луна видела, как уснул и мальчик, положив голову на мягкую шерстку зверька.

Утро застало их в дороге.

Гани сгибался под тяжестью больших хурджумов, перекинутых через плечо. Правда, хороший ужин и роскошный завтрак сильно их облегчили. Гани знал, что мясо долго не продержится, и не сдерживал аппетитов — своего и приятеля.

— А как мясо съедим, будешь ловить мышей,— сказал он волчонку и похлопал его по спине.— Лепешки все себе оставлю, я ведь мышей и лягушек не ем.

Бурре подпрыгнул и лизнул прямо в нос: солнце сияло, и они (он это чувствовал) отправлялись в длительное путешествие. Мир был прекрасен.

Гани любил лазить по горам. Ему нравился простор открывавшегося перед ним горизонта и за горами чудилась другая жизнь, заманчивая, но туманная и неясная, а сейчас мечты его приняли определенную форму. Отдельные фразы о новой жизни, слышанные им от доктора, всецело завладели его фантазией.

И волчонок изменился, когда понял, что его больше не будут запирать в пещеру-тюрьму. Ловкость, с которой он находил себе пропитание, была просто изумительна.

Идти равниной, по которой приехали кызыл аскеры, Гани не решался: его могли поймать друзья Рахим-бая. Надежнее было пройти через перевалы. Разговоры о дороге в город Ош он слышал часто и помнил хорошо.

В горах не было недостатка в источниках чистой холодной воды, но там, за тремя перевалами, будет уже равнина, по которой легче идти, но надо запасать воду, иначе пропадешь. У Гани была тыква, а в хурджуме нашлась чашка, из которой можно поить Бурре.

— Дойдем! — весело сказал он. В это радостное утро все казалось просто и легко.

Боясь, чтобы не разболелись не привычные к долгой ходьбе лапы волчонка, Гани несколько раз останавливался на отдых. Волчонок выразительно тыкался носом в хурджум. «Что ж, развязывай»,— говорили его глаза.

Гани доставал кусок мяса и братски делил его с приятелем. Себе он отламывал еще кусочек лепешки.

— А ты полови мышек,— говорил он волку.

Кончив еду, они блаженно раскидывались на солнце и дремали, потом кувыркались, боролись и, освежившись таким образом, шли дальше.

Первая ночь застала их на перевале, и Гани чуть не замерз, кутая свои голые плечи в зеленый шелковый платок.

— Тебе хорошо,— укорял он утром знатно выспавшегося волка,— у тебя шуба-то вон какая! Нет, теперь будем ночевать внизу, там теплее.

Волк не возражал, а утреннее солнце изгнало само воспоминание о ночи.

На третий день им долго не попадалась вода. Волк давно уже высунул длинный красный язык и, казалось, с укором посматривал на хозяина: «Почему, мол, в тыкву не налил воды?»

Вдруг он остановился, принюхался и что есть мочи кинулся вверх по обрыву.

— Куда ты, куда ты, Бурре? — закричал Гани, но и сам побежал, доверяя чутью зверя.

И правда, в углублении скалы еле сочилась тонкая струйка воды и, не доходя до дна ущелья, пропадала в расселине.

Волк жадно лизал мокрые камни.

— Постой, дурачок,— отодвинул его Гани и подставил под струйку чашку.— Пей! Здесь и привал устроим.

Напившись вволю и наполнив тыкву, мальчик стал спускаться вниз, как вдруг почувствовал укол и резкую боль в ноге.

Взглянув под ноги, Гани похолодел от ужаса: по тропинке, быстро извиваясь, ползла маленькая, пыльного цвета змейка.

— Смерть! — в тоске прошептал мальчик. Но через мгновенье решительно схватил острый обломок ножа и, размахнувшись, глубоко надрезал укушенное место. Еще минута — и он все тем же зеленым платком туго перетянул ногу выше пореза и пополз обратно к ключу, с трудом волоча свалившиеся с плеча хурджумы. В голове его смутно мелькнула мысль, что если ему придется несколько дней пролежать больному, надо иметь воду под рукой.

Очнулся он от жалобного воя Бурре. Волчонок лизал его лицо и руки, ощетинившись, с рычанием нюхал больную ногу и, отойдя, заливался унылым воем.

Гани пошевелился и застонал. Нога распухла, как бревно, так что перевязка врезалась в нее.

Бурре снова подошел к Гани и, подталкивая носом в руку, заглядывал в глаза с такой любовью и участием, что мальчику стало как-то легче на душе.

— Бурре, джаным,— сказал он,— не отходи от меня, мне с тобою легче.

И волчонок, словно поняв его, ласкаясь, лег и прижался к нему всем телом.

Солнце садилось, на голых остывших камнях мальчика била лихорадка. Он впал в беспамятство.

Сколько дней прожил он между жизнью и смертью, этого Гани не знал. Приходя в сознание, он жадно пил воду, иногда съедал кусочек превратившейся в камень лепешки, давал Бурре, но немного, смутно соображая, что тот может прокормиться и чем-нибудь другим. И волчонок не настаивал, но, по-видимому, уделял охоте мало времени, потому что, когда бы Гани ни пришел в себя, он всегда находил его рядом.

Ногу Гани развязал, и сам не помнил — когда, и даже нашел в себе силы отползти с камня на землю.

Наконец, настал день, когда мальчик по-настоящему пришел в себя. Нога его почти не болела, опухоль спала, но во всем теле была слабость, и невероятно хотелось есть.

Гани засунул руку в хурджум, нащупал последний кусок лепешки. Размочив в воде, он проглотил его в одну минуту и почувствовал себя лучше. Но откуда взять еще еды?

Оглянувшись, он заметил, что волчонка не было поблизости. Ужас охватил мальчика. А что если Бурре надоело сидеть с больным и он убежал и больше не вернется?

— Бурре, о Бурре! — воскликнул Гани дрожащим голосом.

Легкий топот быстрых ног послышался в ответ, и перед мальчи-

ком появился волчонок с только что задушенным молодым сусликом в зубах.

Гани протянул к нему руки.

— Бурре, милый Бурре, джаным, ты пришел, ты меня не оставил!

Волчонок подбежал к нему, видимо, сам сильно обрадованный, и, положив суслика, принялся лизать тонкую, как палочка, руку хозяина.

Новая мысль пришла в голову мальчика. Суслик — сырое, но все-таки мясо. Он съест его, и у него будут силы пойти накопать кореньев и идти дальше.

Он протянул руку. Бурре ощетинился и тихо заворчал.

— Бурре,— жалобно сказал Гани,— отдай мне суслика, ты еще поймаешь. Ведь я отдавал тебе все и мышей ловил.— И он взял суслика в руки.

Волчонок нерешительно смотрел на него. Инстинкт борьбы за добычу и любовь к человеку боролись в нем. Но вот шерсть его опустилась, и он отошел в сторону, уже без злобы наблюдая за Гани. А тот, преодолевая слабость и отвращение, ножом снял с суслика шкуру и выпотрошил его.

— Это твоя доля,— сказал Гани волчонку, и тот, окончательно умиротворенный, подошел и, покорно получив свою часть, тут же проглотил ее.

Жирный сырой суслик был отвратителен, но Гани хотел жить. Он съел его всего, целиком, разгрыз и высосал нежные косточки и почувствовал, что новые силы влились в его ослабевшее тело. Волчонок прилег около него.

— Поймай мне еще суслика, Бурре,— попросил Гани, прижимая к себе лохматую голову друга.— Поймай еще суслика, и мы пойдем дальше, я снова буду ставить силки для тебя.

Его ослабевшему мозгу казалось, что волк понимает его, и он не удивился бы, услышав от него ответ на человеческом языке.

В первый раз Гани заснул спокойным сном выздоравливающего.

Каково же было его изумление и радость при пробуждении: волчонок стоял над ним с самым добродушным видом, а рядом с ним лежал суслик, большой и жирный.

Прошло несколько дней, и из ущелья на равнину, опираясь на палку, с тыквой на плече, вышел коричневый полуголый мальчик.

Волчонок, вернее молодой волк, радостно скакал около него.

— Идем, идем, Бурре! — говорил мальчик.— Ты меня хорошо откормил, видишь, я совсем жирный. Теперь мы уже скоро придем к доктору.

Но говоря это, «жирный» мальчик тяжело налегал на палку. Нога не болела, но еще плохо слушалась, словно чужая. Однако он уже мог ставить силки на мышей и сусликов.

Мальчик бодрым взглядом окинул расстилавшуюся перед ним бесконечную равнину...

Тихий теплый вечер. У открытого окна больницы разговаривали молодая женщина врач, только что приехавшая на работу, и заведующий хозяйством, человек с неприятным взглядом.

— Наш главный врач Русанов, вы увидите, очень серьезный работник,— говорил завхоз.— И человек отличный, но взбалмошный. Представьте себе, сам ездит в дикие горы, уговаривает киргизов прививать оспу. Недавно его чуть не зарезали, еле вырвался, какой-то мальчишка его предупредил. Так вы знаете, бредит этим мальчишкой! Во время бегства он случайно встретил отряд красноармейцев по борьбе с басмачами, так с ними вернулся на розыски. Красноармейцы выявили виновных и арестовали их. А он все мальчишку искал. А тот так и пропал, может, зарезали его за донос. Теперь Русанов сам не свой. «Не могу, говорит, забыть, что мальчик не захотел волка в беде покинуть. И погиб из-за меня». Еще раз в горы ездил. Здесь всех предупредил: если придет мальчик, который доктора ищет, ко мне ведите. А мальчишка, знаете, почему с ним сразу не поехал? У него волчонок остался больной в пещере. «Пропадет,— говорит,— без меня. Я потом приеду». И Русанов места себе не находит. Смешно, право!

— Не смешно, а мерзко,— вырвалось у молодой женщины с таким жаром, что завхоз отступил от нее.— Мерзко, что вы смеете так об этом говорить! И я тоже себе места не нашла бы, если бы такой мальчик, спасая меня, сам погиб.

Завхоз собирался что-то возразить, но в эту минуту во дворе послышался шум.

— Доктора! — кричали возбужденные голоса.— Главного врача, скорее! Его мальчик пришел, с волком который!

Молодая женщина кинулась к окну. Доктор выбежал раньше.

Перед крыльцом, опираясь на палку, стоял мальчик; почти голый. Рваные штанишки подпоясаны лохмотьями зеленого шелкового платка, в руке он держал обрывок веревки. Другой конец ее был обмотан вокруг шеи крупного волчонка, настороженно жавшегося к нему.

Коричневая кожа мальчика, казалось, была натянута на голые кости, а ребра волка выступали сквозь мохнатую шкуру. Оба, видимо, еле держались на ногах от истощения.

— Мы пришли, я и Бурре,— тихо сказал мальчик.— Мы долго шли,— продолжал он в абсолютной тишине.— Меня змея укусила, я больной лежал в горах, меня Бурре кормил, сусликов носил.— И рука мальчика легла на голову волчонка.— Собаки хотели разорвать Бурре, я не дал. Вот — укусили (нога мальчика была замотана тряпкой). Злые люди хотели убить Бурре, я тоже не дал. Мы убежали. Мы пришли, я и Бурре.— И, пошатнувшись, Гани упал бы на землю, если бы его не поддержали заботливые руки доктора. Это был обморок.

Волк глухо, но выразительно зарычал. Доктор выпрямился и, не скрывая, вытер рукой глаза.

— Принесите ему супу скорее,— сказал он.— С ним нельзя ссориться. Иначе он не даст поднять мальчика и перенести на кровать.— И, повернувшись к женщине, он вдруг улыбнулся счастливой, омолодившей его улыбкой: — Вот видите, теперь и у меня есть семья. И еще какая хорошая семья: я, он и Бурре!

ВИТЮК

Звонкий, удивительно чистый и нежный звук бронзового колокольчика слился с мерным боем стенных часов.

— Восемь!— простуженным голосом отсчитали часы и замолчали.

С последним их ударом умолк и колокольчик. Но Витюк, держа его у самого уха и наклонив голову, долго еще прислушивался к замиравшему в бронзовой чашечке звуку, и серые глаза светились мягко и сосредоточенно. Мальчик вздохнул и осторожно поставил колокольчик на полочку под часами.

— Блякал. Лаботай! (Брякал. Работай!) — деловито проговорил он, обращаясь к входившему в контору бухгалтеру. Еще раз взглянув на колокольчик, словно прощаясь с ним до следующего раза, повернулся и направился к двери.

— Молодец ты у нас, брат-сват!— весело сказал бухгалтер Андрей Иванович, подходя к столу и опускаясь на тяжелый стул, видимо, работы домашнего плотника. Правой рукой он поднес к глазам старинные очки в серебряной оправе, левой — старательно замотал вокруг уха тесемку вместо недостающего заушника.

При этом ухо даже несколько свернулось в трубочку, но это ему, видимо, не мешало. Усаживаясь на стуле поудобнее, Андрей Иванович одновременно придвинул к себе большие счеты и сразу так ловко и быстро защелкал костяшками, что Витюк остановился и с завистью на них покосился. Но тут же, точно вспомнив о неотложном деле, опять повернулся к двери.

— На речку и думать не смей! — высунулась из соседней комнаты женщина с тряпкой в руке и тут же скрылась. Надо было торопиться с уборкой, скоро придут заведующий и остальные. Витюк только тряхнул головой, решительно шагнул через порог и исчез.

Дарья, Витюк и тонкой резьбы бронзовый колокольчик (любимая игрушка Витюка) появились в Домодедовке год тому назад. На пункт по заготовке зерна Дарья зашла, держа Витюка за руку, спросить, не найдется ли какой работы. Работа нашлась, нашлась и маленькая комнатка при конторе.

Дарья мыла полы, стирала мешки для зерна, ходила на почту. А Витюк жил и действовал всюду: в конторе, на дворе и складах пшеницы и овса. Ему все было интересно, обо всем было нужно узнать. Но при этом он ухитрялся никому не мешать и не досаждать.

— А, Витюк!— весело говорил заведующий складом Степаныч.— Зерно, значит, принимать со мной будешь?

— Буду,— доверчиво соглашался Витюк и усаживался на чурбачок, специально для него приготовленный Степанычем.

Жизнь на пункте шла тихая, и Витюка все любили, но как-то так случалось, что он то и дело попадал из одной беды в другую.

Раз утром заведующий пунктом, войдя в контору, достал из большого портфеля хорошенькую игрушечную тележку.

— Где Витюк? — спросил он и поставил тележку на пол.— А, вот и ты! Бери. Телега есть, а лошадку по ней после подберем.

— Спасибо,— вежливо ответил Витюк. Его большие серые глаза засияли. Он потрогал колеса, маленькие оглобли и, бережно прижав тележку к груди, торопливо направился во двор.

— Не придумал бы чего,— сказала Дарья, но тут же отвлеклась, нужно было нести на почту срочные письма.

Прошло немного времени, и ее жалобные причитания встревожили контору.

— Несчастье ты мое!— кричала она.— Да где же ты на такую беду наскочил?

Витюк стоял на пороге, по-прежнему прижимая к груди тележку. На белой рубашке краснело пятнышко крови, а нижняя губка была распухшей.

— Заплягал! — невнятно проговорил он.— Индюка. В телегу.

Андрей Иванович вскочил со стула. Он старался снять очки, но от волнения закрутил тесемку не в ту сторону и окончательно свернул в трубочку несчастное ухо.

— Борной кислотой надо примочить!— восклицал он.— Борной кислотой. Скорей!

— Ладно уж,— ворчала Дарья, выжимая мокрую тряпку.— Дите — кислотой. Тоже выдумаете. Водой примочить надо. Да где же он подевался-то?

Витюка уже не было в конторе. Присев на дворе над коровьим корытом, он сам старательно примачивал горящую губу и, наклонив голову, рассматривал в воде свое изображение.

— Бог знает, какую инфекцию захватит,— волновался Андрей Иванович.

— Кого теперь запрягать будешь?— смеялся Степаныч.

— Сам возить буду,— обещал Витюк.— За велевку.

— Чего-нибудь еще удумает,— вздыхала Дарья.— Сам, глядь, тихо́й, а в тихости ему не житье.

Вскоре ее слова оправдались.

В контору, тоже как-то случайно, забрела и прижилась серая полосатая кошка Михрютка. С Витюком у нее сразу наладилась большая дружба. Утром, как Дарья подоит козу, первое блюдечко парного молока он тащил Михрютке, а та позволяла ему сколько угодно любоваться на пятерку таких же, как она, полосатых котят.

Но однажды утром служащие дружно ахнули: Витюк появился в дверях конторы с расцарапанным лицом. Одна царапина украшала нос, другая тянулась по щеке до самого глаза.

— Доил!— как всегда коротко, возвестил он, стоя на пороге,— Михлютку. Она не хотела. Вот!

В руке он держал маленький глиняный подойник с отбитым краем: объяснение с Михрюткой, видно, было бурное.

Андрей Иванович только руками всплеснул и с грохотом уронил счеты.

— Стойте, я сейчас ему все объясню,— вмешался веселый молодой счетовод и, подхватив Витюка под руки, высоко подкинул его вверх.

— Это потому, что у нее рогов нет, у Михрютки,— сказал он.— А ты ее сенцом подкармливай, как мамка козу кормит. У нее рога и вырастут. Тогда ее доить можно будет. Понял?

— Понял,— серьезно отвечал Витюк, болтая в воздухе ногами.— Пусти.

К вечеру Андрей Иванович, проходя по двору, остановился в изумлении: Витюк сидел на корточках перед ящиком, в котором Михрютка растила свое пестрое потомство. Он положил перед ней пучок травы и заботливо ощупывал серую лобастую голову с разорванным ухом.

— Нет логов,— огорченно вздыхал он.— Кусай, кусай, Михлютка!

Михрютка подозрительно косилась на его руки, но, не видя в них подойника, военных действий не открывала.

С садоводством Витюку тоже не везло. Пункт находился почти на самом берегу маленькой речки Незванки. Тут же, чуть отступя от обрыва, росла старая дуплистая береза, а у ее подножия красовалась цветочная грядка — гордость Андрея Ивановича и Витюка. Постоянными ее обитателями были мальвы, ноготки и анютины глазки. Но кроме них на свободных местах каждое утро появлялось пестрое бродячее население: ромашки, колокольчики, а иногда просто зеленые веточки ивы и орешника. Пыхтя от усердия и усталости, Витюк таскал для них в игрушечном ведре воду на поливку. Но это не помогало, к вечеру пришельцы опускали головки и увядали. Витюк рвал свой посадочный материал без корешков и сажал его прямо в землю, твердо веря в спасительную силу поливки.

— Опять сору натащил, брат-сват,— говорил вечером Андрей Иванович, втыкая в грядку палочки для душистого горошка.— Говорил я тебе, без корешков расти не будут.

Витюк вздыхал и молча вытаскивал завядшие стебельки. Но наступало утро, и он опять упрямо тащил целую охапку свежих цветов и веточек и, воткнув их в землю, тотчас принимался за поливку.

Однако сколько хлопот и забот у него ни было, своего любимого дела Витюк не забывал: отзвонив на работу утром, он к четырем часам дня, где бы ни находился, бросал самые увлекательные дела и спешил в контору. Инстинктивное чувство подсказывало ему, что наступает момент большой важности — конец рабочего дня. Если бы случилось ему опоздать, Витюк был бы безутешен. Колокольчик — его самая драгоценная собственность. Он один имел право взмахивать им одновременно с боем часов и наслаждаться его угасающим звоном.

Отзвонив, Витюк опять поворачивался к Андрею Ивановичу, потому что настоящим хозяином пункта признавал только его, и произносил так же деловито:

— Ступай. Блякал!

Затем ставил колокольчик на полочку, сделанную тем же Андреем Ивановичем, и, заложив руки за спину, некоторое время сосредоточенно разглядывал резной бронзовый бок его, точно прощался до следующего раза.

— Молодец ты, брат-сват, как я погляжу,— похваливал Андрей Иванович. Аккуратно размотав тесемочку, он освобождал от нее левое ухо и старательно укладывал очки в старый футляр с протертыми угла-

ми.— А еще сегодня звонить будешь?— весело спрашивал он, хотя безошибочно знал ответ.

— Нельзя,— отвечал Витюк, поматывая головой,— завтла буду.

Он внимательно наблюдал, как Андрей Иванович складывал бумаги, замыкал стол, прятал ключ в карман и, одной рукой надевая старенькую кепку, другую протягивал ему.

— Ну, брат-сват,— произносил он при этом,— идем смотреть, чего нам хозяйка сегодня наварила.

— Что, у нас своей каши в печке не станет?— самолюбиво ворчала Дарья, но Андрей Иванович отмахивался.

— Ты ее и ешь на здоровье, а нам не мешай. Знаешь ведь, что мне в одиночку еда в горло не лезет.

В жизни одинокого старика Витюк сделался единственной радостью, размеров которой он и сам не подозревал. Жизнь его в уютной Домодедовке катилась тихо, как струйки Незванки, такие с виду спокойные, что было непонятно, откуда брались в ней гладко обточенные голыши.

...И вдруг по дороге мимо пункта пошли красноармейцы, потянулись повозки, загромыхали какие-то удивительные машины. Дарья заплакала и сказала Витюку, что это танки. Один молодой красноармеец на ходу подхватил Витюка на руки и, подкинув его куда выше, чем директор пункта, сказал:

— Эй, держи сахар крепче. Хочешь с нами на войну?

— Хочу,— сказал Витюк невнятно, потому что кусок был большой и языку стало сладко, но тесно. Подумал и прибавил:— С Михлюткой. А индюка не возьмем.

— Молодец!— засмеялся веселый красноармеец и, поставив Витюка на землю, побежал догонять своих.

В конторе в это время Андрей Иванович, бледный и еще больше похудевший, торопливо шагал из угла в угол и, размахивая руками, говорил директору:

— Я понимаю, мы должны биться, отражать нападение, но я не представляю себе, как можно выстрелить в живого человека. Ударить его штыком. Убить.

— Хорошо, что вам, по вашим годам, не придется,— отвечал директор,— но пока войны не пробовали, за себя не ручайтесь.

— Утро уж больно хорошее, самое, чтоб мешки стирать,— сказала Дарья и, сойдя с крутого берега к Незванке, нагнулась уже, чтобы сбросить с плеча на мостки тяжелую связку мешков.

Но связка шлепнулась мимо мостков в воду, а Дарья, не замечая этого, неподвижно стояла и смотрела на что-то в кустах, на другой стороне. Подняв руки, она зачем-то нащупала и затянула потуже узел платка, постояла и вдруг, тихо охнув, всплеснула руками, пригнулась и кинулась вверх, не по тропинке, а сбоку, прячась за кустами.

— Идут!— крикнула она, вбегая в контору.— Там!— и тут же замолчала, прислонившись к притолоке: посреди комнаты спиной к двери стоял человек в каске и незнакомой одежде. Он говорил что-то громко на непонятном языке, а в углу комнаты около своего стола стоял Анд-

рей Иванович. Одной рукой он держался за сердце и дышал часто и прерывисто, за другую руку его ухватился Витюк и, прижимаясь к старику, смотрел на чужого широко открытыми глазами.

Немец еще раз повторил что-то, но, не получив ответа, повернулся к двери, которую все еще загораживала неподвижная Дарья.

— Вэг! (Прочь!) — крикнул он и вдруг остановился: утренний косой луч солнца упал на полочку под часами, и тонкая резьба колокольчика засветилась живым золотом.

Он протянул руку, и витая ручка колокольчика блеснула на его ладони. Но в ту же минуту Витюк встрепенулся и кинулся вперед.

— Не блякай!— крикнул он сердито.— Нельзя!

Немец вздрогнул от неожиданности. А Витюк изо всех сил вцепился ему в ногу, мешая идти.

— Не блякай!— повторял он.— Нельзя!

На улице послышались крики и шум, немец рванул ногу и споткнулся.

— Цум тойфель! (К черту!) — крикнул он и занес руку с колокольчиком над головой мальчика.

Тут Андрей Иванович словно очнулся от странного столбняка.

— А-а-а,— закричал он чужим глухим голосом. Схватив свой тяжелый стул, он с неожиданным проворством поднял его и шагнул вперед. Удар неумелый, но сильный пришелся по каске немца, тот зашатался, роняя винтовку. Колокольчик слабо звякнул и откатился к порогу.

Шум и выстрелы на улице усилились.

— А-а-а,— закричал опять Андрей Иванович и снова взмахнул стулом, но немец, спотыкаясь, кинулся к двери и исчез.

Андрей Иванович одной рукой отшвырнул Витюка в угол и схватил брошенную немцем винтовку.

По ступенькам крыльца простучали тяжелые торопливые шаги, и в дверь вбежало несколько красноармейцев.

— Дед, ты ополоумел! На своих замахиваешься!— крикнул один красноармеец.— Винтовка немецкая тут, а немца куда подевали?— спросил он, оглядываясь.

— Убег!— отозвалась Дарья. Стоя в углу на коленях, она прижимала к себе Витюка, еще не веря спасению.

Красноармеец повернулся к Андрею Ивановичу.

— Парашютистов немецких накрыли,— проговорил он отрывисто.— Ну, молодец, дед, вижу. А вам совет: отправляйтесь подальше. На своих машинах с зерном. Понятно? Пошли!

Красноармейцы выбежали так же быстро, как вбежали. Аккуратно приставив винтовку к стене, Андрей Иванович растерянно покосился на обломки стула и повернулся к Дарье.

— Слыхала?— и, подойдя к деревянному диванчику у стены, тяжело на него опустился.

— Пойду узнаю, Андрей Иванович,— ответила Дарья и, схватив Витюка за руку, заспешила к двери. Витюк у порога нагнулся и на ходу поднял брошенный немцем колокольчик.

Прошло немало времени, когда дверь вновь отворилась. На пороге опять стояла Дарья, придерживая за плечи Витюка, одетого уже по-

походному: большой материнский платок, крест-накрест закрывавший его грудь, узлом был завязан на спине. В одной руке Витюк держал деревянную тележку, другой он крепко прижимал к груди колокольчик. У самой Дарьи за спиной виднелся мешок с торопливо собранными вещами.

Дарья с порога низко, в пояс поклонилась старику.

— Подойди, попрощайся, сынок,— сказала она и опять поклонилась.— Спас тебя Андрей Иванович от лютой смерти.

Витюк подошел к дивану и молча, серьезно взглянул на старика. Ему, видимо, хотелось влезть на диван, но мешали руки, занятые игрушками. Андрей Иванович нагнулся и, подхватив его под мышки, поставил к себе на колени.

— Простимся, брат-сват,— тихо сказал он.

Витюк все еще молча смотрел на старика, точно стараясь решиться на что-то. Вдруг он, не выпуская тележки, крепко обхватил левой рукою его шею, а правой нащупал верхний карман пиджака и осторожно засунул в него ручку колокольчика.

— Блякай!— неожиданно твердо выговорил он, торопливо сполз на пол и протянул руку матери.— Пойдем!

Дарья еще раз молча в пояс поклонилась и направилась к двери. На пороге Витюк обернулся.

— Блякай!— повторил он, неожиданно горестно всхлипнул, и дверь тихо затворилась.

Андрей Иванович с живостью привстал, будто хотел что-то крикнуть, но опять сел и опустил голову. Он не пошевелился, когда в контору спешно вошел директор пункта.

— Андрей Иванович, что же вы? Вас ищут. Эвакуируемся. Последние машины с зерном уходят. Витюка я уже отправил.

— А вы? — тихо, словно безучастно, отозвался старик.

— Я? Я остаюсь. По распоряжению райкома. Для связи...

Андрей Иванович поднял голову и быстро встал с дивана.

— А я вам здесь разве не пригожусь?— сказал он новым, решительным голосом.— Пригожусь. Потому что я теперь... если надо защитить ребенка, родину, я тоже, оказывается, могу... ударить человека.

С минуту в комнате было тихо. Затем молодой человек шагнул и крепко обнял старика. И так они стояли молча, потому что слова в такую минуту были не нужны.

...Вечером необычная тишина охватила село. В тревожном ожидании беды молчали люди, не смеялись дети. Все, кто не смог или не успел уйти, оставались по домам. Но долго на берегу Незванки, пока не погас закат, виднелась высокая фигура старика около грядки, на которой стояли, опустив головки, последние цветочки Витюка.

КРАСНАЯ ЛЕНТОЧКА

У Манюшки косичка тоненькая, а упругая, как пружинка. Она упрямо торчала кверху, и красный бантик на ней мотался, словно удивительная рыбешка на золотом крючке.

Бантик этот не давал покоя двум озорникам: хитрому коту Мурику и братишке Ванятке. Ванятка так и сторожил, как бы цапнуть косичку из-за двери и удрать с бантиком в руке. А Мурик караулил из-под кровати и прыгал Манюшке на спину, как тигр.

Манюшка уж и плакала и дралась — ничего не помогало. Но отрезать косичку и не думала.

— Я девчонка, а не мальчишка, девчонка-то лучше во сто раз! — с гордостью заявляла она.— А ты Ванька лысый, дрался с крысой, крысы испугался, в уме помешался.

— Бя-аа, бя-аа,— дразнился в ответ Ванятка и норовил дернуть за косичку.— Бя-аа, а ты сама... девчонка...

Но дальше никак складно не получалось. Вот ведь хитрая Манюшка, как обидно придумала. Ишь ты, «девчонка лучше мальчишки». Как бы не так!

— А ты Манюшка лысая...— Нет, опять не вышло.

Только и оставалось улучить минутку, сдернуть бантик с косички и удрать, пока не попало: драться-то Манюшка ловка, не хуже мальчишки.

Ну, бантик словить, на это и у Мурика ума хватит. А Манюшка оторвет полоску от красной тряпки, и новый бантик уж горит красным огоньком.

Дядя Степан, Манюшкин отец, был лесник, и жили они в лесу, далеко от деревни.

— Эй, огонек,— окликал он дочку вечером, возвращаясь домой с работы.— Куда сегодня летала? Сколько озорства натворила?

Ванятка от ревности надувался как мышь на крупу, залезал за шкаф и сидел там, сдирая со стены полоски старых обоев.

«Мне-то за озорство, небось, вчера как поддал, а ей, выходит, все можно?»— с обидой думал он.

Озорница была Манюшка, но одного за ней не водилось: никогда неправды не скажет. Наозорует чего, так прямо по совести и признается. Впрочем, был один случай. Но только один-единственный.

Недалеко от лесниковой избушки протекала маленькая речка. Манюшкин отец устроил на ней с берега кладки, чтобы матери удобнее было белье полоскать. Деревенские мальчишки, кто поменьше, приходили туда рыбу ловить. Ловили там и Манюшка с Ваняткой. Мальчишки пробовали было с Манюшкой задорить, не девчачье, мол, дело с удочкой сидеть. Ну, она на расправу скора, живо их на место поставила. Больше никто ее дразнить не смел. Но рыба у всех ловилась незавидная — кошачья радость. Кот Мурик и тот ел ее нехотя, будто для Манюшкиного удовольствия.

А километрах в пяти в лесу находилось озеро, и в нем рыба води-

лась настоящая: лещи с блюдо, как говорил Степан, окуни с тарелку. Только вот беда, Манюшку на это озеро мать ну никак не пускала:

Бездонное оно. Отец пойдет, возьмет тебя с собой, а одна — и не думай.

А Степану все некогда, дел много.

Терпела Манюшка, терпела и решила первый раз в жизни слукавить. Да еще как!

— Мам,— говорит,— Васька на кладки приходил, бабушка Анисья меня завтра на пироги звала с курятиной. Я пойду?

— Иди,— согласилась мать.— Коли охота, и ночевать оставайся. Хоть с девчонками поиграешь, а то с мальчишками и вовсе от девчачьих игр отошла.

— Хорошо,— сказала Манюшка, а сама в сторону смотрит. Мать говорит, что в глазах всю правду прочитать можно. Ну-ка она вместо пирогов у нее в глазах про озеро прочитает?

На другой день Манюшка чуть свет собралась. Краюшку хлеба, удочки с вечера приготовила. Умываться не стала, чтобы мать не проснулась. И скорей по тропинке, да не к деревне, где бабка Анисья пироги пекла, а в другую сторону, в самую глухомань.

Никогда еще на этом озере Манюшка не бывала, но знала: дорога одна, не заблудишься. Пришла, когда солнце вставало над лесом. Скорей-скорей на берегу у самой воды под молодой березкой устроилась — солнце не печет, красота! И пошло дело: окуни и правда чуть не в руку, ну просто червяков не напасешься.

Ребячье сердце до того разгорелось, что Манюшка и не заметила, как погода переменилась. Собралась гроза. Сильный ветер поднялся, деревья загудели, закачали верхушками, а тонкая березка кланялась, как живая, все ниже. Манюшка хотела уж перебежать под старую елку — под ней лучше убережешься. Оглянулась и помертвела: нет ей ходу на берег. Березка-то росла на маленьком острове, а островок все дальше от берега к середине озера отплывает, и качает его волной, точно лодку. Плывет островок, плывет на нем испуганная девочка, а сверху дождем как из ведра поливает.

«Может, искать меня пойдут?»— подумала Манюшка и не сдержалась — заплакала. Вспомнила: ведь до завтра мать и беспокоиться не станет, сама сказала, чтобы у бабки Анисьи ночевать осталась.

«Неужели тут ночевать придется? А если островок потонет?» Манюшка сидела смирно, пошевелиться боялась: может, он вовсе не крепкий, островок-то, как провалится под ногами...

А потом, щука, говорят, в этом озере живет большущая. Не то что утку — гуся утащить может. А может, и ее, Манюшку?

Что-то вдруг толкнуло островок, толстое, длинное. Манюшка вскочила, ухватилась за березку. Насилу рассмотрела: бревно это, ветром его к островку прибило.

Пока Манюшка бревно разглядывала да ладошками слезы вытирала, островок тихонечко плыл-плыл и к другому берегу причалил. И сразу ветром тучи куда-то унесло, дождь перестал, солнце засветило, будто никаких страхов и не было.

Манюшка как вскочит да с островка на землю прыг, пока островок еще куда-нибудь не отправился. Припустилась по берегу до знакомой тропинки. У самого дома уж вспомнила: окуни на кукане в озере остались. До окуней ли тут было!

Прибежала домой и к матери. Та удивилась.

— Что ты, дочка? Может, бабушка Анисья неласково встретила?

А Манюшка к ней лицом прижалась и плачет:

— Никогда, никогда больше тебя обманывать не буду.

Ванятка только слушал широко раскрыв глаза. Ну и отчаянная эта Манюшка. Ему бы никогда так не расхрабриться. Может и правда, девчонки-то лучше?

Так они и жили, ссорились и опять мирились, потому что все-таки крепко любили друг друга. Жилось хорошо. Радовались они лету, но и зима не плоха: можно досыта накататься с горки на санях, а греться — на печку. Там тепло. Кот Котофеич от старости с печки не слезает, сидит и мурлычет так уютно, словно сказки рассказывает.

Манюшка его очень даже хорошо понимала. Приложится ухом к пушистой спинке, слушает и шепчет:

— Ой, Ванятка, что Котофеич-то рассказал...— И пойдет сама Котофеичеву сказку пересказывать, да так занятно, что Ванятка рот откроет и закрыть забудет.

Манюшка-дразнилка не выдержит:

— Ванятка, тебе таракан в рот лезет!

Ванятка испугается, обеими руками за рот схватится, а она уж смеется и скок с печки долой.

А лето все-таки лучше. Но в это лето пришла большая беда — война.

— Она какая, война?— спросил Ванятка, но мать только заплакала и обняла их обоих крепко-крепко:

— Хорошо бы тебе век не знать, какая она, сынок.

Отца теперь дети видели редко. Приходил он больше ночью, с ним еще один или два человека, свои из деревни, а чаще незнакомые. Мать знала, когда его ждать, с вечера не ложилась, прислушивалась. Ванятка ничего не замечал, набегается за день и спит как убитый. А Манюшка на самый тихий стук просыпалась, вскочит в рубашонке — и к отцу. Пока он ест, а мать ему мешок собирает — хлеба и еды всякой, Манюшка с него глаз не сводит. А раз вдруг сказала:

— Тять, возьми меня с собой.

— Куда?— удивился отец.

— В партизаны, я ведь знаю.

— Да что ты говоришь?!— воскликнула мать. Но отец остановил ее, обнял Манюшку и сказал серьезно, как взрослой:

— Знаешь, дочка? Так помни, никому про то говорить нельзя. И меня погубишь и других.

— Не скажу,— ответила Манюшка, тоже твердо, как взрослая. Теперь она даже с Ваняткой ссорилась меньше, сама его не задирала. Раз он изловчился, опять ленточку из косы выдернул. Манюшка вспыхнула было, но сдержалась, молча оторвала красную тряпочку и опять косу завязала. Ванятке даже дергать стало неинтересно. Играть с Ма-

нюшкой тоже прежней радости не было: если и заберется на печку, все равно не хочет слушать, что Котофеич рассказывает, а сидит и свое думает.

Ванятка уж сам пробовал послушать, прикладывался к Котофеичу ухом, пока тот не заворчал и нос ему не оцарапал. И все равно ничего не понял: мурр да мурр, и как это Манюшка разбирается!

Теперь Ванятка все чаще стал убегать в деревню к товарищам. Играли в войну. Только вот сначала никто не соглашался немцев представлять. В конце концов договорились: одни будут «наши», а другие «не наши».

В этот день Ванятка заигрался в деревне, проголодался, промерз и потому торопился домой. На крыльцо он взбежал одним духом, распахнул дверь да и замер на пороге: за столом на лавке, у окна на табуретках, на кровати сидели и лежали чужие люди. Говорили они тоже по-чужому, непонятно.

Ванятка все еще стоял в дверях, разглядывая незнакомцев, как вдруг к нему подбежала мать, схватила за руки и потащила в угол за печку. А сама шепчет:

— Молчи, молчи, Ванятка!— И лицо у нее сделалось белое, как печка.

Ванятка недовольно потянул руку: не тут-то было, не вырвешься. Один чужой встал, подошел к ним и проговорил как-то странно, вроде и по-нашему и не по-нашему:

— На тфор не ходить. Убию!— И показал нож, большой, как у дяди Егора. Таким он к Октябрьской поросенка колол. Мать охнула.

— Мамка, не бойся! Сегодня тятя из лесу придет, он их прогонит,— сказал Ванятка и тут же вскрикнул. Манюшка больно ущипнула его за руку.

— Молчи!— прошептала она ему в ухо, так что даже щекотно сделалось.— Молчи, Ванятка. Это немцы! Они тятю убьют...

Немцы! Ванятке сразу захотелось зареветь, но он вдруг понял, что делать этого нельзя, и только спрятал голову в складках материнской юбки — все не так страшно.

От его валенок на полу натаяла большая лужа, прямо Манюшке под ноги. Но Манюшка и ноги не передвинула, точно окаменела. И лицо у нее тоже сделалось как у матери: белое-белое...

Понемножку Ванятка осмелел, начал из-за печки выглядывать. А немцы все не уходят. Тот, с ножом который, отрезал кусок одеяла и ногу себе обворачивает, толсто-толсто.

— Он тятю тоже так резать хочет?— спросил Ванятка, но мамина рука зажала ему рот.

А Манюшка вдруг взяла другую мамину руку и прижала к глазам, она всегда так делала, когда хотела приласкаться, и тихо пошла из-за печки к двери.

— Стой!— крикнул тот, что резал одеяло, и приподнялся на кровати. Но другой засмеялся и показал на окошко, залепленное снегом.

А Манюшка, словно и не слышала их, спокойно открыла дверь, на минуту остановилась на высоком пороге. Мороз белым паром окутал ее худенькое тело в грубой рубашонке и кофточке.

— Манюшка...— всхлипнула мать и закрыла лицо руками.

Метель замела все дороги, все тропинки. Снег, липкий, влажный, скопился в затишном месте на густой еловой ветке и вдруг тяжело и мягко, точно из засады, упал на плечи человека в белом полушубке с винтовкой. Человек пошатнулся, схватился рукой за шершавый еловый ствол. Его правая лыжа с размаху воткнулась в маленький снежный холмик.

— Фу-у, на лыжах и то замучился,— сказал человек и, сняв рукавицу, протер запорошенные веселые глаза.— Ровно леший с дерева на плечи скокнул. Дядя Степан, далеко еще бежать?

— Задержаться надо маленько,— отозвался другой, постарше, тоже в белом полушубке, и поправил под рукой автомат.— Светло очень. Моя хата хоть и в лесу и немцев там будто не слышно, а все поберечься лучше.— Степан помолчал, поправил ушанку и договорил вдруг совсем другим, потеплевшим голосом:— Ребят два месяца не видал, а Манюшка бедовая, вся в меня. Я, говорит, тоже с тобой хочу. В партизаны. Я знать давал с Костей, сегодня, мол, буду. Как ждут-то! Ты это чего?

Передний нагнулся к лыже, завязшей в сугробе, и стоял не разгибаясь. Степан шагнул к нему. Белая фигурка в домотканой рубашонке, сжавшись клубочком, неподвижно лежала в снегу.

— Она!— проговорил Степан внезапно охрипшим голосом и повалился на колени. Маленькое тельце чуть пошевелилось, когда он рывком прижал его к груди.— Она... Вась, да что же это?

— Не теряйся, дядя Степан,— откликнулся Вася и проворно скинул меховые рукавицы.— Живей, в полушубок с головой заворачивай. Пристыла маленько, ничего, отогреется. Вертай назад.

— Назад?— словно во сне проговорил Степан. Манюшка, с головой укутанная в полушубок, неподвижно лежала у него на руках.

— А ты думал — куда? Немцы там, ясное дело. Не теряйся, дядя Степан. Шагай знай. Там разберемся.

Землянка вместила столько людей, сколько могла, но не столько, сколько хотело в нее войти. Люди столпились у входа, заглядывали в маленькое оконце. Говорили шепотом, словно боялись разбудить кого.

Вася не отходил от Степана.

— Оживела!— обрадованно воскликнул он.— Глазами моргает! Дядя Степан, не плачь. Не теряйся, дядя Степан!— И тут же, не скрывая, сам кулаком вытер глаза.

А Манюшка тем временем, и правда, пришла в себя, но, видимо, еще не совсем, потому что не удивилась ни землянке, ни тому, что отец сидит около нее. Но вот она вздрогнула, приподнялась на нарах.

— Тятя,— сказала она.— У нас немцы. Не ходи. Убьют!

И тут силы ее кончились, она опустилась на подушку и закрыла глаза.

— Видно, и бежала-то тебя спасать,— сказал старый партизан и бережно накрыл девочку полушубком.— Теперь ей только спать да спать. Собирай народ, Степан!

Манюшка спала долго и крепко под теплым полушубком, а проснувшись, увидела: землянка пустая, на столе горит маленькая лампа-коптилка, а в углу на чурбашке сидит незнакомый вихрастый мальчишка и смотрит на нее сердитыми глазами.

— А тятя где?— спросила она и испугалась: вдруг мальчишка скажет: «Он тебе приснился».

Но мальчишка шмыгнул носом и вытер глаза кулаком.

— Ушел,— сказал он.— Все ушли. Немцев бить, которые в вашей хате.— На этом он уже откровенно всхлипнул.— Из-за тебя все! Меня не взяли. Тебя нянчить оставили. Ишь, сама чуть не с меня ростом! Воды, говорят, подать. А что ты сама не напьешься? Вон в углу ведро. Пей хоть лопни!

— А мне такую реву-корову и вовсе в няньки не нужно,— рассердилась Манюшка и хотела было с нар прыгнуть — показать, что она в мальчишке не нуждается. Не тут-то было: голова у нее закружилась, и ей пришлось снова лечь.

— Ну что?— усмехнулся мальчишка.— Лежи уж лучше. Коли надо и впрямь воды подам.

Но Манюшке стало не до ссоры.

— К немцам пошли... А может, тятю убьют,— тихо проговорила она и осторожно приподнялась на локте.— Ты скажи, не убьют его?

— Чего там убьют!— Мальчишке понравилось: девчонка, видно, заноза, а его спрашивает.— Разве такие дела делаем. Из-за тебя меня вот не взяли. Я бы им показал...

Манюшка внимательно на него посмотрела.

— Может, и вправду не врешь, вихрастый,— задумчиво проговорила она.

Мальчишка обиделся. Перемирие, которое уже налаживалось, лопнуло.

— Вихрастый,— передразнил он.— У самой, гляди, коса крючком, даже из сугроба торчала. По крючку и нашли с красной тряпкой.

Манюшка подняла руку, неуверенно потрогала косичку.

— Я шибко бежала,— с усилием заговорила она, припоминая.— Шибко. Не замерзнуть чтобы. А потом...

— Чего потом-то?— заинтересовался мальчишка и подошел ближе.— Ты скажи, чего потом? Эх, да она опять спит. Дела! И опять я ее, несчастный, сторожи!..

Мальчишка махнул рукой и снова устроился на своем чурбашке. Но ему не сиделось. То и дело он выбегал из землянки и слушал, не хрустнет ли где снег под осторожными шагами. Ждать было жутковато: мягкие шорохи подступали к землянке со всех сторон, ползли с вечерними косыми тенями.

И вот, наконец, по-настоящему хрустнуло. Кажется, лыжи шуршат. Наши? А кто его знает... Мальчугана как ветром сдуло вниз, в землянку.

Скоро в землянке снова стало тесно. Вместе с партизанами тетка какая-то пришла и с ней мальчишка, Манюшки поменьше. Мать она ей, что ли?

— Манюшка!..— только и сказала мать, да так и приникла к ней, руками обхватила.

А Манюшка проснулась и спросила:

— Мамынька, это ты, а тятя-то жив ли? Ой, вижу, тятя, живой ты!..

— Живой,— ответил Степан и, как был в полушубке, поднял Манюшку с нар и прижал к себе.— Спасла ты меня, доченька, ведь я к немцам прямо в лапы шел!

Манюшка крепко обхватила шею отца, отстранилась и посмотрела ему в глаза.

— А мне с тобой можно остаться?— спросила она.— Вон у тебя какой-то мальчишка чужой. И еще дразнится: по косичке с ленточкой, говорит, нашли.

Степан потрепал ее по щеке:

— Уж и с ним поцапалась, бедовая! И мать с Ваняткой, и ты тоже тут останетесь. Теперь немцы, если опять к нам домой наведаются, никого не помилуют. Мы им там жару дали. Только ты с Сенькой не вздорь, вы у нас оба вроде связные будете.

— Пусти Манюшку,— попросила мать.— Вот, оденься, дочка, все я тебе принесла. Нельзя ей было одеться. В кофтенке пошла. Не думала я ее живую увидать...

— Зато с ленточкой!— засмеялся отец и ласково потянул за косичку.— Ишь распустилась. Мать, ты ей опять завяжи.

— Не надо,— заговорил вдруг один партизан и протянул руку.— Дай-ка, мать, ленточку. Мы по кусочку себе на рукава пришьем. На память, как дочка отца спасла.

Манюшка вся вспыхнула и за мать спряталась.

Кто-то тихонько потянул Манюшку за руку. Она живо обернулась: Сенька! И уж совсем собралась было показать ему язык, а он говорит:

— Ты мне тоже кусочек дай. Ладно? Я больше дразниться не буду, как мы оба с тобой теперь связные.

ВЫДРА ПОЛЬСКОГО КОРОЛЯ

«Вверх! Ой, опять вниз покатилась. Шлеп! Опять вверх лезет. Лапки-то, лапки подогнула. На животе прямо!»

Мальчик так затаился в густом ивняке у самого берега, что даже чуткие выдры его не заметили. Уж очень весело они разыгрались. На брюшке, как на салазках, скатывались с высокого глинистого обрыва прямо в речушку. Нырк! И опять торопятся вверх. Мокрыми животами так выгладили глину, что скат блестел, как полированный.

Мальчуган и до самой ночи бы не шевельнулся. Да выдрам самим игра надоела. Еще раз — нырк! И, как по команде, скрылись. Только по воде две цепочки пузырьков побежали — след, куда зверьки под водой подались. И все. Точно ничего и не было.

Мальчик еще подождал. Может, воротятся? Уплыли! Вздохнул и тихонько двинулся в сторону от реки. Он пробирался так осторожно, что даже маленькая птичка в гнезде над самой его головой нагнулась, всмотрелась и успокоилась. Не иначе как решила, что ей что-то почудилось. К тому же у нее и своих хлопот было достаточно: как раз пора яички на другой бок переворачивать. Дело не легкое — скорлупа-то ведь тоньше бумаги.

А мальчик полз от реки чуть дыша, пока заросли ивняка не кончились. Наконец осторожно встал, поправил поясок на рубашонке, заглянул в лукошко, которое все время держал в руке, вздохнул... Мать ведь послала его к речке утиных яиц поискать. Уж и солнце за лес вот-вот спрячется, а в лукошке всего десяток, из одного гнезда. Ладно, к похлебке неплохая приправа. Вот только домой добираться не близко — не опоздать бы к ужину. Мать не спустит, похлебка-то ведь пустая, вода да мука.

Мальчик опять вздохнул, осторожно положил в лукошко мягких травинок: не побить бы яйца, и замелькал голыми пятками.

Длинные тени деревьев уже легли поперек тропинки, в кустах будто что-то заворочалось и глухо зашептало не дневными — ночными голосами, и от этого босые ноги помчались еще быстрее. Кто знает, какие лесные дива сейчас проснутся и станут поперек дороги или холодными руками пощекочут затылок...

Наконец лес словно нехотя расступился, и мальчик радостно выбежал на небольшую полянку. Посередине ее, накренившись от старости набок, стояла избушка из очень толстых бревен под позеленевшей от мха крышей. Но это был дом, свой дом, прибежище и спасение от лесных дивов, просыпавшихся ночью. Дома есть, конечно, и свои домашние дивы, но это уже не страшно. Мать с ними хорошо управляется: кому плошку с молоком под печку, кому — что.

Мальчик, уже не оглядываясь, быстро перебежал поляну и бросился к двери. Дверь открывалась туго: тепло берегли. Мальчик осторожно переступил через высокий порог. Отца еще нет, а мать только что вытащила ухватом из печки горшок горячей похлебки. Горшок для большой семьи невелик, времена трудные.

Мать заглянула в лукошко, вздохнула.

— Неужто больше собрать не мог? Верно, песни птичьи сидел слушал, знаю я тебя.

Ясек опустил голову. Лгать он не мог. Но как сказать матери, на что любовался?

— Ладно уж,— смягчилась она.— Покачай братика, пока я на дворе управлюсь. С ужином отца ждать не будем, голодные вы. Наверное, управитель отца не пустил, на какую другую работу погнал. Пока человека ноги держат — не отвяжется.

Ох, хорошо, мать так и не допыталась, где был да что видел. Ясек поспешил к люльке, покачал кричащего братишку, набрал и сложил у

крыльца охапку хвороста для завтрашней печки. Больше нельзя: управитель заметит, сразу разлютуется. Богато живете, скажет, тепло, как в панских хоромах. Запанели.

«Запанели!» А Ясек и близко не видел, как паны живут. Их хибарка в самой дремучей части леса ставлена — авось управитель не так часто сюда заглянет. А и заглядывать-то на что? Стол? Четыре палки в земляной пол вбиты, платом коры покрыты. Досок ведь взять неоткуда: пила есть у правителя, да разве у него допросишься? У стола — коряги, пни вывернутые, кое-как топором подтесаны. Ясеку это не диво. Если бы в лепешки муки побольше, а толченой коры поменьше, жить было бы вовсе хоть куда.

С похлебкой живо управились. И по яйцу с куском лепешки получили. А там — спать и во сне выдриные игры видеть.

На другое утро Ясь, чуть свет, уж на ногах.

— Куда?

Ну и глаза у матери — живо углядят.

— На речку. Рыбы на уху, ты же сама велела.

— Ну, беги коли так. Да смотри, чтобы рыба была, не то...

— Будет! Будет!— Второе «будет» послышалось уже за порогом, а третье замерло в кустах. Крючки у него самодельные, кузнецова работа, целых три в тряпочку завернуты и в пояс штанишек закручены. За них Ясек кузнецу целую неделю в кузнице отработал. Хоть большого толка от него не было — мал еще, но уж очень кузнецу понравилось, как он из кожи лез услужить чем можно.

Крючки вышли на славу. В то время мало еще кто их имел, в ходу больше были сеть да бредень. Яся научил рыбачить бродячий музыкант. Кто знает, каким ветром занесло его в это дремучее место. Три дня у них прожил. А за прокорм рыбы с крючков-то сколько натаскал! Мать коптить не поспевала. Он и Яся хитрой науке выучил и даже один крючок подарил, по которому кузнец два других сделал.

— Бери,— сказал весело,— мне за песенку кузнец еще пару откует.

Ясек был очень рад. С сеткой ему одному ведь не справиться, а отцу не до рыбы, работы много.

Вот и речка, вот и тайник в дупле старой березы. Там лежат аккуратно свитые в колечки лески из конского волоса. Что греха таить, волос надерган из пышного хвоста сердитого жеребца, а жеребец-то чей? Самого управителя! Как-то он пожаловал к их ветхой хатенке проверить: неужто не спрятан у матери в закутке хоть какой-нибудь поросеночек? (Поросеночек живо бы переехал во двор самого управителя, а отцу не миновать бы хорошей плетки — не прячь, мол, поросенка.) Поросенка, правда, не оказалось. И хоть отцу все же досталось плеткой поперек спины, но уже не так сильно. За то, что он не сумел завести поросенка.

Все это Ясь вспомнил, когда осторожно запустил руку в заветное дупло. Но тут же с криком ее отдернул: в дупле лежало что-то мягкое, мохнатое, даже немножко теплое. А где же драгоценные лески? Ведь другой раз к жеребцу управителя не подберешься. Передохнув, Ясь опять засунул руку. Не двигается! Значит, не живое. Стиснув зубы, Ясь вытащил... мышь, да не одну... Но самое главное, на дне дупла нашарил свои драгоценные лески. Кто бы ни таскал мышей, а его имущества не

тронул. Благодарный Ясь вынул все лески, а мышей покидал обратно в дупло: пользуйтесь на здоровье, я себе другой тайничок найду.

Как ни торопился Ясь, а по привычке двигался неслышно. Знал, что его лесные друзья шума не терпят. Ловля оказалась на редкость удачна. Берестяная кошелка уже полна отборной рыбой. Осталось подсмотреть — не катаются ли выдры с любимой горки? Ясь торопливо смотал удочки, осторожно, на четвереньках, пробрался по берегу сквозь гущу кустов и замер, пораженный: маленький выдренок, по-ребячьи неуклюжий, скользя и спотыкаясь, царапался вверх по горке.

«Неслух, матки не слушает»,— подумал Ясь и весело улыбнулся, но тут же стиснул зубы, чтобы не охнуть: за выдренком-то наблюдал не он один. По другую сторону накатанной горки, под кустом ивняка, мелькнуло что-то рыжее и два желтых глаза. Но светились эти глаза такой холодной злостью, что у Яся по спине прополз холодок. Лисица была ближе к выдренку, гораздо ближе, чем Ясь, и подбиралась еще ближе.

Вот желтое метнулось из-под кустов и оскаленная пасть впилась в спинку выдренка.

Ясь не помнил, кричал ли он, но наверно крикнул и громко, потому что лисица в то же мгновение исчезла в кустах, а раненый выдренок покатился в воду.

Но покатился не быстрее, чем Ясь, потому что тот, уже стоя по пояс в воде, успел подхватить малыша и прижать к груди крепко и нежно.

Уцепившись рукой за ветку ивы, Ясь осторожно выбрался на берег. От страха бедный выдренок даже не пищал, только сильно дрожал. Из укусов на спине сочились тоненькие струйки крови, малыш тяжело дышал и не делал даже попытки вырваться.

— Мой!— сказал Ясь и задохнулся.— Мой! Слышишь?

Выдренок отозвался чуть слышным свистом.

— Мой!— повторил Ясь и от радости заплясал на одном месте, кружась и подпрыгивая.— Ой, да как же я тебя любить буду!

Но тут же внезапно сник...

— Мать не разрешит,— проговорил он упавшим голосом.— Все равно, умолять буду, в ноги кинусь! Рыбу буду...— Тут рыба напомнила ему об оставленной кошелке. Он быстро засунул дрожащего выдренка за пазуху, подобрал кошелку и торопливо зашагал к дому.

Ясек долго просил мать оставить выдренка. Дело решил отец.

— Не шуми, матка,— сказал он.— У одного человека выдра была, как собака ручная. Она ему рыбы из речки таскала — не переесть. А рана пустяковая: только шкурку лиса прокусила, подлая. Заживет.

Мать отвернулась, промолчала.

— Ладно,— согласилась она наконец,— неси своего нечистого духа в хату, я все равно святой водой покроплю.

— Ой, мама! — только и смог выговорить Ясь и осторожно прижал к груди завозившегося под рубашкой раненого звереныша.

Ночь у обоих прошла без сна. Ясек устроил в углу хаты постельку из травы, осторожно гладил зверька, стараясь в темноте не задеть больное место. И чуть не заплакал от счастья, когда бедный малыш наконец согласился проглотить несколько кусочков рыбы.

Время шло. Год, два. Ясь подрос. А выдра... Ясь до сих пор не переставал удивляться: выдра — большой, красивый Гуц сделался любимцем матери.

— Гуц,— звала она его.— Не принесешь ли рыбки к обеду?

И Гуц подходил, ласково тыкался усатой мордой в ее колени и исчезал. Это означало, что вскоре он опять появится, мокрый, веселый, с блестящими глазами. Рыбу, большую (мелочи он не носил), он подавал матери в руки. Но иногда она, занятая чем-нибудь, говорила ему:— Положи вон там, в углу, на пол.— И Гуц слушался. Положив рыбу, он поворачивался и уходил. В этот день его уже нельзя была заставить принести ни одной рыбы.

Но по-настоящему любил он до обожания только Яся. С ним он мог сидеть, положив усатую морду ему на колени, не сводя с него маленьких блестящих глаз. Он бегал за мальчиком, как собака, и тому приходилось поневоле часто останавливаться, чтобы друг отдохнул. Ведь у сильной ловкой выдры ноги коротковаты, и на земле Гуц уставал быстрее Яся. Зато в воде не было рыбы, которая могла бы ускользнуть от него. На животе, а то и на спине, подгоняя себя мощным хвостом, он молнией скользил под водой, и только цепочка пузырьков воздуха указывала его путь.

— Довольно, Гуц, хватит,— смеялся Ясек. Тогда Гуц, весело подкинув последнюю рыбу на воздух, ложился в траву и наедался досыта. Ел и поглядывал на Яся, точно спрашивал: — А вам хватит?

— Хватит, Гуц, хватит,— говорил Ясек и поднимал полную кошелку.— Идем, а то я не донесу.

И друзья отправлялись домой.

Собак у отца Ясека не было. Но как-то к ним на полянку забежал неизвестно откуда большой пес и с рычанием кинулся на выдру, гревшуюся на солнышке. Ясь не успел даже вмешаться: выдра мгновенно перевернулась брюшком кверху, и пес с жалобным воем исчез в лесу, а за ним протянулся кровавый след.

Мать выскочила из избы с ухватом. Но помощи не потребовалось: пес исчез, словно его и не было, а Гуц, насмешливо посвистывая ему вслед, спокойно устроился на прежнем месте у порога.

Как ни странно, но Гуц не искал общества своих родственников. Раза два Ясек видел, как вдалеке от Гуца, в воде, показывалась усатая голова, раздавался призывной свист, но тем дело и кончалось. Гуц не пробовал отозваться, словно ничего и не слышал, и голова снова исчезала под водой.

С появлением выдры жизнь в лесной избушке стала легче: рыба на столе не переводилась. Но договориться с хозяйкой Гуцу удалось не сразу. Для выдры самая лакомая еда не рыба, а лягушки. Добродушному Гуцу и хозяйку хотелось угостить отменной едой. Однажды в хате разгорелась настоящая война.

— Ты какую пакость в хату тащишь? — кричала хозяйка, вся красная от злости.— Какую пакость в хату тащишь? Надо мной насмеяться вздумал, усатая морда?

Гуц стоял на пороге, совершенно сбитый с толку. В пасти его болтались ноги великолепной жирной лягушки. Он принес ее хозяйке как

особенное лакомство, сам не съел по дороге. А она явно чем-то недовольна. Но чем же?

— Убирайся! — наступала на него хозяйка.— Духу чтобы у меня в хате жабьего не было!

Вступился Ясек, попало и ему. Огорченный Гуц ушел во двор и закопал злосчастную лягушку в уголке у забора: у него даже аппетит пропал. В этот день он не принес домой ни одной рыбы и хозяйка сварила пустую похлебку. Но умная выдра поняла урок. На следующий день после ссоры сама, без просьбы, принесла великолепную рыбину и виновато потерлась усатой мордой о хозяйкину юбку. С тех пор домой приносилась только рыба. Лягушек Гуц съедал сам и, вероятно, дивился: как это люди в таком вкусном блюде толка не понимают?

Ясю казалось, что жизни, лучшей, чем у него, и на свете не бывает, и так бы, наверное, думалось ему и дальше, если бы...

Это случилось летом. Ясь сидел на пороге хаты и слушал, как весело перекликаются птицы на ветке старого дуба. Гуц, лежавший около него, вдруг поднял голову и тихо, тревожно засвистел: в лесу раздался лай собак, звуки рогов и конский топот. Отец выглянул из двери.

— Ясь,— сказал он тревожно.— Запри Гуца в каморку, скорей. Не иначе как это сам король охотится. Собаки забегут сюда, разорвут выдру.

— Не дам! — крикнул Ясь и схватил Гуца за шею.

— Дурачок,— сказал отец.— Торопись. Королевские собаки не только выдру — и человека в клочки разодрать могут.

Гуц недовольно засвистел и зацарапался в дверь каморки — его еще никогда не запирали.

Ясю показалось, что ему снится сон. Топот копыт, звук рогов совсем близко, и вот на поляну вылетел всадник на белом коне. На поляне стало тесно от пышно разодетых всадников, но тот, первый, был лучше всех.

— Вот эта нора — человечье жилье? — спросил он, оглянувшись.

— Так точно, ваше королевское величество,— ответил другой человек на сером коне и почтительно снял шляпу.

Король поморщился. Оглянулся и заметил Яся, жавшегося к двери.

— Эй, хлопец, так это у тебя есть ручная выдра? А язык у тебя тоже есть?

Но Ясь молчал, даже не пробуя ответить. Он только смотрел.

— Есть, есть язык, милостивый наш король,— вмешался отец, кланяясь до земли.— Не прогневайтесь, напугался, обеспамятел хлопец.

— А ну покажи,— милостиво произнес король. Его, видно, позабавил испуг мальчика.— Эй, возьмите собак на сворки.

— Иди же,— подтолкнул отец Яся,— да на веревку привяжи.

Но Гуц и без веревки спокойно вышел из каморки и стал на пороге, прижимаясь к Ясю.

— Прелесть! — восхитился король.— Да неужели рыбу ловит?

И тут Ясь вдруг осмелел. Ишь ты, его Гуц самому королю нравится. Ну он ему покажет!

— Слезай с коня,— предложил он.— Бежим к реке, поглядишь, он тебе рыбы враз наловит.

— Ты и вправду ума решился! — ужаснулся отец.— Прости его, король милостивый, сам не помнит, что болтает.

Но король хохотал, держась за бока.

— Чудесно, чудесно, идем к реке. Вы тоже.

— Корзинку возьми (Ясь совсем осмелел),— он тебе на целый обед наловит.

Отец ухватился было за палку, да смекнул, что королю понравилась выходка Яся, и только притворился рассерженным.

Король впереди, Ясь с Гуцем за ним, сзади изумленные придворные...

В несколько минут корзина была полна до краев. Когда Гуц вынес на берег особенно большую рыбу, Ясь приказал:

— Подай ему! — и показал на короля.

Гуц послушно подошел и протянул королю мокрую, покрытую слизью рыбу. Король со смехом схватил ее, пачкая белые перчатки, и воскликнул:

— Теперь буду есть рыбу, только пойманную этим очаровательным животным.

Ясь думал, что видит сказку наяву. Но вот откуда-то появилась большая корзина и отец, подхватив Гуца, посадил его в корзину. Гуц недовольно засвистел, но корзину уже закрыли крышкой.

— Получай, мальчик,— весело крикнул король, и к ногам Яся упала золотая монета. Ясь понял.

— Не дам! — крикнул он и схватился за крышку корзины. Но нарядные слуги грубо оттолкнули его, корзину вскинули на седло лошади, и вот уже за поворотом дороги послышался отчаянный крик выдры: Гуц прощался с другом.

— Ты что? Ума решился? — отец тряс Яся за плечи.— Золото когда видал? Теперь мы богачи. А выдренка другого поймаешь, подумаешь, невидаль!

Но Ясь молча вывернулся из его рук и кинулся бежать за всадником и собаками, за корзиной, где кричал и метался его самый дорогой друг.

Отец бросился было за ним, но уже через несколько минут задохнулся, махнул рукой и остановился.

А Ясь все бежал. Вот и лес расступился и люди, стоявшие около избушек, показали ему, в какую сторону скакали блестящие всадники. И снова лес, и снова хаты. Добрые люди давали ему где хлеба, где плошку молока, показывали дорогу.

— Гуц! — повторял он тихо.— Гуцек мой!

Сколько времени шел, он не знал. Наконец впереди показался королевский дворец. Но ажурная решетка ворот не открылась перед мальчиком, и стража прогнала его. Только один, самый молодой и красивый, страж смилостивился.

— Тут твоя зверюга,— сказал он.— Пруд ей во дворце построили. Рыбы напустили. Она рыбу ловит, самому королю в руки подает. А сама не то свистит, не то плачет. Скучает, видно, жалуется.

Ночью весь дворец взбудоражил выстрел. Выбежали люди с факелами. Часовой у дворца заметил, как по дорожке сада пробежал какой-то зверь: собака — не собака, и выстрелил.

Гуц не шевелился... Поиски маленького друга, которого не могли заменить ни король, ни придворные, закончились.

В суматохе никто не обратил внимания на маленького мальчика у ворот. Он прижимался лицом к фигурной решетке так, что узор ее отпечатался на залитых слезами щеках. Охрипшим от рыданий голосом он повторял:

— Отдайте Гуца, отдайте хоть мертвенького...

Наконец, его заметили, и один слуга, пробегая, сказал:

— Ты в уме повредился? Такую шкурку тебе, голодранцу, отдать? Да она самому королю на шапку пригодится.

ТИГРЕНОК ГУЛЬЧА

— Нет угля для сандала?[1] О шайтан, о сын шайтана, он забыл принести уголь! Дай мне палку, Хаким, я три мешка угля выколочу из этой собаки вместо одного!

— Вот хорошая палка.— И достойный сынок главного истопника, такой же коротенький и жирный, как его папаша, с готовностью подал отцу большую суковатую палку.

— Я знаю, отец, где его искать. Уж он, наверно, опять смотрит на тигренка в клетке. Вчера я три раза отколотил его за это и крепко оттаскал за уши, ничего не помогает!

Хаким побежал за отцом. Он весело хихикал и подпрыгивал — то-то будет смеху, когда отец начнет колотить этого бездельника!

Хакиму никогда не приходилось таскать тяжелых мешков с углем. И сейчас, еле поспевая за отцом, он думал: «За что же на кухне кормят этого Назира? Ведь он вчера еще получил половину лепешки и кость, а на ней было даже немного мяса. По крайней мере он грыз ее, я сам видел. Ведь не станешь же грызть кость, на которой ничего нет».

В чудесном саду Мустафы-бека[2], на горке, в конце тенистой аллеи, стояла большая клетка с золоченой решеткой. Темная зелень карагача защищала ее от солнца. Прижавшись лицом к прутьям решетки, стоял маленький мальчик в драном халатике. Он просунул руку между прутьями.

— Золотой мой,— говорил он,— полосатая мордочка, Гульча[3]. У тебя глаза, как камень в кольце у Мустафы-бека, даже лучше.— И он ласково проводил рукой по блестящей спине маленького тигренка. А тот жмурится, потягивался и, перевернувшись белым животом кверху, ловил и покусывал маленькие пальцы мальчика.

---

[1] Сандал — жаровня с угольями.
[2] Бек — господин.
[3] Гульча — цветочек.

— Поймай, поймай,— смеялся Назир и хлопал тигренка тонким прутиком.— Ты такой быстрый, а не можешь поймать прутик! Такой быстрый, а не... Ай! — И он с криком отпрыгнул от клетки: длинная палка истопника со свистом прошлась по его спине.

— Глаза, как камни в кольце Мустафы-бека? — задыхался от злости Джура.— Я тебе покажу камни! Я тебе покажу полосатую мордочку. Я тебе!.. Где уголь? Почему не принес угля для сандала?

Назир метнулся было в кусты, но истопник Джура ухватил его за полу халата и снова замахнулся. Мальчик поднял руки, защищая голову от ударов. Хаким взвизгнул от удовольствия и даже подпрыгнул, но затем... Затем все трое замерли и, вытаращив глаза, перестали даже дышать: по дорожке медленно и важно шел сам Мустафа-бек, великий и грозный министр его величества эмира бухарского.

Семь шагов, медленных и важных успел он сделать, с удивлением рассматривая окаменевшую группу, пока Джура опомнился. Выпустив мальчика, истопник прижал обе руки к животу и порывисто согнулся. Голова его почти коснулась песка аллеи; кланяясь, он точно переломился пополам.

— Да сохранит вас аллах, всемилостивейший повелитель! Да продлит он счастливые дни вашей жизни, да...

Палка вывалилась из ослабевших рук Джуры. Хаким, пятясь, хотел спрятаться за розовым кустом, замышляя, как бы ему удрать куда-нибудь подальше и там отлежаться, пока пройдет страх. Грозному Мустафе-беку опасно было попадаться на глаза, да еще по такому случаю: он не терпел, чтобы по его любимым дорожкам ходили без разрешения.

А Назир так и застыл на месте, не догадываясь ни оправить одежду, ни поклониться.

Мустафа-бек медленно поднял руку и провел ею по длинной волнистой бороде. На пальце его сверкнул желтый камень, темные брови нахмурились, а это был плохой признак.

— Вы что тут делаете? — спросил он тихим голосом.

Мустафа-бек никогда не кричал, но чем тише говорил министр, тем ужаснее были последствия.

— Мальчишка стоял, на тигренка смотрел,— залопотал Джура, не переставая отвешивать поклоны.— День стоит, ночь стоит, день стоит, ночь стоит, день стоит...

Ноги у Джуры подгибались: великий Мустафа-бек гневается, это ясно! А он не может остановиться, он погиб...

— Ночь стоит!..— с отчаянием выкрикнул он последний раз, опустил голову и замер.

Министр в нетерпении перевел глаза на сидевшего на корточках Хакима.

— Отец из него три мешка угля выколотить хотел,— пролепетал тот, уже совершенно ошалев от страха, и упал на песок, закрыв голову полой халата.

Джура нагнулся еще ниже и перестал дышать. В клоповник его пошлет министр или сразу велит отрубить голову?

Он ждал удара в ладоши — знак, по которому из кустов должны выскочить невидимые сейчас слуги. И вдруг... странный неожиданный звук!

Но это не удар в ладоши, это... и Джура украдкой, склонив голову набок, приоткрыл левый глаз.

Грозный Мустафа-бек... нет, этому нельзя было поверить, Мустафа-бек... смеялся. Он смеялся громко и долго, так, что колыхались полы его зеленого шелкового халата.

— Три мешка угля из этого маленького оборванца!.. Три мешка угля,— повторял он и вдруг, спохватившись, нахмурился и опять принял величественный вид.— Так мальчишка смотрит на тигренка? — важно переспросил он.

— День стоит, ночь стоит...— пролепетал Джура чуть не в обмороке и пошатнулся на обмякших ногах.

И тут Мустафа-бек все же хлопнул в ладоши.

— Помилуйте, всемилостивейший! — взвыл Джура и повалился на землю лицом в песок.

Но министр уже не смотрел на него.

— Мальчишку вымыть и приставить к тигренку,— приказал он появившимся слугам, даже не взглянув на неподвижного Назира.— Пусть кормит его и веселит. А вы... прочь!

Джуре и Хакиму не нужно было повторять этого дважды. Они мигом исчезли, словно растаяли.

А на площадке перед клеткой двое рослых слуг в нарядных красных халатах смотрели на все еще неподвижно стоявшего Назира.

— И вот этому нищему ходить за тигренком! — сказал один и озлобленно сплюнул.— Кормить его и веселить! Да от такого и тигр запаршивеет, пусть отсохнут у меня руки и ноги!

— Тише,— сказал другой и дернул его за рукав.— На слова всемилостивейшего Мустафы-бека плюешь! Одумайся! И потом, если змееныш сумел понравиться господину, он сумеет и больно ужалить. Да и чего ты злишься, Исхак? Мало тебе работы со зверями? Радовался бы, что нашелся помощник!— И, повернувшись к Назиру, он с притворной лаской взял его за руку.

— Иди, мальчуган,— сказал он,— я дам тебе новую рубашку и халат. И помни, что я первый сказал тебе ласковое слово.

Мальчик как во сне провел рукой по глазам.

— И мне... мне можно будет играть с ним? — с запинкой произнес он, указывая на метавшегося в клетке тигренка.

— Еще надоест! — засмеялся слуга.— Пойдем же. Меня зовут Ибрагим. Запомнил? Ибрагим.

— Ибрагим...— как эхо повторил мальчик и пошел за слугой робкими шагами, не в силах понять и пережить всех событий этого удивительного утра.

Исхак еще раз плюнул им вслед и отвернулся.

— Попомнишь же ты меня! — тихо сказал он.— Дать мне в помощники сына слепой нищей. Ну, подожди, авось Мустафа-бек забудет о тебе, как забыл уж было о тигренке, а тогда...— И он с неохотой последовал за уходившими.

На площадке перед клеткой водворилась тишина. Пестрый удод, распустив хохолок, побежал по дорожке и с криком вспорхнул на дерево; большая зеленая ящерица шмыгнула в кусты, к розе, жужжа, подлетел золотисто-зеленый жук и, сложив крылышки, спрятался в ее душистой середине, а на дорожке валялась забытая Джурой крепкая суковатая палка.

Тигренок стоял, прислонившись лбом к решетке, и, прищурив желтые глаза, уныло всматривался вдаль.

Ему было скучно. Золоченая клетка в саду Мустафы-бека сделалась его домом недавно. Два шелковых халата подарил за него министр двум искалеченным охотникам. Мать тигренка была самой сильной и смелой тигрицей тростниковых зарослей Аму-Дарьи. Она билась долго и храбро за свободу своего детеныша.

Это случилось десять дней тому назад. Мешок с тигренком один из охотников перекинул на спину и бежал что есть духу, придерживая его уцелевшей рукой.

Второй охотник еле поспевал за товарищем и задыхался, хватаясь за грудь: уже умирающая тигрица подмяла его под себя, и только в последнее мгновение охотнику удалось всадить ей в бок кривой нож с посеребренной рукояткой.

Они добежали до реки, едва успели вскочить в широкую плоскодонную лодку и лежали в ней, задыхаясь, измученные болью и страхом. В то время, как гребцы поспешно отталкивались от берега веслом, на берегу, припав за развесистым кустом джиды, дрожал в бессильной злобе отец тигренка — огромный одноглазый тигр. Его-то и боялись, от него-то и бежали охотники. Они знали, что он, вернувшись с дальней охоты, пойдет по их следам и одолеть его им, искалеченным, будет не под силу.

Тигр хлестал себя длинным хвостом по бокам и царапал землю. Он опоздал всего на несколько минут. Его жалобный и грозный рев заставлял дрожать и гребцов, вынуждал их быстрее взмахивать веслами.

— Ваше счастье,— говорили гребцы охотникам. Быстро вы бежали, быстрее смерти, а она по пятам шла.

Тигренок с плачем бился в мешке, и его жалобному писку отвечало страшное рычанье отца.

Одноглазый тигр был хром. За искалеченную ногу он в свое время взял три жизни охотников. О нем слагали легенды. Он бросился было в воду на зов тигренка, но больная нога ныла, и он не решился плыть и повернул обратно.

В первую же ночь он ворвался в кишлак[1] и, как смерч, прошел по нему: разорвал несколько баранов и лошадей.

Дорого обошелся дехканам[2] каприз Мустафы-бека — приобретение маленького украшения зверинца.

---

[1] Кишлак — селение.

[2] Дехкане — крестьяне.

Три дня любовался им грозный министр эмира бухарского, а потом наскучила игрушка. Только один маленький нищий — Назир всем сердцем полюбил красивого зверька и изредка играл с ним.

Тигренку было скучно, клетка тесна для него, привыкшего к простору. А теперь еще ушел и мальчик. Его маленькие руки так ласково щекотали ушко, а от его голоса становилось почти весело.

Тигренок капризно запищал и зацарапал лапками прутья решетки. Но тут же притих и насторожился: в дальнем конце аллеи, из-за поворота показалось что-то маленькое и яркое. Оно неслось со страшной быстротой, уже видно было белую рубашку, красный халат и сияющее счастьем смуглое личико.

— Ключ! Ключ! — крикнул мальчик и, подбежав к клетке, даже стукнулся с разбега об решетку и схватился за нее руками.

— Понимаешь? Ключи дали мне, Гульча! От твоей клетки! Сейчас открою. И какой халат мне дали! И я должен тебя веселить и учить разным фокусам, чтобы самому Мустафе-беку было весело смотреть на тебя! О Гульча, Гульча!

Он выкрикнул это как в лихорадке, а сам дрожащими руками вставлял ключ в отверстие замка.

Тигренок даже испугался и, отойдя, прижался к задней стенке клетки. Но Назир уже вскочил в клетку и стал около тигренка на колени.

— Я буду кормить тебя, Гульча,— говорил он.— Я сейчас принесу тебе теплого молока. Я только раньше прибежал сказать тебе это!

Через минуту мальчик и тигренок уже весело катались по клетке. Тигренок, забыв о своем сиротстве и неволе, ловил длинный прут с тряпочкой на конце, а мальчик щекотал ему брюшко и смеялся.

Исхак стоял около клетки и злобно смотрел на них. Ему была ужасна мысль, что нищий, случайно попавший на кухню мальчишка сделан его помощником. А вдруг Мустафе-беку придет в голову впоследствии назначить мальчишку надсмотрщиком, и тогда он, Исхак, лишится места! Мысли одна другой чернее теснились в его голове.

А в это время Мустафа-бек отдыхал, откинувшись на мягкие подушки. Одно его слово сегодня осчастливило маленького нищего. Но счастье мальчика не волновало Мустафу-бека. С таким же равнодушием он отнесся бы и к его несчастью. Главное — каприз его, Мустафы-бека, был исполнен. Чем бы заняться теперь?

Он сердито отодвинул от себя блюдо с дымящимся пловом и хлопнул в ладоши.

— Унесите это,— приказал он.— И позовите певца! Или нет, рассказчика! Или... убирайтесь вон, все!

Опершись на руку, он задумался. Стоило только захотеть, и все будет. Чего же пожелать?..

А Назир уже принес в клетку кувшин теплого молока, и тигренок пил, захлебываясь от жадности.

— Еще, еще налей,— угрюмо говорил Исхак,— вот так, да не давай ему разливать. Пять раз в день кормить будешь. Как подрастет, мясо есть будет, потом авось и тебя слопает,— тихо прибавил он и отвернулся.

Сытый тигренок, развалясь на свежей соломе, усердно лизал свою толстую лапу и приглаживал ею пушистые щеки. Лапы его были непомерно велики, точно подушки, и ходил он, приволакивая их за собой, словно они были тяжелы ему.

Наконец и умывание надоело. Тигренок перевернулся да так и заснул, раскинув лапки и пушистый хвост. Назир смотрел на него в безмолвном восхищении.

— Теперь сам иди на кухню, обедать будешь,— мрачно сказал ему Исхак.— Ключ-то не потеряй, привяжи к поясу.— И он пошел по дорожке.

— Исхак-ага [1],— робко позвал его мальчик.

— Ну?

— А мне можно спать с ним в клетке?

Мальчик так и впился глазами в сердитое лицо начальника.

— Можешь,— пожал плечами Исхак. Он все еще не знал, в какой степени Мустафа-бек интересовался мальчиком. Может быть, забудет о нем? О, если бы знать!

Кроткий и доверчивый Назир не особенно задумывался над чудесной переменой. Сытость — новое, почти незнакомое ощущение вошло в его жизнь, и целый день беззаботная игра с тигренком вместо бесконечных мешков угля и палки сердитого Джуры.

Но Назир по-прежнему бледнел при одном имени министра и даже в прогулках с тигренком избегал аллей, где тот мог бы его встретить. А министр в это время увлекся новой забавой — редкостными, выписанными издалека цветами — и совсем перестал бывать около клетки тигренка. Назир был рад этому. Он немедленно перетащил в клетку свое единственное имущество — мешок, набитый соломой, и по-братски разделил его с тигренком.

— Иди сюда, джаным,— звал он, и ласковый, веселый звереныш, набегавшись за день, доверчиво засовывал круглую мордочку ему под мышку.

Часто ночью Назир лежал не шевелясь и широко раскрытыми глазами смотрел в темноту. В кустах что-то шуршало. Иногда тихий писк доносился оттуда — ночные хищники начинали работу. Гульча вскакивала и, прижавшись головой к решетке, слушала, жадно втягивая свежий воздух.

— Вспоминает,— догадывался Назир, и сердце его сжималось от жалости. Он подползал к тигренку и тихонько трогал рукой спину.

— Успокойся, джаным,— шептал он,— успокойся!

В темноте глаза тигренка светились зеленоватым светом. «Томится»,— думал Назир, и ему становилось грустно. Тоска зверя напоминала ему собственную горькую долю.

— Я не оставлю тебя, Гульча, золотая моя! — шептал он, прижимая ее к себе.— И дикое зеленое мерцание в глазах тигренка гасло, он послушно, но с тяжелым вздохом вытягивался на соломенном матрасике.

---

[1] Почтительное обращение к старшему.

Часто только к утру, когда звезды начинали тускнеть и затихали тревожные ночные голоса, оба они засыпали беспокойным, полным сновидений сном. Но наутро все забывалось.

— Мяяуу! — кричала Гульча и тянула Назира за халатик.

Он вскакивал и протирал заспанные глаза.

— Сейчас, Гульча, сейчас принесу тебе завтрак, потерпи, будь умницей! — И со всех ног бежал на кухню за молочной кашей.

Одно только пугало мальчика. Исхак не бил его, не кричал на него, как Джура, но его мрачные глаза постоянно следили за ним.

— Что я ему сделал? — удивлялся мальчик.— Я и тигренка хорошо кормлю и клетку чищу, мясо и воду большим тиграм ношу, а он все недоволен. Почему?

Между тем Гульча росла и к осени уже стала с крупную собаку. Назир так часто расчесывал и гладил ее шерстку, что черные полосы блестели на ней, как нарисованные. С мальчиком Гульча была кротка и ласкова. Они весело бегали вдвоем по парку, забираясь в самые далекие и пустынные уголки.

Гульча не прочь была поиграть и с другими людьми, но те даже при встречах пугались ее.

— Убери свою поганую кошку! — сердито кричали они Назиру, и тот крепко хватал ее за толстую шею.

Друзья были счастливы. Завидев бабочку, Гульча подпрыгивала, ловила ее лапами и с добычей валилась на траву; увидев ящерицу, прижимала ее лапой к земле и внимательно рассматривала.

Назир отталкивал тигренка и сердился:

— Не смей мучить ее, злая кошка! Видишь, какая красивая зверушка. Что она тебе сделала?

— Мя-у,— сердитым рычанием отвечала Гульча и отходила надувшись. Но через минуту она уже забывала обиду, крадучись подползала к Назиру и прыгала ему на спину. Тут они оба катались по земле, и Гульча с веселым ворчанием трепала мальчика за рукава и за полы его халата. На коже Назира острые когти ее разрисовывали целые узоры, но мальчик не сердился.

— Заживет,— говорил он.— Вот с халатом хуже, опять Ибрагим браниться будет.

Еще одно огорчение было у Назира: ему очень хотелось научить тигренка каким-нибудь фокусам. Но это никак не удавалось. Тигренок знать не хотел никаких приказаний. Назир мучился часами, стараясь обучить его по команде вставать, ложиться или прыгать через табуретку.

— Мя-яу-у,— недовольно тянула Гульча и, подпрыгнув, шлепала на лету учителя лапой по плечу так, что оба кубарем катились по дорожке.

Назир чуть не плакал.

— А вдруг Мустафа-бек спросит, каким я тебя фокусам выучил, ленивая ты кошка? — сердился он и отряхивал разорванный халатик.— Рассердится, прогонит меня, что будешь делать? К Исхаку пойдешь?

Исхак никогда пальцем не тронул тигренка, и однако уши его прижимались к голове, а глаза щурились и зажигались недобрым

огнем, едва только высокая мрачная фигура Исхака появлялась на дорожке. Затем Гульча начинала глухо рычать. Она сидела в углу, сузив глаза, и рычание ее, точно отдаленный гром, усиливалось, когда Исхак подходил близко.

— Ты что это, нарочно ее учишь? — спросил раз Исхак и так зло посмотрел на Назира, что у того душа ушла в пятки.

— Я ее учу...— оправдывался тот дрожащим голосом.— Я ее учу... через палку прыгать. А она не хочет. А вот это...

— А вот это хочешь? — насмешливо спросил Исхак и, войдя в клетку, протянул руку для удара.

Но Гульча так зашипела, вся собравшись в комок в углу клетки, что Исхак невольно отдернул руку.

Однако давно накопившееся раздражение должно было найти себе выход, и Исхак уже не мог сдержаться:

— Так ты для этого сюда поставлен? Кошек на людей натравливать? — И от его сердитого толчка Назир кубарем покатился по полу туда, где шипела Гульча.

Мальчик стукнулся об решетку и вскрикнул от боли и испуга.

Гульча вскочила. Шипение ее перешло в вой, она присела, метнулась через лежащего Назира, и зубы ее впились в руку Исхака.

Исхак бросился к двери, но Гульча крепко держала его.

— Спасите! Спасите! — кричал Исхак. Рукав его окрасился кровью.

Назир быстро вскочил на ноги и бросился к большой глиняной чашке с водой. Схватив чашку, он опрокинул ее на голову разъяренной тигрицы.

Фыркая и отплевываясь, она отскочила в сторону, а Исхак пулей выскочил из клетки и захлопнул дверцу.

— Я тебе этого не забуду,— погрозил он кулаком перепуганному Назиру и исчез в кустах.

Гульча, мокрая и злая, продолжая фыркать и рычать, лизала лапы и терла ими голову.

— О Гульча! — вздохнул мальчик и сел на солому рядом с нею.— Доведешь ты меня до беды.

Но тигрица вместо ответа прислонилась к плечу Назира и лизнула его в ухо шершавым, как терка, языком.

Однако она долго не могла успокоиться. Первая борьба и вкус человеческой крови взволновали ее. Она долго ходила по клетке, била себя хвостом по бокам так, что далеко были слышны удары. Ночью она не раз вставала и подходила к решетке.

Назир тоже вставал и начинал ее ласкать и успокаивать. Худенькому четырнадцатилетнему мальчику и в голову не приходило, что лапы с острыми когтями могли быть опасны и ему. Клыки тигренка блестели при лунном свете, но Назир ласково гладил сморщенные губы, и они, закрывая клыки, смыкались. Гульча опускала голову и со вздохом ложилась на матрасик. Она занимала его уже целиком, и Назир ютился около нее на куче соломы.

А взгляд Исхака с тех пор еще упорнее давил Назира. Разговаривать с мальчиком он перестал совершенно, только приказывал отрывисто, а к клетке тигренка совсем не подходил.

Время шло. Уже листья опали в саду, и недалек был первый снег. Ночи стали такими холодными, что Назир дрожал на соломе и жался к теплому боку зверя, все не решаясь уходить в дом и оставлять в одиночестве своего друга.

А Гульча становилась совсем взрослой тигрицей.

Однажды утром, когда деревья впервые покрылись серебристым инеем, Гульча в волнении вдыхала морозный воздух и была особенно возбуждена. Она каталась по полу, ловила Назира за ноги и так просилась из клетки, что он не мог ей отказать и открыл дверцу.

Тигрица мелькнула в кустах, точно молния, и пропала. Обеспокоенный Назир кинулся за ней.

— Гульча,— звал он её.— Джаным, иди сюда! Да куда же ты запропастилась?

Он бежал, все больше пугаясь, звал, кричал. Выбежав на главную аллею, он остановился, похолодев от ужаса: по аллее, как всегда медленно и важно, приближался к нему в шелковом белом с зелеными полосами халате Мустафа-бек.

А за кустом блестел полосатый бок и змеился длинный золотистый хвост. Расшалившейся тигрице понравился полосатый халат министра, ей захотелось поиграть с ним.

У Назира пересохло во рту.

— Гульча,— прошептал он и кинулся вперед, но было уже поздно. Гульча прыгнула, желто-полосатое смешалось с зелено-белым. Раздался испуганный крик, и министр кубарем покатился по песку дорожки.

Гульча была довольна: тррр...— как славно рвется шелк халата, гораздо приятнее, чем грубая материя одежды Назира.

Она с шаловливым рычанием рвала и трепала полы одежды, не обращая внимания на то, что ее тормошит и пытается оттащить помертвевший от ужаса Назир.

Мальчик громко плакал.

— Гульча,— звал он.— О Гульча, джаным!

Наконец Мустафа-бек, позабыв о своем достоинстве и важности, закричал так громко, что Гульча, напуганная, отскочила, и Назир успел схватить ее за шею.

Не в силах больше говорить и двигаться, мальчик увидел, как перед ним мелькнула черная борода Мустафы-бека и изодранные, перепачканные полы его халата.

Министр трусливо бежал, а сзади, еле поспевая за ним, неслись целой толпой слуги. Во время «побоища» они молча сидели в кустах и наблюдали за происходящим, теперь же громко кричали о необходимости страшной расплаты с тигрицей и «сыном шайтана».

А «сын шайтана», крепко обняв голову тигрицы, обливал ее горькими слезами.

— О Гульча! — причитал он.— Джаным, что теперь с нами будет!

Крики и возня смутили тигрицу. Она без сопротивления позволила отвести себя в клетку и смирно легла там в уголке, положив голову на колени Назира.

Мальчик дрожал и всматривался в глубину аллеи.

По дорожке пробежала и вспорхнула какая-то птица. С деревьев падали желтые листья.

Назира давило предчувствие беды.

Вот в конце аллеи блеснуло что-то яркое. Острые глаза мальчика различили красный халат Исхака. Он шел медленно и крадучись. Вот блеснула расшитая бисером тюбетейка, вот еще что-то длинное... И Назир похолодел от ужаса: ружье!

Пальцы мальчика так и впились в шею тигрицы. Она недовольно замотала головой, стараясь освободиться.

Исхак уже стоял перед клеткой, и мрачное лицо его сияло злорадством.

— Эй, ты! — скомандовал он.— Прочь из клетки! Живо, сын шайтана, а то пришибу тебя вместе с твоим полосатым зверем. Тебе увидишь, что будет, а ей голову долой! Так приказал всемилостивейший Мустафа-бек.

Исхак взвел курок.

— Не дам! — крикнул Назир и кинулся к тигрице, закрывая ее своим телом.

— Ну, так обоих вас пришибу,— ответил Исхак и, шагнув ближе, поднял ружье.

Гульча сердито зарычала и просунула лапу сквозь прутья клетки, стараясь достать Исхака. Может быть, вид ружья напомнил ей давнюю битву на Аму-Дарье и грязный мешок — первую клетку ее детства.

— Понимает! — усмехнулся Исхак и прицелился.— Уйди, говорят тебе! — предостерегающе крикнул он мальчику еще раз.

Назир кинулся к дверце:

— Беги, Гульча, беги! — И он широко распахнул дверцу.

Раздался выстрел и жалобное рычание. На полосатой спине тигрицы показалась кровь. Оглушенная выстрелом, она метнулась из клетки и исчезла в кустах. А Назир с громким плачем упал на пол. Исхак, стиснув от ярости зубы, кинулся к нему.

— Подожди! — процедил он.— Все расскажу Мустафе-беку! Сгниешь в клоповнике.

Он грубо схватил мальчика за рукав и приподнял с пола.

Клоповник? Назир хорошо знал, что это значит. И, перегнувшись, он вцепился зубами в руку Исхака. Тот вскрикнул и разжал пальцы. Мальчик кинулся бежать.

Исхак постоял несколько минут в раздумье, потом повернулся и медленно зашагал по направлению к дворцу.

Мальчик бежал куда глаза глядят. Жалость к потерянному другу смешивалась с ужасом перед тем, что ждало его, если ему не удастся убежать.

— Утоплюсь, а не дамся,— твердил он, задыхаясь.

А в это время Исхак, согнувшись и прижав руки к груди, докладывал министру:

— Все сделано, всемилостивейший! Тигрицу уже закопали, как вы изволили приказать. И шкуры не снимали. А мальчишка бит плетьми и сидит в клоповнике.

Пятясь и кланяясь при каждом шаге, Исхак выбрался из комнаты. «Министр завтра забудет о мальчишке, и проверки не будет, а в случае чего скажу, что проклятый нищий умер от побоев»,— думал он.

Вечерело. Высокие тростники на берегу Аму-Дарьи раздались и с тихим шелестом пропустили длинное полосато-желтое гибкое тело.

Гульча скользила вдоль берега. Останавливаясь, она втягивала воздух дрожащими ноздрями. Походка ее сделалась еще более скользящей и неслышной. Желтые глаза горели, черные зрачки расширились и округлились...

Вся она была и похожа и не похожа на прежнего ручного зверя. Она слышала выстрел, она лизала свою кровь из раны в боку, а сейчас дикие запахи свободы завершили ее превращение. Вчера еще она была ручная красивая игрушка, сегодня — дикий, свободный и опасный зверь.

А в противоположном направлении по пыльной дороге бежал измученный горем и страхом мальчик. За несколько минут он потерял все, что имел в жизни: покой, безопасность и единственную привязанность.

— О Гульча! Гульча! — всхлипывал он.

Прошло несколько лет.

Революция смела эмира бухарского, бесследно исчез из своих владений и Мустафа-бек.

Вечерело. По тропинке в тростниках вдоль Аму-Дарьи пробирался всадник в гимнастерке и шлеме с красной звездой. Всадник был молод. В руках он держал винтовку наперевес и внимательно вглядывался в дорогу.

Вдруг лошадь сделала отчаянный скачок в сторону, полосатое тело метнулось из тростников и обрушилось на голову лошади.

Толчок выбил всадника из седла, и он, перевернувшись в воздухе, сильно ударился о землю.

Страшное рычание смешалось с последним криком лошади. Мгновение — и полосатая голова зверя приблизилась к юноше. Он сделал отчаянное усилие: нельзя ни привстать, ни пошевелиться. А страшная голова все ближе и ближе... Блеснули громадные глаза.

Юноша замер и зажмурился, уж лучше не смотреть!

Тигр нагнулся, задышал юноше в шею.

Не выдержав, юноша громко крикнул и открыл глаза. Шершавый язык дотронулся до его щеки. С тихим мурлыканьем тигр лизал ему лицо и руки.

— Гульча,— запинаясь, прошептал юноша и положил дрожащую руку на шею тигрицы. А та, мурлыча, пыталась просунуть голову ему под мышку, как когда-то...

Но вдруг тигрица насторожилась. Оскалив зубы, она зарычала и стала бить себя по бедрам хвостом.

Теряя сознание, Назир успел заметить, что из зарослей к ним пробирался почти ползком громадный тигр.

Гульча ударила лапой по земле. Минуту звери стояли друг против друга в позе вызова.

Но вот Гульча сделала прыжок вперед. Тигр был побежден. Он опустил голову и направился в сторону, где лежала лошадь. А тигрица легла около Назира и положила громадную голову ему на плечо.

Уже светало, когда угрожающее ворчание тигрицы привело Назира в чувства.

Чуть сдерживая рвущихся вспять коней, на узкой тропинке остановилась группа красноармейцев.

Тигр молнией скользнул в кусты, тигрица приподнялась, губы ее сморщились, блеснули клыки.

— Это она его... Назира! — крикнул один из красноармейцев и поднял винтовку.

— Не стреляй! — закричал Назир и рванулся было с места, но тут же упал и застонал от боли.

— Уходи, уходи, Гульча,— толкнул он тигрицу в бок дрожащей рукой.

О том, что было дальше, красноармейцы не переставали повторять много раз.

— Он ее толкает,— рассказывал вечером взводный своему начальнику.— Сам валится, а ее толкает и кричит: «Не стреляйте, не стреляйте!» А она обернулась да в лицо его языком, в лицо — языком, а потом хвостом махнула — и в кусты, будто ничего и не было, а он уткнулся лицом в землю и плачет, плачет. Где уж тут стрелять! Сами понимаете...

БЕЛОЕ ПЕРЫШКО

Кот Моисей прожил длинную бурную жизнь, недаром у него не хватает левого уха, а вместо хвоста торчит коротенькая култышка. Он мастер разорять птичьи гнезда, а раз даже принес из лесу маленького зайчонка и съел в углу двора, рыча и сверкая злыми зелеными глазами.

И теперь, наверное, не за добрым делом он лез на старую осину, лез осторожно, притаиваясь и прислушиваясь.

Арсик терпеть не мог Моисея с того дня, когда отнял у него хорошенькую задушенную синичку. Тогда Моисей больно оцарапал Арсику руку, а потом долго в кустах рычал, точно грозил: «Подожди — сосчитаемся!»

Поэтому Арсик, заметив его на осине, сразу насторожился: «Еще какую пакость придумал?» На всякий случай он крепко зажал в руке подходящий камешек, если куцый опять к птичке подбирается...

А Моисей уже долез до первой толстой ветки, притаился на миг и стал медленно вытягивать одну лапу. Послышался тонкий жалобный писк, над головой кота метнулась маленькая птичка. Хищная лапа взмахнула в воздухе, но успела зацепить только перышко из хвоста.

— А, ты так? Вот я тебе!

Ловко пущенный камень мелькнул в воздухе. Кот с воем шлепнулся с дерева и кинулся в кусты. Арсик засмеялся.

— Что, куцый, остался без завтрака?

— Вооу-уф,— ответил кот из куста сирени: они хорошо понимали друг друга.

А птичка опять мелькнула между ветвями.

— Гнездо! — обрадовался Арсик.— Иначе ни за что бы не вернулась. Вот посмотреть-то!

Снизу гнезда не было видно. Арсик проворно сбросил тапочки и обхватил ствол осины руками.

— Ишь, толстая! Моисею-то легко, когтищи во какие!

Но и без когтей у Арсика дело шло успешно. Вот и первый сук, за него можно ухватиться рукой. Ой, да вот же оно!

Гнездышко на ветке у самого ствола, все обложенное кусочками коры и лишайников, было совсем незаметно. И птичка в нем сидела, прижавшись ко дну, серенькая, тоже незаметная. Арсик увидел только блестящие бусинки-глаза. Они с ужасом следили, как над краем гнезда поднимается новое чудовище, еще больше ростом и, наверное, еще опаснее. Птичка опять вспорхнула с легким писком, мягкое крылышко слегка задело щеку Арсика, но он даже не заметил этого. Полуоткрыв рот, он с восхищением любовался внутренностью гнезда: на мягкой пуховой подстилке лежало пять крошечных, почти как горошинки, яичек. Голубоватые, с коричневыми пятнышками, они казались такими нежными, что Арсику захотелось потрогать их чуть-чуть, кончиком пальца. Но нет, мать может бросить гнездо. И тогда не удастся увидеть еще более удивительное — крошечных новорожденных птенчиков. Какие они, наверно, красивые! И Арсик осторожно спустился с дерева.

Ну и гнездо! Он точно знал, где оно помещается, и все-таки, едва отдалившись, уже не смог его различить — так искусно укрыла его мать. Только бы она не бросила гнезда!

Но вот маленькая сероватая тень опять скользнула между ветками, и Арсик чуть не вскрикнул от радости. Вернулась! Опять! Ну, теперь только куцему загородить дорогу, он наверняка караулит в кустах.

Через минуту Арсик тащил к старой осине ржавую колючую проволоку. Ему помогал другой мальчик, постарше.

— Доску приложи еще с другой стороны, чтобы проволока кору не царапала. Теперь давай мотать. Ой, колется!

— Ничего,— проговорил мальчик постарше,— зато куцему теперь наверх нипочем не взобраться!

— Вооу-у-уф,— донеслось из соседнего куста. Моисей сообразил, какую ему подстроили западню, и сердечно «благодарил».

— Арсик,— послышался женский голос.— Арсик, обедать!

— Сейчас,— откликнулся мальчик и вздохнул: — Обедать, а там ужинать, передохнуть не дадут. Ну, Колька, бежим, все равно не отстанут.

Мальчики исчезли в кустах, а над тем местом, где они только что стояли, в воздухе промелькнула новая птичка. Она на мгновение припала головой к гнезду и тут же опустилась на ветку около него.

— Фью-фью-фью-ди-ди-ди...— раздалась серебристая песенка. Певец взмахивал крылышками с белыми полосками и надувал горлышко — так получалось лучше. Маленький зяблик только что принес подруге в гнездо вкусную гусеницу и радовался тому, что все в жизни идет удивительно хорошо.

Но вдруг веселая песенка прервалась, и зяблик тревожно пискнул: — Зиу, зиу.

Из-под куста сирени выглянула рыжая голова. Кот Моисей желал убедиться, действительно ли негодные мальчишки загородили ему дорогу к завтраку. Увы... старое дерево так обмотали колючкой, что ее хватило бы на десяток осин. Моисей, нервно подергивая хвостом, обошел вокруг дерева. Ясно, здесь времени терять не стоит. Он медленно, словно ему и шагать-то лень, вышел на середину тропинки и даже отвернулся от осины: ничего, мол, тут интересного нет.

Зяблик повертел-повертел головкой и тревожно чирикнул, но тут же успокоился, надул горлышко, и опять полилась веселая песенка:

— Фью-фью-фью-дид-ди-ди... ви... чиу.

Ему, должно быть, показалось, что именно его появление испугало страшную рыжую кошку.

А у зяблика и без кошки хлопот был полон рот. Надо не только накормить подружку, а еще и передраться со всеми зябликами, какие попробуют сюда сунуть нос. Пусть рискнут хоть пролететь мимо гнезда: узнают! Зяблики ведь самые большие драчуны на свете. А этот зяблик был не только драчун из драчунов, он и пел удивительно чисто и звонко, лучше многих зябликов, и оттого важничал. Белые полоски на крыльях у него были шире, чем у других, и, кроме того, на хвостике два перышка, тоже белые, как снег. Они особенно выделялись, когда зяблик, увлеченный пением, взмахивал крылышками и распускал хвостик. Так мы его и будем называть — Белое Перышко.

Но его звонкая песенка в эту минуту не интересовала маленькую мать. Слегка приподнявшись на гнезде, она наклонила головку вниз и слушала другое... Еще бы, ведь она прислушивалась к самой чудесной для нее песне: это был трепет пробуждающейся в крохотных яичках жизни. Ее детям стало тесно в голубых скорлупках, маленькие клювики стучали, пытаясь проложить себе дорогу на волю.

Тук... тук...— только сердце матери могло уловить эти тихие звуки. Скорлупки так тонки, кажется, легкое прикосновение может сломать их. Но ведь и те, кто просился из них на свободу, были такие слабые крошки...

Зато им хватало упорства.

Тук, тук — и вот уже одно яичко треснуло, вот подалась и вторая голубая скорлупка... Теперь и отец сообразил, в чем дело. Он тревожно порхал около гнезда, пытаясь заглянуть — что там происходит, потом умчался и быстро вернулся с новой гусеницей в клюве.

Нет, матери было не до еды. На дне гнезда лежали уже четыре мокрых, почти голых комочка, а в трещинке стенки последнего, пято-

го, яйца виднелся усердно работающий крохотный желтый клювик. Еще несколько минут — и эта голубая скорлупка полетела из гнезда на землю. А пять птенчиков чуть шевелились, обсыхая под защитой теплых материнских крылышек.

Теперь мать могла немного отдохнуть и даже скушать гусеницу, которую так настойчиво предлагал ей взволнованный отец. Птенчики пригрелись и затихли. Мать утомленно закрыла глаза. На сегодня волнений хватит.

— Тащи ее ближе, теперь поднимай. Вот так. Я первый полезу, я первый нашел гнездо!

Коля не успел и ответить, как Арсик очутился уже на верхней ступеньке лестницы. Без нее, пожалуй, и им самим на осину теперь не влезть, сколько колючки намотали. Напрасно Белое Перышко кричал и метался, страшное чудовище лезло все выше, пока голова его не приблизилась к самому гнезду. Тут уж и мать не выдержала, вспорхнула, и они вдвоем подняли крик на весь сад.

— Ну что там? Чего молчишь? — в волнении теребил Коля Арсика за ногу.— Слезай, если сказать не хочешь.

Но Арсик не мог вымолвить ни слова. Вот так разочарование! Он ждал чудесных птенчиков, а на дне гнезда копошились маленькие чудовища: пузатые, краснокожие, с совсем голыми вздутыми животиками. Они разевали огромные рты и чуть слышно пищали.

— Это, это не они,— вымолвил наконец Арсик.— С птенчиками что-то случилось!

Но Коля все-таки стащил его с лестницы.

— Это с тобой случилось, бестолковый. Ты думаешь, лягушат им подложили, что ли? Их же, их это дети! Зябликов! Через неделю красивые станут, не узнаешь.

Арсик стоял весь красный.

— Куриные цыплята такие пушистенькие. Я думал...

— А ты не думай. У этих всегда так. Не куры...

Родители-зяблики сильно бы обиделись, если бы могли понять, о чем говорили страшилы. Они с писком подлетали к Арсику, чуть не падали ему на голову. Их бесценные красавцы-птенчики вот-вот исчезнут в пасти чудовища. Они ведь не знали, что мальчики, обмотав осину колючкой, спасли их деток от настоящего врага — кота Моисея.

Но вот чудовища уходят от дерева, все дальше, дальше... Зяблики в волнении кинулись к гнезду. Ну и счастье! Птенчики лежат невредимые и с писком разевают огромные, не по росту, рты. Родители, покружив над ними, радостно отправились на охоту.

Для зябликов наступило трудное время. Сколько ни таскай мошек и червяков,— писк в гнезде становился все громче. Белое Перышко даже петь почти перестал, времени не хватало.

Через две недели уже не голые уродцы, а пятерка хорошеньких молодых зябликов выбралась из гнезда. Они все смелее перепархивали

с ветки на ветку, и старые зяблики продолжали кормить их, но уже не так усердно. Молодым пора самим учиться ловить червяков и букашек, а у родителей достаточно заботы и без них. В гнездышко скоро лягут новые голубые крохотки-яички, а там... запищат и новые птенцы. И их надо успеть вырастить, чтобы осенью всем отправиться на зимовку в далекие жаркие страны.

Но пока еще вся семья держалась вместе, случилось непредвиденное. Утром Белое Перышко проснулся от песни другого зяблика. Да, да, под самым его носом! Он давно уже приучил всех зябликов держаться подальше от его гнезда. А этот нахал поет себе заливается, как у себя дома. Где? А, вот! На соседней березе!

У Белого Перышка даже перышки на затылке встопорщились от злости. Он камнем свалился с ветки, точно им выстрелили, и — прямо к старой березе. И влетел в клетку-ловушку, в другой половине которой весело распевал ручной зяблик.

Хлоп!

— Поймал! Поймал! — закричал знакомый голос.— Дядя Петя, где колечко? Арсик, смотри, дядя Петя покажет, как это делается.

— Спускай западню на землю,— отвечал густой бас.— И не кричите, он и так перепугался.

Белое Перышко и правда был еле жив от страха. Чуть дыша, он прижался в уголок клетки. Но вот одна рука открыла дверцу западни, а другая охватила и вынула его так осторожно, что ни одно перышко не помялось.

— Вот колечко,— продолжал дядя Петя.— На нем надпись, видишь — Москва. И номер. На зимовке, в далекой жаркой стране, может быть, этого зяблика поймает кто-нибудь и нам напишет. Вот мы и узнаем, куда наш бродяга зимовать летает. Понятно? Теперь смотри: надеваю ему колечко на ножку. Зажимаю, чтобы держалось. Все! Лети, глупышка!

Рука разжалась. Белое Перышко пулей взлетел вверх и исчез. Он мчался в диком ужасе, едва не разбиваясь о ветки, метался вправо, влево, вверх, вниз, чтобы увернуться от того, что держало его за ногу.

Измученный, он опустился на какую-то ветку. Попробовал клюнуть колечко. Держится крепко. Но боли нет. Может быть, не очень опасно?

Наконец Белое Перышко успокоился и вернулся в свой сад, на свою осину, к жене и детям.

Незаметно подкралась осень. Уже и вторые птенцы выросли и покинули гнездо. Отдельные семьи зябликов соединились в стайки и теперь не отличали своих от чужих. Белое Перышко больше не пел и не дрался: не стало гнезда, которое нужно было защищать. И мать забытых птенчиков исчезла, улетела на зимовку в дальние края — самки зябликов всегда улетают первыми.

Было еще тепло, и в полях было много еды, но Белое Перышко чувствовал какое-то странное беспокойство. Что-то звало, манило прочь от родных знакомых мест. Это же чувствовали и другие зяблики. По ночам, точно по чьему-то приказу, то одна стайка, то другая взлетала

и устремлялась к югу. Они отправлялись зимовать в чужие страны за много тысяч километров.

Белое Перышко летел в стайке самцов. Летят ли с ним его дети, которых он летом так самоотверженно кормил и охранял? Об этом он не задумывался. Он просто летел, потому что не мог не лететь.

Хищные птицы тоже пробирались на юг, на зимовку. По дороге они подстерегали перелетных птиц. Поэтому мелкота — певчие птички летели ночами. Днем в защищенном уголке можно и отдохнуть и поклевать что придется.

Зябликов было много в начале пути, веселая стайка летела в беспорядке, кто как хотел. Кто не мог угнаться за другими, отставал и терялся. Но Белое Перышко был всегда впереди, сильные крылья несли его все дальше и донесли, наконец, до самого трудного места пути. Здесь кончалась земля, а впереди синело огромное море. Дальше отдыха не будет до другого берега. Другой берег — это Африка, а море — Средиземное море. Кто не сможет долететь до другого берега — опустится, теряя силы, в его голубые волны. Если же пичужек над морем захватит буря, волны из голубых станут черными и вынесут на берег Африки тысячи маленьких утонувших путешественников. Там найдется, кому их подобрать. Но и на этом берегу и на том бессердечные люди поджидают измученных, полуживых птичек: ловят сетями, стреляют, а то и протягивают проволоку и пускают по ней электрический ток. Птицы доверчиво садятся на проволоку отдохнуть и погибают от тока.

Хорошо, что Белое Перышко и другие зяблики ничего об этих ужасах не знали. Они радостно рассыпались по деревьям сада. Это была их последняя остановка. Дальше — море и Африка.

Зяблики хлопотливо и весело устроились на дневку. На деревьях зреют не яблоки, а апельсины. Не все ли равно? Хватило бы червяков да зернышек. А вот и бабочка, до чего же аппетитная! Белое Перышко сорвался с ветки и стрелой помчался за ней. Но та перепорхнула через каменную ограду сада — на дорогу. Ну нет, не уйдешь! Миг — и бабочка оказалась в клюве маленького охотника. Но в следующий миг чья-то легкая тень промелькнула над дорогой. Белому Перышку не надо было оглядываться. Он хорошо знал, чья это тень и что дальше случится, если он теперь, сейчас же, не найдет спасительного укрытия.

Мертвая бабочка, кружась, полетела на дорогу — до нее ли теперь! Белое Перышко быстрым поворотом вывернулся из-под смертоносных когтей, но путь назад, в сад, закрыт, впереди дорога, гладкая, ровная, без единого кустика по краям.

— Смотри, ястреб ловит пташку. Ну, ей не уцелеть!

Это сказал один маленький итальянец другому. Они сами шли с птичьей ловли и несли сетку, полную мелких перелетных пташек. У нас в стране вряд ли кто согласится позавтракать жареным соловьем или зябликом. Итальянец этого не стыдится.

Мальчуганы с интересом наблюдали за охотой.

Ястребок заставил повернуть Белое Перышко от садовой ограды и теперь гнал его, задыхающегося, измученного, по открытой дороге.

Сердце зяблика готово было разорваться, маленькие крылышки уже три раза выносили его из-под страшного броска хищника, но тот гнал его дальше и дальше, а раскаленная пыль дороги слепила глаза, дыхание перехватывало.

Мальчики были уже близко.

— Сейчас покончит! — крикнул один, но тут оба вдруг остановились, словно споткнувшись: Белое Перышко сложил крылья и камнем упал им под ноги. Ястребок, падавший за ним, в последнюю минуту успел свернуть в сторону и взмыл вверх, готовясь повторить бросок.

А Белое Перышко лежал в пыли, почти касаясь босой загорелой ноги мальчика. Он поднял головку, черные глаза его ярко блеснули, он тяжело дышал, но не шевелился. Не пошевелился он даже тогда, когда рука мальчика охватила его и осторожно подняла к самому лицу.

— Это он от усталости свалился,— сказал один.

— А я говорю, он нарочно так, ему деваться было некуда, он за нас и спрятался,— возразил другой.— Мне дядя Джулио рассказывал, так бывает. Человека он меньше боится, чем ястреба. Ну, готово, сверни ему шею и клади ко мне в сетку.

— Я тебе самому за него голову сверну,— огрызнулся первый.— Ты что? Совесть греку продал? Птаха нам поверила, а ты — голову?..

— Не валяй дурака,— рассердился второй,— полсотни наловили, а с одним возню затеял. Давай сюда, я сам ему голову сверну. А не то выпусти, вон ястреб на телеграфном столбе сидит — дожидается.

Спор, несомненно, перешел бы в драку, но мальчики уже поравнялись с решетчатой калиткой сада. Загорелая рука проворно просунулась сквозь решетку.

— Лети, малышок!

Пальцы разжались... В ту же минуту быстрые крылья унесли Белое Перышко в глубь сада, в самую чащу каких-то колючих кустов. Он проскользнул в тенистый коридорчик меж ветвей, у самой земли, и долго сидел там тихо, не шевелясь, не веря еще в свое спасение.

Зато к вечеру, уже почти в сумерки, удивленные хозяева сада в первый раз в жизни услышали песню зяблика. Наши перелетные птицы не поют в местах зимовки, свои песни они оставляют родине. Но Белое Перышко взлетел на ветку апельсинового дерева и там, раздувая горлышко и трепеща крылышками, спел свою лучшую песню, какую пел только летом у родного гнезда.

— Вы-чиу! — звонко закончил песню Белое Перышко и, задорно взмахнув крыльями, повернулся на ветке. Но время веселых летних драк уже прошло, никто не ответил на его вызов, и он сам сразу же забыл о нем. Голос, зовущий куда-то вдаль, беспокойный и неумолкающий, опять заговорил в нем. Короткий крик — и Белое Перышко стремительно сорвался с ветки и кинулся в синеющий вечерний полумрак. Куда? Туда, куда звал его голос, дальше, дальше на юг, вперед через море, чуть видное в лучах заходящего солнца.

Его поняли. Вся стайка, притихшая было во время его песни, дружно ответила на призыв, и в миг на деревьях не осталось ни одного зяблика. Они неслись тесной кучкой, точно заряд дроби, выпущенный

из ружья, перегоняя друг друга и чуть не сталкиваясь. И впереди, обгоняя всех, мчался Белое Перышко.

А в покинутом саду маленькая девочка спрашивала отца:

— Папа, какая это птичка так хорошо пела? Я ее никогда не слышала. Откуда она взялась?

И отец ответил:

— Эта птичка — большая путешественница. Ты ее опять увидишь весной. Она полетит далеко на север, выводить детей. И там будет петь свою песенку. У нас она спела ее в первый раз. Отчего, что с ней случилось — не знаю.

Маленькая девочка подумала и сказала серьезно:

— Не огорчайся, папа, я вырасту, узнаю и тебе расскажу.

Стайка зябликов неслась стремительно, а берег таял, таял и вскоре остался далеко позади. Они этого не видели и не знали, для них была одна лишь дорога — вперед.

Солнце садилось за горизонтом, но это их не тревожило. Тихая погода — вот что нужно для слабых крылышек, которым не сладить с ураганом.

Но тихой-то погоды им как раз и не хватило на весь перелет. Угадывать бурю, пережидать ее на берегу они не умели, а буря уже шла им навстречу. Это была даже не буря, просто свежий встречный ветер, но и его оказалось достаточно. Маленькие крылышки зяблика — не широкие крылья чайки, которым и настоящая буря нипочем. Зяблики пробивались сквозь ветер, а он сносил их назад, и они почти не приближались к дальнему берегу по ту сторону моря.

Не один час уже так боролись они с ветром, и вот то тот зяблик, то другой начали отставать. А отставшему уже не было спасения. В дружной стае общее движение, шелест крылышек, тихие голоса поддерживали, вселяли бодрость в маленькое усталое сердце. Но когда голоса стаи терялись вдали, одинокую птичку покидало мужество, все ниже спускалась она, все ближе к пенистым гребням волн. Вот уже брызги пены смочили легкие крылышки, взмахивать ими стало еще тяжелее, последний жалобный крик — и следующая волна накрывала маленькое тельце.

Белое Перышко всегда держался впереди. Но сегодня гонка с ястребом измучила его. Он не успел ни отдохнуть, ни покормиться перед перелетом.

Уже несколько раз стая начинала обгонять его, и только большим усилием он удерживался впереди. А теперь и вся стайка летела ниже, и белая пена на гребнях волн, казалось, сама поднималась ей навстречу.

Но вот что-то мелькнуло в волнах... Это не пена. Белый треугольник паруса, за ним другой, поменьше. Капитан ловко вел шхуну к африканскому берегу против ветра, поворачивая к нему свое небольшое судно то одним, то другим боком.

Уже светало, и в первом сиянии зари видно было, как рассыпалась по палубе и реям целая стая крошечных пичужек. Кто мог — цеп-

лялся усталыми лапками за канаты и реи, другие упали на палубу и лежали с распущенными крыльями и раскрытыми клювами. Их можно было собирать руками, вконец измученные птички уже не боялись людей.

Но этих людей им и не нужно было бояться. Матросы бережно обходили их, чтобы не наступить, а самых измученных подобрали и отнесли в каюту отдыхать.

— Они верят нам. Пусть я буду последним негодяем, если их обману,— сказал капитан шхуны, и все с ним согласились.

Белое Перышко сохранил еще достаточно силы, чтобы не упасть на палубу. Он вцепился коготками в крепко натянутый канат над головами матросов. Ветер свистел и рвал канаты, паруса хлопали. Но все же здесь было легче, чем в полете над ревущими волнами.

Наконец все отчетливее стал виден приближающийся берег. Неподвижно сидевшие на снастях птички оживились. Они поворачивали головки, слегка взмахивали крылышками, словно вновь готовясь к полету.

— Те, в каюте-то, ожили, так и стучат в иллюминатор, на волю просятся,— сказал матрос, выходя на палубу.

— Выпусти, когда эти полетят, пускай держатся вместе,— ответил капитан.

В ту же минуту птички, как по команде, вспорхнули над палубой и легкой стайкой понеслись к уже четко обозначившемуся берегу. Ветер утих, лететь было легко.

— Выпускай, выпускай остальных! — закричал капитан.— Ох, а это что за чертовщина?

Большая птица снялась с верхушки мачты и устремилась за зябликами.

Ястребы летят на зимовку поодиночке. Ястреба, который охотился вчера за Белым Перышком, тоже застигла буря, и он, никем не замеченный, опустился на верхушку мачты. А теперь, отдохнув и проголодавшись, он отправился вдогонку за легкой добычей.

Белое Перышко летел впереди стаи и не знал, что их опять настигает враг.

Вдруг он услышал легкий писк, и над его головой мелькнула знакомая тень. Он кинулся было в сторону, но ястреб, не обращая на него внимания, описал полукруг и с добычей в когтях повернул назад к шхуне. До берега еще далековато, а тут, на рее, можно отлично закусить свеженьким зябликом. Он так и сделал, опустился на рею, но закусить ему не пришлось: раздался выстрел, и капитан поставил к стенке каюты дымящееся ружье.

— Выкинь эту дрянь за борт,— приказал он юнге.— Вместе спасались, а как передохнул, так товарища по беде рвать? Настоящий фашист!

Тем временем и выпущенные из каюты зяблики догнали впереди летящих. Ястребок был забыт. Еще несколько минут полета — и стайка с шумом ворвалась в тенистый сад. Африка! Средиземное море, буря, путешествие на шхуне — все осталось позади. Воспоминания не тревожили маленьких путешественников. Солнце сияет, кругом тихо,

а насекомых в листве даже больше, чем на родине. И стайка зябликов обсыпала первое приглянувшееся им дерево так весело, как обсыпала родные березки там, за морем, на делеком севере.

— Бвана, о бвана [1], они здесь!

Черный мальчик взбежал на террасу и усердно принялся колотить в дверь маленьким кулачком. Передохнул и снова начал:

— Бвана, о бвана, они маленькие, совсем маленькие и говорят: пии... пии...

Мальчуган смешно сморщился, стараясь изобразить, как пищат «совсем маленькие».

Дверь наконец отворилась. На пороге, опираясь на палку, показался высокий седой старик. Это был «белый» — англичанин. Но загорел он почти до черноты, и на темном лице странно выделялись светлые голубые глаза.

Мальчик радостно вскрикнул, схватил старика за руку и изо всех сил старался стащить его с террасы в густой тенистый сад.

— Иди же, бвана! — умоляюще повторил он.

Старик улыбнулся.

— Ты мне руку оторвешь, Мбого. Иду, иду. Дай только шлем надену.

Но негритенок уже проворно нырнул в комнату и тотчас примчался торжествующий:

— Вот шлем, бвана! Скорей же! Их много. Они летают и по земле скачут, вот так!

Мальчик присел на корточки и запрыгал, стараясь показать, как скачут и клюют маленькие птички.

Старик засмеялся и шагнул с террасы в сад. Мальчуган бросился за ним.

— Видали, мистер Джексон? Нравится?

Два человека в белом и в тропических шлемах вышли из-за угла дома, как только старик с мальчиком скрылись за поворотом тропинки. Похоже было, что они подсматривали за ними.

— Видали? — повторил тот, что повыше, и засмеялся.

— Невероятно! Возмутительно! — разразился другой, низенький и толстый. Ударом хлыста он раздраженно сбил головку яркого цветка у края тропинки.

— Как черномазый в дверь-то ломился! Стенка гудела! Да я бы за такое нахальство...

Второй срезанный цветок бабочкой взлетел кверху.

— Бвана, скорее! — передразнил высокий.— Пинка бы за такую дерзость! А старикан смеется, точно с белым разговаривает.

— Немудрено, если черномазые взбесятся. Еще бы! Хорош пример! Белый бвана чуть не целуется с негритенком!

---

[1] Бвана — господин.

Это заговорил опять низенький толстяк. Он вытащил большой платок и, вытирая им красное от злости лицо, продолжал размахивать хлыстом с такой силой, что сбитые цветы сыпались во все стороны.

Разговаривая, они прошли мимо домика с террасой и направились к другому такому же в конце широкой тенистой аллеи.

— Послушайте, вот мысль! — крикнул вдруг низенький и схватил высокого за рукав.— Выпроводить его отсюда! Дескать, уважаемый сэр, климат плантации вам вреден, мы заказали вам билет на ближайший пароход в Европу. Катитесь и не оглядывайтесь. Здорово получится, Диринг, а?..

Высокий англичанин насмешливо улыбнулся.

— Невозможно, старикан — какая-то всемирная знаменитость, ученый по птицам. Да не по тем, какие годятся на жаркое. Это я бы понял. А по всякой мелочи, что и за птицу считать не стоит. Академик и все такое. Ну, да с этим мы бы справились. Но ведь Томми Смайс, наш хозяин, приходится ему племянником. А он Смайсу, стало быть,— дядюшкой. Понимаете? Дядюшка хозяина плантации. Такому не так-то просто дать по шее. Даже... если он это очень заслужил... с нашей точки зрения. Эй! Ты куда бежишь, чертенок?

Мальчуган лет двенадцати вдруг выкатился из кустов на дорожку и припустился по ней во весь дух. Заметив белых, он собрался обратно юркнуть в кусты, но от крика высокого остановился и замер на месте.

— Не знаешь, что эта дорога для белых? — свирепо повторил Диринг и шагнул ближе.— Ну, куда тебя несло?

— Бвана Линдгрен,— пробормотал мальчик. От испуга черное лицо его посерело.— Бвана Линдгрен...

Мальчик робко протянул руку: пальцы ее крепко сжимали огромного жука, черного, с ярким узором.

— К черту с дурацкими выдумками! — крикнул Джексон.

Хлыст свистнул, мальчик с воплем исчез в кустах, жук шлепнулся на спинку посередине дорожки и отчаянно забарахтался, стараясь перевернуться. Джексон наступил на него ногой. Диринг хохотал, держась за бока: очень уж смешон был разъяренный коротышка в шлеме, съехавшем набок. Но вдруг он перестал смеяться:

— Мистер Джексон, вы еще не обратили внимания, как чисто чертенята говорят по-английски. А кто их учит? Все тот же проклятый старик. Да ведь если негр так хорошо говорит на языке белых — это уже порченый негр. Он нос задерет, решит, что он не хуже белого. А чертов старик учит обоих еще и читать, и писать. Ну, каково?

— Уч-тем,— с расстановкой проговорил Джексон и поправил на голове шлем. (С африканским солнцем шутки плохи.) Все учтем. Вы, я вижу, Диринг, с этим стариком здорово опростоволосились. Целый год тут торчит. Надо было мне раньше приехать. Ну, да и теперь, надеюсь, не поздно. Подойдите-ка поближе, громко говорить о таких вещах неосторожно.

Они двинулись дальше, подозрительно поглядывая на кусты по сторонам аллеи. Вот они приблизились к домику в конце аллеи, поднялись на террасу и закрыли за собой дверь.

Кусты зашевелились, и на дорожку, робко оглядываясь, вышел мальчик и наклонился над раздавленным жуком. Он потрогал пальцем сломанные крылышки, потом — вспухший рубец на плече и, всхлипнув, погрозил кулаком в сторону ушедших. Этого жука он искал целую неделю, не хуже обезьяны влезал на высокие деревья, над вершинами которых летают красавцы. Бвана Линдгрен был бы так рад. И вот... Мальчик осторожно поднял с земли уцелевшее крылышко. Он покажет его и скажет, что сделали эти злые белые. Крылышко он бережно засунул под пеструю повязку, заменявшую ему штанишки, и еще раз погрозил кулаком:

— Читать буду, писать буду, говорить по-вашему буду.

Между тем Белое Перышко и вся стайка зябликов, уцелевшая при перелете, весело хозяйничали в банановой роще, где их и заметил Мбого. В этом саду, в самом сердце Африки, они чувствовали себя совершенно спокойно. Корма здесь хоть отбавляй. Конечно, ястребы тоже есть, где их не бывает? Но от них можно отлично прятаться в густых зарослях, не хуже, чем у себя дома.

Белое Перышко вкусно позавтракал и тут же, на ветке тенистого дерева, занялся туалетом. Он весело чистился и прихорашивался, перебирал клювом перышки и бойко чирикал. Это было простое чириканье вроде воробьиного. Ну, для Африки и это сгодится. Случайно повернув головку, чтобы расправить перышки на хвосте, он вдруг умолк, словно что-то перехватило ему горло: слабый жалобный писк раздался близко, совсем рядом. Над густым кустом жесткой, как щетка, травы трепетала в воздухе пестрая пташка. Казалось, она отчаянно боролась с чем-то невидимым, а оно притягивало ее медленно, но неотступно. Вот она камнем упала вниз и опять страшным усилием взмыла кверху. Снова падение... И опять взлет, уже пониже... И тут, следуя за ней, плавно, словно тоже взлетая на длинном гибком туловище, из травы поднялась голова змеи. Ее немигающие глаза были неотрывно устремлены на птичку. А та, уже окончательно теряя силы под их взглядом, пискнула и опять камнем упала вниз. На этот раз взлета не последовало, в густых стеблях исчезли и птичка и голова змеи.

— Бвана, о бвана, ты видел? — Мбого, весь дрожа, прижался к старику.

— Видел. Птички нам не спасти, но подожди, сейчас змея ее проглотит, и тогда мы с ней рассчитаемся. Сытая, она быстро уползти не сможет.

— Рассчитаемся! — мальчик улыбнулся, хотя рука, которой он все еще держался за руку старика, приметно дрожала. Но вот он вздохнул, отнял свою руку и решительно загородил старику дорогу.

— Не ходи. Тебя укусит. Дай палку. Я сам пойду. Змея, верно, большой колдун. Она заколдовала птичку. Да?

Старик ласково положил руку на курчавую головенку.

— Змея не колдун, Мбого. Птичка испугалась. От страха ослабели ее крылышки. А ты победил страх, меня защищать собрался. Но все-таки... пойду я. А ты меня здесь подожди, босоногий воин.

Глаза змеи горели злостью, когда старый ученый раздвинул стебли травы. Но яркие перышки птички только что проскользнули в растянутую глотку, и это лишало змею свободы движений. Ловкий удар переломил ей позвоночник, еще и еще... и немигающие глаза потухли.

— Жаль бедную пташку, зато злая гадина не подстережет тебя, Мбого,— спокойно проговорил старик.— Ты можешь донести ее до дома на палке? Не побоишься?

— Мой отец охотник за леопардами,— с гордостью ответил мальчик,— я не боюсь.

Они ушли. А в банановой роще долго царила мертвая тишина. Смертельно напуганные птички молча сидели на ветках, не решаясь пошевелиться.

— Вы не думаете написать хозяину, мистер Джексон? Он прохлаждается себе в Англии и не знает, что дядюшка тут творит.

— Не стоит,— пропыхтел толстяк.— Он этого дядюшку так уважает, что не посмеет приказать ему с плантации убраться назад в Англию или к самому дьяволу. А тем временем черномазые, на него глядя, вовсе от рук отобьются. Я вчера одного плеткой вытянул поперек спины, так, для острастки больше. Не заметил, что старик там болтался. Так вы знаете, какую он мне отзвонил проповедь? Отругал как мальчишку. А негры исподтишка скалились. «Слушаю, сэр»,— сказал я ему. Ну, потом, конечно, отвел душу: дюжину черномазых перепорол на конюшне, всех — которые скалились. И сказал: если ему пожалуются — шкуру спущу. Кто управляющий плантацией, он или я?!

Тем временем уже дома, сидя в плетеном кресле, профессор Линдгрен смотрел на лежавшую на столе маленькую мертвую птичку.

— Зяблик,— сказал он.— Из Европы через Средиземное море, по Африке до самого сердца ее — Кении донесли его маленькие сильные крылышки и храброе сердце. И кончить жизнь в глотке змеи! Мбого, завтра ты сеткой наловишь мне побольше таких птичек. Живых. Осторожно. Знаешь, зачем?

— Знаю, бвана,— весело отозвался мальчик.— На ножки им колечки наденешь. Они улетят в далекую страну, и колечки с ними улетят. Очень далеко, бвана?

— Очень. В этих странах зимой так холодно, что вода становится твердая и называется лед. Потому птички на зиму улетают к нам.

— Лед,— задумчиво повторил мальчик.— Я хотел бы увидеть эту страну. Пусть вода твердая, все равно ее можно сосать, как леденец, правда?

Тут сетка от москитов поднялась, и на пороге появился другой мальчик.

Он засунул руку под кусок материи, заменявший ему штанишки, и протянул профессору крылышко жука.

— Вот, бвана. Ты ведь такого хотел. Я его долго искал. Бвана Джексон раздавил и меня ударил. Смотри!

На плече мальчика ясно выступал рубец.

Даже сквозь загорелую кожу стало видно, как покраснел старик.

— За что ударил? — спросил он резко.

— Ой, бвана, ты же сломал свою авторучку. Я бежал по дорожке для белых. Совсем забыл. Очень был рад.

Линдгрен сидел задумавшись. Все молчали. Сломанная ручка со стуком упала на пол. Старик поднял голову.

— Дай крылышко, Гикуру. Спасибо тебе. А с Джексоном я поговорю сам.— Он помолчал и, встав, договорил решительно: — А теперь за урок. Вы не забыли выучить, что я вам задал?

— Не забыли,— весело отозвался Гикуру, но, взяв с полки книгу, вдруг задумался и проговорил совсем другим, твердым голосом:

— А я не уеду в далекие страны, не буду сосать воду, как леденец. Я хочу, чтобы здесь бвана Джексон не бил нас за то, что мы черные.

Учитель и ученики так увлеклись уроком, что не заметили, как от окна, затянутого занавеской от москитов, осторожно отошли две фигуры в белом — высокая и низенькая.

— Вы слышали, мистер Джексон? — проговорил Диринг, как только они оказались достаточно далеко.

— Слышал,— прохрипел толстяк.— Наслушался досыта. В Англию писать Томми нечего, надо самим тушить пожар, пока не разгорелся. Идем, Диринг, подальше от зарослей, на чистое место. Кто знает, чьи проклятые черные уши могут нас подслушать.

Достойный управляющий и его помощник так быстро зашагали по аллее, словно земля уже начинала гореть у них под ногами.

— Поймали! Поймали, о бвана! Мбого и Гикуру, приплясывая на месте от радостного волнения, крепко прижимали к земле края сетки. В ней отчаянно билось десятка два зябликов.— Помоги, бвана, вырвутся!

— Не вырвутся! — Линдгрен, в увлечении забыв о больной ноге, одним скачком оказался возле сетки и прижал к земле опасный край.— Кончено! Гикуру, где кольца?

— Здесь, бвана! — Гикуру вытащил горсть тонких металлических полосок из той же набедренной повязки. Она одна заменяла ему дюжину карманов. Положив полоски на землю, мальчик осторожно достал из-под сети бьющегося зяблика.— Вот. Надевай, бвана!

Один, другой, третий... зяблики по очереди получали блестящее колечко и, смертельно перепуганные, мчались вверх, вниз, в стороны, надеясь ускользнуть от страшного врага, вцепившегося в ногу. Они в ужасе метались, пока приходила привычка и от этого уменьшался страх.

— Если кто-то далеко, в другой стране, поймает такую птичку,— продолжая работать, говорил профессор,— то напишет... э-э-э... а что это такое?

В его руке, чуть дыша, притаилась последняя птица. Это был Белое Перышко. На правой ножке его блестело латунное колечко. Свободной рукой профессор вытащил из кармана лупу и поднес ее к гла-

зам. Птичку — тоже. Перышко чуть вздрогнул: рука держала его осторожно, но твердо, не вырвешься.

— Москва! — прочитал профессор, и голос его неожиданно дрогнул.— Мбого, Гикуру, понимаете ли вы, что это значит? Откуда он прилетел? Из страны, где вода превращается в лед.

Мальчики бросили пустую сетку в траву и нагнулись к тоненькой ножке с крохотным, чуть видным колечком. Их курчавые головы столкнулись, но они этого не заметили.

— Как же там живут черные люди, если там холодно? — спросил Мбого.— У них нет теплой одежды, как у белых.

— Черных там совсем мало. И они работают, как белые, купят себе, что нужно. Там нет разницы между белыми и черными,— рассеянно отвечал профессор. В эту минуту его больще интересовали колечко и зяблик.

— Разницы нет! Белые и черные, разницы нет? Как это может быть, бвана?

Мбого проговорил это так изумленно, что профессор на минуту отвлекся от зяблика.

— Да говорю тебе, там белые, черные, желтые люди все равны,— повторил он немного нетерпеливо.— Все равны, во всем. Ну, Гикуру, дай же мне колечко. Скорее! Нельзя так долго мучить птицу, она может умереть от страха.

Гикуру молча подал блестящую полоску. Он стоял не шевелясь, крепко сжав руки.

— Надень колечко, бвана,— медленно проговорил он.— Пусть птичка отнесет его в такую хорошую страну. Дай, я потрогаю колечко хорошей страны. Как ее зовут, бвана?

Рука мальчика дотронулась до крошечного колечка так осторожно и почтительно, что профессор Линдгрен почувствовал, что ему на минуту затуманило глаза и сжало сердце. Он кашлянул и перевел дыхание.

— Ее зовут СССР,— ответил он и, помолчав, добавил: — Я и раньше думал, что это неплохая страна. Но, кажется, гм, кажется, это удивительно хорошая страна.

День уже сменился вечером, за вечером пришла ночь, а профессор Линдгрен все сидел в темноте, не зажигая лампы у письменного стола, и думал.

Научная работа закончена, итоги подведены. Можно укладывать чемоданы. Только все ли итоги подведены?..

«Дай, бвана, я потрогаю колечко хорошей страны». Как он это сказал! И еще... «белые, черные, разницы нет. Как это может быть, бвана?»

Эти — Диринг и, как его, Джексон — негодяи. Ну, им и попадало от него за жестокость с неграми. Возмутительно. Но что делать дальше, как это в корне изменить — об этом он раньше не задумывался. Времени как-то не хватало. А вот сегодня...

Эти малыши нашли такие простые слова, и профессор Линдгрен сам еще не знал почему, но что-то шевельнулось в его душе.

Старый профессор порывисто отодвинул кресло, встал, не зажигая света, прошелся по комнате и опять опустился в кресло.

— Да, белые и черные равны, должны быть равны... Об этом по-настоящему задумаешься, когда поживешь на такой дьявольской плантации.

«Как это может быть, бвана?» Да, похоже, эти малыши меня здорово растревожили...

Старик снова встал и в волнении зашагал по комнате, не замечая темноты, натыкаясь на стулья.

Он, собственно, всегда интересовался больше птицами. А эти черные мальчишки так быстро научились болтать по-английски, привыкли к хорошему обращению. Они его здорово развлекали.

А ведь все это кончится с его отъездом. Уж Джексон на них отыграется!

Профессор живо представил себе рубец на плече Гикуру и сжал кулаки.

Похоже, что он сыграл с малышами злую шутку: приоткрыл дверь, показал лучшую жизнь, и дверь эта с его отъездом захлопнется. Лучше было и не открывать. А может быть, лучше... не закрывать?

Старик вздрогнул. Точно кто-то другой, из-за спины подсказал ему этот вопрос. Что же делать?

Вдруг маленькая рука дотронулась до его руки.

— Это я, Гикуру,— услышал он тихий шепот.— Бвана, слушай скорее, скажу очень плохое. Я за кустом слушал. Бвана Диринг и Джексон сказали: ты очень много знаешь, все скажешь хозяину, нельзя тебя отпустить. Ты поедешь в Найроби. Твой шофер больной, ты возьмешь другого, он очень плохой человек. Машина пойдет скоро, скоро, шофер повернет ее и спрыгнет. Машина упадет в пропасть. И ты упадешь. Потом они напишут хозяину: «Очень жаль, Ваш дядя один поехал и свалился». Потому что ты не велишь бить негров. А их все равно очень побили. В сарае лежат. И еще бвана Джексон сказал: «Маленькие черные негодяи. Как старик уберется, я с них шкуру спущу». Это я и Мбого. Он очень хорошо умеет шкуру спускать.

Вот она — дверь, которая захлопнется с его, Линдгрена, отъездом. И по его вине.

Профессор закрыл ставни и, наконец, зажег свет.

Мальчик смотрел на него большими печальными глазами.

— Я буду жить, бвана, пока ты здесь. Я и Мбого. Потом бвана Джексон спустит шкуру.

Старик прихрамывая прошел по комнате. Раз, еще раз и еще... Затем остановился.

— Иди спать, Гикуру,— сказал он решительно.— И ничего не бойся. Ничего.

Печальные глаза мальчика засияли.

— Я уже не боюсь, бвана,— просто сказал он. И тихо вышел.

Линдгрен снова прошелся по комнате. Потом быстро открыл ящик стола, вынул что-то и задумчиво взвесил на руке.

— Что же? — проговорил он вдруг не своим обычным спокойным, размеренным голосом, а живым, словно помолодевшим.— Шкуру, мистер Джексон? Попробуйте добраться!

Он передвинул предохранитель, сунул пистолет в карман и, опускаясь в кресло, вытащил из нагрудного кармана авторучку.

— Спать, пожалуй, сегодня не придется,— пробормотал он, придвигая к себе стопку бумаги.— Шкуру, мистер Джексон? Нет! Этой двери вы не захлопнете!

Старая Ванжику чуть не перевернула на очаге горшок с похлебкой, к которому она подгребала горячие уголья. Еще бы! К хижине шел сам старый бвана Линдгрен, дядя хозяина. Он ласково ей улыбнулся. Первый раз в жизни белый улыбнулся ей.

— Джамбо [1],— сказал белый бвана.— Гикуру! Мбого!

Всклокоченные головенки просунулись в выходное отверстие. Двери в хижине не было.

— Гикуру,— проговорил профессор Линдгрен,— позови отца, будешь переводчиком.

Через минуту в дверном отверстии показалась высокая черная фигура.

— Джамбо! — приветливо повторил Линдгрен.— Гикуру, переводи. Я скажу отцу о тебе и Мбого. Важное.

Гикуру, полный гордости, быстро проговорил что-то, повернувшись к отцу.

Высокий человек почтительно наклонил голову.

— Отец говорит, — торопливо переводил Гикуру,— ты добрый бвана, он знает, ты не скажешь плохого.

Пока длился разговор, мать скромно отошла в сторону, даже отвернулась. Не годится женщине слушать разговор мужчины, да еще с белым господином. Но чуткие уши ловили каждое слово, ведь говорили-то о жизни мальчиков, ее черных мальчиков. Она любила их не меньше, чем белые матери любят своих белых детей.

Линдгрену послышалось, будто кто-то тихо застонал. Он оглянулся. Мать стояла, прижав руку к сердцу. Подумать только! Бвана хочет увезти ее детей в страну белых людей. И учить их там всему, что знают белые. А как же она?

Но Ванжику поймала суровый взгляд мужа и, быстро отвернувшись, наклонилась, притворяясь, что ищет что-то на земле. Только бы он не приказал ей отойти дальше, откуда не слышно разговора. А Гикуру хитрый, он понял, что творится в сердце матери, и нарочно говорит так, что до нее доносится каждое слово.

Нет. Она не согласна, это ее дети. Она никогда с ними не расстанется. Пусть Кидого, муж, говорит что хочет. Она мать! Она их вырастила.

Но что еще говорит Гикуру? Он слышал, управляющий обещает убить, замучить ее мальчиков, когда добрый бвана уедет? О, тогда...

---

[1] Джамбо — здравствуй.

Пусть добрый бвана возьмет их. Пусть она, Ванжику, никогда их больше не увидит. Но они будут счастливы, всегда сыты. И узнают все, что знают белые люди. А Кидого уже согласен. Он отдал детей белому господину. Ее он и не спросил.

Ванжику опустилась на землю, закрыла голову руками. Пусть будет так. Но в эту минуту она никого не может видеть. Никого! Даже детей!

Ванжику не видела, как старый бвана протянул руку Кидого. И смелый охотник за леопардами взял ее обеими руками, колеблясь и радуясь.

— Я днем охраняю поля хозяина от павианов. Ночью подстерегаю леопардов, которые воруют скот хозяина. И днем и ночью я буду думать о тебе, бвана, и просить богов, чтобы они были к тебе благосклонны,— сказал он.

Ванжику не слышала этого.

Кто-то положил ей руку на голову и говорил с нею тихо и ласково. Потом мальчики со слезами обняли ее. Но она не шевелилась, точно окаменела...

А Линдгрен уже торопливо шел обратно по той же тропинке. Шел и сам удивлялся тому, как уверенно и твердо ступает его больная нога, будто и ей стало легче: все сомнения и нерешительность остались позади.

— Гикуру, позови ко мне управляющего и помощника,— проговорил он, войдя в свою комнату, словно ему было противно назвать их по имени.

Гикуру пустился по дорожке, соображая на ходу, как бы, выполнив приказ, увернуться от хлыста бваны Джексона: уж очень ловко он дерется.

Однако увертываться не пришлось. Выслушав Гикуру, господа молча повернулись в креслах и уставились друг на друга.

— Новый курс...— протянул Диринг.— Никогда еще нас он не требовал, точно мы его подчиненные.

— А может быть, он купил плантацию у болвана племянника? — соображал Джексон.— Старикан здорово богат, что ему стоит. Ну, пошли, посмотрим, с чего это он без нас соскучился.

— Не пронюхал ли чего...— начал было Диринг.

— Язык у вас во рту не помещается! — вскипел Джексон, вскакивая со стула.— Эй ты, черномазый, долго на нас любоваться будешь? Брысь!

Гикуру послушался весьма охотно.

Достойные приятели не спеша двинулись по аллее с самым независимым видом, но с немалым смущением в душе.

— Войдите! — профессор Линдгрен сидел лицом к двери, за письменным столом. Не протягивая руки, кивком головы он показал на два стула около двери. Похоже было, что они поставлены так нарочно.

Лицо профессора было спокойно, голос звучал ровно, но на дерзкий взгляд Диринга он ответил таким взглядом, что тот, незаметно для

себя, сел на самый кончик стула, забыв, что собирался на нем непринужденно развалиться.

Круглая физиономия Джексона сияла добродушием.

— Дорогой сэр,— начал он самым приветливым тоном,— я чрезвычайно...

— Я пригласил вас обоих,— спокойно заговорил профессор, не обращая внимания на это вступление,— пригласил вас, чтобы сообщить следующее: я завтра уезжаю, беру с собой Гикуру и Мбого.

— Однако,— начал Джексон приподнимаясь.

— Гикуру и Мбого,— повторил профессор, словно не замечая попытки Джексона перебить его.— Еду в Найроби в своем автомобиле, но с вашим шофером, мой шофер болен, вы это обстоятельство учли.

Джексон шевельнулся на стуле и посмотрел на Диринга, тот глазами посоветовал молчать.

— Моего больного шофера и вещи повезет ваш второй шофер. Мистер Смайс знает о сроке моего выезда и надеется...— тут профессор выдержал паузу и пристально посмотрел в бегающие мышиные глазки Джексона,— надеется, что я миную все опасные места дороги, например, пропасти, и благополучно доеду по Найроби. Все! Можете идти, джентльмены.

Но джентльмены, казалось, потеряли способность и ходить и соображать. Они продолжали сидеть, уставившись вытаращенными глазами на спокойное лицо старика. Только под Джексоном поскрипывал стул в такт его хриплому дыханию.

Вдруг стул скрипнул громко и отлетел в сторону: Джексон вскочил и шагнул к столу.

— Это... это угроза? — прохрипел он.

— Предупреждение,— по-прежнему спокойно ответил Линдгрен.— Внимательно выберите шоферов. Вы свободны, джентльмены.

Джексон повернулся к все еще сидевшему Дирингу.

— Ну...— начал он.

Линдгрен опустил руку в карман и положил на стол пистолет.

— Не стоит,— посоветовал он почти дружелюбно.— Я, знаете, попадаю в муху на стене. И кроме того... мистер Смайс действительно огорчится, если я вместо Найроби попаду в пропасть. Довольно! — Линдгрен вдруг резко переменил тон и встал.— Автомобили завтра к восходу солнца. Идите!

Управляющий и его помощник почти бегом проскочили аллею до своего домика, не сговариваясь, обогнули его и только на середине просторного двора оглянулись и остановились.

— Измена! — прошептал Джексон.

Как ни велика была его ярость, но об осторожности он и тут не забыл.

— Кто, сто тысяч чертей, подслушал и выдал нас старику?

Диринг молча озирался, ища, на ком бы сорвать злость. Не найдя,

выхватил хлыст, перегнул его через колено, сломал и, размахнувшись, запустил обломки по воздуху с такой силой, что они свистнули улетая.

— Три часа жарил бы негодяя. Живьем! Но кто? Как узнать? Он опять оглянулся, швырнул на землю шляпу и с яростью стал топтать ее ногами.

— Дурака не валяйте! — Джексон грубо дернул его за руку.— А может, все-таки попробовать? Несчастный случай в дороге? А?

— С бабушкой своей пробуйте,— огрызнулся Диринг.— Старый черт нас перехитрил. И насчет мухи он правильно сказал. Я сам видел, как он стреляет. Пускай убирается. Белых свидетелей нашего замысла нет. А черномазые — не свидетели, хоть целая сотня наберется!

Ванжику чисто выстирала набедренные повязки мальчуганов. Это было все, что она могла собрать им в дорогу. Всю ночь она просидела в хижине, прислушиваясь к их сонному дыханию. Коротка была эта ночь для материнского сердца. Кто знает, придется ли ей еще услышать дыхание сыновей?..

Кидого держался мужественно. Утром, когда настала минута прощания, он молча поочередно положил руку на курчавые головы сыновей, и рука его не дрогнула. Кидого был прославленным победителем леопардов.

Ванжику стояла за его спиной.

— Подойди и пожелай им счастья,— коротко приказал он и посторонился.

И тут материнское сердце не стерпело: с воплем обняла она детские шейки да так и застыла. Еще минута — и старый профессор тоже не выдержал бы, но Кидого твердой рукой сжал плечо жены.

— Отпусти, не посылай им слез на дорогу! — сказал он.

И она послушалась... как привыкла слушаться его всю жизнь. Опустила руки и молча смотрела, как потрясенные, заплаканные дети жались друг к другу на заднем сиденье автомобиля.

Профессор потрогал рукой горло, точно воротник стал ему тесен.

— Гикуру,— сказал он хриплым голосом.— Скажи матери, я клянусь, вам будет хорошо, и она снова увидит вас.

Мальчуган, всхлипывая, пролепетал что-то, но Ванжику, казалось, ничего не слышала. Кидого поднял руку.

— Прощай, бвана,— проговорил он.— Прощайте, сыновья!

Еще пыль на дороге не улеглась, а шум двух автомобилей затих за первым поворотом. И тут Кидого сделал то, что запрещала делать гордость воина, но подсказало сердце: он подошел и взял Ванжику за руку.

— Пойдем,— ласково проговорил он.— Не плачь, наши дети ушли по дороге к счастью.

Так, рука об руку, душа с душой в общем горе, вернулись они в свою жалкую хижину, полные дум о детях, вступивших на дорогу белого человека.

— Мой дядюшка?.. Над этой историей можно здорово посмеяться. Всем... кроме меня. Потому что денег у дядюшки куча, ему семьдесят лет, и я его единственный наследник.

— Но, Томми, это же великолепно. При его возрасте вам наследства долго ждать не придется. А это надежнее, чем какая-то плантация в Кении, которой вы и в глаза не видели и управлять не умеете. Почему же вам и не посмеяться?

Такой разговор вели два молодых человека после веселого обеда в одной из богатых квартир Лондона.

Тот, кого звали Томми, встал и сердито заходил по комнате.

— Из-за плантации старик и сбесился в Африке. Ему нужно... Нет, вы подумайте! Ему нужно, чтобы негры получили равноправие. Хлопочет об этом. Деньги швыряет целыми кучами на борьбу за счастье черномазых. А на счастье племянника ему наплевать. Поняли, Джимми?

— Да-а,— протянул Джимми.— Смеяться-то вам, пожалуй, не с чего. А если потолковать с ним по-хорошему?

— Все равно, что с бешеным слоном. Хуже: он из Африки вывез пару негритят. И как вы думаете, что он с ними сделал?..

— Одел их понаряднее и выучил прислуживать за столом? — догадался Джимми.— Что же? Это чертовски шикарно!

— В СССР отправил! — воскликнул раздраженно Томми.— Через советского консула в Александрии. Они там здравствуют, письма ему шлют, и он отвечает...

— А если парочку докторов найти поумнее,— предложил Джимми.— Целую комиссию даже. Насчет умственных способностей. И назначить опеку. Тогда денег-то тратить на негров ему не дадут.

Томми махнул рукой.

— Не выйдет. Он ведь мировая знаменитость. Пять академий взбесятся. А что он племянника разоряет, им и горя мало.

Третий молодой человек не принимал участия в разговоре, он внимательно слушал. Он встал и молча направился к выходу.

— Боб, ты куда? — окликнул его хозяин.— Мы же только начали веселиться.

Уходивший остановился уже в дверях и обернулся.

— Иду засвидетельствовать свое почтение профессору Линдгрену,— проговорил он.— Я знал, что он большой ученый, но только сейчас узнал, что он и большой души человек.

Дверь захлопнулась.

Томми сжал кулаки и шагнул было за ушедшим, но остановился и неестественно засмеялся.

— А ну его! Такой же порченый, как и мой дядюшка. Давайте веселиться, Джимми!

Происшествия эти меньше всего касались веселой стайки зябликов в банановой роще. Кольца на ножках уже давно перестали их беспокоить, даже Белое Перышко, дважды окольцованный, не обращал на них внимания. Как удивились бы птички, если бы знали, что на ро-

дине с нетерпением ждут их возвращения. Письмо профессора Линдгрена об удивительном зяблике с кольцом из Москвы и белыми перышками на хвосте давно пришло в бюро кольцевания, в котором работал дядя Петя. А потом о нем узнали и Арсик с Колей.

— Куцый, ведь это тот самый зяблик, которого ты слопать целился. Вот! Читай сам!

Кот Моисей обнюхал подставленную к самому его носу бумажку, презрительно отвернулся и прыгнул на диван: ерунда! И нюхать не стоило.

Моисей любил тепло и потому, пока за окном трещал мороз, садом не интересовался. Его время придет, когда все зазеленеет и запоют веселые птицы.

А сейчас они по-воробьиному чирикали в далекой Африке. Будущие опасности при возвращении на родину их не страшили: в маленьких головках хватало места лишь для забот о сегодняшнем дне.

Но время шло. Давно уже профессор Линдгрен доехал до Англии. Гикуру и Мбого привыкали к стране, где зимой вода твердая, как леденец, и оказалось, что жить в этой стране хорошо и весело.

А вот жизнь зябликов в банановой роще вдруг перестала быть приятной. Червяки и мошки Африки уже не казались им такими вкусными, как раньше. И Белое Перышко опять ощутил в груди забытое томление: что-то звало, манило, и с этим нельзя было бороться. Да он и не пробовал бороться: легкие крылышки уже несли его вперед. Нет, назад, назад, на милую родину. А с ним понеслась и вся стайка зябликов. Роща вдруг опустела и умолкла.

Если бы старый профессор был еще там, он бы сказал: «Лети, лети, Белое Перышко, и пусть ни один ястреб не встретится на твоем пути».

Самое удивительное было то, что профессор так и назвал его в своем письме в бюро кольцевания, указал примету — белые перышки на хвосте. По этому признаку дядя Петя, а с ним и Арсик с Колей и узнали его и с нетерпением ждали маленького путешественника. Около гнездышка на старой осине они устроили дежурство. Прилетит ли? Вспомнит ли о своем гнезде? Они тщательно осмотрели и подправили проволоку на стволе осины: не наведался бы и Моисей к заветному гнездышку.

Весной на родину все перелетные птицы летят вдвое скорее. Погода на этот раз благоприятствовала перелету. Море было ясное, а легкий попутный ветерок помог пичужкам без потерь долететь до солнечной Италии. А там уже над твердой землей сама весна их подгоняла. На полях еще белел снег, на деревьях набухали, но еще не лопнули почки, а усталые веселые зяблики были уже дома.

Белое Перышко опустился прямо на ветку старой осины, около растрепанного зимними бурями гнездышка. Облетел его кругом, сел на ветку, наклонив головку, сосредоточенно осмотрел. Плохо. Ну, ремонт — не его дело. Строить гнездо будет подруга. Его дело — приносить и подавать ей веточки и стебельки моха. А пока можно,

наконец, вздохнуть полной грудью и спеть ту песню, которая столько месяцев дремала в серебряном горлышке.

— Я говорил тебе, он обязательно прилетит. Возьми бинокль Видишь? Два колечка и на хвосте белые перышки. Даже ловить, пугать не надо, все понятно. Номер на колечке тоже знаем. Профессор Линдгрен написал дяде Пете.

Мальчики, затаив дыхание, передавали друг другу бинокль. Он! Он! Ну, разве не чудо!

— Дяде Пете скорее! По телефону! — заговорил наконец Арсик.— Нет, я сам поеду. С ним в интернат надо, за Гикуру и Мбого. Со мной их не пустят, скажут — маленький. Помнишь, мы им обещали, как Белое Перышко прилетит,— за ними приехать. Они ведь еще не слышали, как он поет!

Коля молча кивнул головой и улыбнулся. Ох уж этот Арсик! И как у него язык за словами успевает.

— Поезжай,— сказал он, когда Арсик совсем задохнулся от волнения и на минуту остановился.— Я дяде Пете по телефону скажу, что ты едешь. А сам тут караулить буду. У меня душа не терпит, все бы смотрел. Из Африки! Ну, бегу к телефону, я быстро!

Мальчики убежали. Все стихло.

— Фтю-фтю-фтю-ди-ди-ди...— Белое Перышко умолк и, склонив головку набок, точно прислушивался к звукам своей собственной песенки, которая, казалось, еще звенела в весеннем воздухе.

— Ди-ди-ди... эй, нахал, тебя чего сюда занесло? — Песенка оборвалась скрипучим воинственным звуком. Белое Перышко пулей кинулся вслед удиравшему зяблику.— Это тебе не Африка, здесь мое гнездо.

Чужой зяблик не спорил, вид у Белого Перышка был уж очень воинственный. Кружась и сшибаясь в воздухе, птицы исчезли в глубине сада.

А это что? Высоко над верхушками деревьев с другой стороны сада появилась целая стайка зябликов. С тихим свистом и чириканьем они неслись дальше, дальше, видимо, очень торопились. И тут же им навстречу устремился Белое Перышко — победитель. Ну и драка теперь начнется!

Драки не последовало. С нежным взволнованным чириканьем Белое Перышко взмыл вверх, навстречу стае и опустился на ветку около гнезда. Трепеща крыльями, поднял голову, надул горлышко, точно приготовился петь.

И вдруг навстречу этой еще не спетой песне от стаи отделилась маленькая серая птичка и спустилась вниз, тоже на ветку, рядом. На ее крылышках белых полосок не было. Белое Перышко весь распушился от волнения, вспорхнул и снова сел поближе. Нет, он не собирался драться, ведь это была она, подруга из далекой Африки, и ее звало и тянуло к тому же растрепанному зимними бурями гнезду.

Они быстро договорились. Весело перекликаясь, поиграли в воздухе, закусили тем, что попалось на глаза, и опять вернулись к тому, что их так привлекало,— гнезду. Белое Перышко не принимал участия

в осмотре, он порхал вокруг и то принимался за свою песенку, то обрывал ее, не закончив.

— Сюда, сюда, Мбого! Вот на этой осине. Гикуру, возьми мой бинокль!

Между деревьями замелькали люди, взрослый и три мальчика. Шли осторожно, старались не шуметь.

Маленькая черная рука подняла бинокль к лицу.

— Вижу,— сказал мальчик, старательно выговаривая русские слова.— Очень вижу. Это наш, наш уайт Фивер, как это?

— Белое Перышко! — в восторге подхватил Арсик.— Мы его так еще летом назвали за перышки на хвосте.

— Профессор Линдгрен тоже так называл там, в Кении,— сказал черный мальчик.— Надо очень скоро ему написать, он будет очень... как это?

— Очень рад,— подсказал высокий человек.— Ты, Гикуру, все лучше говоришь по-русски.

— Я очень учусь,— серьезно ответил мальчик, неохотно отдавая бинокль брату. Но ведь и Мбого не терпелось посмотреть на старого знакомого.

— Может быть, осенью он опять прилетит к вам в Кению и кто-нибудь поймает его! — воскликнул Арсик.

— Может быть,— ответил Гикуру.— Только профессор Линдгрен больше туда не поедет. Он очень старый и очень больной. А я и Мбого — мы поедем, когда будем много-много знать, как советские люди. Профессор Линдгрен так сказал, когда нас привезли в вашу страну. На каникулы мы к нему поедем, в Англию. Он так сказал.

— Тише,— перебил его Мбого.— Слушайте!

В эту минуту Белое Перышко принес и вежливо подал подружке еще одну веточку, а сам опустился около гнезда на ветку и, трепеща крылышками, надув горлышко, запел. Ради этого гнезда, ради будущих крошек-детей он перелетел море, леса, реки и речушки. И теперь, пока подруга вплетала в гнездо принесенную им веточку, он, сидя около нее, заливался своей лучшей песней, какой никто и никогда не слышал в Африке. Потому что это была песня о семье, о новой жизни, которая скоро проснется в голубых чудо-яичках.

Мальчики слушали не шевелясь. И когда маленький певец вспорхнул и умчался за новой веточкой для гнезда, Гикуру провел рукой по лицу и сказал тихо:

— Так будем петь мы в Африке, когда завоюем свободу.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОВЕСТИ

РАМ И ГАУ
7

ОСТРОВ МУЖЕСТВА
86

БОЛОТНЫЕ РОБИНЗОНЫ
186

РАССКАЗЫ

ДЖУМБО
258

ДВА ВОЛЧОНКА
275

ВИТЮК
296

КРАСНАЯ ЛЕНТОЧКА
302

ВЫДРА ПОЛЬСКОГО КОРОЛЯ
308

ТИГРЕНОК ГУЛЬЧА
315

БЕЛОЕ ПЕРЫШКО
326

Для детей среднего старшего школьного возраста

Радзиевская Софья Борисовна

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

Переиздание

Редактор Л. Н. Жаркова
Художник А. Р. Туманов
Фотопортрет З. Г. Баширова
Художественный редактор Р. Г. Шамсутдинов
Технический редактор С. Г. Ахметзянова
Корректоры З. Г. Абрарова, Н. И. Максимова

ИБ № 2596

Сдано в набор 30.04.81. Подписано в печать 4.12.81. Формат 70×90$^1/_{16}$. Бумага типографская № 3. Гарнитура литературная. Печать офсетная. Учет.-изд. л. 27,0. Усл. печ. л. 25,7. Усл. кр. отт 26,1. Тираж 200 000 экз. (3-й завод 800 001—120 000 экз.) Заказ Н-356. Цена 95 коп.

Татарское книжное издательство. Казань, ул. Баумана, 19.

Полиграфический комбинат им. Камиля Якуба Государственного комитета Татарской АССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Казань, ул. Баумана, 19.

Татарское книжное издательство
в 1981 году выпустило
на русском языке книги
для детей и юношества:

А. Алиш. СКВОРЦЫ И СТАРЫЙ ВОРОБЕЙ

О. Бальзак. ОТЕЦ ГОРИО

В. Бианки. РАССКАЗЫ И СКАЗКИ

И. Винокуров. ВЕСЕЛЫЙ ТЕРЕМОК

М. Джалиль. КРАСНАЯ РОМАШКА

О. Клементьева. ЯНИК, ТАНЯ И СОБАКА ЖОЛЬКА

К. Насыри. СКАЗАНИЯ О МУДРОМ АБУ-АЛИ-СИНЕ

А. Чехов. БЕЛОЛОБЫЙ

С. РАДЗИЕВСКАЯ